РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Ю.В. Ирхин

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Учебник

Рекомендовано Учебно-методическим объединением университетов России в качестве учебника для студентов высших учебных заведений по курсам: «Социология культуры», «Политическая социология», «Социология международных отношений»

Издательство
«ЭКЗАМЕН»
МОСКВА
2006

УДК 316.7(075.8)
ББК 60.56
И77

Рецензенты:

Ю.М. Павлов - доктор философских наук, профессор Московского государственного университета;

О.Ф. Шабров - доктор политических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ;

ВТ. Джангирян - кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой международных отношений Российского университета дружбы народов

Ирхин, Ю.В.
И77 Социология культуры : учебник / Ю.В. Ирхин. — М.: Экзамен, 2006. — 525. [3] с. — (Учебник для вузов).

ISBN 5-472-01217-1

В пособии комплексно рассматривается влияние общей и политической культуры на развитие различных обществ и цивилизаций, их политику и политическое поведение. Оно представляет собой междисциплинарное, инновационное исследование.

В учебном пособии рассмотрен следующий круг проблем: теория и методология изучения культур и их сравнительного анализа; особенности влияния культуры на политическое развитие обществ Запада, России, Востока и Африки; взаимодействие культур и цивилизаций в условиях глобального развития человечества. В работе широко использованы междисциплинарный, сравнительный и кросскультурный подходы.

Для студентов, аспирантов, преподавателей, политиков, дипломатов, менеджеров, работников культуры и государственных служащих.

УДК 316.7(075.8)
ББК 60.56

Подписано в печать с диапозитивов 24.06.2005. Формат 60x90/16.
Гарнитура «Тайме». Бумага типографская. Уч.-изд. л. 36,14.
Усл. печ. л. 33.00. Тираж 20 000 экз. (1-й завод - 3000). Заказ № 2013.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 5-472-01217-1

© Ирхин Ю.В., 2005
© Издательство ***«ЭКЗАМЕН»,*** 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ **7**

ВВЕДЕНИЕ **9**

Часть I. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 1. Культура как мера развития человека и общества 12
1. Понятие культуры 13
2. Функции культуры 25
3. Культура как подсистема общества 26
4. Подходы к изучению культуры 31
5. Компаративистский анализ различных культур 37

Глава 2. Цивилизационное воплощение культурной матрицы 40
1. Подходы к изучению цивилизации 41
2. 0 соотношении культуры и цивилизации 48
3. Институциональная матрица и кросскультурный анализ 53

Глава 3. Понятийно-функциональные основы политической культуры 59
1. Понятие политической культуры общества 60
2. Роль политического языка 68
3. Уровни и структура — элементы политической культуры общества 69
4. Традиция, опыт, национальный характер, миф и религия в политической культуре 81
5. Политическая культура и политическая система общества 88
6. Политическая культура и политическое сознание общества 94
7. Функции политической культуры 97

Глава 4. Методология сравнительного анализа политических культур 101
1. Типологизация политической культуры 102
2. Анализ политической культуры **в** связи с характером власти в обществе 103
3. Ориентационно-поведенческий подход 105
4. Цивилизационный и кросскультурный анализ политических культур 112

ЧАСТЬ V. К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР ОБЩЕСТВ ЗАПАДА, РОССИИ И ВОСТОКА

Глава 16. Цивилизационно-культурное содержание и противоречия глобализации 471
1. Глобализационный вызов 471
2. Правовые и этические принципы взаимодействия культур и цивилизаций 480

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 488

ПРИЛОЖЕНИЕ 491

Деюшрация принципов толерантности (Декларацпя принципов терпимости принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО на **ее** 28-й сессии 16 ноября 1995 г.) 491

Декларация и программа действий ООН в области культуры мира 494

Г.А. Алмонд, С. Верба
Гражданская культура и стабильность демократии 503

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 520

Часть IV. КУЛЬТУРНАЯ МАТРИЦА И ГЕНЕЗИС ВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ

Глава 11. Культурные и цивилизационные особенности развития Востока 288
1. Культура и модернизация Востока 289
2. Дихотомии «Восток — Запад» 304
3. Характер восточного политического процесса 310
4. Особенности управленческой культуры (опыт Японии) 313
5. Этические принципы управления: сравнительный опыт США и Японии 331

Глава 12. Принципы конфуцианской культуры и трансформации Китая 339
1. Цивилизационная матрица политической культуры Китая 340
2. Влияние конфуцианства на культуру и политику Китая 344
3. Черты китайского менталитета 356
4. Особенности политической культуры Китая 362

Глава 13. Своеобразие культурного и цивилизациоиного развития Индии 376
1. Параметры индийского сообщества 377
2. Духовные и цивилизационные основы индийского общества 381
3. Особенности политической культуры Индии 396
4. Принципы стратегического партнерства между Россией и Индией 407

Глава 14. Политическая культура арабских стран 411
1. Цивилизационные доминанты политической культуры арабского мира 412
2. Особенности политической культуры исламского мира 433
3. Специфика арабского менталитета 445

Глава 15. Ценности и смысл политической культуры африканского сообщества 450
1. Общество и культура в Африке 451
2. Особенности африканской политической культуры 463

ЧАСТЬ V. К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР ОБЩЕСТВ ЗАПАДА, РОССИИ И ВОСТОКА

Глава 16. Цивилизационно-культурное содержание и противоречия глобализации 471
1. Глобализационный вызов 471
2. Правовые и этические принципы взаимодействия культур и цивилизаций 480

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 488

ПРИЛОЖЕНИЕ 491

Декларация принципов толерантности (Декларация принципов терпимости принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО на ее 28-й сессии 16 ноября 1995 г.) 491

Декларация и программа действий ООН в области культуры мира 494

Г.А. Алмонд, С. Верба
Гражданская культура и стабильность демократии 503

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 520

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое учебное пособие разработано на основе опубликованной авторской программы учебного курса.[1] Развернутая программа курса представлена и в Интернете.[2]

В пособии комплексно рассмотрены основные теоретические и методологические подходы к изучению культуры; показаны особенности влияния политической культуры на социально-политические трансформации обществ Запада, России, Востока и Африки.

На основе богатого исследовательского материала дается сравнительный анализ взаимодействия культуры и политики в западно-европейском, американском, канадском, российском, индийском, китайском, японском, арабском и африканском сообществах. Очерчены проблемы диалога и противодействия культур в условиях глобализации.

Автор учебного пособия:

Ирхин Юрий Васильевич, доктор философских наук, профессор, академик Академии гуманитарных наук и Академии политической науки Российской Федерации, член Международной ассоциации политической науки, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте РФ, ведущий научный сотрудник Института сравнительной политологии Российской академии наук. Является членом редколлегий и соавтором фундаментальных коллективных научных изданий, автор более 200 научных трудов.

В 1999-2001 гг. Ирхин Ю.В. являлся координатором проекта «Аристотель. Политологическое образование в XXI веке» Министерства образования Российской Федерации, Национального фонда подготовки кадров и Российского университета дружбы народов. В рамках этого проекта под его руководством было подготовлено 15 программ инновационных учебных курсов.

Представляемое учебное пособие также подготовлено в рамках проекта «Аристотель». При подготовке этой работы автором: были использованы результаты его участия в деятельности XV Всемирного конгресса социологов (Австралия, 2002 г.), XVIII и XIX Всемирных конгрессов политологов

[1] Ирхин Ю.В. Политические культуры обществ Запада, России, Востока: кросскультурный анализ. Авторская программа курса. Проект «Аристотель. Политологическое образование в XXI веке». Авторские программы учебных курсов: Национальный фонд подготовки кадров и Российский университет дружбы народов / под общ. ред. Ю.В. Ирхина. — М: МАКС Пресс, 2001. - С. ПО 147.

[2] Гуманитарный Интернет-портал Министерства общего и специального образования Российской Федерации: http://www.humanities.edu.ru (раздел *учебные программы* или поиск: *Ирхин Ю.В.)*.

(Канада, 2000 г. и ЮАР, 2003 г.), российских политологических и социологических конгрессов.

Материалы учебного пособия апробировались в учебных курсах, прочитанных в ряде университетов (МГУ, МГПУ, МУБИУ, РАГС, РУДН), публиковались в виде статей и научных сообщений.[1]

Автор выражает благодарность руководству Национального фонда подготовки кадров, Российского университета дружбы народов, Международного университета бизнеса и управления, Института сравнительной политологии РАН за поддержку этого учебного пособия.

[1] Раздел «Список рекомендуемой литературы» в данном пособии.

ВВЕДЕНИЕ

Ф. Миттеран: «Человек, каждый из людей, живущих на Земле, должен быть высшей целью любой политической или экономической стратегии».

Культура является мерой развития и средством взаимодействия человечества. Она как бы связывает все человеческие сообщества единой невидимой нитью, содействуя их взаимообогащению и взаимовлиянию. Известный немецкий философ-гуманист И.Г. Гердер писал: «Везде виден замысел, видны намерения человеческого рассудка, который не перестает думать, хотя и достигает разной степени продуманности своих планов. А потому одна цепь культуры соединяет своей кривой и все время отклоняющейся в сторону линией все нации».

Составной частью общего культурного достояния людей выступает политическая культура. Со времен Аристотеля принято считать, что человек политический — это результат развития всей политической культуры общества, и он же ее постоянный творец. Политическая культура — одна из важнейших составляющих политического развития любого общества. От ее состояния и развития, от качества политических ценностей зависят политический потенциал общества, перспективы его политического и исторического генезиса. Ее изучение раскрывает роль человека как творца политики.

Перефразировав слова известного французского поэта Гийома Аполлинера о том, что «человек — это вершина пирамиды, в основании которой лежит вся человеческая культура», можно сказать, что в основе политики лежит и проявляется политическая культура данного общества или совокупности обществ. Знание политической культуры дает возможность глубокого проникновения в сущность политики, предполагает понимание всестороннего воздействия культуры на политические явления и процессы. Известный российский исследователь О.Ф. Шабров справедливо отмечает, что «если сущность человека — это культура, то сущностью человека в той его части, которой он включен в политический процесс — человека политического, или Homo politicu•, — является политическая культура».

В условиях глобализирующегося мира весьма важным представляется сравнительный анализ политической культуры различных цивилизаций. Компаративистский социологический анализ политических культур и характера их влияния на политическое поведение людей в различных социокультурных средах помогает лучше понять как собственную политическую культуру, так и культуры других сфан, раскрыть перспективы их генезиса, процессы взаимовлияния и взаимообогащения. Это особенно важно в связи с тем, что российское сообщество все активнее становится неотъемлемой частью глобального мира, стремится обеспечить свои законные национальные интересы, повысить свою конкурентоспособность.

Материалы учебного пособия ориентируют на изучение базовых ценностей политических культур ведущих современных цивилизаций в условиях их сложного взаимодействия в эпоху глобализации, на формирование у студентов знания

и умения владеть политико-культурным анализом различных обществ на рубеже третьего тысячелетия. Учебное пособие имеет целью ознакомить читателей с основами теории и методологии компаративистского анализа политических культур, изучить их воздействие на политическое поведение людей. Особое значение уделяется рассмотрению политической культуры российского общества, ее характерных черт и особенностей в современных условиях. Большое внимание в учебном пособии отведено изучению политических культур обществ Запада (на примере Западной Европы, Соединенных Штатов Америки и Канады) и Востока (китайского, индийского и арабского сообществ), а также африканского общества, дается их ценностный и компаративистский анализ.

Через учебное пособие последовательно проводится мысль о равноценности и (или) важности культур различных обществ. Современные сравнительные исследователи подтвердили, что культурные ценности любой цивилизации не могут претендовать на всеобщую универсальность или тем более выступать в качестве некоего обязательного эталона. Даже наиболее распространенные этические и моральные нормы, наиболее очевидные политические и социальные структуры все-таки не являются всеобщими. Проблемы, актуальные в странах Запада, могут быть нежизненными и даже шокирующими для восточных обществ. Культурные барьеры являются поводом для серьезных размышлений исследователей над различными аспектами общественной жизни и способствуют смене парадигм в социальных науках.

Основные задачи изучения курса «Социология культуры: сравнительный анализ политических культур обществ Запада, России и Востока»:

- освоить комплекс современных знаний о содержании категорий и понятий «цивилизация», «культура» и «политика», раскрыть их взаимосвязи и социодинамику развития в условиях глобализации, учитывая самоценность каждой культуры (мультикультуризм);
- освоить ценностные ряды и особенности развития политических культур обществ Запада, России, Востока, методологию анализа политико-культурного генезиса различных цивилизаций при уважении и учете их культурных матриц;
- научиться навыкам и умению анализа политической культуры и коммуникации современных цивилизаций, пониманию особенностей воздействия политической культуры на формирование и развитие политических институтов, на политическую модернизацию различных обществ;
- научиться ориентироваться в основных политико-культурных школах, концепциях и направлениях современной науки;
- освоить ведущие направления и подходы сравнительного (кросскультурного) анализа политических культур обществ Запада, России, Востока;
- изучить и осмыслить мировой политико-культурный опыт развития, проблемы его актуализации применительно к условиям России;
- получить базовые знания и освоить методологию анализа политической культуры российского общества, ее характерных черт и особенностей, воздействия на всю политическую сферу жизни россиян, а также на принятие научно обоснованных политических решений;

- развить навыки кросскультурного анализа политического развития различных обществ, умение применять сравнительный политико-культурный анализ в своей профессиональной и общественной деятельности в соответствии с нормами права, морали и этики;
- научиться анализировать сложные проблемы диалога, взаимодействия и столкновения культур и цивилизаций в современном мире;
- обучиться коммуникационным действиям в различных социокультурных и политических средах, уважению различных культур;
- научиться использовать информацию по сравнительной политической культуре различных обществ, представленную в Интернете.

Материалы учебного пособия рассчитаны на студентов, аспирантов и преподавателей социально-гуманитарных факультетов и отделений университетов и институтов, могут быть использованы широким кругом лиц, интересующихся проблемами взаимодействия культуры и политики в различных обществах.

Часть I
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 1
Культура как мера развития человека и общества

В.О. Ключевский: «Культура — это прежде всего характерный для данного человека, общества образ мыслей и образ действий, их качество и направленность. Накопление опытов, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств, улучшающих, с одной стороны, частную личную жизнь отдельного человека, и с другой — устанавливающих общественные отношения между людьми —• словом, выработка человека и человеческого общежития, — таков наш предмет изучений. Степень -этой выработки, достигнутую тем или другим народом, обыкновенно называют его культурою».

О. Шпенглер: «Феноменами отдельных, следующих друг за другом, рядом вырастающих, соприкасающихся, затеняющих и подавляющих одна другую культур исчерпывается все содержание истории. Каждой культуре свойственен строго индивидуальный способ видеть и познавать природу».

Л.И. Швецова: «Подлинная культура — это прежде всего высокая духовность, гуманизм, истинные знания и ценности, это форма и способ познания и освоения человеком всей безграничности и богатства окружающего мира».

Ю.Г. Волков: «Развитие культуры зависит от способности к научению и передаче знаний следующим поколениям».

А.С. Пушкин: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений».

Л.Н. Толстой: «Ученый тот, кто много знает из книг; образованный тот, кто усвоил все самые распространенные в его время знания и приемы; просвещенный тот, кто понимает смысл своей жизни».

Э. де Сото: «Успех определенной группе людей зачастую приносит новаторское использование систем символических обозначений, принадлежащих совершенно иной культуре. Например, народам Северной Европы пришлось скопировать правовые институты Древнего Рима, чтобы упоря-

дочить свою общественную жизнь, а для хранения и обмена информацией им пришлось выучить греческий алфавит и арабскую систему счисления».

А. Камю: «Есть в мире движущаяся параллельно силе смерти и принуждения еще одна огромная сила, несущая в себе уверенность, и имя ей — культура».

1. Понятие культуры

Категория «культура» ведет свое начало от латинского термина «cultura», означавшего процессы возделывания, улучшения, обработки чего-либо человеком, в отличие от понятия «natura» (т.е. природа, естественная окружающая среда). Этот термин был введен в научный оборот древнеримским политическим деятелем, оратором и философом Марком Туллием Цицероном в 45 г. до н. э. в труде «Тускуланские беседы» и использовался им для характеристики философии как «культуры ума» (в смысле «возделывания ума», совершенствования духовных способностей человека).

Существование и использование культуры основано на способности, которой обладает только человек. Это прежде всего способность к рациональному или абстрактному мышлению в наделении вещей и событий определенными значениями (обозначения), которые не могут быть схвачены одними чувствами и доступны лишь человеку. Основной элемент культуры — человек, общество, преобразующее окружающий мир в соответствии с определенными ценностями, задачами, идеалами, принципами, нормами. Чем полнее и глубже человек осваивает достижения культуры, ее важнейшие ценности, тем богаче он становится как личность, тем большим уважением он пользуется в коллективе и обществе, тем интереснее его жизнь в целом.

Изменяя окружающий мир, человек изменяется сам. Человек формирует культуру, культура влияет на развитие человека. Культура — базовая, интегральная характеристика социума и в известном смысле его судьба. Любое общество проявляет, реализует, развивает и осознает себя в культуре. По ее характеристикам и особенностям можно составить научное представление о духовном облике цивилизации, народа, группы, индивида; нравственных доминантах общественной жизни; характере и способах участия людей в политике.

Культура — это творческая деятельность человечества во всех сферах бытия и сознания, является диалектическим единством процессов создания ценностей, норм, знаковых систем и т.д. и освоения культурного наследия, направлена на преобразование действительности и общества. Культура — это своеобразная «невидимая рука», которая неуклонно и таинственно для непосвященных неким образом воздействует на общественную жизнь и поведение людей, трансформируя их по присущей только ей образцам и моделям.

В.С. Степин: «Культура — это система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельно-

сти, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Программы деятельности, поведения и общения представлены многообразием знании, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, гипотез, верований, целей, ценностных ориентации и т.д. В своей совокупности и динамике они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. Культура хранит, транслирует этот опыт (передаст его от поколения к поколению). Она также генерирует новые программы деятельности, поведения и общения, которые, реализуясь в соответствующих видах и формах человеческой активности, порождают реальные изменения в жизни общества».[1]

Культура представляет собой среду, искусственно созданную человеком при помощи языка, мышления и символических значений. В своей совокупности она выступает как «система ценностей, жизненных представлений, образцов поведения, норм, совокупностей способов и приемов человеческой деятельности, объективированных в предметных, материальных носителях (средствах труда, знаках) и передаваемых последующим поколениям. Она включает в себя *нематериальную культуру* — созданные человеком абстракции, такие как ценности, верования, символы, нормы, обычаи и установленные принципы, *н материальную культуру*— физические артефакты или предметы — каменные топоры, компьютеры, набедренные повязки, смокинги, автомобили, картины, гамаки и крытые стадионы. Культура — это необходимая основа, позволяющая людям интерпретировать свой опыт и направлять свои действия, в то время как общество представляет собой своеобразные сети социальных отношений, возникающих между людьми.

Культура соотносительна с историческим процессом в его органической целостности, с социальной историей человечества, его общественным самопроизводством. Она складывается и проявляется в процессе взаимного общения людей — непосредственного или опосредованного различного рода институтами. Структура культуры в самом общем плане часто рассматривается как состоящая из двух компонентов — идеального и материального. Последний есть опредмеченная, материализованная духовная сущность человека. Противопоставлять эти виды культуры не следует. Материальная культура представляет собой степень овладения человеком силами природы и ее богатством. Еще И. Кант подразделял культуру на «культуру умения», призванную способствовать достижению цели, и «культуру воспитания», которая должна помогать в выборе цели. И та и другая формируются в процессе человеческой практики.

В ряде исследований «между» духовной и материальной культурами дополнительно включают или выделяют *социальную и политическую* культуры. Пелесообразно также наряду с духовной и материальной выделять *организационную* и *поведенческую* культуры.

[1] Культура //1 Говая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 / под ред. В.С. Степина. — М.: Мысль. 2001.- С. 341.

Культура представляет собой многообразное и многомерное общественное образование. Она включает в себя в качестве своеобразных многочисленных «пластов» и «срезов» культуру производства (его технологический уровень, производственные навыки и др.); культуру земледелия (характер развития сельского хозяйства, цели и способы воздействия человека на природу); культуру управления (систему способов и целей менеджмента); культуру технологическую (качество организации технологического процесса); культуру экономики (ценности, эффективность и качество экономического развития); культуру политики (навыки участия в общественных целях, политические и моральные ориентации и стереотипы граждан, политический менталитет и др.); духовную и образовательную культуру (характер использования науки для развития общества, достижения искусств, образовательный и культурный уровень народа, характер образования и воспитания); культуру религии, художественную культуру (искусства), культуру быта и др.

Культура также характеризует особенности поведения, сознания, деятельности людей в конкретных сферах общественной жизни (культура труда, культура быта, политическая культура, правовая культура и т.д.). Кроме того, в культуре может фиксироваться способ жизнедеятельности отдельного индивида (личная культура), социальной группы (культура сословия, культура класса, культура слоя общества — интеллигенции, духовенства, военнослужащих, спортивных болельщиков и т.д.), общества в целом.

Возможно также рассмотрение культуры как системы, включающей в себя три типа системообразующих связей или три разных интегративных уровня связи: эмпирический, функциональный и ценностный уровни. На первом уровне культура представлена различными культурными учреждениями, на втором речь идет о нормах, верованиях, традициях, формах производства и распределения, на третьем — о ценностях и значениях.

Культура — это весьма сложная, многоуровневая система. Принято подразделять культуру по ее носителю. Выделяют мировую и национальную культуры. Мировая культура — это синтез лучших достижений всех национальных культур различных народов. Национальная культура — синтез культур различных классов, социальных слоев и групп соответствующего общества.

Культура является объектом изучения всех без исключения гуманитарных и общественных наук, рассматривается и во многих естественных дисциплинах. В зависимости от характера и особенности той или иной науки в ней формируется и формулируется предметно-культурная область исследований. Так, в социальной философии особое внимание уделяется исследованию ценностной сущности культуры и ее роли в генезисе человеческого бытия и сознания. Культурология изучает феномен культуры в целом, ее закономерности и особенности развития. Социология исследует деятельностные и поведенческие аспекты культуры, ее место и роль в обществе, его институты и субъекты. Политология выделяет специфику отношений культуры и политики, большое значение уделяет анализу политической культуры. История накапливает и синтезирует сведения обо всех событиях, явлениях и процессах культурного характера. В других науках, соответственно, изучаются иные аспекты культуры: психологические, антропологические, технологические и т.д.

В науке распространено большое количество определений культуры. В целом они дополняют друг друга.

Так, *описательные* определения культуры делают акцент на перечисление ее компонентов (знания, верования, нравственность, законы, обычаи и др.). *Исторические* определения раскрывают роль традиций и процесс социального наследования способов деятельности. *Нормативные* определения отмечают значение образа жизни, материальных и социальных ценностей любых групп людей. *Психологические* определения выдвигают во главу угла процессы адаптации человека к окружающей среде, его научение, формирование привычек и результатирующих реакций. *Структурные* определения рассматривают культуру как сочетание наученного поведения и поведенческих результатов, компоненты которых передаются по наследству членам данного общества. Наконец, *генетические* определения культуры выступают как следствие сознательной деятельности людей, реализации их умственных способностей и др.

Изучая малые и большие, традиционные и современные общества, культурантропологи, социологи, философы, психологи и политологи выявили основные элементы, которые обязательно присутствуют в каждой социальной культуре. Особую роль в культуре играют знания, верования (религия и мифы), искусство, нравственность, законы, обычаи, привычки, речь.

К универсальным компонентам культуры можно отнести следующие ее элементы:

1) язык и другие знаки, значения и коды как символика, выражение смысла действий и средства коммуникации;
2) ценностная система как совокупность жизненных целей и средств, идеалов, мировоззрений, мифов, идеологий, норм, нравов и др.;
3) символы, понятия и смыслы, которые придаются действиям; образцы и эталоны социального поведения, деятельности в любой сфере общества;
4) типичные связи и взаимодействия (родственные, ценностные, функциональные, ритуальные и т.п.);
5) система культурных артефактов.

В культуре раскрывается весь духовный мир человека, его «сущностные силы» (способности, потребности, мировоззрение, знания, умения, социальные чувства и т.д.). Этим самым культура выступает как мера реализации и развития сущности человека в процессе его социальной деятельности, как «мера человека». Создавая или созидая любой материальный или духовный продукт, человек опредмечивает в нем самого себя, причем не только свою общественную сущность, но и, разумеется, свою индивидуальность. Культура — самосознание общества, каждого его периода, каждой эпохи. В этом смысле любая вещь (произведение) человека имеет и культурное содержание. По творениям людей в данную эпоху судят о ее культуре.

Раскрывая, реализуя смысл бытия человека, культура одновременно формирует и развивает саму эту сущность. Человек не рождается социальным, а лишь в процессе деятельности становится таковым. Образование и воспитание — это не что иное, как овладение культурой, процесс передачи ее от одного поколения к другому. Культура означает приобщение человека к социуму, обществу.

Любой человек прежде всего овладевает той культурой, которая была создана до него, тем самым он осваивает социальный опыт предшественников. Но одновременно в культурный слой он вносит и свой вклад, тем самым обогащая его. Овладение культурой может осуществляться в форме межличностных отношений и самообразования.

Процесс социализации людей (граждан) можно представить как непрерывное овладение культурой. Н.А. Бердяев выразил сложность процесса социализации, «окультуривания» в следующих коллизиях: 1) между социализацией и индивидуализацией личности; 2) между нормативностью культуры и той свободой, которую она представляет человеку; 3) между традиционностью культуры и тем обновлением, которое происходит в ее организме. Эти противоречия составляют не только сущностную характеристику культуры, но и являются источником ее развития.[1]

Для культуры как социального явления основополагающими, системообразующими являются понятия культурной статики и культурной динамики. Первое характеризует культуру в покое, второе — как процесс, находящийся в движении и изменении. Базисные элементы культуры существуют в двух видах — материальном и духовном. Совокупность материальных элементов составляет материальную культуру, а нематериальных — духовную.

Важная особенность материальной культуры — ее нетождественность ни материальной жизни общества, ни материальному производству, ни материально преобразующей деятельности. Материальная культура характеризует эту деятельность с точки зрения влияния ее на развитие человека, раскрывая его способности, творческие возможности, дарования. В материальную культуру входят: культура труда и материального производства, культура топоса, культура отношения к собственному телу, физическая культура.

Духовная сторона культурной статики: нормы, правила, образцы и нормы поведения, законы, духовные ценности, церемонии, ритуалы, символы, мифы, знания, идеи, обычаи, традиции, язык. Любой объект нематериальной культуры нуждается в материальном посреднике. Духовная культура является многослойным образованием и включает в себя познавательную, нравственную, художественную, правовую, педагогическую, религиозную и другие культуры. В культурной статике элементы разграничены во времени и в пространстве. Часть материальной и духовной культуры, созданная прошлыми поколениями, носит название культурного наследия. Наследие — важный фактор сплочения науки, средство объединения общества в периоды кризисов. В культурную статику входит понятие культурного ареала — географического района, внутри которого у разных культур обнаруживается сходство в главных чертах.

Культурное наследие выражают культурные универсалии — нормы, ценности, правила, традиции, свойства, которые присущи всем культурам независимо от географического места, исторического времени и социального устройства общества. Антропологи выделяют более семидесяти универсалий (число, этика, семья и т.д.).

[1] Бердяев Н.А. Самопознание. — М., 1991. — С. 320-321.

В качестве духовного образования культура включает в себя ряд элементов.

Во-первых, это познавательные, знаково-символические элементы, т.е. знания, сформулированные в определенных категориях, понятиях и представлениях, зафиксированные в языке, который является объективной формой аккумуляции и передачи человеческого опыта. Культура представляет нам информацию из разных исторических эпох в виде знаков-символов. Соответственно, для того чтобы их понять, необходимо знать код. Среди кодовых знаков особое место имеет речь, которая выполняет важнейшую коммуникативную функцию, транслирование социального опыта и т.д.

Во-вторых, это ценностно-познавательная система. Ценностная установка является своеобразной предваряющей программой деятельности человека. В систему ценностей социального субъекта входят смысложизненные ценности (представления о смысле жизни), универсальные (представления об образовании, труде, благосостоянии), общественного признания (происхождение, работа), политические (представления о власти, демократии и т.д.), ценностные установки ориентируют человека в социально-политическом мире, направляют и стимулируют его деятельность.

Ценности — это значимые, общепринятые и разделяемые в обществе (социальной группе) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения.

П.А. Сорокин: «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну и главную ценность. Именно ценность служит основой и фундаментом культуры».[1]

Н. Смелзер: «Ценности нуждаются в обосновании, но и они сами могут служить обоснованием. Они обосновывают нормы и ожидания, стандарты, реализующиеся в ходе взаимодействия между людьми».[2]

Ф. Ницше: «Вопрос о ценностях — фундаментальнее вопроса о достоверности; последний обретает всю свою серьезность лишь при условии, что мы ответили на вопрос о ценностях».[3]

М. Вебер: «Культура есть тот конечный фрагмент лишенной смысла мировой бесконечности, который с точки зрения человека обладает смыслом и значением. Такое понимание культуры присуще человеку и в том случае, когда он выступает как злейший враг какой-либо конкретной куль-

[1] **Сорокин П.** Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 429.

[2] **Смелзер Н.** Социология / пер. с англ. — М: Феникс, 1994. — С. 67.

[3] **Ницше Ф.** Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. — М., 1990. — С. 287.

туры и требует "возврата к природе". Ведь и эту позицию он может занять, только *соотнося* данную конкретную культуру со своими ценностными идеями и определяя ее как "слишком поверхностную".'

Итак, определяющим элементом культуры являются ее ценности. Культура — это своеобразный, творческий процесс и метод именно ценностного освоения действительности. Причем культурные ценности (экономические, нравственные, политические, эстетические и иные) представляют собой не произвольную комбинацию, а некую целостность.

Каждое общество обладает целостной системой ценностей, понятий, представлений о взаимосвязях между ними, правил, норм поведения, образцов деятельности, традиций, обычаев, обрядов и т.д., признаваемых большинством членов общества, реализуемых массово в их жизнедеятельности. Любая система ценностей включает общечеловеческий компонент и вместе с тем обладает существенной спецификой, отличающей данное общество от других. Каждая система характеризуется определенной целостностью. Ее выражение — менталитет — проявляется в общей логике, характерной для соответствующей ценностной системы: выдвижении на первый план тех или иных приоритетов, специфике набора ценностей и др.

Человек есть существо оценивающее, определяющее качество. Определение ценностей и установка их иерархии есть трансцендентальная функция сознания. Даже дикарь производит оценки. «В нашем мире, — полагал Бердяев, — иерархия ценностей опрокинута. Жизнь человеческих обществ стоит под знаком господства экономики, техники, лживой политики, яростного национализма. Иерархия ценностей определяется по принципу пользы при совершенном равнодушии к истине. Духовная культура задавлена... Человек не имеет времени задуматься над смыслом жизни. Жизнь человека заполнена средствами к жизни, которые стали самоцелью».[2]

Благодаря культуре осуществляется передача социального опыта как от одного поколения к другому, входящему в жизнь, так и внутри общества, между странами и народами. Культура сохраняет социальный опыт поколений в понятиях и словах, математических символах, формулах науки, своеобразных языках искусства, которые рассказывают о человеке, его творческих силах и возможностях. В этом смысле культура — память общества, кладовая накопленного им опыта, хранительница времени, упорядочивающего этот опыт.

Факторами распространения культуры выступают ее различные трансляторы. Среди них особая, долговременная роль принадлежит религии. «Выньте христианство из истории Европы или буддизм из Азии, — замечал известный российский философ А.С. Хомяков, — и вы ничего не поймете ни в Европе, ни в Азии».

Тип социальной системы тесно связан с социокультурными факторами и прежде всего с религией, с теми морально-нравственными устоями, которые она про-

[1] Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. — М., 1990. — С. 379.
[2] Бердяев Н.А. Судьба России. — М, 1990. — С. 271.

возглашает. Тип религии вырабатывает не только определенное отношение к труду, но и определенный образ мысли, менталитет, систему нравственного и правового регулирования. М. Вебер, например, рассматривал современное ему капиталистическое общество как детище протестантской религии. В рамках «понимающей социологии» он выделил некоторые социальные (профессиональные) слои, в большей или меньшей степени соответствующие определенной религии. Так, тип бюрократа особенно характерен для конфуцианства; тип мага — для индуизма; тип созерцателя-монаха — буддизма, тип бродячего ремесленника — христианства; тип покоряющего мир воина — ислама и др. Несмотря на всю спорность этой типологии, она интересна компаративистским анализом связей религии, культуры и трудовой этики, различных *типов хозяйственных этносов* в соответствующих культурах и цивилизациях.

В качестве средства хранения и накопления информации выступают естественная память индивида, коллективная намять, запечатленная в языке и духовной культуре, символические и вещественные средства сохранения информации: тексты, книги, изобразительные средства, в т.ч. памятники, архитектурные сооружения, новейшие средства записи текстов, изображений, знаков. Во всех случаях сохранение памяти требует поддержания знаковых систем, определенного метода упорядочивания, организации информации по ее ценности и содержанию.

Характер и направленность деятельности систем массовой коммуникации, ее субъектов, их взаимодействие и влияние на общественное развитие служат мерилом состояния культуры. В свою очередь, культура активно влияет на коммуникационные процессы.

Принципиальное место в культуре занимает и играет язык. Он представляет собой самое емкое и распространенное средство передачи информации, играет принципиальную роль в функционировании человеческого общества, развитии культуры. Языком нельзя овладеть вне социального взаимодействия; в нем имеются определенные правила; он создает и организует опыт и функционирует на основе значений, принятых в среде говорящих на нем людей. Язык служит основным средством передачи культуры. Общий язык способствует социальному и политическому сплочению людей, но он также может быть причиной разъединения и дискриминации. Не случайно говорят: «Сколько человек знает языков — столько раз он человек».

Подобно тому как в культуре каждого народа есть общечеловеческое и этнонациональное, так и в семантике каждого языка есть отражение как общего универсального, так и своеобразия культуры конкретного народа.

Полное овладение языком немыслимо без усвоения культуры народа. Каждое слово приносит в сегодняшнее употребление память о вчерашнем: свои контексты и обстоятельства, свою историю. Проблему языка и культуры можно разложить по трем основаниям.

Во-первых, проблема языка культуры — это проблема ее смысла. Освоить культуру и ее ценности невозможно, не владея системой ее языков.

Во-вторых, язык синтезирует разные аспекты жизни человека—социальные, культурно-исторические, психологические, эстетические и другие, но, чтобы

событие жизни стало явлением культуры, оно должно быть переведено в текст. Следовательно, язык — это ядро системы культуры. Именно через язык человек усваивает представления, оценки, ценности — все то, что определяет его картину мира. Таким образом, язык — это способ хранения культуры и передачи ее от поколения к поколению.

В-третьих, понимание языка и овладение им дает человеку свободу, придает способность к оценке и самооценке, к выбору, открывает пути включения человека в культурный контекст, помогает осознать свое место в культуре, ориентироваться в сложных и динамичных социальных структурах. Фундаментальный смысл языка в том, что понимание мира, которое мы можем Достичь, зависит от диапазона знаний или языков, позволяющих нам этот мир воспринимать.

> *В. Гумбольдт:* «Языки — это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение. Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем, и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия».

История взаимоотношений языка и общества характеризуется возрастанием роли языка в жизни общества. Это обусловлено некоторыми общими тенденциями развития человеческого общества, такими как интеллектуализация производства, усложнение социальной организации общества, удлинение сроков обучения, развитие каналов коммуникации, углубление личностного своеобразия каждого человека. В результате расширяются сферы использования и объем функций языка. Удлиняется «языковое существование» каждого человека: растут те ежедневные часы, в которые человек говорит, слушает, читает, пишет, размышляет. По мере возрастания роли языка в жизни людей расширяются возможности социума регулировать языковые аспекты коммуникации.

Культура — коллективная память. Но «язык — дом бытия» (М. Хайдеггер): чтобы событие стало явлением культуры, как мы уже говорили, оно должно быть выражено в тексте. Только тогда культура может выполнять функцию хранения и передачи информации от поколения к поколению. В современной (постмодернистской) европейской традиции принято рассматривать как текст все, что создано искусственно: не только книги и рукописи, но и картины, здания, интерьер, одежду и многое другое.

> *Ж. Деррида:* «Текст принципиально отличается от литературного произведения: это не эстетический продукт, а знаковая деятельность, это не структура, а структурообразующий процесс, это не пассивный объект, а работа и игра, это не совокупность замкнутых в себе знаков, наделенная смыслом, которые можно восстановить, а пространство, где прочерчены линии смысловых сдвигов, уровнем текста является не значение, но означающее в семиотическом и психоаналитическом смысле этого понятия... бывает, к примеру, текст жизни, в который я попытался проникнуть».

Текст не сводится к речевому акту, в этом качестве могут рассматриваться любые знаковые системы: иконографические, вещные, деятельностные. В таком понимании языка культуры проявляется стремление к преодолению лингвистического плана. Именно в семантическом поле языка происходит накопление, оформление в текст, а затем с помощью методов разных наук — дешифровка или раскодирование информации, заложенной в глубинных структурах культуры и сознания.

За последние десятилетия происходил ускоренный процесс радикальной смены системы накоплений и хранения знаний, что породило информационную революцию, создавшую предпосылки для становления постиндустриального общества. Достижения микрокомпьютерной технологии позволили за 30 лет закодировать в электронные программы значительную часть того научного задела и информации, которую накопило человечество за предшествующие века своего существования. Формализация методов обработки данных и оперирования знаниями позволила не только ускорить технологические и управленческие процессы, высвободить значительную часть работников от рутинных трудовых процессов, но и преобразить само производство знаний, создать индустрию знаний, а на ее основе — технику с элементами искусственного интеллекта.

В итоге можно сказать, что язык — это продукт культуры, ее структурный элемент и ее условие. Фундаментальный смысл его в том, что язык концентрирует и воплощает в единстве все основания человеческой жизни.

Итак, структура культуры сложна, многофункциональна и многогранна. В силу этого разнообразны и ее функции. Важнейшая из функций культуры — передача, трансляция социального опыта от поколения к поколению, от одной страны к другой — выступает в роли социальной и политической памяти человечества. Поскольку важно не только сохранять, но и постоянно углублять и расширять общественное познание, культура выполняет гносеологическую, или познавательную, функцию. В любом обществе культура выступает в роли регулятора поведения, поступков и действий людей, отбора материальных и духовных ценностей, т.е. реализует регулятивную, или нормативную, функцию. Культура также представляет собой определенную, сложносоставную и сложносмысловую знаковую систему, которую нужно уметь понимать и расшифровывать, т.е. речь идет о ее знаковой, или семиотической, функции. Не зная сущности и специфики языка науки (наук), религии, искусства, сакрального смысла политики, власти и т.п., невозможно понять их содержание. Наконец, качественное состояние культуры отражает ее ценностная, аксиологическая функция. Без понимания системы ценностей культур мы не сможем сформулировать законы их развития, почему одни и те же принципы, факторы и даже цвет (черный цвет на Западе — знак печали, а на Востоке — это цвет белый) по-разному действуют и воспринимаются в различных социокультурных системах.

Социологически упорядоченную систему классификации культур разработал П. Сорокин, который выделил три формы культурных образований: 1) разнородные скопления; 2) образования со сходными характеристиками; 3) органические системы. Интересна также его идеальная классификация культуры на идеациональ-

ную, идеалистическую и чувственную. Идеациональная культура основана на принципе сверхчувственности и сверхразумности (буддийская культура, ранняя христианская культура). Идеалистическая культура включает ценности, принадлежащие как Небу, так и Земле, ее мир — благородные сверхчувственные и чувственные проявления (древнегреческая культура). Чувственная культура— культура индустриального общества. Ее ценности в повседневном реалистическом мире.[1]

Весьма важен социальный анализ носителей (субъектов) культуры. В этом смысле можно говорить о культуре общепланетарной (общецившшзационной), регионально-цивилизационной, народа, нации, этноса, класса, социальной группы, личности.

Типология культур по их социальным носителям

Субъект культуры	Тип культуры
Цивилизация	Цивилизации (относящиеся к метаобществам, породившим в определенные периоды своего развития многообразные культурные русла, или парадигмы развития многих этнических и национальных культур)
Жители региона	Региональные (относящиеся к разным обществам, объединенным природной и территориальной близостью условий проживания)
Нация, этнос	Национальные (относящиеся к полиэтничным странам на индустриальном и более позднем этапах развития) и этнические (культура любого этноса)
Социальная группа	Групповые (относящиеся к определенным социальным стратам и субстратам, т.е. общностям и подобщностям в структуре общества)
Социальный институт	Культуры социальных (политических) институтов
Индивид	Культуры индивидов, личностные (каждый человек является индивидуальным носителем и выразителем культуры соответствующих социальных групп)

Современная наука придает особое значение анализу всех носителей культуры (индивидов, малых социальных групп, больших социальных групп, нацио-

[1] Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политическая литература, 1992. — С. 432-433.

нально-этнических общностей и др.), субкультур (городская, сельская, молодежная и т.п.), социокультурных суперсистем. Анализ великих культур человечества (так их называли О. Шпенглер, Н. Бердяев), или локальных цивилизаций (А. Тойнби), или больших культурных систем — суперсистем (П. Сорокин) дает возможность раскрыть причинно-смысловую логику функционирования культуры как самостоятельной системы.

Опыт исторического развития показывает, что социокультурный генезис внутренне противоречив. Общество порождает не только культуру, но и антикультуру, не только развивает человека, но и угнетает его. Культура выступает как итог противоборства различных тенденций, когда в той или иной мере, рано или поздно берут верх интересы развития человека, его свободы, высоких моральных принципов.

Взаимодействия культур могут быть следующих типов:

1) нейтральными, когда они сосуществуют, не мешая друг другу и не смешиваясь;
2) альтернативными, или контркультурными, когда культуры активно теснят друг друга, поскольку каждая экспансивно стремится занять доминирующее положение и насадить в общности свои ценности, нормы, стандарты, правила;
3) конкурентными, когда в процессе саморазвития культуры состязаются между собой, иногда вступая в конфликтные отношения.

Сложность культур и их множественность предполагает использование метода типологии, т.е. их сравнения, обнаружения некоторых общих существенных признаков и вычисления культурных типов. Типология культур может производиться по разным принципам: хозяйственному (бронзовая культура, пастушеская культура, технологическая культура); формационному (первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, буржуазная); социальному (крестьянская, пролетарская); историческому (античная, Средневековья, Возрождения), цивилизационному (западная, восточная, африканская) и др.

Типология культур по различным основаниям

Основания классификации	Тип культуры
Тип цивилизации	Различные типы культур как основа цивилизационного развития
Общественно-экономическая формация (на примере Европы)	Культура первобытного, рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического обществ
Стадия развития общества	Культура традиционного, индустриального и постиндустриального общества

Основания классификации	Тип культуры
Географическое положение	Культура Запада, Востока, России, Германии и др.
Тип религии	Буддийская, индуистская, иудейская, христианская, исламская и др.
Социальные общности	Общечеловеческая, национальная, этническая, социальных классов и групп внутри нации и др.
Отношение сознания к объективной действительности	Идеациональная, чувственная, идеалистическая
Доступность понимания	Элитарная, массовая
Средства распространения	Жест, танец, слово, средства массовой информации
Стиль культуры	Романский, готический, ренессанс, барокко, классицизм, романтизм, модернизм, постмодернизм и др.
Тип творчества	Первичные принципы, вторичные, развивающие первые

2. Функции культуры

Среди множества функций культуры ведущей, очевидно, следует считать человекотворческую, или гуманистическую. Все остальные связаны с ней или вытекают из нее. Наиболее важные следующие функции культуры: производство, накопление и распространение ценностей; трансляция социального опыта; социализация индивида; познавательная (гносеологическая); преобразовательная; проективная; регулятивная (нормативная); ценностная (аксиологическая); семиотическая, эпистемиологическая и коммуникативная и др.

Функция трансляции социального опыта выполняет задачу обеспечения исторической преемственности, сохранения и передачи накопленной информации. Культуру часто определяют как социальную память человечества. Культура опредмечена в знаковых системах: устных преданиях, памятниках литературы и искусства, «языках» науки, философии, политики, религии и др. Однако это не просто «склад» запасов социального опыта, а результат длительного и порой жесткого отбора и активной передачи лучших ее образцов. В силу этого всякое серьезное нарушение трансляционной функции чревато для любого общества

серьезными, подчас катастрофическими последствиями. Разрыв культурной преемственности приводит к своеобразной культурной аномии, обрекает новые поколения на потерю социальной памяти.

Познавательная функция культуры связана со способностью концентрировать социальный и иной опыт множества поколений людей. Тем самым она последовательно приобретает способность накапливать широкий круг информации и знаний о мире и обществе, создавая тем самым необходимые предпосылки для их познания и освоения. Интеллект и культура общества во многом зависят от того, насколько им используются богатейшие знания, содержащиеся в его культурном генофонде.

Ценностная, или аксиологическая, функция отражает важнейшее качественное состояние культуры, ее основные принципы и идеалы. Культура как система ценностных ориентиров формирует у человека вполне определенные ценностные потребности и ориентации. По их уровню и качеству люди чаще всего судят о степени культурности того или иного человека. Нравственное и интеллектуальное содержание человеческой деятельности и поведения, как правило, выступает критерием соответствующей оценки, принятой в данном обществе.

Регулятивная функция культуры обусловлена прежде всего определением различных сторон, видов общественной и личной деятельности людей. В сфере труда, быта, социальных отношений культура так или иначе влияет на поведение людей и регулирует их поступки, действия и даже выбор соответствующих материальных и духовных ценностей. Регулятивный аспект культуры опирается на такие нормативные системы, как мораль, право, этика и др.

Семиотическая, или знаковая, функция представляет собой определенную знаковую (кодовую) систему культуры. Без изучения распространенных в данном культурном ареале знаковых систем невозможно овладеть достижениями культуры. Речь прежде всего идет о языке как важнейшем средстве общения людей. Овладение литературным языком — необходимое условие овладения национальной культурой. Специфические языки нужны для познания мира музыки, живописи, театра. Собственными знаковыми системами располагают и все естественные науки. В современных условиях особое значение приобретает «компьютерный язык»: умение понимать и свободно общаться во всех распространенных и часто обновляемых компьютерных системах общения и взаимодействия. Еще более важно владение искусством и наукой компьютерного программирования — создания новых компьютерных языков и кодов.

3. Культура как подсистема общества

Важное методологическое значение для понимания роли культуры в обществе и политике имеет системный подход к их изучению. Любое человеческое сообщество, начиная от первых политий до современных государств, может быть определено и как социальный феномен, и как сложная (сложносоставная)

система. Соответственно, такой феномен можно рассматривать как совокупность разных системных образований. Выделяют пять основных систем сообществ:

1) биосоциальная (или социогенетическая) система, в которой происходит деятельность по социальному самовоспроизводству (репродукции) населения. У человека такая репродукция не сводится к сугубо биологическим процессам, поэтому она включает в себя социальные факторы — отношения между полами, поколениями, супружество, родственные связи и др.;
2) экологическая система указывает на то, что люди живут на определенной обустраиваемой ими территории, во взаимозависимости с растительным и животным миром. Отношения к природным богатствам и к соседям, способ существования (сельский, городской и т.д.) выступают как переменные данной системы;
3) экономическая система включает производство и обмен материальными благами и услугами для удовлетворения потребностей членов общества. Разделение и организация труда, производственные отношения и другие организуют такую систему;
4) культурная система охватывает создание и распространение значимой информации: знаковой, лингвистической, нравственной, познавательной, а также обычаев, традиций, верований и т.п. Благодаря сфере знаков, символов, кодов, норм, ценностей люди получают возможность общаться, т.е. устанавливать между собой разнообразные коммуникационные отношения;
5) политическая система властным образом связывает и организует все общество и все его системы.

Одним из основоположников системного подхода к обществу считается американский социолог Т. Парсонс, который посвятил этой проблеме всю свою творческую жизнь и пытался создать общую теорию действия, которая согласовывалась бы с терминологическим аппаратом и представлениями других наук о поведении сложных социальных систем.

Т. Парсонс представлял социальный мир в понятиях человеческих идей-норм, ценностей, коммуникации значений, символов, информации и др. В основе его взглядов лежит идея системы как совокупности взаимосвязанных частей, не сводимых к простой сумме, вытекающая из аналогии с биологическим организмом (живой системой). Это давало ему возможность соединить представления об обществе как относительно независимом образовании, имеющем собственные правила развития с представлениями об избирательном характере деятельности индивидов, результатом которой и является общественное устройство.

Т. Парсонс предпочитал термин «действие» термину «поведение», поскольку его как теоретика интересовали прежде всего не моменты поведения как таковые, а их образцы, процесс образования устойчивых совокупностей моментов поведения, его результаты и механизмы, управляющие этим процессом. Действие состоит из структур и процессов, с помощью которых индивид формирует интенции и более или менее успешно применяет их к конкретной ситуации.

Выделенная им общая модель действия, называемая Парсонсом «единичным актом», подразумевает под собой обобщенную модель любого действия человека, взятую в ее сущностных чертах. Эта модель включает в себя:

1) действующее лицо (actor) — человека, наделенного стремлением действовать, имеющего определенные цели и способного описать способы их достижения;
2) ситуационное окружение — изменяемые и неизменяемые факторы окружения, по отношению к которым направлено действие и от которых оно зависит. Это окружение состоит из определенного числа социальных, культурных и физических факторов, делающих возможным существование действия и ограничивающих пространство выбора.

Т. Парсонс представлял социальную подсистему как составную часть более общей системы социального действия. Ее другими составляющими являются культурная, личностная и поведенческая подсистемы. Эти три подсистемы общей системы действия трактуются по отношению к социальной подсистеме как компоненты ее окружающей среды. Т. Парсонс рассматривал культуру (культурную подсистему) как одну из важнейших общественных доминант развития и фактор постоянного присутствия. Рассуждая о культурных **и** социальных системах, он полагал, что, хотя все человеческие сообщества «культурны и обладание культурой есть неотъемлемый критерий человеческого общества, хотя культура эмпирически фундаментальна для общества, в теоретическом плане они принципиально отличны. Система культуры является иным уровнем абстракции. Социальная система не есть система культурных стандартов, она взаимодействует с ними так же, как взаимодействует с физическими и биологическими условиями».[1] Именно поэтому культура часто влияет на общество не прямо, а опосредованно, например через систему ценностей или культуру-этику соответствующей отрасли человеческой деятельности.

Подсистемы действия и их функции (по Т. Парсонсу)

Подсистемы	Преимущественные функции
1. Социальная	1. Интеграция
2. Культурная	2. Воспроизводство образца
3. Личностная	3. Целедостижение
4. Поведенческий механизм	4. Адаптация

Различение четырех подсистем действия проводится на основе четырех первичных функций, присущих любым системам действия, — это функции воспроизводства образца, интеграции, целедостижения и адаптации.

[1] Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. — М.: Аспект-Пресс, 1997. — С. 13, 39.

1. Базовая функция любой системы действия состоит в координации составляющих ее элементов, прежде всего человеческих индивидов и их коллективов (сообщества). *Интегративная* функция приписывается здесь преимущественно *социальной подсистеме* (проблемы социального взаимодействия), другие подсистемы выступают как тесно связанные с ней и выполняющие соответствующие их назначению указанные функции.

2. За *культурной подсистемой* закрепляется в основном функция сохранения и *воспроизводства образца,* равно как и творческого его преобразования. Культурные системы складываются вокруг комплексов символических значений — кодов, на основе которых они структурируются, условий их использования, сохранения и изменения как частей систем действия. Личности индивида отводится главным образом исполнение целедостиженческой функции.

3. *Личностная подсистема* — главный исполнитель процессов действия и, значит, воплощения культурных принципов и предписаний. На уровне вознаграждения в смысле мотивации главной целью действия является обеспечение личных потребностей или удовлетворенность личности.

4. *Поведенческий организм* трактуется как *адаптивная подсистема,* как сосредоточение основных возможностей человека, на которые опираются остальные системы. В нем содержатся условия и основные механизмы взаимодействия с физической средой, в частности механизм получения и обработки информации в центральной нервной системе и механизм двигательной реакции на требования физической среды.

При анализе взаимоотношений между этими подсистемами действия, а также между ними и средой действия важно не упускать из виду явление взаимопроникновения. Т. Парсонс приводит следующий пример: приобретаемое путем обучения содержание опыта (в одной подсистеме) систематизируется и хранится в аппарате памяти индивида (в другой подсистеме). Граница между любой парой систем действия представляет собой некую «зону» структурных компонентов, которые могут теоретически рассматриваться как принадлежащие обеим системам, а не одной из них. Благодаря этим зонам может осуществляться процесс взаимообмена между системами. Социальные системы — это системы, образуемые состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами.

Парсонс рассмотрел также взаимоотношения социетального общества с системой ценностей (культурной, фидуциарной подсистемой), подсистемой политики и подсистемой экономики, показал их структурные компоненты и аспекты процесса развития.

Общество (социальная система) по Парсонсу

Подсистемы	Структурные компоненты	Аспекты процесса развития	Основные функции
1. Социальная	1. Нормы	1. Включение	1. Интеграция

Подсистемы	Структурные компоненты	Аспекты процесса развития	Основные функции
2. Фидуциарная (производство образца) культурная подсистема	2. Ценности	2. Генерализация ценностей	2. Воспроизводство образца
3. Политика	3. Коллективы	3. Дифференциация	3. Целедостижение
4. Экономика	4. Роли	4. Повышение адаптивного потенциала	4. Адаптация

В таблице образно воспроизведено взаимодействие различных подсистем общества, включая его культурную или фидуциарную (ценностно-регулятивную) подсистему, воздействующую на весь социум посредством выработки и генерализации ведущих общественных ценностей.

> *П.А. Сорокин:* «Культура, не будучи тождественной материальному и духовному производству, представляет стиль, основное направление и многообразные способы и формы деятельности общества, его воздействия с природой, в которых воплощается творческая сущность человека. Общество и культура лишь частично совмещаются друг с другом в той степени, в какой любая организованная группа обладает набором смыслов, ценностей и норм. Данная культурная система не локализуется внутри одной социальной системы».[1]

Структуру социальных систем, по Т. Парсонсу, можно анализировать, применяя четыре типа независимых переменных: ценности, нормы, коллективы и роли.

Ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца, т.к. они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые рейдируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств. Нормы, основная функция которых — интегрировать социальные системы, — конкретны и специализированы применительно к отдельным социальным функциям и типам социальных ситуаций. Они не только включают элементы ценностной системы, конкретизированные применительно к соответствующим уровням в структуре социальной системы, но и содержат конкрегные способы ориентации для действия в функциональных и ситуационных условиях, специфичных для определенных коллективов и ролей. Коллективы принадлежат к числу тех структурных компонентов, для которых наиболее важна целедостиженческая функция (Т. Парсонс полагал, что коллективы должны иметь определенный статус членства, а внутри коллектива должна

[1] **Sorokin P.** Society, Culture and Personality. — N.-Y, 1962. — P. 335-336.

наличествовать дифференциация его членов по статусам и функциям). Типы структурных компонентов являются по отношению друг к другу независимыми переменными.

Положительным аспектом рассмотренного системного подхода Т. Парсонса является то, что он предлагает постоянно учитывать роль культурной подсистемы как неотъемлемого фактора социального развития общества и рассматривает ее взаимосвязь с другими подсистемами в рамках общей теории социального действия. В то же время, на наш взгляд, он чересчур формализует и в определенной мере приуменьшает роль культуры (в т.ч. и политической), сводя ее лишь к одной, хотя и базовой, подсистеме. Культура, по всей видимости, не сводится только к подсистеме, она характеризуется качеством всеприсутствия и всепроникновения во все системы действия и поведения, выступает в виде ориентиров, системы ценностей, стилей, образцов и доминант социального и политического развития, либо постоянно воспроизводимых в своей основе, либо изменяемых, что неизбежно ведет к серьезным общественным трансформациям.

4. Подходы к изучению культуры

Культура представляет собой очень сложное, комплексное явление. По сути, это одновременно и объект со своими структурно-функциональными особенностями и ценностями, и деятельностный аспект-субъект, и процесс со своими этапами и закономерностями генезиса. Соответственно, культура в целом и политическая культура общества в частности изучаются с помощью общенаучных (общелогических: анализ, синтез и др.), специальных теоретических, а также эмпирических методов и методик исследования.

К числу широко использующихся теоретических методов при изучении культуры относятся общепринятые в гуманитарных науках подходы. Среди них: историко-генетический, социокультурный (деятельностно-поведенческий), системный и структурно-функциональный, институциональный, ценностный (нормативно-аксиологический), цивилизационный, символический, коммуникативный, антропологический, психологический, компаративистский (кросскультурный) и др.

Иногда для удобства исследования все многообразие теоретических и специальных подходов к исследованию культуры как бы группируют в типологические группы. Одни из них используются преимущественно при описании «статики» культуры («ценностные», «символические», «семиотические» и другие подходы). Другие больше применяются для анализа «развития» и «динамики» культуры («деятельностные», «поведенческие», «технологические», «игровые», «коммуникативные», «антропологические» и др.). Третьи — для сравнительного анализа культур («кросскультурные», «компаративистские», «цивилизационные» и др.) и т.д. Все указанные теоретические подходы анализа культуры необходимо знать, рассматривать как взаимодополняющие друг друга и уметь комплексно использовать при исследованиях культурных феноменов.

Теоретические и специальные методы изучения культуры дополняются прикладными. Среди них широко распространены: конкретно-ситуативное, матричное исследование, факторный анализ, наблюдение, эксперимент, анкетный

опрос, контент-анализ публикаций, когнитивное картирование, экспертная оценка, компьютерное моделирование и др.

В современных условиях существенное значение приобретает умение учитывать взаимосвязь различных методов изучения культуры и политики, использовать их в соответствующих «увязках», в своеобразном комплексном подходе.

Исключительно важно учитывать при изучении политико-психологических, да и любых других общественных явлений и процессов их *глобализационный контекст.* Иначе говоря, в современных условиях необходимо и целесообразно исходить из глобализационной парадигмы исследований, учитывающей углубляющийся и усложняющийся всемирный характер связей и взаимодействий многих обществ и их составных элементов.

В послании XV Всемирному социологическому конгрессу (г. Брисбен, Австралия, 2002 г.) Президента Международной социологической ассоциации Альберто Мартинелли справедливо обращалось внимание на явную недостаточность изучения только национальных явлений и структур вне учета воздействия на них глобализационных процессов.

> *А. Мартинелли:* «Социологи в целом изучали свои общества и реже общества иные, но обычно они рассматривали общества как отдельные единицы, каждое с четкими национальными границами. Их фокус был сосредоточен на получении знания о внутренней динамике общества и структур, его культурного кода, его специфических механизмов интеграции, конфликта и перемен, иногда с некоторыми компаративными взглядами, реже — с компаративным подходом. Сегодня глобализация означает не только появление нового объекта исследования — мир как таковой, но требует, чтобы любое конкретное исследование ставилось в рамки глобального контекста, т.к. каждая часть мира все больше взаимозависима со многими другими и мир как таковой все более присутствует во всех своих частях. Изучение мирового общества и его отношений с национальными и локальными реалиями должно стать центральной темой исследования».[1]

С учетом перечисленных методологических аспектов можно дать краткую характеристику основных подходов, использующихся при анализе культуры и ее влияния на развитие политики.

/. Исторический, или историко-геиетический, подход. Он представляет собой один из первых подходов к анализу культуры. С его помощью происходит накопление знаний о культурах разных народов в различные эпохи. Собственно только на базе накопленных исторических сведений мы можем проводить исследования и делать выводы широкого характера. Со временем он был дополнен стадиальным подходом, дихотомными понятиями «варварство» — «культура», культура «традиционного» — «современного» общества и т.д. Проблем-

[1] **Martinelli A.** Presidential Address to XV World Congress of International Sociological Association: Markets, Governance, Communities and Global Governance. — Australia Brisbane, 2002. — P. 2.

ной стороной исторического подхода является его описательный характер: в накопленной значительной информации о истории развития культуры следует уметь выделить ее сущностные стороны.

2. Антропологический подход. В его рамках рассматривается генезис культуры через развитие человека; значительное внимание уделяется анализу культуры первобытных племен, погестарных обществ, формирования различных этносов, их мифов, верований, попыток создания первичных социальных институтов и т.д. Этот подход дополняет историко-генетические методы.

3. Социокультурный (деятельностно-поведенческий) подход. В нем культура определяется как интегративная качественная характеристика любых форм и результатов (продуктов) человеческой активности, задающая ее границы, определяющая ее возможности и придающая ей смысл и значимость в глазах социализированных в ней субъектов. При этом в центре внимания исследователя находится человек активный (homo activus) — многомерное биосоциокультурное существо и субъект действия, его нравственность, составляющая основание любой культуры.[1] Механизмы культуры отбирают, сохраняют, транслируют инвариантные содержания деятельности и коммуникации, социальных связей и отношений, в которые включены социальные агенты, превращая их в условия и детерминанты последующей социальной активности. В рамках подхода осуществляется оценка культурного потенциала индивидов и групп как через количество и качество усвоенных ими ценностей и норм, так и через их личностную, творческую деятельность, посредством которой они самореализуют себя в социокультурной жизни. Проблематичным при этом подходе является сравнение культурного уровня различных субъектов и параметров их культурной деятельности. Поэтому данный подход желательно дополнять и другими оценочными методами анализа культуры.

4. *Ценностный (аксиологический) подход.* В нем культура конституируется определенной структурированной системой ценностей, признаваемых тем или иным социумом. В «предметности» культуры происходит лишь то или иное воплощение этих ценностей, т.е. то, к чему люди стремятся, на что ориентируются, в соответствии с чем организуют свою активность. Общность и различие ценностей выступают основанием как для объединения людей для реализации совместных и сложных целей, так и для их дифференциации при несовпадении и конфликте целей. Таким образом, усвоение тех или иных ценностей в ходе социализации и их репродуцирование в реальной деятельности и коммуникации — основа существования социума. Характер ценностей социума задает меру свободы и вариативности поведения его социальных агентов. Аксиологический подход к изучению культуры позволил ввести в сферу анализа собственно культурное содержание, акцентировал ее креативное (продуцирующее, творческое) начало. Мимо его разработок не может пройти сейчас ни один социолог культуры. Проблемы ценностного подхода состоят в сложности выработки общепринятой системы ценностных критериев даже в рамках одной социальной системы. Кроме того, порождается проблема культурного релятивизма при сравнении

[1] Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. — М, 2000. — С. 27.

различных культур: как определить, что одна из них «лучше», чем другая, не заняв «пристрастной» позиции.

5. Цивилизационный подход. Рассматривает культуры как равноценные (ценностные) основы соответствующих цивилизаций. Важность подхода состоит в его нацеленности на диалог и взаимодействие всех культур и цивилизаций как равноценных величин. Кроме того, он показывает взаимосвязь развития культуры и цивилизации. Этот подход хорошо дополняет ценностный анализ.

6. Системный подход. Широко используется при анализе политической культуры. В его дискурсе культура рассматривается как одна из подсистем общества со свойственными ей целями, ценностями, нормами, функциями и др. Этот подход хорошо раскрыт в трудах Т. Парсонса, Д. Истона, Н. Лумана и других исследователей. Проблемными местами подхода является сложность описания взаимоотношений культуры и коммуникации внутри и вне социальных систем, выявления самонаправленности и случайности в общей теории систем.[1] Этот подход также необходимо дополнять другими методами исследования культуры.

7. Предметный подход. В его рамках «культурное» понимается как искусственно созданное и в этом качестве противостоящее природному. Любые продукты человеческой активности могут быть охарактеризованы с точки зрения меры опредмеченных (объективированных) сущностных сил человека, т.е. культуры. Это опредмечивание осуществляется двояко — в предметах, с помощью которых реализуется деятельность человека (материальная культура), и в ценностях, текстах, с помощью которых организуют прежде всего поле коммуникации субъектов (духовная культура). Социализированный в культуре человек способен извлекать закрепленные в ней смыслы, схемы, т.е. распредмечивать их и использовать в своих целях. Культура, т.о., выступает как соответственно организованная и легитимизированная система образцов (схем, моделей, текстов), которые усваиваются в ходе социализации и на основе которых строится любая социальная активность, производя новые результаты (продукты) как условия и возможные новые образцы последующего действия (действования). Проблемные аспекты предметного подхода состоят в том, что культура предстает как некое статичное образование, акцент делается на опредмеченных формах культуры, закрепленных в памяти социума (она выступает здесь, по сути, как своеобразный музей, хранилище образцов, извлекаемых по мере надобности для организации социального взаимодействия). В силу этого данный подход должен дополняться другими, прежде всего ценностными и деятельностными методами анализа культуры.

8. Институциональный подход. Часто используется при анализе политической и правовой культуры. Он предполагает изучение культуры лишь как одного из ряда факторов, опосредующих формирование и развитие институтов. При институциональном подходе социетальная природа общества определяется через систему базовых институтов. В рамках этого подхода обращение к анализу культурных основ (принципов, образцов), лежащих в основе деятельности раз-

[1] **Ритцер** Дж. Современные социологические теории. — 5-е изд. / пер. с англ. — М.: Питер, 2002. — С. 219-220.

личных социальных институтов, не всегда выдвигается на первое место. Проблемная сторона подхода — недооценка возможностей социодинамики институтов именно в силу культурных трансформаций, роли в них человеческого фактора. В рамках неоинституционального подхода наблюдается большее внимание к роли культуры в развитии социальных институтов.

9. Технологический подход. В его рамках акцент делается на том, что культура технологична по своей природе, ибо она есть особая совокупность средств и механизмов для решения проблем, с которыми сталкиваются ее носители. Культура как бы «вкладывает» в различные виды активности социальных агентов типологизированные и в той или иной мере институционализированные программы деятельности, продуцирует (по возможности) новые нормы поведения. Проблемы технологического подхода состоят в том, что он обнаруживает неспособность «схватывать» всю совокупность сложных смысловых содержаний культуры и требует дополнения другими подходами, особенно социокультурным и ценностным.

10. Символический подход. В нем культура предстает как организованность определенных символических форм самоактуализации социума. В основе культурного взаимодействия — понимание символов, кодов и умение с ними работать. Знаково-текстовое оформление культуры позволяет «расшифровать» ценностные основания культуры, транслировать их через символические системы в структуры коммуникации и деятельности, формируя последние через обмен символами между реальными социальными агентами. Проблемность символического подхода определяется преувеличением роли знакового смысла культурных явлений. Его целесообразно сочетать с ценностным и другими подходами.

//. Текстовый подход. В соответствии с ним культура формируется и развивается в особом знаковом пространстве, отдельном от собственного социального пространства. Это предопределяет выработку своих собственных механизмов, правил, закономерностей самоорганизации и изменения. Упорядочивание законов происходит в языках культуры. Носителями автономной (отграниченной) знаково-оформленной значимой информации являются сообщения на том или ином языке. За рядом сообщений признается статус текстов при их дополнительной смысловой нагруженное™ в культуре. Быть в культуре — это знать коды, в которых зашифрованы ее тексты, и уметь работать с последними. Уровень доступных субъекту языков, кодов и текстов определяет его в поле культурных смыслов, а через них в значительной мере и его социальные возможности и претензии. Проблемы текстового подхода обусловлены сложностью изучения знакового пространства.

12. Коммуникативный подход. В отличие от «текстового» подхода, он делает акцент на рассмотрении взаимосвязей знаковой и социальной реальности через многообразные системы коммуникаций. Культура при этом подходе рассматривается как процесс коммуникации отправителей сообщений и получателей сообщений на основе знания кодов общих языков и совместного социокультурного опыта. Сообщения могут передаваться по различным каналам как пространственно между культурами, их подсистемами и субъектами, так и во времени. Проблемные места коммуникативного подхода связаны с избыточным технологизмом,

к которому подчас прибегают некоторые исследователи. Учитывая это, следует больше обращать внимание на характер и социокультурное содержание передаваемой и воспринимаемой информации различными субъектами.

13. Игровой подход. В нем культура рассматривается прежде всего как оперирование определенными содержаниями в социально организованном и отведенном от непосредственной деятельности коммуникативно-игровом пространстве. Культура — это самоценная игра, организующая уже имеющиеся содержания, порождающая новые смыслы и возможные схемы коммуникатирования и действия. «Культура как бы происходит из игры, как живой плод, который отделяется от материнского тела, она развивается в игре и как игра». (И. Хейзинга). Быть в поле культуры — это значит играть по принятым правилам внутри социокультурного пространства. Ограничения игрового подхода связаны с его абстрактностью. Он требует дополнения другими методами исследования.

14. Психологический подход. Особое внимание уделяет анализу психологических основ социокультурной деятельности: реакций человека на адаптацию к среде, приспособлению к окружающему и изменяющемуся миру, проблемам научения образцам культуры, формированию привычек, психологическим аспектам творчества, подсознательным аспектам культуры и коммуникации и т.д.

15. Диалоговый подход. Его смысл состоит в том, что он предполагает рассмотрение культуры как в пространстве ее существования, так и в ее исторической ретроспективе. Этот подход позволяет задавать максимально широкую рамку обсуждения проблем культуры, координировать и разграничивать различные дисциплинарные подходы. Проблемы диалогового подхода состоят в сложности анализа огромного количества культур и выработки надежной методики их оценки.

16. Рассмотрение культуры в рамках постмодернистского дискурса. Его корни можно найти в трудах Ш. Бодлера, Гадамера, Ж. Делеза, Ж. Деррида, М. Хайдеггера, Ортеги-и-Гассета и др. Специфика постмодерна состоит в том, что он не признает ценностную иерархию, делает акцент на объяснении современных явлений культуры и бытия при отказе от большинства традиций и правил модерна. Постмодернистский подход провозглашает полную свободу мысленного творчества от сложившихся традиций (акцент делается не на поиске «истока», «причины», а «следа», «случая», приветствуется «ирония», «неопределенность» и т.д.). Особое внимание уделяется анализу «текста» или «интертекста», рассмотрению меняющихся поведенческо-игровых ситуаций. В его рамках происходит деконструирование прежней интеллектуальной практики, смешение стилей, отказ от признания лежащего чего-либо за пределами нашего опыта. Постмодерн нацелен на внешний, поверхностный смысл современных материальных и постматериальных форм и образцов деятельности подчас в ущерб духовному и смысловому содержанию культуры («онтологический нигилизм»).

Массовая постмодернистская культура, особенно в глобальных коммуникационных сетях, базируется на негативном и афессивном отношении к историческому и национальному культурному прошлому, навязывает свои образцы

и стили поведения и мышления широкому кругу потребителей в различных странах мира. В то же время в *«постмодернистской социальной теории»* (Ж. Бодрияр, Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотар, Л. Николсон и др.) не делается акцент на разрыве с модерном, а лишь указывается на его ограниченность и ставится проблема выработки нового типа теоретизирования о социальном мире, создания постмодернистской социальной теории как торжества различных теоретических подходов. Ж.-Ф. Лиотар говорил о необходимости «вести войну с тотальностью» в теории, критиковал метаповествования (большие нарративы), обращал внимание на необходимость «активизации различий»[1] в исследовательских подходах.

Многие постмодернистские социальные идеи носят абстрактный характер. Социальным постмодернистам лучше удается критика существующего общества, чем построения реальных программ его усовершенствования. В ряде последних работ постмодернистов наблюдается интерес к классическим проблемам либерализма (права человека, представительство и др.), гуманизму и др.

17. Изучение культуры в контексте глобализационных процессов. В данном дискурсе рассматриваются проблемы планетарного и регионального взаимовлияния и столкновения культур и цивилизаций, особенности культурологического воздействия на процессы трансформации и модернизации различных обществ, их идентичность, осуществляется анализ различных культурных ценностей и т.д.

5. *Компаративистский анализ различных культур*

При изучении культуры и политики различных обществ широко используются различные подходы сравнительного исследования. В самом общем виде кросснациональные исследования подразделяются на два типа: одни ограничены отбором переменных, общих для многих стран, с отчетами и анализом данных, относящихся к этим переменным; другие ориентированы на сравнения в ходе изучения исторических ситуаций.[2]

При сравнительно-исторической типологии культур можно использовать следующие подходы: *географический* (локализация культур в географическом пространстве); *хронологический* (выделение самостоятельных этапов в историческом развитии, т.е. локализация во времени); *национальный* (изучение отличительных черт культуры на всем протяжении ее исторического развития).

Сравнительно-сопоставительный метод дает возможность выявлять природу разнородных объектов и объяснять причины связей. Историко-генетическое сравнение позволяет объяснять сходство явлений как результат их тождества по происхождению. Историко-типологическое сравнение позволяет объяснить

[1] **Lyotard J.-F.** The Postmodern Condition. — Minneapolis, Univ. of Minnesota Press, 1984. — P. 82.

[2] **Чилкот Р.Х.** Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы / пер. с англ. — М.: Весь мир, 2001. — С. 563.

сходство не связанных по своему происхождению объектов одинаковыми условиями их становления и развития.

Сравнительно-сопоставительный метод является одним из старейших в гуманитарных науках, однако широко он стал использоваться с конца XIX — начала XX вв., особенно в рамках институционализировавшихся во многих странах Запада политической науки и социологии. В этих условиях стало распространенным *субстанциальное сравнение* — сопоставление не только форм, но и анализ их наполнения. Межстрановые и международные сравнения стали проводиться на основании элементного состава сопоставляемых объектов, например установок, определяющих политические действия. Были распространены также *интегральные* сравнения, исходящие из всеобъемлющего охвата элементов внутренней и внешней среды, действующих на целостную систему. Выделился особый тип сравнения, возникающий при учете темпоральности (временного фактора) политических явлений и процессов (кроссвременные сравнения, анализ сквозь время).

В последние десятилетия все шире распространяется типология сравнительных исследований с подразделением их на бинарные, региональные, глобальные, кросстемпоральные, цившшзационные (межцивилизационные) и др. Используются и иные методы ранжирования сравнительных кросскультурных исследований, в частности применение дихотомичных и трихотомных схем, шкал и матриц, «case-studies».

В современных условиях выделяется пять основных типов компаративистских кросскультурных исследований.

1. Страноведческие описания культуры и политики.

2. Анализ сходных процессов и институтов в ограниченном пространстве стран.

3. Использование типологий и иных форм классификационных схем (ценностных, институциональных и др.) как для сравнения группы стран, так и для прояснения внутренней культуры и политики в отдельных государствах.

4. Статистический и дескриптивный анализ совокупности стран, выделенных, как правило, по географическим, культурным или цивилизационным показателям, для проверки некой гипотезы о соотношении переменных в рассматриваемой «выборке».

5. Статистический анализ общемирового уровня, направленный на выявление структур или тестирование отношений при учете всего массива культур и цивилизаций.

В принципе, возможно теоретическое «объединение» всех рассмотренных методов (методик) сравнительных исследований в комплексную систему сопоставления и сравнения искомых явлений и процессов культуры и политики.

Кросскультурный анализ социодинамики культур и политики в различных странах позволяет выделить общее и особенное в их историческом и цивилизационном генезисе, лучше понять и творчески использовать накопленный человечеством опыт культурного и политического развития.

Ключевые понятия по теме «культура»

культура	коды культуры
элементы культуры	религия (и культура)
структура культуры	культурные артефакты

ценности культуры
носители культуры
духовность
субъекты культуры
трансляторы культуры
нормы культуры
культура модерна, постмодерна
культура как подсистема общества
функции культуры
типология культур по разным основаниям
методы кросскультурных исследований
глобальный контекст изучения культуры
основные подходы и методы анализа культуры
постмодернистский дискурс

Вопросы для самостоятельной работы

1. Что понимается под культурой как научной категорией?
2. Каковы системообразующие, структурные элементы (компоненты) культуры?
3. Раскройте понятие субъекта (носителя) культуры, их виды.
4. По каким основаниям и признакам принято типологизировать культуры?
5. Каковы основные подходы к исследованию культуры, их достоинства и проблемы?
6. Сформулируйте основные виды взаимодействия культур.
7. Какие подсистемы выделяет Т. Парсонс в своей общей теории действия и социальных систем?
8. Охарактеризуйте функции культуры.
9. Какова роль культуры в системе социального действия?
10. Каковы основные теоретические и специальные подходы к изучению культуры?
11. Раскройте методологию кросскультурного анализа.
12. Перечислите основные типы кросскультурных исследований.
13. По каким ценностям могут отличаться разные культуры?
14. Каковы критерии ценностей культуры?
15. Какова роль религии в культурах?
16. В чем сущность и проблемы ценностного анализа культур?
17. Каковы характерные черты и проблемы системного анализа культур?
18. В чем преимущества социокультурного подхода к анализу культур?
19. В чем сущность и проблемы семиотического и текстового исследований культур
20. Каковы задачи коммуникативного подхода при анализе различных культур?
21. В чем сущность постмодернистского подхода (дискурса) к изучению культуры, его проблемы?

Глава 2
Цивилизационное воплощение культурной матрицы

Найдыш В.М.: «При использовании понятия "цивилизация" акцент делается на определении уровня, степени социально-экономического, научного, политического и иных ступеней развития данного этносоциального организма, этапов его становления, качественных отличий всей общественной жизни, ее парадигмы и традиции от предшествующего генезиса общества или иных цивилизаций (обществ). Термином "цивилизованность" определяется именно уровень развития общества, его структур, социальных субъектов, человека».

Э. Абу: «Историю цивилизации можно выразить в пяти словах: чем больше знаешь, тем больше можешь».

В.Л. Цымбурский: «Каждая цивилизация — это образ особого человечества на отдельной земле».

С. Переслегин: «Цивилизация есть способ взаимодействия носителей разума с окружающей средой».

Г. Бокль: «Тенденцией азиатской цивилизации было увеличение расстояния между людьми и божествами, тенденцией греческой цивилизации — уменьшение этого расстояния».

Р. Эмерсон: «Истинный уровень цивилизации — не уровень богатства и образования, не величина городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитываемого страной».

Н. Винер: «Мы изменили свое цивилизационное окружение так радикально, что теперь должны изменять себя, чтобы жить в этом новом окружении».

А. Швейцер: «Этический прогресс — поистине сущность цивилизации, а материальный прогресс гораздо менее значим и может иметь как благоприятное, так и неблагоприятное воздействие на ее развитие».

К. Вебер: «Цивилизованная дикость — самая худшая из всех дикостей».

П. Буаст: «Наша мнимая цивилизация часто бывает одним лишь утонченным варварством».

Дж. Томсон: «Цивилизованное общество напоминает ребенка, который ко дню своего рождения получил слишком много игрушек».

1. Подходы к изучению цивилизации

Большое значение имеет вопрос о соотношении категорий «культура» и «цивилизация». По этой проблеме существуют разные точки зрения, однако большинство авторов справедливо полагают, что, хотя рассматриваемые понятия и имеют ряд сфер «соприкосновения» и «взаимопроникновения», их следует различать.

Цивилизация (от лат. civis — «гражданин», civilis — «гражданский», «государственный») — понятие, известное со времен античности, где оно как некая форма и порядок жизни противопоставлялось варварству, а в качестве самостоятельного термина, соотнесенного с понятием «культура», вошло в словоупотребление и научное обращение в XVIII в. Именно в это время оно приобрело широкий социально-философский смысл для обозначения определенной стадии всемирно-исторического процесса, ценностей гражданского общества, основанного на началах разума, справедливости и законности (А. Вольтер, В.Р. Мирабо, А. Фергюсон, И.Г. Гердер и др.). Известный французский просветитель и политик М.Ж. Кондорсе в своей работе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» попытался применить к обществу единообразные естественные законы вселенной, выделив ряд эпох, или этапов, в истории общечеловеческой цивилизации. Особое внимание он обращал на необходимость уничтожения неравенства между нациями, отказа от войны как метода решения международных споров, делал акцент на развитие моральной доброты человека (человечества) и установления справедливых законов.

Следует также выделить трактовку цивилизации как более высокой ступени развития человечества, пришедшей на смену дикости и варварству, в систематическом виде представленную в работах Л. Моргана и Ф. Энгельса (формационная теория), цивилизационную дихотомию М. Вебера: «традиционное — современное общество», цивилизацию как проявление высокого уровня материальной и духовной деятельности человека (Н. Бердяев, С. Булгаков).

Цивилизация — культурная общность людей, обладающая некоторым социальным (этническим) генотипом, социальным стереотипом, при этом прошедшая ряд этапов в своем развитии и освоившая определенное (большое) пространство. Под цивилизацией понимается устойчивое единство всех оснований объединения людей, их общностей и культур, опирающееся на преобладающую совокупность технологий, информационных и ценностных отношений.

В литературе существует ряд подходов к толкованию понятия «цивилизация». Так, например, в словаре английского языка Вебстера приводится ряд толкований этого термина.

Подходы к пониманию цивилизации, цивилизованности:

1) идеальное состояние человеческой культуры, характеризующееся полным отсутствием варварства и нерационального поведения, оптимальным использованием физических, культурных, духовных и человеческих ресурсов, а также полноценное устроение индивида в обществе. Подлинная цивилизация — это тот идеал, к которому надо стремиться;

2) особое состояние или стадия человеческого продвижения к цивилизации, т.е. либо культура, присущая определенному месту и времени (средневековая культура), либо ступень культурного развития, отмеченная изобретением письменности и хранением письменных записей, а также ступень, отмеченная урбанизацией, совершенствованием технологий (в сельском хозяйстве и промышленности), ростом населения и усложнением социальной организации (современная цивилизация);
3) процесс становления цивилизованности: прогресс в науке, государственном управлении, уголовном процессе, а также в человеческих устремлениях и духовности;
4) цивилизующая деятельность, особенно насильственное внедрение особого типа культуры среди населения, которому он чужд (огромные силы нации растрачивались на кровавое внедрение цивилизации среди народов, отказывающихся ее принимать);
5) совокупность достижений человеческой культуры и стремлений, выходящих за пределы собственно животного уровня;
6) принятие нормативного типа поведения или мышления (изысканность мыслей, манер и вкуса);
7) территории, на которых установился относительно высокий уровень культурного и технологического развития;
8) городской комфорт.

Важно обращать внимание на то, что термин «цивилизация» обозначает не только особую качественную характеристику общества, но и особый подход, и измерение исторического процесса становления и развития человечества. Это понятие позволяет зафиксировать начало собственно социальной стадии эволюции человеческого рода; выход его из первобытного состояния; динамику развития общественного разделения труда; информационной инфраструктуры; доминирующей формы социальной связи и социальной организации в рамках макрообщества.

Своеобразной модификацией термина «цивилизация» является словообразование «цивилизованность» (civility), фиксирующее определенный уровень воспитания, нравственной и бытовой культуры, стиль жизни и манеры поведения людей, отличные от нравов и привычек «нецивилизованного» общества и общежития.

Цивилизация рассматривается как с точки зрения теории *стадиального генезиса,* так и *локального (мегарегионального) развития*.

В соответствии со *стадиальным подходом* принято выделять три основные исторические формы (типа) цивилизационного мироустройства: 1) земледельческую (афарную); 2) индустриальную; 3) постиндустриальную (информационную) цивилизации. Известный американский исследователь Э. Тоффлер называет их *цивилизационными волнами*.

В рамках данного подхода возможно и более дифференцированное отношение к цивилизационной истории человечества с выделением семи фаз (этапов) в процессе ее генезиса: 1) неолитическую; 2) рабовладельческую; 3) античную; 4) раннефеодальную; 5) позднефеодальную (предындустриальную); 6) индустриальную; 7) постиндустриальную цивилизации.

Стадиальный подход имеет определенные проблемные места. Ряд исследователей обращают внимание на то, что базовое понятие «цивилизованного», развитое в XVII в. французскими философами в рамках бинарного противостояния «цивилизация — варварство», послужило онтологической основой экспансии европейской цивилизации и практики передела мира без учета мнений и желаний любых неевропейских культур. Окончательный отказ от бинарной формулы произошел лишь в середине XX в. после Второй мировой войны. Вторая мировая война стала завершающим этапом распада Британской империи — последнего воплощения классической французской формулы цивилизации.

Другим подходом к изучению цивилизаций является *теория локального развития.* В этом смысле понятие «цивилизация» широко используется для обозначения качественной определенности, стадий развития и состояния локальных культур — их возникновения, развития, деградации или упадка.

Локальный подход (или аспект) в изучении цивилизации, активно заявивший о себе в XIX в. под влиянием идеи историзма, породил целую серию исследований региональных (континентальных) цивилизаций: работы Ф. Гизо «История цивилизации в Европе» и «История цивилизация во Франции», Г. Бокля «История цивилизации в Англии», Р. Альтамире «История Испании и испанской цивилизации» и др.

В этой связи необходимо заметить, что К. Маркс разработал не только широко известный стадиально-формационный, но и локальный подходы к генезису обществ.

Стадиально-формационный марксистский подход включает следующие представления о цивилизационных стадиях развития: 1) первобытно-общинную формацию; 2) рабовладельческую; 3) феодальную; 4) капиталистическую; 5) возможную коммунистическую формацию (как прогностическая теория, описывающая вероятностный генезис общества: через социализм к коммунизму). В его рамках существует и укрупненный подход, охватывающий три мегаформации: 1) первичную (первобытно-общинный строй); 2) вторичную (рабовладение, феодализм, капитализм); 3) третичную (посткапитализм, коммунизм). «Узким» местом этих подходов является недостаточно обоснованная разработка проблем перехода к высшим формациям, роли товарно-денежных и правовых отношений, культурологических факторов.

Локально-цивилизационный подход Маркс использовал при анализе обществ Запада и Востока. Изучив особый характер восточных обществ, он выдвинул концепцию «азиатского способа производства». Такой способ производства характеризуется общинной собственностью, деспотическим государством, особым менталитетом Востока.[1] Эта концепция и сегодня используется для анализа восточных или сходных с ними обществ. Маркс также предупреждал о нежелательности прямого переноса его выводов о развитии западного общества на другие сообщества.

[1] **Маркс К.** Предисловие к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 2. — М., 1983.

Определенный вклад в теорию «локальных» цивилизаций внес немецкий социальный мыслитель О. Шпенглер, изложивший свои взгляды в работе «Закат Европы». В этой работе он показал, что всемирная история представляет собой не линейный процесс, а совокупность циклов, кругов, которые проходит всякая культура, совершающая предназначенный ей судьбой цикл рождения, расцвета и умирания (по аналогии с человеком: детство, юность, зрелость и старость). Причем каждая культура с определенного этапа развития имеет собственную цивилизацию. Он выделял следующие культуры: египетскую, индийскую, вавилонскую, китайскую, античную (аподлоновскую, или греко-римскую), византийско-арабскую (магическую), западную (фаустовскую) и майя (мексиканская, или юкатанская). Некоторые выводы О. Шпенглера являются спорными. Например, о том, что все культуры замкнуты в себе и якобы не могут обогащать друг друга, а также его точка зрения о том, что современная ему европейская культура, достигнув стадии цивилизации, характеризуется упадком в области литературы и искусства и якобы уже вступила в последнюю фазу развития.'

Более диалектичен в этом отношении Н.А. Бердяев. В соответствии с его точкой зрения историческая судьба человечества включает и (или) проходит четыре «состояния»: 1) варварство; 2) культуру; 3) цивилизацию; 4) религиозное преображение. Он полагал, что эти четыре состояния нельзя брать исключительно во временной последовательности; «они могут сосуществовать», это как бы разные направленности человеческого духа. Соответственно, какое-то из этих состояний в ту или иную эпоху может преобладать.

Категория «цивилизация» отражает уникальность той или иной национально-культурной, исторической традиции, ее специфическое содержание, способы передачи и воздействия на облик общества и человека. Ему присущ определенный культурный релятивизм, отказ от расстановки обществ по ступеням прогресса, перенос внимания на структуры культурной традиции.

Следует отличать цивилизацию от бесчисленного количества мелких этнических культур, государственных образований и даже крупномасштабных социокультурных общностей. Цивилизация как социокультурная общность формируется на основе универсальных, т.е. сверхлокальных ценностей, получающих выражение в мировых религиях, системах морали и этики, права и искусства, которые сочетаются с обширными комплексами практических и духовных знаний, соответствующими знаково-смысловыми кодами коммуникации. П. Сорокин называл цивилизации культурными суперсистемами и обращал внимание на то, что «в безграничном океане социокультурных явлений существуют крупные культурные системы, иначе называемые культурными суперсистемами или же цивилизациями, которые функционируют и как реальное единство. Они не совпадают с государством, нацией или любой другой социальной ipynnofi. Обычно границы этой культурной сущности перекрывают географические 1раницы национальных, политических или религиозных единиц... В ходе взаимодействия культурная система осуществляет отбор через принятие близких по духу и устранение неблагоприятных элементов».-

[1] **Шпенглер О.** Закат Европы / пер. с нем. — Новосибирск, 1993. — С. 69-70.

[2] **Sorokin P.** Sociological Theories of Today. - N.-Y., L., 1966. — P. 221-224.

Выдающийся английский историк А. Тойнби выделил и классифицировал более двадцати существовавших на нашей планете цивилизаций. Он проанализировал ряд современных ему основных мегарегиональных цивилизаций: «западное общество», «православно-христианское общество» (два типа: в Юго-Восточной Европе и России), «исламское общество» («арабское» и «иранское»); «индуистское общество», «дальневосточное общество» («китайско-конфуцианское» и «корейско-японское»), латиноамериканскую цивилизацию.[1] Некоторые исследователи (профессора Н.Д. Косухин, Ю.Г. Сумбатян и др.) полагают, что сегодня можно также говорить и об африканской цивилизации.

Цивилизационный подход весьма актуален и при исследовании России, представляющей, по мысли ряда таких известных зарубежных ученых, как А. Тойнби, С. Хантингтон и других, а также многих российских исследователей (А.С. Панарин, А.Г. Дугин и др.), самостоятельное цивилизационное сообщество.

Важный вклад в развитие теории цивилизаций внес русский социолог Н.Я. Данилевский. В основу его социологической концепции была положена идея обособленных, локальных «культурно-исторических типов», взаимоотношения которых находятся в непрерывной борьбе друг с другом и внешней средой. В своем труде «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому» Данилевский показал, что начала цивилизации каждого культурно-исторического типа вырабатываются самостоятельно.[2] Он выделил ряд культурно-исторических типов (или самобытных цивилизаций): египетский, китайский, ассирийско-вавилонский-финикийский (или древнесемитический), индийский, китайский, еврейский, греческий, римский, новосемитический, или аравийский, германо-романский, или европейский, и др. Славянскому культурно-историческому типу Данилевский, являвшийся идеологом панславизма, предсказал благоприятные перспективы генезиса.

Развитие культурно-исторических типов (цивилизационных образований) проходит, как полагал Данилевский, в соответствии с рядом закономерностей.

Закономерности развития культурно-исторических типов (по Н. Данилевскому) следующие.

1. Всякое племя или семейство народов с отдельным языком или группой языков, близких между собой, составляют самобытный культурно-исторический тип, если они способны к историческому развитию и вышли из младенчества.

2. Чтобы цивилизация могла зародиться и свободно развиваться, необходимо, чтобы народы, к ней принадлежащие, пользовались политической независимостью.

3. Достижения цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа, поскольку каждый из них вырабатывает для себя при большем или меньшем влиянии предшествовавших или современных цивилизаций.

[1] Тойнби А.Дж. Постижение истории / пер. с англ. — М.: Прогресс, 1991. — С. 33, 77.

[2] Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. — СПб., 1995.

4. Цивилизация только тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны составляющие ее этнографические элементы.

5. Период существования цивилизаций бывает неопределенно продолжительным, однако фаза расцвета может быть относительно короткой, как период цветения у растений.

Все виды деятельности (поведения) в культурно-исторических типах, по *И.Я.* Данилевскому, имеют четыре имманентно им присущие базовые основы. Среди них: 1) религиозная (отношение человека к Богу); 2) культурная (объемлющая отношения человека к внешнему миру — теоретическое, научное, эстетическое, художественное, техническое, промышленное и др.); 3) политическая (отношения людей между собой по поводу власти и управления как членов одного народа и отношения этого целого к другим народам); 4) общественно-политическая (отношения людей между собой по поводу добывания и обработки предметов внешнего мира).

В различных цивилизациях политика, политико-культурное развитие и особенно политический генезис человека, проистекают со значительной долей своеобразия, в иных формах, структурах, а подчас и при ином политическом мироощущении и восприятии. Осмыслить сущность и своеобразие «политического человека» соответствующей цивилизации значит понять ее политическое бытие, то, чем она отличается и в чем близка к другим вариантам политического развития человечества.

В основу теоретического конструирования категории «цивилизация» целесообразно положить понятие метаэтносоциального организма, его качественных характеристик, этапов развития. В цивилизации принято выделять ее основные, ведущие подсистемы: 1) биосоциальную; 2) экономическую; 3) политическую; 4) культурную (область символов, ценностей, норм, обеспечивающих коммуникацию между людьми).

Цивилизация всегда — это не только своеобразие этих подсистем, но и их неповторимое сочетание. Существует четыре различных вида инвариантных отношений внутри любой цивилизации, имеющие свои качественные отличия:

1) отношения к пространству (включая сюда первичную персонализацию пространства; отношения по поводу проявления ресурсов, меры агрессивности как вида пространственной активности и др.);
2) отношения к воспроизводству себе подобных (семейно-брачные отношения, характер воспитания и др.);
3) отношения по поводу распределения социальных ролей (характер отношений доминирования-подчинения; иерархия ролей; ранжирование целей);
4) отношения, направленные на поддержание «социального единства».

Понятие «цивилизация» включае! и объясняет типологически контрастные'фадиции социальности и духовности, охватывающие относительно ограниченные общности людей, тяготеющие к некоей самозамкнутости, некоему самоощущению в мировом географическом ареале. Каждая такая традиция воплощена в специфической популяции — носительнице этноса или группе этносов с обособленной традицией государственного и экономического строительства, а также непременной геополитической сюжетикой, которая в особых, обычно экстремальных, ситуациях накладывается на геополитику других сопредельных цивилизаций.

Существенно взаимоотношение категорий «цивилизация» и «религия». Религия обычно выступает важнейшей составляющей цивилизации. Однако исторически цивилизация может предшествовать религии. Выдающийся российский исследователь Н.Н. Моисеев писал: «Вряд ли прав Тойнби, утверждавший, что религии формируют цивилизации. Ведь цивилизации старше любой религии, и мне кажется, что в данном случае все происходит как раз наоборот: цивилизации выбирают религию и адаптируют ее к своим традициям, оправданным историческим опытом. Я думаю, что особенности цивилизаций определяются прежде всего условиями жизни, особенностями территории, ее ландшафтами, климатом».[1]

Подход Н.Н. Моисеева важен для уточнения роли религии в развитии цивилизации. Он позволяет рассмотреть и предрелигиозные предпосылки формирования цивилизационных общностей. Так, например, в связи с запомнившейся «круглой датой» принятия христианства на Руси (988-1998 гг.) стало привычным говорить о «тысячелетней» российской цивилизации, культуре, государственности и т.д. Однако такое выражение не является точным, поскольку в указанных временных рамках правильно указывается только этап «православной цивилизации» и упускается гораздо более продолжительный, многотысячелетний «языческий» (арийский) период.

Цивилизация обычно «привязана» к религии, что находит отражение и в их названиях: западно-христианская, восточно-христианская, исламская, индо-буддийская и конфуцианская (основывается на конфуцианстве, китаизированном буддизме и даосизме).

Культуры,религии,регионы (страны), цивилизации

Культура и (или) цивилизация	Ведущая религия	Регион,страна
Арабская	Ислам	Сев. Африка, Средний Восток
Индийская	Индуизм, буддизм	Индия
Японская	Конфуцианство, буддизм,синтоизм	Япония
Еврейская	Иудаизм	Израиль
Латинская	Католицизм	Южная Европа, Лат. Америка
Малайская	Ислам, буддизм, католицизм	Малайзия, Индонезия
Нордическая (северная)	Протестантизм	Сев. Европа, Великобритания, Сев. Америка
Славянская	Православная (ортодоксальная)	Восточная Европа, Россия
Китайская (синская)	Конфуцианство	Китай, о. Тайвань, Республика Корея, Сингапур, Вьетнам
Африканская	Христианство, анимизм	Африка южнее Сахары

[1] Моисеев Н.Н. Судьба цивилизаций. Путь разума. — М., 1998. — С. 42.

2. О соотношении культуры и цивилизации

Используя категорию «культура», мы оцениваем прежде всего характер и способы человеческого труда, развития самого человека, генезиса общества. Посредством термина «культура» определяется стиль функционирования и ценностные характеристики любой цивилизации, способы ее самовыражения, духовность, мера гуманизма.

> *П.К. Гречко:* «Понятие "цивилизация" в первую очередь определяет уровень и результат поступательного развития общества, в то время как "культура" выражает или отражает механизмы и процессы освоения этого уровня и достигнутого результата. Культуру нужно связывать с самоорганизацией духа, миром духовности и цивилизацию — с гражданским, общественным устроением нашей жизни. Цивилизацию можно уподобить телу общества, а культуру — ее душе. Цивилизация устраивает нашу жизнь, делает ее удобной, приятной. Культура «ответственна» за другое — постоянную неудовлетворенность достигнутым, поиск достойного для души, а не одного только тела. Человек культуры — душевно-духовное существо; человек цивилизации — целсрациональное существо».[1]

Переход культуры в цивилизацию связан с изменением отношения человека к природе. Все перемены в судьбе человечества связаны с новым отношением человека к природе. Эра цивилизации началась с победного вхождения машин в человеческую жизнь. В известном смысле жизнь перестает быть органической, теряет связь с ритмом природы. Человек окончательно удаляется от природы в процессе технического овладения природой и организованного властвования над ее силами. Цивилизация прежде всего технична, в ней техника торжествует над духом, над организмом. Современные культурологи склоняются к убеждению, что цивилизацию надо понимать как среднюю стадию развития человеческого опыта. Эта стадия началась, как они полагают, с возникновением сельского хозяйства, затем продолжалась в промышленной революции, после чего человечество волей-неволей начинает двигаться к ностцивилизационной стадии развития, когда массовые коммуникации обеспечат глобализацию культуры.

Во многих работах при сопоставлении культуры и цивилизации первая оценивается как сфера высших человеческих действий: духовных, научных, художественных и иных проявлений человеческой активности. Цивилизация же рассматривается как олицетворение материальных основ и форм бытия. В англо-французской традиции и транскрипции значения терминов «культура» и «цивилизация» достаточно близки. В Германии сложилась несколько иная традиция: культура выступает как сфера духовных ценностей, вместилище высших достижений человеческого разума и области индивидуадьного совершенствования лич-

[1] **Гречко U.K.** К вопросу о соотношении цивилизаций и культуры //Диалог цивилизаций: Восток — Запад. — М: Изд-во РУДН, 1994. — С. 26.

ности, а цивилизация охватывает сферу материально-вещественных достижений, «комфорта», угрожающего развитию индивидуальности человека, «омассовления» духовного производства.

Вместе с тем всегда необходимо учитывать, что *цивилизация и культура во многом едины:* не существует цивилизации без своей культуры, не существует и культуры без цивилизации. И культура, и цивилизация имеют нормативную природу. Различие между ними состоит в том, что цивилизация создает предпосылки культурного процесса, реализует его. В свою очередь, культура создает условия развития цивилизации, являясь творчеством нового. Наличие названного противоречия — источник развития и культуры, и цивилизации.

Очень интересна постановка вопроса о соотношении цивилизации и религии известным иранским ученым, аятоллой, Президентом Ирана С М. Хатами. Именно по его предложению ООН объявила 2001 г. «годом диалога цивилизаций». Он рассматривает религию как важную культурную составляющую и обращает внимание на то, что она может выступать (применительно к исламскому обществу) духовным ориентиром цивилизации. Он писал: «Цивилизация имеет дело с конкретными потребностями и дилеммами сообщества в определенном времени и определенном месте. Религия же проливает свет на вопросы о вечности, намечая для человечества общую дорогу на все времена и давая жизни направление, независимо от постоянно меняющихся обстоятельств... Цивилизации и мировоззрения существуют во времени и пространстве — они конечны. Религия, наоборот, не зависит ни от времени, ни от пространства...»'

Итак, в ходе эволюции термина «цивилизация» обнаружились его многозначность, смысловой плюрализм, сохраняемые до наших дней. Современные цивилизации — социальные и культурные суперсистемы — в своем большинстве не совпадают ни с нацией, ни с государством, ни с какой-либо социальной группой; но при этом определяют характер всех этих явлений. Особую роль в цивилизации составляет ее «культурно-духовно-религиозное ядро, или матрица».

В то же время можно говорить о наметившейся долговременной и противоречивой тенденции к формированию общечеловеческого цивилизационного сообщества как системы «общепризнанных ценностей всех культур» (К. Ясперс), результата их взаимодействия.

При цивилизационном подходе акцент делается на «выделении устойчивых типов обществ», идентификации народов на основе их социокультурной общности, на единых духовно-культурных факторах и иерархии структур и ценностей, способах производства духовности, социализации, регулирования отношений, дифференциации жизнедеятельности и устойчивой интегрированное™ в сообщество всех его территорий и групп.

В каждой из цивилизаций в различные исторические периоды может обостряться внутренняя борьба за господство над природными и людскими ресурсами, за гегемонию в символической сфере (в области идеологии, религии, искусства и т.д.). Цивилизации внутренне динамичны, находятся в процессе противоречивого генезиса, испытывают постоянное воздействие внут-

[1] Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. — М., 2001. — С. 208-209.

ренних и внешних импульсов, взаимодействия рационализма и традиционализма, влияния западничества и почвенничества, глобализационных и региональных тенденций и др. Необходимо учитывать, что ойкумена не делится на цивилизации «без остатка». Она также включает различные вне-, около- и межцивилизационные обитаемые пространства. В ряде географических ареалов пересекаются элементы различных цивилизаций, может иметь место их мозаичность.

В современном мире социокультурные и цивилизационные факторы играют возрастающую роль. Проблемы «столкновения» цивилизаций, «линий разлома», между ними — одна из ведущих тем политологии, культурологии и социальной философии, ключевой вопрос геополитики. Многие исследователи обращают внимание на то, что в международной повестке дня мегацивилизационные, а, следовательно, и межкультурные проблемы все отчетливее выходят на ведущее место.

Доля цивилизаций в** валовом **мировом продукте

Цивилизация	1950 г.	1970 г.	1980 г.	1992 г. j
Западная	64	53	48,6	48,9
Африканская	0,2	1,7	2	2,1
Синская (китайская)	3,3	4,8	6,4	10
Индуистская	3,8	3	2,7	3,5
Исламская	2,9	4,6	6,3	11
Японская	3,1	7,8	8,5	8
Латиноамериканская	5,6	6,2	7,7	8,3
Православная	16	17,4	16,4	6,2
Другие	1	1,1	1,4	2

С. Хантингтон предлагает учитывать следующие аспекты развития цивилизаций, их культуры и политики.

Во-первых, цивилизации не схожи по своей истории, языку, культуре, традициям и, что самое важное, религии. Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Эти различия складывались столетиями. Они не исчезнут в обозримом будущем. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Конечно, различия необязательно предполагают конфликт, а конфликт необязательно означает насилие. Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями.

Во-вторых, мир становится более тесным. Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общностями в рамках цивилизации. Североафриканская иммиграция во Францию вызвала у французов враждебное отношение и в то же время укрепила доброжелательность к другим иммигрантам — «добропорядочным католикам и европейцам из Польши». Американцы гораздо болезненнее реагируют на японские капиталовложения, чем на куда более крупные инвестиции из Канады и европейских стран. Взаимодействие между представителями разных цивилизаций укрепляет их цивилизационное самосознание, а это, в свою очередь, обостряет уходящие в глубь истории или, по крайней мере, воспринимаемые т.о. разногласия и враждебность.

В-третьих, процессы экономической модернизации и социальных изменений во всем мире размывают традиционную идентификацию людей с местом жительства, одновременно ослабевает и роль нации-государства как источника идентификации. Образовавшиеся в результате лакуны по большей части заполняются религией, нередко в форме фундаменталистских движений. Подобные движения сложились не только в исламе, но и в западном христианстве, иудаизме, буддизме, индуизме. В большинстве стран и конфессий фундаментализм поддерживают образованные молодые люди, высококвалифицированные специалисты из средних классов, лица свободных профессий, бизнесмены. Как заметил Г. Вайгель, «десекуляризация мира — одно из доминирующих социальных явлений конца XX в.». Возрождение религии создает основу для идентификации и сопричастности с общностью, выходящей за рамки национальных границ — для объединения цивилизаций.

В-четвертых, рост цивилизационного самосознания диктуется раздвоением роли Запада. С одной стороны. Запад находится на вершине своего могущества, а с другой, и, возможно, как раз поэтому, среди незападных цивилизаций происходит возврат к собственным корням. Все чаще приходится слышать о «возврате в Азию» Японии, о «индуизации» Индии, о «реисламизации» Ближнего Востока, а в последнее время и споры о вестернизации или же русификации России. На вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру незападный облик. В прошлом элиты незаиадных стран обычно состояли из людей, в наибольшей степени связанных с Западом, получивших образование в Оксфорде, Сорбонне или Сандхерсте и усвоивших западные ценности и стиль жизни. Население же этих стран, как правило, сохраняло неразрывную связь со своей исконной культурой. Но сейчас все переменилось. Во многих незападных странах идет интенсивный процесс девестернизации элит и их возврата к собственным культурным корням. И одновременно с этим западные, главным образом американские, обычаи, стиль жизни и культура приобретают популярность среди широких слоев населения.

В-пятых, культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и вследствие этого их сложнее разрешить либо свести к компромиссу. В бывшем Советском Союзе коммунисты

могут стать демократами, богатые превратиться в бедных, а бедняки - в богачей, но русские при всем желании не смогут стать эстонцами, а азербайджанцы — армянами. В классовых и идеологических конфликтах ключевым был вопрос: «На чьей ты стороне?» И человек мог выбирать, на чьей он стороне, а также менять избранные позиции. В конфликте же цивилизаций вопрос ставится иначе: «Кто ты такой?» Речь идет о том, что дано и не подлежит изменениям. И, как мы знаем из опыта Боснии, Кавказа, Судана, дав неподходящий ответ на этот вопрос, можно немедленно получить пулю в лоб. Религия разделяет людей еще более резко, чем этническая принадлежность. Человек может быть полуфранцузом и полуарабом и даже гражданином обеих этих стран. Куда сложнее быть полукатоликом и полумусульманином.

В-шестых, усиливается экономический регионализм. Судя по всему, роль региональных экономических и иных связей будет усиливаться. С одной стороны, успех экономического регионализма укрепляет сознание принадлежности к одной цивилизации, а с другой — экономический регионализм может быть успешным, только если он коренится в общности цивилизации. Европейское сообщество покоится на общих основаниях европейской культуры и западного христианства. Успех «НАФТА» (североамериканской зоны свободной торговли) зависит от продолжающегося сближения культур Мексики, Канады и Америки. Культурно-религиозная схожесть лежит также в основе Организации экономического сотрудничества, объединяющей 10 неарабских мусульманских стран: Иран, Пакистан, Турцию, Азербайджан, Казахстан, Киргизию, Туркмению, Таджикистан, Узбекистан и Афганистан. Данная организация была создана в 60-е годы XX в. тремя странами: Турцией, Пакистаном и Ираном. Важный импульс к ее оживлению и расширению дало осознание лидерами некоторых из входящих в нее стран того факта, что им закрыт путь в Европейское сообщество.

В-седьмых, определяя собственную идентичность в этнических или религиозных терминах, люди склонны рассматривать отношения между собой и людьми другой этнической принадлежности и конфессии как отношения «мы» и «они». Конец идеологизированных государств в Восточной Европе и на территории бывшего СССР позволил выдвинуться на передний план традиционным формам этнической идентичности и противоречий. Различия в культуре и религии порождают разногласия по широкому кругу политических вопросов, будь то права человека или эмиграция, коммерция или экология. Географическая близость стимулирует взаимные территориальные претензии от Боснии до Минданао. Но что наиболее важно, попытки Запада распространить свои ценности — демократию и либерализм — как общечеловеческие, сохранить военное превосходство и утвердить свои экономические интересы наталкиваются на сопротивление других цивилизаций. Правительствам и политическим группировкам все реже удается мобилизовать население и сформировать коалиции на базе идеологий, и они все чаще пытаются добиться поддержки, апеллируя к общности религии и цивилизации.

Таким образом, конфликт цивилизаций разворачивается на двух уровнях: на микроуровне группы, обитающие вдоль линий разлома между цивилизациями, ведут борьбу, зачастую кровопролитную, за земли и власть друг над дру-

гом; на макроуровне страны, относящиеся к разным цивилизациям, соперничают из-за влияния в военной и экономической сфере, борются за контроль над международными организациями и третьими странами, стараясь утвердить собственные политические и религиозные ценности.[1]

В парадигме и подходах С. Хантингтона очевидным и справедливым представляется значительное возрастание роли цивилизационного и социокультурного факторов в политической жизни мирового сообщества и в силу этого необходимость тщательного учета воздействия цивилизационных составляющих и социокультурных полей на политику. Представляется актуальным изучение влияния общекультурных цивилизационных составляющих на формирование, развитие и функционирование политической культуры и, соответственно, социополитический генезис различных обществ.

Итак, современный мир — это всепланетарный континуум различных культур и особых цивилизаций; в их сложнейшем взаимодействии формируется облик противоречивого будущего человеческого сообщества.

3. Институциональная матрица и кросскультурный анализ

В последние годы зарубежные и российские ученые используют понятие «институциональной матрицы», применяемое для компаративистского анализа различных обществ. Институциональная матрица в социологии — это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, политической и идеологической, находящихся в неизменном соответствии.

Институциональная матрица представляет собой понятие, определяющее исходную систему, первичную модель базовых общественных институтов, сложившихся еще в период формирования первых государств Востока, а затем и Запада. Основные принципы институциональной матрицы воспроизводятся и развиваются последующими общественными структурами. Институциональная матрица инвариантна относительно действий людей, хотя проявляется в различных, постоянно развиваемых в ходе человеческой деятельности институциональных формах, обусловленных культурным и историческим контекстом. Появление термина «институциональная матрица» в общественных науках отражает общую тенденцию гуманитарного знания XXI в., когда наряду с расширением и дифференциацией состава анализируемых явлений активизировался переход от изучения тех явлений, которые лежат на поверхности, к изучению лежащих за ними сущностей, матриц, «социальных геномов».

Понятие «матрица» давно и широко используется в социальной философии. Однако словосочетание «институциональная матрица» было введено в научный оборот относительно недавно. Одними из первых его стали широко использовать экономисты, работающие в рамках неоинституционального подхода, — К. Поланьи и Д. Норт (лауреат Нобелевской премии 1998 г.). Они высказали

[1] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. — М.: АСТ, 2003.

предположения о том, что система институтов каждого конкретного общества образует своеобразную «институциональную матрицу», которая определяет веер возможных траекторий дальнейшего общественного развития. К. Поланьи полагал, что институциональная матрица направляет экономические отношения между людьми и определяет место экономики в обществе, она задает социальные источники прав и обязанностей, которые санкционируют движение благ и индивидуумов при входе в экономический процесс, внутри него и на выходе. По определению Д. Норта, институциональная матрица общества представляет собой свойственную ему базисную структуру прав собственности и политическую систему. При этом он отмечал, что экономические и политические институты в институциональной матрице взаимозависимы, политические правила формируют правила экономические, и наоборот. К. Поланьи и Д. Норт предполагали, что каждое общество имеет конкретную, свойственную только ему институциональную матрицу. С конца XX в. институциональные матрицы становятся объектом специального изучения ученых, занимающихся сравнительным анализом различных обществ, культур (в т.ч. политических) и цивилизаций.

> *Ш. Эйзенштадт:* «Постепенно фокус социологического анализа перемещается в собственно институциональную сферу, в самое устройство человеческого общества. Разработка понятия институциональной матрицы продолжает традиции структуралистского подхода, который "склонен объяснять природу любого данного институционального порядка и особенно его динамику, отправляясь от принципов глубинной или скрытой структуры"».[1]

В теории институциональных матриц основное внимание уделяется изучению устойчивых воспроизводящихся социальных отношений и структур, которые обеспечивают целостность общестза и его развитие как социальной системы, задают направления и ограничения его эволюции. Общество здесь понимается как реальность, которая развивается по собственным законам. Как отмечал еще Э. Дюркгейм, общества представляют собой «реальности, природа которых нам навязывается и которые могут изменяться, как и все естественные явления, только сообразно управляемым ими законам... Мы оказываемся, таким образом, перед лицом устойчивого, незыблемого порядка вещей.. .».[2]

Разработка понятия институциональной матрицы означает, что преимущественное внимание уделяется изучению устойчивых, существующих как рамки для социального поведения первично-образующих общественных структур, становление которых обусловлено материальными и иными условиями возникновения и развития государств. При используемом подходе институциональные структуры обладают приоритетом — онтологическим и методологиче-

[1] Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. — М.: Аспект-Пресс, 1999. — С. 19.

[2] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. — М., 1995. — С. 269.

ским — перед субъектами политики. Исследование в этом случае направлено на изучение этих исторически сложившихся структур, или базовых институтов, определяющих социальные отношения и взаимодействия социальных групп как внешний по отношению к ним фактор.

Базовые институты общества — это цивилизационно устойчивые, инвариантные по отношению к действиям социальных субъектов, но постоянно воспроизводящиеся в практике социальные и иные отношения, которые обеспечивают общественную целостность. Базовые институты образуют остов, структуру общества, задают наиболее общие и типичные характеристики социальных ситуаций, определяют направленность коллективных и индивидуальных человеческих действий.

Важно заметить, что в теории институциональных матриц речь идет прежде всего о социетальных институтах, регулирующих воспроизводство общества как социальной системы. Данные институты проявляются, реализуются как на формальном уровне — в виде конституции, законодательства, правового регулирования и т.п., так и в неформальной сфере — как нормы поведения, обычаи, традиции, исторически устойчивые системы ценностей и др. Это означает, что понятие базового института не редуцируется к его составляющим, а является целостным. Базовые институты, сохраняющие свое качество, необходимо отделять от многообразных институциональных форм, в которых они проявляются в разных странах и в разные исторические периоды. Важнейшей функцией базовых институтов является регулирование основных подсистем общества — экономической, политической и культурной (социокультурной, в т.ч. идеологической). Принципиальной задачей и функцией культуры в социетальной структуре общества является, по определению Т. Парсонса, «сохранение и воспроизводство образца». Общество, таким образом, рассматривается в единстве его основных подсистем.

> *Кирдина СТ.:* «Теория институциональных матриц как "идеальная" конструкция базируется на анализе генезиса различных обществ и прежде всего Востока и Запада. В результате сформулирована гипотеза о том, что многообразные институциональные комплексы, регулирующие жизнь древних и современных государств, имеют в своей основе одну из двух институциональных матриц, которая является доминирующей. Одна из них — Х-матрица, иногда называемая восточной, поскольку характерна для генезиса большинства государств этой части света. Другая — Y-матрица — часто называется западной».[1]

Для Х-матрицы характерно следующее содержание базовых институтов. В экономической сфере — институты редистрибутивной экономики. Сущностью редистрибутивных экономик является обязательное жесткое опосредование центром движения и услуг, а также прав по их производству и использова-

[1] Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. — М., 2000. — С. 10-14.

ншо. К ним относятся институты общей собственности, служебного труда, координации и т. п. В политической сфере — институты административного деления, иерархической вертикали власти во главе с центром назначений, общих собраний и единогласия, обращений по инстанциям. В идеологической сфере — институты державно-коммунитаристской идеологии, основное содержание которой состоит в доминировании коллективных, общих ценностей, приоритете «мы» над «я». К ним относятся институты коллективизма, эгалитаризма и порядка, коммунальной среды. X-матрица характерна для большинства стран Азии, России и др.

Для Y-матрицы характерно следующее содержание базовых институтов. В экономической сфере — институты рыночной экономики (частной собственности, наемного труда, конкуренции, обмена, т.е. купли-продажи, прибыли и др.). В политической сфере — институты демократического политического устройства (самоуправления и субсидиарное™, федерализма, выборов, многопартийности и демократического большинства, независимого суда и др.). В идеологической сфере — институты плюралистической идеологии, в которых закрепляется доминирующее значение индивидуальных ценностей, приоритет «я» над «мы», приоритет личности, ее прав и свобод, диверсифицированной среды. Эта матрица характеризует общественное устройство большинства стран Запада.

Выделение двух идеальных типов матриц, являясь внешне близким к известной культурологической дихотомии «Восток — Запад», имеет свою специфику. Она состоит в том, что макросоциологическое понятие институциональной матрицы выделяет в структуре обществ базовые социальные институты, существующие независимо от культурного контекста, вне тех цивилизационно обусловленных форм, в которых они реализуются в конкретных обществах на разных этапах своего развития. Соответствующие государства сохраняют, воспроизводят в качестве главных, базовых институты свойственной им либо X-, либо Y-матрицы, что обеспечивает целостность, выживание и развитие соответствующего типа общества. Институты из другой матрицы играют вспомогательную роль. Такие институты называются комплементарными. Их развитие во многом зависит от целенаправленных усилий соответствующих политических и социальных агентов. Что же касается базовых институтов, то логика их генезиса в обществе реализуется как бы стихийно, но в рамках единожды заданных форм и принципов.

«Идеальная» теория институциональных матриц, в принципе, может быть использована при кросскультурном анализе развития обществ Запада, России, Востока. При этом, разумеется, не следует жестко противопоставлять эти общества, обязательно учитывать как цивилизационные особенности их развития, так и ширящееся взаимодействие и взаимовлияние разных народов и стран в условиях глобализации. Иными словами, институциональный подход, который лежит в основе теории институциональных матриц, целесообразно творчески дополнять социокультурным.[1]

[1] Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. — М, 2000. — С. 18-32.

Рассмотрение различных концепций культур и цивилизаций не является самоцелью. Применительно к условиям России они могут иметь важное теоретико-методологическое значение, особенно если будет учтена ее социокультурная, цивилизационная и политическая динамика развития. В этой связи особенно важной представляется проблема анализа особенностей современного политико-культурного генезиса России как переходного общества, в т.ч. с точки зрения перспектив и возможностей формирования культуры устойчивого общественного развития.

Ключевые понятия по теме «цивилизация»

цивилизация, виды цивилизации
культурно-исторический тип
элементы (компоненты) цивилизации
структура цивилизации
ценности цивилизации
цивилизации истории и современности
«цивилизационный разлом»
дихотомия «цивилизация — культура»
институциональная матрица
инвариантные отношения внутри цивилизаций
типология цивилизаций
локально-цивилизационный подход
стадиальный подход
функции цивилизации
цивилизационное сознание и идентичность
общечеловеческая цивилизация

Вопросы для самостоятельной работы

1. Когда, при каких условиях и кем был введен в научный оборот термин «цивилизация»?
2. Каковы основные подходы к определению и пониманию цивилизации?
3. Каковы системообразующие, структурные элементы (компоненты) цивилизации?
4. Перечислите (охарактеризуйте) основные цивилизации, в чем их различия?
5. В чем различие и общее в категориях «культура» и «цивилизация»?
6. Что понимается под институциональной матрицей в современной социологии?
7. В чем различие между западной и восточной матрицами?
8. В чем сущность теории макрорегиональных цивилизаций?
9. Каковы основные идеи теории стадиального рассмотрения цивилизаций?
10. В чем сущность локального подхода к изучению цивилизаций?
11. Охарактеризуйте понятие «культурно-исторического типа» (по Н.Я. Данилевскому).
12. Согласны ли вы с концепцией О. Шпенглера о закате европейской цивилизации?
13. Перечислите основные значения понятия «цивилизация».
14. Как соотносятся между собой стадиальный и локальный подходы к изучении цивилизации, в чем их преимущества и слабые стороны?

15. Согласны ли вы с тезисом о дихотомии «цивилизации — культуры»? В чем его значение?

16. Что понимается под цивилизационным подходом[0]

17. Что вы понимаете под «общечеловеческой цивилизацией»?

18. Какие принципы вы бы предложили для дальнейшего развития человеческого сообщества как «мира равных цивилизаций»?

19. Прокомментируйте тезис о том, что каждая цивилизация — это образ «особого человечества на отдельной Земле».

20. Что понимается иод межцивилизационным пространством?

21. Какое значение имеет теория П. Сорокина о «культурных суперсистемах»?

22. Каково место цивилизаций в мире по объему ВНП (цивилизационного) продукта?

Глава 3
Понятийно-функциональные основы политической культуры

К. Гири: «Одна из проблем, о которой все знают, но которую никто не может решить, заключается в том, как в политической жизни данной страны отражается ее культура».

И.А. Василенко: «Политическая культура — это часть общей культуры, формирующаяся и проявляющаяся в процессе политической жизни; исторически и социально обусловленный продукт политической жизнедеятельности, их политического творчества, система исторически сложившихся политических традиций, ценностей, идей и установок практического политического поведения, обеспечивающая воспроизводство политической жизни общества».

Г. Алмонд: «Каждая политическая система является укорененной в конкретной совокупности ориентации на политическое действие, на отношение к политике. Представляется рассматривать это как политическую культуру».

Е.Ю. Милешкин: «Политическая культура — это система ориентации и установок относительно политической системы и ее составляющих, а также относительно образцов политического поведения».

К.С. Гаджиев: «Политическая культура — это ценностно-нормативная система, которая разделяется большинством населения в качестве субъекта политического сообщества. Она включает базовые убеждения, установки, ориентации, символы, обращенные на политическую систему».

М. Доган и Д. Пеласси: «Политическая культура характеризует систему политических убеждений, мнений и ценностей, преобладающих в государстве в конкретный период времени. Поскольку культура способствует очищению представлений, определяет позиции людей, оказывает влияние на формы социальной активности, она является главным элементом политической игры».

Г. Алмонд: «Для того чтобы понять тенденции нынешнего и будущего поведения какой-либо нации, мы должны отталкиваться от общественных установок в области политики и их роли в политической системе, т.е. от того, что мы называем национальной политической культурой».

К. Маркс: «Традиции ушедших поколений тяготеют как кошмар над мыслями живущих».

А. де Ривароль: «Вольтер учил: "Чем люди просвещеннее, тем они свободнее". Его преемники сказали народу: "Чем ты свободнее, тем просвещеннее". В этом и таилась погибель».

1. Понятие политической культуры общества

В самом широком смысле политическая культура является разновидностью, своеобразной сферой общественной культуры, которая непосредственно связана с политикой. Она выражается в достигнутом уровне, качестве и направленности политической жизни общества, доминирующих политических ценностей и образцов поведения и соответственно в характере развития и функционирования политических институтов, процессов, политической деятельности людей. Политическая культура представляет исторический опыт и память социальных общностей и отдельных людей в сфере политики, их ориентации, навыки, впечатления и предпочтения как в области внутренних, так и международных отношений, влияющих на политическое поведение и деятельность. Она включает зафиксированный в обычаях и законах политический опыт общества, его классов, социальных групп, трудовых коллективов, индивидуумов, уровень их представлений о власти и политических отношениях, их способность дать правильную оценку явлениям общественной жизни и занять политическую позицию в ней, выраженную в конкретных социальных действиях. Именно поэтому политическая культура влияет на политическую жизнь общества в целом, на все, что затрагивает проблемы власти и управления, участие людей в политике, а также пограничные зоны: взаимодействия политики и права, политики и экономики, политики и нравственности. Она играет важную роль во вхождении человека в политику и в его политической деятельности. Результат и мера культуры политики — соответствующий ей «политический человек», «политическое сообщество».

В прошлом различные аспекты политической культуры — характер связей между социальной структурой общества и культурой, особенности политического поведения людей различных национальностей и культур и другое — рассматривались многими мыслителями: Аристотелем, Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, А. де Токвилем, М. Вебером, Н. Бердяевым и др. Автором понятия «политическая культура», употребляемого в широком философском смысле, является германский философ И. Гердер (1744-1803 гг.), изучавший проблемы взаимодействия культуры и политики. В своей работе «Идеи к философии истории человечества» (1784 г.) он впервые ввел в научный оборот словосочетания «политическая культура», «зрелость политической культуры», «носители политической культуры».[1]

Само понятие «политическая культура» вошло в систему категорий политических и социальных наук в середине 60-х гг. XX в. Существенную роль в процессе институционализации данной категории сыграли работы американских политологов Г. Алмонда, С. Вербы, Л. Пая и др. В конце 1950 — начале 60-х гг. они опубликовали серию трудов, посвященных изучению общественных явлений, принадлежащих одновременно и к сфере культуры, и к сфере политики: политические ориентации и политическое участие граждан.

Политическая культура рассматривалась ими как совокупность индивидуальных позиций и ориентации участников данной политической системы, как

[1] **Гердер** И.Г. Идеи к философии истории человечества. — М., 1977. — С. 339, 368.

субъективная сфера, лежащая в основе политический действий и придающая им значение.

> *Г. Алмонд и С. Верба:* «Понятие "политическая культура" указывает на специфические, политические ориентации — установки в отношении политической системы и ее различных частей и установки в отношении собственной роли в системе. Когда мы говорим о политической культуре общества, мы имеем в виду политическую систему, интериоризированную в знании, чувствах и оценках его членов».[1]

В книге профессора университета Калифорнии (в Беркли) О. Ренни «Управление. Введение в политическую науку», изданной во многих странах, обращается внимание на то, что «политическая культура — это широко распространенные представления о политике, управлении и правительстве, образцы ориентации по отношению к политическим объектам».[2] Сходной точки зрения придерживался и известный польский социолог Е. Вятр, понимавший политическую культуру как «совокупность позиций, ценностей и кодекса поведения, касающуюся взаимных отношений между властью и гражданами».

Использование и разработка категории «политическая культура» в российской философии, политологии и социологии, в российской политике в целом относится к рубежу 90-х гг. XX в. Это понятие анализируется в соответствующих политологических исследованиях, рассматривается в словарях и учебниках по социологии и политологии, употребляется в общественно-политической литературе, публицистике.

Существует несколько подходов к определению и рассмотрению политической культуры. В основном они подразделяются *на расширительный* и *ориентационно-поведенческий подходы.* При первом подходе речь идет о предельно широкой трактовке данного понятия (как составной части общей культуры, духовных явлений, генетически взаимосвязанных с политикой). При втором о специализированном понимании данной категории. При этом обращается внимание на то, что политическая культура — это особый, субъективный срез содержания поля политики, включающий прежде всего ориентации и установки, отражающиеся в политическом поведении людей и функционировании политических институтов. В этом случае политическая культура не сводится к различным субъективным состояниям: массовым настроениям, идеологии и др.

В «Социологической энциклопедии» политическая культура рассматривается в двух смыслах: как составная часть общей культуры человечества, формирующаяся и проявляющаяся в процессе политической жизни; как ценностно-нормативная система исторически сложившихся политических традиций, идей, ценностей, ориентации, установок, навыков, стиля массового политического

[1] **Almond G., Verba** S. The Civic Culture. — Princeton, 1963. — P. 14.

[2] **Ranney Austin.** Governing. An Introduction to Political Science. — USA London, Toronto, Sydney, New Delhi, etc., 1993. — P. 65.

поведения и функционирования субъектов политики, обеспечивающая воспроизводство политической жизни общества.[1]

По мнению многих исследователей, к политической культуре следует прежде всего относить: а) знание политики, фактов, заинтересованность ими; б) оценку политических явлений, оценочные суждения, касающиеся того, как должна осуществляться власть; в) эмоциональную сторону политических позиций, например любовь к родине, ненависть к врагам; г) признание в данном обществе образцов политического поведения, которые определяют, как можно и следует поступать в тех или иных ситуациях.

Политическая культура характеризует: степень знания, понимания, усвоения и претворения в жизнь массами политики; характер гражданских прав и свобод, их использование, включенность людей в политическую жизнь общества и государства; политические ориентации, политическую убежденность и сознательность граждан; уровень развитости политических институтов, качество их функционирования; демократичность и эффективность политической системы общества.

В работах исследователей политической культуры делается акцент на ее характерных чертах и особенностях: политических ценностях, ориентациях людей, стилях мышления и поведения, имманентных связях с политической системой общества и др. Политическая культура представляется как символическая система, охватывающая политические традиции, политические нормы и ценности, политические идеалы и проекты будущего. Культура политическая выступает как обусловленный ценностными представлениями человека о политических явлениях и воплощенный на практике кодекс его поведения, стиль его деятельности как участника политического процесса. Она демонстрирует, насколько человеком освоены общезначимые, получившие всеобщее признание образцы политической деятельности и политического мышления, восприняты опыт и традиции властвования.

Следует особо остановиться на *поведенческих компонентах* политической культуры. Ряд исследователей справедливо рассматривают ее как *совокупность устойчивых компонентов политического сознания и поведения*. Они обращают внимание на такие характеристики политического поведения граждан, как уровень включенности в деятельность политических организаций, участие в выборах и референдумах, опыт электоральных решений, участие в различных акциях протеста и др. При таком подходе политическая культура рассматривается как восприятие людьми политики и интерпретации ими увиденного, как способ осуществления политической деятельности. В этом смысле политическая культура обладает, как минимум, тремя взаимосвязанными сторонами, единство которых придает ей некоторую устойчивую определенность, или, говоря иначе, уникальность. К ним относятся: 1) характер понимания политических действий; 2) характер поведения в политической сфере; 3) характер приверженности определенным политическим идеалам.

[1] **Ирхин Ю.В.** Политическая культура // Социологическая энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / под ред. В.Н. Иванова. — М: Мысль, 2003. — С. 532.

Итак, для понимания политической культуры общества полезно выделять ее ориентационно-поведенческий аспект. Понимание политической культуры именно как системы поведенческих ценностей «раскрывает ее как совокупность наиболее устойчивых форм, "духовных кодов" политической деятельности людей, свидетельствующих о степени свободного усвоения ими общепризнанных норм и традиций государственной жизни, о сочетании в их повседневной активности и творческих, и стандартных для данного общества приемов осуществления своих прав и обязанностей и т.д.».[1]

Политико-культурные явления рассматриваются многими политологами и социологами в виде некоей устойчивой, постоянно воспроизводящейся матрицы поведения человека, ориентирующей его на наиболее распространенные в конкретном обществе нормы и правила политического взаимодействия. Такой подход открывает возможность регуляции политических процессов, в частности через посредство «включения» массовых действий в соответствующие стандарты политического поведения.

> *А.И. Соловьев:* «Политическую культуру следует рассматривать как ценностно-обусловленный, транслирующий позитивные для субъекта традиции властвования и воплощенный в наиболее типичных для него формах осуществления властных ролей и функций стиль политического поведения, который выражает степень освоения и творческого развития субъектом общественно признанных образцов мышления и действия в сфере государственной власти».[2]

Интересен и плодотворен подход к пониманию политической культуры профессора А. А. Галкина, давно исследующего этот феномен. Он полагал, что политическая культура — это некая система поведения и восприятия политических процессов, которая складывается исторически, бытует не только в сознании, но и в подсознании и определяет не только поведение человека, но и оценку им тех или иных политических событий. Далее, хотя политическая культура в стране и является общей системой, но она распадается на подсистемы, которые находятся в очень сложных взаимоотношениях, поскольку в рамках подсистем восприятие того или иного события и, соответственно, реакция на них может быть диаметрально противоположной».[3]

Политическая культура — это не изолированное явление, она представляет собой подсистему в области глобальной культуры и находится в различных зависимостях с другими составными ее частями: экономической, правовой,

[1] Категории политической науки: учеб. / под ред. А.Ю. Мельвиля. — М.: МГИМО; РОССПЭН, 2002. — С. 490.

[2] **Соловьев А.И.** Политическая культура: проблемное поле метатеории // Вестник Московского университета. Сер. 12. «Политические науки». 1995. — № 3. — С. 13.

[3] **Галкин А.А.** Российская политология вчера и сегодня // Вестник Российской ассоциации политической науки. Весна 2001. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. — С. 19-20.

моральной, управленческой, религиозной и т.д. Она постоянно находится в динамике.

> *Ф. Бро:* «Понятие "политическая культура" нестатично. Оно находится в тесном взаимодействии с существующей политической системой: помогая или расшатывая ее, соответствуя или не соответствуя ее требованиям. "Политическая культура" связана с другими культурными моделями, с помощью которых происходит социальная адаптация к тем социальным ролям, которых человек должен придерживаться в своей деятельности в сфере производства, потребления, образования».[1]

Предметом политической культуры являются не только и не столько быстро меняющиеся политико-психологические установки, но и фундаментальные представления, лежащие в их основе.

Во-первых, политическую культуру можно рассматривать как форму своеобразной культурной рациональности (это особенно ярко видно при цивилизационном подходе). Во-вторых, происходит постоянная модификация и актуализация отношений людей с властью, которые отражаются в их системе политических предпочтений. В-третьих, нации в целом обычно не являются представителями идеальных типов культур, они, как правило, выражают (включают) их сложные политико-культурные комбинации. В-четвертых, существует определенное число типов политических культур (например, «демократическая», «авторитарная» и т.д.), которые и являются основой для анализа.[2]

Политическая культура оказывает влияние на оценку политических действий. Но и политические действия также создают и изменяют образцы и оценки, составляющие политическую культуру. Политическая культура общества объективируется в институциональной структуре политической системы в объективно действующих принципах ее организации. Предметным воплощением политической культуры является наличие как собственно ее институтов, так и развитых структур политической деятельности.

Показателем политической культуры является материализация в политических институтах, выработанных историческим развитием человечества эффективных принципов их деятельности (принцип разделения властей, принципы выборности и сменяемости должностных лиц, гласности, многопартийности и т.д.). Через конкретно-историческую организацию политических институтов выражаются господствующие в политической культуре организационные стандарты и представления о том, как и кто должен осуществлять политическую власть, как и кем принимаются политические решения, какими способами они реализуются, как разрешаются политические конфликты, каков реальный механизм подбора и продвижения кадров в институтах власти, какова роль оппозиции в политическом процессе.

[1] Бро Ф. Политология / пер. с фр. — М., 1992. — С. 51.

[2] Wildavsky A. Choosing preferences by constructing institutions: a cultural theory of preference formation // American Political Science Review. —1987. — Vol. 81. — № 1. — March.

Применительно к сфере политических отношений политическая культура характеризуется широтой присутствия. Она как бы растворена во всей совокупности отношений, складывающихся между участниками политического процесса. Эти отношения пронизаны определенными политико-культурными феноменами, несут на себе следы их воздействия. Именно политические отношения представляют собой не только форму проявления, но и способ существования культуры.

> *Э.Я. Баталов:* «Культура, в том числе политическая, — не в вещах. Вещи • — это опредмеченная, мертвая или, лучше сказать, законсервированная культура, которая может навсегда остаться в латентном состоянии. Культура — не в головах, не в нервных клетках мозга. Последние суть не более, чем психофизиологическая основа культуры. Культура — в конкретных, живых, постоянно угасающих и вновь возникающих отношениях между деятельными объектами. Нет таких отношений — нет и культуры. Ограничены отношения — ограничена культура. Именно по этой причине нация, обладающая богатым культурным наследием, но имеющая бедную гражданскую жизнь, плоскую политическую жизнь, имеет, как правило, и неразвитую, примитивную политическую культуру».[1]

Уровень и состояние политической культуры в значительной мере определяют доминирующие способы политического властвования и политического участия. Среди средств политического властвования и формирования политических институтов могут преобладать в различных сочетаниях выборность и сменяемость должностных лиц, доминировать наследственная передача власти, заговоры или нормативно отлаженные механизмы смены власти. В качестве способов осуществления власти могут выступать демократические и авторитарные методы, преобладать механизмы и институты принуждения либо убеждения.

Политическая культура в ее различных формах являет собой конкретно-исторический уровень политической свободы людей, выражающий степень их господства над властью собственного объединения (степень отчуждения власти). Чем демократичнее принципы политического властвования, чем разнообразнее и гибче способы контроля за политической властью, тем выше уровень политической культуры.

Сущностным показателем политической культуры общества служит реальное положение народных масс в системе общественного производства, уровень сознательности, гражданственности и социальной активности, их включения в общественно-политическую и духовную жизнь. Степень свободы и условий для всестороннего развития людей, демократичности общества определяют подлинное содержание культурного прогресса общества. Соответственно, политическая культура может классифицироваться как демократическая, авторитарная и тоталитарная.

[1] Баталов Э.Я. Политическая культура: понятие и феномен // Политика: проблемы теории и практики. — Вып. 7. Ч. 2. — М,, 1990. — С. 127.

Степень развития политической культуры выражается также в способах участия в политической жизни. Она может осуществляться как через демократический политический процесс, так и посредством конфликтов.

Особое место в политической культуре шрает коммуникация. Передача политических символов (кодов, знаков и т.д.) может осуществляться только посредством различных коммуникативных средств и систем, прежде всего языка. На наш взгляд, политический язык следует обязательно включать в структуру политической культуры как ее «носителя» и изучать его роль в политико-культурных процессах.

Структурные элементы политической культуры:

1) политические ценности, ценностные характеристики и принципы функционирования политических институтов, развития политических отношений и процессов;
2) уровень и характер теоретических знаний о политике, степень развития политических наук, накопленный политический опыт и культура реализации их достижений;
3) оценки политических явлений, политические ориентации и установки людей по отношению к власти, национальной и зарубежным политическим системам, оценки собственной политической позиции и поведения;
4) эмоционально-волевая сторона политических позиций (любовь, неприязнь, интерес, воля и др.);
5) образцы и нормы политического поведения и деятельности, стилей и стереотипов, которые определяют, как можно и должно поступать в политике; выражение и отражение в политическом поведении и функционировании социальных институтов соответствующих политических принципов и традиций общества;
6) характер и ценности политической социализации;
7) религиозно-политические ориентации и оценки;
8) политический язык (коды, символы и др.).

Итак, в широком смысле политическая культура представляет собой систему исторически сложившихся, относительно устойчивых, воплощающих опыт предшествующих поколений людей установок, ориентации и моделей поведения (функционирования), проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, фиксирующих принципы их отношения к этому процессу в целом, его основным элементам и тем самым обеспечивающих развитие и воспроизводство политической жизни общества. Основным средством распространения и передачи политической культуры выступает политическая коммуникация, в частности язык.

В узком смысле политическая культура представляет собой *поведенческий аспект* политических отношений. Политическая культура отражает взаимосвязь политического сознания и политического поведения, раскрывает механизм реализации феноменов политического сознания в политической деятельности.

Различные виды политической культуры или ее проявления для удобства анализа могут быть подразделены по следующим основаниям как «идеальные типы» в зависимости от целого ряда факторов (субъекта политики, сфер политического процесса, форм и методов осуществления власти и управления др.).

Классификация политической культуры в зависимости от оснований анализа.

1. В зависимости от субъекта поли гики: универсальная (общечеловеческая); цивилизационная (конфуцианская, христианская, исламская и др.); региональная; национальная; общества; этноса; социальной общности (класса, слоя, группы); субкультурных образований; социально-демографических, половозрастных групп; личности; организаций.

2. В зависимости от сфер политического процесса: властвования; управления; руководства; участия; оппозиции; коммуникации и др.

3. В зависимости от форм и методов осуществления власти: авторитарная, автократическая, тоталитарная, демократическая, эгалитарная, плюралистическая, анархистская и др.

4. В зависимости от места в политической системе общества: официальная — неофициальная; доминирующая — периферийная.

5. В зависимости от компонентного состава общества (гомогенного или гетерогенного), различных субкультурных образований.

6. В зависимости от характера распространения и восприятия политических ценностей: поляризованная или согласия.

7. В зависимости от степени распространенности: массовая — специализированная; массовая — элитарная.

8. В зависимости от стадий развития и культурных доминант — аграрного, индустриального и постиндустриального общества; обществ культуры модерна и постмодерна

9. В зависимости от стадий исторического развития: а) рабовладельческого общества: демократическая (аристократическая, плебейская); авторитарная (деспотическая); б) феодального общества: демократическая (дворянская), свободных городов (республиканская, народных движений); авторитарная (теократическая, деспотическая); в) буржуазного общества: демократическая (либерально-демократическая, либерально-консервативная); авторитарная (диктаторская (бонапартистская), тоталитарная); г) общества «государственного социализма»: «официальная», «общенародная»; авторитарная (автократическая (культ лидера), тоталитарная (культ лидера) и др.

10. С точки зрения формы существования политической культуры в обществе: опредмеченная — политический культурный фонд (культурное наследство, запас политических знаний, опыта управления, способов политической деятельности и т. д.); реализованная в политических отношениях, институтах и нормах; актуально функционирующая в виде используемых знаний, опыта и т.д.

Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что при всем разнообразии политических культур среди них было бы неправомерно выделять «хорошие» и «плохие». Признание политической культуры как составной части общесоциальной культуры показывает, что их национальные разновидности соотносятся не по типу «низшая — средняя — высшая», а гораздо сложнее. Просто это неодинаковые политические культуры. Для гуманитарно развитого человека нет высоких или низких политических культур, они все — разнообразное достояние человечества.

В этой связи особое значение приобретает анализ содержания политических культур, их ценностных систем, роли и места в них гуманистически ориентированных ценностей и обусловленных ими форм поведения и деятельности. В тех политических системах, где наблюдается пренебрежение основными человеческими правами, господствующая политическая культура не может продуцировать подлинно гуманистические и демократические ценности.

2. Роль политического языка

Политика и культура не существуют вне различных способов взаимодействия ее носителей, вне коммуникационных процессов, связывающих, направляющих и инновациирующих общественно-политическую жизнь. Политическая коммуникация (от лат. communicatio — «сообщение», «передача», «беседа», «разговор») представляет собой процесс передачи, обмена политической информацией, который структурирует политическую деятельность и придает ей новое значение, формирует общественное мнение, обеспечивает процесс политической социализации граждан с учетом их потребностей и интересов. В целом политическая коммуникация выступает как бы своеобразным социально-информационным и культурным полем политики. Ее значение для политической жизни общества, его культуры сравнимо со значением кровообращения для человека. Она представляет собой процессы передачи, обмена политической информацией, которая структурирует политическую деятельность и придает ей новое значение. Культура политической коммуникации выступает как составная часть политической культуры общества.

Базовым коммуникативным средством политики выступает политический язык. Он обеспечивает формирование, функционирование, транслящио, прием, восприятие и адаптацию политической информации, контакты и связи между социальными и политическими субъектами. Политический язык является первым явлением политической мысли (идей, образов и т.д.), выражением и измерением политической культуры. На его основе осуществляется постоянный вклад в обновление и трансляцию политической культуры общества.

Политический язык выступает в двух формах: вербальной и символической. Вербальный политический язык представляет собой обычную речь с использованием политической терминологии или направленности. Символический политический язык состоит из политических образов, знаков, символов и т.д. Особенностью политического языка является то, что он, затрагивая насущные проблемы бытия и интересы людей, оказывает сильное воздействие на их чувства. Обычно в политическом языке общие формулировки и абстракции доминируют над конкретными фактами, происходит его идеологизация. Как правило, официальный политический язык соответствует правилам политической игры, которую государственная власть ведет с обществом. Политический язык оппозиции несколько отличается от официального политического языка иной нюансировкой оттенков акцентов, характером и содержанием используемых политических терминов. Убеждающая и пропагандирующая

функции политического языка ярко проявляются в деятельности средств массовой информации и коммуникации.

Содержательный словарь политического языка развивается в связи с историческими, культурными и цивилизационными реалиями и этапами генезиса общества и соответствующей эпохи. Так, понятие «полис», «демократия» и т.п. возникли в эпоху античности; теория «разделения властей» — в Новое время; термины «модерн», «постмодерн», «глобализм» и другие — в наше. Есть чисто национальные политические термины: индийское «ахимса» (санскрит — «ненасилие»), китайское «дао» (путь), российские «соборность» (зарубежного аналога этого понятия нет), «самовладство» (термин Ю. Крижанича), «волость» и др. В обычном политическом языке большое идеологическое значение имеет использование соответствующих корней: «чисто» европейских, собственно российских и восточных, поскольку многие политические термины и понятия можно перевести или произнести как на иностранный, так и на российский лад.

В целом в качестве идеальных моделей выделяют научный политический язык с большим количеством специальной терминологии; государственный язык с соответствующим преимущественным политико-понятийным аппаратом и язык официальный, на котором ведут делопроизводство (обычно близки); язык межнационального общения, который отражает общие судьбы двух или нескольких этносов и др. Как любое общественное явление, политический язык подвержен изменениям при сохранении базисных категориальных обозначений. За последнее десятилетие в российский языковый политико-культурный оборот прочно вошли такие относительно новые понятия, как Президент Российской Федерации, Послание Президента, Государственная Дума и Федеральное Собрание Российской Федерации; термины: многопартийные выборы, многопартийность, гласность, плюрализм, конкуренция, импичмент, инаугурация, консенсус, политическая культура, коммуникация, имидж и др.

В целом политическая культура может рассматриваться в различных измерениях и аспектах: как выражение ее качества; как способ (средство) и критерий политической социализации; как степень политической ориентированности тех или иных субъектов политики, правила их политического поведения и деятельности; как проявление в политике национально-этнических и социокультурных особенностей населения той или иной страны, выражение и отражение в ней человеческой субстанции, характеристик данной цивилизации; как способность людей к созданию разнообразных качеств и форм политической жизни; как культура политического сознания, поведения, деятельности.

3. Уровни и структура — элементы политической культуры общества

В политической культуре принято различать *рациональный и эмоционально-волевой уровни.* Рациональный уровень складывается на основе коренных социально-экономических и политических интересов, социального статуса различных категорий населения, а также формируемых на базе этих интересов

соотвегствующих ориентации, установок и др. Эмоционально-волевой уровень — на основе разнообразных рассудочных и иррациональных элементов и феноменов, которые определяются социально-культурными и социопсихологическими факторами.

Если рациональные компоненты предполагают, что человек действует в соответствии со своими интересами, статусом, разумно соотносит цели и средства их достижения, то наличие неотрефлектированных (неосознанных) компонентов ориентации человека в политической сфере связано с его эмоционально-чувственным восприятием мира, некритическими архетипами мышления, воспроизводством предрассудков, предубеждений и т.д. Понятно, что присутствие в сознании иррационального, задающего собственную, нередко искаженную логику поведения людей, сильно затрудняет объяснение процессов формирования и функционирования политической культуры, поведения людей.

В своем реальном движении политическая культура существует в двух основных деятельных формах: а) *духовной* (духовно-практической), включающей политический опыт, политические традиции, политические ориентации, установки и символы, способы выражения политических чувств; б) *предметно-функциональной* (определенные способы, формы, образцы организации политических институтов, средств политической деятельности, материализующей достижения политологической мысли, форма политического процесса). Эти формы тесно взаимосвязаны и предстают **з** политическом процессе в виде определенных образцов политического сознания, поведения и организации политических институтов.

В структуре политической культуры целесообразно выделять ее составные элементы: 1) познавательные; 2) нравственно-оценочные; 3) поведенческие.

Познавательные элементы политической культуры. К ним относят понимание гражданами политических интересов — личных, коллективных, государственных, общественных, региональных, глобальных и других, знание конституции и других законов страны, программных положений крупных политических партий, различных общественно-политических сил, основных политических норм и процедур; форм и способов участия граждан в общественно-политической жизни, в управлении обществом и государством; понимание сложившихся в стране политических отношений, происходящих политических событий и явлений, сущности, функций и структуры государственных, партийных и общественно-политических органов и организаций, ведущих политических процессов международной жизни.

Интегративным элементом политической культуры можно считать *политическое мировоззрение,* составляющее часть общего .мировоззрения отдельного человека, отдельной группы или иной социальной общности. Большое влияние на характер отношений политических ориентации, симпатий и антипатий людей оказывают господствующая в обществе система мировоззренческих позиций и ценностно-нормативных установок.

Одним из элементов политической культуры выступает характер использования политического знания, его качество. Культура предполагает оценку степени овладения им индивидами и его использования.

К. фон Байме: «Политические теории развиваются не в вакууме. Они отвечают на социальные и политические проблемы... Политическая теория современности должна будет сфокусировать внимание на фрагментированности общества и эгоизме отдельных его частей, уклоняющихся от участия в политике».[1]

В процессе накопления и развития политической культуры у ее носителей накапливается определенный политический опыт, формируются стереотипные (традиционные) способы действия и восприятия политических событий, проявляются политические чувства, эмоции, нравы, кристаллизуются политические установки. *Политический опыт* — это объективно функционирующий феномен политического процесса, представляющий собой комплекс знаний, навыков, умений, рационально осмысленных средств организации, накопленных и апробированных в ходе политической деятельности. В широком смысле слова под политическим опытом понимается не только полезная для деятельности информация, но и сама исторически разворачивающаяся политическая деятельность людей, политическая практика в ее историческом срезе. Политический опыт фиксирует, во-первых, то, что уже реализовано в практике, закреплено и апробировано ею. Во-вторых, он включает те формы организации и деятельности, цели, средства, попытки, которые не получили окончательной реализации.

Использование опыта — один из каналов, через которые осуществляется преемственность в политике. Она может проявляться в двух формах: позитивной (положительный опыт) и негативной (отрицательный опыт). Положительный опыт есть аккумуляция данных об оптимальных путях и способах действия, непосредственно ведущих к поставленной цели. Отрицательный опыт — это опыт нереализованных идей и опрометчивых действий, ошибок и просчетов в выборе целей и средств, в организации политических институтов.

Опыт — один из величайших рационализаторов политико-культурной практики. Он предполагает знание и учет не только успехов, побед, но и трудностей, неудач, ошибок; учит более эффективному политическому действию, помогает достичь поставленных целей с наименьшими затратами, способствует устранению утопизма из политического прогнозирования. Наличие того или иного опыта во многом помогает постановке адекватных целей на будущее и использованию наиболее рациональных форм и методов политической работы для выполнения как текущих, так и перспективных задач. Применение опыта можно считать оптимальным, когда удается преодолеть две крайности: с одной стороны, игнорирование предшествующего и «чужого» опыта, с другой — его абсолютизацию, некритическое копирование, механическое заимствование.

Реализация опыта предполагает его восприятие, актуализацию и активное воспроизводство, т.е. его переработку, интерпретацию, критически избирательное воспроизведение в конкретно-исторической ситуации исходя из об-

Staat und Politik. — Bonn, 1991. — S. 545.

щих принципов. Самое ценное в политическом опыте — это не набор готовых решений, пригодных на все случаи жизни, а подходы к проблемам политики, различные принципы и варианты их решения. В политическом опыте желательно выявлять ряд аспектов. Во-первых, видеть позитивное и негативное, актуальное и неактуальное, существенное и несущественное с точки зрения текущего момента. Во-вторых, учитывать зависимость значения того или иного компонента, границ его применения от национальных особенностей, объективных условий и потребностей каждого исторического этапа политического процесса. В-третьих, трезво оценивать свои возможности в конкретной ситуации, материальный, организационный и духовный потенциалы.

Показателем политической культуры является политическое искусство. Политика как искусство представляет собой специфический способ политической деятельности, отличающийся творчеством и мастерством, умением и тонким знанием дела, способностью нестандартно применять уже известные методы и приемы, а также вырабатывать политические инновации.

Ценностные элементы политической культуры. Анализ существующих в обществе политико-культурных ценностей является ключевым моментом изучения характера и особенностей его политической культуры. Причем наибольшее влияние на характер политической культуры, политическое участие, политическое поведение могут оказывать те политические ценности, которые относятся к категории устоявшихся, получивших определенную эмоционально-чувственную окраску, «пропущенные» не только через сознание, но и через «душу» политического субъекта.

Ценность представляет собой и критерий, и способы оценки значимости объекта и явлений окружающего мира для человека и общества, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках. Основной характеристикой ценности является значение и смысл, которые придаются тем или иным объектам природы, материальным и духовным благам. Социальной (политической) ценностью может являться материальный или идеальный объект в том случае, если он служит фокусом устремлений, желаний групп или отдельных лиц, рассматривается как важное условие существования. Он, соответственно, оценивается и в этой связи регулирует поведение, подчиняет его. Разделяемые индивидами и группами социальные ценности служат мерой оценки их поступков в жизни.

Ценности лежат в основе выработки интересов, политических позиций и ориентации, людей, придавая им определенную форму и направленность. Именно в ценностных категориях выражены предельные ориентации знаний, предпочтений, увлечений, убеждений и, конечно, интересов различных личностей и отдельных групп. В ценностях зафиксированы те критерии, социально признанные данным обществом и социальной группой, на основе которых развертываются более конкретные и специализированные системы нормативного контроля, соответствующие институты и сами целенаправленные действия людей, как индивидуальные, так и коллективные. Усвоение этих критериев составляет необходимую основу формирования интересов личности и поддержания нормативного порядка в обществе.

М. Хайдеггер: «Ценность -— это значимое, стоящее; только то, что значимо, -— ценность. Но что значит «значимо»? Значимо то, что играет важную роль. Значимость есть род бытия. Ценность имеет место только в том или ином ценностном бытии».[1]

Социальные и политические ценности имеют двойственную природу. Во-первых, они включены в процесс функционирования и развития данной общественно-экономической системы и имеют объективный характер. Во-вторых, они могут выступать (и часто выступают) как нормы, но, будучи окрашены эмоциями, чувствами, имеют субъективный оттенок. Система социальных ценностей выступает как основа культуры, нормативно определяющей характер социальной деятельности людей. При этом важную роль играют ценностные ориентации *личности,* которые представляют собой *избирательное отношение* человека к материальным и духовным ценностям, систему его установок, убеждений, предпочтений, выраженные в поведении.

Ценностные ориентации — это политические, мировоззренческие и нравственные убеждения человека, его глубокие и постоянные привязанности, нравственные принципы поведения. В силу этого в любом обществе ценностные ориентации личности являются объектом воспитания, целенаправленного воздействия.

Ценностные ориентации являются важнейшим элементом внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, его знаниями, совокупностью его переживаний и отделяющие значимое, существенное для данного человека от несущественного, второстепенного в социальной жизни. Ценностные ориентации выступают существенным фактором, регулирующим мотивацию личности, а также и формирующим ее интересы. Совокупность сложившихся ценностных ориентации личности составляет основу, которая обеспечивает ее устойчивость, преемственность определенного типа поведения и деятельности, выраженные в содержании и направленности ее интересов. Ценностные ориентации действуют как на уровне сознания, так и на уровне подсознания, определяя направленность волевых усилий, внимания, интеллекта, и оказывают решающее влияние на формирование соответствующего социального и политического поведения. Уровень развития ценностных ориентации — признак зрелости, показатель меры социальности и политической зрелости человека. Именно они лежат в основе осознания каждым человеком смысла и характера политики, выработки собственного отношения к ней, понимания в ней своей роли.

В самом общем плане ценности делятся на материальные и духовные. Возможна и более углубленная их классификация: 1) ценности блага; 2) ценности удовольствия; 3) жизненные ценности; 4) нравственные ценности («добро» и др.); 5) эстетические ценности; познавательные ценности («истина»).[2] Однако он специально не рассматривал собственно национальные и политические ценности.

[1] Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. — М., 1993. — С. 71.
[2] Гартман Н. Эстетика / пер. с нем. — М., 1958. — С. 447.

Многие авторы справедливо выделяют систему «национальных ценностей». Ведь любая социальная и политическая система, имея национальный характер, предполагает существование неких разделяемых всеми общих ценностей. «Национальные ценности — это совокупность материальных и духовных ценностей страны, которым присущи вполне определенные мировоззренческие, исторические, культурологические, социально-экономические, географические и демографические признаки. Каждая исторически конкретная общественная форма характеризуется специфическим набором и иерархией ценностей, система которых выступает в качестве наиболее высокого уровня социальной регуляции».[1]

Ф. Ницше в книге «Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей» специально выделял *«социальные ценности»* (в состав которых он включал и политические) и полагал возможным отнести их к высшим ценностям.[2] Политические ценности как высшие обозначены и в трудах профессора *Б.С.* Ерасова.[3]

Классификация ценностей

Характер ценностей	Содержание ценностей
Витальные	Жизнь, здоровье, телесность, безопасность, благосостояние, физическое состояние человека, качество жизни, потребление, комфорт и т.д.
Социальные	Социальное положение, статус, трудолюбие, предприимчивость, равенство полов, равенство социальное, активное участие в жизни общества, ориентированность на прошлое или будущее и т.п.
Моральные	Добро, благо, любовь, честность, уважение к старшим, справедливость, взаимопомощь и т.д.
Религиозные	Бог, Божественный закон, вера, спасение, перевоплощение, ритуал, святость, заповеди и др.
Эстетические	Красота (или эстетика безобразного), идеал, стиль, гармония, следование традиции или новизна, эклектика, культурная самобытность, мода и т.д.
Политические	Права и свободы человека и гражданина, государственность, законность, политическое правление, гражданский мир, гражданский долг, участие в политике, патриотизм, политические интересы, политическая жизнь, культура политики и др.

[1] Общая теория национальной безопасности / под ред. Л.Л. Прохожим. — М.: Изд-во РЛГС, 2002. — С. 96.

[2] **Ницше Ф.** Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. — М., 1994. — С. 38.

[3] **Ерасов Б.Г.** Социальная культурология. — М: Аспект-Пресс, 1996. — С. 117.

Политические ценности («свобода», «равенство», «справедливость», «политическая традиция» и др.) представляют собой чрезвычайно важный ценностный ряд. Они воплощают общекультурные ориентации, отношение к власти, политическим явлениям, нравственную оценку политических событий и процессов, конкретной деятельности в сфере политики; политическую самооценку. Они используются для обозначения сущности политически значимых действий, процессов, явлений в плане их соответствия или несоответствия интересам общества, отдельных социальных групп, человека. Политические ценности представляют собой *предпочтительное признание* социальными субъектами (индивидами, группами, классами) значимости тех или иных явлений, процессов и норм политической жизни, закрепленное их социальным опытом. Они мотивируют, направляют и обосновывают действия субъектов политики, отражают состояние, потребности и перспективы развития общества, его основных социальных групп. Особое значение придается ценностям порядка (ориентируются на поддержание стабильности социальной и политической системы), развития (ориентация на изменения и трансформации), равенства и свободы.

Ценности политической культуры — это такие политические знания и представления, которые рассматриваются субъектом политического действия в качестве нерасторжимых с его существованием, придают значимость, смысл его поступкам, ориентируют его действия в изменяющемся и трансформирующемся мире политики. *Ценностные ориентации личности* в политике — воспринятые человеком ценности, являющиеся целями его политических действий и основных средств их достижения. Они играют роль регулятора индивидуального политического поведения. В различных обществах существуют отличающиеся системы политических ценностей и их приоритеты. У каждого человека есть свои ценностные ориентиры.

К числу основных политических ценностей можно отнести: свободы и права граждан, характер политической власти, качество политических лидеров, формы и содержание политического правления, участия в политике, политическое образование и просвещение, роль личности в политике, политические интересы субъектов политики, этнических групп, культуру политики и др.

Политические ценности можно условно дифференцировать на тоталитарные, авторитарные и демократические, конформистские и активистские и т.д. Вместе с тем эти подходы необходимо обязательно дополнять анализом цивилизационного и общечеловеческого содержания (характера) политических ценностей. В различных цивилизациях и культурах, как известно, существуют свои ценностные системы.

В последние десятилетия все большее значение приобретают *постматериальные ценности.* В развитых странах на них ориентируется значительная часть населения, в остальных — соответствующие социальные группы, растущая часть молодежи. К постматериальным ценностям и интересам можно отнести: защиту окружающей среды, социальные и гуманистические принципы, культурный плюрализм и свободу самовыражения, значение качественного образования, учет возрастающей роли этничности и этнических идентификаций и др. Постматериальные ценности стали источником возникновения новых гражданских

групп, таких как экологические и женские движения, а также другие ассоциации по защите общественных интересов. Меняющаяся система ценностей реформирует политическую повестку многих правительств; все больше партий и граждан призывают власти заняться сохранением окружающей среды, расширить социальные и общественные свободы и т.д.[1]

Анализ существующих в обществе политико-культурных ценностей является ключевым моментом изучения характера и особенностей его политической культуры. Наибольшее влияние на характер политической культуры, политическое участие, политическое поведение оказывают те политические ценности, которые относятся к категории устоявшихся, получивших определенную эмоционально-чувственную окраску, «пропущенные» не только через сознание, но и через «душу» политического субъекта.

Ценности выступают мотивационным базисом политической культуры, их разрушение неизбежно сопровождается деградацией или видоизменением культуры, ставит проблему поиска новых ценностей.

Ценностная система политической культуры находит свое выражение и закрепление в нормах, традициях, стереотипах поведения и др. Связь политической культуры с регуляцией политических отношений, ее практическая направленность требуют наличия в ней элементов, в которых как бы происходит переход от ценностей и идеалов политического поведения к средствам, практическим факторам регуляции политической деятельности. Для этого соответствующая ценность (идеал, ориентация) должна стать нормой, правилом поведения и деятельности, принятым в данном обществе. Именно в нормах ценности как бы приобретают властные функции. Любая национальная политическая культура включает в себя как идеальные (императивно-нормативные) модели сознания и поведения фаждан, которые подкрепляются официальной идеологией или установками правящего режима, так и модели, вступающие иногда в противоречие с официальными позициями. Часто в политике ведущая роль принадлежит не нормам-обычаям, а нормам-предписаниям (специально установленные для регулирования политических отношений, например программы партий, регламенты органов власти, должностные инструкции).

Определяющее значение для трансформации политической культуры в реальные социальные отношения имеет свойство ценностей, идеологических принципов становиться принципами возникающих и развивающихся политических институтов (государств, партий и др.) и отношений, которые функционируют на основе ценностей, норм, ритуала, традиций и т.д.

Ориентационно-поведенческие элементы полигаческой культуры. Они включают систему поведенческих ориентации и разделяемых индивидом правил политического участия. Поведенческая культура говорит о характере участия (или неучастия) граждан в обсуждении проектов государственных документов и актов при проведении референдумов и плебисцитов; в выборах субъектов законодательной, исполнительной и судебной власти; в работе различных государственных и общественных органов и организаций (штатно или на общественных

[1] **Inglehart R.** Culture Shift in Advanced Society. — Princeton, New Jersey, 1990.

началах); в других конкретных видах, кампаниях, мероприятиях общественно-политической деятельности, а также членство в политических партиях и общественно-политических организациях или пассивное политическое поведение.

Важнейшим структурным элементом политической культуры выступает ее ориентационно-поведенческая система. Политическая культура— это не просто особые формы взглядов на политическую систему. Сама структура политической культуры есть совокупность устойчивых ориентации, отражающихся в политическом поведении. Американский исследователь В. Розенбаум обращал внимание на то, что ориентации относительно существующей политической системы суть базовые компоненты политической культуры. Им предлагается следующая схема ориентации.

1. Ориентации относительно институтов государственного управления:

а) ориентации относительно режима: как индивид оценивает и реагирует на основные государственные институты, их нормы, символы, официальных лиц;

б) ориентации относительно «входов» и «выходов» политической системы: как индивид оценивает и реагирует на различные требования по адресу государственной политики (inputs — «вход» в политическую систему общества) и на политические решения, принимаемые властями (outputs — «на выходе из политической системы общества»); это включает в себя знания индивида того, как эти процессы происходят, какие требования он может выставить правительству, насколько и как, по его мнению, может быть эффективной государственная политика.

2. Ориентация относительно «других» в политической системе:

а) *политические идентификации:* политические образования (нация, государство, город, район), географические ареалы, группы, к которым по самоощущению индивида он принадлежит, — все это в определенном смысле является важной составной частью его социальной идентичности; в особенности им «интериоризированы» те объединения и группы, по отношению к которым индивид чувствует лояльность, обязательство и долг;

б) *политическая вера:* до какой степени открытости и толерантности может доходить по своему самоощущению индивид, участвуя вместе с другими в гражданской жизни; политическая вера прежде всего отражает убежденность индивида в том, что другие индивиды или группы означают для него с политической точки зрения нечто хорошее или плохое;

в) *«правила игры»:* видение индивидом того, какие правила должны соблюдаться в гражданской жизни; эти субъективные предпочтения могут (или не могут) совпадать с господствующим правопорядком и другими нормативными системами, на основе которых функционирует общество.

3. Ориентация относительно своей собственной политической деятельности:

а) *политическая компетентность:* постоянно или нет и каким способом индивид участвует в общественной жизни; частота, с которой он использует свои политические «ресурсы», позволяющие ему принимать участие в жизни общества; это предполагает и определенную эволюцию его оценок собственных политических «ресурсов»;

б) *политическая действенность:* ощущение того, что политические действия индивида оказывают или могут оказывать влияние на политический процесс;

это предполагает веру в то, что политические изменения возможны и что индивид способен их осуществить через гражданские акции; всех индивидов можно классифицировать, взяв за основу следующий принцип: «вера в возможность политической действенности» — большая, средняя, малая.[1]

Ориентационно-поведенческие элементы политической культуры при их соответствующем учете и анализе могут иметь значительное прикладное значение. Поскольку на готовность субъекта к типу политического действия влияют политические ориентации, постольку выделяют три доминирующих типа политического поведения: политическое отчуждение, политическую пассивность и политическую активность.

Представляет интерес компонентный анализ политической культуры. Так, в принципе, она может являться консенсуальной, «культурой согласия» большинства или выступать в поляризованной форме, быть «культурой несогласия». Основное различие этих ее типов состоит в том, что в культуре «согласия» превалируют центристские, умеренные, «объединяющие» силы, идеи и ценности, а «несогласия» (фрагментированной) — противостоят друг другу те или иные носители крайних политико-культурных взглядов и ценностей. При фрагментированной политической культуре у населения отсутствует прочное согласие относительно путей развития общества. Политическая культура согласия опирается на широкую центристскую коалицию, составляющую 50—55% всех политических предпочтений. И лишь 10% политических сил можно квалифицировать как крайние. Напротив, в поляризованной политической культуре к центру относится только 20-25%, а к ее крайним носителям — до 45% электората. В этом случае можно говорить о «расколе политической культуры на субкультуры». Они отличаются друг от друга несхожими базовыми ценностями, воззрениями, ориентациями и т.д.

Классификация политической культуры на основе идей «согласия» и «несогласия»

Носители политической культуры	Культура согласия	Культура несогласия
Радикалы	15	25
Левые либералы	25	15
Правые либералы	30	10
Левые консерваторы	20	15
Правые консерваторы	6	15

Логическим выводом из темы «Поляризованная политическая культура» стали теории *политических субкультур и фрагментированных политических культур.* Субкультуры отличаются друг от друга несхожими базовыми ценностями, воззрениями, ориентациями и т.п.

[1] **Rozenbaum W. A** Political Culture: Basic Concepts in Political Science. — N.-Y, 1975. — P. 9.

Политические культуры с точки зрения их компонентного состава выступают как гомогенные или гетерогенные (разнородные, полисубкультурные) образования. Субкультуры — суть мини-культуры, автономные образования. Культура, состоящая из субкультур, — это культура, образуемая совокупностью данных автономных образований. Горизонтальные субкультуры — это субкультуры, основывающиеся на религиозных, этнических, региональных признаках. Можно говорить о двух субкультурах в Бельгии — франкоговорящей и голландскоговорящей (валлонцы и фламандцы), о католической субкультуре Германии и др. Польский социолог М. Соболевский, например, выделил несколько доминирующих моделей в польской политической культуре XX в.: националистическую, католическую, консервативную, пилсудчиковскую (авторитарную) и социалистическо-революционную. Вертикальные субкультуры различаются по социальным и демографическим характеристикам. Это, например, различие между «массовой» и «элитистской» субкультурами.

Учет характера политических субкультур и их взаимоотношений, степени политико-культурной фрагментированности общества, господствующих тенденций к поляризации или согласованию интересов социальных субъектов весьма желателен при анализе развития любого социума. Так, для политической культуры Российской Федерации рубежа XXI в. наиболее характерными являлись авторитарные, адаптационные, исполнительские, активистско-демократические и радикальные (экстремистские) политические субкультуры.

Духовную основу авторитарной субкультуры, как известно, составляет идеократическое отношение к власти, предполагающее непоколебимую уверенность в способности соответствующей идеологии определять развитие всех сторон общества, давая при этом единственно верную оценку существующим реалиям. На характер и содержание авторитарных ценностей значительное влияние оказали этатистские представления, оправдывающие право властей на безоговорочное регулирование политических сфер человеческой деятельности. Данная субкультура проявляется не столько в отсутствии у людей подлинно демократических воззрений, сколько в прямом одобрении и поддержке авторитарных типов правления, неприятии иных точек зрения.

Своеобразным продолжением, но одновременно самостоятельным ценностным образованием является исполнительская политическая субкультура. В ней исполнительские ориентиры представляют единство подданнических и патерналистских суждений и поступков субъектов политики. Конформизм и перманентную лояльность люди испытывают либо к партии, либо к государству, либо к лидеру. Причем их гражданское сознание и поведение формируют не столько органы, организации или структуры, сколько осознание властной зависимости от них. Забывая о своем статусе и интересах, действуя по принципу «чего изволите?», человек становится малоспособным к целенаправленному использованию своих прав и свобод. Если у североамериканцев, многие из которых способны к самостоятельной выработке политических и гражданских позиций, при их относительной удовлетворенности жизнью наблюдается достаточно высокая критичность по отношению к властям, то в российском обществе, по крайней мере в рамках рассматриваемой субкуль-

туры, проявляется во многом иная картина — пассивно-исполнительское отношение к властным структурам.

Следующий тип — адаптационная субкультура. Если исполнительская политическая субкультура предполагает какую-то веру в предначертание власти, то центральная идея адаптационной субкультуры состоит в уклонении от любых властных указаний во имя сохранения личного комфорта. Для представителей этой субкультуры характерны не столько неумение, сколько нежелание осуществлять свои гражданские права и обязанности, нести какую-либо ответственность, замкнутость на личных, бытовых вопросах.

Активистскую, демократическую политическую субкультуру отличает инициативный, поисковый характер, ориентация на развитие демократических форм осуществления власти. Эти гражданские ценности характеризуют чуткость к морально-этическим регуляторам общественных отношений, стремление действовать в соответствии с общечеловеческими, национальными и индивидуальными убеждениями, наличие между ними гармонии.

Наконец, выделяется радикальная (экстремистская) политическая субкультура. Для нее характерны: антилегитимность мышления, направленность на упразднение официальных управленческих структур, поддержание постоянной напряженности в отношениях граждан и институтов власти и т.д.

Функционирующая в обществе политическая культура носит многоуровневый характер. Различные уровни ее развития могут быть характерны для тех или иных институтов политической системы, социальных групп, индивидов. Можно выделить следующие уровни развития индивидуальной политической культуры и сознания.

1. Уровень политической индифферентности, характеризующийся полной неподготовленностью к политической жизни, неосведомленностью индивида о системе политических понятий, идеалов, ценностей. Индивиды с «нулевым» уровнем политической культуры способны лишь к следованию политическим настроениям своих или референтных социальных групп, к неосознанному поиску авторитетных «поводырей» в независимом и пугающем мире политики.

2. Уровень политических чувств характеризуется активным сопереживанием решаемых обществом или общностью политических проблем, противоречий, кризисных ситуаций. Хотя это сопереживание возникает прежде всего вследствие общественного резонанса вокруг этих проблем, данный уровень характеризуется уже осознанием индивидом своего долга и обязанностей перед обществом (или их отторжением). Вместе с тем в данном варианте у многих людей отсутствует четко выкристаллизовавшаяся система политических понятий и ориентиров.

3. Уровень самостоятельного политического мышления формируется на основе участия в политической жизни, в управлении делами общества. Он, включая в себя уровень политических чувств, характеризуется установкой индивида на значимость его действий в политике как для самого себя, так и для решения государственных и общественных дел.

4. Уровень аналитического политического мышления вырабатывается в ходе систематического целенаправленного осмысления политической практики, опы-

та политической борьбы и политического руководства. В наиболее полной форме его достигают профессиональные политические и государственные деятели, обществоведы, политические консультанты и т.д.

Структурный анализ политической культуры помогает лучше понять систему взаимосвязей ее составляющих элементов, их ценностей и принципов политического ориентирования и функционирования. Политическая культура дает отдельному человеку руководящие принципы политического поведения, а коллективу — систематическую структуру ценностей, обеспечивающих единство и взаимосвязанность функционирования институтов и организаций. Она представляет политические идеалы и оперативные политические нормы, придает структуру, содержание и стиль политической сфере, подобно тому как культура придает целостность, интегрированность и осмысленность общественной жизни.

4. Традиция, опыт, национальный характер, миф и религия в политической культуре

Различные элементы политической культуры обладают неодинаковой степенью устойчивости и функциональной значимости и при этом находятся в определенном соподчинении. Политическая культура является составной частью общественно-исторической почвы, в состав которой входят традиция, национальное наследие, геополитический фактор, исторически сформированная социальная и этническая структура, вероисповедание и т.д. «Субстрат» политической культуры составляют ее идеологические, социально-политические и социально-психологические компоненты, определяющиеся общественно-историческими, национально-культурными, социально-экономическими и другими долговременными факторами и условиями. Именно они характеризуются относительной устойчивостью, имеют тенденцию к воспроизводству. Эти компоненты включают, как правило, ориентации и установки людей в отношении существующей общественно-политической системы и строя в целом, составляющих ее институтов и организаций, важнейших правил общественно-политического поведения и деятельности. К ним относятся и устоявшиеся морально-этические ценности, национально-психологические нормы поведения, традиции, стереотипы и т.д.

Важное место в развитии и функционировании политической культуры играют устойчивые общекультурные социально-психологические феномены, которые или входят в структуру политической культуры, или соответствующим образом отражаются и преломляются в ней. К ним относятся: традиции, обряды, ритуалы, менталитет, накопленный опыт, стереотипы, мифы, религия и другие факторы.

Политическая традиция — важнейший элемент хранения, воспроизводства, передачи и закрепления социально-политического опыта и политических ценностей, способ реализации устойчивых политических отношений. Целесообразные формы и способы политической деятельности, правила, образцы политического взаимодействия людей, реальные политические отношения, регулярно повторяясь, приобретают традиционный характер. Традиции любой полити-

ческой культуры — это прежде всего процессы трансляции от поколения к поколению устоявшихся образцов поведения, представлений, идей и одновременно сами эти образцы, представления, идеи.

Содержание традиций составляют политические установки, ценности, нормы поведения, обычаи, обряды, ритуалы с соответствующей символикой и т.д. Традиции выступают как наиболее устойчивая, стереотипная часть политической культуры. Они фиксируют накопленный политический опыт в виде формализованных образцов действий и представлений.

Фиксация политически значимых представлений и действий в виде массовых привычек, обычаев, составляющих содержание традиций, сопровождается нередко закреплением случайного, ненужного, ошибочного. Традиции, т.о., несут в себе не только ценный опыт, но и то, что не соответствует изменившимся условиям, что отжило. Наряду с-сохраняющимися ценностями для всех времен и поколений существуют и изжившие себя традиции, воспроизводящие устаревшие формы. Оставаясь в силе известной инерции, отставания и консервативности обыденного сознания, такие традиции превращаются в тормоз общественного прогресса.

Традиции политической культуры могут быть классифицированы по следующим основаниям: 1) по содержанию (образцы поведения, идеи, ценности); 2) по форме существования (устные и письменные); 3) по месту в политическом процессе (традиции политического властвования и традиции политического участия); 4) по функциям (обычаи, обряды, ритуалы).

Традиции выступают той своеобразной силой, которая обладает способностью организовывать сознание и деятельность различных субъектов политики. Организующая роль традиций обусловлена также социально-психологическим фактором. В них люди видят концентрированную мудрость многих поколений, коллективный практический опыт. Поэтому независимо оттого, насколько ценны традиции в конкретных условиях, им доверяют как образцам, обладающим социальной надежностью. Их авторитет и устойчивость придают традициям силу стабилизирующего фактора политической жизни.

Политические обряды наряду с обычаями и политическими праздниками выступают формами реализации традиций политической культуры. Их цель состоит в том, чтобы при помощи символов и символических действий выразить, передать, закрепить традиционные для субъектов политики идеи, идеалы, нормы, вызвать у участников действий определенные чувства, настроения, переживания, создать соответствующую морально-психологическую атмосферу и наглядно-образными средствами отметить важные события политической жизни. К ним относится, например, обрядовое оформление событий национального и государственного значения (манифестации, возложение венков, несение почетного караула, исполнение гимнов, склонение знамени, преклонение колена перед знаменем, чествование политических лидеров и т.д.).

Весьма важными средствами политической культуры являются: ритуал, устанавливающий определенные правила поведения; система политических символов, способствующая четкой ориентации политических действий больших групп людей. Политический символ — это знак, выполняющий коммуникатив-

ную и интегративную функции между индивидами и властью. По сути, политическая культура — это система организованных, символов. К политическим символам можно отнести флаг, герб и гимн государства, лозунги, памятные даты, политические ритуалы (демонстрации, митинги) и др.

Политические ритуалы как разновидность обрядов представляют собой исторически сложившиеся или специально установленные канонизированные нормы символических действий, реализация которых почти не допускает каких-либо отклонений и проявлений самодеятельности. К ритуализированным актам относятся, например, вручение верительных грамот, церемонии вступления в должность политических лидеров, принесение присяги и т.д. Система используемых в обрядах символов создает устойчивое отношение к политическим ценностям, опосредуя через них действие общественного мнения на индивидов. При этом все участники обрядов выступают в роли не зрителей, а действующих лиц ритуализированных церемоний.

При анализе политической культуры целесообразно учитывать *политический менталитет* ее носителей. Ментальность (от англ. mentality, фр. mentalite — «склад ума, мироощущение») представляет собой глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; совокупность устойчивых, распространенных в социальной группе интеллектуально-психологических установок и представлений, выражающих особое, своеобразное видение (осознание) принадлежащими к ней людьми окружающих реалий и ориентирующих социальное поведение индивида; единая, синкретическая форма осознания социальной и политической системы, которая формируется в результате воздействия всех жизненных факторов на массив коллективного сознания и выражает актуальные для данного сообщества ценности. Ментальность выражает характер, стиль, способ группового мышления, восприятия социальной жизни, влияет на состояние умонастроений и устойчивых ориентации членов социума, характер их отношений, поведение и деятельность. Ментальное осознание не имеет четко выраженных границ; на него могут влиять элементы обыденного, мифологического или религиозного сознания, осмысливающего политические реалии в форме стереотипов, локально-актуальных ценностей. В зависимости от сложившегося менталитета класс, народ, нация и иные общности и группы обладают определенной восприимчивостью к тому или иному типу идеологий, культурных норм, политических ценностей и т.д. Менталитет обладает способностью оказывать относительно автономное воздействие на социальное поведение соответствующих групп, их представителей. Доминирующий в обществе менталитет обеспечивает политическую преемственность, социальное единство на основе утвердившихся традиций, ценностей и идеалов. В переходных обществах менталитет неустойчив: старые ценностные ориентации разрушаются, новые находятся в стадии становления либо иллюзорны. По мере развития общества и его структур, влияния международных факторов в менталитете происходят соответствующие изменения.

При анализе политической культуры используется понятие *«национальный характера* (российский, американский, германский и т.д.). Через свободную аналогию с характером наиболее распространенного в народе типа личности

национальный характер можно трактовать как комплекс типичных образцов поведения, складывающийся на основе импульсов и характеристик, регулирующих поведение нации на протяжении длительного срока. Глубокое проникновение в эту проблему характерно для исследований Н.А. Бердяева. Он одним из первых дал сравнительную характеристику русской и польской души, германского и французского национального характера. «В каждой народной душе, — подчеркивал Н.А Бердяев, — есть свои сильные и свои слабые стороны, свои качества и свои недостатки».[1]

При всем сходстве политической культуры и национального характера между ними есть различия. Первая носит преимущественно социально-психологический характер, второй — в большей степени характерологически-биологический феномен.

Изучение национального характера является существенной предпосылкой для понимания политической культуры любого народа. В целом можно говорить о нескольких основных кругах культуры, предопределяющих политическую культуру общества или оказывающих на нее существенное влияние: мировая культура, регионально-цивилизационная культура, национальная культура, классовая культура. В реальности эти круги выступают как взаимно обусловливающиеся и пересекающиеся сферы воздействия.

Национальный характер, по мнению известного западного культуролога М. Мид, представляет собой совокупность закономерностей психической организации субъектов данного общества. Он имеет существенное значение в парадигме политической культуры. Причем в основе любого национального характера лежат причины не биологического, расового порядка, а то, что эти субъекты были воспитаны именно в конкретном социуме. Так, специалисты, занимающиеся этой темой, исходят из того, что свойственные конкретному обществу структура семьи (например, доминантная фигура отца), система воспитания и образования, отношение «господство — подчинение» на трудовом месте и т.д. создают определенный тип личности. Подобная личность квалифицируется как «модальная» или «типичная», именно в ней и закреплено главное, из чего состоит национальный характер.

В контексте политической культуры широко используется понятие политической идентичности. Под этим понятием понимается конечный результат процесса идентификации — самоотождествления, самоопределения индивидов в соответствующей (политической) сфере. Как правило, идентификации связаны с главными общественными институтами, и, как следствие, разрушение последних влечет за собой дезориентацию и деидентификацию. Существует несколько уровней и аспектов рассмотрения идентичности. Можно выделить национально-этнический, государственно-территориальный, цивилизационный и другие уровни идентичности, рассматривать ее как ориентацию на культурно-географический ареал распространения социума или явление «радиации культуры» (А. Тойнби). Критериями национальной идентичности выступают язык, культура, образ жизни, особенности поведения, общность обычаев и традиций,

[1] Бердяев Н.А. Судьба России. — М„ 1990. — С. 147.

наличие этнонимов, государства. Для идентичности в политике критериями являются язык (политический), политическая культура (во всей совокупности составляющих ее элементов), соответствующий этнос (народ, нация, сообщество), государственность и др.

Выделяются основные *группы критериев* (оснований и ориентиров) *политической идентичности*.

Критерии политической идентификации:

1) по полноте и глубине идентификации с политическими институтами и ценностями, которые могут проявляться на коллективном, эмоционально-оценочном и поведенческом уровнях;
2) по месту и роли в воспроизводстве политической структуры общества (функциональная или дисфункциональная);
3) по механизму и генезису становления внешней солидарности (конформистская, нонконформистская);
4) по вектору политических ориентации и партийной принадлежности (социалист, либерал, консерватор, левый, правый, центрист и т.д.);
5) по объекту и субъекту (личностная, групповая, партийная, классовая, государственная) и др.

Политическая идентичность воплощена в первую очередь в системе ценностей определенной политической группы. Такая идентичность наиболее отчетливо проявляется в таких формах политической активности населения, как участие в выборах по партийным спискам, социальная поддержка политических акций и мероприятий, солидарность с политическими требованиями и др.

Теория идентичностей предсказывает-, что, чем больше различий в аксиологии (системе ценностей) и чем они при этом существеннее, тем ярче может проявиться конфликт идентичностей. И, наоборот, чем однороднее системы ценностей культур, тем более вероятно сближение идентичностей.

В политической культуре любого общества важную роль играют стереотипы. Понятие «стереотип» было введено в научный оборот известным американским политическим обозревателем У. Линпманом в 1922 г. для обозначения предвзятых представлений, навеянных в основном деятелями массовой культуры. *Политический стереотип* — это упрощенное, схематическое, ценностно-ориентированное представление о политических реалиях, о том или ином субъекте политики, как правило, эмоционально окрашенное и воспринимающееся без доказательств, в качестве аксиомы, представление. Его отличительные черты: персонификация событий, сильная эмоциональная окрашенность, иррациональность (факты, противоречащие стереотипу, отвергаются), устойчивость. Стереотипы формируют чувство политической идентичности, выполняют идентификационно-интегрирующие, ориентационные и компенсационно-регулирующие функции.

Значение политических стереотипов определяется особенностями их формирования и содержания. Суммарно они отражают состояние общественного сознания, являются выражением коллективных убеждений, частью механизма традиций, несут не столько информацию об объектах, сколько отношение к ним, являются формой идеологического контроля за обществом, корректировкой его жизни. Политические стереотипы существуют во всех обществах,

оправдывают себя как удобная форма коммуникации. К ним предрасположено большинство людей, т.к. обычно человек стремится, как правило, к формированию непротиворечивой, ясной и связанной картины социального или политического мира. При фрагментарности, обыденности сознания человек предпочитает легкое и быстрое, стереотипизированное восприятие объекта. Этому заказу отвечают политические стереотипы с их способностью упрощенно, обобщенно и недифференцированно характеризовать объект. Они, с одной стороны, экономят интеллектуальные усилия среднего человека при восприятии им сложных социальных объектов, защищают его позиции, ценности, с другой — в политических стереотипах заинтересованы руководители, политики и др. Стереотипы можно использовать в целях политической манипуляции общественным мнением. На языке штампов, ярлыков удобно разговаривать с недифференцированной массой.

Существуют различные точки зрения относительно истинности стереотипов. Одни исследователи склонны отождествлять их с истиной, другие считают, что в политических стереотипах выражен момент истины, но одновременно та или иная сторона действительности искажена, третьи видят в них совокупность мифических признаков. В целом политические стереотипы устойчивы, ригидны и консервативны. Однако структура их подвижна, способна реагировать на изменения окружающей среды, человека. Политические стереотипы естественны в периоды стабильности. В эпохи перемен, социальных напряженностей, конфликтов они с трудом поддаются управлению. Чем дольше период стабильности, тем устойчивее стереотипы. В период переоценки ценностей старые политические стереотипы разрушаются.

Многие философы и социологи обращают внимание на особую роль религии в процессе становления, функционирования и развития политических систем, на значимость конфессионального элемента в качестве своего рода субкультуры в рамках политической культуры того или иного общества. Соответственно целесообразно учитывать *религиозную доминанту* (протестантскую, католическую, православную, исламскую, буддийскую, конфуцианскую и т.д.) в политических культурах.

Провозглашая определенные повеления и запреты, религия оказывает влияние на формирование и развитие отдельных личностей, социальных групп, целых сообществ. Мировоззренческая функция религии заключается в том, что она объясняет мир, истолковывая явления, происходящие в природе и обществе; влияет на мировоззрение верующего человека, формируя у него определенное мировосприятие и определенную систему ценностей, давая мотивацию для его поступков. Многие религии стремятся к созданию определенной модели общественно-политической жизни, а тем самым и к созданию определенной идеальной социальной структуры. Сакрализуя нормы и ценности общества, религия может способствовать его стабильности либо, не приемля данные нормы и ценности и ориентируя верующих на их неприятие, его нестабильности.

На рубеже второго и третьего тысячелетия во многих странах мира в связи с быстрыми и глубокими социально-экономическими и иными трансформация-

ми, «разрывами» привычных социальных связей и структур наблюдается возросший интерес, особенно молодежи, к традиционным, в т.ч. религиозным, ценностям, стереотипам, мифам, религиозно-политическим ориентациям. Заметно повышается роль религии как института, отражающего глубинные, матричные ценности и принципы организации общества и в силу этого активно проявляющего свою заинтересованность и участие в его духовной, политической, моральной и этико-трудовой сферах. Религиозные идеи целенаправленно распространяются в массах посредством деятельности многочисленных специализированных религиозных организаций и их служителей. Во многих странах существуют также политические партии, положившие в основу своей деятельности религиозные идеалы и принципы. В ряде государств Арабского Востока ислам выступает в качестве официальной, государственной религии и, соответственно, идеологии. Для большинства мусульманских стран и мусульман (ислама в целом) *изначально* характерна неразрывность, слитность религиозных и социально-политических ценностей, хотя их оценки и трактовки в зависимости от подходов к ним могут существенно различаться и вести к острым противоречиям. Кроме того, религиозные ценности воспроизводятся и передаются традицией общественного развития любой страны в процессах социализации каждого нового поколения.

Особую актуальность вопрос о роли религиозной составляющей в политических культурах приобретает тогда, когда речь идет о взаимодействии (или столкновении) различных ценностных систем как внутри отдельных государств, так и в международном диалоге или противодействии, борьбе разных культур и цивилизаций.

Важной для политической культуры точкой отсчета или соотнесения является понятие мифа. *Политический миф* — это статичный образ, опирающийся на верования и позволяющий упорядочить представления о различных политических явлениях, структурировать видение коллективного прошлого настоящего и будущего. Среди политических мифов наиболее часто используются темы «золотого века», «заговора», «героя-спасителя», «единства нации» и др. В единичном аспекте мифические убеждения проявляют следующие качества; они опираются на веру, навязываются группой, иррациональны, опираются на общественные авторитеты, трудно поддаются проверке, существенно влияют на политическую жизнь, являются основой для национальной идентичности.

В развитии политического процесса возрастает роль политических норм и правовой культуры. Они фиксируют способы совершения наиболее важных политических действий, функционирования институтов, направленность политического процесса. Юридическая фиксация процедур политической деятельности создает условия для повышения уровня политической культуры членов общества. Она препятствует проявлениям произвола и своевластия в реализации политических решений со стороны политиков и населения. Политическая культура меняется относительно медленнее, чем общественно-политическое устройство. Диалектика соотношения формы правления, формы государственного устройства и политического режима с политической куль-

турой отличается сложностью связей, тонкими переходами, системой опосредующих звеньев.

Итак, к устойчивым факторам политической культуры можно относить политические ценности, образцы политического поведения и деятельности (нормы и ритуал), сложившиеся политические ориентации людей, политические мифы, стереотипы и символы, проявления национального характера и ментальное™ в политике; характер и принципы функционирования политических институтов, развития политических отношений и процессов, участия в политике, уровень развития социально-политических наук, культуру реализации их достижений, направленность и ценности политической социализации и политический опыт и др.

5. *Политическая культура и политическая система общества*

Политическая культура общества может быть проанализирована как по суммарным показателям уровней политических культур его членов — граждан, их социальных групп и слоев, классов, так и по показателям, характеризующим только общество как единый и неделимый организм. К числу последних следует отнести характер существующей политической организации общества, формы и методы функционирования политических институтов, степень и способы участия граждан в политической жизни общества, накопленный социально-политический опыт, существующие политические традиции и обычаи, систему политических идей, знаний, принципов, используемых в общественном развитии.

Многие политологи и социологи считают, что исходным пунктом и целью исследований в области политической культуры должно быть сравнительное изучение взаимодействия политических систем и культур. Жизнь человечества ставится в зависимость от способности понять мысли и действия разных обществ. Способность вскрыть «невидимые» различия относится к важной (и практической) задаче политической культурологии. Почему одни общества регулируют конфликты более мирным путем, чем другие? Почему одни страны не так терпимо относятся к безработице, как другие? Почему в большинстве стран слабы левые партии и профсоюзы?

Все эти вопросы многомерны и требуют содержательных ответов. Сравнительный анализ требует выяснения общих параметров, вопросов и условий. Как правило, только типичные для разных обществ политические институты и нормы, близкие социальные и экономические условия позволяют определить структуросохраняющее значение политико-культурных факторов и тем самым различия и возможные варианты идеального типа.

Политическая культура является исторически сформированной совокупностью политических ориентации, ясных и скрытых представлений о различных аспектах политической жизни, включает в себя политические образцы и характерные способы политического действия и поведения индивидов и социальных групп в различных обществах. Политическая культура и иоли-

тическая система любого общества тесно связаны, сложно и противоречиво взаимодействуют. В политической культуре целесообразно видеть не только один из элементов духовной жизни, но и важнейший компонент политической системы общества. По Г. Алмонду и С. Вербе, каждая политическая система покоится на своеобразной структуре ориентации граждан относительно политического действия и поведения. Именно эта структура и система ориентации представляет собой сердцевину политической культуры. Причем Г. Алмонд обращал внимание на то, что структура ориентации граждан относительно политики может простираться и обычно простирается за пределы политических систем. Политическая культура рассматривается в качестве порождения политической системы и одновременно обусловливает политическое действие, выходящее нередко и за ее пределы.

Политическая культура влияет на политическую жизнь общества в целом, на все, что затрагивает проблемы власти и управления, участия людей в политике, также пограничные зоны: взаимодействия политики и права, политики и экономики, политики и нравственности. Это позволяет рассматривать политическую культуру не только как центральный элемент духовной жизни общества, но и как структурный, составной элемент политической системы любого общества, а также как характеристику политических отношений в процессе функционирования политической системы.

Данный подход, по мнению этого и других исследователей (М.Г. Анохина, М.Н. Грачева, В.Г. Джангиряна, Р.Ф. Матвеева и др.), углубляет представления о политике, позволяет дополнить анализ властно-институциональных структур, политической организации общества изучением ценностных и иных, собственно человеческих измерений общественно-политического развития.

Политическая культура представляет собой совокупность индивидуальных позиций и ориентации участников данной политической системы. Это субъективная сфера индивидов, образующая основание политических действий и придающая им значение. В ее основе лежат: познавательные ориентации (истинное или ложное знание о политике), аффективные ориентации (чувство связи, ангажированности), оценочные ориентации (политические суждения и мнения). Можно выделить три основные группы ориентации, которые позволяют получить необходимую информацию о данной политической культуре: ориентации в отношении правительственных структур; ориентации в отношении других политических систем и ориентации в отношении собственной политической деятельности. Таким образом, политическая культура предстает как структура ориентации, в которую включены знания, чувства, суждения, мнения и представления о политической системе общества.

Политическая система общества состоит из совокупности сложносоставных структурных элементов или, точнее, основных шести подсистем: 1) институциональной; 2) нормативно-регулятивной; 3) коммуникативной; 4) идеологической (политического сознания); 5) политико-культурной; 6) политических отношений и политического участия. Причем подсистема политической культуры

является не только неотъемлемой частью политической системы общества, но одновременно выступает и как вектор всей политики.

Политическая система общества и политическая культура

Подсистемы политической системы общества	Аспект политической культуры
1. Институциональная (государство, партии) подсистема	1. Культура институтов
2. Нормативно-регулятивная (правовые акты, традиции)	2. Правовая культура
3. Коммуникативная (средства и каналы передачи политической информации) подсистема	3. Культура коммуникации
4. Подсистема политического сознания (идеология и массовая психология)	4. Идеологические ценности
5. Подсистема политической культуры	5. Поведенческий и ценностный аспекты политической культуры
6. Функциональная подсистема (политические отношения и участие)	6. Культура участия и отношений

Зависимость политической культуры от политических институтов, норм, моральных ценностей, принятых в обществе, выражается, в частности, в создании нормативной модели политической культуры, которая вырабатывается и предлагается обществу господствующими политическими институтами и организациями. Нормативная модель политической культуры служит основой для оценки реальных явлений политической жизни.

Политическая культура обусловливает ценностно-стилевые доминанты развития и требования к политической системе общества в целом. Концепция политической культуры открывает возможность установить связь между индивидуальным поведением и поведением политических систем. Индикаторами этой общественной связи являются фундаментальные ценности, разделяемые всеми членами общества и дающие своего рода основную ориентацию политическим тенденциям в стране. В обществах, где успешно осуществились процессы интеграции, политические структуры и политические культуры должным образом обусловливают друг друга. Таковы «гражданские культуры» США, ФРГ и Великобритании.

Политическая культура неразрывно связана с политической деятельностью и обусловливает определенный характер, «технологию» ее осуществления. Она тесно взаимодействует с политическим сознанием индивидов и социальных групп, однако вовсе не сводится к каким-либо отдельным его проявлениям. Поэтому политическую культуру нельзя рассматривать только лишь как совокуп-

ность некоторых знаний и ценностей, опыта, традиций и степени активности субъектов политики. Она выступает также как процесс, способ реализации конкретных политических интересов людей, который находит выражение в целях, средствах и результатах их действий.

Политическая культура во многом предопределяет действия политической системы общества, ее поведение во времени и пространстве. Г. Алмонд и С. Верба полагали, что для анализа политических систем и политики в целом необходимо ответить на следующие вопросы.

1. Что знает человек о своей нации и о политической системе вообще, о ее истории, масштабах, устойчивости, конституционных параметрах, каковы его чувства по отношению к этим системным характеристикам? Каковы его более или менее осознанные взгляды и суждения о них?

2. Каковы представления человека о структуре и ролях разнообразных элит и о политических предложениях, инициативах, которые вовлечены в «восходящий» поток «производства» политики? Каковы его чувства и взгляды на эти структуры, на лидеров и т.д.?

3. Что знает индивид о «нисходящем» потоке политического принуждения, о структурах, людях и решениях, вовлеченных в данный процесс? Что он чувствует и каково его мнение о них?

4. Как осознает себя человек в качестве члена политической системы? Понимает ли он свои права, обязанности, возможности и то, что он способен влиять на систему? Как ощущает он эти свои возможности? Какие нормы участия и исполнения усваивает и использует он при формировании политических суждений и взглядов?

Ответы на эти вопросы создают образ политической культуры нации, т.е. разнообразные, но устойчиво повторяющиеся когнитивные, аффективные и оценочные ориентации человека относительно политической системы вообще и собственной самооценки политического актора.

Известный немецкий политолог, президент Международной ассоциации политической науки М. Каазе[1] предложил расширенную схему ориентации участников политической системы.

1. По отношению к политической системе в целом, т.е. «диффузное» согласие и идентификация с нацией, политическими институтами и политическими элитами.

2. По отношению к результатам политической системы.

3. По отношению к структурам волеизъявления политических организаций и идеологий.

4. По отношений к собственному «я»: знание прав и обязанностей и чувство политической компетенции.

Интересная по методологии система классификации политических ориентации граждан рассмотрена американским политологом Э. Розенбаумом. Он предложил рассматривать характеристики политико-культурных ориентации граждан посредством таблицы операционных определений.

[1] Staat und Politik. — Bonn, 1991. — S. 509.

Система политических ориентации (по Э. Розенбауму)

Ориентации	Операциональное определение
Политическая идентификация	Нация граждан; политические образования и группы, относительно которых индивид настроен позитивно или негативно; политические образования и группы, в которые индивид вовлечен наиболее глубоко
Политическая вера	Готовность сотрудничать с различными группами в различных социальных акциях; членство в группах; оценка деятельности групп с точки зрения того, заслуживает ли она доверия, каковы ее мотивы и т.п.
Ориентация относительно режимов	Вера в легитимность режима; чувства (по поводу) и оценка основных политических учреждений и символов режима; включенность в политическую деятельность по поддержке или противостоянию режиму
«Правила игры»	Как индивид относится к высказываемым политическим мнениям; концепции политических обязательств, для самого себя и для других; концепции принятия политических решений властями; отношение к политическим девиантам и диссидентам
Политическая действенность	Вера в то, что власть ответственна за свои действия; вера в важность гражданской активности и участия в политической жизни; вера в возможность политических изменений
Политическая компетентность	Частота голосования и других типов политической активности; знание о политических событиях и их влиянии на человека; интерес к политике
Ориентация на политическую систему («вход» и «выход»)	Удовлетворенность политикой власти; знание о том, как политические требования достигают центров принятия решений; вера в эффективность «входов» и «выходов» политической системы

Политическая культура формируется и развивается в сложной органической и противоречивой взаимосвязи с политической системой. Политическая культура является результатом влияния на ее субъекта сложного комплекса экономических, социальных, культурных, психологических и политических факторов. Причем на разных этапах их роль может быть различной. Например, политическая система, ее властные институты всегда стремятся через механизмы политической социализации (семью, школу, церковь) фиксировать или даже насаждать в обществе ориентации и нормы, благоприятные для ее выживания: законопослушание, уважение или даже преклонение перед властью, покорность и т.д.

Однако механизм такого стабильного воспроизводства может быть разрушен под воздействием социокультурных процессов. Так, становление либераль-

но-демократической культуры в обществах и государствах Запада стало результатом как социально-экономических процессов, так и социокультурных, прежде всего процесса реформации. Глубокие изменения в политической системе советского общества и распад СССР в 1991 г. были во многом предопределены предшествовавшими им противоречивыми политико-культурными процессами «гласности» и «перестройки», которые вели к изменению привычных ценностей, норм и образцов политического мышления и поведения. В рассмотренных случаях сформировавшаяся новая политическая культура, воспринятая определенными социальными группам и массовыми движениями, выступала одним из важных факторов изменения политической системы общества.

Резкое изменение политической культуры, системы ее ценностей и ориентации, образцов социального поведения может привести к дезорганизации общества, углублению социальных противоречий. Кризисные и противоречивые явления в политической культуре («конфликты интересов и ценностей») могут вести (и обычно приводят) к возникновению такого явления социально-психологического и политического явления, как кризис идентичности общества, его социальных групп и отдельных граждан. *Кризис идентичности* выражается в утрате ценностей, норм, образцов и других ориентиров социального поведения, которые давали людям возможность принадлежать (или ощущать свою принадлежность) к определенной социальной группе, организации, обществу и государству в целом. Поиск новой идентичности происходит достаточно сложно. Обычно он осуществляется на основе этничности (национальности), переосмысления ее исторических судеб и перспектив развития, на приспособлении к новым политическим (государственным) реалиям, в условиях новых социально-трудовых отношениях, на религиозной (конфессиональной) почве и др.

Политическая система благодаря существующим нормам и институциональной структуре имеет относительную независимость от политической культуры. В случае возникновения резкого разрыва между ними, например, в результате революций или реформ политических институтов политическая система пытается видоизменить политическую культуру, препятствуя реализации одних (прежних) образцов поведения и навязывая обществу другие. Однако политическая культура, как правило, также обладает относительной устойчивостью, которая определяется механизмами политической социализации: семейным воспитанием, традициями, образом жизни социальных групп и накоплением политического опыта в процессах самостоятельной деятельности.

Политическая культура меняется относительно медленнее, чем общественно-политическое устройство. Диалектика соотношений формы правления, формы государственного устройства и политического режима с политической культурой отличается сложностью связей, тонкими переходами, системой опосредующих звеньев. Политическая культура играет принципиальную роль в общественно-политическом развитии. Политическая система общества, возникающая в конечном счете в результате изменений в социально-экономических отношениях, обретает свои конкретные черты под воздействием относительно самостоятельных надстроечных процессов и явлений, среди которых существенное значение отводится политической культуре.

Иначе говоря, политическая культура является долговременным фактором, влияющим в конечном счете на развитие и обновление политической системы общества. В то же время выбор определенной модели политической системы обычно не бывает жестко детерминированным массовой политической культурой, ибо он всегда является и результатом борьбы групповых субкультур, прежде всего элитарных групп, властных элит и т.д. Поэтому конкретная модификация институциональной модели зависит во многом от ориентации и предпочтений определенной политической элиты. Так, например, в странах Запада имеют место и монархии, и президентские, и парламентские республики. В странах с исламской политической культурой существуют и консервативные монархические режимы, и исламская республика в Иране, и многопартийная республика в Ливане, и специфическая Ливийская Джамахирия.

К. Феннер: «Одна из важнейших исторических задач политической культуры состоит в ответе на вопрос, какие политические фундаментальные конфликты возникли при появлении новых социальных и политических движений и какие институты закрепили определенные отношения власти и дали тем самым отдельным обществам различные инструменты для решения конфликтов. Эти различия обусловливаются культурными различиями, корни которых заложены в идеологических традициях, стиле, риторике отдельных субкультур (образ врага, готовность к компромиссам, юридическое обоснование политики, страх), а также в формах, обусловленных принятыми ранее решениями (например, о социальных гарантиях, представлений об общественном равенстве)».[1]

В целом политическая культура выступает как система исторически сложившихся относительно устойчивых, воплощающих опыт поколения людей, установок, убеждений, представлений, ориентации, образцов и стилей поведения, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, во всех элементах политической жизни общества, политическом развитии человека, на основе преемственности.

6. Политическая культура и политическое сознание общества

Политическое сознание является объектом рассмотрения и изучения разных гуманитарных наук. Так, в политической философии оно рассматривается прежде всего как составная часть общественного сознания, обусловленного процессами общественного бытия. Социально-психологический подход к политическому сознанию характеризуется стремлением соединить анализ его общественного содержания и индивидуальных механизмов его функционирования. В политологии политическое сознание понимается как совокупность распространенных

[1] **Fenner C.** Politischc Kultur // Staat und Politik. — Bonn, 1991. — S. 515-516.

в обществе теорий, идей, взглядов, представлений, выражающих отношение людей к политическому строю, системе, а также к деятельности политических институтов и лидеров.

Политическое сознание представляет собой осознание сферы и поля политики социальными субъектами (индивидами, группами, классами, общностями). Оно охватывает систему идей, взглядов, убеждений, чувств и настроений субъектов политики, складывающихся в процессе завоевания и осуществления, организации и функционирования власти в рамках определенной политической системы. Его содержательными компонентами являются ориентации либо на сохранение данной политической системы, либо на ее дестабилизацию и изменение в интересах тех или иных субъектов политики.

По степени отражения сущности и закономерностей сферы политики в структуре политического сознания выделяют два уровня: теоретический и эмпирический. Теоретический уровень политического сознания отличает ориентация на раскрытие законов, управляющих политической жизнью общества; он характерен для деятельности идеологов, сопряженных с выработкой концепций, идей, понятий, и воплощается в специальных исследованиях, декларациях, программах и т.п. Эмпирический уровень политического сознания складывается на почве практического повседневного опыта людей и фиксирует непосредственные проявления политической жизнедеятельности общества; они отражаются в наблюдениях, навыках, представлениях субъектов — участников политического процесса.

В современной политической науке существует устойчивая тенденция рассматривать политическое сознание в качестве одной из основных подсистем политической системы общества. Политические режимы через политические институты и организации с помощью политических норм, основываясь на сложившиеся политические отношения, стремятся влиять на политическое поведение граждан. Сферой, в рамках которой политические режимы и их представители — политические элиты — осуществляют свое воздействие на граждан, а также в которой формируется реакция на это воздействие, является политическое сознание.

Политическое сознание есть результат одновременно и отражения субъектами тех или иных явлений, и выражения их отношения к отражаемым явлениям (оценки). В нем отражается и оценивается, во-первых, реальная обстановка жизни людей, определяемая различием их места в системе производства, их групповой принадлежностью. В его различных формах находит специфическое выражение характер соответствия между производительными силами и производственными отношениями (конфликт, относительная гармоничность), между различными сферами общества, между господством и подчинением. Во-вторых, в нем проявляется отношение (позитивное — негативное, рациональное — эмоциональное) к государственной власти, способам, формам ее организации и реализации, к политическим партиям и группировкам, проводимой ими политической линии и методам деятельности, к политическим отношениям, политическому сознанию других субъектов политики, другим государствам.

Политическое сознание предстает прежде всего как осознанное, осмысленное через призму социально-политических потребностей политическое знание,

которое являет собой его рациональную составляющую. Однако содержание политического сознания не ограничивается лишь знанием как рациональным моментом, а включает в себя продукты чувственного отражения. Вместе с тем не всякое знание способно стать элементом сознания субъектов: ведь для них необходимо лишь такое звание, которое служит целям преобразования или сохранения структуры наличной политической системы. Возникая вместе с появлением политических институтов, политическое сознание выражает интересы тех или иных социальных слоев. При наличии традиционных институтов (этнических, региональных, религиозных) политическое сознание подвержено их сильному влиянию, оценка с точки зрения политики переплетается с оценкой с позиций защиты интересов клана, племени, религиозной общины, а нередко и вытесняется ею. На политическое сознание влияют и факторы глобального порядка.

Политическое сознание оказывает большое влияние на экономические, правовые, моральные, эстетические воззрения особенно в плане определения их социальной направленности. Вместе с тем политическое сознание испытывает на себе воздействие таких духовных факторов, как господствующий стиль мышления, интеллектуальные традиции и т.д. Многие элементы политического сознания входят в политическую культуру и в ее составе способствуют реализации политических задач, решаемых обществом, государством. Каналами распространения политического сознания в современных условиях являются, в первую очередь, средства массовой коммуникации, учебные заведения, приобретаемый политический опыт и т.д.

В категориях «политическое сознание» и «политическая культура» описываются близкие или взаимодействующие сферы общественной жизни. Вместе с тем между ними есть определенные отличия.

Прежде всего категория «политическая культура» — более широкое понятие. В отличие от политического сознания она распространяется на все сферы политической жизни общества, характеризует их, включает в себя всю систему политических ценностей и др. В категории «политическая культура» описывается системный объект в адекватной ему системной форме. Целое — политическая культура — берется как взаимосвязанная, взаимозависимая, многоуровневая и одновременно динамичная сложноподчиненная совокупность многих элементов. Категорией «политическая культура» в принципе можно описать, объяснить качественные характеристики всех уровней политической жизни, всех институтов, разновидностей политического поведения, а «политическое сознание» характеризует только духовную сферу в соответствии с его целевыми подходами. В частности, политическая культура характеризует качество политического сознания (его культуру), характер политического поведения индивидов, групп, наций, а также функционирования существующих в рамках данной системы политических институтов.

Политическая культура представляет собой комплексную, аксиологическую характеристику политических знаний, ценностно-политических ориентации, образцов поведения социальных субъектов в исторически определенной системе политических отношений и политической деятельности; включает зафиксированный в обычаях и законах политический опыт общества, его социальных

групп, индивидов; уровень их представления о власти и политических отношениях, их способность дать правильную оценку явлениям общественной жизни и занять в ней политическую позицию, выраженную в конкретных политических и социальных действиях.

Кроме того, «политическая культура» акцентирует внимание на те проявления политического сознания в поведении субъектов политики, которые фиксируют устойчивые, повторяющиеся связи между элементами политического процесса и тем самым закрепляют наиболее стабильные стороны политической практики.

Политическая культура показывает, что традиции общества, дух его публичных институтов, коллективный разум его членов, а также стиль и действующие кодексы поведения его лидеров и большинства граждан — не просто случайные продукты исторического опыта, а взаимосвязанные части единого целого, образующие невидимую, но реально существующую цепь взаимоотношений, воздействующую на политическую жизнь.

7. *Функции политической культуры*

Политическая культура выполняет ряд функций: познавательную, гносеологическую, эвристическую, политической преемственности, регулятивно-аксиологическую, воспитательную, социализационную, интеграционную, регуляционную и др. Рассмотрение их в системном виде помогает более глубокому проникновению в природу этого феномена.

Сущность *познавательной функции* политической культуры состоит в вооружении субъекта знаниями, необходимыми для его успешной или рациональной деятельности и поведения в политике. Речь идет о знании законов и принципов, определяющих общественное развитие, способы, методы и средства управления обществом, функционирование политической системы, вовлечение масс в политику, а также регулирование социально-классовых и национально-этнических отношений. Познавательная функция политической культуры заключается не только в овладении суммой политических знаний, накопленных данным обществом и человечеством, но и в их творческом развитии, в умении применить в политической практике.

Политическая культура выполняет *социализационную функцию:* приобщение членов общества к господствующей системе ценностей. Эта функция реализуется посредством усвоения гражданами политических знаний, пропагандируемых официальными институтами политической системы. Образцы политической культуры приобретаются путем политической социализации. В результате политической социализации индивидуумы усваивают, в частности, образцы политического поведения, идеологического знания и стереотипы. Обычный гражданин редко обладает развитым идеологическим сознанием, усваивает его главным образом через перспективу, открываемую участием в группе (молодежной организации, политической партии, профсоюзе и т.д.). Группа устанавливает общие нормы поведения, регулирует принципы, наконец, реинтерпретирует содержание; тем самым она становится для индивидуума инстан-

цией с установленной системой соотнесения. Это могут быть системы как формально-институциональные, так и неформальные.

Функцией политической культуры является также развитие и удовлетворение политических потребностей и интересов, в которых отражается взаимодействие трудящихся в политической среде. Речь идет о формировании у различных групп населения определенной заинтересованности участия в политике.

Интеграционная функция политической культуры состоит в мобилизации определенных кругов общественности вокруг политических ценностей и ориентации, отражающих политические интересы больших общественных групп и признаваемых в качестве официальных норм и правил. И чем большая часть общества признает данные политические ценности в качестве обязательных, тем успешнее можно реализовывать курс на интеграцию общества. Вместе с тем важно отметить, что в каждом обществе всегда проявляются различия интересов составляющих его групп. Поэтому полностью интеграционная функция культуры не может быть реализована. Среди политических ценностей, которые играют важную роль в осуществлении интеграционной функции, можно выделить: во-первых, всеобщие ценности; во-вторых, такие, которые иерархично ставятся на первое место; в-третьих, нормы господствующего класса, которые проявляются через данную политическую систему даже в том случае, если они не поддержаны всеми общественными группами. Проявляется это, в частности, во мнениях и политических отношениях граждан данного государства.

Регуляционная функция политической культуры тесно связана с остальными. Она касается создания и утверждения норм и институтов, определяющих основы функционирования политической системы, а также межчеловеческих отношений в рамках политического поведения и действий. Значение данной функции возрастает в тех странах, в которых создана правовая система, определяющая в целом нормы поведения граждан и направленная на сохранение общественного порядка. Тогда ценности и элементы, составляющие политическую культуру, выступают и основой правопорядка. Известно, что законы всегда непрочны, если не опираются на нравы, которые составляют устойчивую и прочную силу народа. Регуляционная функция политической культуры в наивысшей степени влияет на стабильность политической системы или удерживает ее в синергетическом состоянии относительного равновесия.

Отношения субъектов политики определяются системой ценностей, которые входят в политическую культуру. Поэтому она выполняет важную *нормативно-ценностную функцию.* Понятие ценностей используется здесь для указания на политическое значение определенных явлений действительности. Закрепляя значимость этих явлений путем выработки соответствующих установок, мотивов, оценок и норм, ценности служат тем самым ориентиром политической деятельности. Среди них: теории разделения властей и многопартийных систем, различных форм демократии, принципы и методы участия в политике, типология политических ориентации индивидуумов и групп, классификация уровней политических культур членов обществ и т.д. Система политических ценностей значительно различается в обществах Запада, России и Востока. В то же время можно говорить и о формирующейся интегральной системе

политических ценное гей на основе отдельных общепризнанных принципов гуманизма, милосердия, добра, борьбы с терроризмом и др.

Наконец, еще одна существенная функция политической культуры — *обеспечение исторической и политической преемственности,* непрерывности политического процесса. Как и общая культура, она связывает друг с другом уходящие и приходящие поколения, дарует им общий язык, предлагает общий взгляд на политические явления и отношения. Политическая культура может позитивно влиять на стабильность политической системы, если идеалы и принципы этой культуры разделяются большинством населения.

Политическая система общества, возникающая в конечном счете в результате изменений в социально-экономических отношениях, обретает свои конкретные черты под воздействием относительно самостоятельно надстроечных процессов и явлений, среди которых немаловажную роль играет именно политическая культура. Политическая культура меняется относительно медленнее, чем общественно-политическое устройство. Диалектика соотношения формы правления, формы государственного устройства и политического режима с политической культурой отличается сложностью связей, тонкими переходами, системой опосредующих звеньев.

Ключевые понятия

политическая культура
подходы к определению
уровни политической культуры
компоненты политической культуры
система познавательных элементов
система ценностных элементов
система поведенческих элементов
политический язык
политический опыт
политический миф
политическая традиция, обычай, ритуал
политическая вера
системы политических ориентации
подходы к политической культуре
политическая культура как подсистема
политическая система общества
типология политических культур
субкультура в политической культуре
структура политической культуры
субъект (субъекты) политической культуры
носитель (носители) политической культуры
политическая идентификация
политическое сознание
политический символ
политический стереотип
политический менталитет
национальный характер
функции политической культуры
консенсусная политическая культура
конфликтная политическая культура
гомогенная политические культура
гетерогенная политические культура
поляризованная политическая культура
фрагментарная политическая культура

Вопросы для самостоятельной работы

1. Что понимается под политической культурой как научной категорией?
2. Дайте анализ основных подходов к определению политической культуры?
3. Каковы системообразующие, структурные элементы политической культуры?

4. Перечислите и охарактеризуйте субъекты политической культуры.

5. Выделите «постоянные» и «переменные» элементы политической культуры.

6. Каковы деятельностные формы политической культуры?

7. Охарактеризуйте функции политической культуры.

8. По каким основаниям можно классифицировать политическую культуру?

9. Какая разница между гомогенной и гетерогенной политической культурой?

10. Каковы взаимосвязи между политической культурой и политической системой общества?

11. Охарактеризуйте основные виды и типы политической культуры.

12. Какие существуют виды ориентации граждан в отношении политической системы?

13. В чем сущность поведенческого подхода к политической культуре?

14. Что означает понятие «субкультура» (политическая)?

15. Что означает понятие «менталитет» (в политике)?

16. Что означает понятие «кризис идентичности» (в политике и культуре)?

17. Какова роль традиций и ритуала в политической культуре?

18. Какова роль религии в политической культуре?

19. В чем значение политических наук для развития политической культуры общества?

20. Охарактеризуйте основные подсистемы политической системы общества и роль среди них политико-культурной системы.

21. Какова роль политического опыта в политической культуре?

22. Какова роль политического языка в культуре общества?

23. Какова роль стереотипов в политической культуре?

24. Какова роль политического языка в структуре политической культуры?

25. Соотношение между понятиями «политическая культура общества» и «политическое сознание»?

26. Сформулируйте основные задачи политической культуры. От чего и от кого они зависят?

27. В чем различие между поляризованной и фрагментированной политическими культурами?

28. Что понимается иод политической культурой «согласия» и «несогласия»?

Глава 4
Методология сравнительного анализа политических культур

И. Гердер: «Целью китайцев была тонкая мораль и учтивость, целью индийцев — отвлеченная чистота, усердие, терпеливость, целью финикийцев — дух мореплавания и торговли. Культуре греков было свойственно чувство красоты во всем: нравах, знаниях, искусстве...»

Ш.Л. Монтескье: «Законы воспитания должны быть различны для каждого вида правления: в монархии их предметы будят честь, в республиках — добродетель, в демократиях — страх».

Конфуций: «По природе люди близки друг к другу, а по привычкам далеки».

Деяния Святых Апостолов 14:15-16. «Бог попустил всем народам ходить своими путями».

К. Леви-Строс: «Оригинальность каждой культуры заключается прежде всего в ее собственном способе решения проблем, перспективном размещении ценностей, общих для всех людей, только значимость их никогда не бывает одинаковой в разных культурах, у разных народов. В жизни каждого народа есть преобладающие ценности, социальные нормы, правила и представления, которые характеризуют готовность к той или иной социальной обстановке».

В. Соловьев: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности».

Демокрит: «Мудрый чувствует себя как дома в каждой стране; отечеством для благородной души служит вся Вселенная».

Вольтер: «Искусства, как наслаждения, всегда требуют разнообразия».

Л. Вовенарг: «Правила нравственности, как и люди, меняются с каждым поколением: они подсказаны то добродетелью, то пороком».

Ж. Воден: «На севере живут храбрые народы, создавшие сильное войско, тогда как у южных народов развит ум и процветают науки, поэтому на севере опорой правительства является сила, в средней полосе — разум и справедливость, на юге — религия».

/. *Типологизация политической культуры*

Носителями политической культуры являются люди. Все они выступают как ее субъекты, поскольку в определенной мере овладели политическим опытом, накопленным человечеством в ходе своего исторического развития, нормами и целями политической деятельности, языком политического общения, политическими категориями и выработали собственную систему политических убеждений, ценностей, ориентации и установок по отношению к политической системе, являющейся объектом политической культуры.

Соответственно выделяют господствующую (официальную) и оппозиционную разновидности политической культуры, общую и региональные субкультуры, политическую культуру общества, класса, социальной группы, лидера, рядового гражданина, члена общества.

В формировании национального самосознания, самой национальной идентичности участвуют общественно-исторические, национально-культурные, географические, религиозные и другие особенности каждого народа. Естественно, что они накладывают глубокий отпечаток на содержание и форму каждой национальной политической культуры. Особенности исторического развития отдельных стран и регионов определяют разное проявление одних и тех же политических установок, ценностно-нормативных ориентации и идейно-нолитических принципов у разных народов.

В каждой политической культуре можно выделить совокупность тех или иных черт и характеристик, которые придают ей определенный колорит, некоторую специфику, в которой в той или иной концентрации могут преобладать конфессиональные, этнические, региональные или иные начала. В силу этого каждой общественно-политической системе соответствует особая базисная модель политической культуры, которая в данной стране проявляется в национально специфических формах. Соответственно можно выделять различные модели и виды политической культуры.

Разработка типологических основ анализа политической культуры имеет существенное теоретическое и практическое значение. Она помогает выделить общее, особенное и единичное в социокультурных явлениях и процессах, определить доминанты политического поля данной цивилизации или региона, разработать обоснованную стратегию политического действия.

Политическая культура меняется относительно медленнее, чем общественно-политическое устройство. Диалектика соотношений формы правления, формы государственного устройства и политического режима с политической культурой отличается сложностью связей, тонкими переходами, системой опосредующих звеньев.

Существует несколько основных теоретико-методологических подходов к типологизации политических культур. Первый подход берет за основу классификации отличия в роли и месте политической культуры в связи с характером власти, властных отношений, политического устройства общества и его политической системы. Второй подход акцентирует внимание на различиях в характере и степени участия людей в политике в связи с их политическими ориента-

циями и установками, а также политическим устройством общества. Третий подход обращает особое внимание на характерные национальные признаки и особенности политической культуры в связи с ее цивилизационными основами формирования, доминантами развития и функционирования. На основании комплексного использования этих подходов складывается кросскультурный анализ социодинамики и синтеза политики и культуры различных обществ, производится моделирование политических культур.

2. Анализ политической культуры в связи с характером власти в обществе

Этот подход определяется по основным формам и характеру политического устройства общества и в силу этого по особенностям участия людей в политике и их политическому поведению. В основе данного подхода лежит непосредственная связь политических культур с политическими системами, характером власти в обществе.

С точки зрения этого подхода соответствующее политическое явление трактуется как демократическое, авторитарное, тоталитарное или переходное между этими основными состояниями. Таким образом, и политическая культура может классифицироваться как авторитарная, тоталитарная, демократическая или переходная между ними. Основы такого подхода были заложены еще Платоном и Аристотелем, выделившими основные формы политического правления: монархию и тиранию, аристократию и олигархию, демократию, охлократию и республику («политик»» — по Аристотелю).

Для *демократической* политической культуры характерны ориентация на подлинно демократические ценности и идеалы, правовое государство и гражданское общество, свободное участие в политике, идеологический, политический и экономический плюрализм, приоритет прав человека и гражданина, богатый политический язык. Основным «носителем» демократической политической культуры является средний класс.

Авторитарная политическая культура ориентирована на определяющую роль государства и одной партии в обществе, соответствующие формы и методы правления и контроля за политической жизнью и участия в ней. Политическое сознание и ценности общества формируются централизованно, государством. В соответствии с ними государственные интересы важнее интересов отдельных людей, социальных групп. К основным ценностям относятся: «единая идеология», «политический порядок», «поддержка государственной политики», «политическое единство». Политический язык стандартизирован.

Тоталитарная политическая культура предполагает государственно направляемые и контролируемые формы участия людей в политике, жестко идеологизированные стереотипы поведения, лояльную ориентированность на официальные институты и символы, полный контроль за деятельностью средств массовой информации и коммуникации, наличие разветвленной системы слежения и контроля за идеологией, публичными выступления и частными беседами о полити-

ке. Политический язык формализован и идеологически жестко определен. Историческими примерами такой культуры выступали политическая культура фашизма, сталинизма и др.

Существуют и переходные модели политической культуры. Одна из распространенных — переходная политическая культура: от авторитарной к демократической. На наш взгляд, российскую политическую культуру можно отнести именно к переходному типу культуры.

Возможна также типологизация политической культуры общества как «либерально-демократической», «авторитарно-тоталитарной» и других «смешанных» разновидностей политической культуры.

При использовании этого подхода определяется уровень демократизации соответствующей политической культуры. В то же время он не предполагает анализа цивилизационных и национальных особенностей политической культуры.

Другим его узким местом является то, что переходные модели политической культуры заведомо выставляются низшими по сравнению с демократической политической культурой. И если это верно с точки зрения идеальных моделей политической культуры, то на практике может означать недооценку авторитарно-мобилизующих моделей политической культуры, которые обеспечивают единство общества и власти, а также высокие темпы развития производства (Китай, новые индустриальные страны Дальнего Востока и др.).

Каждой общественно-политической системе соответствует базисная модель политической культуры. Она проявляется в национально-специфических формах. Ни одна политическая система ни в одной стране не будет стабильной, если она не рождена в самой этой стране, на ее почве в качестве результата развития собственной политической культуры.

С точки зрения отношения к преобразованиям можно выделить два типа культуры: замкнутый, нацеленный на воссоздание по образцу, установленному традициями, и открытый, ориентированный на изменения, легко усваивающий новые элементы. Можно типологизировать политические культуры как рыночные и этатистские. Первые рассматриваются в качестве разновидности свободного обмена политико-культурной деятельности граждан, вторые характеризуются главенствующей ролью государственных институтов и организации политической жизни, а также определения условий политического участия индивида.

Было бы неправомерно рассматривать политическую культуру как систему только широко разделяемых в обществе ценностей, убеждений и символов, ограничивать ее лишь «позитивными» установками в отношении политической системы. Концентрирование внимания исключительно на разделяемых всеми убеждениях и установках чревато игнорированием политических установок и ценностей, присущих тем или иным социальным группам, их представителям, выступающим за изменение существующего положения вещей.

Многие национальные политические культуры заключают в себе более или менее автономные структурированные образования, обозначаемые «субкультурами». О политической субкультуре можно говорить тогда, когда политические установки и ценности одной из групп общества заметно отличаются от национальной политической культуры. Политические субкультуры форми-

руются на разных базах. Можно выделить национально-этнические политические субкультуры, которые характерны для районов компактного проживания этнических меньшинств. Не менее важно выделять и религиозно-политические субкультуры. Целесообразно также анализировать политические субкультуры рабочих, крестьян, среднего класса, предпринимателей, интеллигенции, элит, лидеров и т.д.

Рассматривая проблему субъектов или носителей политической культуры, необходимо наряду с официальной или господствующей политической культурой выделять культуру политической оппозиции.

Нельзя вполне охарактеризовать политическую культуру, не учитывая отношения людей к участию в политике. Проблема личности как субъекта политической деятельности состоит в определении возможности и меры ее воздействия на политическую власть, на развитие общественной жизни. Чтобы политическая субъектность личности была действительной и прочной, должны быть выполнены определенные условия. В главном их можно свести к политическому знанию, соответствующей мотивации политического поведения и деятельности, а также к создаваемым и определяемым государством и обществом возможностям, обстоятельствам и условиям действия личности в политической сфере.

В этой связи особое значение приобретает способность личности уяснить для себя сущность политических проблем (общих и конкретных, актуальных для данного периода); ее умение использовать основные формы участия в политической жизни общества. Мера политической активности, глубина политического участия или отчуждения в обществе во многом зависит от уровня развития политической культуры людей.

3. Ориентационно-поведенческий подход

Этот подход концентрирует внимание исследователя на характере и степени участия людей в политике в соответствии с их личностными политическими ориентациями и политическим поведением. Он широко применяется в политической науке с середины 60 — начала 70-х гг. XX в.

Основателями ориентационно-поведенческого подхода являются известные американские политологи Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай и др. Благодаря их исследованиям сам термин «политическая культура» получил «вторую жизнь» (до 60-х IT. XX в. широко не употреблялся и был «заново» введен в оборот в 1956 г. Г. Алмондом). Под политической культурой они понимали политические ориентации субъектов политики, «политическую оценку» политической системы общества, «субъективное измерение общественных основ политической системы, т.е. совокупность всех политических релевантных мнений, позиций и ценностей субъектов конкретного социального и политического организма».

Политическая культура нации может включать в себя несколько уровней, или ракурсов, ориентации граждан. Во-первых, это их отношение к политической системе общества; во-вторых, к политическому процессу, курсу, выбо-

рам; в-третьих, к результатам, следствиям реализации соответствующей политики; в-четвертых, к внешней политике и др.

Основные ракурсы политической культуры

Ракурсы политической культуры	Примеры, их выражение и оценка гражданами
Политическая система	Национальная гордость, идентичность, легитимность власти, ее демократичность и др.
Политический процесс	Роль граждан, характер участия в политике, выборах и т.д.
Политический курс, его реализация	Роль власти, последствия ее решений и др.
Внешняя политика	Акции одобрения или протеста

На уровне политической системы политологи часто анализируют и оценивают такие понятия граждан, как чувство национальной гордости, отношение к государству, демократии, легитимность власти и др. Так, чувство национальной гордости сильнее оценивается у тех наций, которые имеют длительную историю и выраженное чувство патриотизма. Наиболее показательным примером здесь служат США и Австралия. Близки к ним Испания, Китай, страны Скандинавии и др. Россия и Франция находятся примерно в середине группы государств, оцениваемых по этому ракурсу политической культуры. Более низкий уровень проявления чувства национальной гордости в 1990-е гг. был у Японии и ФРГ, очевидно, в связи с еще памятными последствиями их поражения во Второй мировой войне.

Достаточно легитимными в глазах граждан выглядят те власти, которые обеспечивают стабильное развитие общества, рост его благосостояния, базовые принципы справедливости.

В начале 60-х *гг.* XX в. Г. Алмонд и С. Верба разработали «идеальную» типологию политических культур, которая стала широко использоваться в мировой политической науке прежде всего для оценки политического процесса. По характеру политического участия и поведения людей в их трудах выделяются следующие основные типы политических культур: «приходская» («патриархальная»), «подданническая» и «партисипантная» (подвид — «гражданская») культуры.

«Приходский» («патриархальный») тип политической культуры характеризуется полным отсутствием у населения знаний о политике и политической системе, полным отрывом от нее. «В таких обществах нет специализированных политических ролей: власть вождей и шаманов представляет собой нерасчлененность политической, экономической и религиозных ролей. У членов этих обществ политические ориентации не отделены от иных ориентации (экономических, религиозных). Патриархальная ориентация есть отсутствие каких-либо ожида-

ний, связанных с политической системой. Последняя никак не соотносится с жизнью людей данного общества и данного типа культуры».

«Подданническому» типу политический культуры свойственно «пассивное политическое поведение», исключительная ориентация на господствующие ценности при очень слабом их осмыслении. Подданный хорошо понимает государственную власть и умеет эффективно (для системы) подчиняться ей. Во всем остальном он пассивен.

Для *«партисипантного»* («participation») типа политической культуры характерно активное участие индивидов в политической жизни, их воздействие на процессы принятия решений, умелая артикуляция собственных интересов. При этом выполняют и с уважением относятся к уже принятым решениям. Этот тип квалифицируется и как «рационально-активистский». Характерна ориентация на «активистскую роль самого себя»; и это последнее не зависит от позитивного или негативного отношения к системе и ее ролям.

Типы ориентации в различных видах политических культур

Типы политических культур	Типы ориентации	
	система как объект в целом	индивид как активный участник
«Приходская»	0	0
«Подданническая»	1	0
«Партисипантная»	1	1

Примечание

«О» — индивиды либо в малой степени, либо вообще не ориентируются на данный объект;

«1» — высокий уровень ориентации на данный объект.

По мнению Г. Алмонда и С. Вербы, в чистом виде «патриархальный», «подданнический» и «партиейпантный» типы политических культур в современном мире практически не существуют. Обычно та или иная политическая культура представляет собой комбинацию этих типов. Г. Алмонд и С. Верба выделили также три смешанных типа политических культур — провинциалистско-подданическую, подцаническо-партисипаторную и провинциалистско-партисипаторную культуры.

Специфика провинциалистско-подданического типа состоит в том, что «значительная часть населения отвергает исключительные притязания диффузной племенной, деревенской или феодальной власти и проявляет лояльность в отношении более сложной политической системы со специализированными правительственными структурами».

Особенности подданическо-партисипаторного типа политической культуры заключаются в том, что при нем у значительной части общества появляется «специализированная ориентация» по отношению к политической системе и ее элементам, равно как и «активистские самоориентации». Но при этом существенная

часть населения продолжает ориентироваться на авторитарную правительственную структуру и придерживаться пассивной системы самоориентаций.

Провинциалистско-партисипаторная политическая культура характерна для многих развивающихся стран. Политическая система *в* большинстве из них характеризуется провинциалистской фрагментарностью, и проблема состоит в том, чтобы обеспечить активное участие граждан в политической жизни.

Особую разновидность политической культуры составляет выделенная Г. Алмондом и С. Вербой т.н. «і-ражданская культура», которая, по их мнению, была наиболее характерна в рассматриваемый период для США и Великобритании. Этому смешанному типу свойственны консенсус легитимности политических институтов, направления и содержания общественной политики, терпимость к плюрализму интересов, компетентность и взаимное доверие с гражданами. В рамках данной разновидности политической культуры многие граждане могут быть достаточно активными в политике, однако при этом значительная часть других играет пассивную роль подданных: политическая деятельность представляет собой лишь часть интересов гражданина, причем, как правило, не очень важную их часть.[1]

Такой тип политических ориентации, позиций, суждений и оценок в некоторых отношениях отличается от рационально-активистской модели, которая, согласно нормам демократической идеологии, должна была бы присутствовать в преуспевающей демократии. Исследования в области политического поведения поставили, однако, под сомнение адекватность рационально-активистской модели. Они показали, что граждане демократических стран редко живут в соответствии с этой моделью. Их нельзя назвать ни хорошо информированными, ни глубоко вовлеченными в политику, ни особо активными. Рационально-активистская модель не соответствует полностью гражданской культуре, о которой говорилось на примере Великобритании и США. Гражданская культура — это смешанная политическая культура. В ее рамках многие индивиды могут быть активными в политике, а другие играют пассивную роль.

Всякая национальная политическая культура, согласно рассматриваемой концепции, представляет собой смешение разных «идеальных типов». В то же время число вариантов смешения «идеальных типов» ограничено. Так, Г. Алмонд выделял три комбинации типов политических культур. В основу классификации им положена типология отношения к участию в политике носителей приходской культуры («прихожан» или лиц патриархальной культуры), «подданных» и «участников». Он предполагал, что формула политической культуры развитых индустриальных стран Запада выглядит примерно следующим образом: 60% — «участников», 30% — «подданных», 10% — «лиц приходской культуры». Формула авторитарной политической культуры (на примере Португалии до 1974 г.) определялась следующим примерным соотношением: 10% : 60% : 30%. Для доиндустриального общества (на примере Доминиканской Республики) соотношение выглядело как 5% : 40% : 55%.

[1] Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. — 1992. — № 4. — С. 123.

Классификация политической культуры
на основе «ориентационного измерения»

Участники, %	Демократическая система	Авторитарная переходная система (пример Португалии 70-х гг. XX в.)	Демократическая доиндустриальная система (пример Доминиканской Республики 70-х гг. XX в.)
100			
70	«участники»		
50		«подданные»	«прихожане»
30	«подданные»	«прихожане»	«подданные»
10	«прихожане»	«участники»	
5			«участники»

Голландские исследователи Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс в 90-е гг. XX в. дополнили классификацию политических культур Г. Алмонда и С. Вербы. Они подразделили все виды политических культур, во-первых, на *пассивные* (приходская, подчинения (подданническая), а также обычных пассивных наблюдателей) и, во-вторых, на *активные* (протестная, клиентистская, автономная, партисипантная, гражданская и гражданская партисипантная). Тем самым они расширили классическую классификацию Г. Алмонда и С. Вербы. Голландские ученые также ввели новые подвиды активной культуры: наряду с партисипантной -— «протестную», «клиентистскую», «автономную» и «гражданскую партисипантную».'

***Типы пассивных политических** культур*
***(по** Ф. Хьюнксу **и** Ф. Хикспурсу)*

1. «Приходская культура» (parochial culture)	Крайне низкий уровень интереса к политической системе и пассивное политическое участие
2. «Подчинения или подданическая» (subject culture)	Незначительный интерес к политике, определенное доверие к властям при низком политическом участии
3. «Пассивных наблюдателей» (passive spectators culture)	Низкий интерес к политической системе при некотором доверии к властям, при слабом участии в политике

' **Heunks F., Hikspoors F.** Politicul Culture 1960-1990 гг. // Values in Western Societies. R. de Moor (ed.). — Tilburg: Tilburg University Press, 1995. — P. 51-55.

Типы активных политических культур
(по Ф. Хьюнксу и Ф. Хикспурсу)

1. «Протестпая культура» (protest culture)	Низкий уровень интереса к политической системе, доверия, но активное политическое участие
2. «Автономная культура» (autonomous culture)	Отсутствие доверия властям при незначительном интересе к политике, но активном участии
3. «Клиентистская культура» (client culture)	Низкий уровень интереса к политической системе, но высокое личностное (клановое) доверие, активное участие
4. «Гражданская партисипантная» (civic participant culture)	Отсутствие доверия к государственным служащим, но при высоким уровне политического интереса и участия

Культуры: «участия», «гражданская» и «автономная», по мнению исследователей, больше распространены среди социальных групп с высокими доходами. Культуры: «клиентистская», «приходская» и «подчинения» — среди низших социальных групп. Голландские ученые выделили также подвид пассивной культуры — культуру «наблюдателей». Эта культура (spectators culture), по их мнению, отличается от «приходской» более «высоким уровнем субъективного политического интереса» при слабом участии.

Типы политических субкультур, ориентации и индикаторы

Наименование типа	Ориентации на объекты						
	«система»			«выход»		актор («я») (ориентация на себя)	
	Эмпирические индикаторы ориентации						
	«субъективный политический интерес»			«политическое доверие»		«участие в политических акциях»	
	высокий	средн.	низкий	высокое	низкое	высокое!	низкое
Пассивные культуры							
Приходская	-	-	+	-	+	-	+
Подчинения	-	-	+	+	_		+
Наблюдателей-! *	+	-	-	-	+	-	+

* В четырех различных группах наблюдателей отмечена различающаяся степень субъективного интереса к политике и политического доверия, но при общем для всех групп низком уровне участия в политике.

Наименование типа	Ориентации на объекты						
	«система»			«выход»		актор («я») (ориентация на себя)	
	Эмпирические индикаторы ориентации						
	«субъективный политический интерес»			«политическое доверие»		«участие в политических акциях»	
	высокий	средн.	низкий	высокое	низкое	высокое	низкое
Наблюдатель-!	+	-	-	+	-	-	+
Наблюдатель-3	-	+	-	-	+	-	+
Наблюдатель^	-	+	-	+	-	-	+
Активные культуры							
Протестная	-	-	+	-	+	+	-
Клиентистская	-	-	+	+	-	+	-
Автономная	-	+	-	-	+	+	-

Примечание

Знак (-) означает отсутствие ориентации или ее крайне слабую выраженность; знак (+) — наличие ориентации.

Итак, вся совокупность типов политической культуры подразделяется на две большие группы — пассивные и активные культуры. Эта классификация осуществляется в соответствии со значениями уровня ориентации индивидов на самих себя как акторов политики, измеряемого в эмпирических исследованиях посредством вопроса о готовности принять (или не принять) участие в различных формах протеста и о реальном участии (или неучастии) в таких акциях.

Люди в первой группе (пассивных культур) не чувствуют, что они могут оказать влияние на политику и не имеют желания участвовать в политических акциях. Во второй группе (активных культур), напротив, люди убеждены в своей возможности реально влиять на политику и хотят участвовать в акциях политического свойства. Хьюнкс и Хикспурс полагали, что активизм как доктрина или жизненная ориентация на прямое действие, позволяющее достичь определенных позитивных политических или общественных результатов, является важной чертой, отличающей культуры второй группы прежде всего в западных обществах.[1]

В принципе, можно сделать вывод, что в современных западных обществах более распространены субкультуры, принадлежащие к группе «активных культур» гражданского типа, чем в традиционных обществах, для которых более естественно соче-

Heunks F., Hikspoors F. Politicut Culture. — P. 79.

тание пассивных культур с протестными. В таблице приведены результаты расчетов долей представителей различных политических субкультур в странах мира.

Распространенность политических субкультур в России и других странах, %

Тип политической субкультуры	Страна мира					
	США	Велико-британия	ФРГ	Италия	Мексика	Россия
	1990	1990	1990	1990	1990	1996
«Приходская»	3	3	4	9	12	9
«Подчинения»	4	2		6	5	5
«Наблюдателей»	3	2	5	1	3	56
«Гражданская»	26	16	16	5	8	2
«Гражданская парти-сипантная»	8	5	9	1	1	1
«Участия»	7	7	14	5	6	5
«Клиентистская»	17	20	8	15	13	0
«Автономная»	16	19	24	16	19	22
«Протестная»	16	26	17	42	33	0
Итого	100	100	100	100	100	100

В целом идеальные модели политической культуры западных политологов являются достаточно интересными и удобными для соответствующих политологических и социологических исследований. Вместе с тем они имеют и узкие места:

1) авторы рассматриваемой типологии выдвигают в качестве эталонной политическую культуру лишь двух стран — США и Великобритании. Получается, что политические культуры остальных государств как бы «менее развитые»;
2) критерии, по которым определяется количество носителей различных видов политических культур, весьма расплывчаты;
3) типология не учитывает, что в определенные исторические периоды развития политическая активность различных общественных групп может резко возрастать и «распространяться» на обычно политически неактивные социальные слои;
4) попытки показать, что переход к «гражданской культуре» лежит через увеличение количества участвующих, опровергается статистикой. Опыт США показал, что переход страны к постиндустриализму и «особой» — «гражданской культуре»—не увеличил количества постоянно участвующих в политике, а содействовал дифференциации их политических ориентации и ценностей.

4. Цивилизационтый и кросскультурный анализ политических культур

Анализ и типологазация политических культур может осуществляться по различным основаниям. Весьма распространенными являются регионапьно-континентальный, цивилизационный и кросскультурный подходы к исследованию политической культуры.

В рамках национально-региональных типов политических культур ряд исследователей выделяет политическую культуру Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Для этого типа характерны общенациональный консенсус по поводу основополагающих ценностей, что придает ей гомогенный характер, согласие большей части общества в отношении ценностей двухпартийной политической системы и др. Другим типом выступает западно-европейская континентальная культура. Для него более характерна гетерогенность, фрагментированность и политическая многопартийность.

Среди западно-европейской континентальной культуры, в свою очередь, выделяется консоциативная («сообщественная») политическая культура небольших стран (Австрия, Голландия и др.), в рамках которой позитивно взаимодействуют различные национальные и иные субкультуры.[1]

Еще одним типом считается авторитарно-патриархальная культура, характерная для Азиатско-Тихоокеанского ареала и некоторых иных крупных регионов. В этой культуре особо значимы общинно-семейно-племенные ценности и традиции авторитарного (авторитарно-демократического) управления обществом. Возможно выделение и иных национально-региональных типов политических культур.

Положительные аспекты этой типологии состоят в том, что они в рамках известной формализации помогают лучше понять национально-географические и некоторые иные особенности политических культур различных ареалов. Недостатки рассматриваемой типологии — в попытках представить англо-американскую политическую культуру в качестве «образцовой» или «более совершенной, чем иные», а также в недооценке цивилизационной составляющей культур.

На формирование и развитие национальной культуры в целом и политической в частности оказывает воздействие целый ряд факторов: географических, исторических, геополитических, национально-этнических, социально-экономических, социокультурных, духовно-психологических и иных. Развитие цивилизации, культуры и политики находятся в тесной взаимозависимости.

Интересен такой подход к моделированию политических культур, который учитывает влияние на них двух универсальных цивилизованных феноменов: государства и рынка. Соответственно, мы получаем множественные модификации двух основных типов политической культуры: рыночной и этатистской. Рыночная демократическая культура — это тип культуры, ориентирующий на подход к политическим процессам и явлениям как актам свободного, плюралистического обмена продуктами политической деятельности, как к средствам реализации интеграции большинства граждан в общество и создания справедливого государства. Это — культура, ориентированная на конкурентную борьбу как универсальный принцип функционирования и развития общества. Напротив, этатистская

[1] Термин «сообщественный» образован от слова «сообщество» (consociatio) из книги И. Альтузиуса «Political Methodice Digesta» (1603 г.). В современных условиях концепция сообщественной демократии и культуры разрабатывается в трудах ряда ученых (См.: **Лейпхарт А.** Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. — М., 1997.— С. 36-37 и др.).

политическая культура — тип культуры, обусловливающий течение и развитие политических процессов и отношений в условиях жесткого государственного регулирования. Для нее интересы государства, класса, одной партии выше интересов других групп и организаций. В условиях этой культуры конкурентная борьба, социальные конфликты упорядочиваются силовыми методами.

С точки зрения отношения к преобразованиям можно выделить два типа культуры: а) замкнутый, нацеленный на воссоздание по образцу, установленному в соответствии с традициями; б) открытый, ориентированный на изменения, легко усваивающий новые элементы.

Возможна также четырехпозиционная матрица культур как образов жизни. Среди них: «индивидуалистическая», «эгалитарная», «иерархическая» и «фаталистическая» (традиционалистская) политические культуры.

Цивилизационный подход к изучению политической культуры делает акцент на рассмотрении характерных признаков и особенностей политической культуры в связи с ее цивилизационными основами формирования, доминантами развития и функционирования. Он получил широкое распространение в начале 90-х гг. XX в. в связи с необходимостью анализа цивилизационной социодинамики различных обществ, а также определенной догматизации формационного подхода. На основании цивилизационного подхода можно выделить наиболее устойчивые политико-культурные ориентации, характерные для любого общества. В этом случае будут определены базовые культурно-цивилизационные приоритеты и особенности развития данной нации.

Одно из достоинств цивилизационного подхода к политике состоит в том, что он помогает преодолеть редукционизм институционализма. Если господствующей парадигмой политической науки в XVIII и XIX вв. была теория разделения властей, то к середине XX в. ей на смену приходит парадигма систем, структур и субкультур в политике. История по большей части не подтверждает того, что структура политических институтов и их легитимность могут быть объяснены с помощью простых ссылок на рациональный эгоистический интерес. Разумеется, рациональные интересы социальных классов, религиозных и этнических групп — мощный двигатель политических движений и конфликтов, вносящий существенный вклад в те или иные исторические результаты. Однако патриотизм, приверженность своей общине, религиозные ценности, наконец, просто привычки и традиции, очевидно, невозможно исключить из числа факторов, объясняющих политическую структуру и легитимность.

В конце XX в. парадигма множественности систем и структур имеет тенденцию к дальнейшему развитию посредством изучения их социокультурных оснований в различных цивилизационных средах через человеческое измерение политики. В самом деле, можно ли в полной мере понять политическое бытие страны, не поставив (уяснив) вопрос о характере цивилизации и преобладающих в ней политических ценностях и установках, об адекватном отражении и выражении в политике сущностных и личностных начал человека?

В современных условиях изучение цивилизационных особенностей развития человечества, их наложения и проявления в политике представляется особенно важным. Если теория общественно-экономических формаций предполагает ис-

следование «горизонтальных пластов« и «классовых ступеней» человеческого бытия, то цивилизационный подход позволяет проанализировать развитие во времени политико-идеологических, нравственно-религиозных, социально-экономических и этнических факторов, которые в совокупности и определяют содержание той или иной цивилизации, политического развития общества.

Ясно, что без глубокого проникновения в сферу континентальных, региональных, страновых, областных и местных политических культур, без их аналитического сравнения и сопоставления наши представления о политических процессах будут поверхностны. Они будут напоминать подход врача-рентгенолога, который на рентгеновском снимке видит структуры, но его взгляду недоступны процессы и причины, вызывающие развитие организма и болезней в нем.

В ряде работ по политической культуре все шире применяется комплексный подход, который как бы синтезирует рассмотренные методы исследования этого феномена. При этом выделяется его цивилизационная составляющая. В соответствии с комплексным подходом политическая культура различных обществ может быть проанализирована по характерным признакам и особенностям политической культуры в связи с ее цивилизационными основами формирования, доминантами развития и функционирования. Весьма полезен цивилизационный подход к политической культуре, когда она «идеально» типологизируется на западную и восточную.

Так, для обществ и государств Запада преобладающей стала культура, в которой при всех национальных различиях есть общие черты. Среди них: 1) индивидуализм; 2) примат личности перед государством; 3) отделение власти от собственности; 4) отношение к государству как инструменту реализации интересов 1ражданского общества; 5) признание политического и идеологического плюрализма в качестве нормы политической жизни; 6) убежденность в необходимости контроля за политическими элитами и лидерами, понимание политики как конкуренции и др.

Для обществ Востока, будь то исламских, конфуцианских, буддийских и др., при всех их различиях и своеобразии также характерны общие черты и качества. Среди них: 1) признание Божественного происхождения власти; 2) приоритет государства над личностью; 3) слабо выраженная ценность прав и свобод личности; 4) значительная роль древнейших традиционных форм и др.

На наш взгляд, без «погружения» человека в соответствующую культурно-цивилизационную среду и ее анализа мы не сможем понять природу социокультурных и ценностных мотивов политического поведения и деятельности людей.

> *С. Коэн:* «Ни одна политическая система ни в одной стране не будет стабильной, если она не рождена в самой этой стране на ее почве как результат развития собственной политической культуры».[1]

[1] Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки. — М., 1990. — С. 10.

Оригинальную модель понимания цивилизации выдвинул российский политолог профессор А.М. Ушков. Он предложил представить ее модель в качестзе некоего тела (плода), состоящего из ядра (системы духовных, эстетических и этнических ценностей, «верований»), собственно плодовой мякоти (области экономики, науки и техники) и внешней оболочки (политической и юридической сферы). В этом случае политику можно представить как сумму всех усилий и акций, направленных на сохранение, развитие и утверждение собственной системы ценностей, заключенных в ее центральном идейном ядре, составляющих ее духовную доминанту, «систему верований», парадигму именно ее политической культуры.

Представляется весьма интересным и плодотворным сравнительный анализ характеристик основных мировых культур, их политических доминант. Рассмотрим пример Запада и Востока. В самом общем плане как идеальные модели (по М. Веберу) здесь можно выделить следующее.

1. На Западе человек, его права и свободы традиционно играют важную роль в политической культуре. Для восточных культур характерно традиционное критическое отношение к индивидуалистической ориентации, приводящей в их условиях к болезненному разрыву солидаристско-общинных отношений. Россия занимает как бы промежуточное положение. Актуальная задача для Российской Федерации — формирование правового и социального государства.

2. На Западе существенную роль играет материальное благополучие индивида, которое вопреки принципам протестантской (и в целом христианской) этики часто считается выше духовных ценностей. В восточных культурах наблюдается отсутствие культа вещного фактора как доминирующего в социальных отношениях над непосредственно межличностными отношениями. Для российского общества первостепенное значение всегда имели подлинно гуманистические ценности.

3. Если на Западе популярны идеи индивидуализма, распространен ярко выраженный антропологизм, человек признается не столько мерой, сколько «хозяином» всех вещей, то на Востоке приоритет отдается коллективу и коллективному существованию человека, его гармонии с природой. В обществах Востока распространены ведущие трансцендентные жизненные ориентации, обеспечивающие высший, конечный смысл земной деятельности. Неприятие индивидуализма, «вещного материализма» и других характерных свойств западной культуры в условиях Востока сопровождается утверждением соответствующих позитивных ценностей (солидарность, всеобщность, гармония, преемственность), облекаемых в специфическую символику и умственные конструкции, сложившиеся в рамках каждой из восточных цивилизаций и трансформируемых в соответствии с требованиями современности. Человек западного типа (в идеале) оценивает окружающий мир прежде всего через свое «я»; восточный человек—преимущественно через «мы» (общину в традиционном и современном смыслах); россиянин осмысливает свое «я» через «мы» (государство, общество).

4. Гражданское общество — характерная черта западной культуры и цивилизации. На Востоке оно только формируется, приобретая своеобразные

традиционистские черты. Современное российское гражданское общество находится в начальной стадии своего развития и пока не может эффективно влиять на государство.

Сравнительный анализ политической культуры обществ Запада и Востока

Запад	Восток (конфуцианский и индо-буддийский ареалы)
Преимущественно демократическая, «партисипаторная» модель политического участия	Преимущественно авторитарная, «подданическо-партисипаторная» политическая культура
Основные элементы политики — индивиды, различные политические объединения	Существеннейший элемент политики — общность (клановая, этническая, семейная)
Устойчивые традиции политической демократии	Устойчивые традиции авторитарного правления
Индивид во многом «пресыщен» политикой	Индивид недостаточно приобщен к политике
Западные религии (протестанская и др.) формируют открытый тип участия в политике, ориентированный на изменения, легко усваивающий новые элементы культуры и политики	Восточные религии формируют отношение к политике, нацеленное на воссоздание традиционных отношений; возрастает роль ислама в политике и культуре
Диалектика модернизма и традиций в политической культуре	Принципиальная роль тысячелетних традиций в развитии политической культуры
Важная роль национальных меньшинств; большинство государств является моноэтничными или с одной доминирующей нацией	Приоритетная роль национально-этнического фактора и сознания; большинство государств являются полиэтничными
«Консенсус» между государством и гражданским обществом. Наличие в обществе многочисленного среднего класса, высокий материальный уровень	Приоритет государства над формирующимся гражданским обществом. Значительный имущественный «разрыв» между элитами и массами

Россия, находясь между Западом и Востоком, представляет собой древнюю, сложносоставную и многообразную самостоятельную цивилизационную общность людей. Применительно к изучению политической культуры российского общества также целесообразно обращаться к анализу особен-

ностей цивилизационного развития России и их влияния на поведение человека в политике. Целостное, комплексное представление о России предполагает хорошее знание особенностей ее развития и их сопоставление с основными тенденциями развития других цивилизаций. Нам думается, что рассмотрение России в качестве макрорегиональной цивилизации, расположенной и развивающейся на огромной территории, может быть положено в основу изучения характерных свойств, черт и особенностей политической культуры России.

На наш взгляд, при изучении политической культуры различных обществ необходимо творчески использовать все рассмотренные нами методики или, говоря иначе, шире применять комплексный подход к анализу политико-культурных феноменов. Без этого наши представления о политических процессах будут неизбежно обеднены и лишены ценностных ориентиров. Именно комплексный подход позволяет всесторонне раскрыть сущность политической культуры народа (народов), его (их) «душу», проявляющуюся в политике.

Научная разработка типологии политических культур, моделирование их структур и ориентации субъектов позволяют добиваться более глубокого понимания сущности политической жизни и процессов, определения вероятной направленности и перспектив политического развития общества. Она дает возможность интегрировать современные методы исследования социальных и политических ориентации и установок людей в единый междисциплинарный подход для выявления реальных механизмов и закономерностей реализации политических процессов. Изучение политической культуры позволяет преодолеть формально-институциональное представление о политике и выйти за рамки нормативного описания политических явлений. Вследствие этого можно определить, почему одинаковые по форме социально-политические институты действуют по-разному в различных странах или же в силу каких причин те или иные политические институты оказываются дееспособными в одних странах и обществах и неприемлемыми в других.

Учитывая, что социокультурная и политическая дифференциация человечества проходит во многом по рубежам цивилизаций, анализ мегатипологических различий политических культур должен учитывать их цивилизационные основания. Идентичность на уровне цивилизации будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций. К ним относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. В современном мире социокультурные и цивилизационные факторы играют возрастающую роль. Проблемы «столкновения» цивилизаций, «линий разлома» между ними — одна из ведущих тем политической науки, ключевой вопрос геополитики.'

' **Huntington S.P.** If Not Civilization, What? Paradigms of the post — Cold War World // Foreign Affairs. — 1993. — № 5. — Vol. 72. — P. 187-188.

Аналитическая кроссцивилизационная парадигма Хантингтона:

1) противоречия между цивилизациями важны и реальны;
2) цивилизационное самосознание возрастает;
3) конфликт между цивилизациями придет на смену идеологическим и другим формам конфликтов в качестве преобладающей формы глобального конфликта;
4) международные отношения, исторически являвшиеся игрой в рамках западной цивилизации, будут все больше девестернизироваться, где незападные цивилизации станут выступать не как пассивные объекты, а как активные действующие лица;
5) эффективные международные институты в области политики, экономики и безопасности будут складываться скорее внутри цивилизаций, чем между ними;
6) конфликты между группами, относящимися к разным цивилизациям, будут более частыми, затяжными и кровопролитными, чем конфликты внутри одной цивилизации;
7) главными осями международной политики станут отношения между Западом и остальным миром;
8) политические элиты некоторых расколотых незападных стран постараются включить их в число западных, но в большинстве случаев им придется столкнуться с серьезными препятствиями;
9) в ближайшем будущем и обозримой перспективе основным очагом конфликтов будут взаимоотношения между Западом и рядом исламо-конфуцианских стран.[1]

Близкой точки зрения о перспективах цивилизационно-культурного развития человечества придерживается и японский политолог Нобио Нода. Прогнозируя отношения цивилизаций и культур в XXI в., он предсказывает, что войны вряд ли примут форму прямого столкновения между Соединенными Штатами, Центральной Европой, Китаем и Россией, скорее, конфликты произойдут на периферии их соответствующих империй.[2]

Американо-иракский конфликт 2003 г. в Персидском заливе явился наглядным подтверждением желания США и их отдельных союзников решать свои проблемы именно на периферийных территориях, в ареале исламской цивилизации путем установления соответствующего контроля над ресурсами (прежде всего нефтяными) и политическими процессами в этой части мира.

В парадигме С. Хантингтона и других, близких по подходам исследователей, бесспорным представляется правильное указание на возрастание роли цивилизационного и социокультурного факторов в политической жизни мирового сообщества и в силу этого необходимость тщательного учета воздействия цивилизационного и социокультурного полей на политику. В данном

[1] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. — 1994. — № 1. — С. 47.

[2] Noda Nobyo. Japan in a World of Rival Empires // Japan Echo. — 1999. — № 3. — Vol. 26.

контексте понятна важность и актуальность изучения влияния цивилизационных факторов на формирование, развитие и функционирование политической культуры и, соответственно, политической традиции генезиса различных обществ.

Осуществляя кросскультурный анализ, необходимо учитывать, что в разных цивилизационных условиях позитивные результаты могут достигаться разными способами. При этом каждая политическая культура предполагает определенную согласованность между «правилами игры» и политическими действиями, с одной стороны, и тем, что ожидает от них народ, что он признает легитимным — с другой.

Без глубокого проникновения в содержание различных политических культур, без их аналитического сравнения наши представления о политике будут неизбежно упрощены и догматичны. Политическая культура вплетена в контекст существующих общественных отношений, систем социальной деятельности. Она возникает, эволюционирует и в конечном счете распадается вместе с этим контекстом, уступая место новой политической культуре.

Ключевые понятия

основания типологии политической культуры
подход в связи с характером власти
ориентационно-поведенческий подход
сравнительно-цивилизационный подход
кроссцивилизационная парадигма Хантингтона
ракурсы политической культуры
авторитарная политическая культура
авторитарно-патриархальная культура
демократическая политическая культура
тоталитарная политическая культура
переходная политическая культура
приходская политическая культура
подданическая политическая культура
политическая культура участия
гражданская политические культура
гражданская партисипантная культура
активная политическая культура
пассивная политическая культура
протестная политическая культура
клиентистская политическая культура
политическая культура наблюдателей
этатистская политическая культура
рыночная политическая культура
политическая культура Востока
политическая культура Запада
политическая культура Евразии

Вопросы для самостоятельной работы

1. Каковы основные (классические) подходы к анализу политической культуры, их основания, достоинства и недостатки?

2. Проанализируйте вклад в типологию политических культур известных зарубежных и российских социологов и политологов, рассмотрите их достижения и проблемы.

3. В чем сущность подхода к изучению политической культуры в связи с характером власти (режима) в обществе?

4. В чем специфика ориентационно-поведенческого подхода к политической культуре?

5. В чем сущность цивилизационного подхода к политической культуре?

6. Что понимается под комплексным подходом к анализу политической культуры?

7. Охарактеризуйте методологию кроссцивилизационного анализа политических культур.

8. В чем сущность регионально-континентального подхода к типологии политической культуры?

9. Охарактеризуйте кроссцивилизационную парадигму С. Хантингтона, выделите в ней позитивные и спорные аспекты.

10. В чем рационализм идеального разделения политической культуры на «западную» и «восточную»?

Глава 5
Политическая коммуникация и политическая культура

В.Н. Иванов, В.К. Сергеев: «Кто владеет информацией, тот владеет властью над людьми. В новых исторических условиях тот, кто управляет информационными потоками — управляет общественным сознанием и общественными процессами».

М.Н. Грачев: «Люди, как известно, способны оценивать действия, в том числе и политические, лишь при наличии определенного объема знаний и информации. Если в демократических обществах средства массовой информации достаточно независимы, то в авторитарных и тоталитарных они полностью подчинены правящей элите».

В.В. Крапивин: «В современных исследованиях политическая коммуникация рассматривается как неотъемлемая составная часть политической системы общества, которая устанавливает связи между се институтами».

Дж. Рипцер: «Социальная система — это каждая система, которая в качестве своего базового элемента для самовоспроизводства порождает коммуникацию. Индивид относится к обществу лишь в той мере, в какой участвует в коммуникации или может пониматься как участвующий в коммуникации».

М.С. Горбачев: «В век информационной революции и электронных масс-медиа происходит непосредственное и плотное соприкосновение разных культурных и мировоззренческих установок, нравственных представлений и традиций. И на этой почве обостряются конфликты культурного, мировоззренческого характера».

Э. Гидденс: «Современные средства коммуникации, помогают формировать основы восприятия, всеобщее культурное мировоззрение, с помощью которых индивид в современном обществе интерпретирует и организует информацию».

Н. Винер: «Отдайте же человеку — человеческое, а вычислительной машине — машинное. В этом и должна, по-видимому, заключаться разумная линия поведения при организации совместных действий людей и машин... Действительно жить - это значит жить, располагая правильной информацией».

Р. Нейдер: «Информация — основная валюта демократии».

Наполеон: «Я больше боюсь трех газет, чем ста тысяч штыков».

Н. Дуглас: «Об идеалах нации можно судить по ее рекламе».

М. Маклюэн: «Воспитывать — значит вырабатывать невосприимчивость к телевидению».

А.А. Большаков: «Интернет, другие магистрали информации создают новое общественное пространство, открытое для миллионов людей, вовлеченных в сообщество "глобальной деревни". Однако в рамках этого масштабного информационного потока каждый зритель общается лишь виртуально со своими "соседями" по Интернету, контактируя непосредственно только с экраном компьютера. По мере углубления этого процесса коммуникация порождает не "агору", не демократическое общество сознательных и свободных граждан, а виртуальное пространство, населенное отдельными индивидуумами, запутавшимися в информационной паутине».

1. Взаимовлияние политической культуры и политической коммуникации

Хорошо известно, что культурные стереотипы и сложившиеся в обществе нормы политического общения обусловливают наиболее общие и характерные параметры коммуникации, определяя рамки, в которых происходят массовые интерактивные связи и осуществляются смысловые контакты широких социальных аудиторий.

Именно единство ценностных оснований культуры позволяет людям воспринимать достаточно тонкие оттенки сообщений, трактовать сложные политические тексты, интерпретировать скрытые образы власти. «Устанавливая способы (в т.ч. знаково-языковые) кодирования и передачи информации, культура накладывает ограничения на технологии и механизмы коммуникации, тем самым определяя структуру последних, их темпы развития, характер функционирования. «При этом культура не просто детерминирует использование тех или иных коммуникативных структур и технологий в политико-информационных обменах (задавая в числе прочего и их контекстуальные параметры), но и влияет на эффективность контактов с потребителями информации, находящимися за пределами данного культурного поля. Свидетельством тому могут служить, в частности, сложности в социальной и политической адаптации западного опыта в инокультурных контекстах».[1]

Политическая коммуникация, являясь способом, средством существования и передачи политической культуры, в свою очередь, опосредуется ценностями и нормами последней. Характер политической коммуникации в обществе, уро-

[1] **Соловьев А.И.** Коммуникация и культура: противоречия поля политики // Полис. — 2002. — № 6. — С. 6.

вень ее развития во многом определяются состоянием общей и политической культуры, развития политической жизни общества.

Французский социолог политики Р.-Ж. Шварценбергдал классическое определение политической коммуникации. Под ней он понимал процесс передачи политической информации, посредством которого информация циркулирует между различными элементами политической системы, а также между политической и социальной системами. Непрерывный процесс обмена информацией осуществляется как между индивидами, так и между управляющими и управляемыми с целью достижения согласия. Особое место в политической коммуникации занимает обмен информацией между правителями и управляемыми с целью добиться их согласия. Действительно, любой правитель стремится добиться согласия с его решениями, а любой управляемый старается выразить свои нужды и добиться, чтобы о них узнали. Согласие между двумя сторонами может создаться только с помощью коммуникации.[1]

В основе политико-коммуникационных процессов лежит передача, перемещение, оборот политической информации. Под политической информацией мыслятся не любые сведения, а только те, которыми обмениваются (собирают, хранят, перерабатывают, распространяют и используют) «источники» и «потребители» — взаимодействующие в обществе индивиды, социальные группы, слои, классы. Политическая информация представляет собой совокупность знаний, сведений, сообщений о явлениях, фактах и событиях политической сферы общества. С ее помощью передаются политический опыт, знания, координируются усилия людей, происходит их политическая социализация и адаптация, структурируется политическая жизнь.

Выделяют следующие основные способы политической коммуникации:

а) через неформальные контакты;
б) общественно-политические организации (институты);
в) средства массовой информации;
г) особые политико-коммуникативные ситуации или действия (выборы, референдумы, символические действия и т.п.).

В политической коммуникации обыкновенно дело имеют с написанным или произносимым словом, но она может происходить и при помощи всякого знака, символа и сигнала, посредством которого передается смысл. Следовательно, к коммуникации надо отнести и символические акты, самые разнообразные, такие как ношение политической символики, сожжение политического документа, участие в выборах и др.

Политическая коммуникация представляет собой содержательно-смысловой аспект взаимодействия субъектов путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление. Она связана с целенаправленной передачей и избирательным приемом информации, без которой невозможно движение политического процесса. Посредством коммуникации передаются три основных типа политических сообщений:

а) побудительные (приказ, убеждение);

[1] **Schwartzenberg R.-J.** Sociologie politique. — Paris, 1988. — P. 42-43.

б) собственно информативные (реальные или вымышленные сведения);
в) фактические (сведения, связанные с установлением и поддержанием контакта между субъектами политики).

В своем развитии система массовой коммуникации как транслятор культуры прошла несколько основных этапов.

Самой древней по времени возникновения является первая система средств массовой коммуникации, она соответствует первобытному строю; человек — сам носитель текста (жеста и др.), главное — межличностная коммуникация.

Далее появляется аудитория, организаторы коммуникативного процесса; его основная форма — собрание как действие.

Затем происходит формирование системы средств массовой коммуникации в индустриальном обществе, связанное с развитием книгопечатания, материальным закреплением текста-письма.

Наконец, создание современной системы средств массовой коммуникации обусловлено вступлением человечества в информационную эпоху и развитием электронных средств общения: радио, телевидение, Интернет.

Различные системы средств массой коммуникации сосуществуют в реальной жизни и в различной степени используются людьми.

Основные функции политической коммуникации:

1) распространение идейно-политических ценностей, знаний о политике;
2) информационное обеспечение политической социализации;
3) интеграция и регулирование политических отношений;
4) политическое информирование, формирование общественного мнения;
5) распространение политической культуры, ее развитие у членов общества;
6) политико-культурный обмен; подготовка общественности к участию в политике.
7) информационное обеспечение официальной политики.

Политическая культура общества объективируется в институциональной структуре политической системы, в объективно действующих принципах ее организации, в коммуникативной подсистеме и ценностях и особенностях ее функционирования. Коммуникативная подсистема может быть охарактеризована как комплекс учреждений и институтов, которые осуществляют сбор, первичную обработку и оценку политической информации, ее передачу и массовое распространение, а также оказывают информационно-пропагандистское воздействие на граждан для консолидации и мобилизации сил на решение поставленных задач. Центральное место в этой подсистеме занимают средства массовой информации. В нее входят также учреждения, которые обеспечивают прямую и обратную связь между институтами политической системы, между ними и социальными общностями (пресс-центры различных ведомств, институты общественного мнения, информационные бюро, отделы писем, жалоб и т.д.).

Средства массовой информации обладают различной степенью относительной самостоятельности, выражающейся в их организационной структуре. Помимо этих институтов и учреждений, в информационно-культурную подсистему политической системы входят также культурно-просветительные учреждения (дискуссионные политические клубы, политический театр, поли-

тико-просветительные организации, музеи, выставки политического характера и т.д.), а также политико-образовательные учреждения (партийные и административные школы, академии).

Понятно, что в экономически развитых странах система СМИ развита лучше, чем в развивающихся государствах. Имеет значение также количество средств коммуникации и информации надушу населения (см. таблицу). У России в целом очень хорошие позиции по количеству газет и ученых, несколько хуже по количеству телевизоров и телефонов по сравнению с наиболее развитыми странами, есть определенное отставание по персональным компьютерам и телефонам.

Средства коммуникации и информации в ведущих странах (90-е гг. XX в.)[1]

Страна	Газеты	Телевизоры	Телефоны	Ученые в НИИ и др.	Персональные компьютеры
Великобритания	351	612	528	2417	192,6
Бразилия	45	289	96	165	18,4
Германия	317	493	538	3016	233
Египет	64	126	50	458	5,8
Индия	22	64	15	151	1,5
Китай	23	252	45	537	3
Мексика	113	193	95	95	29
Нигерия	18	55	4	15	4.1
Россия	*267*	*386*	*175*	*4358*	*24*
США	228	806	640	3732	362
Франция	237	598	564	2537	151
Япония	576	700	489	5677	128

Данные приводятся из расчета на 1000 человек *{данные по России выделены).*

Политическая коммуникация выступает как специфический вид политических отношений, посредством которого доминирующие в политике субъекты регулируют производство и распространение общественно-политических идей.

Существуют следующие политико-коммуникационные модели: *вещания* (распространение информации из одного центра), *консультационная* (пользователь сам ищет *информацию),регистрационная* (центр собирает и контролирует информацию), *диалоговая* — двух- или многосторонний равноправный обмен информацией.

Коммуникация зависит от характера политической системы общества в целом, **его** политической культуры, мирового политического развития; вместе **с** тем она во многом ранжируется и политически переосмысливается правя-

[1] World Bank. World Development Report 1998-1999. — N.-Y,, 1999; World Bank. World Development Report 1999-2000. — N.Y., 2000.

щими элитами и бюрократией в своих интересах и целях. В современных исследованиях политическая коммуникация рассматривается как неотъемлемый элемент политической системы общества, часть общественно-политического сознания и бытия человека. В структуру политической системы обязательно входит информационно-коммуникативная подсистема, которая устанавливает связи между институтами политической системы. Значение этой подсистемы велико, ибо люди, как известно, способны оценивать действия, в т.ч. и политически, лишь при наличии определенного объема знаний и информации. Если в демократических обществах средства массовой информации достаточно независимы, то в авторитарных и тоталитарных они во многом подчинены правящему классу.

Уровень развития систем средств массовой информации, особенности их использования характеризуют социально-информационную базу политической культуры, ее приоритетные цели. В свою очередь, доминирующая политическая культура как бы «задает» политико-коммуникативным процессам систему ценностных ориентации, правил, образцов функционирования. Массовая коммуникация, охватывая все многообразие социальных связей — межличностных, массовых и специальных, — отражает и выражает культурные ценности субъектов политики; несет в себе социально-политическую информацию как содержание, включая процессы обмена этим содержанием, а также семиотические и технические средства, используемые в этих обменах, и технические каналы этих обменов. Все коммуникативные связи и отношения неразрывно связаны с политической и общей культурой общества.

Основная модель коммуникации включает пять элементов — источник информации, передатчик, канал передачи, получатель и назначение. Когда речь идет о коммуникации между людьми, то человека, направляющего информацию, называют коммуникатором, а человека, принимающего ее, —реципиентом.

Отправным пунктом для анализа функциональных и ценностных характеристик политико-коммуникационных процессов может служить парадигма Г. Лассуэлла, согласно которой акт коммуникации рассматривается как развертывающаяся структура по мере ответа на вопросы о развитии коммуникационного процесса.

Коммуникационная модель Г. *Лассуэлла*

Коммуникационные фазы	Участники, средства, эффективность
1. Кто? (передает сообщение)	1. Коммуникатор
2. Что? (передается)	2. Сообщение (текст)
3. Как? (осуществляется передача)	3. Канал
4. Кому? (направлено сообщение)	4. Аудитория
5. С каким эффектом?	5. Эффективность

Данную модель желательно рассматривать и как систему двустороннего действия: коммуникатор — непрерывный обмен потоками информации — реципиент. В ней весьма важным представляется анализ состояния и деятельности конкрет-

ных субъектов массовой коммуникации, учет особенностей их социокультурного развития, содержания информационных потоков.

Субъекты массовой коммуникации господствующего социального класса, слоя, как правило, занимают ведущее положение в обществе и имеют наиболее благоприятные условия для информационно-пропагандистской деятельности. Такие социальные группы, направляя деятельность государственных институтов, стремятся контролировать основные средства коммуникации, идеологические учреждения и т.д. В зависимости от характера политического режима, политической культуры общества они это делают демократическими или авторитарными способами, единолично или с союзниками с соответствующим учетом мнения и настроений масс. Общественное мнение формируется прежде всего под влиянием средств массовой информации. И, конечно, политические элиты пытаются сделать так, чтобы это мнение склонялось в их пользу.

Контроль и распределение политической информации — важный элемент в определении политической культуры, типа политических систем: демократических или авторитарных. Демократический тип предполагает, что политическая информация широко распространяется между различными членами общества; при авторитарных формах правления информационные процессы берутся под строгий контроль. Демократическая политическая коммуникация подразумевает не одностороннюю направленность сигналов от элит к массе, а весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое разное влияние на политику. К объяснению ведущих коммуникационных процессов и сопутствующих им социально-политических и культурных явлений целесообразно подойти с позиций исследования обратной связи, выводы из которого помогут полнее осознать природу политической коммуникации, положение и роль ее участников, а также соответствующие изменения, происходящие в результате коммуникационных процессов как в политической области, так и в обществе в целом.

В основе идеальной, «диалоговой», подлинно демократической модели политической коммуникации лежит равноправный обмен информацией, диалог между основными политическими группами общества—управляющими и управляемыми. Этот обмен, без которого невозможно общение, следовательно, и достижение политического согласия, не обязательно является одномоментным или последовательным, но протяженным во времени и в пространстве. По своей значимости и по влиянию на функционирование политической системы информация, направляемая от управляемых к управляющим, сопоставима с информацией, поступающей от политической элиты к остальным членам политического общества.

В океане политико-коммуникативных связей и отношений, взаимодействующих и развивающихся в разных направлениях и существующих на различных уровнях, важно уметь определять их основные тенденции и содержание. Ведь и лидеры общественных групп, и их сторонники, как впрочем и противники, во многом зависимы от политической коммуникации; отличия проходят по характеру восприятия, политическому спектру и эффективности ответной реакции.

Господствующий коммуникационный поток (независимо от того, правильно его содержание или нет) становится ключевой силой в определении и объяс-

нении того, что значимо в политике в определенный момент времени. Вместе с тем было бы неверно анализировать политико-коммуникационные отношения только по вертикальному принципу: «от правящих элит к управляемым массам». Чем демократичнее общество, терл большее значение приобретает горизонтальный уровень обмена потоками политической информации, сопряжение господствующего коммуникационного потока, инициируемого государством, с информационными потребностями и приоритетами гражданского общества, формирующимися на более широкой ценностной основе.

> *О.Ф. Шабров:* «Существенное значение для понимания характера политической коммуникации имеет учет принципа обратной связи: то, как коммуникационный поток воздействует на реципиента, возвращается к коммуникатору и учитывается им. Такая связь может иметь как положительную, так и отрицательную направленность, усиливать или ослаблять взаимодействие различных факторов и субъектов».[1]

Важное место в политической коммуникации занимает рассмотрение содержательных и ценностных характеристик социально-политической информации. Контент-анализ — изучение содержания политико-информационного сообщения — позволяет выявить ряд формальных характеристик, важных для коммуникативного воздействия- Существуют два основных способа (логический и эмоциональный), с помощью которых отправитель сообщения стремится не только передать информацию, но и заставить реципиента видоизменить структуры своего сознания в соответствии с сообщением. Логические убеждения опираются на доказательный характер разумных доводов. Эмоциональные убеждения воздействуют на систему ценностных ориентации личности. Большинство сообщений в политической печати и других средствах массовой пропаганды ориентированы воздействовать на эмоциональные стороны человеческой натуры, чтобы заставить людей действовать в соответствии с определенной системой политических ценностей. Политическая информация, поступающая к реципиенту, может быть им остановлена, подвергнута «цензуре» и воспринята лишь частично. Вместе с тем при определенных условиях она воспринимается «потребителем» без должной критической переработки.

Существенное влияние на восприятие информации, содержащейся в сообщении, оказывает социокультурная группа, к которой принадлежит реципиент. Желательно учитывать следующие факторы и особенности восприятия политической информации в группах.

Социокультурные факторы, влияющие на восприятие политической информации, могут быть следующие.

1. Персональная точка зрения индивида находится под сильным влиянием группы, к которой человек принадлежит или хочет принадлежать.

[1] Политическое управление: проблема стабильности и развития. — М.: Интеллект, 1997. — С. 170-172.

2. Человек награждается за приверженность групповому стандарту и наказывается за отклонения от него.

3. Человеку труднее изменить мнение, ставшее достоянием гласности, нежели частное.

4. Аудиторное участие — групповые дискуссии и коллективно принятые решения — помогают легче преодолеть внутреннее сопротивление какому-либо мнению или решению.

5. Поддержка даже одного человека ослабляет силу давления негативного общественного мнения группы, к которой данный человек принадлежит.

6. Наиболее приверженные сторонники группы наименее подвержены воздействию коммуникации, которая противоречит групповым нормам.

7. Форма и особенности подачи информации также существенны для ее успешного усвоения.

Вероятность изменения мнения в желаемом направлении тем выше, чем больше доверия к себе вызывает коммуникатор. Доверие основывается на экспертных способностях, т.е. способности точно формулировать проблему; впечатлении о правдивости передаваемой информации, усиливающемся от свободного владения материалом; доверии к информатору. Эффективность воздействия поданной информации выше, если коммуникатор вначале выражает те же взгляды, что и аудитория. То, как она воспринимает говорящего, может повлиять на ее отношение к сообщению.

Политологи, психологи и социологи обращают внимание на важность распространения политической информации, рассчитанной на определенного индивида, ту или иную социальную группу. Недостаточно выступить с заявлением в средствах .массовой информации, имеющем массовую аудиторию; цель выступления будет достигнута только в том случае, если сообщение будет воспринято и распространено на уровне малых ipynn, поддержано в повседневных разговорах лидерами общественного мнения, если оно не будет задержано или цензурировано в результате селективного восприятия. Политическая коммуникация, особенно электоральная, не должна быть анонимной, безадресной. Ее целесообразно ориентировать на конкретные группы людей, организации, а в идеале — на конкретного индивида. И, наоборот, политические требования, запросы, интересы и потребности индивидов, социальных групп посредством совершенствования коммуникации должны находить адекватное отражение в политической системе общества и его культуре.

Факторы, влияющие на эффективность информации:

1) временной интервал (учет времени от появления события до его освещения);
2) интенсивность или пороговое значение (скорее всего будет замечено важное событие);
3) ясность события (чем яснее, тем быстрее будет отобрано);
4) близость к культурным запросам аудитории;
5) соответствие ожиданиям;
6) непредвиденность или некоторая неожиданность, что создает условия для его отбора;
7) взаимосвязанность (с известными событиями);

8) композиция размещения в СМИ;
9) социокультурные и ценностные установки сообщества людей, принимающих и обрабатывающих информационный поток.

Воздействие средств массовой информации (особенно ТВ и Интернета) не может быть полностью оценено только в контексте предлагаемых программ и информации.

> *Э. Гидденс:* «Современные средства коммуникации формируют способ интерпретации социального мира, помогая упорядочить опыт нашего общения с ним. Установки, которые явно или скрыто присутствуют во всех видах телепродукции и в способах ее распространения, возможно, гораздо более важны, чем то, что конкретно показывается в программах».[1]

Ценностное измерение политической коммуникации, ее основных потоков, их целей и направленности имеет принципиальное значение. В идеале культурная политика в области политической коммуникации должна основываться на демократических принципах.

Принципы демократической культурной политики в сфере коммуникации[2]

Содержание	Принципы
1. Гуманистическая и демократическая приоритетность качеств и ценностей данной культуры	1. Иерархия
2. Равные права и широкие возможности для приобщения к информации вследствие утверждения справедливости, демократии и прав граждан	2. Равенство
3. Близость к культуре нации, этнической общности или религиозного большинства	3. Идентичность
4. Учет моральных норм и требований	4. Вкус и мораль

Политическая коммуникация, являясь способом, средством существования и передачи политической культуры, в свою очередь, опосредуется ценностями и нормами последней. Характер политической коммуникации в обществе, уровень ее развития во многом определяются состоянием общей и политической культуры. Это взаимообусловливающие друг друга процессы. Ценностные качества политической коммуникации зависят от культуры данного общества, мирового развития; вместе с тем они ранжируются и политически переосмысливаются правящими элитами, бюрократией в своих интересах и целях.

[1] **Гидденс** Э. Социология / пер. с англ. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — С. 418.

[2] **McQuail D.** Mass Communication and Public Interest: Towards Social Theory for Media Structure and Perfomance // Crowley D., Mitchell D. Communication Theory Today. — Polity Press, Oxford, 1994. — P. 248-250.

Отличительными свойствами политической коммуникации в идеале должны являться свободные потоки точной, полной, завершенной и проверяемой информации о политических явлениях и процессах, сопрягаемой с основными цивилизационно-культурными ценностями данного общества, демократическими принципами развития и фундаментальными фажданскими и политическими нравами человека.

Особое значение среди этих прав имеют свобода политических, религиозных и иных убеждений, совести, слова и печати, митингов и собраний, общественных объединений, а также право беспрепятственно придерживаться и свободно выражать свое мнение. Принципиальное значение имеет также право свободно искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ, если они не противоречат гуманистическим принципам.

Сравнительный анализ культуры политической коммуникации применительно к Западу, России и Востоку должен учитывать ее характер (содержание), ценностные принципы, особенности отражения и выражения в ней культурных доминант этих обществ и общепризнанных идеалов мирового сообщества.

Необходимо иметь ввиду, что в культуре развитых странах наиболее распространены такие средства массовой информации (по нисходящей), как Интернет, телевидение, радио и печать. В развивающихся же государствах до сих пор важнейшим источником информации является межличностная коммуникация, затем широко распространенное радио и лишь в городах среднеобеспеченные граждане имеют материальную возможность более или менее регулярно обращаться к газетам, журналам, телевидению и Интернету.

В связи с развитием глобализационных процессов проблемы культурной политики в средствах массовой информации, сохранения национальной идентичности выступают на первый план. Всемирно известный социолог и экономист М. Кастельс обращал внимание в этой связи на необходимость разработки «этического фундамента» виртуальной культуры и «духа информационализма» (по аналогии с веберовским «духом капитализма»).[1]

Интеллектуальная свобода, наличие просвещенного общественного мнения, демократическая политическая культура, свобода средств массовой информации от властных структур — важные предпосылки оптимального развития политической коммуникации, устойчивого социального процесса. В этом смысле теория политической коммуникации должна все в большей степени выступать как наука и искусство достижения гармонии, координации интересов общества, его групп и индивидов посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информированности, уважении коренных интересов человека.

2. Роль Интернета как кросскультурного фактора

В развитии человеческой цивилизации, особенно в ареале постиндустриальных стран, все отчетливее проявляется тенденция перехода к своеобразной тех-

[1] **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. — М„ 2000.— С. 197.

нотронной фазе. Современное общество все больше формируется в своих культурных, психологических, социальных и экономических аспектах под воздействием технологии и электроники, особенно в области компьютерной техники и коммуникаций.

В силу этого неуклонно возрастает значение информационной культуры, ее влияние на развитие общества и политики. В технологическо-организационном смысле под информационной культурой понимается умение целенаправленно работать со всеми видами и источниками информации, использовать для ее получения, обработки и передачи современные технические средства и методы, компьютерную информационную технологию и т.д. С социально-политической и моральной точки зрения составной частью информационной культуры выступает умение придерживаться нравственных, гуманистических ориентиров, учитывать ценностное содержание информационных потоков.

Появление новых информационных технологий и каналов коммуникации трансформирует традиционные принципы общения в сфере политики, формы социализации граждан, особенности их участия в общественной политической жизни и др. К их числу относится Интернет (inter — «между», net — «сеть»), представляющий собой глобальную общепланетарную информационную систему, средство объединения разнообразных информационных компьютерных сетей для передачи и обмена информации между странами, регионами, организациями и индивидуальными пользователями. Он выступает в качестве квинтэссенции информационно-технической революции и является одним из ее важных аспектов; является важнейшим транслятором политико-культурной информации.

Родоначальником Интернета стали США. Когда встал вопрос об обеспечении надежной связи в случае ядерной войны, были выделены значительные средства для создания децентрализованной системы с многосвязанными узлами, каждый из которых должен иметь возможность принимать на себя управление всей системой. Одно из подразделений военного ведомства США — Управление перспективных исследований — начало работу над таким проектом. Было предложено передавать информацию частями, выбирая оптимальный путь связи, отсюда пошла пакетная коммутация. Первая локальная компьютерная сеть, получившая название ARPANET, объединяла четыре электронных вычислительных машины и начала функционировать 2 января 1969 г. Эту дату условно можно считать днем рождения Интернета. Как глобальное явление Интернет в основном сформировался в 80-е гг. XX в.

Сейчас Интернет представляет собой распределенную децентрализованную систему, в которой нет управляющего центра. Интернет никому в отдельности не принадлежит, не ограничен политическими или географическими границами. Каждый год в Интернет вливается примерно 50 млн новых пользователей, и Сеть в полном смысле стала глобальной, охватив все континенты и практически все страны. Россия с опозданием подключилась к Глобальной сети, и только с середины 1990-х гг. наблюдается скачкообразный рост российских пользователей Интернета. Человечество еще не до конца осознало, какие перемены несет Интернет. Его можно уподобить созданию письменности. Грандиозные изменения чреваты не менее глобальными опасностями. Интернет никому не подчи-

няется — в этом его сила и одновременно его слабость. Доступность Сети привлекает множество людей, апеллирующих к низменным инстинктам, начиная от распространителей порнографии и мошенников и кончая политическими экстремистами или религиозными фанатиками всех мастей. Стихия Интернета порождает соблазн легкого манипулирования общественным мнением и перлюстрации электронной почты.

В 2003 г. в мире насчитывалось более полумиллиарда участников Интернета.[1] Следует обратить внимание на темпы развития этой всемирной коммуникационной Сети. Если на глобальном уровне количество печатных материалов возрастает в два раза лишь за каждые пятнадцать лет, то в Интернете последнее десятилетие число его пользователей в среднем увеличивалось каждые три года минимум в два раза.[2] Рост числа постоянных пользователей в США по прогнозам к 2006 г. составит около 160 млн, российских — до 16 млн.

Пользователи Интернета общаются между собой в основном на английском языке (68% всех участников). Наиболее развит Интернет в Соединенных Штатах Америки, Канаде, Западной Европе, Японии. 42-й президент США Б. Клинтон во время своей инаугурационной речи заметил, что Интернет в Америке стал «обычной энциклопедией миллионов школьников».

Более половины жителей Северной Америки, Западной Европы, Японии регулярно пользуются Интернетом, остальные — эпизодически. По мнению многих исследователей, Интернет становится основным каналом распространения информации, знаний, идей. В результате информационной революции мозг становится прямой производительной силой.

В Соединенных Штатах Америки количество мужчин и женщин, использующих Интернет, примерно равно. В странах Европы число женщин, зарегистрированных во Всемирной сети, немного меньше, чем мужчин. В Азии, Африке и Латинской Америке количество пользователей среди мужчин на 10-15 % больше, чем женщин. Особенно активно Интернет «подключает» молодежную аудиторию, составляющую не менее трети всех его пользователей. В США среди подростков — пользователей Интернета в возрасте от 12 до 17 лет девушки имеют количественное преимущество перед юношами (соотношение как 125% к 100%).[3]

В России подключение к Интернету произошло в 1991 г. За более чем десять лет своего развития российский Интернет в той или иной степени охватил всю страну. Однако российская телекоммуникационная структура пока еще недостаточно развита. По количеству пользователей Интернета Россия входит в первую двадцатку в мире, но по уровню охвата им населения (интернетизации) в 2000 г. она была только на 45-м месте (около 10% населения).

[1] **Mansel R.** From Digital Divides to Digital Entitlements in Knowledge Societies // Current Sociology. Journal of the International Sociological Association. Special issue. XV World Congress of Sociology. — 2002. — № 3. — Vol. 50. — P. 417-418.

[2] Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. — М.: УРСС, 2002. — С. 171.

[3] **Sasken** S. Towards a Sociology of Information Technology // Current Sociology. Journal of the Internationa! Sociological Association. Special issue. XV World Congress of Sociology. — 2002. — № 3. —Vol. 50. — P. 376.

Эта аудитория распределена по территории страны крайне неравномерно. Больше четверти всех пользователей Интернета проживает в Москве и Санкт-Петербурге. В Москве Интернетом пользуется каждый пятый житель. И по этому показателю столица России обошла Бельгию, Италию, Испанию, Ирландию. Уровень интернетизации Москвы и Санкт-Петербурга — наивысший в России (20%), что в три-четыре раза больше, чем на всей остальной территории. Но и это вдвое меньше среднего уровня интернетизации в США и Канаде.[1]

Социально-демографическая специфика пользователей Интернета состоит в том, что они включают в основном лиц с высшим или незаконченным высшим образованием с доходом выше среднего в возрасте от 25 до 50 лет. Доля лиц с высшим образованием среди российских пользователей Интернета относится к их численности среди населения как 36% к 12%, а лиц с доходом 100 долларов и выше в расчете на одного члена семьи составляет 29% к 8% тех, кто имеет более низкие доходы.

Среди регионов первое место по интернетизации занимает Центральный федеральный округ (без учета Москвы): 17%, или 1,6 млн жителей.[2] Общая масса потенциальных избирателей в России, охваченных Интернетом, составляет около 10 млн человек.

Многие пользователи российского Интернета любят поговорить о политике, однако конкретной политической деятельностью занимаются немногие. Это, в частности, подтвердили данные опроса пользователей, проведенного Росбизнесконсалтингом в июле 2002 г. Среди 4 тыс. пользователей, принявших участие в опросе, только 1% респондентов отметили, что состоят в какой-либо политической партии; 2% респондентов заявили, что только собираются вступить в политическую партию, а 96% ответили, что пока не собираются вступать в политические организации и заниматься постоянной полишческой деятельностью.

Соединение с Интернетом позволяет быстро и достаточно просто подключаться к любым отрытым электронным базам данных, обеспечивая тем самым оперативный доступ к мировому потоку информации политического, экономического, научно-технического, технологического, социокультурного и иного характера в зависимости от потребностей и интересов ее потребителя. Каждая отдельная компьютерная сеть, входящая в Интернет, может иметь несколько соединений с остальными сетями, поэтому при передаче потоков (пакетов) информации каждый информационный пакет, получая адрес пересылки, автоматически находит кратчайший или не занятый в настоящий момент путь перемещения по Интернету. Подключение к нему имеет множество благоприятных последствий для общественно-политических организаций, научно-исследовательских институтов, консультационных центров и отдельных политических деятелей. Речь идет прежде всего об интерактивном сотрудничестве. В частно-

[1] Интернет и российское общество / под ред. И.А. Семенова. — М., 2002 (электронная версия издания: http//pubs.carnegie.ru/books/2002/08is); Галицкий Е. Интернет // Независимая газета. — 2003. — 23 мая. — С. 10.

[2] Далее следуют: Приволжский — 15%, Северо-Западный — 14%, Южный — 12%, Сибирский— 11%, Уральский и Дальневосточный— по 5% (Галицкий Е. Интернет//Независимая газета. — 2003. — 23 мая. — С. 10).

сти, организация или исследователь получают возможность выставить в Глобальной информационной системе свою «визитную карточку» в виде массива (страницы) информации о своей деятельности, программных документах и т.д. и тем самым привлечь внимание к себе, к своей готовности к сотрудничеству. Для потенциальных сторонников в адресной части информационной страницы указываются дальнейшие контакты. Одновременно организации, государственные деятели, исследователи получают от Интернета полную статистическую информацию о том, кто и сколько раз обращался к их информационной странице и какие именно направления деятельности привлекли наибольшее внимание, что позволяет, например, осуществлять и при необходимости корректировать различные мероприятия по связям с общественностью (паблик рилейшнз) в период избирательной кампании. Особое значение в этой связи приобретает создание в Интернете специализированных информационных ресурсов, банков данных, сетевых организаций экспертов.

Возможности использования Интернета весьма широки и перспективны. Человечество в лице его пользователей получило могучее интерактивное информационное средство. В идеале пользователь Интернета получает возможность общаться с любым другим его пользователем (или любым их числом), получать значительные объемы информации, перерабатывать ее и неограниченно пересылать собственные информационные сообщения по любому желаемому адресу.

Причем интернет-информация (ее получение, переработка, производство), а также интернет-услуги имеют в условиях рынка соответствующую стоимость, которая может в некоторых случаях (создание инновационной или актуальной интернет-программы, интернет-игры, интернет-услуги и др.) увеличиваться в геометрической степени. Не случайно ведущие производители инновационных компьютерных программ (например, создатель компании Microsoft Б. Гейтс и др.) относятся к числу самых состоятельных людей, а компьютерщики-программисты — к высокооплачиваемым специалистам.

Принципиальное значение Интернет приобрел в развитии НИОКР; модернизации системы образования (особенно дистантного); управлении различными государственными, общественными организациями и в сфере предпринимательства (моделирование, системные методы, разрешенная прозрачность результатов деятельности); играет важнейшую роль в оптимизации деятельности организаций третьего сектора экономики; совершил революцию в СМИ; расширяет границы международного сотрудничества и культурных связей; сближает различие между «провинцией» и «столицей»; является существенным фактором глобализации, необходимой предпосылкой и условием для транснациональной деятельности, формирования мирового интернет-рынка финансов, товаров, услуг и труда; активно используется для улучшения быта и разнообразия досуга (интернет-продажи и услуги, электронные карточки и др.).

Расширяются возможности для обучения и получения образования посредством Интернета, происходит трансформация учебных программ и литературы, всего образовательного процесса на основе современной информационной матрицы. Все больше школ и вузов ставят задачу максимального охвата уча-

щихся Интернетом, обеспечением их необходимым количеством интернет-классов и (или) персональными ноутбуками.

В целом Интернет все шире используется в бытовой, развлекательной, учебно-научной, профессиональной и политико-культурной деятельности.

Существенную роль Интернет играет в установлении диалога между властями и обществом. Президент Российской Федерации В.В. Путин эффективно использует интернет-конференции в режиме «он-лайн» посредством интерактивной связи с многомиллионной аудиторией российских граждан, отвечая на их вопросы и получая от них также полезную информацию.[1]

В условиях России с ее огромными пространствами, особым отношением к власти, слабой сетью Интернета и т.д. подобные интерактивные конференции получают значительный общественный резонанс и положительно оцениваются ее многочисленными участниками.

Интернет открывает широкие возможности практически во всех сферах жизни и деятельности. Причем, технически и технологически он непрерывно совершенствуется. Так, создание сверхлегких портативных компьютеров и мобильных телефонов, имеющих постоянную связь с сетью, позволяет работать с Интернетом практически в любое время и в любом месте. В известном смысле речь идет о создании своеобразной интернет-культуры мирового сообщества. Ряд известных ученых (М. Кастельс, Э. Тоффлер и др.) полагают, что Интернет является символом и отличительным признаком более свободного, образованного и справедливого общества.

Представляет интерес апробированная в Италии компьютерная программа «Гиперполитика», использующаяся для многоязычного анализа ключевых понятий политической науки. Эта программа включает три основных компонента:

1) выбор ключевых (политологических или политических) слов-понятий по результатам сканирования десяти словарей политической науки на 4 языках из 5 стран (США, Великобритания, Франция, Италия, Германия);
2) отбор более 4 тыс. обзоров текстов (текстуальных и библиографических источников и интеллектуальных бимрафий ведущих политологов) для глубокого анализа этих понятий;
3) конструирование логической модели для системной табуляции ключевых слов-понятий.

При кросс-табуляции используется принцип создания в центре логической схемы понятия-ядра, связанного через дихотомичные оси с соответствующими близкими или связанными парами понятий и открытыми выходами на источники, для углубленного изучения политологических понятий. В результате работы с программой «Гиперполитика» происходит качественное усвоение содержания политологических категорий не только через изучение источников, но и через дихотомичное сопоставление противоположных или соперничающих понятий либо понятий, которые движутся в континууме от наименьшей к наивысшей степени качества, заключенного в нем. Данная программа предоставляет

[1] Владимир Путин: разговор с Россией. Стенограмма «Прямой линии с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным». — М.: Олма-Политиздат, 2003. — С. 4.

также широкие возможности для понимания особенностей политических культур различных стран и учета специфики политологического дискурса на соответствующих языках.[1]

Всемирная сеть в своей основе создает высокотехнологические предпосылки для многовариантного социального развития в условиях информационной эпохи, но не предопределяет его характер и политическую направленность. Возможности новых информационных технологий будут реализованы не сами по себе, а при осознанном желании и воле трансформировать политическую, экономическую, социальную, культурную и образовательную системы. Характерно, что в некоторых странах с закрытыми авторитарными режимами доступ в международный ареал Интернета возможен только с серверов, находящихся под соответствующим контролем в государственных учреждениях. Политический Интернет в Российской Федерации достаточно плюралистичен. По словам известного российского политического деятеля Г.А. Зюганова, «Интернет — это единственное сегодня средство массовой информации в России, свободное от цензуры».

С социокультурной точки зрения, Интернет играет противоречивую роль в обществе. Открывая доступ к самым разным источникам и потокам информации, «сводя» самых разных по своим целям и задачам как корпоративных, так и индивидуальных пользователей, Всемирная сеть создает огромное количество очень серьезных социально-политических, нравственных и иных проблем. Так, каналы и ресурсы Интернета могут использоваться в антигосударственных, подрывных целях, для поддержки международного терроризма, «подавления» национальных культур, распространения запрещенной информации, воспроизводства публикаций «желтой прессы», распространения «черного пиара», массового выброса компромата, «раскрутки» кандидатов с сомнительными качествами, размещения объявлений о продаже голосов избирателей (в 2000 г. в США было выставлено на «интернет-продажу» 8313 возможных голосов граждан этой страны по цене от 15 до 5 тыс. долларов), использование «грязных» интернет-технологий с целью дискредитации кандидатов-соперников и др.[2]

Понятно, что глобальные и локальные информационные войны являются бедой и самого Интернета, и его пользователей. Сеть — огромное зеркальное отражение людских пристрастий и интересов. Будучи едва ли не самым совершенным инструментом, изобретенным человечеством, Интернет, в принципе, не отличается от любого другого орудия, используемого человеком. Все зависит от того, кем и в каких целях оно применяется. Надо знать опасности и быть готовым предотвратить негативные последствия, но бессмысленно отказываться от возможностей информационных технологий. Сеть уже стала реальностью, которую нельзя игнорировать. «Человечеству предстоит жить с Интерне-

[1] **Calise M.** Hyperpolitics: Hypertext, Concepts and Theory-making // International Political Science Review. — 2000. — № 3. — Vol. 21.

[2] **Bonham G., Seifert J., Mathiason J.** Personaling the Digital: Going Interactive with Internet // World Capitalism, Governance and Community: Towards a Corporate Millenium? Abstract of Paper Presented at the XVIII World Congress of International Political Science Association. — Canada, Quebec, 2000. — P. 15.

том, и только от него зависит, будет ли Интернет двигателем прогресса, его ограничителем или кибернаркотиком».[1]

Большое количество пользователей Интернета среди представителей молодежи Запада не обязательно означает, что он используется ими достаточно рационально. Так, каждый месяц с помощью компьютеров или соответствующих приставок в Интернете в режиме «он-лайн» во всевозможных развлекательных играх принимает участие около 30 млн американцев, преимущественно подросткового или юношеского возраста. Ожидается, что к 2008 г. их догонят (а, возможно, и перегонят в силу количества населения) китайцы.

Результаты, полученные в ходе социологического исследования, целью которого являлось выявление изменений в проведении досуга у подростков в связи с интенсивным развитием информационных технологий, показали, что многие игроки предпочитают не развивающие, а развлекательные шры. Они не любят читать, ограничиваются информацией, которую черпают от друзей, из телевизионных передач. Влияние экранной культуры вызывает трудности в их психофизическом развитии.

В то же время все больше учащейся молодежи использует Интернет в профессиональных и образовательных целях. В России среди лидирующих сайтов по числу пользователей выступают банки рефератов, научных данных, вузовская информация и т.п. Среди политико-информационных сайтов в Российской Федерации популярны: http://www.izvestiaru; http://www.dni.ru; http://www.ink.ai и др. Более половины постоянных пользователей — это обеспеченная или среднеобеспеченная молодежь, как правило, придерживающаяся либеральных ценностей.

В Интернете по политическим вопросам, узловым аспектам социально-экономической и культурной политики идет своеобразная идеологическая война. Ряд «страниц» Интернета специализированы для популяризации явлений аморального характера (порнография, жестокость, безнравственные сюжеты и др.). Он допускает возможность множественности авторов, размывание функций автора и уход его от ответственности за представленную информацию.

Многие исследователи полагают, что сетевые технологии являются либо саморазрушительными, либо неэффективными для ключевых художественных институций и малопродуктивными для развития художественного творчества как такового. Интернет-среда, по их мнению, является лишь «великой информационной помойкой», чье будущее зависит от финансового благополучия и благорасположения ее реальных и таинственных владельцев.

На основе Интернета формируется новая массовая «виртуализированная», стереотипизированная, гибридная культура, с присущими ей свойствами и недостатками, отвоевывающая свое место в системе духовных и политических ориентации граждан различных стран. Возможно также преднамеренное замещение более слабых культур более сильными. Противоречив и процесс создания культуры различных социальных групп пользователей, зависящей от их состава, ценностей и норм взаимодействия в сети.

[1] **Степанов С. А.** Политологические и исторические ресурсы Интернета // Вестник РУДН, серия «Политология». — 2000. — № 2. — С. 123.

Развитие современных технологий может быть использовано для установления своеобразного режима медиакратии. В этой связи ряд исследователей обращает внимание на возможности складывания нового алгоритма формирования пространства политической власти: массы — стандарты массовой культуры — культурные основания идентификации граждан — информационные поводы — политическая рекламистика — когнитарии (специалисты в области управления информационными процессами) — политический сценарио-менеджмент — электронные СМИ—массовое общество / государственная власть—медиакратия. Современные средства коммуникации могут использоваться и для учреждения «информационно-финансового тоталитаризма».

Проблемы Интернета тесно связаны с разработкой и обеспечением национальной и международной информационной безопасности.

> *ВВ. Маронов:* «Информационная безопасность в рамках глобальной коммуникации — это не только создание механизмов, ограничивающих доступность к информационным системам, но и обеспечение безопасности сознания людей и общества от тех изменений в культуре, которые связаны с процессами глобальной коммуникации и сопряжены с резким расширением информационного пространства и доступностью информации.[2] В современных условиях защита личности демократическими, правовыми методами от манипулирования ее сознанием — одна из центральных задач проблем информационной безопасности».[1]

Во многих странах пока не создана необходимая правовая база для борьбы с нежелательными последствиями деятельности Интернета и его правового регулирования. Весьма актуальна координация деятельности различных государств по правовому регулированию деятельности Всемирной сети, а также о разработке Всемирной декларации прав и обязанностей пользователей Интернета. Интернет неоднократно успешно использовался для «взламывания» правительственных и банковских сайтов. Постоянной угрозой функционирования всемирной сети является распространение все новых и новых модификаций компьютерных вирусов, которые ведут к потере информации, поломке компьютеров и, как следствие, к серьезным финансовым потерям. Так, масштабный вирус (январь 2003 г.) вывел из строя более 60 тыс. серверов во всем мире, парализовал на несколько дней всю систему Интернет в КНДР и нанес ущерб его пользователям в мировом масштабе на суммы, превышающие десятки миллионов долларов.

Еще одной проблемой сети является снам — целенаправленные рекламные сообщения, рассылаемые в массовом порядке по многим интернет-адресам и составляющие до 50% всей получаемой корреспонденции. Спам может иметь политический, моральный и экономический характер. Такие послания массового

' Миронов В.В. Глобальное коммуникационное пространство, культура и информационная безопасность: размышление // Человек и современный мир / авт. колл.: В.И. Добренькое, А.Ф. Зотов, В.В. Миронов и др. — М.: ИНФРА-М, 2002. — С. 64.

характера переполняют электронные почтовые ящики. В лучшем случае они заставляют терять много времени на их прочтение и сортировку, в худшем — привносят вирусы.

За последнее время в США принят ряд законов по упрочению безопасности в сфере Интернета. Среди них можно выделить Закон по повышению компьютерной безопасности (Cyber Security Enhancement Act). Этот документ ставит профессиональных киберпреступников в один ряд с лицами, совершившими обычные преступления, и международными террористами. В соответствии с Законом, если несанкционированное проникновение хакера в чужую компьютерную сеть влечет за собой «непосредственную угрозу здоровью или жизни граждан», ему грозит тюремное заключение сроком от 20 лет до пожизненного заключения. Суровое наказание предусмотрено за взлом не только закрытых сетей системы государственной безопасности, но и служб, отвечающих за жизнеобеспечение экономики и социальных структур США. Кроме того, Закон предоставляет правоохранительным органам США право перехватывать и читать электронные сообщения любого резидента страны без предварительного разрешения суда.

К моменту зарождения российского Интернета деятельность провайдеров и в меньшей степени пользователей сети регулировалась Законами «О средствах массовой информации» (1991 г.), «О связи» (1995 г.), «Об информации, информатизации и защите информации» (1995 г.).

Понятие «информационно-коммуникационная сеть общего пользования» появилось в российском законодательстве в 1999 г. с принятием действующей версии Закона «О выборах депутатов Государственной думы», обязывающего Центризбирком обеспечить доступность списков кандидатов абонентам этой сети. Первым федеральным законом, в котором появился термин «сайт», был Закон «О политических партиях» (11.07.2001 г.). Он обязывал Министерство юстиции Российской Федерации завести сайт в «информационно-телекоммуникационной сети общего пользования» для размещения на нем реестра политических партий. В 2001 г. в Российской Федерации были приняты Законы «Об электронной цифровой подписи» и «Об электронной торговле».

В последние годы Российское государство проводит активную политику в области Интернета, финансирует и осуществляет программу «Электронная Россия», нацеленную на поддержку интегрированного портала органов власти и других информационно-телекоммуникационных проектов, расширяющих возможности диалога с гражданами и увеличивающие прозрачность деятельности ряда государственных структур. Предпринимаются попытки огосударствления политического Интернета. Пополнение информационных ресурсов Интернета происходит высокими темпами, и для нахождения необходимой информации нужны специальные навыки.

В современных условиях все международные, а также национальные государственные, политические, экономические, общественные, культурные и иные организации, профессиональные ассоциации ученых, центральные библиотеки, научно-исследовательские институты, профессиональные научные журналы и другие структуры имеют собственные сайты и (или) компьютерные банки данных.

Политологам, социологам и другим исследователям работа с Интернетом предоставляет широкие возможности в плане поиска и получения значительного объема информации, необходимой для анализа и оценки текущей социальной (политической, экономической и иной) ситуации и ее прогнозирования, совершенствования методики социологических исследований, развития международных научных связей и контактов, проведения интернет-конференций, распространения и апробации данных в Сети и др.

Важную роль в Интернете шрают поисковые системы: Rambler, Yandex, Aport, Alta Vista, Yahoo, сайты центральных библиотек, государственных органов, партий, СМИ и др.

Актуальные интернет-адреса по социологии политики

интернет-серверы	web-адрес
Российская государственная библиотека	http://www.rsl.ni
Национальная электронная библиотека	http://www.nel. nns.ru
Правительственный сервер «Официальная Россия»	http://wwvv.gov.ni
Совет Федерации	http://www.council.gov.ru
Государственная Дума	http://www.dumagov.ru
Федеральный информационный центр по выборам	http://www.izbirkom.ru
Выборы	http://www.elections.ni
Национальная служба новостей	http://www.nns.ru/
Сервер правовой информации	http://www.pravopoliten.ru
Фонд «Общественное мнение»	http://www.fom.ru
Агентство «РОМИР»	http://www.romir.ru
Центр стратегический разработок	http://wwvv.csr.ru
Российская ассоциация политической науки; все номера журнала «Полис» (с 1991 г.)	http://www.rapn.ru
Институт социологии РАН	http://www.isras.rssi.rn
Международная социологическая ассоциация	http://www.ucm.es/info/isa

В целом Интернет противоречиво влияет на политические культуры различных обществ: в развитых странах его воздействие на огромные массы пользователей значительно больше, чем в развивающихся государствах в силу понятных причин. Интересно, что в странах Азии все более значительные позиции занимает Интернет на национальных языках и стремящийся (в тенденции) к защите традиционных ценностей этих обществ и их национальных интересов. Овладение профессиональной культурой пользования Интернетом открывает широкие дополнительные возможности для изучения политических культур практически всех народов и стран.

Целесообразно обратить внимание на базовые демократические принципы деятельности коммуникатора, разделяемые многими деятелями культуры **и** СМИ.

3. Принципы деятельности коммуникатора в различных культурных средах

Основные принципы общения с аудиторией:

1) познай себя самого, знай свою собственную культуру;
2) знай культуру своей аудитории; рассматривай культуру аудитории как равную твоей;
3) будь чувствителен к ценностям, верованиям и ожиданиям аудитории;
4) изучай язык аудитории, адаптируй свою коммуникацию к культуре аудитории;
5) не манипулируй аудиторией другой культуры;
6) не задавай вопросов о религии и политической ситуации в стране аудитории;
7) не будь этноцентричен, не стереотипизируй;
8) не будь грубым и не игнорируй обычаев аудитории.

Кодекс профессиональной этики для тех, кто занят международной коммуникацией

Коммуникатор обязан:

1) сознавать, что он не устанавливает мировых стандартов, относиться к культуре аудитории с тем же уважением, с каким он относился бы к своей собственной;
2) не судить о ценностях, убеждениях и обычаях других культур, отталкиваясь от собственных ценностей, всегда помнить о необходимости понимать культурную основу чужих ценностей;
3) никогда не исходить из превосходства своей религии над религией другого, общаясь с представителями другой религии, пытаться понимать и уважать эту религию;
4) стремиться понять обычаи приготовления и принятия пищи других народов, сложившиеся под влиянием их специфических потребностей и ресурсов; уважать способы одеваться, принятые в других культурах; не демонстрировать отвращения к непривычным запахам, если те могут восприниматься как приятные людьми других культур;
5) не исходить из цвета кожи как «естественной» основы взаимоотношений с тем или иным человеком; не смотреть свысока на человека, если его акцент отличается от твоего;
6) понимать, что каждая культура, какой бы она ни была, имеет что предложить миру, но нет таких культур, которые имели бы монополию на все аспекты;
7) не пытаться использовать свой высокий статус в иерархии своей культуры для воздействия на поведение других представителей другой культуры в ходе межкультурных контактов;
8) всегда помнить, что никакие научные данные не подтверждают превосходства одной этнической группы над другой.

Коммуникативные приемы

1. Не использовать своих коммуникативных приемов, чтобы менять поведение людей другой культуры в своих собственных интересах; не создавать атмосферы, способной закреплять национальные стереотипы; не исходить из предвзятых представлений о людях, с которыми пытаешься наладить контакт.

2. Готовясь общаться с какой-то аудиторией, всерьез заняться изучением ее языка; готовясь общаться с какой-то инокультурнои аудиторией, всерьез стремиться изучать, уважать и адаптировать ее обычаи.

3. Отдавать себе отчет в том, что первичные ценности твоей культуры отличаются от первичных ценностей других культур и избегать таких приемов коммуникаций, которые предполагали бы навязывание собственных ценностей инокультурнои аудитории.

4. Понимать, что невербальные символы, используемые в твоей культуре, могут выглядеть как оскорбительные в другой.

5. Воздерживаться от разговоров на собственном языке с представителями своей культуры в присутствии тех, кто не знает этого языка.

6. При использовании средств массовой информации другой культуры пользоваться приемами и формами коммуникации, принятыми в данном обществе.

7. Используя СМИ, не создавать фальшивых, искаженных, неточных, оскорбительных образов других людей ради собственных интересов, потребностей и удобств.

8. Указание на источники:

а) используя письменную и иную информацию о культуре меньшинств в собственной стране, указывать источники этой информации;

б) используя письменную и иную информацию из других культур, давать принятые ссылки на источники информации в этих культурах;

в) во время обсуждения интеллектуальных проблем не навязывать лицу другой культуры собственных национальных интересов.

Проведение исследований

1. Изучая другую культуру, не собирать тайком данных у ее представителей.

2. Изучая другую культуру, не искажай данных своего исследования в угоду ее представителям.

3. Не принуждать представителей другой культуры участвовать в своем исследовании.

4. Не подчинять интерпретацию результатов исследований собственным или каким-то иным интересам.

5. Не пытаться искажать данные исследования другой культуры в своих личных, культурных или национальных интересах.

6. Понимая, что данные, относящиеся к другой культуре, могут использоваться в неблаговидных целях, воздерживаться от сообщения этих данных безответственным лицам.

7. Привлекая представителей других культур к участию в экспериментах, таких как подражание и исполнение социальных ролей, информировать этих людей о том, как будут использованы полученные данные.

8. Использовать данные по другим культурам только для расширения и обогащения человеческого знания.

4. Кодекс чести социолога

Этот Кодекс был предложен и утвержден Американской социологической ассоциацией. В соответствии с этим Кодексом к важным этическим правилам работы социолога-исследователя относятся: персональная ответственность исследователя за методы, ход и содержание исследования; воздержание от использования своего служебного положения для получения данных и исследовательских материалов для ненаучных целей; персональная ответственность за публикацию; открытость в области материальной поддержки. Кодекс чести социолога включает следующие положения.

1. Объективность в исследовании.
2. Целостность исследования.
3. Уважение личности исследуемого.
4. Защита обследуемых от личных посягательств.
5. Гарантия конфиденциальности исследовательских данных.
6. Честное изложение результатов исследования.
7. Правильное (научное) понимание роли исследователя.
8. Информирование о любой дополнительной помощи в ходе исследования.
9. Отчет обо всех источниках финансовой поддержки в публикациях.
10. Публичные заявления обо всех случаях давления спонсора или других финансирующих лиц.
11. Социолог не должен принимать пожертвования или идти на контакты и условия, которые, по его мнению, не соответствуют вышеизложенным принципам.

Ключевые понятия

политическая коммуникация
культура политической коммуникации
политико-коммуникационные модели
Интернет как кросскультурный фактор
культура политического коммуникатора
коммуникационная формула Лассуэлла
глобальная информационная система
политическая культура СМИ
политическая культура Интернета
коммуникация в разных культурных средах
Кодекс чести социолога-коммуникатора
тематические интернет-серверы и веб-адреса

Вопросы для самостоятельной работы

1. В чем сущность и каковы основные формы политической коммуникации?
2. Рассмотрите ценностно-культурные принципы политической коммуникации.

3. Проанализируйте социокультурную и политическую роль Интернета в мире.

4. Каково соотношение между политической культурой и политической коммуникацией?

5. Что понимается под культурой политической коммуникации?

6. Перечислите базовые принципы деятельности коммуникатора.

7. Изложите основные положения кодекса профессиональной этики международного коммуникатора.

8. Какие принципы, важные для международного коммуникатора, включает Кодекс чести социолога?

9. Составьте таблицу наиболее важных для вас как пользователя Интернета российских и зарубежных сайтов по сравнительному анализу политической культуры.

10. В чем позитивные и негативные аспекты использования Интернета в политике и культуре?

11. Можно ли говорить о сложившейся политической интернет-культуре? Приведите доводы.

12. Раскройте содержание и охарактеризуйте значение «прямых линий» с Президентом Российской Федерации (интернет-обращений с обратной связью) для развития политической культуры россиян.

13. Какова политическая роль Интернета в Российской Федерации и в мире?

14. Какова культурная роль Интернета в Российской Федерации и в мире?

^.Проанализируйте тезис о том, что «Интернет дает России уникальную возможность не только отказаться от модели догоняющего развития, но и, сделав рывок вперед, стать одним из мировых лидеров».

Часть II
ЦЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВ ЗАПАДА

Глава 6
Характерные черты политической культуры западного общества

А.А. Зиновьев: «Слово "Запад" употребляется не только как обозначение совокупности вполне конкретных стран и народов, но и как абстрактное понятие, т.е. как обозначение совокупности явлений, которые не связаны необходимым образом с особенностями отдельных западных стран и являются для них общими».

А.И. Соловьев: «Ценности и стандарты западной политической культуры формировались по мере повышения роли и значения личности в политической жизни общества, установления контроля гражданского общества над государством. Огромное влияние на содержание этих ценностей оказали и религиозные ценности христианства, а также особая роль философии, выступавшая в качестве автономной духовной силы и воплощавшая критическое отношение как к социальной действительности, так и к религиозной картине мира».

М. Тэтчер: «Ограничение власти и ее подотчетность, верховенство правосудия над силой, абсолютная моральная ценность каждого отдельного человека, которую правительство обязано уважать, — эти принципы стали неотъемлемой частью политической культуры англоговорящих народов. Они являются основой цивилизованного управления государством».

А. Столяров: «Время в Европе, в отличие от циклических восточных культур, обладает векторным направлением. Это порождает представление о прогрессе как о целенаправленном конструировании "текущей реальности". В результате технические инновации не остаются разрозненно-изолированными, как было в восточных культурах, а, соединяясь между собой, образуют новое цивилизационное качество. Именно эта способность времени, выраженная технологически, вывела сначала Европу, а затем США в число лидирующих индустриальных держав».

Э. *Фромм:* «Психологическая посылка индустриального века о том, что индивидуальные эгоистические устремления ведут к миру и гармонии, а также к росту благосостояния каждого, ошибочна. Быть эгоистом —

значит, что если моей целью является обладание, то я тем больше значу, чем имею; что я должен испытывать антагонизм по отношению ко всем другим людям. Я должен завидовать тем, кто имеет больше, и бояться тех, кто имеет меньше».

Р. Гвардини: «Индустриальная цивилизация внесла свой "вклад" в формирование у многих людей таких качеств или свойств, как устойчивые склонности к голому прагматизму, комфортности, недостаточной духовности».

Г. Пальмерстон: «У Англии нет постоянных друзей или врагов, есть только постоянные интересы».

Л. Зидентоп: «Французы могут много дать Европе, потому что они верят в Европу как в культурный и этический проект».

1. Цивилизационные доминанты западно-европейской политической культуры

В истории человечества существовало много типов цивилизаций. Одни из них развивались более успешно, другие — менее, третьи в силу различных причин не смогли дать адекватные ответы на вызовы своего времени и погибли.

В процессе исторической эволюции в европейском регионе возник особый тип цивилизации, который принадлежал к более высокому уровню социальной динамики и обладал по сравнению с традиционными обществами особой способностью к научно-техническому развитию.' Цивилизацию этого типа многие российские и зарубежные исследователи называют «индустриальной», а по мере развития — «постиндустриальной», «техногенной». На наш взгляд, ее точнее определять как «индивидуалистично-техногенную», имея в виду развитые страны Запада, США, Канаду и др. На Востоке некоторые традиционные цивилизации (Япония, новые индустриальные страны Дальнего Востока, Китай и др.) вступили или вступают в новый период развития, доминантой которого является «традиционалистско-техногенная» направленность бытия.

Важными чертами генезиса западной цивилизации и политики были следующие:

1) использование опыта демократии античного полиса и развитие норм римского права;
2) постоянное развитие экспериментальной науки, внутренне связанной с техникой;
3) рациональный способ ведения хозяйства, возникший благодаря отделению рабочей силы от средств производства;
4) формирование гражданского общества как основы демократического развития;

[1] Индустриальное и постиндустриальное общество // Большой толковый социологический словарь (Collins): в 2 т. / пер. с англ.; под ред. Д. Джэри. — М: Вече-АСТ, 2001.

5) христианская традиция с ее представлениями о человеческой индивидуальности, концепцией морали и пониманием человеческого разума как активного начала, способного к рациональному постижению смысла бытия;
6) активная, в т.ч. соответствующая, военная политика по утверждению указанных ценностей внутри данной цивилизации и реализации «западных» интересов вне ее пределов.

Западная цивилизация, с одной стороны, базируется на «священном« праве индивида на частную собственность, семейной этике труда, его рационалистической культуре и активном воздействии через посредство гражданского общества на государство, с другой — на быстром изменении техники и технологий благодаря систематическому применению в производстве научных знаний. Следствием этого являются научно-технические революции, меняющие отношение человека к природе и его место в системе производства. По мере развития «индивидуалистично-техногенной цивилизации« происходит ускоряющееся обновление «неорганического тела человека» или, иначе говоря, той искусственно созданной им предметной среды, в которой непосредственно протекает его жизнедеятельность. Одновременно это сопровождается динамикой и изменением социально-политических связей, быстрой трансформацией политической и общей культуры. В силу указанных обстоятельств иногда на протяжении одного-двух поколений происходит изменение образа жизни, формируются новые, в т.ч. социально-политические, типы личности.

Ведущую роль в Европейском сообществе играют 15 его «западных» государств, создающие 65% валового продукта всей Европы.[1] В перспективе со вступлением в Евросоюз большинства других стран континента его состав вырастет. Это, с одной стороны, ускорит формирование ряда общих принципов европейской правовой и политической культуры, а с другой — актуализирует проблемы национальной и этнической идентичности в регионе.

Сравнительный анализ потенциала стран Европейского союза и США

Показатели	ЕС-2003 г.	ЕС-2004 г.	США
Население, млн человек	382	457	290
ВВП, млрд долларов	10062	10944	10366
ВВП на душу населения	26340	23948	35869

Социокультурные основы западной цивилизации, сформировавшейся в результате буржуазных революций и развития капитализма, нисходят к культуре Древней Греции и Рима, их полисной и республиканской матрицам, достижениям науки и др. Ключевую роль в политической культуре Запада играет индивид— человек, имеющий частную собственность, чьи основные права защищены законами демократического общества.

[1] Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Испания, Португалия, Австрия, Ирландия, Финляндия, Дания, Греция, Швеция и т.д.

Положение о важной роли частной собственности в общественном развитии и необходимости защиты прав производителя мы находим уже в трудах древнегреческих (Аристотель и др.) и древнеримских социальных мыслителей (Цицерон и др.). В новое время особое внимание правам частного собственника-труженика уделяли Дж. Локк, Дж. Милль и др. Практически во всех конституциях европейских стран, принятых в результате буржуазных революций, закреплено право частной собственности, права и свободы граждан. Длительное (на протяжении целых веков) становление и развитие капиталистического общества в Европе обеспечило массовое выделение и формирование собственников-тружеников (среднего класса), создание их особой культуры труда и соответствующей политической и правовой культуры общества.

М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма», опираясь на огромный исторический материал, показал какую роль в этом процессе играли религиозные учения сектантского аскетического пуританизма, его своеобразная практическая философия. В ее рамках сформировалась концепция индивида, обладающего собственной метафизической и моральной ценностью. Из таких индивидов в дальнейшем возникли «деловые клеточки» западного общества. «Деловые клеточки западнизма, — отмечал долгое время живший в Западной Европе известный русский философ А. А. Зиновьев, — возникали и до сих пор возникают главным образом по инициативе частных лиц, на их средства, на их страх и риск, т.е. "снизу". Эти лица сами решали и решают, чем должна заниматься (на чем специализироваться) создаваемая ими клеточка, как она должна функционировать, как сбывать продукты ее деятельности. Деловые клеточки обладают известной автономией в своей деятельности. Их организаторы и распорядители суверенны в принятии решений. Конечно, это — суверенитет, ограниченный рамками законов и традиций, а также взаимоотношениями друг с другом, но ведь и "национальные государства" не обладают абсолютным суверенитетом».[1]

Таким образом, основным признаком западного общества является то, что в нем впервые в истории появилась возможность для формирования человека как индивидуализированной личности не в порядке исключения, а в массовых масштабах.

В этом смысле западное общество резко отличалось от «традиционных» (восточных) цивилизаций, в которых интересы индивидов и групп всегда были опосредованы государством, подчинены ему.

Запад создавался, развивался, поддерживался, преображался, охранялся, завоевывал себе место на планете и постоянно расширял и расширяет его поныне не просто человеческими существами, но людьми определенного типа. Для людей этого типа («западоиды» — по А.А. Зиновьеву) характерны следующие идеальные черты: практицизм, деловитость, расчетливость, добросовестность в деле, способность к конкурентной борьбе, изобретательность, способность рисковать, холодность, эмоциональная черствость, склонность к индивидуализму, повышенное чувство собственного достоинства, стремление к независимости и успеху, склонность к публичности и театральности, чувство превос-

[1] Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. — М.: Центрполиграф, 1995. — С. 45.

ходства над другими народами, склонность управлять другими более сильная, чем у других народов, способность к самодисциплине и самоорганизации и др.

Если выразить психологическую сущность образа жизни «западного человека», то в ее основе лежит такой принцип: «работай на себя, рассматривая всех прочих как среду и средство бытия». На Западе «я» играло и играет доминирующую роль в паре «я — мы», и в ней «мы» является объединением сильно выраженных «я». Высокоразвитое чувство собственного достоинства и стремление к личной свободе у людей западного типа обычно сопровождается чувством социального индивидуализма. Вместе с тем принципы социального индивидуализма не обязательно препятствуют развитию многих положительных моральных качеств.

Культурное наследие в значительной мере определяет ход развития экономических систем. Можно выделить ряд установок, которые делают общество более ориентированным на предпринимательство. Среди них любознательность, творческое воображение, изобретательность, принадлежность и готовность принять на себя риск и др. Эти установки несут в себе отражение соответствующих религиозных и иных социальных традиций.

Важную роль в понимании сущности западного общества играет концепция рационализированного, «организованного капитализма» М. Вебера. Главной идеей его анализа западного капиталистического общества является последовательно проведенная идея рациональности. Для Вебера, последователя теории организационной структуры, капитализм как строй формируется только тогда, когда при помощи организации становится возможным обуздать стремление к легкой наживе. Капитал существовал и в древности, а капитализм — нет. Капиталы, сделанные на военных поставках, ростовщичестве, собранные откупщиками должностей и налогов, благодаря крупным торговым и финансовым махинациям были распространены во многих государствах на протяжении многих веков древней и средневековой истории. Но капитализм западного типа получил развитие только в условиях западной цивилизации в Новое время. Полноценное капиталистическое общество основано на принципах полезности и рентабельности, которые определяют поведение настоящего буржуа. «Неотъемлемой, фундаментальной особенностью капиталистического частного хозяйства, — отмечал М. Вебер, — является то, что оно рационализировано на основе строгого расчета, планомерно и трезво направлено на реализацию поставленной перед ним цели; этим оно отличается от хозяйства живущих сегодняшним днем крестьян, от привилегий и рутины старых цеховых мастеров и от "авантюристического капитализма", ориентированного на политическую удачу и иррациональную спекуляцию».[1]

Особенность современного западного капиталистического общества, существующего на постиндустриальной основе, состоит в том, что оно более рационально организовано, чем предшествующие сообщества. В экономике это рациональные (конкурентные) методы ведения хозяйства, адекватное денежное обращение, позволяющее добиться соответствующей экономической эффек-

[1] **Вебер М.** Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. — М., 1990.— С. 94.

тивности; в политике — рациональное право и рациональная бюрократия; в мировоззренческой сфере — рациональная религия и этика труда; в сфере науки — рациональная творческая деятельность и др. Перефразируя М. Вебера, можно сказать, что рационализация — судьба западной цивилизации.

Генезис западного общества крайне противоречив. Во-первых, в нем действуют не только рационалистическая, но и авантюристическая, стихийная, тенденция развития, во-вторых, «рационализм Запада», основанный на приоритетной роли труженика-индивидуалиста, — эгоцентричен.

«Индивидуалистично-техногенная» цивилизация Запада начала свой разбег в XVII—XVIII столетиях в эпоху подготовки первой промышленной революции, начальных буржуазных преобразований, но ее корни и предпосылки закладывались развитием европейской, да и не только ее, культуры намного раньше и идут от античности. Западная цивилизация впервые в истории человечества продемонстрировала переход от традиционного общества к индустриальному. Этому способствовали следующие базисные факторы: 1) широкое использование рационального римского права (наиболее «удобного» для рыночных отношений и становления буржуазного общества); 2) последовательное внедрение многих выдающихся научных, технических достижений науки Древней Греции, Рима, эпохи Возрождения и Нового времени в жизнь, развитие в Европе передовой научной мысли, системы университетских комплексов; 3) отделение рабочей силы от средств производства, создание «рационального», капиталистического производства с высокой производительностью труда и появление среднего класса; 4) формирование буржуазно-демократического государства, сильной бюрократии и основ гражданского общества; 5) правовая регуляция политических отношений; 6) важная роль трудовой этики (протестантской) в оптимизации и рационализации общественной жизни; 7) максимальное использование сверхприбылей «рациональной» внешней политики (колониализм, захватнические войны, протекционизм и др.) для обеспечения нужд национального индустриального, научно-технического и социального развития и др.

Следуя логике М. Тэтчер, можно обозначить пять основных («идеальных») факторов, сыгравших принципиальную роль в развитии и процветании капиталистического общества, впервые возникшего на Западе. Они включают: защиту частной собственности; благоприятное налогообложение и регулирование; законность; благоприятную для предпринимательства культуру; разнообразие независимых и конкурирующих государств.[1] Понятно, что в различных странах Запада эти факторы реализовывались и реализуются ныне с разной степенью эффективности. Еще большее разнообразие в развитии рыночного общества и его политико-культурной надстройки наблюдается в других (незападных) цивилизационных и социокультурных условиях, ценностных системах, религиях, традициях.

Современный Запад — это не просто географическое понятие, но и выражение того высшего на сегодняшний день экономического, научно-технического

[1] Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2003. — С. 452.

и политического уровня развития, без достижения которого ни одно общество не может считаться современным. Однако «быть современным» не обязательно означает быть нравственным и гуманным.

Характерные черты западной культуры и цивилизации:

1) характер связи «человек (личность) — общество». Для западной культуры характерен ярко выраженный антропологизм. Человек (скорее, частный собственник) признается мерой всех вещей. На первый план выдвигается индивидуальность, гражданин. Утверждается автономность личности и открытость общества. Государство хорошо постольку, поскольку обеспечивает существование «атомизированного» человека;
2) социально-психологические установки. Активное отношение к сущему, постоянная неудовлетворенность настоящим, склонность к постоянному поиску, уверенность в том, что новое будет лучше старого, распространен оптимизм;
3) специфика духовности как ценностного содержания сознания. Торжествует рациональность, неуемное стремление к познанию и овладению миром, преобладает вера в науку и технику, в возможность и необходимость переустройства мира, отношение к природе выражается в установках на ее покорение и эксплуатацию;
4) характер развития социокультурной системы. Быстрая, скачкообразная смена культур. Новое отрицает старое в самой сущности явлений и процессов культуры, основные компоненты социокультурной системы демонстрируют неспособность к адаптации нового без разрушения прежних структур и связей, культурные традиции могут «пресекаться» в течение одной смены поколений;
5) «свой» — «чужой» в условиях общеевропейской интеграции. Интеграционные процессы в Европе не снимают проблему национальной идентичности европейских этносов и их взаимоотношений между собой и «внешним миром». Европейские государства и раньше проводили строгую иммиграционную и культурную политику. Теперь они отгораживаются общими границами, пытаясь сохранить и приумножить, по сути, уже единое колоссальное материально-культурное достояние ЕС, обеспечить национальные интересы каждого его члена и всего сообщества в целом, создать условия для развития основных европейских субкультур.

В основе западной цивилизации постиндустриализма лежит постоянное, опережающее развитие науки, технологии, образования, приоритет теоретических знаний как источника инноваций и прикладных разработок в обществе. Общество все больше зависит от фундаментальных научных исследований, политики их реализации, функционирования обширного научно-технологического сектора экономики и обслуживающей его большой социальной группы научных работников. Другая отличительная черта цивилизации западного постиндустриализма—высокий уровень материального благосостояния общества, позволяющий его большей части адекватно удовлетворять высокие материальные потребности. Характерным для постиндустриального общества является быстрое и устойчивое развитие экономики услуг, которая вовлекает в себя более половины активного населения.

Успехи и пределы развития в условиях постиндустриализма во многом определяются комбинацией различных экономических, социальных и культурных форм, средств и принципов их реализации. Именно свободное развитие комбинаций, т.е. гибкость взаимосвязей, переход из одной формы в другую дает силу данной цивилизации.

В условиях постиндустриализма складывается новая модель труда, в основе которой лежит переход исполнительской деятельности от выполнения заранее определенных менеджментом «заданий» к осуществлению «функций», ориентированных на цели и общие указания, но без точного определения условий выполнения. Поэтому для данной модели характерны радикальное усиление роли трудовых мотиваций и приверженность ценностям коллективного труда. К ним, например, относятся распространение коллективных форм вознаграждения за труд, внутреннее регулирование его количества и качества в пределах рабочей группы, нормы мастерства, устанавливающиеся не управляющими, а наиболее опытными рабочими группы и т.д.

Центральное положение в системе производственных отношений приобретает не конфронтация, а конструктивный характер сотрудничества, что, впрочем, не отменяет забастовочных движений и акций протеста. Существенную роль при этом играет следующее. Во-первых, удовлетворение материальных потребностей трудящихся облегчает выработку компромиссных решений. Во-вторых, развитая сеть социального обеспечения включает до 85% граждан. В-третьих, рост культурного и образовательного уровня населения, уважения к труду, профессиональным знаниям и достоинству человека создают обстановку взвешенного и ответственного подхода к экономическим и иным требованиям как со стороны управляемых, так и с позиций управляющих, учитывающих конкурентно-финансовые, экологические и иные последствия возможных социальных конфликтов. Социальной базой консенсуса в сфере общественных отношений в постиндустриальном обществе являются общественно-политические ячейки и ipynribi средних по уровню доходов классово-конгломератных слоев населения, в состав которых входит и часть рабочего класса. Постиндустриальные государства с помощью соответствующей социальной политики стремятся не допустить слишком большого социального (имущественного) неравенства.

Важным фактором, определяющим состояние постиндустриальной цивилизации, является ускорение процесса раскрепощения личности. Складывается система гуманистических ценностных ориентиров, в основе которой лежит потребность в общественно-политических свободах, расширении гражданских прав и др. Одновременно в постиндустриальном обществе есть довольно могущественные силы, не заинтересованные в реализации этих ценностей. Борьба между гуманистической и индивидуалистически-авторитарной тенденциями развития опосредует весь генезис цивилизации постиндустриализма.

В условиях постиндустриального общества может крепнуть тенденция к усилению ответственности индивида, к расширению некоторых его прав, в том числе через приобретение собственности. Так, в ходе широкой приватизации в Великобритании (при М. Тэтчер) число держателей акций превысило число членов профсоюзов. В европейских постиндустриальных странах явно про-

сматривается сдвиг к индивидуальным формам деятельности. Раньше говорилось: «мы делаем для них», сегодня — «мы делаем для себя». Возрастание личностного начала — важная тенденция развития постиндустриального общества, которая с большим трудом пробивает себе путь. Индивиды создают свои образцы художественной жизни и публичной философии, бизнеса и политики, дистанцируясь от крупных социальных и политических институтов. Движения в защиту окружающей среды (феминистские, антиядерные) строятся на сознательном участии в них людей, стремящихся создать новую реальность, делающих ставку на личную ответственность. Возникает индивидуализм этической ответственности. В экономике выдвинут лозунг «малое — это прекрасно», отражающий недоверие к крупным корпорациям. Новые технологии — объективно источник повышения значимости индивидуума, способного концентрировать в своем уме продуктивную информацию и осуществлять гибкие и нетрадиционные решения, уметь оперировать ресурсами и людьми на грани риска. Причем женщины выступают на равных в информационных технологиях, производствах, требующих высокого уровня образования, увеличивают свое присутствие в способном к инновациям бизнесе, чаще занимают ответственные посты в политике.

Целесообразно отметить некоторые политико-культурные постмодернистские тенденции в развитии западной цивилизации. Среди них: возрастание значения культурного и политического многообразия и разнообразия политических субкультур, мезо- и микрокультур; ширящееся распространение политических ценностей постмодерна; актуализация проблем идентичности в политике; повышение роли личностных черт политики, социальной политики, идущей снизу; возрастание роли низовых демократических структур и политики горизонтального взаимодействия как на уровне гражданского общества, так и на низших и средних «этажах» государственной политики; развитие горизонтальных самоуправляющихся сетей и др. С другой стороны, многими авторами обращается внимание на опасность бюрократизации и корпоратизации западного общества, власти наднациональных структур над людьми.

Для постиндустриальной цивилизации характерна новая общественно-политическая структура гражданского общества, которая представляет собой многослойное, многогрупповое, плюралистическое, со множественными общественно-политическими ячейками сообщество. Его группы и организации обычно активно выступают в защиту своих интересов и ценностей. Гражданское общество имеет тенденцию к превращению в саморегулирующуюся систему межличностных отношений и гражданских институтов невластного характера. Эти институты возникают снизу, они направлены на решение задач самоуправления и призваны снять с государства ту часть функций, выполнить которые ему заведомо не под силу.

Между государством и гражданским обществом ведется «позиционная война», опосредуемая различными факторами. Государство активно регулирует гражданское общество, которое, в свою очередь, расширяется за счет развития отдельных сфер (массовая коммуникация, здравоохранение и т.д.) и ведет поиск новых форм автономии по отношению к государству. Дуалистическая структура (государство — гражданское общество) пронизывает все сферы обществен-

ной жизни, является ключевой для понимания особенностей постиндустриального развития. В этих условиях происходит раскол политики на малую и большую, культуры на массовую и высокохудожественную, дезинтеграция замкнутости частной жизни и открытой жизни общественной, личных, дружеских человеческих отношений и безличных деловых; дуализм характерен и для самих общественных классов, поляризующихся на экономическую, политическую господствующую элиту и «низы», на новый рабочий класс и кустарей, на прежние и новые средние слои и т.д.

В условиях постиндустриализма государство широко использует СМИ. Политические и экономические структуры навязывают (в частности, через рекламу) потребителю всевозможные излишества при игнорировании элементарных потребностей. Политико-административные и технические структуры, неокорпоративистские объединения, монополизируя информацию и знания, монополизируют экономическую и другие формы власти, навязывают свои интересы обществу. В этом смысле постиндустриальное общество — это медиатизированное общество, в котором возрастающую роль играет медиатизированный капитал.

В постиндустриальном обществе может проявляться тенденция к расширению демократии. В принципе существует определенная зависимость между уровнем социально-экономического развития и становлением демократических институтов. Либеральные политические институты (выборы в условиях конкуренции, многопартийность, оппозиция, парламентские дебаты, гражданские свободы и т.д.) в полном объеме функционируют в экономически развитых странах и хуже — в развивающихся государствах.

Во всех постиндустриальных странах сложилась система представительной, плюралистической демократии, которая выступает либо в парламентской, либо в президентской форме. Такое устройство в условиях современного воздействия научно-технической революции на общество и существующих вызовах времени в принципе является важной предпосылкой для дальнейшего развития демократической системы ценностей в обществе.

В то же время в постиндустриальных обществах существует угроза ослабления представительной системы и демократии в целом со стороны ТНК, теневого капитала, мощных групп давления и др. Возрастает роль неокорпоративизма в политике. Его основным признаком является такая организация политической жизни, при которой парламент, правительство и другие органы власти, по сути, оформляют соглашения, достигнутые неофициально, «за закрытыми дверями», между тремя «суперкорпорациями» — государственными структурами, капиталом (организациями бизнесменов) и профсоюзами (или другими общественно-политическими организациями). Причем речь идет, в принципе, о постоянно действующем механизме, который переносит результативные элементы политического процесса «со сцены за кулисы», лишая его демократического наполнения, выводит как из-под контроля средств массовой информации, так и из сферы партийных отношений.

В постиндустриальном обществе формируется достаточно негативное отношение к крупному капиталу. Недовольство крупным бизнесом и его критика концентрируется вокруг таких вопросов, как противодействие корпораций сни-

жению цен; плохое решение промышленными гигантами экономических и экологических проблем; приоритет краткосрочных интересов бизнеса над социальными и общенациональными интересами; угроза обществу со стороны большого бизнеса в силу усиления его политического влияния; укрепление монополистических отношений в военно-промышленном комплексе и его неподконтрольность обществу; наднациональный статус транснациональных корпораций, их закрытость.

Характерной чертой социального развития постиндустриального общества является зависимое положение «низшего класса», имеющего тенденцию к дальнейшему ухудшению своего положения и расширения рядов во времена кризисов. Этот класс являет собой неизбежную социальную составляющую постиндустриальной цивилизации, составляя не менее 20-25% населения. Причем значительную часть работников непрестижных сфер, «низшего класса» составляют представители национальных меньшинств и эмигранты. Здесь социальный «водораздел» все больше будет проходить через результаты получения качественного образования, которое стоит все дороже.

Особо следует отметить проблему возрастающего, многомиллионного социального слоя эмигрантов в Западной Европе, образующего собственные политические и иные субкультуры, которые весьма противоречиво вписываются в общественно-политическую жизнь континента. Иммигрантские общины в Европе уже сегодня включают миллионы выходцев из Турции, Северной Африки и других, которые сохраняют приверженность этническому менталитету, исламу. Вследствие высокой рождаемости они самовоспроизводятся и расширяются. Попытки европейских государств ограничить иммиграцию (в т.ч. и законодательно) пока успехов не приносят. В 1999 г. на территорию Европы проникло 500 тыс. нелегальных иммигрантов — десятикратное увеличение по сравнению с 1993 г. По мрачному для европейцев прогнозу Н. Эберштадта, эксперта Американского института предпринимательства, не исключено, что к 2050 г. на одного европейца будет приходиться не менее трех африканцев.

Еще одной проблемой для Европы стало быстрое старение ее населения вследствие снижения рождаемости. В результате этого происходит снижение качества обслуживания пенсионеров (падение уровня пенсий на 20-30%) и повышение в ряде стран пенсионного возраста до 60-65 или даже 65-70 лет (соответственно, у женщин и мужчин).

«Западная цивилизация, несмотря на все свое могущество и богатство, находится в глубочайшем упадке. Ее состояние можно назвать синдромом Чеширского кота — как этот кот, народы западной цивилизации тают на глазах».' Газета «Лондон Тайме» писала, что европейцы — это исчезающий вид.

Проблемы индивидуалистично-техногенной цивилизации во многом предопределены кризисным состоянием нравственности, морали, а шире — • ценностными ориентирами и установками жизни, ее смысла. Индивидуализированное, рационально-эгоистическое общество массового потребления западного типа создает необходимые предпосылки для удовлетворения в основном низших

' Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / пер. с англ. — М: АСТ, 2003. — С. 24.

(материальных) потребностей человека[1], что же касается высших, нравственных, то здесь очень много проблем.

Именно на материалах западной цивилизации было открыто и изучено такое явление, как ноогенные неврозы, которые возникают из ценностных конфликтов, утраты смысла жизни, экзистенциальной фрустрации и ведут к гибели вполне материально обеспеченных людей и прежде всего молодежи.

В формирующемся на Западе информационном обществе по идее должны цениться именно уникальные способности индивида, прежде всего творческие, интеллектуальные, нравственные. Важнейшей обязанностью такого общества становится поощрение разумной инициативы личности. С другой стороны, одной из причин кризиса западной цивилизации является то, что человек в постиндустриальном обществе вынужден не только перестраивать свои основные потребности, миропонимание, но и теряет привычную систему социальных ориентиров и связей. Социальные группы различных масштабов и уровней, разумеется, продолжают существовать, но существенно ослабевают связи между каждой из этих групп и входящими в них индивидами. Резко возросшие темпы социальных изменений лишают групповые связи человека былой устойчивости, однозначности, размывают реально переживаемую им социально-групповую идентичность. На место прежней изоляции групповых культур приходят возрастающее сближение, усреднение и интернационализация типов материального и культурного потребления, образов жизни, источников и содержания социальной информации. Эти тенденции, отраженные в концепциях «массового общества» и «массового человека», ставят индивида в ситуацию своего рода культурного и психологического одиночества: ведь «масса» и «массовая культура» амбивалентны, неустойчивы по сравнению с традиционными группами и их культурами, гораздо менее способны внушить человеку ясную систему ориентации, мотивов, ценностей. Но это одиночество — оборотная сторона автономии индивида, его возросшей свободы от какого-либо однозначного социального влияния.

Проникновение «информационной технологии» во все важнейшие сферы деятельности государства и корпораций, в торговлю, образование, в быт и семью, в сферу досуга кардинальным образом меняет экономическое, социальное и политическое значение знания, делает его реальной производительной силой общества. Новые технологии, перестраивая образ жизни, привносят вместе с тем немалые возможности для нарушения демократических принципов, свобод и прав человека, авторитарной корпоратизации общества. Так, «информационная картотека» на каждого жителя страны дает широкий простор для нарушения базовых принципов демократического устройства общества. Есть большие сомнения относительно возможности реализации принципа свободного доступа к инфор-

[1] Высокий уровень жизни части населения западных государств достигнут не только благодаря национальному производительному труду, но и корыстному использованию ими в своих интересах природных ресурсов большей части земного шара и соответствующего управления мировым рынком и процессами глобализации (См.: Валянский СИ., Калюжный Д.В. Понять Россию умом. — М, 2002; **Мартин Г.П., Шуманн Х.** Западня глобализации / пер. с нем. — М., 2001).

мации в развитых странах. Простые граждане, как правило, владеют отрывочной или тенденциозно подобранной соответствующими службами информацией.

В техногенной цивилизации существует два типа трудовой этики: поведение и труд, ориентированные на «выигрыш» любой ценой, получаемые как результат обмана других людей, и дух честного, ответственного труда, отношения к своим обязанностям. Мы согласны с тезисом М. Вебера о том, что человечно лишь второе направление: формирование трудовой мотивации нового тина, соответствующей условиям современного общества и опосредованной принципами гуманизма.

Западное государство навязывает консьюмеристский, потребительский, в какой-то мере «одномерный» образ жизни. Его характеризуют значительная роль массовой культуры, распространение стандартизированного типа человека, «человека организации», склонного к конформизму и делячеству. Происходит проникновение коррупции во все сферы жизни, ее адаптивность к культуре. Особенно опасны последствия коррупции в сфере морали и нравственности.

Наблюдаются также прерывность ряда традиционных социокультурных связей; синдром неуверенности (страха), культурный «разрыв» между поколениями; наложение и противоречия трех «цивилизационных» субкультур (доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной), вертикальных социально-стратификационных субкультур (от «верхнего» к «нижнему классу»), горизонтальных субкультур — национально-этнических, конфессиональных, локально-территориальных, внутримолодежных и т.д.

Сегодня западные постиндустриальные страны, руководствующиеся принципами «индивидуального успеха», оказались перед дилеммой: или следовать им дальше, обостряя проблемы глобального характера (прежде всего экологические), а также социальной сферы, или пойти на добровольное ограничение доходов, инвестируя их на образование, профессиональное обучение, фонды социального развития и различные программы мобилизации человеческого капитала, брать курс на формирование более гуманных отношений в обществе с акцентом на социальную защиту слабых, не говоря уже о многомиллиардных затратах на охрану и восстановление окружающей среды.

Кризисные аспекты западной цивилизации лежат не только в технологическом, социальном и нравственном детерминизме индивидуалистического характера. Они присутствуют и в чисто политической сфере. Характерно появление новых социально-политических альтернативных движений, не приемлющих индивидуалистические ценности западной цивилизации. Возрастает роль действительного волеизъявления народа на выборах.

Новые социальные субъекты не связывают себя с государственной жизнью, а стремятся решать собственные насущные проблемы. К примеру, женское движение отстаивает права женщин не только в плане расширения их политических возможностей, но и в области перестройки всей сферы семейных отношений. Низовые христианские общины отказываются от вертикальной социальной организации, стремятся в своей повседневной деятельности быть независимыми от партий, государства и даже церкви. Или движение экологистов — они пытаются не просто оградить природу от уничтожения, но и создать новый тип

общества, новые социальные формы организации жизни людей в согласии со средой обитания. Ширятся антиглобалистские и пацифистские движения.

Происходящие изменения в направлении постиндустриализма амбивалентно воздействуют на отношение людей к политике. С одной стороны, благодаря расширению коммуникаций, распространению СМИ и непрерывному росту уровня образования, возрастает и политическая компетентность населения, особенно в плоскости его непосредственных жизненных интересов. Политическая незрелость людей все больше уступает место дифференцированному восприятию политики и растущей потребности влиять на политическую жизнь. С другой стороны, уровень участия в политике коррелируется такими факторами, как образ жизни, статус, профессиональная принадлежность и др. Чем ниже указанные социальные характеристики и роли, образовательный и культурный уровень, тем слабее интерес и участие в политике соответствующих ее субъектов. Если в постиндустриальном обществе с экономической точки зрения до 30% его участников чувствуют себя материально неблагополучно, то и с политической процент отчужденных не меньше.

В условиях постиндустриального общества действует тенденция к снижению «легитимности» политической власти, снижению интереса к государственной политике, если она не затрагивает насущных нужд. Неспособность государства предложить решение назревших проблем, оторванность от реальных проблем, коррупция и бюрократизм, невозможность для простого человека без поддержки политических спонсоров или массовых общественных организаций «войти во власть» пробуждают негативные чувства по отношению к официальным структурам. В постиндустриальных странах 30-35% избирателей обычно не принимают участия в общенациональных выборах. В то же время в региональных или локальных избирательных кампаниях, где острее затрагиваются интересы жителей определенной местности или представителей определенного социального слоя, активность электората может быть более высокой.

Потребности современных людей все больше сосредоточиваются на конкретных вопросах их существования и на тех сферах, на которые они могут воздействовать. Готовность к созданию неформальных объединений в защиту прав или интересов различных социальных и иных групп достаточно характерна для значительной части населения постиндустриальных стран, хотя степень ее «вызревания», разумеется, колеблется в силу различных причин.

Поиск подходов к преодолению редукционизма техногенно-индивидуалистической цивилизации можно начинать с анализа личностного смысла трудовой и политической деятельности человека, его положения и возможностей раскрытия своих способностей в обществе, уровня и степени его гуманизма. Второе направление поиска — это развитие нового типа социальных связей при сохранении традиционного института семьи. Автономный человек, в значительной мере утративший свои групповые связи, стремится включиться в новые социальные общности, ищет в них поддержку, «проверяет» свои жизненные ориентации и ценности. В этой связи повышается роль семьи, родственных отношений, различных неформальных объединений и групп по интересам. Третье направление — это формирование и развитие новых политических движений, органи-

заций и групп на демократической основе как дифференцированных по интересам, так и объединяющих людей, выступающих за справедливое решение глобальных, общенациональных проблем. Четвертое (традиционное) — совершенствование традиционных демократических институтов, особенно важное в связи с интеграционными процессами в «объединенной Европе» и во многом независимой от европейского общества противоречивой ролью бюрократии европейских наднациональных структур.

В целом для «идеальной модели» западной политической культуры наиболее характерны следующие черты особенности:

1) устойчивые традиции политической демократии;
2) преимущественно «партисипаторная» модель участия;
3) индивид — основной элемент политики;
4) индивид с недоверием относится к «большой политике», но воспринимает правила участия в ней в соответствии со статусными и иными характеристиками;
5) западные религии формируют открытый тип участия в политике;
6) существование общенационального консенсуса по ряду базовых политических ценностей;
7) распространенность модернизма и элементов постмодерна в общей и политической культуре;
8) возрастание роли политических лидеров в силу личностных факторов, распространения СМИ и усложнения политического развития;
9) наличие «солидного» среднего класса и соответствующего его интересам политического менталитета;
10) консенсус в отношениях государство — гражданское общество;
11) слабое восприятие ценностей восточной политической культуры при усиливающемся интересе к Востоку в целом.

2. Особенности политической культуры Западной Европы

Любой политической системе общества соответствует определенная базисная модель политической культуры, которая проявляется в тех или иных своеобразных национально-этнических и иных формах. Так, в Западной Европе наблюдается значительное разнообразие национальных форм политической культуры: английская, германская, французская и др. Вместе с тем они выступают как национальные разновидности демократической модели политической культуры, характерной как для всего западно-европейского цивилизационного ареала, так и для его «второй волны» в Новом свете (США, Канада), «третьей» — в других регионах планеты (Австралия и др.).

Основные факторы и этапы формирования и развития западной демократической модели политической культуры связаны с основными периодами становления и эволюции гражданского общества и правового государства. В основе западной матрицы политической культуры лежит особое политико-культурное миропонимание, в котором свободный индивид признается в качестве самостоятельной единицы социального действия. Важным ее компонентом является также

идея идеологического, политического и экономического плюрализма, составляющего необходимое условие для становления сильного гражданского общества. Всесторонне развитое гражданское общество, в свою очередь, предполагает рациональную политическую демократию, правовое и социальное государство. Считается, что свобода, равенство, конкуренция и индивидуализм в условиях рыночных отношений, опосредуемых гражданским обществом, а также их необходимая регуляция со стороны правового государства способны обеспечить социальную стабильность и прогресс.

Иначе говоря, алгоритм западной либерально-демократической модели политической культуры представляет собой взаимосвязи следующих феноменов и их проявления: 1) свободные индивиды (граждане), составляющие значительную часть населения; 2) устойчивые традиции плюралистического, рационального мышления и поведения; 3) сильное гражданское общество; 4) развитое правовое (социальное) государство.

Для подавляющего большинства граждан западных стран в целом характерна приверженность основополагающим принципам и ценностям существующей политической системы. И хотя, разумеется, существует известное критическое отношение значительных категорий населения, большая часть его не ставит под сомнение легитимность существующего политического устройства общества.

Несмотря на различия, порой серьезные, по широкому спектру взглядов и концепций общественного и государственно-политического устройства, большинство политически активного населения стран Запада традиционно разделяет идеи конституционализма, индивидуализма, политического плюрализма: свободу вероисповедания, свободу слова и печати, предпринимательства, частной инициативы, собственности и т.д. Эти принципы признаются и большинством ведущих социальных сил и движений. В результате для современной западной культуры характерно разрешение разнообразных конфликтов правовыми методами в рамках признанных обществом законов.

В западной политической культуре принципиально важна идея рационального и широкого представительства интересов индивидов и их групп, а также, соответственно, выборности субъектов всех уровней представительной власти и управления. Важную роль в агрегации и реализации разнообразных потребностей и интересов субъектов политики играют политические партии, многочисленные общественные организации и группы давления. Для западного гражданина самоочевидной истиной являются право участия в политическом процессе, соблюдение определенных правил игры между политическими партиями, разного рода заинтересованными группами, ротация власти в процессе всеобщих выборов на всех уровнях власти, другие нормы и принципы парламентаризма и плюралистической демократии.

Демократические системы сохраняют жизнеспособность и эффективно функционируют в силу активного участия граждан в делах общества, обеспечения определенного уровня информации о состоянии общественных дел и распространенного чувства гражданской ответственности. Ни одно демократическое правительство не может завоевать власть без согласия и доброй воли большинства избирателей. Традиции западной политической культуры предполагают

соблюдение и правительством, и оппозицией «правил игры», суть которых состоит в общепринятом согласии на мирную передачу власти одной (побежденной) партии (политической коалиции) другой (победившей) партии (политическому блоку) в ходе избирательного процесса. Для политической культуры Запада характерна открытая конкуренция с целью завоевания тех или иных правительственных постов и контроль над деятельностью тех, кто находится у власти.

Важно отметить, что именно через институт демократических выборов и избирательный процесс политическая (электоральная) культура эффективно воздействует на политическое поведение граждан и последующее политическое развитие. В западных культурах акцент делается не столько на широком участии масс в принятии политических решений, сколько на процедурах и условиях, обеспечивающих конкуренцию, плюрализм, согласование позиций элит, групп интересов и др.' Сам факт участия в выборах многими гражданами Запада понимается как своеобразное ритуальное подтверждение ценностей свободы и демократии.

Вместе с тем в развитых странах Запада обычный гражданин в повседневной жизни при нормальных условиях редко соприкасается с государством, зачастую имея весьма смутное представление о политических событиях, происходящих в центре, за пределами своей общины, деревни, городка. Общеизвестен тот факт, что европейцы по активности участия отдают предпочтение органам местного самоуправления (провинции) перед центральными правительствами.

Один из принципиальных выводов Декларации о регионализме, инициированной Ассамблеей регионов Европы (1996 г.), состоит в том, что регионы являются необходимой составной частью демократии, децентрализации и самоопределения. В этом документе провозглашен принцип субсидиарности, понимаемый как «принцип приоритета прав и интересов личности перед правами и интересами любой общности, приоритета (при прочих равных условиях) более мелкой, ранее образованной и близкой к личности общности по сравнению с общностью более крупной или общностью более высокого уровня».[2]

Либерально-демократическая модель политической культуры включает принцип «согласия не соглашаться» с мнениями и позициями других членов или групп общества. В таком случае при решении сколько-нибудь значимых проблем в идеале отвергается волевое навязывание позиций одной части общества другой его части. Именно поэтому в западной политической культуре такое большое значение придается различным процедурам согласования и принятия решений, толерантному политическому поведению, поиску различных консенсусных моделей управления и политического участия.

В либерально-демократической модели политической культуры политическому плюрализму соответствует идеологический и религиозный плюрализм. В западной цивилизации идеология и религия формально отделены от государства. Однако они оказывают значительное воздействие на формирование политических ориентации и взглядов граждан этих государств. Либерально-демократическая, консервативная и социалистическая идеологии, а также христианская

' Даль Р. О демократии / пер. с англ. — М.: Аспект-Пресс, 2000. — С. 106-109.

[2] Международная жизнь. — 1997. — № 9. — С. 99-100.

религия (в протестантской и католической формах) выступают как признанные политические ценности больших социальных групп стран Запада.

Политическая культура отдельной страны, как правило, формируется в процессе переплетения различных ценностных ориентации и способов политического участия граждан, национальных традиций и обычаев общественного признания человека, доминирующих форм общения элиты и электората, а также других обстоятельств, выражающих устойчивые черты цивилизационного и политического развития общества и государства.

Так, например, политическую культуру Великобритании отличает всеобщность базовых (традиционных) политических ценностей, высокий уровень легитимности властей и ответственности элит за свои действия, особая почтительность граждан к символам государственности (монархии в лице королевы), склонность к минимизации конфликтов и поиску согласия между политическими силами, распространенное восприятие британцами двухпартийной системы (берущей начало еще от тори и вигов) как оптимальной для страны и др.

Со временем монархические чувства британцев эволюционировали, и в настоящее время монарх для них — это символ нации и верховный государственный служащий. Равенство прав для британцев свято. Но «равенства результатов» они не приемлют. В отношении британцев к монархии и религии проглядывает их отношение к авторитету вообще, к инакомыслию, к свободе совести, что важно для понимания происхождения таких черт их политической культуры, как стремление к компромиссу, терпимость.

Неоценимую роль для политической культуры Великобритании играет ее парламент. В британской политической культуре и на уровне элиты, и на уровне масс принято, что меры государственной политики не считаются легитимными, пока не одобрены парламентом. Законопослушание и рационализм англичан во многом определяются их общей культурой и традициями. Характерно, что конституция в Великобритании носит неписаный характер (представляет собой обширный свод важнейших деклараций, соглашений и т.д.) и ведет свое начало с таких всемирно известных документов, как Великая хартии вольностей (1215 г.), Хабеас корпус акт (1679 г.), Билль правах (1689 г.). Она как бы вобрала их основные идеи и положения. И для политического менталитета англичан вполне достаточно обычая и традиции (не говоря уже о прецедентном праве), чтобы строго им следовать.[1]

В современных условиях в связи с расширением границ общеевропейского содружества в Великобритании происходят изменения в понимании национальной идентичности. Если раньше британцы ассоциировали себя с Содружеством наций, то теперь с континентальной Европой, полагая, что «особые отношения с США» важны, но Европа — ближе. Английская молодежь тяготеет к Европе сильнее, чем пожилые британцы: более половины ее считают себя европейцами.

Политико-культурный облик Германии отличают высокий уровень правовой культуры, внимательное отношение к политико-правовым и моральным нормам политического поведения, ответственность элит и простых граждан за

[1] Miall A., Milsted D. The Henophobes Guide to the English. — Oxford, 1993 — P. 34-36.

исполнение своих обязанностей и т.д. Отличительной чертой культуры обычного немца является не только то, что он обычно аккуратно следует букве закона и требованиям морального долга, но и часто публично высказывает свое неодобрение тем, кто, по его мнению, уклоняется от этих императивов.'

Важную роль в германской политической культуре играет система демократических моральных, правовых и политических ценностей, разделяемых большинством общества.

В.В. Путин: «Концепция восстановления Германии после войны начиналась именно с определения новых моральных ценностей общества».[2]

Для германской культуры характерно активное участие электората в выборах в рамках установленных «правил игры». Исследователь Дж. Роберте справедливо относил к числу факторов, обеспечивших экономический расцвет Германии и ее политическую стабильность, «господство легальных средств ведения борьбы и повышение степени участия граждан в политике».[3]

Политическая культура Германии являлась одной из важнейших составляющих политического равновесия в течение всей истории ФРГ, а сегодня она во многом претендует на роль европейского образца социального компромисса и культуры гражданственности. Говоря о современной политической культуре ФРГ, можно выделить и такую ее черту, как тягу основных социально-политических сил страны к политическому центру, их стремление к разумному консенсусу в решении основных политических проблем. Ее партийная система, основу которой составляют чередующиеся у власти две крупные политические партии (СДПГ и ХДС/ХСС) и небольшие организации (СВДП, «зеленые» и др.), успешно функционирует на политико-культурном поле.

С объединением двух германских государств и процессом европейской интеграции в ФРГ формируется новый коллективный менталитет, обязанный своим появлением сложному взаимодействию национального и общеевропейского самосознания немцев, которое пока еще подразделяется на ментальность «западных» и «восточных» немцев («осей» и «весси»), сложно взаимодействует с культурами иностранных рабочих и иммигрантов.

Известный немецкий исследователь, Президент Международной ассоциации политической науки М. Каазе отмечал в своих работах, что среди западного населения современной Германии в отношении восточного существует стереотип о том, что последние якобы хотят жить, как в ФРГ, а работать, как в ГДР. «Западные» немцы не ощущают значительного разрыва между представлениями о демократии и ее реальной немецкой моделью, а «восточные» испытывают дефицит социальной защиты, большей роли государства, потребность в плебисцитарных формах участия. Демократией вполне удовлетворе-

[1] **Зайдениц Ш., Баркоу Б.** Эти странные немцы / пер. с англ. — М., 2001. — С. 26-28.

[2] От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным / под ред. Н. Геворкян и др. — М.: Вагриус, 2000. — С. 175.

[3] **Roberts G. K.** An introduction to comparative politics. — L., 1986 — P. 199.

ны 14% «западных» немцев, и только 4% «восточных» относятся к ней терпимо, соответственно, 59% и 49%, относятся отрицательно — 27% и 47%.'

Для политического развития Франции, Италии и Испании характерны политическая мозаичность и традиционная многопартийность. В этих обществах, с одной стороны, существуют значительные группы лиц, разделяющие консервативные ценности, с другой — есть социальные группы, представители которых из поколения в поколение придерживаются «левых» взглядов. Однако указанная амбивалентность общественного сознания находит определенное «разрешение» в признании большей частью граждан этих стран демократических ценностей: во Франции — в поддержке политического (государственного) устройства общества в форме президентской республики, в Италии — парламентской республики, в Испании — парламентской монархии.[2] Для политического сознания и культуры этих стран характерен динамизм. Так, на рубеже XXI в. в определенных социальных слоях Франции, Италии и некоторых других странах Западной Европы получили распространение националистические идеи и лозунги, что выразилось в значимом увеличении числа голосовавших на парламентских выборах за кандидатов и партий националистического и даже неонацистского толка. В то же время, если речь идет о принципиальном выборе курса развития, большая часть населения этих государств поддерживает традиционную линию существующих политических структур и порядка.

В Западной Европе есть ряд небольших стран с фрагментированными политическими культурами, но с высокой степенью политической стабильности. Например, т.н. консоциативные (сообщественные) демократии в Австрии, Нидерландах, Швейцарии и Бельгии являются фрагментированными в том смысле, что они состоят из нескольких взаимодействующих и одновременно конфликтующих (в рамках закона) друг с другом субкультур.

Культура сообщественного правления «соединяет в одном демократическом государстве людей, разделенных разным происхождением и разным мировидением (даже если разница определяется только языком)».[3] Сообщественная демократическая модель организации общества отличается двумя главными особенностями: во-первых, вертикальной сегментацией их населения на различные языковые, религиозные, этнические, расовые или идеологические общности; во-вторых, институционализацией процесса их взаимодействия, которая осуществляется на уровне элит этих общностей. Сообщественная демократическая политическая культура как бы дополняет известную типологию гомогенных либо гетерогенных политических культур. Опыт политического развития рассматриваемых стран показал, что достижение социального согласия возможно и в сегментарных обществах. Культура политического согласия достигается

' **Kaase, Max.** German Unification 1990-1997 гг.: The Long, Long Road // Globalization, Governance and Identity. The Emergence of New Partnerships. Ed. by Guy Lachapelle, John Trent, Les Presses de L'Universitte de Montreal, 2000. -— P. 170.

[2] Конституционное право зарубежных стран. Особенная часть. Страны Европы / отв. ред. Б.А. Страшун. — М.: БЕК, 1997.

[3] **Лейлхарт А.** Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование / пер. с англ. — М., 1997. — С. 21.

при следующих условиях: осуществление власти «большой коалиции» всех значительных сегментов многосоставного общества; пропорциональное представительство сегментов общества во всех ветвях государственной власти; взаимное вето и высокая степень автономности сегментов общества. В противовес мажоритарному принципу здесь действует принцип размерности. Так, например, в Бельгии, где основное разделение общества происходит по языковому принципу, конституционной реформой 1970 г. было установлено, что каждое правительство независимо от своей политической окраски должно включать равное число представителей общин, говорящих на французском и фламандском языках.' Из большой коалиции и принципа размерности вытекает принцип пропорционального представительства. Каждый лагерь представлен в различных институтах власти пропорционально количеству поданных за него голосов. Право вето для всех сегментов многосоставного общества является гарантией защиты их жизненно важных прав.

В целом политико-культурная модель сообщественной демократии представляет собой модель развития ряда государств (и не только европейских), отличающихся многосоставным характером общественной структуры, где хотя общество и разделено на множество сегментов, но их институты и культуры позитивно взаимодействуют (прежде всего по горизонтали) в парадигме традиционного политического, институционального и культурного плюрализма.

Политическая культура общества и его субъектов опосредованно или непосредственно (как электоральная культура) влияет на характер политического участия. Используя сравнительный анализ социодинамики политических культур в странах Западной Европы за последнюю треть века, можно сделать следующие выводы о тенденциях их развития и влияния на участие граждан в политике.

Во-первых, период конца XX — начала XXI вв. в характеризуется определенной популярностью и расширением значимости социал-демократических, экологических и новых протестных (в т.ч. антиглобалистских) движений в ряде стран Западной Европы, нахождением у власти социал-демократических партий в Великобритании, ФРГ, некоторых Скандинавских стран.

Во-вторых, «гражданская культура», для которой характерно доверие населения к представителям власти и сравнительно высокий уровень интереса рядовых граждан к политике, остается не только основным типом политической субкультуры в англосаксонских странах, но стала в современных условиях наиболее распространенной и в ФРГ. Эта культура наиболее распространена среди состоятельных лиц, людей с высшим образованием и мужчин.

В-третьих, к концу XX в. в англосаксонских странах несколько расширился ареал «автономной культуры», для которой характерно отсутствие доверия властям при незначительном интересе к политике.

В-четвертых, в романских странах ареал пассивных культур («приходской» и «подчинения») уменьшился, они стали играть менее значимую роль в политике.

[1] Конституции государств Европейского союза / под ред. Л.А. Окунькова. — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. — С. 126-129.

В-пятых, культуры «клиентистская», «приходская» и «подчинения» (отличающиеся низким интересом к политике) по-прежнему в наибольшей степени представлены в низших социальных классах в странах Западной Европы.[1]

Понятно, что распространенность определенных типов политических субкультур, так же как и устойчивой политико-культурной ориентации, среди различных социальных групп населения различны и зависят от целого ряда факторов.

Политические ориентации индивидов, как известно, во многом зависят от их социоэкономического статуса, образования, возраста и пола, социального окружения, характера политической социализации в обществе и группе, наконец, от индивидуально-психологических особенностей восприятия политических реалий.

От каких же социокультурных и политических факторов зависит влияние рядового гражданина? Целесообразно в первую очередь обращать внимание на следующее:

1) уровень воздействия личности на политическую жизнь, определяемый состоянием и степенью развитости сознания индивида, его политического мышления, политической культуры, силы характера, политической воли, других психологических качеств;
2) степень и масштабы активности личности, т.е. с какой вовлеченностью, напряженностью и последовательностью она использует возможности политического влияния, связанные с осуществлением ее социально-политических ролей: избирателя, избираемого, лидера, оппозиционера и т.д.;
3) социальный статус личности (классовая принадлежность, профессия, место в профессиональной и социальной иерархии, степень жизненной зрелости) и связанные со статусом шансы участия и влияния в политической жизни общества;
4) связанное с социальным статусом объективное вовлечение личности в конкретные социальные противоречия и конфликты, связь ее собственных интересов с гармонизацией многочисленных и конкурирующих групповых и общенациональных потребностей;
5) объем и социальная значимость выполняемых социальных ролей, степень и эффективность исполнения требований, связанных с этими ролями, коррелируемая личностным началом и др.

В обществе могут существовать также и различные социокультурные и политические Офаничения политического участия. Примером таких ограничений могут быть фупповые привилегии, вытекающие из характера власти в обществе, различного рода цензы: образовательные, вероисповедные, национально-этнические, расовые, идеологические, партийные и др., офаничение, искажение и селективное распространение публичной информации правящими кругами и др. Наряду с этими целевыми офаничениями могут иметь место и объективные препятствия в виде фуза традиций (отсутствие демократического опыта политического развития), исторических образцов спонтанной фажданской инициативы и т.д.

Важнейшими причинами, офаничивающими участие в политике, являются Офаничения, налагаемые правительством на свободу слова и выражение лич-

[1] Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Сравнительный анализ политических культур. Международные сравнения. — М, 1998. — С. 190-193.

ных взглядов. Однако существуют и иные обстоятельства, снижающие уровень политического участия. Так, своим окружением индивидуум может быть лишен стимула к участию в политической жизни. Далее, на него может подействовать слабая политическая активность со стороны других членов сообщества. Наконец, он может принадлежать к группе, в которой политическая апатия фигурирует в качестве позитивной модели поведения.

При осуществлении выбора при голосовании избиратель обычно голосует за кандидата, по отношению к которому у него сформировалось максимум благоприятных установок (симпатии, одобрение, вера). К этому же ряду относятся соответствующая партия, уважение и принцип «полезности» или «целесообразности» голосования для самого избирателя.[1]

Очевидно, что чем больше в обществе существует возможностей для политической активности и выбора, с одной стороны, и чем выше собственная сознательная активность гражданина — с другой, тем больше его роль (с учетом личностных способностей и умений) в политической жизни общества. Границы и наиболее широкую в данных условиях сферу участия личности в политической жизни определяет система нормативной регламентации социальной жизни общества — правовая система общества и в целом правовая культура, которыми определяются допустимые нормы политической активности. Другими словами, социальный и правовой статус личности получает конкретизацию в ее правовом статусе гражданина. Основным измерением правовой и политической субъектности личности являются ее гражданские права и обязанности, их правовые гарантии.

На становление культуры политического участия влияет ряд обстоятельств. Выделяют следующие степени вовлечения в политическую деятельность: а) интерес гражданина к происходящим событиям; б) озабоченность, т.е. осознание гражданином степени важности политического решения; в) информированность — степень осведомленности гражданина в политической области; г) активность как характеристика прямого участия в политике.

Можно привести сводную схему, характеризующую степень политической вовлеченности граждан в зависимости от ряда их социокультурных характеристик.

Влияние социокультурных факторов на политическое участие

Образование: имеющие более высокий уровень образования активнее участвуют в политике (подтверждено в Великобритании, Франции, Италии, Финляндии).

Город — деревня: фермеры менее склонны проявлять политическую активность, чем горожане (подтверждено в Великобритании, Дании, Швеции, Финляндии).

Социальная вовлеченность: члены профсоюза более заинтересованы в политическом участии, имеют более устойчивые убеждения (подтверждено в Великобритании, Швеции и др.). Более широкое участие в добровольных ассоциациях связано с большей активностью в политике (подтверждено в Великобритании, Франции, Германии).

[1] **Цукерман А.** Введение в политический анализ / пер. с англ.; под ред. В.С. Комаровского. — М.:РАГС, 1995.— С. 116.

Материальное состояние и статус: лица с более высоким социальным статусом и материальным положением активнее участвуют в политике, чем лица с низким статусом и доходами, а интересуются ей на кратные порядки больше.

Место жительства: чем больше продолжительность проживания в данной местности, тем больше вероятность их участия в политике (подтверждено в Великобритании, Финляндии).

Цикл жизни: с возрастом участие становится более зрелым, однако после 60 лет оно снижается (подтверждено в Великобритании, Финляндии, Норвегии. Во Франции и Великобритании наиболее апатичную группу составляют молодые неженатые граждане, которые лишь частично интегрируются в свое сообщество. Наиболее активное участие характерно для женатых мужчин, не имеющих детей).

Принадлежность к полу: мужчины более склонны участвовать в политике, чем женщины, однако в последние годы возросла роль последних в инновационных сферах бизнеса и управления.

Религиозная, расовая и этническая принадлежность: иммигранты в Европе участвуют в политике в целом меньше, чем коренные жители; религиозная вера не является определяющим фактором политического участия в обычных европейских условиях.

Рассмотренные факторы и обстоятельства показывают принципиальную важность анализа социокультурной детерминации политического поведения с учетом их различий в тех или иных странах. Кроме того, следует учитывать, что не все люди остаются на тех же позициях в течение всей жизни, они могут менять свой статус, образ и характер своего отношения к политике. На политическое поведение людей могут существенно влиять обстоятельства чрезвычайного характера, их постоянное окружение. В разных странах Западной Европы в силу действия разнообразных социокультурных, политических и психологических причин и факторов участие в политике по ряду параметров может существенно различаться. Однако основные доминанты политического участия, во многом определяемые политической культурой, остаются в силе. В целом для Западной Европы характерна модель демократической, партисипаторной политической культуры, опосредуемая в каждой конкретной стране широким комплексом социально-этнических, цивилизационных, политических и международных (глобализационных) факторов.

Ключевые понятия

западнизм, феномен западнизма
политическая культура Запада
сообщественная политическая культура
ценности западной политической культуры
гражданская политическая культура
партисипантная политическая культура
политическая культура Европейского сообщества
техногенно-индивидуалистическая цивилизация
постиндустриализм
политическая культура постмодерна
консьюмеристская культура
протестантская этика
авантюристический капитализм (его этика)
производительный капитализм (его этика, культура)

Вопросы для самостоятельной работы

1. Каковы цивилизационные основы политической культуры Запада?
2. Перечислите характерные черты западной политической культуры?
3. В чем особенности политической культуры Запада?
4. Почему в политической культуре Западной Европы распространены социал-демократические ценности?
5. Каковы проблемные стороны политической культуры стран Западной Европы?
6. Охарактеризуйте национальные особенности политических культур Западной Европы.
7. В чем сущность консенсуальной (сообщественной) модели политической культуры?
8. Каково влияние политической культуры на характер политического участия в Западной Европе?
9. Какова роль новых политических ценностей в западно-европейской политической культуре?
10. Охарактеризуйте базовые политико-культурные ценности западно-европейского сообщества.
11. Какие из них могли бы быть некими ориентирами для современной России, а какие — нет?

Глава 7
Политическая культура американского общества

С. Фол: «Американцам очень важно быть самыми-самыми. Победа важна американцу, потому что у победителя, как правило, все замечательно. Американцы всегда пытаются увидеть во всем светлую сторону, даже если ее нет, и отыскать в любой неприятности что-нибудь хорошее».

Г Алмон: «Острое чувство патриотизма американцев — пример того, как культурные нормы могут формировать политическую жизнью».

С. Хантингтон: «Патриотизм и религия — центральные элементы американской индивидуальности и самобытности».

Г. фон Кайзерлинг: «Американская цивилизация остается в высшей степени пуританской. В США господствующей стала связь идей земного воздаяния героизма и успеха».

Джордж Уокер Буш, 43-й президент США: «Пусть не заблуждаются враги свободы и нашей страны: участие Америки в мировых делах определено историей и ее выбором и всегда направлено на поддержание баланса сил в интересах свободы. Мы будем выступать от имени ценностей, давших жизнь нашей стране».

Э. Фавсет, Т. Томас: «В Америке столь много адвокатов потому, что ее граждане так упорно и последовательно отстаивают свои права».

У. Дюбуа: «Если демократия ограничивает права людей в зависимости от цвета кожи, расы или достояния, она не может быть совершенной».

М. Твен: «Обитатели нашей страны обладают тремя неописуемо драгоценными сокровищами: свободой слова, свободой совести и благоразумной осторожностью в пользовании ими».

Дж. Кеннеди: «Если свободное общество не сможет помочь многим бедным, то оно не сможет защитить и немногих богатых».

Б. Грэм, американский проповедник: «В технике мы уже сверхчеловеки, а в области морали еще не стали людьми».

«Революция Иисуса»: Бог был американец, так как он умел рекламировать себя.

М. Монро: «Голливуд — это такое место, где вам заплатят 50 тысяч долларов за поцелуй и 50 центов за душу».

Речь 42-го президента США Б. Клинтона в Портлендском университете, 1998 г.: «Приближается время, когда американцы европейского происхождения окажутся в меньшинстве. Сегодня, в первую очередь благодаря иммиграции, мы не найдем преобладающего народа ни на Гавайях, ни в Хьюстоне, ни в Нью-Йорке. В течение пяти лет исчезнет преобладание одного народа над другими в нашем крупнейшем штате Калифорния, а затем и во всех Соединенных Штатах. Ни одна нация не переживала такого глобального демографического сдвига в такие короткие сроки».

1. Характерные черты политической культуры США

В различающихся социокультурных и цивилизационных условиях политический генезис общества происходит по-разному. Каждая отдельная цивилизация отражает уникальность соответствующей национально-культурной и политической традиции. Особый интерес представляет исследование генезиса политической культуры Соединенных Штатов Америки — ведущей мировой державы в начале XXI в.

США — четвертое по размерам территории государство в мире после России, Китая и почти равное Канаде, «охватывает» пять часовых поясов. Включает 50 штатов и федеральный округ Колумбию, «присоединившееся государство» Пуэрто-Рико, Виргинские о-ва в Вест-Индии, Вост. Самоа, Гуам и другие острова в Океании. Управляет островами в Микронезии. Население составляет 280 млн человек. Оно первоначально формировалось за счет массовой иммиграции (главным образом из Европы) и ввоза негров-рабов. В этнический спектр наряду с белыми и афро-американцами входят испаноязычные американцы (выходцы из Латинской Америки) и народы коренного населения Америки — индейцы, эскимосы, алеуты. Верующие — главным образом протестанты (66%) и католики (26%). Девиз страны — «In God We Trust» — «На Бога уповаем».[1]

Существенное значение для изучения американской политической культуры имеет понимание как базовых характеристик и ценностного ряда общей культуры США, так особенностей их цивилизационного развития.

Многие исследования политики и культуры Соединенных Штатов Америки начинаются с анализа щгаилизационных основ американского общества. В рамках данного подхода, например, написан учебник американского ученого К.Э. Лэдда «Американский народ и как им управляют». Указанная работа начинается с анализа вклада выдающегося французского социального мыслителя, члена Французской академии наук А. де Токвиля в исследование специфики возникновения и развития американской цивилизации, ее политической культуры, нравов и традиций, их воздействия на политический процесс и управление в Соединенных Штатах Америки.[2]

[1] Америка. Энциклопедия повседневной жизни / под ред. Л.М. Гейман. — М., 1998; Страны мира. Справочник. — М., 2002 и др.

[2] **Ladd** E. C. The American Polity. The People and Their Government. — N.-Y. — L., 1986. — P. 11.

В этой связи необходимо обратить особое внимание на то, что в своем фундаментальном исследовании «Демократия в Америке», написанном на основе его собственных наблюдений американского образа жизни, А. де Токвиль один из первых поставил задачу исследования цивилизационных и социокультурных основ политической демократии в Соединенных Штатах Америки. Он обратил особое внимание на то, что необходимо изучать не только политические институты, но и политическую веру, образ политического поведения граждан США.[1] Данный подход получил широкое распространение и признание в современной науке.

В ряде научных исследований для определения качественных этапов на пути развития общества стало использоваться понятие «социополитический период». Данное понятие включает в себя целостную характеристику доминирующих в данной временной фазе социально-экономических отношений и их воздействие на политику. По сути этот подход предполагает комплексный анализ цивилизационных, социокультурных и политико-культурных характеристик и доминант, определяющих качество и направление общественного развития. Одним из примеров рассматриваемого подхода может служить комплексная аналитическая модель основных периодов социального и политического генезиса Соединенных Штатов Америки за время их существования.

Социополитические периоды развития США

Социополитический период	Годы	Отличительные характеристики
Сельская республика	1780-1860	Сельское и локализированное общество; фермеры-землевладельцы — доминирующая экономическая группа; роль правительства резко ограничена и сосредоточена на государственном и местном уровнях
Индустриализирующаяся нация	1870-1920	Возрастающий уровень урбанизации общества; быстрый рост промышленности и торговли; руководство набирающего силу корпоративного бизнеса; регулирующая роль государства в процессе индустриализации
Индустриальное государство	1930-1960	Индустриальное, урбанизированное общество; интегрированная индустриальная экономика, требующая централизованного управления; организованные рабочие — главная экономическая и политическая «группа давления»; сдвиг политики к общенациональному управлению и расширению роли правительства

[1] **Tocqueville A** Democracy in America — Vol. I, II. — Vol. I. — N.-Y., 1958. — P. 42.

Социополитический период	Годы	Отличительные характеристики
Постиндустриальное общество	1970 г. — по настоящее время	Общество передовой технологии, науки и развитого образования; с доминированием сектора услуг; старые экономические интересы и организованный труд (рабочие) теряют влияние; должное место и роль государства в регулировании политико-экономических отношений — важнейший вопрос внутренней политики[1]

Приведенный анализ интересен тем, что он произведен, с одной стороны, на единой цивилизационной основе, с другой — показывает в общих чертах диалектику взаимодействия, а точнее — воздействие социоэкономических факторов на политическое развитие.

Целесообразно выделить базовые характеристики и особенности социокультурного, цивилизационного и политического генезиса США.

Роль **географического фактора и фронтира в развитии США**

Очевидно важное значение географических факторов в формировании и развитии североамериканской цивилизации, влияющих как на ее политические бытие, так и собственно политическую культуру. Идея о том, что история и география страны есть ее судьба, хорошо понятна всем, кто рассматривал особенности возникновения Соединенных Штатов Америки. Когда первые колонисты прибыли к берегам американского континента в начале XVII в., они обнаружили богатые природными ресурсами земли.

Существенным фактором для успешного развития страны явилось значительное количество свободных земель, которые можно было освоить, в т.ч. и в результате насильственной экспроприации их у индейцев. По сути, это была эпоха кровавых завоеваний и вытеснения коренного народа. С другой стороны, освоение новых земель требовало огромного трудолюбия, упорства, самоотверженности. Эпоха покорения и развития Запада сохранилась в общественной памяти североамериканцев в качестве ее наиболее важных и позитивных элементов (ценностное отношение к этой эпохе среди американских индейцев несколько отличается от официального в силу понятных причин).

Раздача земель в США осуществлялась на основании Гомстед-акта, подписанного А. Линкольном (1 января 1863 г., отменен в 1977 г.). Закон предполагал, что любой житель США, включая вновь прибывших иммигрантов, одиноких женщин и бывших рабов, имеет право на получение участка целинной земли в 160 акров (1 акр = 4000 кв. м) за 18 долларов. Однако заявитель должен был доказать свое право собственности на этот участок: построить на нем в течение

[1] Ladd E. C. The American Polity. The People and Their Government. — N.-Y. — L., 1986. — P. 10-11.

5 лет дом, вырыть колодец, поднять 10 акров целины, оградить участок и фактически там жить. До 1900 г. землю общей площадью 80 млн га получили 600 тыс. фермерских хозяйств. Несмотря на ряд его недостатков (спекуляции землей и др.), закон заложил основы среднего класса в США.

Американцам присуще сильно выраженное чувство оптимизма. Они испытывают гордость за свое коллективное достижение — освоение «дикого Запада». Этот процесс, как писал первый президент Йельского университета Т. Дуайт, «сопровождался установлением постоянно действующего правительства, распространением искусств, научных знаний и христианской религии». Политические нравы и традиции США, его субкультуры формировались под воздействием ценностей фронтира — освоения географического, социально-экономического и политического пространства Запада.

Фронтир — это постоянные усилия американцев к распространению своего контроля над природной средой для выгоды человека и периодическая реорганизация социальной системы и системы расселения как результат влияния этих усилий. Фронтир породил тягу к исследованию и развитию неизведанного; психологическую ориентацию на исследование, развитие, рост, возможности в сочетании с сильными элементами риска; экономику, растущую количественно и меняющуюся по характеру, опыт совместного политического управления и участия. С начала заселения американской фронтир прошел три стадии: а) сельскохозяйственный фронтир XVII-XIX вв. —классический фронтир, описанный историками: движение на запад в основном аграрного населения, заинтересованного в земле; б) индустриальный фронтир (с начала XX в.): движение населения в города и превращение городов из обслуживающих село центров в самостоятельные центры возможностей, благосостояния и социальных инноваций; в) технологический фронтир, с середины XX в. связанный с радикальными преобразованиями индустриального общества и движением к информационному обществу.

По мере освоения национатьной территории и присоединения близлежащих регионов (прежде всего северной части Мексики), распространения своих военных баз по всему миру в середине XX в. США активизировали и финансово-экономическую экспансию. Так, доллар стал средством всемирных денежных расчетов, значительная часть экологически опасных или вредных производств перемещены в развивающиеся страны. «Платой за переход в постиндустриальное информатизированное и автоматизированное будущее стал отрыв американской экономической системы от американской же национальной территории. Соединенные Штаты как государство, замкнутое в собственных национальных границах, мало что производят. Но есть Америка как наднациональная система, контролирующая через мощь доллара основные транспортные и финансовые потоки мира».[1]

Одновременно США потребляют до 40% мировых природных ресурсов. Причем они часто пытаются установить прямой военно-политический контроль над другими государствами, владеющими богатыми ресурсами (прежде всего нефтяными). Последний по времени пример—кругшомасштабная военная операция против Ирака в 2004 г. с целью устано&тения своей гегемонии в стране с богатейшими запасами нефти.

' Валянский СИ., Калюжный Д.В. Понять Россию умом. — М., 2002. — С. 151.

«Перенесенная» и реформированная цивилизация

Сообщество США в начале своего формирования выступало, как известно, в качестве «перенесенной» цивилизации. Многие политические и иные ценности современной североамериканской цивилизации уходят корнями в многовековую европейскую культуру. Среди них: частная собственность, рынок, естественные права человека, гражданское общество, демократия, разделение властей и представительное правление.

Важнейшей чертой американского характера является горячая приверженность институту частной собственности. Собственность в Соединенных Штатах Америки всегда являлась не только ключом к успеху, но и источником политических и гражданских прав. При создании Конституции США именно американская политическая культура и традиция обеспечила постановку частной собственности под строгую конституционную защиту и создала одно из первых в мире основанное на законе рыночное общество.

Особенности развития США (фронтир и др.) привели к тому, что американцы очень рано выработали качество, которое А. де Токвиль назвал индивидуализмом, — вера в то, что индивид гораздо важнее общества, и соответствующую ценностную установку. Данная особенность граждан США настолько поразила А. де Токвиля, что для ее обозначения он изобрел слово «индивидуализм», вошедшее в современный английский язык.

Американское общество с момента его возникновения в начале XVII в. формировалось и развивалось на основе «перенесенной» в Новый Свет западноевропейской («протестантской» — по М. Веберу) цивилизации. Соответственно, важную роль в формировании политической культуры Соединенных Штатов Америки играет институт церкви (протестантской в особенности).

Библия в США распространена не меньше, чем американский флаг, который находится практически в любом офисе, кабинете и большинстве домов американских граждан.

Роль протестантизма в становлении капиталистического хозяйства общепризнанна в социальной науке со времени появления классической работы М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Задолго до Вебера на тесную связь протестантской религии, ее наиболее радикальных направлений с политическими традициями и институтами Америки обратил внимание А. де Токвиль. По его словам, первые колонисты «принесли в Новый Свет христианство, которое я не могу лучше характеризовать, как назвав его демократическим и республиканским. Это обстоятельство благоприятствовало установлению республики и демократии в общественных делах. С самого начала политика и религия оказались в согласии друг с другом, и это согласие с тех пор никогда не прекращалось».[1]

Идея народного суверенитета, основывающаяся на парламентских традициях Англии, находила прочную опору в воззрениях пуритан, развивавших идею договора как универсального принципа отношений людей с Богом и друг с другом как закона, которому подчиняется воля не только отдельного человека, но и сообщества граждан. Исследователи культуры США обнаруживают несом-

[1] **Токвиль А.** О демократии в Америке. — М, 1996. — С. 235-236.

ненную связь между особенностями протестантского вероучения и идеологией, характером американской революции, выдвинувшей на первый план в борьбе с метрополией правовые принципы. Протестантская теология, перенося спасение в план повседневной жизни, вела и ведет к резкому усилению значения регулирования индивидуальной и общественной жизни. И, хотя Библия прямо и догматически не фиксирует, каким должен быть строй и порядок, любые правовые и политические вопросы приобретают и религиозное значение.

Большое значение для культуры США имеет использование западно-европейского правового и политико-культурного опыта. Американские концепции разделения властей, сдержек и противовесов, неотъемлемых прав индивида не в последнюю очередь питались и идеями европейского Просвещения. Эти принципы укоренились в политической культуре Соединенных Штатов Америки, найдя отражение в таких документах — символах американской государственности, как Декларация независимости и Конституция США.

Принципы либеральной демократии находили опору, в частности, в утверждении в обществе веротерпимости — нормы, которая на европейском континенте стала зримым выражением завершения процесса секуляризации, создавшего основу современного правового государства. Здравый смысл требовал от представителей различных вероисповеданий проявления сдержанности при обсуждении теологических вопросов, т.к. межконфессиональные столкновения могли обернуться нескончаемыми конфликтами в обществе, в котором различные этнические и социальные группы переселенцев нередко принадлежали к различным направлениям церкви, причем ни одна из них не имела сколько-нибудь заметного преобладания. Интересно, что на памятнике автору Декларации независимости Т. Джефферсону в величественном мемориале в Вашингтоне отмечается его роль именно как автора Декларации независимости, закона о веротерпимости и основателя Виргинского университета, но не говорится специально о нем как о третьем Президенте США.

Протестантские, либеральные, моральные и веротерпимые основы социокультурного развития США определили многие долговременные тенденции их развития как неотъемлемой части западного сообщества.

Гражданское общество и СМИ

При достаточно высоком уровне жизни и широком распространении «трудовой этики» в стране активно формировался средний класс, были заложены необходимые социальные предпосылки и условия для развития демократии. Американская политическая культура основывается на ценностях среднего класса. В то же время эта культура не отражает должным образом интересы бедного меньшинства.

А. де Токвиль справедливо связывал успех американских политических институтов не только с факторами политико-юридического порядка, но и со сравнительно неглубокими социальными различиями среди большинства жителей этой страны в XIX в. Спецификой формирования США и основ ее демократии являлась активная и открытая вертикальная мобильность. Положение индивида в обществе, его профессия не были связаны ни с рождением, ни с наследствен-

ными привилегиями: они представляли результат его личных усилий. Токвиль показал, что сами по себе индивидуализм и равенство могут стать отправным пунктом как для демократического, так и для автократического правления; предупреждал об опасности перерождения демократизма в тех странах, где нет традиций политической свободы; выступал за создание правового государства, упрочение демократических традиций, децентрализацию политической жизни.

Известный современный исследователь демократии в США Р.А. Даль обращал внимание на следующие рассуждения Токвиля: «равенство распространяется по всему миру»; «свобода является важнейшим благом»; «необходимое условие свободы — существование прочных заслонов концентрации власти»; «в демократической стране большинство получает возможность деспотического правления».[1]

В целом американскому обществу «фронтира», где сообщение было затруднено и где было несложно избегать контроля далекой власти, удалось выработать приверженность идеям самоуправления. Традиция демократического республиканизма, местного самоуправления пришла на американский берег с самыми первыми колонистами и стала важным компонентом американской политической культуры. Американцы убеждены, что к тем вопросам, которые их затрагивают (местные проблемы, общенациональные проблемы — безопасность, здравоохранение, образование, охрана окружающей среды, нарушения закона вообще и прав человека в частности и т.п.), они не должны относиться безразлично.

В американской политической традиции заложен мощный потенциал самоорганизации и активного участия американцев в решении тех насущных проблем, которые их касаются или оказывают на них воздействие. Так, согласно опросам общественного мнения, 56% американцев заявляют, что они были бы готовы создать неформальную группу, с тем чтобы выступить против несправедливого закона, в то время как в Великобритании о такой готовности заявили лишь 34%, в ФРГ — 13%, а в Италии — 7%.[2] Хотя число тех, кто заявляет, что он создал бы группу интересов, значительно больше числа тех, кто действительно принимает участие в их деятельности, группы интересов в США весьма многочисленны, их более 11 тыс.

Характерной чертой политической культуры Соединенных Штатов Америки является также сильная и формально независимая власть средств массовой информации и коммуникации, оказывающих мощное воздействие на политическое сознание американцев. В США газеты редко ассоциируют себя с правительством. Именно «независимость» считается самой выгодной позицией прессы, радио, телевидения и Интернета.[3]

В условиях Соединенных Штатов Америки, где около 85% американцев имеют компьютеры и покупают их больше, чем телевизоров, Интернет — это окно широких потоков разнообразной информации почти в каждую семью, во все

[1] Даль Р.А. Введение в экономическую демократию / пер. с англ. — М., 1995. — С. 23.

[2] **Harris F.R.** Americas Democracy. — Glenview, Illinois, 1983. — P. 235.

[3] **Selnow** G. Electronic Whistle-Stops: The Impact of the Internet on American Politics. — L., 1998. — P. 34.

служебные и частные офисы. Существенную роль Интернет играет в установлении диалога между различными структурами гражданского общества, а также между ним и властями.[1]

В различных средствах массовой информации в США в процессе обсуждения актуальных политических проблем широко используются лоббизм, различные приемы и методы (в т.ч. и «грязные» технологии) подачи соответствующих материалов.

Роль идеи «общественного договора» и политико-правовой культуры

Важной особенностью политической традиции и культуры США является идея общественного договора, представление о справедливой власти правителей, основывающейся на согласии управляемых. Декларация независимости, Конституция США, включающая знаменитый Билль о правах, последовательно утверждают правовой демократический идеал.

В Декларации независимости (4 июля 1776 г.) говорится: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди созданы равными, что они наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами, среди которых имеется право на жизнь, свободу и на стремление к счастью, что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых».-

Эти принципы лежат в основе американской политической культуры. От них неотделимы идеи о согласии управляющих и управляемых, о важности общественного мнения, о неотчуждаемых правах человека и гражданина, о том, что строя свою судьбу, человек будет иметь право приобретать собственность и владеть богатством.[3]

Весьма важно отметить передовой характер основной политико-правовой доктрины США. Инновационные находки творцов американской Конституции состояли, во-первых, в удачном центрировании центра тяжести в пределах треугольника теории разделения власти: «правительство — парламент — суд», находящихся под эгидой президента; во-вторых, в революционном для своего времени выносе его за пределы властного треугольника — к человеку; в-третьих, в наделении штатов значительными правами.

Точкой отсчета многих политико-правовых решений в США (при всех их многочисленных недостатках и ограничениях) являются права человека. На просьбу современных исследователей назвать имена двух-трех величайших людей Америки, 57% опрошенных американцев первым называют имя А. Линкольна, а затем (46%) Дж. Вашиштона — первого Президента США. При этом Линкольн ставится на первое место именно потому, что с его именем американцы связывают развитие либерально-демократической традиции в стране. К это-

[1] **Selnow G.** Electronic Whistle-Stops: The Impact of the Internet on American Politics. — L., 1998. — P. 34.

[2] Декларация независимости. 4 июля 1776 г. — М.: 1992. — С. 3.

[3] Конституция Соединенных Штатов Америки // Конституции зарубежных государств. — 2-е изд. / под ред. В.В. Маклакова. — М., 1997. — С. 34.

му следует добавить, что на дальнейшую эволюцию американской политической культуры оказали сильное воздействие демократические движения конца XIX — начала XX вв. и «новый курс» Ф. Рузвельта.

В американской политической традиции большое значение имеет идея власти закона, т.е. представление о том, что все равны перед законом, и никто не стоит над ними. Значительная роль именно политико-правовых документов, неизменность основополагающих правовых принципов американского общества, развитая судебная система (суд присяжных заседателей), наличие в США наибольшего количества юристов по сравнению с любой другой страной и др. — все это содействовало формированию развитой правовой культуры, устойчивой политико-правовой традиции развития этого американского общества. Не случайно американцев называют нацией юристов. Каждый 19-й житель г. Вашингтона — юрист. Американская ассоциация юристов объединяет более 600 тыс. юристов-профессионалов и пользуется значительным влиянием в обществе и государстве.[1] В составе Конгресса США обычно с количественной точки зрения также доминирует сословие юристов. Так, в палате представителей Конгресса США (435 человек) и Сената (100 человек) в 90-е гг. XX в. юристы представляли — 58%, бизнесмены и банкиры — 31%, профессиональные политики — 19%, другие группы — 9% их состава.[2]

Процесс легитимизации США включает харизматический компонент. Роль такого лидера, в первые, во многом решающие для формирования политических традиций и институтов новой государственности годы, сыграл первый президент США — Дж. Вашинггон, который был последовательным приверженцем конституционных принципов. За время его пребывания у власти на базе противоборствующих фракций сложились политические партии, ставшие неотъемлемой частью политического механизма американской демократии. Важно также заметить, что отказавшись баллотироваться на не предусмотренный Конституцией США третий срок президентства, Дж. Вашингтон создал прецедент передачи власти демократическим путем, и этой традиции в дальнейшем следовали почти все президенты страны.[3] Указанная американская традиция была нарушена только в сложных условиях Второй мировой войны, когда Франклин Делано Рузвельт (1882-1945, Президент с 1932 г. от демократической партии), переизбирался на третий и четвертый сроки.

Дж. Вашингтон: «Я по скромному разумению считаю, что для благополучия, осмелюсь даже сказать — для существования Соединенных Штатов как независимой державы жизненно необходимы четыре вещи: 1) нерастор-

' Правовые системы стран мира: энциклопедический справочник. — М.: НОРМА, 2003. — С. 732

[2] Vital Statistics of Congress. — Washington, 1993-1994. — P. 22-23.

[1] Первым Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным был заложен сходный прецедент. За несколько месяцев до истечения своего второго конституционного срока пребывания в президентской должности он назначил (31 декабря 1999 г.) исполняющим обязанности Президента России Председателя Правительства РФ В.В. Путина. 26 марта 2000 г. В.В. Путин, как известно, был избран (в первом туре) вторым Президентом России.

жимый союз штатов под руководством одного федерального главы; 2) священное уважение к судебной системе; 3) создание надлежащей армии; 4) господство среди народа Соединенных Штатов мирного и дружественного настроения, которое побудит его забыть местные предрассудки и политику, сделает уступки, необходимые для всеобщего благосостояния, и в некоторых случаях пожертвует своими индивидуальными выгодами в интересах общества».[1]

Одной из черт политико-правовой культуры граждан США является их законопослушание. Так, например, в условиях острой политической обстановки, сложившейся в ноябре 2000 г. при выборах 43-го президента США, из-за устаревшей избирательной системы и противоречивых результатов голосования политики и жители этой страны были вынуждены долго ждать окончательных результатов выборов. Известно, что Дж. Буш (кандидат республиканской партии) получил в целом по стране 49 млн 820 тыс. голосов избирателей и 271 голос выборщиков, а его оппонент — А. Гор (лидер демократов) — соответственно, 50 млн 158 тыс. и 267 (с учетом того, что 25 спорных голосов выборщиков от Флориды перешли в пользу Дж. Буша).[2] Образовалась ситуация, когда избранным оказался кандидат, набравший *меньшее* число голосов избирателей страны, но *большее* число выборщиков. Причем исход выборов определили голоса избирателей (выборщиков) лишь одного штата (Флориды), в результате чего Президентом США и стал Дж. У. Буш.[3] Несмотря на то что общая процедура проверки подсчета голосов заняла около месяца, социально-политическая и финансово-экономическая обстановка в США оставалась стабильной. А. Гор и его сторонники согласились с юридическими решениями избирательной комиссии и соответствующих судов по поводу итогов выборов.

С другой стороны, нельзя не отметить, что в процедуру избрания президентов США был заложен принцип не только, да и не столько прямого всеобщего голосования, сколько положение о преимущественной роли выборщиков от штатов, что, разумеется, вносит своеобразие в этот процесс.

Нельзя не сказать и о том, что длительное время в США существовали различные цензы, 01раничиваваше участие большинства населения в политической жизни страны. Так, собственно в принятии Конституции США в выборах конвентов, высказавшихся за нее, в силу этой причины приняли участие всего 160 тыс. человек или 5% от всего населения, составлявшего тогда около 4 млн жителей, или один из каждых четырех-пяти белых мужчин. В выборах конвентов не участвовали чернокожие американцы (тогда — рабы), женщины, бедняки и т.д. За принятие Конституции (1787 г.) проголосовала всего около 100 тыс. человек, против — 60 тыс. Билль о правах как составная часть Конституции был принят (во многом благодаря Первому президенту США Дж. Вашингтону)

[1] **Яковлев Н.Н.** Вашингтон. — Ростов-на-Дону, 1997. — С. 420.

[2] **Алебастрова И.А.** Основы американского конституционализма. — М., 2001. — С. 67.

[3] Инаугурационные речи Президентов США от Дж. Вашингтона до Дж. Буша / пер. с англ. — М.: Стратегия, **2001. — С. 504.**

в 1789 г. Затем Америке понадобилось более ста лет, чтобы значительно «расширить» количество граждан, имеющих право участвовать в выборах, до их безусловного большинства населения. Так, рабство было отменено в 1865 г., а права бывших рабов и индейцев были юридически обеспечены только к 1870 г. (15-я поправка к Конституции), женщины получили права избирателей лишь в 1920 г. (19-я поправка), а молодежь смогла голосовать с 18летлишь с 1971 г.(26-япоправка).

Для политической культуры США характерна состязательность, политическая практика широкого распространения выборных процедур. Очень часто в процесс принятия решений включаются не только государственные инстанции, но и многочисленные общественно-политические организации и группы. Для политической культуры США характерен элитарно-демократический тип принятия политических решений. Существование множества групп интересов, подавляющее большинство из которых не в состоянии самостоятельно повлиять на процесс принятия решений, во многом предопределяют склонность американцев к образованию коалиций. Отношения между такими коалициями строятся по определенным правилам и принципам.

Важной чертой культуры США является высокий уровень американской политической науки, творческое развитие демократических учений европейских просветителей американскими «отцами-основателями» и видными теоретиками политики и права (Дж. Вашингтоном, Т. Джефферсоном, Дж. Адамсом, А. Гамильтоном, Т. Пейном и др.). Их идеи, как известно, были воплощены в передовых политических и юридических документах.

Конституция США, «Заметки федералиста» и другие политико-правовые труды американских просветителей и политологов считаются образцовыми и сегодня. Американская политическая наука является ведущей в мире и оказывает серьезное воздействие на политическое развитие американского общества и другие страны. Американская ассоциация политической науки существует уже более ста лет (с 1903 г.), является самой крупной в мире (объединяет более 14 тыс. политологов), является одним из основателей Международной ассоциации политической науки (с 1948 г.) и играет в ней заметную роль.[1]

Значительное влияние на политическое развитие Соединенных Штатов Америки оказывает академическая община, в основе которой лежит широко развитая сеть крупных и престижных автономных университетов, в которых работают десятки тысяч ученых. Многие крупные представители гуманитарной ветви академической общины (З. Бжезинский, П.Дж. Бьюкенен, Дж. Киркпатрик, Г. Киссинджер, К. Райе, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма и др.) выступают как известные политические теоретики, так и практики.

Партийно-политические ориентации и политическая вовлеченность

В формировании политической культуры Соединенных Штатов Америки участвуют и политические партии. В США партии активно действуют лишь

[1] **Ирхин Ю.В.** Политическая наука в США // Социально-гуманитарные знания. — 2004. — № 6. — С. 260-278; Politics. An Introduction to Democratic Government. Ed. M. Eagleg, L. Johaston. Broadview Press, LTD. — North America, UK, Australia — 1999. — P. 37.

в период избирательных кампаний, закладывая и упрочивая традицию активного и регулярного участия их членов в различных выборах. Исторически сложившаяся двухпартийная система США адекватно выражает и политические ценности американского общества.

Демократическая партия отражает интересы преимущественно «нижнего» и среднего класса, профсоюзов, темнокожих американцев, национальных меньшинств. Партия возникла в 1828 г., известные лидеры: Т. Джефферсон, Ф.Д. Рузвельт, Дж. Кеннеди, Б. Клинтон.

Сторонники демократической партии представлены: 1) «либеральными демократами (10%); 2) социально-консервативными демократами или прогрессистами (14%); 3) новыми демократами (клинтонистами, до 10% возможных избирателей); 4) бедняками, т.е. лицами, существующими за счет государственных пособий и поддерживающими демократов как сторонников социальных программ (до) 1%).'

Республиканская партия выступает от имени высшего среднего класса, высших классов, монополистических кругов, что выражено в концепциях твердого индивидуализма, активной роли государства в необходимых сферах, сильной внешней политике. Возникла в 1854 г. из партии вигов и т.н. федералистов. Первым республиканским Президентом стал А. Линкольн. Нынешний, 43-й президент США — Дж. Буш (младший) — является республиканцем.

Сторонники республиканской партии включают: 1) жестких консерваторов — консервативно настроенное белое мужское население, составляющее до 12% зарегистрированных избирателей; 2) умеренных республиканцев (до 12%); 3) республиканских популистов, к которым относятся в основном малоимущие слои, голосующие по разным причинам за республиканскую партию (до 10%).

Группы независимых избирателей состоят из «новых процветающих американцев», отличающихся достатком выше среднего и сделавших состояние относительно недавно (до 10%); из «синеворотничковых» трудящихся, изгоев общества (10%); т.н. «попутчиков», делающих свой выбор только в день голосования или вообще игнорирующих выборы (до 11%).

При анализе политической культуры целесообразно использовать кластерный подход. В этой связи можно выделить такие грунпообразующие (кластерные, «соседско-общинные») факторы (включая и интернет-связь между ними), как социальное положение, коммуникативные и профессиональные связи, тип мобильности (восходящий или нисходящий), этнорасовую принадлежность, семейный статус, тип жилища и др.

Существуют и иные методики. Так, одно из исследований ценностных ориентации (основанное на интервью, взятых у более чем 4 тыс. граждан США на рубеже 90-х гг. XX в.) строилось на базе девяти основных параметров: религиозные убеждения, степень идеологической терпимости, представление о социальной справедливости (роль ответственности правительства за социальную справедливость и благосостояние общества), степень отчужденности (разочарование

[1] Retropolitics. The Political Typology: Version 3.0. The Pew Research Center For The People and The Press. — Washington, D.C., 1999. — P. 7-10.

в возможностях американской системы), наличие веры в американскую исключительность, отношение к воинствующему антикоммунизму, оценка собственного социального статуса (самоидентификация), отношение к федеральному правительству, бизнесу и др.[1]

По мнению ряда исследователей Института Гэллапа, политическая вовлеченность граждан США на рубеже 1990-х гг. характеризовалась наличием следующих групп.

Группа инициативных. Зажиточные обитатели пригородов; группа состоит из белого населения, традиционно голосующего за республиканцев. Их отличает приверженность ценностям частной инициативы и свободных рыночных отношений, неприятие государственного регулирования, высоких налогов, повышения социальных затрат на здравоохранение и социальное вспомоществование.

Группа моралистов. Преобладают лица среднего возраста и доходов, которые в основном относятся к республиканцам. Они решительные и активные противники абортов, сторонники введения обязательной молитвы в школах, антикоммунисты, приверженцы сохранения в США смертной казни.

Группа оптимистов. В основном лица со средним доходом, средним или незаконченным высшим образованием, белые, большинство республиканцы, повышен интерес к вопросам экономики, характерны комплексы, типичные для групп «восходящей мобильности» (включая ура-патриотические настроения), характерна ставка на личный успех и собственные силы, оптимизм. Большинство этих лиц голосовали за Р. Рейгана.

Группа неудовлетворенных. Лица среднего возраста и дохода, испытывают финансовые проблемы, противники усиления регулирующей роли государства, но и всевластия бизнеса, сторонники усиления военного потенциала Америки и расширения социальных программ правительства (без этнических меньшинств). Среди них республиканцев в два раза больше, чем демократов.

Группа выживающих. Часть взрослого населения моложе 30 лет с недостаточным образованием, интересом к политике. Как правило, не участвуют в выборах. Волнуют проблемы безработицы, безопасности, разоружения. Часть из них может поддержать демократов, другие — республиканцев

Группа примыкающих. До 7% населения, молодежь, 50% темнокожие или испаноговорящие, преобладают лица физического труда с низким уровнем образования. Среди них в два раза больше сторонников демократов, чем республиканцев. Политически легко манипулируемы, основной проблемой считают борьбу с безработицей.

Группа секуляризованных. До 8% взрослого населения, преимущественно демократы. Сторонники сокращения расходов на оборону, усиления охраны окружающей среды. Противники введения обязательной молитвы в школах, свободы абортов, хорошо образованы, преобладают специалисты и лица свободной профессии.

Демократы образца 1960-х гг. До 8% населения, сторонники увеличения социальных программ, усиления социальной активности государства, убеж-

[1] **Ornstein N., Kohut A., McCarthy L.** The People, The Press and Politics. A Times Mirror Study of the American Electorate by the Gallup Organization. — N.-Y., 1998. — P. 1-2.

денность в развитии российско-американских отношений. Симпатизируют демократам.

«Рузвельтовские демократы». До 11% населения, приверженцы больших ограничений в отношении абортов, введения обязательной молитвы в школах, сторонники увеличения социальных расходов, кроме программ помощи этническим меньшинствам. Яркие патриоты. Сторонники демократов.

Группа политически пассивных бедняков. До 8% взрослого населения, плохо образованы, сторонники социальных программ для неимущих, преимущественно демократы.

Группа бедняков-радикалов. До 9% населения, малообразованные и безработные жители южных городов с низкими доходами, многие — сторонники демократов. За сокращение расходов на оборону, сохранение смертной казни и введение обязательной молитвы в школах.[1]

Культура и политика национальных отношений

Для США — нации иммигрантов, в которой постоянно растет число «новых>; жителей и все больше увеличивается количество испаноговорящих американцев (до 15% всего населения — вышли на первое место среди небелых этносов США), а также афро-американцев (13% населения), проблемы межнациональных отношений особенно важны. Впервые за историю США в двух его крупных штатах (Калифорнии и Луизиане) белое население стало находиться в меньшинстве пс отношению к двум указанным большим этническим группам и иммигрантам «восточной волны».[2] В ряде южных штатов политикам, не знающим испанского языка, уже трудно рассчитывать на успех во время выборов и в политике вообще Так, 43-й президент США Дж. Буш (мл.), в прошлом — губернатор Техаса, владеет испанским языком.

С конца XX в. для официальной этнокультурной политики в США характерны рационализм и в основном демократическое содержание. Во многих школах и вузах введены объемные курсы изучения исторического наследия основных расовых и этнических групп; для всех неанглоговорящих лиц (начиная со школы) существует программа обязательного двуязыкового обучения — постепенного перехода на английский язык.[3] Законы о выборах гарантируют равноправное участие в избирательном процессе национальных меньшинств, в т.ч представление избирательной информации на двух языках, если в данном районе их проживает более 5% населения. Закон от 1968 г. объявил незаконным дискриминацию по принципу расы или национального происхождения при продаже или сдаче внаем жилья, Закон 1972 г. —дискриминацию в сфере найма. Существует ряд законов, гарантирующих права или привилегии представите-

[1] **Ornstein N., Koliut A., McCarthy L.** The People, The Press and Politics. A Times Mirroi Study of the American Electorate by the Gallup Organization. Addison — Wesley Publishing Co.. Inc. — -N.-Y, 1988 — P. 12-60.

[2] **Winter J.K.** Culture Shock. Times Books International. — Singapurc, 1996. — P. 23-26.

[3] Смена родного языка иммигрантов на английский происходит только в третьем поколении.

лей национальных меньшинств, при поступлении на определенные (государственные) должности и учебу в вузах. Обвинение в правовой, политической или бытовой дискриминации в США является весьма тяжелым; на него болезненно реагируют соответствующие круги общества, правовые органы, СМИ.

Неосторожное обращение к афро-американцу с использованием слова «ниггер» или высказывание при свидетелях сомнения в способностях индивида в силу его расового происхождения обычно ведут к судебному разбирательству, которое трактуется в пользу «потерпевшего», а государственные политики, допустившие расовые выпады, обычно лишаются должности.

Разветвленная система этнических институтов, сложившихся в процессе адаптации расовых и этнических групп в условиях американской жизни, органично входит в структуру гражданского общества США. В целом в стране растет уровень полиэтнического сознания. По решению Конгресса США день рождения выдающегося лидера чернокожих американцев Мартина Лютера Кинга был объявлен общенациональным праздником. Данью требований американцев итальянского происхождения стало объявление общенациональным праздником дня рождения Христофора Колумба (родился в Италии, г. Генуя).

Разумеется, на бытовом уровне этнонациональных проблем и соответствующих стереотипов сознания в США более чем достаточно. Элементы расовой дискриминации обычно распространены вне государственных учреждений. Их следствие — сравнительно меньший процент представителей национальных меньшинств (по отношению к белым американцам) среди лиц с высшим образованием, доходами и занимающих престижные должности.

Идея особой миссии и патриотизма

Практически изначально в американском обществе стала доминировать идея об особой роли Соединенных Штатов Америки в мире, о «богоизбранности» американской нации и т.п. Одним из решающих условий обеспечения легитимности нового государства в глазах его граждан, многие из которых были иммигрантами или потомками иммигрантов в первом-втором поколениях, стала усвоенная ими и имевшая религиозные корни мессианская вера в Америку как оплот демократии.[1]

Соединенные Штаты Америки и американская нация на протяжении длительного времени складывались как государство и нация иммигрантов. Культура США, в т.ч. и политическая, постоянно сталкивалась с новыми, часто чуждыми ей элементами, а общество пополнялось новыми группами граждан, прошедших раннюю социализацию в неодинаковых условиях и имевших неодинаковый политический опыт. Все это требовало от общества особой заботы о перестройке их сознания и поведения. Не случайно пики усиления пропаганды национальных символов и принципов «американизма» внутри США совпа-

[1] **Шлезингер А.М.** Циклы американской истории / пер. с англ. — М.: Прогресс, 1992. — С. 30-32.

дали по времени с пиками волн иммиграции в эту страну. Иммигрантский характер общества во многом определяет особенности национального самосознания и американского патриотизма, которые носят несколько гипертрофированный характер, характеризуются простотой и распространенностью национальной политической символики.

Чувство национальной гордости (патриотизма), общей идентичности солидаризирует американцев, оно часто используется правящими кругами для поднятия их авторитета и популярности в обществе. По оценке американских политологов, осуществивших сравнительное исследование этого феномена в различных странах, высокая степень проявления чувства национальной гордости наиболее характерна для граждан США и Австралии, затем Мексики, Турции и Испании, Норвегии, Великобритании, Китая, Бразилии и Нигерии. Средний уровень проявления национальной гордости (в обычных условиях) характеризует жителей Франции, Швейцарии, России. Далее располагаются Япония и ФРГ, что объясняется последствиями для них Второй мировой войны и пока их менее значимой геополитической ролью в мире по сравнению с США или Великобританией.'

Обостряющиеся проблемы политики и культуры

В настоящее время для Соединенных Штатов Америки актуальны проблемы демографического неблагополучия общества, растущей иммиграции, терроризма после событий 11 сентября 2001 г. и их влияние на американцев и мир, а также кризисные явления в социальных, культурных и моральных вопросах.

Первые две проблемы нашли адекватное выражение в книге известного политического деятеля США П.Дж. Бьюкенена «Смерь Запада: чем вымирание населения и усиление иммиграции угрожают нашей стране и цивилизации». Он, в частности, пишет, что все социальные и культурные индикаторы указывают на то, что идея «не иметь мужей и детей все шире распространяется среди молодого поколения женщин». Если в 1970 г. только 36% женщин в возрасте от 20 до 24 лет были незамужними, то ныне их число приблизилось к 70%, а процент женщин от 25 до 29 лет, которые никогда не были замужем, поднялся с 10 до 35%. Ежегодное число абортов, несмотря на их осуждение церковью, составляет 15 млн.[2] В результате такого понимания гражданских прав женщин и их культуры рождаемость в США среди белого населения стала отрицательной (менее двух детей на одну женщину), тогда как воспроизводство населения начинается с уровня не менее 2,1 ребенка («коэффициент рождаемости»).

Происходит национально-этническое преображение американского общества. Так, если в 1960 г. белые американцы составляли 88,6% населения страны, то уже к 1990 г. их число сократилось на 13%, а по прогнозам на 2020 г. их численность упадет до 61 %, к 2050 г. они могут стать меньшинством. Сегодня в США 31 млн иммигрантов. Половина из них — выходцы из Латинской Америки, остальные —

[1] Алмонд Г., Пауэлл Дж., С гром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня / под ред. М.В. Ильина и А.Ю. Мельвиля. — М.: Аспект-Пресс, 2002. — С. 95.

[2] **Patrick J. Buchanan.** The Death of the West. St. Martin Press, LLC, 2000. — P. 37-38.

в основном из Африки, Ближнего Востока и Европы. В современных условиях *испаноязычное* население США стало второй (после белых американцев) по численности этнической группой (14%). Это особенно заметно на Юге США. Третье место занимают черные американцы (13%). Численность небелых американцев растет высокими темпами. От них все больше начинает зависеть политика и политическая элита США. Иммигранты оказывают серьезное воздействие на развитие ценностей и мнений, телевидение, искусство, образование и т.д. Вследствие демографических и этнических трансформаций происходят серьезные сдвиги и в религиозной составляющей культуры американцев — заметно усиливается роль ислама в общественно-политической жизни США.

Иными словами, происходят глубокие изменения к культурной системе и традициях Соединенных Штатов Америки. В современных условиях в Америке уже не актуальна шутка на тему: может ли стать афро-американец Президентом США? Прецеденты избрания представителей афро-американцев мэрами крупных американских городов были и себя оправдали. На очереди иное предположение: может ли стать Президентом США испаноговорящий американец или этнический китаец-американец? Пока это возможный прогноз.

П. Бьюкенен: «Если Америка перестанет быть христианской страной, то это потому, что она перестанет быть и демократической страной. Это настоящий государственный переворот».

В результате определенного снижения конкурентоспособности экономики США, падения курса доллара и других причин происходит ухудшение социального положения некоторых категорий американцев. За чертой бедности в США находится уже 12% населения или 35 млн человек, большая часть из них — иммигранты.

Противоречивы последствия событий 11 сентября 2001 г., оказавшие шокирующее воздействие на психику американцев. США пошли на введение беспрецедентных мер безопасности, ограничивающих формальные демократические институты. Так, силовые ведомства получили право прослушивания любых телефонных разговоров, мониторинга сетей Интернета и обмена любой информацией без специального разрешения судебных органов. В целом силовые ведомства получили весьма широкие полномочия и средства по борьбе с угрозой терроризма. Вопрос в том, будут ли они использованы по прямому назначению?

Характерные черты политической культуры США

С учетом всего сказанного американскую политическую культуру можно определить как «культуру участия» или «1ражданскую демократическую культуру», имеющую ряд особенностей, определяемых цивилизационными характеристиками и политической традицией американского общества. Американская политическая культура носит сложносоставной, регионально-субкультурный характер. В рамках национальной политической культуры можно выделить элитную и массовую политические субкультуры, политические культуры различных социальных групп, национально-этнические политические культуры и ре-

гиональные политические субкультуры, сложившиеся в рамках основных иммиграционных потоков в США.

Для американской цивилизации, с одной стороны, характерны «священное» право индивида на частную собственность, семейная этика труда, его рационалистическая культура, демократическая политическая традиция, активное воздействие гражданского общества на государство. С другой — быстрое изменение техники и технологий благодаря систематическому применению в производстве научных знаний, последних достижений Н'ГР. В результате научно-технических революций меняется отношение человека к природе и его место в системе производства. По мере развития американской цивилизации происходит ускоряющееся обновление «неорганического тела человека» или, иначе говоря, той искусственно созданной им предметной среды, в которой непосредственно протекает его жизнедеятельность. Одновременно это сопровождается динамикой и изменением социально-политических связей, быстрой трансформацией политической и общей культуры. В силу указанных обстоятельств иногда на протяжении одного-двух поколений происходит изменение образа жизни, формируются новые социально-политические типы личности, однако базовые характеристики политической культуры сохраняются в силе. К ним американские исследователи относят: «индивидуализм, равенство, меритократию, веру в демократию и свободный рынок».[1]

Вместе с тем ряд социологов полагает, что на рубеже XXI в. в электоральной и общеполитической культуре США появились новые черты, связанные с дальнейшей стратификацией общества, мультикультурализацией, распространением интернет-технологий. Так, несколько снизилась роль традиционных партий, усилилась интернетовская связь «соседских общин», сходных кластерных образований или групп индивидуумов. Возникла проблема самоидентичности кластерных образований, идентичности личности, усилилась департизация и увеличилось количество независимых избирателей, стали заметны переносы или «привязки» ряда ведущих вопросов политики с глобализационного и общефедерального на локальный и местный уровни.

Итак, к числу характерных черт политической традиции и культуры США можно отнести:

1) творческое использование идей о человеческой индивидуальности, понимание человеческого разума как активного, рационального начала;
2) использование опыта демократии античного полиса и Римской республики;
3) разработку прав и свобод человека и гражданина-собственника, положений Аристотеля о среднем классе, профессиональном руководстве политикой и участии в ней;
4) реализацию идеи президентского правления в условиях республиканского разделения властей и введения системы «сдержек и противовесов»;

[1] **Franklin D.P.** American Political Culture and Constitutionalism // Political Culture anc Constitutionalism. A Comparative Approach. Ed. by Daniel P. Franklin. Michael J. Baun. — N.-Y.; L.: M.E. Sharpe Inc., 1995. — P. 45.

5) традицию формирования гражданского общества как основы демократического развития;
6) политическую активность заинтересованных граждан;
7) христианскую традицию с ее представлениями в решении насущных проблем;
8) достаточно развитую политико-правовую культуру;
9) ярко выраженные региональные и особенно национально-этнические политические субкультуры, противоречивое выражение и отражение интересов различных этносов в политической культуре;
10) социально-стратификационные (массовая и элитарная, социальных групп), стадиально-культурные (аграрные, индустриальные и постиндустриальные, постмодернистские) и множащиеся кластерные субкультуры в политической культуре; повышение роли индивидуального выбора в политике;
11) сильные элементы национализма (на Юге — расизма) и конформизма в политической культуре и сознании американцев;
12) историческую ментальность фронтира; идею современного фронтира, ярко выраженную в политике глобализации по-американски и жесткого формирования конфигурации мирового порядка в XXI в. исключительно с точки зрения национальных приоритетов США.

В целом для политической культуры США характерна ориентация субъектов политики на соревновательность в достижении политических целей; тяготение к политическому центру; политический и идеологический плюрализм; сравнительно низкий уровень идеологизированное™ (теоретизированности) политической жизни, если не считать пропагандистских кампаний или выборов; критическое отношение к государству и опора силы гражданского общества; традиционная религиозная окраска политики; меньшее значение, чем в Европе и России, политических партий; самоорганизация при решении актуальных проблем. Дж. Буш, сделавший акцент на традиционные ценности американцев, выиграл выборы 2004 г.

2. Региональные особенности политической культуры США

Отличительной чертой США — федеративной республики — является ярко выраженный регионализм, который нашел адекватное отражение в национальной американской политической культуре, которую в этом смысле можно охарактеризовать как федеративно-региональную.

В колониальный период американская культура характеризовалась значительной разобщенностью. Это была культура отдельных изолированных сообществ, она еще не имела общенациональных черт. Но политико-культурная неоднородность присуща американскому обществу и сегодня, хотя общая национальная и политическая культура в ходе более чем двухвековой эволюции Америки сложилась и сплавилась в знаменитом «тигле», каковым являлись сами США. В целом американцам присуще яркое региональное самосознание, отличия в местной культуре— от бытовых привычек до системы политических и нравственных ценностей.

В социокультурном отношении США распадается на ряд макрорегионов, четко закрепленных всей историей страны.

А. де Токвиль: «В великой англо-американской нации можно заметить два главных отростка, которые развиваются до сих пор, не сливаясь между собой: один на юге, другой на севере... По мере приближения к югу общинная жизнь делается менее деятельною: община имеет менее чиновников, прав и обязанностей; граждане ее не пользуются уже таким непосредственным влиянием на свои дела, собрания общинные реже и круг их деятельности ограниченнее; власть выборных чиновников становится обширнее, а власть избирателей ограниченнее; дух общинный имеет менее жизни и могущества, чем в общине Новой Англии».[1]

В недалеком прошлом американские ученые скептически относились к «региональному патриотизму» и не склонны были признавать реальность «регионального сознания». В современных условиях интерес ученых к изучению региональных проблем значительно усилился. Исследователи стремятся не просто рассматривать штаты, скажем, в качестве источника национальной неоднородности или политических конфликтов, но и для понимания процессов национальной интеграции, обеспечения национальной сплоченности, стабильности, единства и многообразия в национальной политической культуре. Специфика региональных политических культур выводится из общих характеристик национальной политической культуры, которая основана на двух контрастирующих концепциях американской политики. Первая — это рынок, сфера конкуренции между личностями и группами; вторая — содружество, государство, в котором 1граждане кооперируются для реализации общего интереса и утверждения общих моральных принципов.

Официальная статистика США группирует штаты в 9 крупных регионов.

Новая Англия: Мэн, Нью-Гэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут; 2) *Средне-Атлантические штаты:* Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания; 3) *Северо-Восточный Центр:* Огайо, Индиана, Иллинойс, Мичиган, Висконсин; 4) *Северо-Западный Центр:* Миннесота, Айова, Миссури, Северная Дакота, Южная Дакота, Небраска, Канзас; 5) *Южно-Атлантические штаты:* Делавэр, Мэриленд, Федеральный округ Колумбия, Виргиния, Западная Виргиния, Северная и Южная Каролина, Джорджия, Флорида; 6) *Юго-Восточный Центр:* Кентукки, Теннесси, Алабама, Миссисипи; 7) *Юго-Западный Центр:* Арканзас, Луизиана, Оклахома, Техас; 8)*Горные штаты:* Монтана, Айдахо, Вайоминг, Колорадо, Нью-Мексико, Аризона, Юта, Невада; 9) *Тихоокеанские штаты:* Вашингтон, Орегон, Калифорния, Аляска, Гавайи.

Политико-культурный и экономический регионализм определяется историей их формирования: вхождением в состав США огромных территорий с разными природными условиями и иммиграцией. «Если история Америки была короткой, то ее география в какой-то мере ее восполняла. Это быстро порождало те различия, которые в других местах создавались веками».[2]

[1] Токвиль А. Демократия в Америке. — М, 1992. — С. 56.

[2] Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. — М., 1993. — С. 506.

Символом США как нации эмигрантов считается статуя Свободы. Характерна надпись, высеченная на ее пьедестале: «Отдайте мне своих усталых, бедных и страждущих, отдайте мне угнетенных, мечтающих о свободе, пошлите ко мне всех лишенных Родины, всех потерпевших крушение. Я поднимаю свой факел, чтобы осветить им златые ворота». Статуя представляет собой 64-метровый монумент, полное название которого звучит следующим образом — «статуя Свободы, несущая миру свет». Статуя Свободы прибыла в США из Франции как дар французского народа американскому в память о сотрудничестве в борьбе за независимость США. Инициатором акции явился французский правовед Э. де Лябурлей, проект монумента разработал Ф.О. Бартольди, стальной каркас сконструировал Г. Эйфель (автор знаменитой башни). Статуя, упакованная по частям в 200 ящиков, совершила путешествие через океан, прибыла в нью-йоркский порт в 1885 г., а 28 октября 1886 г. была торжественно установлена на острове Свободы.

Миграция населения в Америке, начавшись на Восточном побережье, шла в западном направлении несколькими великими потоками, которые распадались на поднаправления и ответвления. Мигранты, шедшие с восточного побережья или из Старого Света, чтобы обосноваться в США к западу от Аппалачей, несли с собой определенные культурные образцы, сложившиеся в тех странах или регионах, откуда они происходили, и часто уходившие корнями в их этническое и религиозное прошлое. В местах своего нового поселения различные этнические и религиозные группы объединялись друг с другом на общей социокультурной основе. Известный исследователь этой проблемы Д. Элазар выделял в качестве базовых три потока миграции, возникших еще в колониальный период американской истории: «поток янки», уходящий корнями в пуританские поселения Новой Англии; «средний поток» («The Middle Stream»), истоки которого уходят в «сформировавшийся на коммерческой основе плюрализм средних штатов» и «южный поток», зародившийся на плантаторско-рабовладельческом Юге.'

В XVIII—XX вв. эти потоки были дополнены девятью новыми волнами иммигрантов, слившимися с ними в конечном итоге: «североморский поток» — английские кальвинисты и выходцы из Скандинавии; «еврейский» и «англо-канадский» — интегрировались с «потоком янки»; «английский» — не принадлежавшие к пуританам выходцы из Англии и Уэльса; «континентальный» — выходцы из Западной и Средней Европы; «ирландский» — интегрировались со «средним потоком»; «средиземноморский» — итальянцы и греки; «восточноевропейский» и «франко-канадский» — приобрели те же характеристики, что и «южный поток», хотя и не интегрировались с ним, поскольку расселились в разных местах; «афро-американский», «испанский» и «восточный поток» начали интегрироваться с остальными только в наши дни.

На базе этих потоков «выплавились» и основные политические субкультуры. Национальная политическая культура США — это синтез основных политических субкультур, существующих бок о бок или даже наслаивающихся друг на

Elazar D. The Politics of Belleville. — Philadelphia, 1971. — P. 10.

друга. Каждая из субкультур связана с определенными частями страны и потоками миграции. Каждая из них отражает собственный синтез рынка и государства как сути политики.

Моралистическая субкультура сформировалась на базе «потока янки» и других интегрировавшихся с ним потоков, захвативших северную часть штатов Нью-Йорк, Пенсильвания, Огайо, Индиана, Иллинойс, а также некоторые районы Мичигана, штаты Висконсин, Миннесота, Айова, части Дакоты и Монтаны, большую часть Орегона, Вашингтона и Юты, северную Калифорнию, часть Канзаса и Колорадо.

Индивидуалистическая субкультура сложилась на основе «среднего» и других слившихся с ним потоков, ареал которых пришелся главным образом на штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Мэриленд, на центральные районы Индианы, Огайо и Иллинойса, на северную часть Миссури, а также на некоторые районы Небраски, Южной Дакоты, Вайоминга, Невады и Калифорнии.

Традиционалистская субкультура сформировалась на базе «южного потока», получив распространение в Виргинии, Южной Каролине и Джорджии, в южной части Огайо, Индианы, Иллинойса и Канзаса, в большей части штатов Теннесси, Алабама, Флорида, Миссисипи, Арканзас и Луизиана, в значительной части Кентукки, Миссури, Оклахомы и Техаса.

Среди других важных факторов, обусловивших существование в США различных политических субкультур, следует отметить: социальные различия (по образованию, религии, полу, расе и этническому происхождению); социально-экономические факторы (урбанизация, экономический рост или упадок); институциональное влияние (открытый или закрытый характер политических институтов, роль политических элит и т.п.); отличия в политических ориентациях, поведении, традициях, стиле участия в политической жизни.

При региональном анализе США принято выделять четыре основных макрорегиона: Северо-Восток, Средний Запад, Юг и Запад, общее политико-культурное поле которых определяется культурно-исторической общностью проживающих здесь людей, сходством специфики местных общественных отношений. Регионы выступают в качестве противовесов как стандарту, так и атомарным силам американской жизни, а региональные культуры являются носителями американского многообразия.[1]

Политическая культура Северо-Востока США

Этот регион олицетворяет собой начало истории американцев. Северо-Восток стал главной ареной борьбы за независимость, именно здесь начинались судьбоносные для страны общественные движения, битвы с англичанами, принимались политические акты, ознаменовавшие появление нового государства. Политическая жизнь на Северо-Востоке всегда была открыта в широкий мир, т.к. регион являлся главной зоной контакта с внешней средой. Сердце Северо-Востока — Новая Англия — оплот и консерватизма, и радикализма, пристанище и утонченных

Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т. 1. — М, 1992. — С. 227.

денди, и немытых оборванцев-иммигрантов. Новая Англия дала новой нации куда больше, чем можно было ожидать и по числу ее обитателей, и по размеру территории. Географическое положение, качество, состав населения и уровень мышления сделали ее в культурном отношении неким чистилищем между упорно цепляющимся за жизнь уходящим старым миром и еще не вполне сформировавшимся новым. Общественная жизнь в этом макрорегионе, наиболее устоявшаяся, прошедшая длительную эволюцию, благодаря которой она лишена ряда крайностей, которые все еще осложняют развитие некоторых частей США.

В Новой Англии сложился единый региональный стиль — стиль янки — сурового, худощавого, практичного человека; это, как правило, кальвинист, индивидуалист, он непреклонен во вражде и верен в дружбе. Человек Новой Англии — это «смесь пуританина и флибустьера». Важным ресурсом этого региона была предприимчивость, об этом свидетельствует способность ее обитателей извлечь выгоду даже из суровой зимы, наладив доставку льда и изобретя холодильник. Ценились в этом регионе широта ума, грамотность, гибкость и стремление к познанию. Небольшая по американским меркам Новая Англия обрела фантастическое разнообразие институтов, интересов и даже образов жизни. Важной чертой общественной жизни Новой Англии является изобилие всевозможных движений за реформы. Южане справедливо называют Новую Англию родиной «измов». Особой политической традицией региона выступает диссидентство: «Порой дерзкая идея избранности вела к твердокаменному республиканизму, порой к радикализму, но она всегда презирала удобный конформизм» (М. Лернер).

В моралистической политической культуре, характерной для территорий Северо-Востока, государство «рассматривается как базис демократического правления. Политика— одна из главных сфер деятельности человека в поисках лучшего общества, а борьба за власть — попытка использовать власть на общее благо. Хорошее правительство описывается в терминах честности, бескорыстия и приверженности благополучию тех, кем оно управляет. Разделяется мнение, что в идеале политика — дело каждого гражданина, а не только тех, кто посвятил себя профессиональной карьере политика. Поощряется политическое участие, не связанное с регулярными партийными структурами».[1]

На практике там, где доминирует моралистическая субкультура, больше любительского участия в политике, нетерпимости к политической коррупции, политика не воспринимается как безусловно «грязное» дело.

Моралистическая субкультура более расположена к активному вмешательству государства в экономическую и социальную жизнь сообщества. В то же время приверженность традициям коммунитаризма направляет государственное вмешательство на решение локальных проблем. Налицо потенциальный конфликт между принципами коммунитаризма и необходимостью широкомасштабной организации, бюрократически эффективной. Понятие политически нейтральной административной системы не создает никаких проблем в системе ценностей моралистической культуры и дает много преимуществ. Выразители

[1] **Elazar D.** American Federalism. A View From The States. — N.-Y., 1966. — P. 91-92.

моралистической субкультуры привнесли ее ценности в политическую жизнь других районов Америки, главным образом Юга и Юго-Запада.

Политическая культура Среднего Запада США

Обширная срединная часть Соединенных Штатов Америки была заселена американцами уже после революции. Этнические корни нынешнего населения Среднего Запада — европейские: англичане, голландцы, немцы, поляки и др. Природная среда Среднего Запада обладает несколькими яркими чертами, которые оказали на сложившуюся здесь территориальную общность людей воздействие настолько сильное, что многие ученые не раз использовали этот регион в качестве примера обусловленности общественного развития географической средой. Этот регион отличается единообразием природных условий (строгая равнинность) и превосходными агроклиматическими данными. Занимая всего пятую часть территории, он дает до 50% сельскохозяйственной продукции страны. Заселялся Средний Запад первой волной фронтира США. Многие черты новой нации сложились именно среди этих американцев, продвигавшихся от побережья в глубь континента. Можно сказать, что в центре континента сложился новый тип человека — «Homo Americanus» — определяемый своей мобильностью.

Хотя большинство авторов считают Средний Запад «цитаделью индивидуализма», данное утверждение является несколько упрощенным. Первопереселенцы обычно выходили в путь не одни. В группах, которые складывались в пути, они находили выражение своим потребностям и чаяниям, приобретали опыт существования в общине. Лидером в этих условиях, когда важно было сохранить корпоративный дух, становился человек, умеющий убеждать и организовывать. Общины находились на изрядном удалении от административных центров, законодательных собраний и судов. Один из историков XIX в. Д. Ройс указывал на то, что зарождавшееся общество волей-неволей приучало своих граждан кожей чувствовать вездесущее присутствие закона и неизбежную потребность в общине.

Жители Среднего Запада придавали исключительное значение просвещению и образованию. Между революцией и Гражданской войной большая часть новых колледжей была основана в западных поселениях и на самых дальних заселенных рубежах. Примерно из 200 колледжей и университетов, основанных в те годы и сохранившихся до XX в., более сотни возникли за пределами первых 13 колоний. Эта особенность американского высшего образования объясняется такими факторами, как дух предприимчивости, побуждавшим каждое поселение считать себя чуть ли не «Афинами Запада», и дух миссионерства, несущий веру в самые дальние поселения.

После освоения Средний Запад стал символом aipapnoro рая, непременными атрибутами которого были своя ферма на собственной земле, независимость и процветание, зависящие только от собственного трудолюбия. Поколения фермеров, выросшие в этих благодатных условиях, постепенно привыкли считать свое преуспеяние не даром природы или судьбы, а плодом своего особого умения хозяйствовать. В это умение входили не только трудолюбие и деловая сметка, но и чуткость к нововведениям, своеобразный техницизм

сугубо прагматической закваски. На этой почве укоренились такие черты культуры, типичные для жителя Среднего Запада, как демократизм, уверенность в себе, оптимизм (иногда показной), открытая ориентация на чисто материальные приобретения, а заодно и индивидуализм, презрение к неудачникам и чужакам. Если Новая Англия — символ элитарной культуры Америки, то Средний Запад — средоточие ее массовой культуры.

Расхожие стереотипы восприятия Среднего Запада — «сердце нации», «самая американская Америка» и т.д. — строятся на идее жизненного цикла «юность — зрелость — старость», где Среднему Западу хотя бы по чисто географическим причинам отводится срединное место между дряхлеющим Востоком и «диким Западом».

В XX в. этот ореол Среднего Запада начал тускнеть. Сначала эрозия полей превратила часть региона в «пыльную чашу», а упадок промышленности охватил Приозерье, которое стали называть «ржавой чашей». Средний Запад утратил репутацию прогрессивного региона и стал считаться бастионом республиканской партии. По сути, есть два Средних Запада: один — это Огайо, Индиана, Иллинойс, Мичиган — территория, бывшая некогда оплотом консерватизма; другой — это Миссури, Миннесота и Висконсин — территория сторонников радикализма аграрного толка. Штат Огайо был для республиканцев «колыбелью президентов», а в популистских штатах зарождались реформистские движения.

В этом регионе США доминирует индивидуалистическая политическая культура, которая опирается на концепцию демократического порядка как рынка. Правительство учреждается в чисто утилитарных целях для выполнения функций, необходимых людям. Эта культура ограничивает общественное вмешательство — государственное или негосударственное — в частные дела до необходимого минимума. Она определяет и характер политического участия. Политика рассматривается как одно из средств экономического или социального совершенствования самого человека. В этом смысле она — разновидность бизнеса. Тот, кто выбирает политическую карьеру, может ожидать соответствующего вознаграждения своих усилий. Политика в этой субкультуре основана на системе взаимных обязательств. Существует опасность «аморализма» индивидуализма в политике, когда государственный служащий видит главную ответственность в удовлетворении своих собственных нужд иногда за счет других. Политики заинтересованы в получении чиновничьего кресла для контроля за распределением благ, а не для употребления власти для каких-то программных целей.

В исследуемом регионе США была заложена традиция рассматривать политику как специализированный вид деятельности, в котором «любители» не могут играть активную роль. Общественное мнение склонно считать политику грязным бизнесом, которым лучше не заниматься, если есть желание не запятнаться. Общественные лица неохотно инициируют новые программы или открывают новые области деятельности правительства. В этом смысле их желание разрешить функции правительства основано на распространении системы обмена услугами, которая является сердцевиной политических отношений.

Ее вполне можно считать результатом «общественного районирования». У американцев сложился общий образ южанина благодаря яркости внутренней целостности этого макрорегиона, некоего культурного единства. Подобно Новой Англии, Юг в США — это не только район, но и целая идея. Причины политико-культурной специфики Юга коренятся в его истории. Колонисты приезжали сюда не столько строить новый мир как пуритане, сколько воссоздавать старый, да еще в условиях сохранения рабства. Все трудовые и естественные ресурсы Юга были подчинены одной цели — обогащению на товарных культурах (рисе, табаке, хлопке). На *Юге* быстро сложилось три сегрегированных общественных слоя: богатые плантаторы, белая беднота из сервентов (т.е. работников, обязавшихся отработать на хозяев определенный срок в оплату за перевоз и бытовое устройство) и черные рабы. Перегородки между слоями были практически непроницаемыми. В отличие от пуритан, которые видели в труде своего рода доблесть, освященную Богом обязанность человека, белые южане смотрели на труд, как на вынужденное занятие, оправданное только в том случае, если оно вело к быстрому обогащению и возможности вести потом праздную жизнь. Многих южан исторически отличает обостренное чувство собственного достоинства, имитация аристократического образа жизни, определенная культурная изоляция.

Культура Юга США складывалась из весьма разнообразных элементов. Наследие французской и испанской культуры в Луизиане и Флориде, а также римского права в Луизиане было распространено сильнее и шире, чем любые иные привнесенные влияния в восточных штатах. При этом ни у какой другой части американской нации не развилось подобного чувства обособленности одновременно со страстным желанием утвердить свою однородность.

На Юге США города появились лишь после того, как сельские поселения уже сформировали облик края. В этих условиях они носили провинциальный характер, вели к значительной замкнутости. Политическое руководство сохранялось за плантаторами. Посредники-коммерсанты, доминировавшие в торговле Юга, не занимали важных позиций в политике и культуре. Здесь сформировалось и другое отношение к иммигрантам. В отличие от Запада, где в переселенцах видели новую силу, на Юге стремились обособить их и вытеснить. Это можно объяснить «менталитетом военного лагеря», сформировавшегося у белого населения в штатах с преобладанием афро-американцев. На Юге США, как известно и из художественной литературы, наблюдалось торжество обычного права — «законов чести». Самые крупные сделки заверялись честным словом. Конфликты между джентльменами надлежало улаживать с помощью дуэли. «Кодекс чести» гласил, что хорошая репутация куда важнее самой жизни. Мистика чести выражала веру в стабильность южного образа жизни. Если в Новой Англии осознание противоречивых интересов породило активную преобразовательную деятельность, то на *Юге* шел процесс консервации сложившихся социально-политических и экономических устоев, развивался сепаратизм, что в конечном счете вылилось в Гражданскую войну 60-х гг. XIX в., приведшую к поражению «южан» и отмене рабства.

Последующие потоки миграции и переход к постиндустриальной экономике во многом изменили лицо Юга, и сегодня на фоне Севера с его жесткими индивидуалистическими установками и определенной социальной атомизацией Юг выглядит обществом более сплоченным, где социальные связи между людьми играют важную роль. Южане любят поговорить о том, что от их общества веет не только сегрегацией, но и теплотой человеческих отношений, незнакомой Северу, патриархальностью уз, сплоченностью людей, что им присущи такие черты, как чувство чести, патриотизм, романтический взгляд на жизнь. Юг по-прежнему поставляет в армию США большинство новобранцев, южане составляют и значительную часть офицерского корпуса сухопутных и военно-воздушных сил.

Традиционалистская политическая культура, свойственная Югу, основана на амбивалентном отношении к политическому рынку в сочетании с патерналистской и элитистской концепцией государства. Она отражает принятие иерархизированного общества как естественного порядка вещей. Те, кто находятся на вершине социальной пирамиды, должны доминировать и во власти. Государство вручает реальную политическую власть относительно замкнутой группе из сложившейся элиты, которая часто «наследует» свое право управлять через семейные связи или социальное положение. Семейные и социальные связи в традиционалистской политической культуре более важны, чем личные в индивидуалистической. От тех, кто не принадлежит к этой замкнутой группе, не ожидают активного участия в политике. Политические партии на Юге играют ограниченную роль, т.к. они предполагают известный уровень открытости политики, противоречащий фундаментальным идеям элитизма. Их главное предназначение — заполнить вакансии в системе управления, не востребованные представителями элиты. Там, где традиционалистская субкультура доминирует, политические лидеры играют консервативную и охранительную роль. Она опирается на отлаженную сеть неформальных межличностных отношений, которая выработана годами и лежит в основе политической системы Юга. Этим она отличается от индивидуалистической и моралистической культур, в которых развитие бюрократической системы организации, в первую очередь, поощряется благодаря идеям «рациональности» или «эффективности» правления.

Политическая культура Запада США

Термин «Запад» в США насыщен глубоким культурным смыслом, схожим по смыслу с термином «дикое поле». Здесь фронтир завершил свое движение по стране. Исторически это самый молодой регион. Все этапы, которые последовательно переживали в свое время Восток и Средний Запад, регион Запада буквально проскочил. Малочисленность населения и его концентрация в городах делают ощущение простора, безлюдья и неосвоенности еще более резким. Этот макрорегион весьма неоднороден. Он включает в себя и Мормонский (специфически религиозный) Запад, и Скалистые горы, и Калифорнию. Местные культуры носят замкнутый характер. Они резко реагируют на вторжение извне. Начальные социокультурные процессы на Западе все еще далеки от завершения, и процесс районообразования продолжается. Особенности западной политиче-

ской культуры во многом объясняются этническим разнообразием. На Западе живет половина всех американских индейцев (80% площади их резерваций). Кроме того, в регионе самый большой вес испаноязычного населения (около 60% от общего числа мексиканцев в США), здесь же оседает подавляющее большинство иммигрантов из Азии — китайцев, филиппинцев и японцев.

Ныне Запад — один из самых динамично развивающихся регионов, а Калифорния — самый большой по численности населения и богатейший штат в США. Калифорнийская Силиконовая долина стала нарицательным именем и символом средоточия наукоемкой промышленности. Среди населения Запада довольно распространен «антиистернизм» — настороженное и зачастую враждебное отношение ко всему восточному, которое, пожалуй, даже четче выражено, чем традиционное для США противопоставление Севера и Юга. К особенностям массового сознания Запада США можно отнести и определенный антиинтеллектуализм (существует даже поговорка, что «в Техасе практически нет поэтов»). В отличие от Юга и Северо-Востока, здесь отсутствует прочная духовная традиция, которая могла бы облагородить широко распространенную деловую активность и предприимчивость жителей Запада.

Существенный интерес для исследования особенностей политической культуры Запада представляет регион Калифорнии.

Если бы Калифорния отделилась в самостоятельное государство, то по размерам валового продукта она уступала бы лишь остальным штатам США (в совокупности), Японии, ФРГ, Франции и Великобритании, а в расчете на душу населения не уступала *бы* никому.

Главные отличительные черты калифорнийской культуры — это бытовая свобода, радикализм в социальной сфере, нескованность традициями, открытость нововведениям любого сорта, многоязычие, полиэтнизм, мультикультуризм, гедонизм. Калифорнийцы оптимистичны, и во времена сомнений и неопределенности они оказываются самыми непредсказуемыми.

Этнической особенностью развития Калифорнии является постоянно увеличивающееся испаноговорящее и азиатское население штата. Так, почти половина всех калифорнийцев моложе 18 лет испаноязычна по рождению. Все это трансформирует общую и политическую культуру штата, который уже рассматривается некоторыми исследователями как некий новый Квебек.

В политических своих взглядах калифорнийцы отличаются независимостью. Являясь людьми, на новом месте они не связаны традициями, не оглядываются на родителей. Лишь половина молодежи голосует за ту же партию, что и их родители, тогда как на Востоке одинаково с родителями голосуют 75% молодых людей. Калифорния одна из первых показала, что избиратели, которые, не будучи лояльными к демократам и республиканцам, выбирают не партию, а личность, и их мало интересует, к какой партии она принадлежит. Неслучайно, именно Запад в целом дает весомую социальную базу поддержки «третьим» партиям и независимым кандидатам в президенты США. Калифорния считается штатом, где в наибольшей степени развиты формы непосредственной демократии: часто проводятся референдумы по различным вопросам, волнующим население. Подтверждением сказанного стало избрание губернатором

Калифорнии в 2003 г. известного киноактера США, выходца из Австрии, А. Шварценеггера, избравшего импонирующий калифорнийцам стиль открытой, публичной, личностной политики.

Итак, общенациональная политическая культура США получает выраженный характер как целое через субстанцию всех политических субкультур. Каждая из них вносит что-то важное в конфигурацию американской политической системы, в то же время любая из них содержит определенные характеристики, противоречащие общеполитической традиции. Так, моралистическая субкультура — тенденцию к фанатизму, косности у некоторых ее представителей; индивидуалистическая — наиболее толерантна к политической коррупции; на Юге, апеллируя к традициям, пытаются ограничить гражданские права чернокожих американцев, а его политические элиты тяготеют к автократии.

Базовые политические ценности, которые разделяются большинством американцев и придают национальной политической культуре гомогенность, можно охарактеризовать в целом как либеральные. Американская либеральная традиция основана на добровольном, непрофессиональном, базирующемся на прямом участии политическом активизме, чувствах гражданской добродетели, дисциплины и долга, на новом понимании политики как осознанной непрерывной работы. В любом регионе США легко найти такие проявления национального характера американцев, как предприимчивость и целеустремленность, нацеленность на успех.

Современной тенденцией политической жизни США является учет региональных отличий в социально-экономической области. Регионализм здесь не столько движение, сколько способ глубокого осознания своего регионального наследия. Главная функция региональных политических культур состоит в обеспечении здорового баланса между замкнутостью или спецификой региона и его открытостью, сотрудничеством с другими регионами в рамках США — единой федеративной республики. В американских условиях региональная идентичность позволяет испытать чувство гордости за яркое многообразие традиций и не составляет серьезной угрозы идентичности национальной.

3. Американский менталитет: «внутренний» и «внешний» аспекты

Политическая культура американского, как и любого другого общества, неразрывно связана с его ментальностью. Американский менталитет имеет свои особенности. США — одна из самых пестрых в этнографическом отношении стран мира. Американская нация, безусловно, унаследовала лучшие черты первых поселенцев: энергию, оптимизм, независимость, предприимчивость и трудолюбие. Американцы — большие патриоты. Они подчеркнуто уважают свою страну и ее законы, свой герб, флаг и гимн. В США трудно найти официальное учреждение или коммерческую фирму, в кабинете руководителей которых не было хотя бы небольшого национального флага.

Американцы самостоятельны и независимы. С раннего детства они привыкли «крепко стоять на ногах», т.е. надеяться только на себя. Они — прямые люди, ценят в людях честность и откровенность, быстро переходят к сути разговора и не тратят время на формальности; не любят чопорность, предпочитают удобную, повседневную одежду, обращаются друг к другу просто, неофициально, даже если между собеседниками большая разница в возрасте и общественном положении.

Граждане США в идеале следуют психологии победы, поскольку у победителя все отлично. В обществе США принято отмечать любой успех и делать вид, что неудачи — это что-то несущественное или временное. Отсюда для американца очень важен оптимистический вид (имидж) при устойчивом внутреннем чувстве неуверенности. Ни в какой другой стране нет так много психиатров, страховок и т.д.

Американцы считаются материалистами. «Успех» нередко измеряется количеством заработанных денег, статусом. Американцы энергичны, отличаются высокой активностью, движением, переменами. Они не любят перерывов в беседе, лучше поговорят о погоде, чем сделают паузу в разговоре. Даже на фоне других народов, которые слывут трудолюбивыми (китайцев и японцев), поражает неистовая одержимость, с которой американцы работают, т.е. делают деньги, особенно в лучшие годы своей жизни. Какого бы достатка и положения ни был американец, его время всегда расписано по минутам вперед. Он запрограммирован на максимальную эффективность, на полную самоотдачу.[1] На службе американского работника избавляют от дел второстепенных, не соответствующих его квалификации, но зато «выжимают» все, что входит в его прямые служебные обязанности. Для большинства американцев прямой откровенный разговор — показатель честности и власти, тогда как разговор намеками ассоциируется с нечестностью и неуверенностью. Американцы, привыкшие отдавать прямые приказы своим подчиненным, расценивают указания, преподнесенные в неясной форме, как попытки манипулировать ими, чтобы в случае негативного результата снять с себя за это ответственность.

Одно из главных отличий американцев от русских — это замкнутость общества. Они зациклены на жизни своего континента и их практически не интересует жизнь других народов. У них свои «национальные» кумиры — великие баскетболисты, регбисты, киноартисты, политики. Простой иностранец знает об американцах гораздо больше, чем американец о народе какой-либо европейской страны. Подобная замкнутость, бесспорно, обедняет духовную жизнь американского общества при всем ее разнообразии. Корни е е — в уверенности американцев, что все самое важное, самое замечательное и интересное происходит в их стране.

Американцы оказали значительное влияние на стиль ведения переговоров во всем мире. Вторую половину XX в. иногда называют «эрой переговоров», она совпала с ростом влияния США на развитие международных деловых, экономических и политических отношений. Американцы внесли значительный элемент демократизма и прагматизма в практику делового общения. Деловой американец по своему характеру не меланхоличен и не педантичен. Но он понимает, что

[1] **Faul S.** The Henophobe's Guide to the America — Oval Projects, 1994. — P. 65-66.

для организации любого дела нет мелочей. Поэтому к переговорам он готовится тщательно, с учетом всех элементов, от которых зависит успех дела.

Важным качеством американского бизнеса, их поведения в политике является соблюдение трех правил: анализируй, разделяй функции (обязанности), проверяй исполнение. Эти правила считаются условием квалифицированного руководства. Специализация — это девиз, без которого не начинается ни одно дело. Прагматизм американцев проявляется в том, что при деловых беседах, на переговорах они концентрируют свое внимание на проблеме, подлежащей обсуждению, причем стремятся выявить и обсудить не только общие возможные подходы к решению, но и детали, связанные с реализацией договоренностей. В деловом и политическом общении американцы энергичны, настроены на интенсивную работу. Этому способствует вся система образования и воспитания, существующая в США. Со школьной скамьи в детях одобряется напористость, умение ставить цели и добиваться их, жестко отстаивать свои интересы.

Американский прагматизм во многом обеспечивается объективными факторами. Как правило, представители США обладают достаточно сильной позицией на переговорах, и это не может не сказываться на технологии их ведения: американцы довольно настойчиво пытаются реализовать свои цели, могут и любят торговаться. Большое внимание при решении проблем они уделяют увязке различных вопросов, «пакетным» решениям и сами часто предлагают «пакеты» к рассмотрению. Для них характерно обсуждение сначала общих рамок возможного соглашения, а затем деталей. В беседах, на переговорах американцы предпочитают причинно-следственные аргументы, предполагающие, что вывод делается на основе фактического доказательства. Подобный тип аргументации характерен и для англосаксонского переговорного стиля и отличается, например, от традиций римского права, где исходной точкой доказательства служит некий принцип, а само доказательство строится как демонстрация применения этого принципа.[1]

Демократизм американцев в деловом общении проявляется и в неформальной атмосфере при ведении переговоров и деловых бесед. Они хорошо реагируют на шутки, стараются подчеркнуть дружелюбие и открытость. В американской делегации трудно встретить человека, не компетентного в обсуждаемых вопросах.

Американский стиль ведения переговоров, деловых бесед имеет и обратную сторону. Считая себя «законодателями мод» в технологии делового общения, американцы проявляют эгоцентризм, полагая, что партнер должен руководствоваться теми же правилами. Иногда представители США могут оцениваться партнерами как слишком напористые, а их стремление к неформальному общению порой интерпретируется как фамильярность.

Американцы предпочитают знать, с кем имеют дело. Входя в рабочий кабинет вашего американского партнера, вы можете быть поражены обилием развешанных по стенам различных сертификатов, принадлежащих либо владельцу кабинета, либо возглавляемой им фирме, а также фотографий, на кото-

[1] **Кокошин А.А., Рогов СМ.** Серые кардиналы Белого дома. — М., 1987. — С. 134.

рых запечатлены известные политические и общественные деятели, посещавшие некогда данную фирму.

Итак, американская ментальность — это ментальность деловых людей, воспитанных в духе индивидуалистической, демократической конкуренции, которая предполагает максимальное использование «человеческого фактора». Это имеет непосредственное отношение и к американской политике.

Понятие «американизм» имеет несколько оттенков: 1) в политическом смысле — приверженность или лояльность по отношению к США, их традициям, интересам, идеалам; 2) обычаи, характерные черты американцев; 3) слова и фразы, вошедшие в обиход из США. Американизм в первом значении тесно связан с экспансионистской идеологией, которая вместе с особенностями социально-экономического и политического развития страны породила устойчивый миф об американской исключительности. В течение времени его трактовка видоизменялась, но в сознании американцев оставалось осознание исключительности. В результате американизм как типичное, обыденное сознание «среднего американца» включает как прогрессивные демократические элементы (права личности и т.д.), так и реакционные, националистические, доходящие до расизма, конформистские. Отсюда резкие колебания общественно-политического маятника, отмечающего состояние американского общества и его политической культуры.[1]

Исторически Россия и США относятся к различным цивилизационным общностям, в силу чего их политические культуры имеют базовые отличия. Соответственно, процессы сближения этих культур и их изучение предполагают особое внимание как к их существенным социокультурным различиям, так и к тем параметрам, по которым происходит их сближение, поэтому прямое заимствование американских ценностей и их неадаптированное применение в российских условиях может привести к дестабилизации политического развития.

На наш взгляд, наиболее плодотворны сравнения этих культур по цивилизационным доминантам развития России и США, по взаимодействию государства и гражданского общества, по основным региональным политическим культурам, по характеру и степени влияния различных субкультур на устойчивость и эффективность социально-экономического и политического развития. Вместе с тем следует учитывать, что в разных культурах сходные результаты могут достигаться разными способами. При этом каждая культура разрабатывает свою концепцию определенной согласованности между «правилами игры» и политическими действиями, с одной стороны, и тем, что ожидает от них народ, что он признает легитимным — с другой.

В политической культуре как россиян, так и американцев присутствуют идеи толерантности. В российской политической культуре, по нашему мнению, в большей степени представлена пассивная, «уважительная» к другим народам и культурам толерантность; в политической культуре США как нации эмигран-

[1] **Харц** Л. Либеральная традиция в Америке. — М, 1993; **James Oliver Robertson.** American Myth. American Reality. — N.-Y., 1980.

тов и традиции фронтира — активная толерантность и идеи экспансионизма («образа жизни»), «защиты прав человека» как в ближнем, гак и дальнем зарубежье «по-американски».

Необходимо обратить внимание на то, что для ряда носителей (субъектов) современных политических культур США и России характерны ориентации на гуманистические цели и идеалы, осмысленное участие в политике. Это является хорошей основой для развития взаимовыгодного диалога политических культур американского и российского народов при уважении их цивилизационных различий, ценностных систем, национальных интересов. Вместе с тем существует и иная тенденция в развитии политической культуры и идеологии США — фронтир (экспансия) во внешней политике. Характеризуя сложившуюся в современной мировой политике ситуацию, известный американский политолог-международник, профессор школы современных международных исследований при университете им. Дж. Хопкинса в Вашингтоне 3. Бжезинский обращал внимание на то,, что «американское глобальное превосходство подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которая буквально опутывает весь мир. НАТО связывает наиболее развитые и влиятельные государства Европы с Америкой, превращая США в главное действующее лицо даже внутри европейских дел. Двусторонние политические и военные связи с Японией привязывают самую мощную азиатскую экономику к США, причем Япония остается (по крайней мере в настоящее время) в сущности американским протекторатом. Америка принимает также участие в деятельности таких зарождающихся транстихоокеанских многосторонних организаций, как Азиатско-Тихоокеанский форум экономического сотрудничества, становясь главным действующим лицом в делах региона... Специальные меры безопасности в Персидском заливе, особенно после краткой карательной операции против Ирака в 1991 г., превратили этот экономически важный регион в американскую военную заповедную зону. Даже на бывших советских просторах нашли распространение различные поддерживаемые материально американцами схемы более тесного сотрудничества с НАТО, такие как программа "Партнерство во имя мира"».'

Подтверждением линии агрессивного внешнеполитического американского фронтира явились крупномасштабные военные действия США против Ирака, развязанные в марте 2003 г. без санкции Совета Безопасности ООН. В заявлении Президента Российской Федерации В.В. Путина от 20 марта 2003 г. говорилось, что «военные действия США осуществляются вопреки мировому общественному мнению, вопреки принципам и нормам международного права и Уставу ООН».[2]

П.Дж. Бьюкенен: «То, что случилось 11 сентября 2001 г., является прямым следствием интервенционистской политики США в исламском мире, где никакие угрозы нашим жизненным интересам не оправдывают нашс-

[1] Brzezinski Zb. The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostategic Imperatives. — Basic Books. A Division of Harper Collins Publishers, 1997. — P. 36-37.

[2] Заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина // Независимая газета. — 2003. — 21 марта.

го массивного вмешательства. Мы — республика, а не империя. И до тех пор, пока мы не будем придерживаться во внешней политике принципа, завещанного нам нашими отцами-основателями быть в стороне от раздоров и войн в других странах, — не будет конца войне, не будет безопасности и мира в нашей собственной стране».[1]

Ключевые понятия

социополитический период
фронтир, противоречивая культура фронтира
фронтир во внешней политике США
регионализм, федерализм
федеративная политическая культура
«американская мечта»
американский менталитет (политический)
идея особой миссии США
теория «плавильного котла»
географический фактор и культура США
этнический фактор в культуре и политике США
«перенесенная цивилизация»
региональная политическая культура
моралистическая культура
индивидуалистическая культура
традиционалистская культура
иммиграционные культурные потоки
политико-правовая культура США
культура американского элитизма
«национальный интерес» в культуре США
культура «общественного договора»
демографический фактор в культуре и политике США

Вопросы для самостоятельной работы

1. Каковы цивилизационные основы политической культуры США?
2. Перечислите характерные черты американской политической культуры?
3. В чем особенности политической культуры США?
4. Каковы основные виды субкультур в политической культуре США?
5. Каковы проблемные стороны политической культуры США?
6. Охарактеризуйте особенности политических культур макрорегионов США.
7. Какова роль правовой культуры в политическом развитии США?
8. Перечислите основные политико-культурные регионы США
9. Каковы основные политические ценности в американской политической культуре?
10. Охарактеризуйте политический менталитет граждан США.
11. Что понимается под фронтиром в политической культуре и истории США?
12. Каково соотношение политической культуры и политической науки в США?
13. Какова роль миграционных потоков в формировании политических субкультур США?
14. Охарактеризуйте роль фронтира в современной внешней политике США.

Patrick J. Buchanan. The Death of the West. — P. 242.

Глава 8
Политическая культура Канады

В.С. Ажаева: «Привлекательность примера Канады состоит не в том, что она не имеет проблем, а в том, как она их решает. Канада — страна иммигрантов. Генетически заложенная способность приспосабливаться к новым условиям помогает канадцам переживать трудности. Но не только граждане проявляют способность адаптироваться. Правительство, парламент, политические партии проявляют гибкость в социально-экономической, политической и законотворческой деятельности, учитывая настроения и предпочтения населения».

Мировая экономика за 100 лет // МЭиМО. — 2001. — № 9. По уровню своего социально-экономического развития Канада входит в число ведущих стран планеты («восьмерку»). На рубеже XXI в. она устойчиво занимает 7-е место по объему промышленного производства и ведущие позиции в мире и находится в первой пятерке по такому важному, стратегическому показателю, как уровень конкурентоспособности экономики. Доход на душу населения в этой стране устойчиво держится на уровне более 20 тыс. долларов в год.

Ги Лашапел: «Канадские университеты в силу их исторической роли — это нечто большее, чем просто высшие учебные заведения. Канада (особенно ее атлантическое побережье, или Новая Франция) в известном смысле во многом начиналась именно с университетов как очагов новой Культуры, Языка, Веры, Ремесла, Искусства и Демократии. Многие университеты основывались и возглавлялись авторитетными канадскими политическими и духовными деятелями. Так, крупнейший университет Канады (в Монреале) носит имя МакГилла — губернатора Монреаля, Квебека — имя Лаваля — первого епископа Квебека и др.)».

П. Дудкевич, С.А. Степанов: «Канадское высшее образование в силу эффективности и значительно более дешевой стоимости обучения, успешно конкурирует с рядом университетов США. Предприимчивые канадцы широко используют высокую конкурентоспособность своей образовательной системы, приглашая к себе сотни тысяч студентов из всех стран мира, включая растущее число российских».

А.А. Мелкумов: «Канада представляет собой многосоставную страну, характеризующуюся ярко выраженным этнонациональным, социокультурным, конфессиональным, региональным и иными формами плюрализма».

Г. Маклер: «Национально-этнической проблемой Канады является проблема Квебека. Канада: две нации, одно государство?»

А. Лейпхарт: «Канада в определенной степени представляет собой сообщественное, консоциальное государство».

Страны мира. Справочник. По географическому (северному) положению Канада напоминает Россию. Число русско- и украинскоговорящих иммигрантов составляет более миллиона человек.

Куплет из песни. *Над Канадой небо синее и порой дожди косые,*
Только все-таки Канада — это все же не Россия.

1. Особенности цивилизационного развития Канады

Рассмотрение канадских культурных и цивилизационных особенностей развития может представлять как теоретический, так и прикладной интерес. Опыт ее генезиса как полиэтничной страны, политики и культуры федерализма, государственного управления в целом, создания сильных, конкурентоспособных экономики и сферы услуг, других достижений и факторов, северная (климатическая и соответствующая этническая) близость к России, традиционно устойчивые и взаимовыгодные российско-канадские отношения и многое другое заслуживает соответствующего анализа.

Численность населения Канады постоянно растет (в т.ч. и в силу продуманной иммиграционной политики на привлечение из-за рубежа уже подготовленных или необходимых кадров) и составляет ныне более 30 млн человек. Территория Канады — вторая в мире по протяженности (после России, почти равна КНР и США), составляет 9,97 млн км^2. Но подавляющая часть населения страны (в силу благоприятных климатических условий) живет вдоль границы с США.[1]

Канадцы, по данным социологических опросов и сложившимся оценкам, считают, что их общество состоит в основном из состоятельных и хорошо обеспеченных групп населения. Канадский средний класс весьма развит (экономически, социально, культурно и политически); он составляет около 70% населения, что создает социальную основу устойчивого развития страны. Кроме того, количество богатых (9%) и очень богатых (5%) доходит до 14,5% населения. Число бедных (9%) и очень бедных (6%) канадцев, получающих различные пособия и в силу этого имеющих минимально необходимые условия для своего существования, составляет в стране не более 15% граждан. Это положительно характеризует социальную структуру и динамику общества.[2]

[1] Современная Канада: справочник / отв. ред. С.Ф. Молочков. — М.: 11аука, 1998. — С. 5-9.
[2] Ажаева В.С. Канада: тенденции социально-политического развития. — М: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), 2001. — С. 6-7.

Возросшая активность женщин на рынке труда привела к росту числа семей с двумя и более работающими их членами. Данное обстоятельство, в свою очередь, содействовало увеличению количества женщин, участвующих в политике и избирающихся в представительные и исполнительные органы канадских властей различных уровней. Женщины обычно составляют от 10 до 20% их состава.

Канадцы платят высокие налоги, которые могут достигать 25% их доходов. Но, во-первых, сравнительно большую их часть выплачивают наиболее состоятельные члены общества, во-вторых, значительная часть налогов «не теряется», а эффективно используется рациональной бюрократией в интересах большинства: в основном на общенациональные социальные программы, в реализации которых обычно ведущую роль играет государство. Общегосударственная модель медицинского страхования обеспечивает доступность основных медицинских услуг для широких слоев населения. Средняя продолжительность жизни канадцев является одной из самых высоких на планете и составляет 79 лет.[1]

Канадская система образования также считается одной из лучших в мире. Получение образования в Канаде в два-три раза дешевле, чем в США. Соответственно, предприимчивые канадцы широко используют указанный конкурентный фактор, приглашая к себе десятки тысяч студентов из всех стран мира, включая российских. Получая устойчивые доходы от данной образовательной политики, канадцы постоянно совершенствуют систему высшего образования и научных исследований.

Канадское общество высоко интернетизировано. Более 40% канадцев имеют «домашний» Интернет, около 30% — личный e-mail-адрес. Подавляющая часть канадской молодежи (78—80%) широко использует Интернет, причем все в большей степени в образовательных и производственных целях.[2] Занимая пятое место в мире (после Норвегии, Сингапура, США и Швеции) по степени информатизации общества, канадцы широко используют Интернет, что особенно важно в условиях колоссальной пространственной протяженности страны.

Канада и США — это своеобразные фрагменты Европы, основанные переселенцами из различных европейских стран, покинувшими свою историческую родину на разных этапах развития старого континента. Обе страны представляют собой нации иммигрантов, принесших с собой традиции, обычаи, ценности, мифы, стереотипы поведения соответствующих народов Европы. И Канада, и США отличаются четко обозначенным этнонациональным, социокультурным, конфессиональным, региональным и т.д. плюрализмом. Однако между ними есть существенные различия. Во-первых, в силу исторических причин в Канаде государственное регулирование всегда играло большую роль, чем в США, что нашло соответствующее отражение в ее политической культуре. Во-вторых, если в американском «плавильном котле» иммигранты в течение одного-двух

[1] Жуков В.И. Индекс развития человеческого потенциала // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т 1. / гл. ред. В.Н. Иванов. — М.: Мысль, 2003. — С. 361.

[2] Canada leads world in surfing by cable // Calgary Herald. — 2000. — May 13. — P. 4-5; Internet Economics: A Thinkers Guide // The Economist. — 2000. — April 1. — P. 64.

поколений в своем большинстве полностью ассимилируются и «переплавляются» в американский народ, то для Канады скорее характерна традиционная «этническая мозаика», и модель «англоконформизма» встречает серьезное сопротивление соответствующих этносов. Канада характеризуется ярко выраженным этнонациональным, социокультурным, конфессиональным, особенно региональным и другими формами плюрализма.

Ключевая характеристика канадской культуры и этнического состава населения — полиэтничность. Среди канадских граждан: 40% — лица британского происхождения, 27% — французского, 33% — иной этнической принадлежности. Коренное население — индейцы (до 400 тыс.) и эскимосы (30 тыс. человек). Уже более ста лет существует большая украинская община (около 1 млн человек). Несмотря на почти 150-летнее существование Канадской Федерации, «смешение» лиц и семей британского и французского происхождения почти не происходит. Иммигрант, приехавший из Европы или Азии, в третьем поколении обычно становится «средним» канадцем. С англо- и франкоканадцами такой ассимиляции почти не происходит: они прежде всего ориентируются на свои культурные ценности, а затем на общеканадские. Не случайно канадцы иногда с горькой иронией сетуют на то, что они вынуждены ехать, чтобы через близлежащую американскую границу пожать друг другу руки.

Канадская культура и цивилизация отражают развитие исторически молодой страны и нации (государства). Отсутствие длительного общеисторического прошлого осложняет и «затормаживает» формирование единой политической культуры. В то же время процесс постоянного территориального расширения границ Канады, историческое «втягивание» в ее состав новых субъектов Федерации постоянно привлекает внимание канадцев к проблеме единства и многообразия страны.

Политическая культура Канады изначально формировалась как отражение сложного процесса создания федерации и развития федеративных отношений в многонациональном (бинациональном) и поликультурном государстве. Определяющую роль в стране играют два этнических компонента: англо-канадская и франко-канадская общины, которые на протяжении всей канадской истории стремились сохранить свою культуру, язык, исторические традиции, менталитет. В силу этого дуализма квебекский фактор стал одним из ключевых факторов, оказывающих существенное влияние на ее судьбу и соответственно политическую культуру.

Канада представляет собой многосоставное общество, в котором, взаимодействуя и конкурируя друг с другом и в то же время в значительной степени дополняя друг друга, сосуществуют и сотрудничают представители разных народов — носители различных культурных и политических ценностей. Это многообразие нашло государственное отражение в политической и культурной системе Канадской Федерации. Канадское федеративное государство и сообщество представляет собой своеобразный союз провинций, обладающих широкими правами, а также территорий, находящихся под управлением

центрального правительства. Страна включает десять провинций: Онтарио, франкоговорящий Квебек, Новую Шотландию, Нью-Брансуик, Манитоба, Бриганскую Колумбию, Остров Принца Эдурда, Альберту, Саскачеван, Ньюфаундленд и три территории: Юкон, Северо-Западные территории, Нануват.

С исторической и цивилизационной точки зрения Канада представляет собой страну преимущественно французских и английских переселенцев, а также потомков коренного населения. Первые европейцы достигли Канады в 1494 г. Колонизация Канады, сопровождавшаяся истреблением коренного населения, началась в XVII в. В 1605 г. французы и в 1623 г. англичане основали на территории Канады свои первые поселения.

Заселение Канады начиналось французами. В 1535 г. французский мореплаватель Жак Картье заметил стратегически выгодное место-порт на высоком берегу глубокой и широкой реки Святой Лаврентий, которое впоследствии превратилось в город-крепость Квебек. Затем, поднявшись по течению Святого Лаврентия, он основал будущий г. Монреаль. Несмотря на захват англичанами в 1759 г. Квебека, этот город и сегодня — духовно-культурный центр франкоканадцев (Монреаль входит в провинцию Квебек).

До 1763 г. Канада являлась колонией Франции. В результате Семилетней войны (1756-1763 гг.) Канада отошла к Великобритании. Окончательное оформление границ и устройство колониальных владений Великобритании в Северной Америке завершилось в 1791 г. с принятием конституционного акта. В 1867 г. четыре британские провинции в Северной Америке — Онтарио, Квебек, Новая Шотландия и Новый Брансуик — объединились, создав тем самым федеративную Канаду. В соответствии с Актом о Британской Северной Америке (1867 г.), принятым английским парламентом, Канаде был предоставлен статус доминиона. В 1870 г. у Британской королевской компании Гудзонова залива была куплена значительная часть северных территорий. Создание канадского централизованного государства завершилось в конце XIX — начале XX вв. с образованием провинций Манитоба, Британская Колумбия (1871 г.), Острова принца Эдуарда (1873 г.), Альберта.

В 1931 г. английское правительство признало за Канадой самостоятельность во внутренней и внешней политике. В 1949 г. к Канаде отошли Ньюфаундленд и Лабрадор. Дипломатические отношения между Канадой и Российской Федерацией (СССР) были установлены в 1942 г.

Свою независимую конституцию Канада получила достаточно поздно — лишь в начале 80-х гг. XX в. — после принятия английским парламентом (по просьбе канадского) и опубликования 17 апреля 1982 г. Конституционного акта о Канаде. Этот документ был оглашен королевой Елизаветой в столице Канады г. Оттаве с Парламентского Холма. С архитектурной точки зрения канадский парламент очень похож на парламент Великобритании, поскольку строился по его подобию.

Данное событие завершило передачу конституционной власти от Великобритании к Канаде. Было установлено, что с этого времени ни один акт парламента Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии не может являться частью права Канады (п. 2 Акта о Канаде). Акт о Канаде включает соб-

ственно Конституционный акт 1982 г. и инкорпорирует всю совокупность ранее принятых парламентом Великобритании актов о Британской Северной Америке (1867, 1871, 1886, 1907, 1915, 1930, 1940, 1949, 1960, 1964, 1965, 1974, 1975 гг.), другие законодательные акты и поправки к ним. Общий конституционный блок включает 25 документов. Конституционный акт 1982 г. (п. 1 ст. 52) провозгласил, что «Конституция Канады (т.е. совокупность конституционных актов 1867-1982 гг.) является высшим законом страны, и любой закон, ей не соответствующий, не действует и не имеет юридической силы» (п. 52). Акт 1982 г. закрепил суверенитет Канады и ее конституционную независимость от Великобритании, отразил разумный компромисс между двумя государствами.[1] Поправка к конституции от 1987 г. признавала Квебек «отдельным обществом» в рамках Канады, декларировала выборность сената, однако она не была ратифицирована в силу негативной позиции по этому вопросу ряда англоязычных провинций.

Главой государства Канада номинально является королева Великобритании, представленная генерал-губернатором, который назначается королевой по рекомендации премьер-министра Канады. Законодательная власть осуществляется парламентом, состоящим из выборной (на пятилетний срок) палаты общин (295 депутатских мест) и назначаемого на региональной основе сената (105 мест) законодательными собраниями провинций и территорий.[2] Исполнительная власть принадлежит правительству во главе с премьер-министром. Лидер партии, получившей на федеральных выборах большинство мест в палате общин, становится премьер-министром и формирует правительство страны.[3] Таким образом, выборы в палату общин, культура формирования и деятельности парламента, политического и электорального процесса имеют для Канады первостепенное значение.

Конституция Канады регулирует не все вопросы, традиционно относящиеся к конституционному праву. Среди них гражданство, часть избирательного права и др. В Конституционный акт 1982 г. была включена канадская Хартия прав и свобод, заменившая ранее действовавший Билль о правах 1960 г., не имевший силы конституционного закона. Она придала закрепленным в ней правам и свободам высшую юридическую сшгу. К числу демократических прав фаждан отнесены право голосовать и быть избранным на выборах палаты общин и законодательных собраний провинций. Выделены также права на свободу передвижения и места жительства, на свободу проживания и право зарабатывать средства к существованию. Каждый имеет право на жизнь, свободу и безопасность своей личности, и этих прав нельзя лишить иначе как в соответствии с основными принципами отправления правосудия. В Хартии указаны также судебные гарантии прав граждан Канады. Так, каждый канадец имеет право на защиту от произвольного лишения свободы или заключения в тюрьму, а также право в случае ареста или задержания быть информированным о мотивах своего ареста или задержания. Он может безотлагательно обращаться к помощи адвоката

[1] Конституционные акты Канады // Конституции зарубежных государств. — 2-е изд. / сост. В.В. Маклаков. — М., 1996. —- С. 459-463.

[2] The Parliament of Canada — Democracy in Action // Le Parlement du Canada — La democratic en action. — Canada, 2001.

[3] Constitution of the World. Canada Ed. by A. P. Blaustein and G. H. Flanz. — N.-Y., 1988.

и быть информированным об этом праве, иметь возможность проверить законность своего задержания посредством процедуры habeas corpus и быть освобожденным в случае незаконного задержания (п. 3,6-10).

Все граждане Канады независимо от расы, национального или этнического происхождения, цвета кожи, религии, пола, возраста, умственных и физических недостатков равны перед законом и на основании закона. Английский и французский языки являются официальными языками Канады (с 1969 г.); они имеют одинаковый статус, равные права и привилегии в том, что касается их использования в парламентских и правительственных органах Канады (Конституционный акт 1982 г. п. 16). Однако на практике английский язык шире распространен в центральных правительственных учреждения, центре и западе страны, а французский — преимущественно в провинции Квебек.

Большая часть канадского населения исповедует католицизм (45%), имеются приверженцы англиканской, канадской объединенной и других церквей. Церкви играли важную роль в процессе колонизации и утверждении новой культуры. Поэтому в Канаде, особенно в Квебеке, Монреале и других, с которых начиналось ее освоение европейцами, особенно много церквей, причем многие из них — крупнейшие в Северной Америке и представляют собой выдающиеся произведения архитектурного искусства. Религия сыграла и продолжает играть важную роль в становлении и развитии канадской трудовой этики, культуры, образования и воспитания.

Сложносоставной характер Канадской Федерации, необходимость поддержки конкурентоспособных отраслей производства и сферы услуг, реализации активной внешней политики и другие факторы требовали активной роли государственного регулирования ключевых направлений экономического, социального, политического и культурного развития страны. В ней вмешательство правительства в различные сферы общественной жизни, в т.ч. и частную сферу, имеет длительную историю и позитивно воспринимается многими слоями населения. Речь идет о том, что только государство могло обеспечить расширение 1раниц федерации, финансировать и осуществлять сложные программы строительства на бесконечных по протяженности северных территориях, защищать средний и мелкий бизнес от конкуренции со стороны США, реализовать большие социальные программы и т.д.[1] В этом смысле можно говорить о канадской политической культуре государственного управления.[2] Даже тогда, когда те или иные важные программы реализуются федеральным центром совместно с провинциями, они часто носят общенациональный характер. Другое дело, что финансирование ряда программ общенационального масштаба начинает во все большей степени обеспечиваться из бюджета провинций.

Большинство канадцев — практики и центристы. Поэтому центристские и рационалистические партии и прежде всего центристская и государственно

' **Donald J. Savoie.** Governing from the Centre: The Concentration of Power in Canadian Politics. — Toronto: University of Toronto Press, 1999. — P. 330-339; 8-9.

[2] Changing the Rules: Canadian Regulatory Regimes and Institutions Ed. by G. Bruce Doern, Margaret M. Hill, Michael J. Prince and Richard J. Schultz. — Toronto: University of Toronto Press, 1999. — P. 8-9.

ориентированная либеральная партия, находившаяся длительные периоды времени у власти, чаще других поддерживалась гражданами.

Отличительной особенностью формирования политической культуры Канады является ее этническая неоднородность. Канада образовалась из множества этнических и культурный групп, чьи интересы в той или иной мере отражает и (или) выражает федеративное устройство страны. Как и в большинстве других федераций, в канадской между ее субъектами налицо существенные различия.

Доля субъектов Федерации в населении, территории и ВВП Канады

Провинции Канады	Население Канады, %	Территории,%	ВВП,%
Ньюфаундленд и Лабрадор	1,7	4,1	1,27
Острова принца Эдуарда	0,45	0,1	0,31
Новая Шотландия	3	0,6	2,3
Новый Брансуик	2,4	0,7	1,8
Квебек	24,1	15,4	21,1
Онтарио	28	10,8	42,1
Манитоба	3,7	6,5	**3,3**
Саскачеван	3,3	6,5	3
Альберта	9,9	6,6	12,1
Британская Колумбия	13	9,5	12,3
Федеральные территории			
Юкон	0,1	4,8	0,11
Северно-Западные территории	0,12	13,5	0,27
Нануват	0,09	21	0,09

Профессор Карлтонского университета (г. Оттава) Г. Уильяме обращал внимание на то, что в Канадской Федерации остро стоит вопрос о расширении самостоятельности ее субъектов. «Как и в большинстве других федераций, между ее субъектами налицо существенные различия. В двух из десяти провинций — Онтарио и Квебеке — проживает более трех пятых всего населения Канады. Здесь же производится более трех пятых ВВП. Вместе с тем в четырех атлантических провинциях насчитывается лишь 7,7% населения Канады, а производственный ВВП равняется 5,7% от общего в стране. Площадь трех северных федеральных территорий составляет две пятых площади Федерации. Проживает на ней 0,3% граждан. ВВП равняется 0,5%».'

Практика показывает, что федерализм в Канаде эффективно работает только тогда, когда соблюдается справедливое и рациональное распределение властных полномочий между центром и регионами, когда осуществляется политика разумной терпимости к разнообразию, уважению идентичности эт-

[1] Уильяме Г. Соотношение властных функций центрального и регионального правительств // Полиция. — 2002-2003. — № 4. — С. 40.

шческих меньшинств. Так, одной из основных проблем, решенных Оттавой 1 50-80-е гг. XX в., было осуществление социального развития провинций, финансируемого путем дополнительного налогообложения граждан богатых эегионов и перераспределения полученных средств в виде усредняющих фанов и целевых субсидий.

Роль канадских провинций неуклонно возрастает, продолжается и структушрование самой Федерации. Так, можно упомянуть о происшедшем в 1999 г. тзделе на две части Северо-Западных территорий и о создании новой территоЗии Нануват («наша земля»). На ней, составляющей одну пятую всей территоЗии Канады, проживает всего 30 тыс. человек. Ее создание обусловлено стремюнием федерального центра пойти навстречу требованиям местных жителей і обеспечить определенную долю самоуправления инуитам (эскимосам), обра;ующим большинство.[1]

В Канаде достаточно широко используется термин «глокализм», в котором 1елается акцент на растущую важность локальности (этнической и др.), как след:твие глобализации.[2]

Совершенствуется механизм консультаций, позволяющих канадским регио1альным правительствам участвовать в работе международных органов. Так, і последние годы положительно заявили о себе регулярные встречи премьеров 13 Восточной Канады и губернаторов Новой Англии (США), Для Канады, как і для других федеративных государств, актуальна система консультаций с региональными правительствами до заключения международных соглашений, заграгивающих их интересы. Такие консультации могли бы придать большую югитимность соответствующим решениям.

Законодательную власть в провинциях Канады (формально возглавляемых юйтенант-губернаторами) осуществляют законодательные ассамблеи, испол--штельную — кабинеты министров во главе с премьером. Основы устройства тровинций, численность и порядок предоставления им мест в сенате и палате збщин Канады регулируются актами о присоединении провинций к Канаде. Существенное значение имеет ч. V Конституционного акта 1982 г., закрепивлая различные способы внесения поправок в основной закон в зависимости от характера изменяемых норм. Обычная процедура внесения поправок з Конституцию Канады требует издания генерал-губернатором прокламации ; приложением большой печати Канады, уполномоченного на это: а) резолюдиями сената и палаты общин; б) резолюциями законодательных собраний по меньшей мере двух третей провинций, население которых, согласно послед-

[1] В соответствии с Соглашением о Нанувате инуитам было выделено более 1 млрд доллаэов, передано в собственность около одной шестой территории Нанувата и предоставлено лраво добычи полезных ископаемых на площади в 35 тыс. кв. км. На протяжении истекших 20 лет аналогичные дарения были осуществлены на Юконе и на Северо-Западных территориях. Как и на других северных федеральных территориях, делами Нанувата ведает избираемый Зовет, обладающий определенной независимостью от Оттавы. Вместе с тем федеральное травительство сохраняет общий контроль над использованием ресурсов.

[2] Glocalization: the Regional/International Interface // Canadien Journal of Regional Science. — 1995. — № 18.— P. 2-6.

ней всеобщей переписи, составляет в совокупности по меньшей мере 50°/ населения всех провинций.

Если сравнить индийскую, российскую, германскую, американскую и канад скую федерации, то мы обнаружим в них весьма существенные различия. «Так если Российская Федерация построена на сочетании территориалыю-административных и национально-государственных принципов, то американской и германской федеративным системам чужд национально-государственный принцип. Что касается канадского федерализма, то он занимает промежуточно* положение между этими типами».'

Конституционная реформа 1982 г. обозначила важный позитивный период в развитии Канады, содействовала укреплению ее независимости. В то же врем> многочисленные поправки к действующим конституционным актам, конституционные конференции и референдумы, сепаратистское движение в Квебеке свидетельствуют о известных проблемах конституционного правопорядка.

> Острейшей проблемой и испытанием канадского федерализма является вопрос о статусе Квебека — провинции, в которой проживает 90% канадцев, родным языком которых является французский, хотя в целом франкоязычные канадцы составляют не более 30% населения страны. В Квебеке проживает 25,3% граждан Канады (6,9 млн человек), его территория составляет 15,5% (1540,7 тыс. кв. км) страны.[2]

Политическая культура Квебека, будучи в значительной степени (имманентно) франко-ориентированной, по мнению выдающегося американского политолога С М. Липсета и других исследователей, отличается сильным традиционализмом, консерватизмом, авторитаризмом, патронажем, рядом черт, свойственных для сельских (провинциальных) культур, существенным влиянием римской католической церкви, особо бережным отношением к культурно-историческим традициям и другими качествами.[3]

В соответствии с мичлейкским (от Мич Лейк, озера Мич, по англ. lake' конституционным соглашением 1987 г. за Квебеком признавался «особый статус».[4] Мичлейкские соглашения представляли собой проект конституционной реформы, согласно которой должен был сохраниться сильный цешр, но при этом Квебек получал статус «особого общества» в рамках Федерации.

Предполагалось, что статус «особого общества» конституционно закрепит право Национальной ассамблеи Квебека самостоятельно принимать законы и решения в политической, экономической, финансовой, налоговой и социальной сферах, в области иммиграции и фажданства (в частности, распоряжаться

[1] Мелкумов А. А. Канадский федерализм: теория и практика. — М.: Экономика,] 998. — С. 4.
- **Young R.** The Secession of Quebec and the Future of Canada — Montreal, 1995. — **P.** 9-10.
[5] **Seymur Martin Lipset.** Continental Divide: The Values and Institutions of the United States and Canada - New York and London: Routledge, Chapman and Hall, 1990. — P. 90-91.
[4] Le Statut politiqiue et constitutionnel du Quebec. Historique et evolution // Joseph Facal. Gouvernement du Quebec. — Quebec, 1999.

залогами, собираемыми в Квебеке), обеспечит право вето в отношении решений федеральных законодательных органов, затрагивающих интересы Квебека. У1ичлейкские соглашения вызвали недовольство англоязычных провинций, заявивших, что все провинции равны и ни одна из них не может пользоваться особыми правами или занимать привилегированное положение.

Оппозиция со стороны отдельных провинций и значительной части англоязычюго населения привела к срыву ратификации этого документа, что привело к кон-;титуционному кризису в июне 1990 г., обострило межнациональные отношения 5 «ране. К концу августа 1992 г. после сложных и длительных переговоров удалось югласовать пакет договоренностей (Шарлотгаунских), предусматривавших внесете значительных поправок в конституцию Канады. В соответствии с ними Канаджая Федерация становилась более децентрализованной, значительно расширялись шастные функции провинций при сохранении за центральным правительством пирокого круга полномочий, включая ведущую роль в вопросах внешней политиси, обороны, регулирования макроэкономических процессов, признавалось право соренного населения Канады на самоуправление и др. Оговаривался «особый статус» франкоязычного Квебека. В ходе дискуссий появилось новое понятие — (остальная Канада» (вне Квебека и не только с англоязычным населением, но и с ироб-гемами прав аборигенов, этнических меньшинств и др.). 26 октября 1992 г. состоял-:я общенациональный референдум по вопросу о реформе Канадской Федерации. 1ротив пакета договоренностей высказались 53%) участвовавших в референдуме ю всей Канаде и население ряда (шести) провинций.

Торможение конституционной реформы привело к дальнейшему росту нащоналистических настроений в провинции Квебек и предопределило референгум 1995 г. о месте этой франкоязычной провинции в составе Канадской Феде->ации. Референдум 30 октября 1995 г. о независимости Квебека с минимальным шревесом голосов избирателей сохранил единство Канады, подтвердил статус Свебека как одной из провинций Канадской Федерации, но остроту проблемы ie снял. Достаточно сказать, что 49,42% (2 308 360) избирателей высказались за >тделение Квебека, и благодаря минимальному перевесу в 1,16% голосов изби->ателей (против высказалось 50,58% (2 362 648) участников референдума) удаюсь сохранить Федерацию в ее сложившихся границах.[1]

На фоне таких весьма неоднозначных итогов референдума, как отмечают мноие авторы, феномен квебекского сепаратизма продолжает существовать и оказы-1ать воздействие на канадскую политику.[2] Существуют и пессимистические точен зрения отдельных исследователей на будущность Канадской Федерации.

С одной стороны, большинство квебекцев полагает, что федеральный центр юлжен все-таки предоставить Квебеку определенные полномочия, которых нет ' остальных провинций, с другой — две трети жителей «остальной Канады» юзражают против этого. В то же время даже в Квебеке, где крайние национали-

[1] Rapport des resultants officials du scratin. Referendum du 30 octobre 1995. — Santa-Foy, 995. — S. 49-50.

[2] **Robert J. Jackson, Doreen Jackson.** Comparative Government. An Introduction to Political Icience. Second Edition. — Scarborough, Ontario, 1997. — R 146.

сты говорят о необходимости независимого государства, большинство населе ния выступает, в первую очередь, за признание этнокультурной самобытност провинции либо за особый статус Квебека в рамках канадского государств; Согласно социологическим опросам, лишь одна пятая (22%) избирателей вн Квебека считают свое государство «пактом двух народов-основателей», тогд как две трети рассматривают его как «договор равных провинций».[1]

Особенность ситуации в Квебеке состоит в том, что в самом общем смысл к группе квебекских националистов можно отнести лишь часть населения прс винции (примерно 60%). К тому же только половина из них придерживаете твердых сепаратистских убеждений. Другая половина, умеренные квебекски националисты, не питают враждебности к государству и мучительно пережив; ют конфликт между большой (Канада) и малой (Квебек) родиной. Есть сред квебекцев и федералисты, которые вообще не рассматривают для себя возмо* ность отделения как желательный вариант. Само франкоязычное общество Квс бека также является многоэтничным. Помимо квебекцев французского проис хождения, здесь проживают и потомки давно поселившихся британцев (4,2% иммигрантов из Италии (2,6%), Греции, Португалии, Латинской Америки, арас ских стран, Индокитая и т.д., у которых есть свое особое, в основном отрищ тельное, отношение к вопросу отделения Квебека от Канады. Дополняет of щую картину и преобладание в северной части Квебека коренных народов - эскимосов и индейцев. Аборигены не только не поддерживают квебекский сеш ратизм, но и ясно дают понять, что в случае отделения от Канады потребую выделения компактно заселенных ими территорий из состава Квебека.

Однако одним Квебеком не исчерпывается т.н. французский фактор в Канаде Франкоязычные квебекцы — все же лишь одна, хоть и очень большая (80% прс живающих в Квебеке) из этнотерриториальных групп франкоканадцев. За ег пределами в англоязычных провинциях проживают более 1 млн канадцев «чист французского» и еще около 2 млн «частично французского» происхождени) Отделение Квебека оставило бы за пределами провинцию, которая выступае в качестве центра франко-канадской культуры, около 1/6 всех франкофонов стр; ны. Поэтому отношение франкоканадцев, находящихся за пределами Квебек; к возможности его отделения определенно отрицательное.

Большинство канадцев в целом положительно оценивает сильную исполнг тельную власть как выразителя единого государства, гаранта процветания стр; ны и благополучия граждан. С точки зрения внешних наблюдателей, в частые сти американских политологов и социологов, высокий уровень жизни канадце) достигнутый в рамках современной Федерации, умение канадских властей вь рабатывать компромиссы и сохранять социальный мир являются теми фактор; ми, которые препятствуют политическому распаду Канады, несмотря на ее дв) этническую основу и возрастающий этнический плюрализм. В 1998 г. был принято постановление Верховного суда Канады, в котором сказано, что Кве бек не может отделиться, если он не получит твердого большинства в реферег

[1] **Захаров А. А.** Федеративное государство и сепаратизм: канадский вариант // Полис. - 2002. — № 3. — С. 140-141.

думе по четко сформулированному вопросу. После выборов 2000 г. Квебек, по сути, вернулся к прежней и эффективной модели сильного представительства в центральном парламенте единой федерации.

Таким образом, с культурной и цивилизационной точки зрения развитие Канады прошло четыре основных этапа, которым соответствовали и определенные социально-политические модели, и доминанты политической культуры.

1. Период французского преобладания — до 1763 г. Белое население Канады было почти исключительно франкоязычным, и вновь прибывающие, в большинстве тоже франкоязычные, легко вливались в него.

2. После британского завоевания решающее значение приобрела англоязычная иммиграция, что привело к двукультурности, хотя господствующей тенденцией в политике нового правительства была попытка ассимиляции франкоканадцев.

3. Образование Конфедерации, принятие Закона о Британской Северной Америке 1867 г. и официальное признание дву культурности. С этого времени Канадская Федерация основывается на принципе сосуществования двух народов-основателей, языковой и культурной двойственности при учете интересов остальных этносов.

4. Движение к многокультурности, обострение федеральных проблем (с конца 80-х гг. XX в.), попытки совершенствования Канадской Федерации путем конституционных соглашений и реформ.

В развитии Канады как многоэтнической страны особенно важную роль играют национально-культурные, политико-правовые, исторические традиции Великобритании, Франции, Соединенных Штатов Америки, Украины и других стран — иммиграционных доноров, внесших свой вклад в своеобразие ее культуры и политики. Эти факторы дополняются культурными элементами автохтонных этносов Северной Америки, а также акторов растущей эмиграции из стран Дальнего Востока, особенно китайской общины.[1]

Можно сказать, что от Великобритании, Франции и других континентально-европейских стран в целом канадцы унаследовали такие черты, как приверженность традиционализму, государственному патернализму, почтительное отношение к власти и авторитету, идеи и принципы представительной системы правления, идеи фабианского социализма, коллективизма. От Соединенных Штатов Америки шли главным образом в направлении модернизации, индустриализации, либерализации. Периферийность канадского общества, его зависимость от Великобритании и США, отсутствие (до 1982 г.) полной государственности вело к созданию соответствующего менталитета политических элит. Политические и деловые круги этой страны в силу понятных причин с традиционным вниманием относятся к позиции указанных держав, часто обращаются к ним,

[1] Канада явилась первой из стран западного иммиграционного ареала, в которой произошло локальное распространение атипичной пневмонии (SARP), приведшей к летальному исходу несколько десятков человек в г. Торонто — самом крупном «иммиграционном» городе. Однако благодаря развитой системе здравоохранения канадцам удалось достаточно быстро создать систему эффективного контроля и борьбы с этой болезнью.

как к союзникам и арбитрам. Канада является крупнейшим импортером американских товаров, общий объем прямых инвестиций США в ее экономику достигает 100 млрд долларов, а канадские «вложения» — до 35 млрд долл. Канада — член НАТО, имеет ряд договоров о военном сотрудничестве, обороне и т.д. с США.

В целом в политической культуре канадского общества преобладают либеральные ценности при важной роли консервативных и социал-демократических традиций, уважительном отношении к роли государства как «дневного сторожа» и ответственного исполнителя воли субъектов Федерации. В то же время наблюдаются существенные различия в политических (этнополитических) и этнокультурных доминантах политического сознания населения соответствующих провинций и территорий.

Вообще для канадцев как нации иммигрантов в целом характерны такие качества, как скромность, рациональная трудовая этика (на основе протестантизма или католицизма), желание и умение учиться у других, тяга к духовным, а не только к материальным благам, последние во многом определяются общим высоким уровнем социального развития и результатами личного труда. Распространено уважение личных качеств и достижений человека (особенно на уровне мобилизации всех своих возможностей), критический анализ собственных достижений. Особенно заметно внимание к экологии и здоровому образу жизни.

> Почти все канадцы уделяют много свободного времени формированию здорового образа жизни: бегают «трусцой», ходят в пешие походы с рюкзаками, ездят на велосипедах и коньках (летом — роликовых). Нельзя не сказать и о том, что практически во всех канадских городах в парках и университетских городках большое количество белок и других животных, которых, разумеется, никто не трогает. Непосредственно у здания Канадского парламента находится около сотни домиков для кошек, где живут многие десятки «прибившихся» пушистых обитателей, получающих корм от специального смотрителя и туристов. Экологические движения в Канаде пользуются авторитетом и широкой поддержкой граждан. Ни одно решение властей в области экологии не может быть реализовано без учета мнения канадского гражданского (во многом экологически ориентированного) общества.

Ряд исследователей обращает внимание на роль климата, сложных условий жизни в формировании канадского культурного феномена как северной нации. Для канадцев характерны как для истинных северян «здоровый образ жизни, сила, умение преодолевать трудности, выносливость, стремление к свободе и т.д.».[1]

' Nationalism in Canada Ed. By Peter Russel. — Toronto: McGrow-Hill, 1966. — P. 6-8; Canadian Politics in the 21 st Century. Fifth edition Ed. by Michael Whittington and Glen Williams. — Nelson (Carleton University), Canada, 2000. — P. 284; Canadien Politics. A Critical Appaisal. CD-ROM-baised course on Canadien politics // Don.Thomson@Nelson.com.

Канадские граждане, как правило, далеки от того, чтобы навязывать другим юбственные модели и опыт развития, в т.ч. в области политики и государственюго управления. В своей массе они открыты к пониманию чужих проблем, юброжелательны, традиционно помогают народам других стран в решении гаиболее болезненных проблем. Важную роль в Канаде играет культура нациошшно-этнических общин, муниципального общения управления.' В то же вредя канадские граждане, разумеется в соответствующей мере, разделяются (раюбщаются) как по горизонтали (культурно-этнически), так и по вертикали — :оциально-стратификационными барьерами.

2. *Черты канадской политической и электоральной культуры*

Политическая культура Канады носит гетерогенный характер. Для нее ха->актерно сосуществование множества конкурирующих друг с другом ценно-:тей, ориентации, установок, приоритетов и т.д. Особую пестроту ей придает юликультурность и политэтничность канадского общества. Вместе с тем больцинство канадских граждан в целом разделяет основные принципы политикогравовой системы, зафиксированные в ее конституции, правила и традиции поштических отношений, участия в политике, основанные на ценностях шберальной и социальной демократии. В этом смысле канадская политическая ;ультура может быть определена как либерально-социальная или либеральногемократическая.

Система либеральных ценностей, лежащих в основе канадской политиче-:кой культуры, пронизывает деятельность большинства политических инстиутов. Политическая и партийная системы Канады в известном смысле выступшют как выражение и отражение социально-политических интересов граждан ПОЙ страны, а также системы ценностей и приоритетов ее политической сультуры. Учитывая, что большинство канадцев традиционно сравнительно ІКТИВНО участвуют в избирательном процессе как на провинциальном уровне, >т которого зависят их насущные проблемы, так и на федеральном, где решается судьбы всего сообщества, некоторые исследователи называют канад-:кую политическую культуру «квазипартисипаторной», или «высокого политического участия».

Действительно, уровень общенационального политического участия в Катде, по некоторым данным, достигает 70%, что выше, чем в США (55%) или Пвейцарии (46%). Это почти сопоставимо с традиционно высоким уровнем 'частия в странах Бенилюкса, Великобритании, Швеции или Австралии.[2] По)фициальным данным, средние цифры участия канадцев в федеральных выбо->ах составляют 56-60%, в провинциальных — около 50%. Если же речь идет

' **Richard C. Tindal and Susan Nobes Tindal.** Local Government in Canada — Nelson, 2000. — >. 6-15.

[2] **Robert J. Jackson, Doreen Jackson.** Comparative Government. An Introduction to Political icience. Second Edition. — Scarborough, Qitario, 1997. — P. 402.

о судьбе страны, провинции, т.е., по сути, о референдуме, то уровень участи; в выборах действительно может приближаться к 70% избирателей.'

В Канаде, так же как и в других странах, прослеживается позитивная корре ляция между уровнем образования, с одной стороны, чувством эффективное™ и уровнем участия граждан в политическом процессе — с другой. Более низки} образовательный уровень некоторых слоев канадцев и связанное с ним негатив ное отношение к политике выражаются в сравнительно низком участии соот ветствующих социальных групп в политических процессах. В то же время HI менее 30% канадских избирателей полагает, что они способны оказывать влия ние на местное и центральное правительства и что их позиция учитываете: правительственными учреждениями.

Характерной чертой канадской политической культуры является ее фраг ментированность. В ней существуют или сосуществуют различные, в т.ч. кон фликтующие субкультуры, укорененные в тех или иных социокультурных этнонациональных, мировоззренческих, идейно-политических и этнополити ческих системах, институтах, образованиях. Особенно очевидна дуалистич ность политической культуры, «разделяемой» на англоязычные и франкофон ные ареалы.

В политической жизни Канады последовательно повышается роль женщин хотя этот процесс исторически развивался достаточно медленно. Канадски женщины впервые получили право голоса в 1916 г. в Манитобе, СаскачеваН' и Альберте, в 1917 г. — Британской Колумбии и Онтарио и т.д. Перед Второ] мировой войной женское население Канады уже имело избирательные права Важную роль в предоставлении канадкам избирательных прав сыграло нацио нальное движение суфражисток (от англ. suffrage — «избирательное право»; Памятник суфражисткам как символ национального значения расположен н Парламентском Холме рядом со зданием парламента.

До 80-х гг. XX в. показатели Канады по избранию женщин в законодательны органы были весьма низкими. Однако уже в результате выборов 1984 г. числ* женщин в парламенте увеличилось в 2 раза и составило 10%. Политически партии стали понимать преимущества вовлечения женщин (многие из них име ют хороший образовательный уровень и творческие профессии) в избиратель ный процесс. В 1988 г. процент женщин в палате общин увеличился до 13% в 1993 г. — до 18%, а среди выдвигаемых кандидатов — до 25%.[2] Женщина занимающая должность министра в Канаде, — не редкость.

В Канаде подавляющее большинство кандидатов политических партий тра диционно образованны, более двух третей имеют университетские дипломь а половина — ученую кандидатскую (по западной квалификации — доктор скую) степень. Они, как правило, представляют средний класс, приче?

[1] Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс: энциклопс дический справочник / А.А. Танин-Львов. — М.: Российская политическая энциклопеди (РОССПЭН), 2001. — С. 560-566.

- Chronicle of Parliamentary elections and development. Vol. XXIII. — Geneva, 1989; Ibic Vol. XXVIII. — Geneva, 1994; Ibid. Vol. XXXI. — Geneva, 1998.

представителей мелкого и среднего бизнеса, а также старших менеджеров и специалистов среди них обычно в несколько раз больше, чем юристов.

В канадской политической культуре, с одной стороны, распространены элементы традиционализма, корпоративизма и этатизма, с другой — они противоречиво сочетаются с либеральными ценностями и установками. Корпоративизм и элитизм проявляются в той большой роли, которую в канадском политическом процессе играют государство (его руководители) и лидеры политических партий и организаций. Для канадцев характерна «легалистско-рациональная форма легитимации» власти и политического процесса. В стране существуют давние традиции политической игры и плюралистического участия в политике. По «вертикали» канадская политическая культура подразделяется на элитистскую и «массовую». Существенной особенностью политической культуры канадцев являются ценности и традиции консоциальной, сообщественной или согласительной демократии.

Кроме того, канадская политическая культура постоянно испытывает противоречивое взаимодействие и влияние идей и ценностей как глобализации, так и регионализации.[1]

В результате совмещения всех обозначенных факторов в Канаде образовалась современная, во многом «уникальная», своеобразная политическая культура.

В канадской национальной партийной системе долгое время ведущую роль играли три федеральные партии: центристски ориентированная либеральная партия (находилась у власти с 1935 по 1957 г., с 1963 по 1979 г., с 1980 по 1984 г. и с 1993 г.), прогрессивно-консервативная партия (формировала правительства большинства в 1957-1963 гг., 1979-1980 гг. и 1984-1994 гг.) и новая демократическая партия (социал-демократической ориентации), обычно имеющая от 10 до 20 мест в парламенте. Исследователи полагают, что длительный период в Канаде, по сути, была «двух с половиной-партийная система». К середине 90-х гг. XX в. на политическую (федеральную) арену страны вышли еще две достаточно сильные партии: Квебекский блок (выражает интересы франкофонной Канады) и неоконсервативная партия реформ. Таким образом, в стране сформировалась многопартийная система при доминирующих партиях-блоках.

Основные политические партии Канады:

либеральная партия (основана в 1873 г.). Она проводит курс в интересах национального развития, в целом выступает за регулирующую роль государства. Среди ее лидеров: премьер-министры П. Трюдо (1980-1984 гг.), Ж. Кретьен(с 1994 г.) и др.;

прогрессивно-консервативная партия (основана в 1854 г.). Выражает интересы зажиточных слоев населения, выступает за ограничение роли государства и сокращение государственных расходов. Лидеры: бывшие премьер-министры К. Кэмпбелл (1993-1994 гг.), М.Б. Малруни (1984-1993 гг.) и др.;

[1] Grace Skogstad. Globalization and Public Policy: Situating Canadian Analyses // Canadien Journal of Political Science : Revue canadienne de science politique. XXXII1:4 (December/ Decembre), 2000. — P. 828.

новая демократическая партия (партия социал-демократического типа, основана в 1961 г.) тесно связана с профсоюзами, является сторонницей активной социальной политики, социального равенства (справедливости) по всей стране и главным инструментом его достижения считают центральное правительство;

Квебекский блок (создан в 1990 г. франкоязычными, в т.ч. сепаратистскими кругами Квебека). Лидеры: Л. Бушар, П. Ландри. После выборов 1993 г. Квебекский блок стал партией официальной оппозиции (54 места);

партия реформ (возникла в 1987 г. в провинции Альберта, носит правоконсервативный характер). В 2000 г. партия была преобразована в Канадский консервативный альянс реформ (или Канадский альянс), провозглашает своей целью защиту интересов преимущественно англоязычных западных провинций, выступает против особого статуса Квебека. Лидеры: П. Мэннинг и др.

Некоторые канадские обозреватели рассматривают выборы как противоборство нескольких политических культур: канадской коллективистской и социально-государственно-ориентированной, представленной либеральной и новой демократической партиями; проамериканской, резко индивидуалистической и слабо-государственно-регулируемой политики, воплощаемой Канадским консервативным альянсом; регионалистской, франкофонной в лице Квебекского блока. На сегодняшний день в политической культуре страны, выражая результаты выборов и отражаясь в них, ведущие позиции занимает общеканадская система ценностей.

За последнее десятилетие XX в. обозначилось лидерство либеральной партии (обычно имела более 170 мест в парламенте). Следующую позицию занимала партия реформ (от 60 до 70 мест). Затем шел Квебекский альянс (от 40 до 50 мест) и т.д.

Партийное представительство в канадском парламенте[1]

Партии	Выборы 1993 г.	Выборы 1997 г.	Выборы 2000 г.
Либеральная партия	177	155	173
Партия реформ (Канадский альянс)	52	60	66
Квебекский блок	54	44	37
Новая демократическая партия	9	21	13
Прогрессивно-консервативная партия	2	20	12

Каждая политическая партия Канады в борьбе за голоса избирателей вынуждена учитывать их ориентации на политику, проводимую как федеральными органами власти, так и провинциальными. Этому способствует также характер избирательной системы, в соответствии с которой победитель на региональном

[1] Canadian Politics in the 21st Century. Fifth edition. Ed. by Michael Whittington and Glen Williams. — Nelson (Carleton University), Canada, 2000. — P. 420-421; Canadian Politics. Third ed. Ed. by Rand Dyck. — Nelson (Laurentian University), Canada, 2000. — P. 230.

уровне «получает все» (winners takes all). Так, например, получив на выборах 1993 г. 41,2% голосов избирателей, либеральная партия имеет 60% мест в палате общин, Квебекский блок, соответственно, 13,5% и 18,3%. А некоторые партии, хотя и показали неплохие результаты (но не первые) на выборах, в процентном соотношении имели меньшее число мест в парламенте. Например, партия реформ получила 18,7% голосов избирателей, но в палате общин имела 17,6% мест; новая демократическая партия — соответственно, 6,9% и 3,1%. В 2003 г. Канадский альянс и прогрессивно-консервативная партии объединились в консервативную партию Канады.

Поэтому наряду с долгосрочными программами партии стремятся к конкретизации своей политики на региональном уровне, учитывают реакцию общественности на решение краткосрочных проблем по мере их развертывания. Канадские граждане с устойчивыми политическими взглядами и пристрастиями составляют не более 30—35% электората, остальные избиратели не имеют связей с партиями и принимают решения о голосовании именно в ходе избирательной кампании. Нередко центральное место в оценке политических партий занимает имидж и действия их лидеров. Успехи либеральной партии на трех последних парламентских выборах во многом связаны с тем, что она, с одной стороны, попрежнему выступает за активную роль государства в ключевых сферах экономической, социальной и политической жизни (в т.ч. осуществляет строгий контроль над расходами), что поддерживается многими канадцами, а с другой — пытается реализовывать федеральные программы, максимально учитывая интересы провинций увязывать решение этих проблем. Так, увеличиваются целевые трансферты регионам на развитие здравоохранения, в т.ч. и Квебека, развитие образования в Атлантических провинциях и т.д.

Наиболее актуальны для дальнейшего развития Канады две следующие модели федеративного устройства. Во-первых, это вариант «асимметричной федерации» (выделение неких приоритетов и привилегий отдельным регионам), что встречает известные трудности. Во-вторых, это «демократия согласования»,[1] которая возможна при наличии соответствующей воли и культуры ее субъектов и значительных финансовых средств. Под оптимальным федеративным принципом многие реалистически мыслящие канадские политологи понимают способ разделения властей т.о., чтобы центральное и региональные правительства в определенной сфере были независимы, но действовали скоординированно.

Важное значение для формирования канадской политической культуры имеет система политической социализации. Ее характерной особенностью является то, что дети обычно следуют в своих культурных (языковых) предпочтениях традициям семьи. Это замедляет процесс создания общенациональной культуры и может воспроизводить известные коллизии. Возрастает стремление к сближению с США (особенно после заключения Соглашения о свободной торговле (в 1988 г. и др.), причем на уровне некоторых провинций сильнее, чем в иных ее регионах,

[1] Делла Сала В. Проблемы федерализма в эпоху глобализации // Полития. Журнал политической философии и социологии политики. — 2002-2003. — № 4. — С. 56.

что усиливает региональную разобщенность. Канадцев все больше беспокоит политико-культурная экспансия такого близкого и мощного соседа, как США. Учитывая, что большинство канадцев свободно смотрит передачи ТВ из США, сравнительно недавно был принят закон о том, что в канадских телепрограммах с 6 утра и до полуночи должно быть не менее 60% канадского содержания.

Ряд канадских исследователей обращали внимание на то, что на рубеже XXI в. канадские провинциальные и муниципальные власти по ряду направлений социальной и культурной политики использовали информационные и коммуникационные технологии сравнительно более эффективно, чем федеральное правительство.[1] В последние годы федеральный центр активизировал свою деятельность в этом направлении: появился общенациональный телеканал CBC, «Globe and Mail» превратилась в национальную газету, увеличилось количество соответствующих сайтов в канадском Интернете и т.д.

Процессы глобализации оказывают противоречивое воздействие на канадскую культуру, в т.ч. политическую. С одной стороны, Канада все больше втягивается во всемирные информационно-коммуникативные, культурные потоки, в какой-то степени ослабляя свою идентичность. С другой — она пока в целом сохраняет свои национальные политико-культурные приоритеты, ценности, традиции.

3. Культурно-образовательная стратегия

Развитию высшего образования в Канаде уделяется значительное внимание. Страна входит в первую десятку мировых лидеров по наиболее высокому процентному соотношению числа студентов к общему населению. Канадская система образования считается одной из лучших в мире — канадское государство тратит на образование 7% ВНП, Россия — менее 3%.

К основным факторам, способствующим возрастанию роли образования в жизни и культуре канадцев, следует отнести:

1) целенаправленную политику правительства Канады на всемерную поддержку этой важнейшей сферы жизнедеятельности общества и высокий уровень ее финансирования; устойчивый авторитет канадского высшего образования в стране и мире;
2) высокую оплату труда служащих, имеющих качественное образование;
3) важную роль представителей интеллектуальной элиты, в т.ч. ученых-гуманитариев и политологов, в общественной и научной жизни страны;
4) демократизм и мультикультурализм образования, возможность его получения представителям национальных меньшинств;
5) возрастание числа канадцев, которым требуется высшее образование, в связи со второй демографической волной, когда в студенческий возраст вступают дети поколения «бэби-бума» — высокой рождаемости в 1970-е гг.);

[1] **Roger Gibbins.** Federalism in Digital World // Canadien Journal of Political Science: Revue canadienne de science politique. XXXIII:4 (December/Decembre), 2000. — P. 689.

6) привлечение в страну большого числа иностранных учащихся.

Получая устойчивые доходы от данной образовательной политики, Канада постоянно совершенствует систему высшего образования и научных исследований. Канадское высшее образование в силу эффективности и более дешевой стоимости обучения конкурирует с рядом университетов США. Предприимчивые канадцы широко используют высокую конкурентоспособность своей образовательной системы, приглашая к себе десятки тысяч студентов из всех стран мира, включая российских. Так, например, в университете Торонто 40% всех первокурсников являются иностранцами (в своем большинстве из развивающихся стран, а также Европы). Многие канадские университеты готовятся к пополнению студенческих рядов и разрабатывают планы развития исходя из этого фактора, в частности стараясь преодолеть возможную грядущую нехватку преподавателей и вводя в строй новые учебные корпуса.

Канадские университеты в силу их исторической роли — это нечто большее, чем просто высшие учебные заведения. Канада (особенно ее Атлантическое побережье, города Новой Франции: Квебек, Монреаль) в известном смысле начиналась именно с университетов как очагов новой культуры и демократии. Ряд университетов основывался авторитетными канадскими политическими или духовными деятелями (епископ Квебека—Лаваль, глава Монреаля — МакГилл).

Канадская система высшего образования построена с учетом политических и исторических особенностей страны, в которой важную роль играют провинции. В стране не существует специального федерального министерства образования (координирующую роль играет один из департаментов министерства человеческих ресурсов), функции федерального ведомства во многом переданы на провинциальный уровень. Основное место в системе высшего образования принадлежит университетам, которые пользуются широкой автономией в управлении и организации учебного процесса. В этом смысле канадская система воплощает традиции университетского образования Великобритании, США и Франции. Ряд колледжей (теологические, учительские институты и т.д.), будучи тесно связанными с университетами организационно и финансово, продолжают сохранять юридическую самостоятельность.

Сложная национальная и языковая карта страны также отразилась на функционировании канадских университетов. Так, во франкоязычном регионе Квебек подавляющее большинство университетов — франкоязычные, в остальных провинциях — англоязычные. В крупных городах Канады есть как франкоязычные, так и англоязычные вузы. Например, в столице — г. Оттаве — функционирует англоязычный Карлтонский университет и франкоязычный университет Оттавы. В Монреале из четырех университетов один — англоязычный (МакГилла) и три — франкоязычных (университеты Монреаля, университет Квебека и университет Конкордия). В условиях билингвизма страны формально паритет языков в канадских университетах сохраняется, и по закону студент имеет право выбрать язык, желаемый для обучения, хотя, разумеется, не на всех специальностях и не во всех регионах Канады это возможно практически.

Престиж университетского образования в канадском обществе очень высок, и в семейных бюджетах статья расходов на образование детей считается приоритетной. Немало студентов, которые по финансовым или иным причинам не

смогли завершить полный цикл образования, через несколько лет, укрепив свое материальное положение, опять возвращаются к учебе. Выпускники в своем большинстве продолжают поддерживать связи с университетом и своим факультетом. Сообщества выпускников существуют при каждом университете, пользуются большим влиянием, имеют свои центры и оказывают вузам необходимую, в т.ч. финансовую помощь. Канадские профессора по уровню зарплаты входят в 5% наиболее высокооплачиваемых служащих.

О статусе канадской политической науки. Преподавание политических наук является традиционным для Канады. На нее оказал большое влияние опыт становления и развития политической науки в США и (для франкоязычных провинций) во Франции. Первые академические политологические отделения в Северной Америке, как известно, возникли именно в США в конце XIX в. (в Колумбийском, Мичиганском, университете Дж. Гопкинса и др.). В 1903 г. в США была организована первая в мире общенациональная ассоциация политической науки. *Все* это оказало благотворное воздействие на развитие высшего образования в Канаде, большинство университетов которой географически расположено недалеко от ведущих вузов США (Чикаго, Нью-Йорка, Бостона). Многие университеты США и Канады имеют давние связи. В большинстве канадских университетов существует традиция посещения всевозможных краткосрочных политологических и иных курсов в Северных университетах США по принципу «уик-энда» или иных краткосрочных поездок.[1] Кроме того, некоторые вузы Канады имеют стабильные отношения с университетами Великобритании, а франкоязычные — с вузами Франции.

Первые политологические отделения в канадских университетах возникли в начале XX в. Так, в самом крупном университете Канады и всей Северной Америки всемирно известном МакГилле (основан в 1821 г. в г. Монреале, обучается около 100 тыс. студентов) департамент политических наук был сформирован более века назад — в 1901 г. Затем возникли политологические отделения и в других ведущих канадских университетах: Торонто, Оттавы, Квебека. В 1913 г. канадские политологи объединились в национальную ассоциацию политической науки, которая по времени своего возникновения является второй в мире. Именно американская и канадская ассоциации политологов совместно с французской и индийской под эгидой ЮНЕСКО выступили организаторами Международной ассоциации политической науки (1949 г.), которая содействовала институализации политологии в ряде стран мира.

Ныне Канадская ассоциация политической науки объединяет более 1100 политологов и пользуется авторитетом как в Канаде, так и в мировом политологическом сообществе. Канадский политолог Ги Лашапель является Генеральным секретарем Международной ассоциации политической науки.[2] Известны труды

[1] Ирхин Ю.В. Политическая наука в образовательной системе Канады // Социально-гуманитарные знания. — 2004. — № 1. — С. 234-252.

- Gue Lachapelle. Secretary General IPSA // 19 th International Political Science Association World Congress Programme «Democracy, Tolerance, Justice: Challenges for Political Chance». — Durban. — 2003. — P. 5.

таких канадских социологов политики, как Дж. Айзенштат, Г. Вильяме, М. Виттингтон, Дж. и Д. Джексоны, Л. Джонстон, Дж. Трент, Р. Пеллетиер и др.[1]

Признанием авторитета канадских политологов и социологов явилось проведение в Канаде ряда всемирных конгрессов (в 1973 г. в Монреале, в 2000 г. в Квебеке, в 1999 г. в Монреале).

Во всех университетах Канады существуют департаменты политических наук, являющиеся составной частью либо факультета социальных наук (университет Зап. Онтарио), либо факультетов искусств и наук (университет МакГилла, университет Торонто), либо факультета общественных дел и менеджмента (Карлтонский университет).

Ключевые понятия

культура консоциальной, сообщественной, согласительной демократии
дуалистичность, фрагментированность политической культуры
легалистско-рациональная форма легитимации политики
англофонная и франкофонная Канада, бикультурность
региональный сепаратизм
Квебекский блок
Канадская Конституция и Хартия прав и свобод
асимметричная федерация
квебекский фактор
либерально-социальные ценности политической культуры
канадский менталитет, ментальность
глокализм
Мичлейкские соглашения
глобальные и региональные факторы в канадской политической культуре

Вопросы для самостоятельной работы

1. Каковы цивилизационные основы политической культуры Канады?
2. Перечислите характерные черты и особенности канадской политической культуры.
3. Перечислите основные политике-культурные регионы Канады.
4. Каковы основные виды субкультур в политической культуре Канады?
5. Каковы характерные черты политической культуры Квебека?
6. Охарактеризуйте особенности политических культур макрорегионов Канады.
7. Какова роль правовой культуры в политическом развитии Канады?
8. Каковы основные политические ценности канадской культуры?
9. Охарактеризуйте политический менталитет граждан Канады.
10. Каковы характерные черты канадского федерализма, его культуры?

[1] Globalization, Governance and Identity: The Emergence of New Partnerships. Ed by Guy Lachapelle and John Trent. — Universite de Montreal, Canada, 2000; Canadian Politics in the 21st Century. Ed. by Michael Whittington, Glen Williams. — Nelson: Canada, USA UK, Japan, 2000; Jackson R.J. and Jackson D. Comparative Government. — Ontario, Canada, 1999; Johnston 1. Politics. Broadview press: Canada, USA, UK, 2000.

11. Каковы характерные черты федерализма в США и его различия с канадским?

12. Что общее и каковы различия в моделях и культурах канадского и российского федерализма?

13. Какова роль политической науки Канады в ее политической культуре?

14. В чем проявляется роль религиозного фактора в политической культуре Канады?

15. В чем различия между политическими культурами США и Канады?

16. Каково влияние на политическую культуру Канады идей и ценностей глобализма и регионализма?

17. Выделите общее и особенное в политической культуре Канады и России.

18. В чем сущность идеи и феномена глокализма и каковы его особенности в Канаде?

Часть HI
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Глава 9
Российская культура и российская цивилизация

Ф.И. Тютчев: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить. У ней особенная стать. — В Россию можно только верить».

М. Тэтчер: «Россия всегда будет в равной мере азиатской и европейской, восточной и западной. У нее всегда будут свои географические, этнические, культурные и религиозные особенности и в конечном итоге — особый национальный интерес».

Н.А. Бердяев: «Противоречивость и сложность русской души может быть связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад».

П.Я. Чаадаев: «Раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим — на Германию, мы бы должны были сочетать в себе две великие основы духовной природы — воображение и разум — и объединить в своем просвещении исторические судьбы всего земного шара».

Г.Ю. Семжин: «Россия — самостоятельная цивилизация со своими великими традициями. Ее историческая миссия в глобализирующемся мире состоит в воссоздании российского цивилизационного пространства, связывающего цивилизации Запада и России».

А. Девятое: «Русское счастье не в богатстве, не во власти над миром, а в гармонии с собой на основе славы».

Г.В. Осипов: «Без представления о государственных общенациональных интересах и целях, без понимания своей исторической судьбы россиянам крайне трудно сохранить самобытность и самостоятельность, евразийскую цивилизацию».

В.В. Путин: «Конечно, Россия более чем разнообразная страна, но мы — часть западно-европейской культуры».

Г. Брандес: «Каждое русское дело должно или быть не по силам тем, кто его предпринимает, или же окончиться неудачей вследствие апатии людей, ради которых оно предпринято».

Б. Крутиер: «В России две беды — дураки и дороги. Но, кроме них, есть еще одна беда: дураки, указывающие какой дорогой идти».

П. Вяземский: «В России суровость законов умеряется их неисполнением».

А. Беккендорф: «Прошлое России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение».

/. Характер и этапы развития российской цивилизации

«Своеобразие российского исторического пути и политического развития во многом определяются тем, что она является евразийской ("православное христианское общество") цивилизацией». О роли цивилизаций в политическом генезисе человечества написаны многие фундаментальные исследования. Среди них выделяются труды известного английского историка А. Тойнби, выдающегося современного американского исследователя С. Хантингтона и др. Они, в частности, рассматривали Россию как самостоятельную цивилизацию. Многие российские ученые, прежде всего Н.Я. Данилевский, Н.А. Бердяев и др., также полагали правомерной постановку вопроса о российской цивилизации как самостоятельном цивилизационном феномене.[1]

Существенную роль в исследование евразийской специфики развития России внес также Л.Н. Гумилев. Его идеи о пассионарное™ этносов, о роли праславянского этноса и идей евразийства весьма актуальны.[2] Выступая в университете столицы Казахстана (г. Астаны), названного именем Л. Гумилева, Президент России В.В. Путин отметил, что научные труды ученого «стали ярким вкладом не только в развитие исторической мысли, но и в утверждение идей вековой общности, взаимосвязанности народов, населяющих огромные пространства Евразии от Балтики и Карпат до Тихого океана».[3]

Российская цивилизация является индоевропейской цивилизацией по ее древнеисторическим, лингвистическим и религиозным корням, основным ценностям, характеру, доминантам и своеобразию развития. Евразийцы (Н. Трубецкой, П. Савицкий и др.) и другие исследователи рассматривали и анализировали Рос-

[1] Бердяев Н. А. Судьба России. — М., 1990; Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М, 1992.

[2] Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1989; Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. — М., 2002; Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. — М., 1993; Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. — М., 1993 и др.

[3] Братерский А. Евразиец Лев Гумилев как зеркало русской политики // Известия. — 2002. — 2 октября.

сию как Евразию, особое географическое и культурное пространство. «Весь смысл и пафос наших утверждений, — отмечали они, — сводится к тому, что мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта как симфонической личности». Евразийцы, основываясь на трудах поздних славянофилов, представляли Россию как особый, срединный материк между Азией и Европой и особый тип культуры. В России есть ряд общественно-политических организаций, в названии которых есть слово «Евразия»: «Евразийская партия России», партия «Евразия» и др.

Возможно, российские евразийцы и переоценивали особенности развития России и ее культуры по сравнению с другими странами, но они, безусловно, правы в том, что ее культурно-политическая традиция имеет свою специфику, свои доминанты, свою особую систему ценностей, которые необходимо изучать и знать. Несомненная специфика российского общества в том, что оно на две трети (по количеству населения) находится в Европе, а пространственно (на две трега) — в Азии.

Европейская ориентация России имеет давнюю историю и традицию. Известно, что еще Петр Великий заложил основы европеизации России. Данную традицию продолжили и другие великие российские правители. Исходя из того, что законы должны соответствовать «общему умствованию» народа, т.е. его менталитету, Екатерина II в самом начале своего знаменитого «Наказа» ставила принципиальный вопрос: насколько полезными могут быть выводы, сделанные европейской общественной мыслью, для русского народа? Ее ответ был однозначен: «Россия есть держава европейская, русский народ есть народ европейский».[1]

Российское сообщество распространилось на огромных территориях с суровым климатом в особых социально-экономических условиях. Оно состояло из множества народов и этносов с собственными культурами и в силу всего этого с присущими ему своеобразными политическими и духовными традициями, российским менталитетом.

> *В.С. Соловьев:* «Россия есть громадное континентальное пространство, не защищенное природными границами, открытое с Востока, Юга и Запада. Основанное в такой стране русское государство изначала осуждалось на постоянную тяжелую изнурительную борьбу с жителями степей... Бедный, разбросанный на огромных пространствах народ должен был постоянно с неимоверным трудом собирать свои силы, отдавать последнюю тяжело добытую копейку, чтобы сохранить главное благо — народную независимость».[2]

> *В.В. Путин:* «Хотел бы напомнить: на всем протяжении нашей истории Россия и ее граждане совершали и совершают поистине исторический подвиг. Подвиг во имя целостности страны, во имя мира в ней и стабильной жизни. Удержание государства на обширном пространстве, сохра-

[1] Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 3. Политическая мысль России / под ред. Г.Ю. Семигина. — М., 1997. — С. 441.

[2] Соловьев В.С. Публичные чтения о Петре Великом. — М., 1984. — С. 20.

нение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире.....- это не только огромный труд. Это еще и огромные жертвы, лишения нашего народа».[1]

Широта российских просторов влияла и на остроту социальной напряженности, которая снижалась в России за счет .миграции наиболее активных элементов. Неудовлетворенная общественная энергия направлялась в русло военной политики. Это препятствовало оформлению и консолидации социально-политических сил, формированию плюралистической политической системы, содержащей сколько-нибудь влиятельные оппозиционные к власти структуры.

Российская цивилизация имела ряд черт, характерных для «азиатского способа производства», представлявший, по К. Марксу, симбиоз общин и деспотического государства. Экстенсивная экономика с относительно слабым рынком, территориальнаярассредоточенность населения, постоянная военная готовность требовали для мобилизации ресурсов сильной государственной власти.

Политико-культурный генотип россиян во многом определялся тем, что в России сформировался особый «мобилизационный тип развития», для которого было характерно использование в различные исторические периоды чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм: либо для сохранения существования самой российской цивилизации, либо для обеспечения «догоняющего развития», на которое Россия была обречена после трехсотлетнего татаро-монгольского ига и других нашествий. В результате функционирование общества во многом было подчинено задачам достижения этой главной цели.

Русский народ отличается огромной жизнеспособностью и замечательным упорством. Готовность его представителей идти на жертвы во имя выживания и самосохранения стала следствием специфики социального и культурного развития страны. На формирование характера русского человека большое влияние оказала географическая среда. С момента зарождения российского государства его территория постоянно расширялась за счет освоения все новых и новых земель. Это выработало в русских легкость к перемене мест, быстрое привыкание к этнически чуждой среде.

В русском характере, как отмечают многие философы, ученые, художники слова прошлого и нынешнего века, много своеобразного, связанного, в частности, с географическим фактором, природно-климатическими условиями. Умение выдерживать сверхнапряжение стало отличительной чертой русского национального характера. Это умение оказывалось спасительным в период вражеских нашествий, голода, серьезных социальных потрясений и репрессий.

Многие исследователи отмечают в русском характере преобладание нравственного начала, внимание к смысложизненным проблемам. Русский человек обладает особенно чутким различием добра и зла, он зорко подмечает несовершенство всех наших поступков, нравов и учреждений, никогда не удовлетворя-

[1] Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию РФ // Российская газета. — 2003. — 17 мая.

ясь ими и не переставая искать совершенного добра. Крупнейшие отечественные мыслители — Ф. Достоевский и В. Соловьев — высказывали тезис о всеотзывчивости и всеоткрытости как ключевых чертах русского народа.

> *Ф.М. Достоевский:* «Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности? Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите».[1]

Социологические исследования показывают, что русские люди больше всего ценят в себе готовность к защите Отечества любой ценой; готовность переносить трудности и испытания; славное прошлое, героическую историю; волю к свободе, независимости; национальное единство, сплоченность. Сами русские считают устойчивыми признаками русского человека говорить и думать на родном языке; считать себя русским; любить Россию, считать ее Родиной; любить русскую культуру и обычаи; иметь русский характер; иметь русских родителей, российское гражданство; существенна ориентация на православную веру. В характере русского народа выделяются такие качества, как патриотизм, воля, свободолюбие, доброта, даровитость, способность к разработке сложнейших теоретических и прикладных вопросов развития науки, техники, искусства.

Если попытаться в обобщенной форме дать портрет русских по их же собственным оценкам, то он получится следующим: русские — это душевные и приветливые, щедрые, доверчивые и смелые люди. Для них характерны жизнерадостность и скромность, честность и религиозность. Они почти в равной степени активны и инертны, ленивы и трудолюбивы, преклоняются перед авторитетом и уверены в себе, вспыльчивы и уравновешенны. Вместе с тем им присущи недисциплинированность, непунктуальность и неаккуратность.

На политическую культуру россиян оказало воздействие своеобразие «прерывной истории России». Исторический путь России проходил через следующие стадии культурного и государственного развития, которые отличались по ряду политико-культурных ценностей и приоритетов развития:

1) праиндоевропейский, языческий период;
2) Киевская Русь христианского времени;
3) Московское царство;
4) петербургская империя (с Петра I);
5) социалистический период;
6) современный период: первый этап — с лета 1991 г. (распад СССР) до конца 1999 г.; второй — с начала 2000 г.

Многие исследователи, выделяя основные стадии в историческом генезисе России, отмечают их прерывность и значительное своеобразие. Некоторые из них рассматривают указанные стадии как самостоятельные цивилизационные этапы. Так, в коллективной работе российских ученых обращается внимание на

[1] **Достоевский Ф.М.** Пушкин: очерк // Русская идея: сборник. — М., 1992. — С. 142.

то, что «исторический процесс на Руси, в России шел довольно сложным образом. Россия знала и пережила шесть цивилизаций».[1] Они выделяют: «первую цивилизацию» (1-Х вв.), «вторую» (988-1240 гг.), «третью» (середина ХШ в. — 1347 г.), «четвертую» (1547-1700 гг.), «пятую» (1700-1917 гг.), «шестую» (1917-1985 гг.), «седьмую» (с 1985 г.) — «цивилизацию демократической России».

Можно спорить о применимости термина «цивилизация» в данном контексте, однако ясно, что для исторической судьбы России характерны прерывность, резкое отличие стадий ее развития.

> *Н.А. Бердяев:* «Историческая судьба русского народа была несчастной и страдальческой, и развивался он катастрофическим темпом, через прерывность и изменение типа цивилизации».[2]

Под влиянием этих «исторических рывков» политическая культура России приобрела удивительную устойчивость своих базовых характеристик, традиционных черт, которые остаются в силе несмотря на изменения политических режимов.

Положительной чертой рассматриваемой монографии является то, что начало первой стадии («цивилизации») в развитии Руси-России авторы датируют с I в. н. э., обращая внимание, т.о., на тысячелетний период (до принятия христианства на Руси в 988 г.) российского цивилизационного генезиса.

В рассмотрения генезиса российской цивилизации иногда целесообразно взглянуть и на более ранние этапы ее развития, хотя в силу известной скудности исторических сведений это сделать достаточно сложно. Речь идет об анализе древнейших основ российской цивилизации, культурных связей древнеславянских и праиндо-иранских народов (арьев), близости их проживания в пред- и постледниковый периоды (10 тыс. лет — 1 тыс. лет до н. э.), схожести праязыков, нашедших отражение в похожих мифах и т.п.

Интерес представляет анализ «Велесовой книги» — возможной летописи языческих древнерусских жрецов. Она начинается с описания событий до новой эры и доведенная до Аскольда и Дира, хотя как источник она носит спорный характер.[3]

Возможен перевод названия «Россия» с санскрита («русья») и его толкование как «светлая», «святая»[4], «страна светлых вод».[5] Название страны «Рош»

[1] **Бегунов Ю.К., Лукашев А.В., Пониделко А.В.** 13 теорий демократии. — СПб.: Изд. дом «Бизнес-Пресса», 2002. — С. 146-163.

[2] **Бердяев Н.А.** Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990. — С. 7.

[3] **Гумилев Л.Н.** Древняя Русь и Великая Степь. — М., 1993. — С. 25-26; **Лесной С.** Откуда ты, Русь? — Ростов-на-Дону, 1995. — С. 4-8.

[4] **Ахуджа А., Гусева Н.** Тайные истоки видимых рек // Время искать. — М, 1990; **Филиппов В.** Куда исчезли древляне и кривичи, или почему вологодский говор в переводе на санскрит не нуждается // Известия. — 1996. — 18 апреля; Быль «Велесовой книги» // Поиск. Международная газета. — СПб. — 2002. — № 12.

[5] **Головков** А. Политическая география в эпоху Иезекиля. Русь — название территории Среднего Приднепровья, известное с VII в. до н. э. и означающее «речная страна» // НГ-НАУКА. — 1999. — № 5. — С. 4.

(«Рос»), относимой к району Среднего Приднепровья (не позднее VII в. до н. э.), есть и в Библии (Книга Бытия гл. 2). Ряд русских слов при учете их санскритских корней приобретает дополнительное значение. Так, солнце на санскрите означалось как «Ра». Отсюда возглас «ура» — у солнца, над тьмой; «Урал» — стоящий у солнца. «Род» на санскр. — «божество». Отсюда: родина, народ, родник. «Рок» — луч, светящий каждому человеку, семье, роду и народу. Отсюда: урок, нарок (наречение имени), пророк, изрок (сглаз), оброк, рокот (глас рока). «Га» — глагол, означающий движение. Отсюда: «нога» — движение в пространстве, дорога, телега. «Космос» — «ниспадающие с неба потоки света»; космомысленный — человек, владеющий высшими знаниями и др. Евроазийская проблематика актуализируется в российской политике и культуре.

2. Отличительные черты цивилизационного и культурного развития России

В российской цивилизации остро соперничают центробежные и центростремительные тенденции; предпосылки возникновения ее новых этапов не всегда подчинены соответствующим основаниям. Неразгаданная тайна России, о которой писал Тютчев и которую Н. А. Бердяев связывал с антиномичностью и противоречивостью «души России», способностью сочетать в себе «бездонную глубь и необъятную высь», с отсутствием достоинства, неблагородством, жестокостью и рабством, все это, как верно отмечал профессор М.Н. Найдыш, «есть отражение сложности, динамичности, противоречивости самого становления цивилизационного архетипа (на основе интеграции, синтеза множества различных и часто трудносовместимых этнических архетипов)».[1]

Отличительная характеристика политической культуры большинства россиян — это понимание или осознание особого значения государственности, роли государства как собирателя земель и народов, их опоры, основного защитника многонациональной российской культуры, самого существования многих наций и народов. Чувство патриотизма русского и многих других народов имеет глубокие корни, органически связано с важной ролью государства в этом процессе. Политический фактор русского этнического самосознания — это прежде всего фактор, связанный с историей русской государственности. Национальное самосознание на Руси имеет своим показателем не только памятники письменности и искусства: борьба за свою политическую и культурную самостоятельность и за свое государство служат самым ярким свидетельством высокого уровня национального сознания русского народа.

В отличие от Западной Европы, где общество и государство строились снизу вверх и централизованная власть явилась как высшая надстройка над сформировавшимся обществом, сложившимся средним слоем землевладельцев, в России имело место государство иного типа—государство, формирующее общество. Российское государство есть государство по преимуществу территориальное

[1] Найдыш В.М. Цивилизация как проблема философии истории. — М., 1997. — С. 66.

(в отличие от западного nation-state), а ранее еще и династическое. В силу всего этого характерная черта российской политической культуры — доминирующий архетип державности. Соответственно, многие россияне болезненно реагируют на общее ослабление (или неэффективность) роли государства в общественной жизни страны.

> *В.В. Путин:* «Россия с самого начала создавалась как суперцентрализованное государство. Это заложено в ее генетическом коде, в традициях, в менталитете людей».[1]

На протяжении столетий российская политическая культура носила авторитарно-патриархальный характер. Она как бы распространяла на все государство и общество принципы «Домостроя» — отношения в рамках большой семьи, где глава ее выступает в роли патриарха, который располагает всей полнотой власти в отношении жены, детей, других родственников, зависящих от него, и в то же время проявляет необходимую заботу о каждом из них. Именно в таком ключе население рассматривало царя, называя его батюшкой как верховного владыку, а себя — как покорных подданных, и все надежды на свое благополучие связывало с добрым царем.

Следует обратить внимание на особую роль общины и традиций взаимоустройства, взаимопомощи и сопереживания, на основе которых у россиян воспроизводятся устойчивые *коллективистские ориентации*. Это и общность, артельность, коллективизм, специфический для русского национального характера, его культуры политики. В противоположность западному базовое русское мировоззрение содержит в себе ярко выраженную философию «мы», а не «я».

Для многих граждан России характерен коллективистский стиль поведения, ориентации и участия в политической жизни. Нельзя забывать о закрепленной в памяти трех поколений социалистической ориентации общественного развития, в результате чего в современном обществе распространилось острое восприятие проблем справедливости и порядка, а также сформировался синдром социальной незащищенности и неуверенности в завтрашнем дне. Коллективизм — не просто одна из известных и характернейших черт российской ментальное™, это ее основополагающее качество, ибо определяет главную направленность россиян.

Важной чертой культуры России является ее религиозная доминанта и (или) традиция. Процесс формирования русского этнического самосознания, равно как и русской государственности, нельзя правильно оценить, если не принять во внимание религиозный фактор: крещение Руси в 988 г. и деятельность Русской православной церкви. Православие является одной из важнейших составляющих как государственно-политической, так и духовной истории России. Развитие России практически не знало конфликта светской и духовной власти. С православной точки зрения царь и патриарх едины в духе. Империя и церковь образовывали один государственно-церковный организм. Православная церковь и православие сыграли важную роль в формировании этнического самосозна-

[1] От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. — С. 167-168.

ния русского народа, которое шло параллельно со становлением русской государственности. А.С. Пушкин, в частности,, писал о большом влиянии православия на национальную психологию русского народа, отмечая в то же время и народные насмешки «насчет всего церковного».[1]

Пользуясь поддержкой государства, церковь оказывала сильное влияние на духовную жизнь русского народа, в т.ч. и на его этническое самосознание. Термины «крещеный», «православный», «русский» становились в известном смысле синонимами. Учитывая особое взаимодействие российского государства и церкви, А. Тойнби определял особенность политической культуры «восточно-христианской цивилизации» как стремление к созданию и сочетанию универсального государства и универсальной церкви.

Другой важной чертой культуры России является позитивное историческое взаимодействие православия и ислама (второй религии в России), толерантное отношение верующих, принадлежащих к различным религиозным конфессиям.

Отличительной чертой российской культуры являются также идеи и традиции соборности. Соборность — это принцип единогласного, консенсусного и сословно-представительского принятия решений «снизу до верху»; идея гармонии, симфонического единства светской и духовной власти, гармонического единства людей, общность их судьбы и жизни, традиции взаимопомощи и коллективизма. В основе соборности исторически лежали гармония, сотрудничество, духовность, православие, учет традиций российского («евроазийского») общественного развития и «русской души», демократизм принятия решений «снизу» при корпоративной власти «сверху».

Соборность представляют любые традиционные соборные управленческие институты: деревенский сход (мир), вече, община (прямая демократия сельского самоуправления), казачий круг, войсковой круг, земские соборы, земства, советы различных уровней в годы советской власти и др. В социально-политическом смысле практической школой соборного жизнеустройства в России была крестьянская община со всеми ее плюсами и минусами, давно подмеченными Марксом, славянофилами, народниками.

Славянофилы связывали соборность с общиной, где «личность свободна как в хоре» (К.С. Аксаков). Представитель «евроазийства» С.Н. Трубецкой трактовал соборность как религиозный, нравственный и одновременно социальный идеал, противостоящий как индивидуализму, так и социалистическому коллективизму, как «собирание и осмысление» всех духовных достижений человечества во всем его культурно-цивилизационном многообразии во имя синтеза новых общечеловеческих ценностей через религиозно-культурный синкретизм в духе культурной миссии Н.К. Рериха. Ориентиром здесь могут служить мысли Ф.М. Достоевского, видевшего во «всемирности и общечеловечности» предназначение России.

Для развития России характерны антиномичность, амбивалентность и противоречивость. Русская мысль издавна стремилась охватить существенные особенности России, ее социально-политическую самобытность. М.В. Ломоносов, отмечая несходство истории Римской и Российской империй, писал: «Римское

[1] **Пушкин А.С.** Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. — М.; Л., 1934. — С. 182-183.

государство гражданским правлением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством как сначала возвысилась, так и после несчастливых времен умножилась».[1]

М.В. Ломоносов одним из первых отметил противоречивость политической культуры России в контексте связи власти, свободы, авторитаризма и анархии. Эту мысль позже разовьют многие мыслители, отмечавшие поразительную двойственность русской души: ее этатизм и анархизм, почитание государя и любовь к свободе.

Еще Н.А. Бердяев указывал на двойственность и иррационализм «русской души», ее антиномичность — поразительный симбиоз анархизма и этатизма, готовности отдать жизнь за свободу и неслыханного сервилизма. Причину этого он видел в неразвитости личностного начала в российском обществе, а также в стихийном коллективизме. Национальное (этническое) самосознание в России всегда было противоречивым, поскольку в нем отражались интересы и самосознание различных социальных слоев и классов: господствующих сословий, связанных тесно с государственной властью, и народа, прежде всего крестьянства.

Наличие этой противоречивости отмечают многие исследователи русского национального самосознания. О том, что русское национальное самосознание неоднородно, свидетельствует, например, полемика славянофилов с западниками в XIX — начале XX вв. В противоположность официальной концепции национального самосознания, в основу которой был положен принцип единства «православия, самодержавия и народности», западники считали, что единого национального самосознания в России не существует, что оно дифференцировано. Н.А. Добролюбов писал, что в России «каждое сословие, даже каждый кружок живет отдельной жизнью, имеет свои особые цели и стремления».[2]

В русском национальном самосознании противостояли друг другу общерусское национальное и сословно-классовое самосознание. Эта тенденция была отмечена в программных документах народничества, работах русских марксистов. Известный российский исследователь П.И. Ковалевский высказал в начале XX в. весьма актуальную для сегодняшних дней мысль о том, что развитие капитализма в России подрывает основы русского национального самосознания, поскольку «для банковских деятелей, спекулянтов, кулаков нет ни нации, ни Родины, ни государства».

В российской политической культуре, истоки которой коренятся в патриархальном укладе крестьянской жизни, закреплены веками формировавшийся коллективистский опыт, тоталитарное сознание, архаические обычаи верноподданничества, конформизма и непротивление насилию. В тоже время, когда многострадальное и терпеливое крестьянство наконец поднималось на борьбу за землю и волю, оно бунтовало одновременно и за доброго, справедливого царя, обнажая тем самым далеко не демократический характер своей ментальности.

[1] **Ломоносов М.В.** Древняя российская история // Россия и Европа: опыт соборного анализа. — М., 1991. — С. 21-22.

[2] **Добролюбов Н.А.** Избранное. — М, 1985. — С. 359.

Характерная черта русского характера, его неотъемлемое политико-культурное качество — максимализм (склонность к крайностям в мышлении и поведении). Свобода в менталитете россиянина ассоциируется с анархией, волюшкой-волей.

Вероятно, можно сформулировать следующую цивилизационно-культурно-политическую российскую доминанту: Россия исторически—это нерешенный крестьянский вопрос и высокая степень концентрации власти: великий князь — царь — монарх—император — генеральный секретарь — полновластный президент.

Германский политолог Х. Тиммерман подчеркивал, что прежде все попытки европеизации России удавались лишь отчасти. На пути этого процесса всегда вставал «русский империализм» (совокупность целого ряда родовых черт русской культуры), который сумел доказать, что он есть историческая константа. Вместе с тем Х. Тиммерман обращает особое внимание на тот факт, что советский коммунизм стал способом осуществления модернизации России. Однако эта модернизация имела прежде всего технико-промышленное измерение. Было построено индустриальное государство, но не индустриальное общество. Эта специфическая модернизация привела к атомизации общества, к тому, что крайне затруднены процессы артикуляции социальных интересов, создания различных промежуточных структур. То есть возникла промышленно-урбанистическая цивилизация совершенно незападного типа.[1]

В российской истории наряду с авторитарной существует и другая — демократическая традиция, в т.ч. и самоуправления. Она имеет глубокие корни и несет сильный отпечаток патриархальных отношений. Классическим примером служат Новгородская, Псковская и Вятская вечевые республики, просуществовавшие до их присоединения к Московскому государству в XV в. Вдали от крепостничества и деспотизма власти формировалась казацкая вольница. Российское государство управлялось не только центральной администрацией. Когда нужен был общий совет, созывались земские сборы.[2]

Таким образом, наблюдаемое и временами обостряющееся противоборство в российском обществе двух политических культур — авторитарной и демократической — имеет давнюю историю.

Характерной чертой политического развития России являлась слабость или даже отсутствие дифференцированного гражданского общества западного типа, поскольку развитие капитализма в ней было относительно кратковременным. Россия не прошла стадию типа Возрождения. В силу этого оказались столь слабыми в политической культуре России элементы индивидуализма, индивидуалистической культуры, идеи либерализма и сами либеральные партии. Известно, что Россия не прошла стадию развития, похожую на Реформацию. Произошла абсолютизация некоторых сторон Просвещения, например, роли и значения науки в социальной жизни. Науковерие встало на место религиозной веры. Как

[1] **Timmermann H.** Was erwartet Europa von Russland // Russland und Deutschland — Nachbarn in Europa — Baden-Baden: Nomos, 1992. — S. 191-218.

[2] **Еремян В.В.** Очерки муниципальной историографии. — М.: Академия права и управления, 2003.

следствие, не была достаточно основательно поставлена проблема свободы совести. Соответственно, слаба толерантность и культура компромисса; не проведено отграничение мировоззренческих ценностей от политических.

Германский политолог В. Шляпентох для характеристики современного российского развития обращается к концепции «феодализма с модернистским лицом». Он обращал внимание на то, что, как и в Западной Европе тысячелетней давности, в России «границы между публичной и частной сферами либо размыты, либо вообще не существуют: власть и собственность настолько переплетены, что их часто невозможно отделить друг от друга. Подобно средневековым баронам, российские бюрократы на всех уровнях иерархии используют свою политическую власть для осуществления контроля над собственностью, в то время как богачи обменивают деньги на власть, для того чтобы контролировать политические решения. Соответственно личные связи играют зачастую гораздо большую роль, чем связи, основанные на формальном положении людей в политических, социальных и экономических структурах. Это означает, что наиболее могущественными людьми в стране являются не государственные деятели, избираемые на выборах, но близкие друзья президента».[1]

Английский политолог Д. Лестер выделял следующие характерные черты российского социокультурного и политического развития в 90-е гг. XX в.: «Абсолютное преобладание частных интересов над публичными не только на уровне обыденной жизни, но особенно в предпочтениях и поведении государственных служащих — от бюрократов до политиков. Тесное переплетение собственности и власти. Во многих случаях целые области превращаются в обширные феодальные владения на условиях личного держания. Постоянно усиливающееся преобладание личных связей, основанных на все более формальных (или институализированных) отношениях в политической, социальной и экономической сферах. Типичным выражением этих связей становится понятие "крыша". Если отношения "вассалитета" преобладают на уровне самих правителей, на нижних ступенях социальной лестницы наиболее типичными становятся отношения патронажа и клиентелы, являющиеся, как свидетельствует опыт европейского Средневековья, не выражением анархии, но, наоборот, стремлением к установлению определенного порядка».[2]

Нам думается, что суждения западных политологов о феодально-модернистских чертах развития России уже не соответствуют действительности. Как известно, в период 2000-2003 гг. резко возросли права и полномочия Федерального центра, укрепилась властная вертикаль, расширилась правовая база российской государственности.

Вместе с тем верно, что гражданское общество в современной России пока является слабым. В Конституции Российской Федерации 1993 г. понятие «гражданское общество» отсутствует вообще. Принимая участие в работе «Гражданского

[1] Shlapentokh V. Early Feudalism — The Best Parallel for Contemporary Russia // Europe-Asia Studies. Formerly Soviet Studies. 1996. — Vol. 48. — № 3. — P. 393.

[2] Lester J. Feudalism's Revenge: The Inverse Dialectics of Time in Russia // Contemporary Politics. 1998. — Vol. 4. — № 2. — P. 200.

форума», представлявшего в Кремлевском Дворце 21-22 ноября 2001 г. более двухсот массовых общественных организаций, Президент Российской Федерации В.В. Путин обратил внимание на то, что «гражданское общество не может быть создано по чьей-то указке. Оно вырастает самостоятельно, имеет собственную корневую базу и питается духом свободы. Готовых рецептов по выращиванию такого общества у власти нет, но если от нее потребуются какие-то организационные усилия или подключение законодательных механизмов—она на это готова».[1]

В силу исторических причин в России слабы традиции правовой государственности; долгое время россияне традиционно мало внимания уделяли воспитанию демократической правовой культуры. В принципе, это понятно, поскольку в стране существовал монархический режим, парламент до 1905 г. отсутствовал. Власть монарха на всех этапах истории России ничем не была ограничена. По свидетельству В.О. Ключевского, страна рассматривалась как большая царская вотчина, функционирующая под строгим надзором и по предписаниям «помазанника Божьего». Существовавший произвол власти связывался в народном сознании с деятельностью господ и чиновников, которые злоупотребляли доверием царя-батюшки, находившегося в неведении относительно чаяний своих подданных. Отсюда нелюбовь ко всему государственному, устойчивый правовой нигилизм, стремление следовать велению голоса совести, внутренней правды, а не внешней юридической справедливости.

Исторически в России не уважение к законам, а страх перед наказанием побуждал людей подчиняться правовым нормам. Распространены также устойчивые традиции приоритета государства над обществом, правды над законом, веры над знанием, насилия над убеждением. Существовавшая долгие годы тоталитарно-авторитарная система власти и управления вместе с патриархальной ментальностью народа имеет большой запас прочности, ибо постоянно подпитывается авторитарно-патриархальной политической культурой.

Первые многопартийные выборы в Государственную Думу в России, как известно, состоялись лишь в начале XX в., а в период с 20-х до конца 80-х гг. XX столетия выборы были практически безальтернативными. Современная система права и правовая культура россиян, в основе которых лежит Конституция Российской Федерации (12 декабря 1993 г.), в основном сформированы. Плюралистические выборы в конце XX и начале XXI вв. поочередно, в четыре состава Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (1993, 1995,1999 и 2003 гг.) и первых двух президентов России позволили российским гражданам приобрести важный опыт демократического плюрализма, навыков формальной демократии. Их следует изучать и использовать в интересах российского общества.

Ряд политологов и социологов считают, что для укоренения демократических начал в транзитных обществах населению необходим достаточно длительный электоральный опыт: формирование и вхождение в политику нового поколения, в частности избрание и полное пребывание (функционирование) на их постах не менее чем трех-четырех президентов.

[1] Независимая газета. — 2001. — 22 ноября. — № 218.

Важной чертой политической и духовной культуры России является ее многонациональный, полиэтнический характер. История России и ее государственности не укладывается в узкие рамки «имперской модели», сложившейся на опыте западных моделей, — британской, французской, германской, португальской, США и др. Так называемая Российская империя складывалась как единое сословно-феодальное полиэтническое централизованное государство преимущественно мирным путем, без разделения на метрополию и колонии, без ограничения прав ни по национальному, ни по территориальному признакам, в рамках единого «мира-экономики», весьма толерантное в конфессиональном отношении, никогда не проводившее насильственной политики ассимиляции нерусских народов.

Н.А. Бердяев: «Россия провиденциально империалистична, но лишена империалистического пафоса, в этом ее своеобразие».[1]

Важной особенностью формирования России было то, что она интегрировалась в единую целостность не только политически, но и культурно-исторически, т.е. через выработку и утверждение единой системы соционормативной регуляции. Культурно-историческим соционормативным ядром выступала русская культура, русский язык. Иначе говоря, Российское государство складывалось одновременно и как государство (как империя), и как самобытная цивилизационная общность, цивилизация.

Известно, что этническое самосознание не только обращено внутрь этноса (нации) — историческая память, национальная психология и характер, — но и вовне, на межэтнические контакты. Эта направленность находит выражение в этнических антипатиях и этнических симпатиях. В национальном самосознании могут проявляться как элементы, ориентированные на единство установок и общение, взаимное познание друг друга, обмен культурными ценностями, так и элементы отчуждения, антипатии, предубеждения, неприятие друг друга.

В истории России преобладали элементы взаимодействия, взаимопомощи, населявших ее народов, что, собственно, и дает возможность говорить о россиянах как исторической общности людей. Преамбула Конституции Российской Федерации начинается обетами:

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...». Иначе говоря, все проживающие на территории Российской Федерации нации и народы рассматриваются как некая сложившаяся историческая целостность.

Несмотря на обозначившийся процесс определенной переориентации русской идентичности, как и других национальных идентичностей, с государственно-гражданской на этнонациональную, в целом русская социокультурная среда чужда дискриминации по национальному признаку. По-прежнему нормально воспринимаются межнациональные браки (70-75% молодых людей не усматривают в этом вопросе каких-то ограничений). Более 60% рус-

[1] Бердяев Н.А. Судьба России. — М., 1990. — С. 102.

ских рассматривают Россию как общий дом многих народов, которые должны обладать равными правами.[1]

Для российской политической культуры исторически были характерны определенные черты изоляционизма. Даже в периоды относительной открытости миру духовные импульсы, которые шли извне, развивались в условиях определенной изоляции. Это перерабатывало западные влияния в соответствии с русской нормативной и ценностной системами. Речь идет не только о славянофилах, но и западниках, а также впоследствии и марксистах. Иначе говоря, политическая культура России все еще носит некоторые черты «изоляционистской культуры».

> *В. Пфайлер:* «Из-за громадных размеров страны русские... были оторваны от основных духовных и интеллектуальных движений человечества. Природные богатства давали возможность не включаться в международное технологическое сотрудничество. Политическое руководство страны почти всех эпох ее истории видело в этой оторванности России от мира преимущество».[2]

Современная политика руководства Российской Федерации, направленная на активное участие России в международных политических, социально-экономических и иных структурах, на поддержку усилий мирового сообщества в борьбе с международным терроризмом, создает хорошие предпосылки для формирования открытой, демократической политической культуры в российском сообществе.

Политическая культура отдельной страны, как правило, формируется в процессе переплетения различных ценностных ориентации и способов политического участия граждан, национальных традиций и обычаев общественного признания человека, доминирующих форм общения элиты и электората, а также других обстоятельств, выражающих устойчивые черты цивилизационного развития общества и государства.

В России сложились определенные особенности политической культуры, прежде всего обусловленные ее геополитическим положением, доминировавшими формами самодержавно-патриархального образа жизни, длительной дистанцированностью граждан от реальных рычагов власти, слабой политической ролью механизмов самоуправления и самоорганизации населения (за исключением ключевых периодов развития).

На характер политической культуры в России определенное влияние оказало тяжелое наследие тоталитаризма—ликвидация или высылка видных представителей интеллигенции и других социальных слоев, отказ от рыночных регуляторов развития экономики, насильственное внедрение партийной идеологии и др.

[1] Граждане России: взгляд на самих себя. НГ-СЦЕНАРИИ // Независимая газета. — 1998. — № 12.— С. 6.

[2] **Pfeiler W.** Historische Rahmenbedingungen der russischen Kultur // Russland aufdem Weg zur Demokratie? Politik und Parteien in der Russischen Federation. — Paderborn, 1993. — S. 15-16.

Это нарушало естественные механизмы и трансляторы российских традиций, преемственность поколений, развитие ценностей плюралистического образа жизни, а также деформировало межкультурные связи и отношения России с мировым сообществом. В целом же такая политика послужила усеченному воспроизводству и развитию российской цивилизации.

В результате ведущее на сегодняшний день положение в политической культуре российского общества занимают ценности державного коммунитаризма, выражающие приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы личности, а в конечном счете — ведущую роль государства в регулировании политической и социальной жизни.

В то же время по преимуществу персонализированное восприятие власти, а также нравственный характер требований к ее деятельности предопределяют стремление большинства граждан к поиску харизматического лидера («спасителя отечества», способного вывести страну из кризиса), недооценку роли представительных органов власти, тяготение к исполнительским функциям с ограниченной индивидуальной ответственностью. Причем явная непопулярность идеи контроля за властями сочетается у многих людей со слабым знанием и уважением законов государства.

> *ВВ. Путин:* «Наша... большая проблема — отсутствие твердых и общепризнанных правил. Как и любой человек, общество не может без них обходиться. А правила в государстве — это закон, это конституционная дисциплина и порядок... Демократия — это диктатура закона, а не тех, кто по должности обязан этот закон отстаивать».[1]

В российском обществе существует много взаимооппонирующих политических и иных субкультур. Задача состоит в том, чтобы совместить ее политико-культурное многообразие с принципами демократического федерализма, обеспечить внутреннюю целостность государства и общества.

В целом современная политическая культура россиян может характеризоваться как смешанная, в ней важное место занимают как авторитарно-коллективистская субкультура, так и формально демократическая политическая субкультура. В целом она является переходной: от культуры авторитарно-патриархальной к возможной демократической политической культуре, через современную сложную и продолжительную фазу реформирования общества.

В 90-е гг. XX в. на Россию, ее культуру вследствие соответствующей политики правящего режима и активной роли средств массовой информации и коммуникации буквально обрушились мощные информационные потоки, пропагандирующие либеральные, западные ценности и размывающие российскую историческую память, патриотизм, нравственность, государственность и даже русский язык. В сознание русского народа внедряются стандарты и нормы поведения, обычаи и традиции, в корне чуждые российскому мента-

[1] Открытое письмо Владимира Путина к российским избирателям // Известия. — 2000. — 25 февраля.

литету: культ насилия и жестокости, индивидуализма, эгоизма и корыстолюбия, алчности, порнографии.

В российской политике с 1991 по 1999 г. реализовывалась в целом неэффективная модель спекулятивно-зависимого капитализма, скопированная с наихудших образцов либеральных концепций, показавших ранее свою ущербность в других странах. Российское реформаторство в 90-е гг. XX в. вместо того чтобы осваивать более отвечающую и нашим традициям, и нашим потребностям континентально-европейскую модель социального государства, предпочло радикализованную неолиберальную версию безответственных в отношении социальных и экономических последствий рыночных реформ.

В результате «шоковой приватизации» произошло не только резкое расслоение, но и, по сути, ограбление общества, снижение экономической эффективности и резкое падение производства (по отношению к 1991 г. на десятки процентов), остановка сотен заводов. Разумеется, приватизация в значительной степени содействовала созданию в России рыночной экономики, включению в мировой рынок и др. В этом смысле она была неизбежной. Но ее социальная цена, как об этом неоднократно заявлял и Президент России, оказалась слишком высокой. По официальной информации в 1998 г. около 32 млн россиян, что составляет 25% населения страны, имели доходы ниже прожиточного минимума. Неоправданная бедность значительной части россиян, живущих в одной из богатейших по своему потенциалу стран мира, — позорный результат беспринципного, эгоистического управления страной со стороны соответствующих элитарно-административных кругов.

Следует обратить внимание на создание в новейшее время в России мощных семейно-олигархических кланов, контролирующих многомиллиардную собственность и (или) финансы и выступающих за консервацию сложившегося корпоративно-олигархического порядка.

Еще одной стороной структурного образования «собственность — власть» в современных условиях России является доминантная роль ресурсодобывающих и (или) контролирующих эту сферу государственных и частных компаний в экономике и политике, не заинтересованных в развитии инновационных, конкурентоспособных видов производства. Во время выборов в Государственную Думу Российской Федерации в 2003 г. рядом политических объединений остро ставился вопрос о введении государственного прогрессивного налога на сверхприбыли нефтедобывающих и иных компаний (от присваиваемой естественной ренты). Член-корреспондент РАН С Ю. Глазьев полагал, что доходы госбюджета можно было бы сразу увеличить более чем на 130 млрд рублей только за счет введения налога на сверхприбыль от эксплуатации месторождений нефти и газа.[1]

Исторический опыт показывает, что те страны, которые нашли свой оптимальный путь создания конкурентоспособного в условиях глобализации

[1] Глазьев С Ю. Почему мы самые богатые, а живем так бедно? — М.: Терра, 2003. — С. 248.

общества, соответственно, достигли и значительных успехов в их модернизации и развитии. Об этом свидетельствует опыт новых индустриальных и постиндустриальных государств Дальнего Востока и Южной Азии, сумевших приспособить традиционные культуры и отношения к современным «рыночным вызовам»; достижения стран «рыночно-государственного социализма» (Китай, Вьетнам); вставших на «западный путь» рационально регулируемых рыночных отношений и создания социального государства стран типа Чехия, Польша и др.

И дело не в том, что одни народы могут, а другие якобы не могут хозяйствовать эффективно, дело в условиях хозяйствования, в отношениях собственности, интеллектуальном и организационном потенциале правящей элиты, которая не может (или не пока не может) предложить и реализовать оптимальную модель социально-экономического развития, отвечающую конкретным условиям страны, интересам большинства ее населения, характеру современной эпохи.

Желательно обратить внимание на то, что США (30-х гг. XX в.), Япония (50-х гг. XX в.) и другие страны, преодолевшие экономические кризисы путем реализации демократических реформ при эффективной регулирующей роли государства, не изменили основ своей духовности и менталитета, выработали новые нормы и ценности, не отказываясь в целом от прошлого позитивного опыта.

В современной России остро стоит вопрос об общенациональной идее — интегральной политико-культурной ценности, необходимой для сплочения общества на путях подлинно демократических преобразований, подъема производства, создания могучей, демократической, гуманистической, просвещенной державы. Перед российским обществом в области политической культуры стоит важная задача умелого использования общечеловеческих, в т.ч. и либеральных ценностей (при эффективной роли государственного регулирования политики, культуры и экономики в интересах всего российского общества), не отказываясь от российских традиций и правильно их используя в современных условиях.

Ориентация на демократические идеалы и ценности не должна означать отказа от традиционных ценностей российской культуры. Необходим поворот от культуры «спекулятивного капитализма» к культуре «реального национального производства», от культуры «процветания олигархических семей» к культуре «процветания всего общества», от культуры конфронтации и надуманного деления общества на «демократов» и «красно-коричневых» к культуре политического диалога, соборности в рамках построения правового и социального государства, а также на основе понимания гражданского общества как совокупности людей, связанных общими ценностями, и базирующимися на них отношениях кооперации, сотрудничества и солидарности. Культура российской политики в идеале должна отражать и выражать базовые социальные интересы большинства общества. Только в этом случае можно будет говорить о российской демократической политической культуре.

Ключевые понятия

политико-культурный генезис России
православное христианское общество
ираиндоевроиейский период развития России
мобилизационный тип развития
государство, формирующее нацию
Россия как цивилизация
многонациональная российская культура
культура «спекулятивного капитализма»
монархические традиции русской культуры
общинные традиции русской культуры
понятие «собственность — власть»
пассионарность
антиномичность
менталитет русского человека
постклассический либерализм, соборность, коммунитаризм
азиатский способ производства
географический фактор в культуре России
этнонациональная культура россиян
религия и политика в России
прерывность российской цивилизации
державническая доминанта российской культуры

Вопросы для самостоятельной работы

1. Можно ли считать Россию цивилизацией? Приведите доводы «за» и «против».
2. Какие основные этапы цивилизационного развития России выделяют ученые?
3. В чем состоят исторические особенности цивилизационного и культурного развития России?
4. В каком смысле Россию можно считать «европейской» и (или) «азиатской» страной?
5. Каковы цивилизационные основы политической культуры Российской Федерации?
6. Каково соотношение между авторитарной и демократической традицией в развитии России?
7. В чем состояла исторически и состоит сегодня роль российской державности как ценности?
8. Каково в России соотношение между государством и гражданским обществом?
9. Охарактеризуйте основные ценности российской политической культуры.
10. Проанализируйте социокультурные качества россиян, их роль в политике.
11. Раскройте основные черты и особенности российского менталитета, его значение в политике.
12. Что вы понимаете под культурой политического диалога?
13. Какова роль политической культуры в процессе формирования правового и социального государства?
14. Какова роль соборности в российской политике?
15. Что Н.А. Бердяев понимал под «иррационализмом русской души»?

16. В чем выражалась исторически и проявляется сегодня коллективистская доминанта российской культуры и политики?

17. Что понимается под российской цивилизационно-культурно-политической доминантой развития?

18. Каковы основные ценности евразийства и перспективы их реализации?

19. Что понимается под прерывным развитием российской цивилизации?

20. Почему применительно к условиям России применяется термин «мобилизационный и (или) догоняющий тип развития»?

21. В чем особенности развития российской цивилизации и культуры как полиэтничного сообщества?

22. Какова религиозно-духовная доминанта российской цивилизации, культуры и политики, в чем проявляется ее роль?

Глава 10
Политическая и электоральная культура России

В.В. Путин: «Достижение современного развитого общества станет возможным лишь в условиях общенационального единства в оценке стоящих перед страной стратегических задач».

АД. Сахаров: «В конечном счете нравственное решение общественного деятеля и политика является самым правильным».

Р. Инглхарт: «Выживут системы, которые найдут эффективную форму собственной легитимации, при этом не утратив эффективности производства».

Ю.Д. Артамонова, А.Л. Демчук: «Без формальной демократии не бывает демократии реальной, но формальных основ недостаточно. Формальные права соблюдаются на практике настолько, насколько они уважаются и соблюдаются элитой. Формальные права должны также подтверждаться соответствующими ценностями — установками в политической культуре».

В. Ключевский: «Закон жизни отсталых государств или народов среди опередивших: нужда реформ назревает раньше, чем народ созревает для реформы. Необходимость ускоренного движения вдогонку ведет к перениманию чужого наскоро».

В. Ключевский: «Любуясь, как реформа преображала русскую старину, не доглядели, как русская старина преображала реформу».

Отто фон Бисмарк: «Русские долго запрягают, но быстро едут».

Н. Бердяев: «Отрицание России во имя человечества есть ограбление человечества».

И. Тургенев: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, вдвойне горе тому, кто действительно без нее обходится».

Софизм. Кто умеет — работает, кто не умеет — управляет, а кто не умеет управлять — правит.

Софизм. Хороший политик способен заставить людей поверить в него; великий политик способен заставить людей поверить в себя самих.

Дж. Кларк: «Политик думает о следующих выборах, государственный муж — о следующем поколении».

Д. Эйзенхауэр: «Лозунг истинной демократии не "Пусть это сделает правительство", а "Дайте нам сделать это самим"».

/. *Особенности современной политической культуры россиян*

Современная политическая культура России в основном сформировалась в 1990-е гг. По своей общей направленности она может быть определена как стадиально-переходная от коллективистско-авторитарной к демократической, включающая ряд противоречивых политических субкультур.

Политическая культура россиян носит сложносоставной характер, представляет собой совокупность различных, в т.ч. противоречивых политических ценностей и ориентации: демократических, авторитарных, коллективистских, индивидуалистских, национально-патриотических и др. В России преобладают смешанные типы политической культуры: патриархально-подданическая, подданническо-активистская и патриархально-активистская, а также формирующаяся демократическая культура политического участия.

Политическая культура России имеет сложносоставной, фрагментарный, в некоторых отношениях поляризованный характер. Для нее характерны: 1) наличие широкого спектра политических ценностей и взглядов, полюсов с различающимися, иногда противоположными ценностными ориентациями; 2) черты противостояния или различия между субкультурами городского и сельского населения, столичного и провинциального, богатого и бедного электората; 3) серьезные отличия в политических приоритетах макрорегионов и ряда субъектов Российской Федерации; 4) различные ценности среди элитарной и массовой культур.

Для возможного перехода от современной фрагментарной политической культуры к преимущественно демократической, консенсуальной по'фебуется длительный исторический период, на протяжении которого в процессе политической социализации население должно усвоить новые ценности и модели поведения в политике. Успех этого процесса во многом будет зависеть от способности российской власти, всех активных членов российского сообщества.

Современная политическая культура большинства россиян характеризуется стабильным интересом к политике во время выборов (ею интересуются около 70% населения) и пассивным (просто интересуются) в обычное время, хорошим по общепринятым нормам участие в выборах центральных органов власти: президента, парламента, референдумах (участвуют от 60 до 75% всех зарегистрированных избирателей).

Среди опрошенных в марте 2000 г. более 1 тыс. респондентов об их отношении к политике были получены следующие результаты: 42% отметили, что выборы президента для них представляют большой интерес, и они следили на ними на протяжении всего дня выборов; 27% сообщили, что выборы просто интересны, и они в основном следили за ними; 26%—выборы неинтересны, поскольку результат известен заранее, и только 5% ответили, что политикой не интересуются.'

[1] http//www/nns.ru/chronicle/28.03.2000.

Вместе с тем часто наблюдается слабое участие (если нет политически обостренной ситуации) в локальных и региональных выборах (от 20 до 40% избирателей). Например, на выборах в московскую Городскую думу в декабре 2001 г. участвовало не более 35% избирателей. Снизился (по сравнению с 1990-ми гг. примерно на 10—12%) и уровень участия граждан в 2003 г. в выборах депутатов четвертой Государственной Думы Федерального Собрания (до 56%).

В промежутках между выборами россияне участвуют в политике в целом меньше, чем это принято на Западе. Однако это не относится к временам обострения политической ситуации, когда в течение одного дня в массовых движениях протеста могут участвовать десятки тысяч человек.

Вообще для России — страны, находящейся в переходном состоянии, — более характерны эпизодические массовые всплески или «взрывы» политической активности, чем постоянное и широкое участие граждан в политических структурах, организациях и движениях. Они больше интересуются политикой, чем профессионально участвуют в ней. Вместе с тем треть россиян, согласно ВЦИОМ, «не интересуется политикой вовсе». Всплески интереса к политике фиксируются в основном в связи с общероссийскими парламентскими и президентскими выборами.

По данным отдела социальной динамики Института социально-политических исследований Российской академии наук, из 1657 опрошенных в середине 1990-х гг. только 7% горожан назвали себя «политически активными людьми», т.е. посещающими собрания политических партий и движений, участвующими в организации и проведении выборных кампаний и т.п. Около трех четвертей (72%) охарактеризовали себя как «пассивных наблюдателей за политической жизнью», 13% — «не интересующихся политикой», 8% — «абсолютно не интересующихся политикой». Среди сельских жителей примерно такая же картина, только среди них еще больше лиц, не интересующихся политикой в стране.[1]

В целом многие граждане в Российской Федерации скорее наблюдают за политикой, чем участвуют в ней. К политически активному меньшинству населения страны относится около 1/9-1/10 взрослого населения страны. Этот уровень увеличивается во время проведения массовых общественно-политических акций — выступлений шахтеров, учителей, студентов, работников системы здравоохранения и других категорий трудящихся, требующих выплат задолженностей государства по зарплате, усиления социальной направленности государственной политики.

Анализ показывает, что доля лиц, постоянно интересующихся политикой в России, близка в аналогичной пропорции южно-европейским и латиноамериканским странам. Доля же тех, кто пассивно, эпизодично следит за политической жизнью в России, несколько выше, чем в США, Канаде, Франции и Германии, что, очевидно, объясняется достаточно высоким уровнем образования россиян, их менталитетом, важностью политики в период трансформации общества.

Особенности политической культуры Запада во многом объясняются укоренением демократических, партисипаторных принципов организации обществен-

[1] Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения / пер. с англ. — М., 1998. — С. 176.

ной жизни, трансформировавшиеся в соответствующие установки и нормы политического поведения большинства представителей среднего класса, который составляет до двух третей западного общества. В России средний класс, как известно, пока слаб, а традиции постоянного участия в политике в условиях плюрализма пока только начинают формироваться.[1]

Можно отметить некоторое отличие в отношении к политике на Западе и в современной России. Во многих странах Запада интерес к политике среди высшего и среднего классов устойчив, но политика занимает одно из последних мест по уровню непосредственной важности для индивида (соагветственно, работа—90%, семья—80%, друзья — 80%, отдых—85%, а политика—только 50-60%, религия—30%). В России интерес к политике достаточно высок, но постоянное участие в ней меньше, чем на Западе, хотя по уровню важности (как следствие политизированности общественной жизни) она равна работе—67%, важнее отдыха — 54% и личной жизни—41%.

На невысокий уровень постоянного участия в политике граждан России во многом влияет то, что экономическая и социальная политика российского государства не только не сузила, а, напротив, расширила пропасть между властвующей элитой и массами.

Отсутствие подлинных перемен в уровне жизни и механизме власти служит причиной распространения чувства отчуждения от власти, определенного неверия в роль выборов и других демократических механизмов участия в политике. Другими причинами невысокого уровня участия в текущей политике являются слабость российского гражданского общества, неразвитость местного самоуправления, элитный (формально-бюрократический, неэффективный) характер государственной политики.

По данным социологических опросов, большинство россиян не ощущает того, что рядовые граждане способны эффективно воздействовать на правительственную политику на выборах или посредством членства в различных организациях по интересам, общественных и политических объединениях. Вместе с тем в России наблюдается постоянный интерес многих групп граждан к насущным политическим проблемам, а среди определенных кругов — желание «приобщиться» к «партии власти».

В современном культурно-политическом пространстве Российской Федерации отчетливо выделяются три относительно самостоятельных блока политических ценностей:

1) традиционные (патриотизм, державность, коллективизм, почитание отечественной истории и др.);
2) сформированные в советский период (интернационализм, приоритет общенародных и государственных интересов, государственные гарантии социальной защищенности, исторический оптимизм, комплекс сверхдержавы);
3) западные постиндустриальные (права и свободы человека, приоритеты гражданского общества, гуманизм, технологизм, инновационность, экологическая безопасность и т.д.).

[1] **Заславская Т.И.** Социальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. — М.: Дело, 2002.

Постиндустриальные политические ценности (права человека, образованность, профессионализм, опора на собственные силы и др.) широко распространены среди элитарных или близких к ним социальных групп. В массовых слоях преобладают ценности, сформировавшиеся в советский период, и традиционного порядка (патернализм, упование на государство, предоставление творческой инициативы «верхам» и др.). Творческая молодежь (студенчество, предприниматели и др.) значительно активнее осваивает- современные, постиндустриальные ценности. Среди многих молодых людей наблюдается индифферентное отношение к политике.

Политико-идеологический раздел в обществе обозначен в позициях сторонников реформ в интересах большинства населения России при учете ее цивилизационных особенностей, значения державности и национальных интересов, с одной стороны, и различных группировок, выражающих эгоистические интересы бюрократии, торгово-ростовщического, спекулятивного капитала — с другой. Этот раздел как бы накладывается на значительное (более чем 20-кратное!) имущественное расслоение общества (между доходами самых бедных и самых богатых его слоев).

Принимая западные демократические ценности (политические свободы, парламентаризм, плюрализм средств массовой информации и др.), россияне не спешат проникнуться доверием к новым политическим институтам. Так, среди опрошенных россиян более 50% доверяли только системе образования (68%) и вооруженным силам (64%). Гораздо меньшую степень доверия они выразили государственным учреждениям (34%), правосудию (34%), прессе (29%), парламенту (18%).'

Примечателен значительный разрыв между стабильным уровнем доверия граждан России к Президенту Российской Федерации и более низким — к федеральным институтам представительной и исполнительной власти. В последнее время острие социальной критики чаще направляется на региональные органы государственной власти и органы муниципального управления.

Как показывают опросы общественного мнения, большинство населения обычно вынуждено приспосабливаться к политике властей; активно поддерживают ее не более 10-12%.[2] Здесь есть о чем задуматься как в плане популяризации государственной политики, так и усиления ее рациональной и социальной составляющих.

Формы массовых реакций на действия властей

Варианты ответов	Проценты
Обычно одобряют, поддерживают власти	10,7
Обычно вынуждены приспосабливаться к властям	41
Стараются держаться от властей в стороне	28,9
Относятся властям с неприязнью, когда возможно, противодействуя им	6,5
Затруднились ответить	12,9

[1] **Башкирова Е.И.** Трансформация ценностей российского общества // Полис. — 2000. — № 6. — С. 57.

[2] **Бойков В.Э.** Политические ресурсы реформ // Государственная служба. — 2002. — № 5. — С. 136.

Россияне в целом стали достаточно высоко оценивать демократию как идею. В то же время они, как и граждане Запада, видят много недостатков в функционировании демократических структур.

Россияне о сущности демократии

Демократия — это ...	Респонденты, %
Свобода слова, прессы, вероисповедания	25,6
Порядок и стабильность	24,2
Неукоснительное исполнение закона	24,1
Экономическое процветание	20,6
Пустая болтовня	14,3
Государственные лидеры избираются народом	7,1
Каждый делает все, что ему нравится	5,9
Анархия и безвластие	5,3
Гарантии прав меньшинства	3,3
Подчинение меньшинства большинству	1,4
Другое	0,4
Затруднились с ответом	14,5

Из приведенных данных видно, что демократия в восприятии среднего россиянина как бы двуедина. С демократией связываются как гарантии прав человека, всесилия закона, так и вполне определенная социальная и экономическая политика. Свобода слова, прессы и вероисповедания, равноправие граждан перед законом, стабильное право и экономическое процветание — такими видятся россиянам главные черты демократии.

Интересно, что менее 10% определяют демократию как общество, где лидеры выбираются народом, т.е. в соответствии с традиционным теоретическим определением данного понятия как определенной системы властвования. Также обращает на себя внимание небольшой процент населения, который увязывает суть демократии с гарантиями прав меньшинства при соблюдении правила подчинения меньшинства большинству. К сожалению, значительная часть россиян имеет либо весьма общее представление о том, что такое демократия, либо вообще мало знает о том, что это такое. И лишь один из десяти с уверенностью заявляет, что «имеет ясное представление» об этом предмете.

Согласно социологическим опросам, 75% россиян считают демократические процедуры простой формальностью и 66% полагают, что от простых граждан во власти ничего не зависит. Одновременно до 50% опрошенных выступают за силовое изъятие у «новых русских» неправедно нажитых состояний.

В.А. Никонов: «Если вы посмотрите опросы общественного мнения, то увидите, что сам по себе идеал демократии не является для наших граждан самоценным. Выбирая между твердой рукой и демократией, люди однозначно отдают предпочтение первой. Хотя при этом нельзя не отметить, что за последние годы стремление реализовать свои демократиче-

ские права — на свободу слова, на избрание должностных лиц безусловно укоренилось в России. И это дает основание надеяться, что некоторые демократические ростки уже появились».[1]

Точную оценку соотношения политической культуры и политической вовлеченности россиян дал ведущий специалист Института сравнительной политологии РАН по политической культуре, один из членов руководства Российской ассоциации политической науки С.В. Патрушев. Он справедливо заметил, что «демократические ценности признаются значительной частью россиян, но политическое участие остается ограниченным».[2]

Перспективы формирования демократической культуры в России определяются возможностью преодолеть факторы воспроизводства авторитарно-патриархальной политической культуры, создать условия для ее ослабления. Авторитарная культура коренится в традиционном экономическом укладе российской действительности, в котором отсутствует сколько-нибудь развитая свобода производителя и потребителя. Экономическая свобода нуждается в свободе политической и с необходимостью порождает ее. Уровень экономической демократии определяется отношениями собственности, возможностью владения, пользования и распоряжения средствами труда и его результатами. Сегодня требуются осмотрительность в движении к рынку, использование имеющихся ресурсов, непременный учет уровня и характера экономической и политической культуры населения, не приемлющей резких изменений, осуществление преобразований в национальных интересах России и большинства ее населения.

Исследования последних лет свидетельствуют, что система ценностей и менгальность россиян за годы реформ в определенной мере изменились. Они стали более прагматичными, больше ориентируются на свои экономические интересы, ближайшее окружение, семью в первую очередь. Эта ориентация стала для многих реальным ориентиром выбора вектора поведения в обществе.

Конституирование постсоветских макроинститутов, которые были во многом импортированы извне, из либеральных западных демократий, стало главным результатом завершившегося на излете 1990-х гг. «переходного периода от советского тоталитаризма к демократии и рыночной экономике». Эксперты констатируют наметившуюся в последние 2/3 года тенденцию к консолидации политического режима, подчеркивая отсутствие значимых внутриполитических акторов, способных к изменению политических порядков без согласия на это других акторов. Такого рода политические перемены отчетливо фиксируются не только специалистами, но и «человеком с улицы». Российский человек полагает, что хаотическое состояние середины 1990-х гг. постепенно преодолевается, замечает нарастание авторитарно-административных тенденций

[1] **Никонов В.А.** Эпоха перемен: Россия 90-х глазами консерватора. — М.: Языки русской культуры, 1999.— С. 493.

[2] Повседневные практики и процессы институциональной трансформации в России / под ред. С.В. Патрушева, Г.Ю. Семигина. — М.: Институт сравнительной политологии РАН, 2002. — С. 3.

и испытывает растущие затруднения в определении характера возникшего политического устройства.

Так, доля респондентов, оценивающих политическую обстановку в России как критическую, снизилась с 35% в 1996 г. до 9% в 2003 г. В то же время околс половины опрошенных считало обстановку в стране напряженной.' В немалой степени это объяснялось тем, что более 30 млн россиян имели в начале XXI в. доходы ниже прожиточного минимума (на конец 2003 г. 31 млн человек в Российской Федерации имел доход не более 2121 руб. в месяц, а средняя зарплата составляла около 5500 руб.).

Консолидации демократии в России препятствуют дефицит самоорганизации и человеческой солидарности как сферы бытования гражданского общества, неразвитость политического общества как области институционализированного контроля над государственной властью, неэффективность государственного аппарата и недостаток законоправия как основы конституционализма и современной правовой культуры. Опрос ВЦИОМа накануне 10-летия Конституции Российской Федерации (декабрь 2003 г.) показал, что 60% респондентов не знают, когда был принят Основной Закон страны, только 2% хорошо разбираются в егс содержании, а 21% не знают его совсем. В общей иерархии конституционных ценностей политические права граждан были поставлены лишь на 4-е место.

Российская власть сохраняет в значительной мере свою моносубъектность. Отечественная политическая культура по-прежнему интерпретирует едва ли не любые социальные обязательства индивида как обязательства перед властью и трактует практически все социальные отношения как властные по преимуществу. Демократические ценности признаются значительной частью россиян, но гражданское и политическое участие остается ограниченным. «Вынужденное» согласие на минимизацию функций государства в жизненнс важных сферах оборачивается не повышением гражданской ответственности индивида, а, напротив, стремлением «освободиться» от обязательств по отношению к власти. Однако устойчивое недоверие к институтам и носителям власти (за отдельными исключениями, если не сказать — исключением) не препятствует электоральной активности, периодически принимающей форму «спонтанного единения» политических сил и народа вокруг все той же власти.

Оценка типа политического режима в России, % респондентов[1]

Варианты ответов	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
Демократия	2,2	2,3	8,8	10,9	10,7
Администрирование аппаратных чиновников	13,5	12,3	22,8	22,6	30,2

[1] Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: ВЦИОМ, 2003. — № 1. — С. 82.

[2] Социология власти. ИАБ Российской академии государственной службы при Президенте РФ. — М., 2002. — № 4. — С. 10.

Варианты ответов	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
Единоличные решения высших руководителей	18,9	19,8	18,5	14,3	24,5
Полная неразбериха	54,6	52,8	38,6	31,4	16,1
Затруднились ответить	10,8	12,8	11,3	20,8	18,5

По мнению большинства респондентов (опросы 1996-2003 гг.), российский порядок начала XXI в. основан на таких предпочтениях нормативного свойства, как выгода и личный успех, которые «поддерживаются» в первую очередь силой и собственностью, а во вторую — законом и свободой. Адекватная оценка этих предпочтений должна учитывать, что при этом не слишком высоко оценивается значение прав человека и уважения к чужому мнению.

Российские граждане испытывают дефицит современных нормативно-ценностных комплексов— законности, уважения прав человека и чужого мнения, потребности в актуализации ценностей морали, равенства, труда, семьи и традиции.

Реальные и желаемые основания российского общества, % респондентов[1]

Принципы и основания	Какие принципы, на ваш взгляд, господствуют в современном российском обществе?			На каких основаниях, принципах должно строиться российское общество?		
	2002 г.	1998 г.	1996 г.	2002 г.	1998 г.	1996 г.
Выгода	86	47	36	8	17	5
Личный успех	65	30		17	10	
Сила	61	37	27	7	7	5
Собственность	49			25		
Семья, дом	20	35		54	25	
Свобода	19	29	23	59	25	49
Труд	12	20		59	24	
Закон	9	19	30	83	64	76
Традиция	8	16	22	35	11	30
Доверие	5	17	10	51	44	31
Права человека	5	18		74	40	

[1] **Патрушев СВ.** Варианты универсализации институционального порядка в современной России // Современная российская политология в контексте глобализации и диалога культур. К XIX Всемирному конгрессу Международной ассоциации политической науки / под ред. Г.Ю. Семигина. — М.: Институт сравнительной политологии РАН, 2003. — С. 291-294.

Принципы и основания	Какие принципы, на ваш взгляд, господствуют в современном российском обществе?			На каких основаниях, принципах должно строиться российское общество?		
	2002 г.	1998 г.	1996 г.	^002 г.	1998 г.	1996 г.
Мораль	4	15	12	60	31	40
Уважение к чужому мнению	3	8		58	25	
Равенство	2	7	6	42	19	24

Большинство респондентов (почти 60%, 2002 г.) полагают, что за последние годы свободы в нашей жизни стало больше. Но сама интерпретация свободы, сужение этого понятия до преимущественно экономического вызывают большие сомнения.

Демократический политический порядок возникает тогда, когда в обществе наличествует «идеальное нормативное соглашение» (Д. Хелд), под которым понимается добровольное следование правилам и законам, которые граждане считают справедливыми. О непризнании большинством респондентов существующего политического порядка демократическим и справедливым свидетельствуют ответы на вопросы, касающиеся характеристики актуальных основ и желаемых принципов Российского государства. У российских респондентов слово «государство» часто ассоциируется со слабой эффективностью и даже с коррупцией (41%), еще меньше — с народной поддержкой (12%); доверяют Российскому государству (в отличие от Президента Российской Федерации) не более 15-20% всех опрошенных.

Отказ многих россиян признать «своими» принципы, на основе которых складывается сегодняшний социум, недоверие к формальным институтам демократии означают недостаточную легитимность существующего социального и политического порядка. На это указывают и данные об избирательном выполнении российских законов. По мнению 80% респондентов, чаще всего в Российской Федерации нарушают законы государства. Одновременно только 37% опрошенных полагали, что «в России законы можно и нужно выполнять».

Нынешний макропорядок, оставаясь легальным, не выглядит легитимным в глазах многих респондентов, поскольку реально не гарантирует прав и свобод большинства. Будучи, по мнению респондентов, выгодными меньшинству и потому несправедливыми, его запреты и ограничения вряд ли способны привести к интеграции российского социума. Как следствие, нарастает критика «сущего» — сложившегося порядка — с позиций «должною» — желаемого (но не всегда эксплицируемого) общественного устройства. Или в другой терминологии сохраняется тенденция делегитимации нынешнего макропорядка.' На пар-

[1] Повседневные практики и процессы институциональной трансформации в России / иод ред. СВ. Патрушева, Г.Ю. Семигина. — М.: Институт сравнительной политологии РАН, 2002. — С. 3-18.

ламентских выборах в Российской Федерации до 50% избирателей (а в 90-е гг. XX в. и больше!) не поддерживали «партию власти».

Примитивное разделение общества на «реформаторов» и «консерваторов», коммунистов и демократов на самом деле не является первично определяющим, хотя именно таковым его пытаются изобразить некоторые средства массовой информации. Ценностная неопределенность, противоречивость позиций, в особенности по таким коренным вопросам, как вековое наследие и будущее страны, была и остается тем фактором, который препятствует консолидации общества.

В современных условиях одной из консолидированных ценностей большинства россиян становится идея государственности. Вместе с тем важно учитывать, что представители различных идейно-политических течений вкладывают разный смысл в само это понятие. Так, для традиционалистов (коммунистов, социал-демократов и сторонников самостоятельного русского пути) государство есть категория «высшего порядка», своего рода «сверхценность», и они выступают за сильное, социально ориентированное государство. Для либерально ориентированной части населения (либералов и центристов) отношение к государству носит принципиально иной характер: для них это инструмент, способный обеспечить приемлемые условия жизни и труда здесь, в России, не допустив окончательного ее сползания на периферию мирового развития. Возможно понимание государства и как авторитарно-бюрократического органа, осуществляющего политику модернизации применительно к условиям начала XXI в.

Решение проблемы консолидации общества видится большинству в патриотическо-государственном духе. Эти идеи используют многие политические силы.

Интегративные идеи, *%*

Идеи, способные объединить общество[1]	1995 г.	2000 г.
Единение народов России в целях ее возрождения как великой державы	41	42
Правовое государство	30	25
Объединение народов для решения глобальных проблем	23	16
Сближение России с Западом, вхождение в общеевропейский дом	12	5
Возвращение к социалистическим ценностям	10	11
Объединение всех славянских народов	8	12
Величие, национальная уникальность, историческая миссия русского народа	7	6
Индивидуальная свобода, превосходство интересов личности над интересами государства	6	3
Очищение общества через православную веру	5	5
Противостояние Западу	2	6

[1] **Вызов Л.Г.** Первые контуры «постпереходной эпохи» // Социс. — 2001. — № 4. — С. 6.

Можно вывести собирательный образ будущего — ту модель общественного и государственного устройства, которая представляется россиянам наиболее приемлемой и органичной для их страны. Анализ полученных данных дает основание считать, что идеалом большинства граждан Российской Федерации является «правовое и социальное многонациональное государство», в основе которого лежат не только права и свободы отдельных граждан, но и идея социальной солидарности и дружбы народов как общего блага. Эта модель органически сочетает, с одной стороны, активную роль государства в обществе и экономике, сильную систему социальной защиты, а с другой — невмешательство государства в частную жизнь граждан, поддержку им политических и гражданских свобод.

Одним из позитивных факторов интеграции общества является официальный курс Президента Российской Федерации В.В. Путина на создание сильной и конкурентоспособной России, его устойчивый рейтинг.

На наш взгляд, объединительная и мобилизующая национальная идея для россиян должна базироваться на ряде подтвержденных историческим опытом теорией и современными реалиями принципов. Так, например, в труде В. А. Печенева выделяются следующие составляющие «русской национальной идеи»: державность, патриотизм, государственничество, социальная солидарность (включая взаимопомощь и общественное благо).' Причем эти составляющие не могут рассматриваться только на одной идее западного экономического либерализма (неолиберализма), а требуют более широкого привлечения и осмысления мирового опыта национального реформирования и выдвижения идеологических, мобилизующих программ-идей: от «нового курса» Ф. Рузвельта до успешных государственно-рыночных преобразований конца XX — начала XXI вв. в государствах Дальневосточного региона и Юго-Восточной Азии.

В этой связи можно представить следующие рассуждения о формировании национальной идеи для России.

Во-первых, объединяющей идеей для россиян всегда являлась мысль о великом евразийском цивилизационном сообществе, являющимся родным домом для сотен народов и культур. Россия не может полностью реализовать себя в окружающем мире без тесного сотрудничества со странами СНГ. На первом этапе речь идет о создании сообщества (по типу ЕС) в лице России, Белоруссии, Казахстана и др. Если численность населения ЕС к 2005 г. планируется около 457 млн человек, то в Евразийском союзе во главе с Россией на первом этапе может быть 220 млн человек. Такое образование имеет перспективы выживания в глобализирующемся мире.

Во-вторых, Евразийское сообщество может выстоять в борьбе цивилизаций и государств «за место под солнцем» только в том случае, если оно будет конкурентоспособным, причем в целом ряде общественных сфер. Перед Россией снова стоит задача мобилизационного развития (удвоения промышленного производства за ближайшее десятилетие), однако на основе уже не авторитарно-тоталитарного управления, а более современных, рациональных и гуманных методов и принципов развития.

[1] **Печенев В.А.** Владимир Путин — последний шанс России? — М.: ИНФРА-М, 2001. — С. 46-47.

В-третьих, в специфических условиях российского генезиса государство в силу понятных причин всегда играло особую роль. Сегодня речь должна идти не только о сильном, рациональном и «умном» государстве, но и о его социальной сущности. Национальная идея россиян всегда воплощала (как мечту, лозунг, православную идею) принцип социальной справедливости. Такой принцип может быть воплощен лишь в рамках социального государства. Существование в российском обществе широкого социального слоя людей, имеющих доходы ниже прожиточного минимума (их более 25% населения), делает эту задачу еще более актуальной.

В-четвертых, пожалуй, впервые за последние два столетия перед страной так остро стала задача «сбережения и приумножения населения», численность которого последние пятнадцать лет уменьшается. Без выдвижения этой проблемы на общенациональный, приоритетный уровень трудно будет решить любые иные вопросы.

В-пятых, неэффективность и забюрократизированность государственного управления, его непрозрачность стали основным тормозом на пути осуществления необходимых реформ. Идея контроля общества (гражданского) над результативностью деятельности государства все шире поддерживается массами. Для дальнейшей разработки национальной идеи необходима консолидация всех российских интеллектуальных, властных и нравственных ресурсов, которая позволит Российской Федерации достичь самых высоких целей.

В самом общем виде национальная российская идея может быть сформулирована как создание конкурентоспособного в современном мире Евразийского сообщества, воплощаемого в многонациональном Российском социальном государстве и его стратегических союзниках.

В современных условиях в связи с осуществляемой программой глубокого реформирования российского общества происходит повышение роли его политической культуры. Она опосредует достигнутую политическую стабильность, в условиях которой на первый план вышли проблемы эффективности общественного производства и демократической социальной политики.

В целом к характерным особенностям политической культуры российского общества можно отнести:

1) этатизм, признание безусловного приоритета государства в регуляции всех общественных отношений;
2) неразвитость гражданского общества и, соответственно, слабость инициатив «снизу»;
3) преобладание групповой справедливости над принципами индивидуальной свободы и нравственный характер требования к государству;
4) персонализация государственной власти, поиск харизматических лидеров;
5) недооценка и недоверие к правовым способам регуляции общественных отношений;
6) отсутствие опыта использования демократических институтов;
7) большое количество разнообразных политических субкультур, их противоречивость;
8) недостаточный уровень согласия в обществе о его основных политических ценностях, фрагментарность политической культуры.

2. Электоральная культура Российской Федерации

Составной частью политической культуры общества, ее подвидом является электоральная культура. Она представляет собой сравнительно новую политологическую категорию и исследована в целом пока недостаточно. Электоральная культура — понятие более узкое, чем политическая культура избирателей. Если политическая культура избирателей включает в себя весь комплекс субъективных ориентации в отношении политики, то электоральная культура как часть политической включает в себя только те ориентации, которые определяют позиции граждан в избирательном процессе. К ним могут быть отнесены: отношение к выборам как форме политического поведения; идентификация по отношению к лидерам, кандидатам и партиям; исходные или тематические ориентации (оценка политических событий).

Электоральная культура — это как бы пульсирующая часть политической культуры. Определенное время она находится как бы в латентном состоянии и актуализируется в периоды выборов и избирательных кампаний. В эти периоды политическая культура проявляется преимущественно как электоральная (прежде всего как электоральные ценности и ориентации), но полностью они не совпадают. Политическая культура электората является составной частью политической системы общества. Вместе с тем политическая культура выступает и как результат влияния политической и социальной системы на индивида или группу.

Политическую культуру электората целесообразно рассматривать по ряду параметров в связи с:

1) политической культурой общества как ее частью;
2) политической системой общества, определяющей соответствующие условия функционирования института выборов, их институализацией и легитимацией;
3) политическим сознанием общества, политическими ориентациями и политическим поведением индивидов, проявляющимися на уровне волеизъявления и политического выбора индивида;
4) деятельностью политических сил и их агентов, разрабатывающих избирательные и информационные технологии, а также с функционированием СМИ.

Центральной проблемой исследования электоральной культуры является анализ причин поведения («голосования») электората. Условно избирателей можно подразделить на рациональных и нерациональных. К числу нерациональных избирателей обычно относится до 30% голосующих, определяющих свои позиции непосредственно перед голосованием. Рациональный избиратель обычно преследует определенную цель — достижение личного благополучия или выражения своей устоявшейся позиции. Он может выбирать между альтернативными средствами: а) участвовать в выборах с целью избрания эффективного правительства, что позволит создать условия (законодательные) для достижения личного благополучия или поддержки кандидата, близкого по политическим взглядам; б) не участвовать в выборах, т.к. личное благополучие или перспективы политического развития не зависят от их исхода.

В Российской Федерации в политике обычно существенную роль играют т.н. «партии власти», поддерживающие правящие круги и связанные с ними:

«Наш Дом — Россия» — в середине 90-х гг. XX в., «Единая Россия» — на рубеже XXI в. Соответственно, на такие партии ориентируются многие государственные служащие, предприниматели и другие «заинтересованные лица». Завоевание «Единой Россией» большинства депутатских мест в четвертой Государственной Думе (2003 г.) наглядно подтверждает эту особенность российской политической культуры.

В условиях транзитного периода, который переживает в настоящее время Россия, возможности рационального поведения избирателей ограничены в связи с неспособностью власти в ряде мест повысить уровень доверия к своим действиям, итогам выборов. Есть существенные расхождения между содержанием информации, которую предлагают официальные СМИ, и общественным мнением. Многим избирателям пока достаточно сложно проявить сложившуюся концептуальную позицию по таким проблемам, как свобода, демократия, равенство, власть.

Практика показывает, что целый ряд граждан принимает электоральное решение, базируясь на ограниченной, неполной или несистематизированной информации. На принятие такого решения влияют как рациональные, так и «стихийные» мотивы, в т.ч. и «навязываемые» пропагандой варианты голосования.

При выборе или принятии решения о том, как голосовать за ту или иную партию (кандидата) избиратели, в частности, ориентируются (по нисходящей) на следующие формы коммуникации.

Ориентация избирателя на СМИ

Мнение избирателя	Проценты
1. Центральные телевизионные каналы	62
2. Разговоры с близкими, друзьями, сослуживцами	28
3. Центральные газеты	23
4. Местное телевидение	20
5. Центральное радио	20
6. Местное радио	9
7. Личные встречи с кандидатами и представителями партий	14
8. Затруднились ответить	12
9. Плакаты, листовки, другие агитационные материалы	9
10. Местные газеты	8
11. Другое	4

По мнению большинства аналитиков, современный российский избиратель ориентируется скорее на личность кандидата или лидера партии, чем на объективную информацию о программах партий и кандидатов. Так, при выборе «своего» кандидата для голосования многие избиратели прежде всего ориентируются на его личность, далее (по нисходящей) — на ту партию, которую он представляет, затем — на возможную эффективность этой партии в случае ее победы, некоторые учитывали мнение родственников.

На парламентских выборах, где принимают участие многие партии, избиратели демонстрируют значительный «разброс» ценностных ориентации и мнений. Своеобразному «укрупнению» выражения их интересов служит норма Закона о выборах, препятствующая прохождению в Государственную Думу политических объединений, набравших менее 5% голосов избирателей. Это в целом способствует повышению роли ведущих партий (политических блоков) в политическом процессе.

Так, на выборах в Государственную Думу в 1993 г. по общефедеральному округу участвовало 13 избирательных объединений, из которых 8 превысило 5%-ный барьер (ЛДПР — 22,9%, «Выбор России» — 15,5%, КПРФ — 12,4%, «Женщины России» — 8%, Аграрная партия России — 7,9%, «Яблоко» — 7,9%, ПРЕС — 6,7%, Демократическая партия России — 5,5%) и, соответственно, были представлены в нижней палате Российского Парламента.

На выборах в Государственную Думу в 1995 г. по общефедеральному округу участвовало 42 избирательных объединения, из которых 5%-ный барьер превысили только 4 политические партии (КПРФ — 22,3%, ЛДПР — 11,2%, НДР — 10,1%, Яблоко — 6,9%), которые и были представлены в этой палате.

На выборах в Государственную Думу в 1999 г. по общефедеральному округу участвовало 26 политических партий (объединений), из которых избирательный барьер прошли 6 (за КПРФ и «Единство» проголосовали, соответственно, 24% и 23%, за ОВР — 13%, СПС — 8,5%, блок Жириновского и «Яблоко» — примерно по 6% избирателей).'

На выборах в Государственную Думу в декабре 2003 г. по общефедеральному округу участвовало 23 объединения (18 политических партий и 5 блоков). В связи с принятием «Закона о партиях» повысилась их роль в выборах — теперь только зарегистрированные политические партии могут в них участвовать. Формирование объединенной партии «Единая Россия» (включила ОВР и др.) привлекло на ее сторону значительную часть российского электората пропрезидентской, а также функциональной и властно-бюрократической ориентации. За «Единую Россию» проголосовали более 37% избирателей, за КПРФ — около 13%, ЛДПР — 12%, национально-патриотический блок «Родина» — 9%. Партии «Союз правых сил» и «Яблоко», набрав менее 5% голосов избирателей, потеряли возможность иметь свои фракции в Думе (в крупных городах Российской Федерации эти партии превысили 5%-ный избирательный барьер).[2]

[1] **Сосина И.А.** Современные избирательные системы в аспекте политической компаративистики: приложения. — М.: МГСУ, 2001. — С. 229-234.

[2] В результате выборов (как по общефедеральному, так и одномандатным округам) в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации образца 2003 г. из ее 450 мест наибольшее количество получили представители «Единой России» (222), далее — КПРФ (53), ЛДПР (38), «Родина» (37), Народная партия (19), «Яблоко» (4), СПС (3), Аграрная партия (3), «Великая Россия — Евразийский Союз« (1), партия «Развитие предпринимательства (1), Российская партия пенсионеров (1) и «Независимые» (57). Группа «Независимых», в принципе, имеет право создать самостоятельную фракцию (с 35 депутатами). Ряд депутатов от «Независимых» и Народной партии действуют в русле «Единой России».

Итоги этих выборов отразили некоторые важные особенности политического сознания и культуры россиян на рубеже XXI в. Так, очевидна ориентация многих избирателей на курс Президента и партию «власти» — «Единую Россию», которая после 7 декабря 2003 г., в принципе, сможет провести через Государственную Думу любой закон, имея в своем составе практически более 50% депутатов ее состава, а при определенных условиях набрать и 75% голосов, что позволяет вносить поправки в Конституцию Российской Федерации. С другой стороны показательна поддержка национально-патриотических избирательных блоков (как умеренного, так и левого толка) значительным количеством избирателей (до 40%). Наконец, очевидно пассивное отношение части электората к выборам (неявка до 35%).

В ходе избирательного процесса были актуализированы четыре важные идеи: 1) отношение к Президенту (как правило, положительное); 2) будущность России как великой державы; 3) более справедливое перераспределение природной ренты и сверхприбылей от нее; 4) судьба русского народа. То, как партии смогли ответить на эти вопросы, в известной мере повлияло и на итоги выборов.

Несмотря на отмеченные международными наблюдателями определенные преимущества (в СМИ и др.), которыми обладала партия «власти», результаты выборов, несомненно, являются очередным позитивным шагом в развитии политико-правовой культуры россиян. Необходимо понять простую, но важную вещь: в результате плюралистических выборов Россия «получает» именно такую власть, какую *сами* россияне все-таки *выбирают*.

В связи с инициативами Избиркома РФ о повышении с 5%-ного до 7-8%-ного «барьера» представления «партийных депутатов» в Государственной думе РФ депутатов и известных новаций Президента РФ о выборах в основном по партийным спискам наметилась тенденция к активизации деятельности партий, особенно в регионах, а также к их блокированию. Так, создано общефедеральное движение «Патриоты России» (Г.Ю. Семигин), сотрудничающее с Народно-патриотическим союзом России, Партией возрождения России (Г.Н. Селезнев) и др.

Предпочтения избирателей, %

Мнение избирателя	Проценты
1. Я симпатизирую лидеру (лидерам) этой партии	43
2. Эта партия может защитить интересы таких людей, как я	29
3. Я разделяю программу и лозунги этой партии	23
4. Я поддерживаю эту партию уже долгое время	20
5. Эта партия способна обеспечить нормальную достойную жизнь в стране	23
6. Эта партия имеет будущее / перспективы	13
7. Эту партию поддерживают мои друзья, родственники	10
8. Это самая сильная партия, ее поддерживает большинство	9
9. Это партия нового поколения / поколения наших детей и внуков	6
10. Об этой партии я что-то знаю, про другие мне ничего неизвестно	7
11. Затруднились ответить	

Особую роль на выборах играют средства массовой информации. Так, при принятии решений о том, как голосовать на выборах, большинство избирателей полагается на центральные телевизионные каналы, далее (по нисходящей) — на разговоры с близкими, друзьями, сослуживцами, затем — на центральные газеты, местное телевидение, центральное радио, а также на личные встречи с кандидатами и представителями партий, местные газеты, на плакаты и листовки (особенно в метро) и др.

Причины неучастия в голосовании: усталость от политики, недоверие всем кандидатам, мнение о том, что от участия избирателей ничего не изменится, невозможность (неумение) выбрать достойного кандидата, неверие в честность выборов и др.

Ответы респондентов на вопрос: «Пойдут ли они на выборы депутатов в Государственную Думу»?

Мнения избирателей об их участии в выборах, *%*

Позиция избирателей	Проценты
1. Совершенно точно буду голосовать	40
2. Уверен, что не буду голосовать	18
3. Сомневаюсь, что буду голосовать	10
4. Не знаю, буду голосовать или нет	15
5. Скорее, буду голосовать	16

Ответы респондентов на вопрос: «Почему вы не хотите голосовать»?

Позиция избирателей	Проценты
1. Не верю никому из политиков, не хочу голосовать ни за одного из них	**27**
2. От моего участия и голосования ничего не будет зависеть	26
3. Устал от политики, от борьбы в верхах	16
4. Пока не выбрал, за кого голосовать	13
5. Выборы будут нечестными, результаты все равно подтасуют	11
6. Государственная Дума не пользуется реальным влиянием	8
7. Депутаты Думы занимаются только своими личными делами	9
8. Не разбираюсь в политике / не интересуюсь политикой	11
9. Другое	2
10. Затруднились ответить	13

На ситуационную оценку в регионах влияет фактор одобрения или неодобрения избирателями результатов текущей политики субъектов власти. В зависимости от этого можно выделить политические субкультуры в региональной электоральной культуре избирателей: лояльная (по отношению к власти); оппозиционная (направленная против существующей власти и ее политики); апатичная (равноду-

шие к субъектам власти и политике). На оценку ситуации и политико-культурные ориентации электората влияют и социально-демографические характеристики.

Оценка избирателями предвыборной ситуации относится к краткосрочным факторам электорального поведения. Однако эту оценку существенно коррелируют такие долгосрочные компоненты политической культуры, как ценности и убеждения. Эмпирически это подтверждается тем, что одну и ту же ситуацию оценивают по-разному представители лояльной и оппозиционной политических субкультур. Соответственно, электоральный выбор зависит не столько от динамики предвыборной ситуации, сколько от социокультурной и политической ориентации избирателей или «навязанной» им соответствующей политической позиции или ориентации. Активность избирателей тем выше, чем выше их уровень образования. Преуспевающие материально граждане проявляют большую политическую активность и устойчивость политических ориентации по сравнению с другими группами.

Социологические опросы населения в России на рубеже XXI в. показали тенденцию: чем выше человек оценивает статусное и материальное положение своей семьи, тем больше он проявляет интерес к политике. На уровень политической эффективности влияет личное ощущение индивидуума, связанное с реальным воздействием на политический процесс. Не участвующие в политике — • это, как правило, люди с невысоким уровнем образования и низкими доходами, непрестижных профессий, безработные; женщин среди них больше, чем мужчин.

Особую группу составляют люди старшего возраста — многие из них имеют устойчивые политические ориентации, пытаются реализовать свои установки и потенциал в посильном участии в общественных делах. Большинство граждан Российской Федерации рассматривают голосование на выборах в качестве единственного способа выражения своего участия в политике и своего отношения к политическим деятелям и партиям, политике властей. В то же время нельзя не отметить снизившийся по сравнению с 1990 гг. уровень участия граждан в выборах Государственной Думы в 2003 г. (до 56%) и возросшее количество голосующих «против всех» (до 5%).

Характер и доминанты современной российской электоральной культуры:

1) многие избиратели в России считают своим долгом участие в выборах, полагают, что выборы в Российской Федерации законны, в целом положительно относятся к Центризбиркому;
2) на решения избирателей наибольшее воздействие оказывает телевидение (особенно комплексные, синхронизированные программы, ведущиеся параллельно по нескольким каналам), а также «административный ресурс»;
3) особое значение для избирателей имеет их симпатия к политическому лидеру и представление о возможности защиты интересов данного избирателя данным лидером или его партией, которые и определяют уровень поддержки избирателей по отношению к соответствующим кандидатам;
4) до 40% избирателей за месяц до выборов знают, что они будут голосовать, а 15% полагают, что скорее всего они также примут участие в голосовании. Это является приемлемым уровнем электорального сознания и последующих результатов легитимации итогов выборов;

5) те избиратели, которые не хотят участвовать в выборах, в основном не верят, что их участие и итоги голосования изменят их положение. Тревожной тенденцией ряда региональных выборов в 2001-2003 гг. явился рост числа избирателей, голосующих «против всех»;
6) парламентские выборы 2003 г. показали возросший запрос избирателей на национально-патриотические и социально-уравнительные ценности, что предопределило соответствующие результаты ЛДПР, «Родины» и др.;
7) существенное значение в условиях России имеет идентификация избирателей с «партией власти».

Важно, что многие политологические и социологические центры в целом правильно ориентируют избирателей на результаты выборов. Особенно это касается выборов Президента, партии «Единой России» и др. Такая деятельность привносит известные элементы предсказуемости и стабильности в парламентскую и президентскую избирательные кампании.

Прогноз результатов выборов Президента России (2000 г.)

Кандидаты	Результат	АРПИ	ФОМ	ВЦИОМ	ЦСАиП	ИСП	РОМИР
	%	Опросы %			Прогнозы %		
Путин В.В.	52,8	48,4	48,0	53,5	53,0	51,4	57,0
Зюганов Г.А.	29,3	28,08,	19,0	22,5	24,5	32,4	25,0
Явлинский Г.А.	5,8	9	4,5	5,5	5,5	6,5	6,0
Тулеев А.М.	3,0	1,7	3,0	4,5	5,5	1,6	3,0
Жириновский В.В.	2,7	3,8	4,0	3,5	3,5	2,7	3,0
Против всех	1,9	4,0	4,0	3,5	6,0	2,3	3,0
Явка, %	68,9	69,0	65,0	62,5	62,5	67,0	65,0

Из таблицы следует, что ни один крупный политологический аналитический центр не ошибся в прогнозировании победы В.В. Путина на выборах, и все они верно предсказали ее в первом туре. На этих выборах преобладающим явился тип рационально-образного голосования, когда избиратели проголосовали за человека, воплощавшего, по их мнению, наилучшим образом чаяния и идеалы россиян и выражавшего уверенность в возможностях их реализации. В этой связи руководитель аналитического центра «Независимой газеты» А. Головков обращал внимание на то, что «стержневой элемент программы В.В. Путина — интеграция общественных усилий, чтобы направить их на ускорение развития страны по уже выбранному пути формирования цивилизованного демократического рыночного уклада при укреплении национальной государственности». Была правильно сформулирована стратегическая цель — «формирование строго правового порядка, где первенствует закон, а не прихоть богатых и власть имущих».

Другой вопрос, что программа не предполагала трансформацию олигархического капитала, а также любых монополистов в сфере добычи базовых сырьевых ресурсов (нефть, газ и т.д.) в национальных интересах. В деятельности государ-

ства присутствуют авторитарно-функциональные элементы правления, засилье чиновничества, технологии «направляемой или управляемой демократии» и т.п.

На парламентских выборах 2003 г. прогностические центры в основном правильно предсказали будущих «списочных» участников Государственной Думы и прежде всего «Единой России». Однако были несколько переоценены шансы СПС и «Яблока» (недобравшие примерно 1% до искомого 5%-ного уровня поддержки по общефедеральному округу и не попавшие в Думу), завышен (на *Ъ-4%)* предполагавшийся прогнозистами результат КПРФ, недооценен (на *Ъ-А%)* из-за недостаточного анализа феномен объединения «Родина».

Поддержка правящего режима населением является основным индикатором легитимности политической власти в каждом демократическом государстве. И, наоборот, уменьшение внутренней поддержки указывает на ослабление связи между гражданами и режимами и может породить либо политическую апатию, либо протест. Большинство граждан России рассматривает голосование на выборах в качестве единственного способа выражения своего участия в политике, отношения к политическим деятелям и партиям, политике властей. В этом смысле уровень активности россиян на общенациональных выборах и референдумах вполне сопоставим с показателями, зафиксированными в западных странах.

Особенности современной российской электоральной политической культуры:

1) политическая культура современного российского электората представляет собой смешанный тип: а) есть элементы политической культуры активистского типа (которые дали о себе знать во время выборов в Государственную Думу) с ее рациональным началом в решении обществом и индивидом проблемы выбора; б) значительно влияние патриархальной политической культуры, для которой свойственен поиск лидера, обладающего качествами «отца нации» (период выборов Президента России), и которую во многом эксплуатировали информационные технологии, формирующие в общественном мнении имидж политического лидерства; в) часть голосующих по традиции избирателей все еще находится под влиянием политической культуры авторитарного типа;
2) эклектичность политической культуры не стала препятствием для закрепления в ней твердо обозначившей себя тенденции на отказ от радикальных методов изменений в общественной и социально-экономической сферах;
3) происходящая и закрепляемая общественно-политической практикой институционализация плюралистических выборов всех уровней, т.е. утверждение в области права и на уровне общественного сознания базовых условий проведения выборов — обязательности, порядка проведения, механизма реализации, ритуала, — с одной стороны, оказывает долговременное положительное воздействие на формирование гражданской политической культуры, а с другой — становится существенным фактором легитимации модернизируемой российской государственности;
4) для поступательной модернизации Российского государства и устойчивого развития общества желательно утвердить наметившееся становление такой тенденции политической культуры электората, которая в своих основных проявлениях и чертах исключает политические крайности и радикализм, ориентируется на диалог и конструктивное сотрудничество.

3, Региональные черты политической культуры России

В современных условиях усложняющегося политического процесса и развития средств массовой информации и коммуникации наблюдается повышение роли различных регионов. Жизнь самых отдаленных регионов становится, благодаря СМИ, во-первых, «близкой», а во-вторых, многие события в них в силу глобализационного эффекта могут существенно влиять и влияют на политику федерального центра соответствующего государства или даже ряда стран. «Усиление тенденций регионализма во всех его формах определяется и новой технологической цивилизацией, в которую вступает мир в третьем тысячелетии. Цивилизации прежних эпох не нуждались в целостной концепции регионального деления общества, основанной на признании множественности организационно-территориальных принципов его строения. В современном мире усложняющаяся структура общества потребует не столько иерархии социальных отношений, сколько их координации. Дисперсия власти в дальнейшем должна усилить автономию многочисленных этнических, конфессиональных, культурных сообществ, существующих в каждой стране, что и создает условия для реализации идей регионализма».[1]

Соответственно, возрастает значение воздействия региональной политической культуры на мировой политический процесс. Такая культура, являясь воплощением политического опыта регионов, выражением ценностей регионального политического процесса, играет существенную роль в формировании региональной политической идентичности и политической мобилизации населения. Региональное самосознание становится важным мотивационным фактором участия в политике как внутри государства, так и в международных отношениях.

Одним из важных явлений современного политического развития является утверждение ценностей «нового регионализма». В соответствии с ними региональные отличия воспринимаются не с позиций иерархии, а с точки зрения их непреходящего и самоценного многообразия. Опыт показал, что попытки политического реформирования без учета многообразия региональных политических культур заводят в политический тупик.

Региональные политические культуры как горизонтальные (территориальные) субкультуры национальных политических культур наиболее выражены в странах, образовавшихся путем объединения субъектов с разным историческим опытом и социокультурной спецификой. Взаимозависимость национальной и региональной политических культур может реализовываться в различных формах и не предполагает обязательного противостояния. Научные исследования политического регионализма, его культуры позволяют избежать односторонних оценок, увидеть в регионализации не только борьбу региональных элит и потенциал сепаратизма, но и способность регионального социума к самоорганизации в кризисных условиях. При разработке и реализации эффективной региональной политики регионализм может стать существенным фактором формирования гражданского общества в стране.

[1] Федерализм: энциклопедический словарь / под ред. С.Д. Валентея. — М.: Институт экономики РАН, Центр социально-экономических проблем федерализма, 1997. — С. 199.

Регионализм в Российской Федерации впитал в себя как исторические особенности становления государства, так и разноплановость, масштабность региональных отличий. Противоречия центр периферийных отношений проявлялись в различных формах в ходе эволюции политической системы российского общества. Процессы реформирования Российской Федерации в конце 80 — начале 90-х гг. XX в. обусловили их обострение. Политический регионализм в современной России как проявление глобальной тенденции одновременно детерминируется переходным состоянием общества, усилением государственной власти, повышением значимости всей совокупности российских регионов.

Региональный фактор лежит в основе неоднородности современной российской политической культуры. Регионализм, как известно, предполагает культурную неоднородность, развитое региональное самосознание, различающиеся приоритеты в системах ценностей. Попытки демократического политического реформирования без учета многообразия региональных политических культур бесперспективны. Регионализм не тождественен процессам дезинтеграции и интеграции, он предполагает установление баланса между политическим центром и периферией, хотя, конечно, существуют политические течения к сепаратизму и насильственному разрушению государственных структур.

Важное место в теории и практике регионализма занимает понятие «субъекта федерации» как политико-правового и социокультурного феномена. Каждое федеративное государство состоит из его субъектов: например, штаты (США, Индия), провинции (Аргентина, Пакистан), земли (Австрия, Германия), кантоны (Швейцария) и др. Каждый субъект федерации имеет свою конституцию, законодательство, а в некоторых государствах и свою судебную систему. Конституции федеративных государств проводят четкое разграничение компетенции государственной власти федерации как таковой и властных полномочий ее субъектов.

Особенностью федеративного устройства современной России является то, что еще до принятия Конституции РФ (1993 г.) в 1992 г. были заключены договора о разграничении предметов ведения между федеральными органами государственной власти Российской Федерацией и органами государственной власти ее субъектов, которые получили обобщенное название «Федеративный договор». Многие положения этого Договора нашли свое отражение в Конституции РФ (1993 г.). Понятие «субъект Федерации», введенное в российское конституционное право, политическую практику и социокультурное развитие современной России, имеет для нее особое значение. Это связано с исторически сложившейся асимметричностью Российской Федерации, наличием в ней образований, основанных на различных принципах: национально-территориальном, территориальном и иных. Охват всех этих образований понятием «субъект Федерации» впервые подчеркивает их общую природу как равноправных членов Российской Федерации, в т.ч. в их взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти.

Равноправие субъектов РФ не исключает некоторых различий в их правовом статусе, а тем более экономических и иных социальных различий, сложившихся в процессе исторического развития. Это предопределяет основную цель го-

сударственной региональной политики — выравнивание не только правового статуса, но и фактических экономических и иных социальных возможностей субъектов Российской Федерации.

Субъекты Российской Федерации — это входящие в ее состав республики (государства), национально-территориальные (автономные) государственные образования — автономные области, автономные округа, а также территориальные (по мнению некоторых ученых и практиков, территориально-государственные) образования — края, области, города федерального значения. В составе России 89 субъектов (значительно больше, чем в какой-либо иной федерации), в т.ч. 21 республика, 6 краев, 49 областей, 2 города федерального значения, 1 автономная область, 10 автономных округов. Причем 57 субъектов РФ имеют территориальную основу, а 32 — национально-территориальную, представленную тремя различными формами (республики, автономная область, национально-территориальные округа).

Существующая асимметричность Российской Федерации не затрагивает основных аспектов реализации принципа равноправия. Все субъекты Российской Федерации имеют свои законодательные органы и свои органы исполнительной власти.

Наиболее типичная система органов субъектов Российской Федерации: в республике — президент (глава республики), законодательное собрание, правительство, министерства и ведомства, верховный суд, высший арбитражный суд (в некоторых республиках — конституционный суд), прокурор; в иных субъектах — губернатор (в Москве, Санкт-Петербурге и др. — мэр), законодательное собрание, администрация (в ряде субъектов — правительство), управление, департамент (министерство), суды, арбитражные суды (кое-где — уставные суды или палаты), прокурор.

Республики принимают свои конституции, а остальные субъекты Российской Федерации принимают уставы, определяющие их правовое положение. Конституции республик и уставы краев и областей должны соответствовать Конституции РФ. Границы между субъектами Российской Федерации не могут быть изменены без их согласия. Конституция России, с одной стороны, закрепляет единство правопорядка на всей территории России, а с другой — защищает интересы субъектов Российской Федерации. Конституция Российской Федерации наделяет субъектов Федерации широкой компетенцией, в которую входят предметы совместного ведения с Федерацией (ст. 72), и исключительной компетенцией, к которой отнесено все то, что не входит в компетенцию Российской Федерации и в совместную компетенцию Федерации и ее субъектов. Права выхода из Российской Федерации ее субъекты не имеют.

В субъектах Российской Федерации (только республиках) допускается наличие своего государственного языка, который в органах местного самоуправления употребляется наряду с государственным языком РФ, для иных субъектов РФ наличие подобного порядка не предусмотрено. Конституция РФ гарантирует право всем народам Российской Федерации на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития, а также права коренных малочисленных народов. Источником власти в стране и в каждом субъекте РФ

является не этнос, не титулярная национальность, а все многонациональное население. Для осуществления своих полномочий на территории субъектов Российской Федерации федеральный центр может иметь там свои органы или соответствующих должностных лиц.

Статус личности в Российской Федерации является единым и не зависит от того, на территории какого ее субъекта человек проживает. Причем если по Конституции Российской Федерации защита прав и свобод человека и гражданина относится к совместному ведению РФ и ее субъектов, то регулирование статуса — исключительное ведение РФ. Российская Федерация обеспечивает на всей ее территории единый общественный порядок, для чего создается единая система правоохранительных органов, безопасности, единые вооруженные силы. Субъекты Российской Федерации, включая и республики, не имеют своих вооруженных сил, внутренних и пограничных войск, поскольку вооруженную защиту территории страны обеспечивает Федерация. Федеральными являются и службы безопасности, внешней разведки. Поскольку республики в составе Российской Федерации являются государствами, существует понятие гражданства республики. Однако и это не создает особого статуса личности в республике. У всех субъектов Российской Федерации есть право на участие в международных и внешнеэкономических отношениях. Эта сфера относится к предметам совместного ведения, и Федерация координирует международные связи своих субъектов.

В целом современная Российская Федерация показала свою жизнеспособность. Вместе с тем в процессе развития такого сложного и многофакторного явления, как российский федерализм, постоянно возникают трудности роста. Необходимо решать проблемы совершенствования отношений между субъектами Федерации и федеральным центром, реального выравнивания прав и обязанностей регионов, уточнения их полномочий, более полного учета региональной и местной специфики, возвращения Чечни в политико-правовое пространство России и др. Ключевая долговременная задача — укрепление и расширение демократических и правовых основ российского федерализма.

Российская Федерация — одно из крупнейших в мире многонациональных государств, ее население по данным всероссийской переписи населения превышает 145 млн человек. В России проживают свыше 100 национальностей и народностей — от более чем 100-миллионной русской нации до небольших северных народов и малых этнических групп, численность которых в ряде случаев не превышает нескольких сотен человек. В процентном соотношении в Российской Федерации проживают: русские — 81,5%, татары — 3,8%, украинцы — 3%, чуваши — 1,2%, башкиры — 0,9%, белорусы — 0,8%, мордва — 0,7%, немцы — 0,6%, чеченцы — около 0,6%, аварцы, армяне и евреи — по 0,4% и т.д.

Русский народ был главным, но не единственным строителем российского государства. Его строили все народы и народности России — большие и малые. Поэтому Россия — их общий дом. Русский народ сумел объединить все народы России в едином государственном союзе. Благодаря объединяющей роли русского народа

на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность, сотрудничество разных народов. Это отражено в своеобразии российского федерализма. Многокрасочной национально-этнической картине России в целом соответствует картина различных государственно-политических и территориально-политических образований в виде субъектов Российской Федерации.

Понятно, что в ряде субъектов Российской Федерации существуют политико-культурные особенности. Можно сказать, что единая, общая политическая культура Российской Федерации подразделяется на политические субкультуры, во многом совпадающие с политико-культурными доминантами ряда регионов. То есть речь идет о том, что у населения субъектов Российской Федерации существуют выраженные в сильной или слабой форме социальные, политические и особенно национально-этнические приоритеты, особенности и доминанты в рамках общей политической культуры российского общества. Целесообразно анализировать и учитывать особенности национальных политических субкультур в национально-территориальных образованиях (республиках, автономных областях, округах) в рамках общей политической культуры, а также об особенностях российской политической культуры в крупных русскоязычных регионах (точнее, макрорегионах), включающих целый ряд областей и (или) краев.

Известный западный социолог Г. Веттиг обращал внимание на важную роль «национального» (национализма) в политической культуре России. Он подчеркивал, что прежде иод покровом советского тоталитаризма скрывалось национальное, которое представляло собой антиимперскую, партикулярную тенденцию. После распада СССР и всего социалистического лагеря национальное вышло наружу, на поверхность, стало во многих отношениях господствующим. Согласно Г. Веттигу, между национализмами западно-европейским и восточно-европейским имеется существенное различие. И различие это состоит в следующем. Если в Западной Европе национализм в общем и целом сыграл положительную роль — он был теми дрожжами, на которых взошло современное государство, то в Восточной Европе и России, напротив, в современных условиях национализм практически не содержит в себе демократическую компоненту. В нем мало конструктивного и созидающего, толерантного и компромиссного.[1] Демократически ориентированный национализм может незаметно переродиться в этнократию и расизм.

В связи с активизировавшимися процессами национального возрождения или самоопределения во многих национально-территориальных образованиях Российской Федерации усилилось внимание к своей истории, возросла поддержка национальных региональных лидеров, движений за расширение прав национальных субъектов РФ не только в рамках единого федерального правового пространства, но и в отдельных случаях вне его. Это потребовало разработки и реализации федеральным центром соответствующей политики.

Устойчивость региональных политических культур позволяет исследователям предложить их типологические модели. Так, В. А. Колосов обращал внимание

[1] Wettig G. Nation und Konflikt in Osteuropa nach dem Zusammenbruch des Kommunismus. — Koln, 1992. — S. 40-42.

на то, что «объяснение политического расслоения российских регионов должно быть не конъюнктурным социально-экономическим, а социокультурно-историческим. Речь идет о все более отчетливом выделении в России, во-первых, городской и сельской политических культур, во-вторых, множества региональных политических субкультур (поскольку урбанизация тоже объясняет далеко не все).

Такое разделение объясняется, на наш взгляд, не грубым экономическим детерминизмом, а особенностями истории и культуры различных земель. Социально-экономическая ситуация оказывает только отклоняющееся воздействие. Каждая из политических культур имеет свои ценностные ориентации и дает "на выходе"—во время выборов—различные соотношения голосов за разные политические силы. Именно здесь — поле для дальнейших исследований».' В силу этого можно сказать, что вопрос о региональной политической культуре России—это не только политическая, но и пространственно-смысловая проблема.

Принявшие глобальный характер процессы регионализма, а также усиление воздействия историко-культурных факторов на современный политический процесс, изменение парадигмы центр периферийных отношений детерминируют новую роль региональных политических культур. Они становятся противовесом как унификации, так и атомизации политической жизни. Региональное самосознание выполняет функцию мотивации политической деятельности.

В России, которая формировалась как страна регионов («имя России — разнообразие»), особенно важна политика реалистического демократического федерализма. Конструктивный потенциал регионализма в России может быть успешно реализован, а сепаратизм нейтрализован лишь при условии научно обоснованной, эффективной региональной политики, последовательного разрешения накопившихся противоречий.

Характерно, что первые законотворческие инициативы президента В.В. Путина в мае 2000 г. были связаны именно с проблемами урегулирования макрорегиональных отношений в Российской Федерации, укрепления и усиления вертикали исполнительной власти и, соответственно, роли института Президента и его полномочных представителей. В соответствии с указами Президента и федеральными законами в Российской Федерации были образованы семь федеральных округов, возглавляемые полномочными представителями Президента Российской Федерации: Центральный (центр — г. Москва), Северо-Западный (г. Санкт-Петербург), Южный (г. Ростов-на-Дону), Приволжский (г. Нижний Новгород), Уральский (г. Екатеринбург), Сибирский (г. Новосибирск) и Дальневосточный (г. Хабаровск).

Состав федеральных округов Российской Федерации:

Центральный федеральный округ: Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская и Ярославская области, г. Москва. Центр федерального округа — г. Москва;

Северо-Западный федеральный округ: Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мур-

[1] Полис. — 1996. — № 4. — С. 36-37.

манская, Псковская, г. Санкт-Петербург, Ненецкий автономный округ. Центр — г. Санкт-Петербург;

Южный федеральный округ: Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Калмыкия— Хальм Тангч, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Чеченская Республика, Краснодарский край, Ставропольский край, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области. Центр — г. Ростов-на-Дону;

Приволжский федеральный округ: Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Чувашская Республика — Чаваш республики, Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Пермская, Самарская, Саратовская и Ульяновская области, Коми-Пермяцкий автономный округ.' Центр федерального округа — г. Нижний Новгород;

Уральский федеральный округ: Курганская, Свердловская, Тюменская и Челябинская области, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ. Центр — г. Екатеринбург;

Сибирский федеральный округ: Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Тыва, Республика Хакасия, Алтайский край, Красноярский край, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская, Читинская области, Агинский Бурятский автономный округ, Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, Эвенкийский автономный округ. Центр — г. Новосибирск;

Дальневосточный федеральный округ: Республика Саха (Якутия), Приморский край, Хабаровский край, Амурская, Камчатская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область, Корякский автономный округ, Чукотский автономный округ. Центр — г. Хабаровск.

Наличие полномочных представителей Президента в федеральных округах должно повысить управляемость этих федеральных территорий и авторитет центральной власти. Полпреды привлекаются к проработке и решению конкретных вопросов на местах, выработке предложений по ним и их реализации, а также их обсуждению в центре. В соответствии с законопроектами повышается роль центральной власти по отношению к губернаторам — пятеро из семи полпредов имели воинское звание генерала. В случае издания губернаторами документов, противоречащих федеральным законам, Президент Российской Федерации может приостанавливать действие этих актов, выносить предупреждение губернаторам, временно отстранять их от исполнения обязанностей, а затем но решению суда полностью отстранять губернаторов от должности и назначать временно исполняющего обязанности главы субъекта РФ. В свою очередь, у губернаторов появляются права за подобные нарушения наказывать глав местных администраций и распускать региональные парламенты.

[1] Во время парламентских выборов 7 декабря 2003 г. жителям двух субъектов РФ — Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа — было предложено выразить свое отношение к их возможному объединению в «Пермский край»: 90% участвовавших в голосовании поддержали идею объединения.

Интернет-опрос по поводу рассматриваемых законопроектов дал следующие результаты. На вопрос: «Против кого или чего, на ваш взгляд, направлено решение о создании семи федеральных округов?» — ответили: «Против всевластия губернаторов и президентских республик в составе России» — 58,1%; «против самостоятельности регионов» — 25,1%; «против демократии» — 12,3%; «против российской бюрократии вообще» — 4,4%.

В связи с изменением с 2004 г. процедуры избрания губернаторов (глав регионов) они будут предлагаться к назначению решением Президента РФ и утверждаться законодательным собранием — их роль в вертикали власти возрастает.

Политическую культуру справедливо называют концентрацией исторического опыта поколений. Именно различия исторического развития дают истинное, глубинное понимание современных политических процессов. «Феномен 55-й параллели», разделившей европейскую часть России на «прореформистский Север» и «консервативный Юг», трудно понять без особенностей развития крепостного права (на севере преобладал оброк, более рыночные отношения, а на юге России — барщина). Это отразилось в политической культуре регионов, подпитывалось последующим развитием страны и, в частности, проявилось на выборах 1990-х гг. в Российской Федерации: демократические партии и движения, а также представители партии «власти» получали в северных регионах сравнительно больше голосов, чем в южных.

На формирование особенностей политической культуры россиян в окраинных районах в значительной степени повлиял характер процесса заселения Сибири, Севера, Дальнего Востока и Кавказа. Региональные политические культуры России можно сравнивать по осям «Север —- Юг» и «от Центра—на Восток», поскольку процессы освоения этих макрорегионов развивались именно по этим векторам. Соответственно, целесообразно выделять макрорегионы Центрального Черноземья, Сибири, Севера, Дальнего Востока и Юга России, а также в республиках (национальных) ценности и ориентации национально-региональной политической культуры.

Политическая субкультура Центрального Черноземья

Этот политико-культурный ареал характеризуется противоречием радикальных политических ориентации и конвенционального политического поведения. Социальная структура региона отличается моноэтничностью, повышенным удельным весом людей старших возрастов и населения, живущего в малых городах. Политические ориентации демонстрируют ретроспективную направленность, приоритет ценностей традиционной культуры, преобладание патерналистских и эгалитаристских трактовок роли государства. Традиционно в регионе развиты конвенциональные формы политического участия. В кризисных ситуациях региональная общность Центрального Черноземья может использовать различные формы самоорганизации, несмотря на традиционную толерантность и законопослушание. Политические предпочтения населения этого региона во многом объясняются устойчивыми ориентациями местных жителей, среди которых немало людей пожилого возраста.

Политическая субкультура Севера

Для нее характерны такие культурно-исторические ценности, как предприимчивость, энтузиазм, бескорыстие, стабильность. Региональная политическая культура формируется под влиянием противоречий между регионом и ведомствами, между коренными этносами и мигрантами, между интересами политических элит и реальными интересами региональной общности. Север является стабильной зоной нрореформистских ориентации, отличающейся высоким уровнем политического участия. Здесь шире распространены неконвенциональные формы (забастовки, голодовки, блокады железных дорог). Соответственно, жители Севера поддерживают прежде всего «партию власти», в какой-то степени демократические и национально-патриотические силы, движения типа ЛДПР. С 1990 г. начался отток населения с Севера — его покинуло более полумиллиона человек. Уровень безработицы на Севере — один из самых высоких в стране. По данным Комитета по делам Севера, около *2* млн живущих там людей готовы выехать, и лишь объективные трудности отъезда сдерживают их отток.

Универсальная проблема Севера — положение коренных этносов. Древние малочисленные народы попали под сильное влияние мощных этносов, находящихся на значительно более продвинутой ступени социально-экономического развития. Традиционное хозяйство уже давно не может удовлетворить растущие материальные и духовные потребности аборигенов, ухудшилась природно-экологическая основа. Тревожной является демографическая ситуация. Смертность среди аборигенов в полтора раза выше, чем среди других жителей Севера.[1] Регионы Севера — это потенциально мощная политическая сила, которая пока только начинает осознавать себя таковой. За территориальные интересы часто выдается желание местных элит получить контроль над природными ресурсами. Регионы, получившие такие полномочия, часто проигрывают. Несмотря на то что жители Севера достаточно критично оценивают социально-политическую ситуацию в России, число тех, кто выступает за продолжение реформ, превышает количество требующих прекращения реформ. В целом северяне проявляют высокую политическую активность.

Политическая субкультура Сибири

Она отличается развитым региональным самосознанием. Л. Гумилев относил сибиряков к важнейшим русским субэтносам. Еще сто лет назад человека могли характеризовать так: «сибиряк но рождению, симпатиям, воспитанию». Сибиряками себя считают 87% респондентов, при этом отмечают такие черты региональной общности, как ее открытость, доброжелательность, прямота, кооперативность.[2]

Особенности исторического опыта Сибири сформировали в населении заряд оппозиционности и нонконформизма. Доля Сибири в общем количестве зарегистрированных в Российской Федерации забастовок в середине 90-х гг.

[1] Петров Ю.Д. Малочисленные народы Севера: государственная политика и региональная политика. — М: Academia, 1998. — С. 138 140.

[2] Сверкунова Н.В. Феномен Сибиряка // Социс. — 1996. — № 8. — С. 90-94.

XX в. составляла до 40-45%. Восточная Сибирь демонстрирует один из высших по Российской Федерации показатель «тревожности» населения, связанный с безработицей. Процесс политической регионализации в Сибири усугубляется неопределенной позицией центра, отсутствием сбалансированной федеральной программы развития этого суперрегиона. В ряде областей Сибири сильны позиции КПРФ, ЛДПР, «Родины». Политические ориентации жителей можно типологизировать как нонконформистские, проявляющиеся в критике властей и голосовании за лидеров нового поколения. Особое место в региональной политической культуре Сибири занимает Кузбасс, политические ориентации населения которого детерминируются, в первую очередь, корпоративными интересами, поддержкой как официальных, так и местно-ориентированных сил.

Политическая субкультура Юга России (Дон, Кубань, Ставрополье)

Она определяется пограничным положением Юга России, обширностью территории, богатым природно-ресурсным, демографическим и производственным потенциалом. Пограничность региона находит отражение в переплетении двух тенденций, сложившихся со времени появления первых русских переселенцев, казаков. С одной стороны, наблюдается усиление «державных», охранительных ориентации, с другой—проявление таких черт региональной общности, как терпимость, адаптивность, восприимчивость к чужому опыту. Их взаимодействие обусловило яркий и симбиотический характер региональной культуры. Юг отличается развитым региональным самосознанием, южнороссийская идентичность актуализируется в языке, самоидентификации населения, фольклоре, материальной культуре. Правомерна постановка вопроса о региональной вариации национального характера, черты которого отличают южанина от жителей других регионов. Важную роль в регионе играет казачество. В целом политическая культура Юга имеет ярко выраженный державнический характер, в то же время в ней достаточно сильны национально-патриотические ориентации.

Политическая субкультура Дальнею Востока

Этот регион в значительной мере ориентирован на тихоокеанский мир, и его политическая культура обладает рядом типологических черт, свойственных пограничным регионам. Дальневосточный мир России вытянут с севера на юг более чем на 4,5 тыс. км и разделяется на два субрегиона: северный (Якутия-Саха и Магаданская область) и южный (Хабаровский и Приморский края, Амурская, Сахалинская и Камчатская области). Многие исследователи отмечали яркую индивидуальность этого региона, противоречивые черты характера его жителей. Регион относится к сырьевым, но не к добывающим. Его мощный ресурсный потенциал составляют алмазы (большая часть российских запасов), золото (до 50%), рыба и морепродукты. Но объемы использования ресурсов недостаточны, для того чтобы обеспечить процветание. При недостаточно развитом сельском хозяйстве и постоянном росте цен на энергоносители и транспортные перевозки Дальневосточный регион несет значительные дополнительные расходы: падает жизненный уровень, растет безработица. Дальневосточный регионализм подпитывается осознанием собственного богатства, географической удаленностью от центра, непродолжительным опытом

самостоятельной государственности. В то же время в Дальневосточном регионе «охранительный» психологический комплекс в политическом сознании усиливает центростремительные тенденции, державные ориентации жителей этого региона Политическое сознание и поведение отличаются маргинальными проявлениями негативизмом и пессимизмом, готовностью к радикальным действиям. Это дае] возможность легкого манипулирования массовым сознанием.

В этом регионе зафиксирована значительная доля сторонников ужесточения наказаний и упрощения процедуры судопроизводства при рассмотрении наиболее тяжких уголовных преступлений, существует положительный региональный рейтит Сталина. До трети жителей Дальневосточного региона считают возможным собственное участие в массовых выступлениях — это выше, чем в среднем по России (зг исключением Сибири, где также высока вероятность неконвенциональных форм деятельности). На президентских выборах 2000 г. активная избирательная кампания В.В. Путина привлекла на его сторону значительное количество избирателей-дальневосточников. В этом регионе традиционно сильны позиции ЛДПР, «Родины», КПРФ.

Региональные политические культуры России, аккумулировавшие весь исторический опыт территорий, сформировались под воздействием уникального комплекса системообразующих факторов. Учет этого фактора — необходимая предпосылка успеха политического реформирования.

Ряд российских ученых предпринимали попытки классификации доминантных политических ориентации (ценностей) различных регионов. Так, например. М.Н. Афанасьев группирует регионы по четырем типам электорального поведения в зависимости от политико-культурных ценностей и стереотипов поведения избирателей.

1. «Патриархальный» тип ярко выражен на Северном Кавказе и в Сибири. Ему свойственно уважение к руководителям, традиционная система связей и соподчинения; высокая явка на выборы; невычленность собственных политический ориентации электората; выбор своих патронов, голосование по политическим вопросам соответственно позиции руководителей.

2. «Советский» тип характеризуется открытым утилитаризмом. Дело не в консерватизме сельских жителей, а в том, что отношения между управляющими и управляемыми тесны и непосредственны, «очеловечены» связями личной зависимости и покровительства, а обмен, лежащий в основе выборов, носит более конкретный характер.

3. «Постсоветский» (рыночный) тип отличается негативизмом, негативной мобилизацией внимания и мнения. В центре — радикальные «контргерои». Политический маркетинг и «рыночная оснастка» становятся обязательными атрибутами политической борьбы.

4. «Партийный» тип характеризуется наличием устойчивых идейно-политических ориентации, мотивирующих электоральное самоопределение. В основном это Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Ярославль.'

Возможна типологизация российских регионов и на преимущественные виды культурной ориентации в связи с характером их промышленного и организаци-

Афанасьев М.Н, Поведение избирателей и электоральная политика в России // Полис. — 1995. — № 3. — С. 111-113.

онного развития, оказывающих соответствующее воздействие на формирование системы политико-культурных ориентации.

1. Ведущие политические ориентации населения высокоиндустриальных регионов с доминирующим космополитическим мегаполисом, для которых господствующей является демократическая политическая «культура участия» (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород и др.).

2. Преимущественные политические ориентации населения аграрно-индустриальных регионов (т.е. характеризующиеся сравнительно низким уровнем урбанизации) с патриархальной или подданической культурой.

3. Основные политические ориентации населения индустриально-маргинальных очагов развития, социокультурная специфика которых обусловлена процессом форсированной индустриальной модернизации; при этом свойственный индустриализму уровень общей и профессиональной культуры не утверждается, традиционалистское сознание локализуется в специфических формах.

4. Преимущественные политические ориентации населения соответствующих республик Российской Федерации, имеющие определенную (национальную) окраску и политическая направленность которых во многом зависит от местной ситуации. Здесь речь может идти также и об административно-национальном ресурсе республик, который ярко проявляется во время парламентских и президентских выборах.

При рассмотрении особенностей политико-культурных ценностей и ориентации регионов существенное значение для политического выбора их избирателей имеет то, какие выборы в них происходят: местные, парламентские или президентские. Наиболее адекватно политико-культурные особенности регионов отражают парламентские выборы; на местных выборах существенную роль играет внутренняя расстановка политических сил и ориентация на местного лидера; на президентских выборах избиратели больше думают о стратегическом курсе страны.

Современная политическая культура России носит фрагментарный характер, политическая идентификация по региональным основаниям превалирует над идеографической. Во многих региональных субкультурах наблюдается ряд общих черт: установка на некоторую отстраненность от власти, высокая степень персонификации региональной политики, важная роль харизматического политического лидерства, элементы правового нигилизма. В этой связи важна сбалансированная политика центра по отношению к регионам, учет многообразия их культур.

Путь к новой интегративности национальной политической культуры России — достижение целостностной множественности на базе объединения вокруг державной, патриотической идеи, развитие конструктивного потенциала региональной самобытности, адаптации традиционных структур к новым социальным реалиям, строгое соблюдение Конституции Российской Федерации.

4. Особенности отношения молодежи к политике

Молодежь как совокупность развивающихся личностей — самая динамичная, энергичная и критически мыслящая часть общества. Она обладает огромным со-

циальным и творческим потенциалом и способна активно влиять на процесс гуманизации социально-экономических отношений, происходящих в обществе. Политика была, есть и будет важнейшей сферой социальной жизни общества, и степень включенности или невключенности молодежи в политические процессы во многом определяет и общую политическую ситуацию в стране. Все более актуальной и необходимой становится задача государства, общества — соединить личную заботу молодежи о своей судьбе с ответственностью за развитие страны, обеспечить активное личное участие молодых граждан в общественных делах.

В этом плане заслуживают внимания мысли одного их крупнейших педагогов В.А. Сухомлинского о том, что у молодежи необходимо развивать «гражданские чувства», которые «возвеличивают человека, утверждают в нем общественное сознание, честь, гордость». Он подчеркивал, что у молодых людей следует развивать «гражданское видение мира», что «гражданские чувства являются главным источником моральной чистоты».

В современной России наметилась тенденция постепенного «вызревания» элементов системы гражданского воспитания. Многие педагогические коллективы по желанию родителей и самих учащихся при активной методической помощи ученых-педагогов, органов управления образованием, а также инициативных профильных сообществ и ассоциаций вводят обучение в качестве основных учебных предметов государственно-правовой политики, граждановедения, правоведения, знакомят учащихся с характеристиками избирательных систем, правами и обязанностями граждан. Эта профильно очерченная деятельность, направленная на воспитание базовых начал гражданственности у молодежи, стала чаще получать поддержку государственных органов, научных организаций, средств массовой информации как на федеральном, так и региональном уровнях.

На воспитание гражданской зрелости учащихся, уяснении ими своих прав и обязанностей направлена правовая и политическая социализация. В процессе правовой социализации учащиеся получают представления о государственном устройстве, политической системе общества, о военной службе, налогах, семейном праве, правовых нормах и правовых системах. Это происходит как в учебно-воспитательном процессе, так и в повседневной жизни. Уже с середины 1970-х гг. началось обязательное преподавание «Основ государства и права» в старших классах общеобразовательной школы, а также в профессионально-технических училищах, средних высших учебных заведениях. Изучение этого предмета в системе образования позволяет соблюсти преемственность соответствующих учебных программ, учесть профиль работы будущих специалистов.

Однако факты свидетельствуют: содержание правовой социализации еще не отвечает современным требованиям. Среди молодых людей господствует политико-правовой нигилизм и вседозволенность, многие из них не имеют необходимых знаний о правах человека, вследствие чего не могут отстаивать свои права в области образования, труда, защиты здоровья, неприкосновенности частной собственности. Одной из важных причин этого является низкий качественный уровень преподавания предметов правового цикла в школах, профтехучилищах и высших учебных заведениях. В значительной степени это объясняется

недостатком квалифицированных кадров среди преподавателей, слабой работой в этом направлении средств массовой информации.

Наряду с правовой следует углублять и совершенствовать политическую социализацию подрастающего поколения, т.к. на фоне не устоявшейся тенденции к росту политического самосознания отчетливо проявляется отчуждение молодежи от государства, наблюдается рост апатии, цинизма среди молодых людей, их неверие в официальную политику, провозглашенную властными структурами. По данным Института молодежи, лишь 5% учащихся интересуются политикой. На устранение имеющих место перекосов в приобщении молодежи к политической деятельности направлены Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских объединений», действия ряда молодежных организаций, однако уровень политической активности молодого поколения остается невысоким.

Гражданская социализация молодежи предполагает также целенаправленное патриотическое воспитание представителей этой группы. Определенные позитивные результаты приносят специальные меры, осуществляемые образовательными учреждениями. В Москве, например, с 2000 г. проходят молодежные мероприятия под девизом «День защитника Отечества», «Сын Отечества», месячники «Твои защитники, Москва» с участием видных военачальников и ветеранов войны. Но вопросы военно-патриотического воспитания учащейся молодежи, ее подготовки к прохождению воинской службы остаются весьма острыми. В целом но Российской Федерации треть молодых людей заявляет о своей готовности выполнить воинский долг.

Интерес молодежи к политике не представляет собой какую-то постоянную величину, а весьма сильно меняется в зависимости от обстановки в стране, грядущих выборов на общефедеральных уровнях и ряда других факторов. Это позволяет опровергнуть тезис некоторых общественных деятелей об аполитичности молодежи как таковой.

По опросам, около половины молодых людей отмечает, что не интересуется политикой. Однако достаточно велика и доля молодежи, постоянно проявляющей интерес к политике: почти треть респондентов (32%) внимательно следят за информацией о политических событиях, а каждый пятый (19%) обсуждает политические события с друзьями.

На рубеже XXI в. социологи провели ряд опросов о том, какие проблемы беспокоят российскую молодежную аудиторию в наибольшей степени. На первое место вышли проблемы преступности, которые с 2004 г. акцентировались в связи с угрозами терроризма; далее — неблагополучная экологическая ситуация; затем комплекс социально-экономических проблем: усиление неравенства доходов и проблемы трудоустройства, коррупция во властных структурах, инфляция, пассивность 1раждан, недостаточно эффективная власть.

Молодежь очень беспокоят проблемы здравоохранения и доступности образования, услуги которых резко дорожают. Обращалось внимание на вытеснение отечественной культуры западными образцами, причем не лучшего качества.

Среди политических проблем: отсутствие ярких общенациональных лидеров, кроме В.В. Путина, угроза массовых беспорядков, межнациональная напряженность.

Совсем немного не хватило для 20%-ного барьера факторам состояния здравоохранения и образования, а также опасности распада России. Эти проблемы тоже беспокоят почти каждого пятого молодого человека, и его ощущения, как мы видим, близки к среднероссийским переживаниям за судьбу страны и свою личную.

Итак, молодежь довольно четко представляет две глобальные угрозы нашему социуму. Это — рост преступности и экологическое неблагополучие. Иными словами, максимальную угрозу себе и существованию общества в дальнейшем молодежь видит не только в социальных причинах в целом, но и в экологических, которые сегодня произведены от социальных бед и еще недавно уверенно занимали первое место в рейтинге злободневных проблем. Однако угроза физического уничтожения, лишения собственности, чести и т.д., т.е. криминальная угроза, сегодня в сознании молодежи вышла на первое место. Социум порождает преступность и не может с ней справиться. Тут начинается чистая политика, и молодежь хочет видеть и ищет реальные политические фигуры, способные решить поставленные жизнью проблемы.

По мнению молодежи, среди действующих политиков и государственных деятелей, наиболее положительно влияющих на развитие ситуации в стране, В. Путин вне конкуренции (53% ответов). Только 5% молодежи не удовлетворены работой В. Путина на высоком посту главы государства. Более половины (54%) респондентов положительно оценивают его деятельность, и еще 41% удовлетворены работой Президента в основном, но с некоторыми оговорками.

На вопрос о политических партиях или движениях, способных оказать положительное влияние на обстановку в России, более половины (54%) респондентов основной группы отвечают «никакие». Можно отметить, что практически все партии теряют своих сторонников среди молодежи, за исключением, пожалуй, «Единой России», которая стабильно получает около 20% симпатий молодых людей на протяжении двух последних лет.

Политический скепсис примерно в равной степени характерен и для крупных городов, и для глубинки: не верят в способность политических партий и движений положительно влиять на жизнь россиян 53-54%.

Интересно также соотнести уровень поддержки политических партий и движений со степенью интереса респондентов к политике. Естественно респонденты, не интересующиеся политикой, чаще других не верят в возможность какой-либо партии положительно влиять на положение в стране (67% против 54% в среднем по основной группе).

Потенциальный кадровый состав российских политических партий включает в себя почти треть молодых людей. Из них около 4% уже являются членами каких-либо политических партий либо движений, и еще 27%, не являясь членами, тем не менее не исключают для себя возможности вступления. Можно отметить, что особенно активны жители глубинки, каждый третий из которых (35%) не отвергает возможности вступления в партию. Абсолютное большинство респондентов (70%) не хотят вступать ни в какие партии.

Вместе с тем каждый четвертый молодой человек затрудняется оценить произошедшие за последний год политические события в стране. Здесь возможно

несколько интерпретаций такого положения дел: либо ничего существенного за этот год в политической жизни страны не произошло, либо данная часть молодежи не имеет критериев для оценки происходящего, либо политика ее вовсе не интересует как незначимая сфера интересов. Видимо, всего понемногу.

Ключевые понятия

электоральная культура россиян
типы электорального и политического поведения в России
политическая культура федеральных округов Российской Федерации
«блоки» политических ценностей россиян
политическая культура российских регионов
политико-культурный и исторический феномен «55параллели» в России
политическая культура субъектов Российской Федерации
национальная идея для России

Вопросы для самостоятельной работы

1. В чем особенности современной политической культуры России?
2. Каковы основные виды субкультур в политической культуре Российской Федерации?
3. Охарактеризуйте интегральные ценности политической культуры россиян.
4. Охарактеризуйте особенности политических культур макрорегионов России.
5. Какова роль правовой культуры в политическом развитии России?
6. В чем политико-культурные различия федеральных округов Российской Федерации?
7. Каково содержание основных политических ценностей российской политической культуры?
8. Раскройте особенности электоральной культуры России.
9. Охарактеризуйте электоральный менталитет россиян.
10. Охарактеризуйте политико-культурный ареал российского электората.
11. Охарактеризуйте характер отношения россиян к такой ценности, как демократия.
12. Охарактеризуйте характер отношения россиян к властям.
13. Попытайтесь сравнить российские и американские субрегиональные политические культуры.
14. Сравните западно-европейскую (произвольно изберите культуру страны), американскую и российскую политические культуры.
15. Охарактеризуйте понятие «национальной идеи» для россиян, проанализируйте ее составляющие.
16. Какие тенденции в изменении политического сознания россиян их политической культуре отразили выборы в Государственную Думу в начале XXI в.?

Часть IV
КУЛЬТУРНАЯ МАТРИЦА И ГЕНЕЗИС ВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ

Глава 11
Культурные и цивилизационные особенности развития Востока

А. Тойнби: «Цивилизации рождаются и развиваются, успешно отвечая на последовательные вызовы. Они надламываются и распадаются, когда встречают Вызов, на который им не удается ответить».

К. Юнг: «Запад всегда ищет возвышения, вознесения. Восток — погружения и углубления».

Р. Киплинг: «Запад есть Запад, Восток есть Восток... И вместе им не сойтись».

СМ. Хатами: «Каждая цивилизация основывается на особом мировоззрении, которое, в свою очередь, формируется каждым народом в процессе приобретения им своего специфического исторического опыта. Это мировоззрение, или «коллективное сознание», является своего рода фундаментом цивилизации и способно решать насущные общественные проблемы».

А. Столяров: «В большинстве восточных культур время имеет характер повторяющихся, замкнутых циклов. Мы знаем двенадцатилетние циклы японского и китайского календарей, где каждый год обозначен именем какого-нибудь животного. Однако на Востоке существуют циклы и гораздо больших масштабов, охватывающих собой сто, двести, триста лет и даже целые тысячелетия. То есть время здесь не имеет четкой хронологической направленности (векторного характера)».

Профессор К. Кобаяси: «Когда мы хотим что-то сделать, мы стараемся узнать и оценить все возможные ответы, альтернативы и практическое применение не только в Японии, но и в Европе, в развивающихся странах и в США. Затем, сочетая и оценивая все лучшее, мы стараемся прийти к оптимально возможной комбинации. В этом ключ к пониманию успехов Японии».

К.О. Саркисов: «Америку открыли однажды и навсегда, Японию открывают до сих пор».

А.С. Фомин: «Азиатско-Тихоокеанский регион становится важным центром мирового экономического развития, демонстрируя рост ВВП на уровне 5-6% в год, внешней торговли — 9-10%. В этой связи перспективы АТР представляют собой своеобразный альтернативный путь включения России в планетарную экономическую систему».

Дж. Стиглиц: «Ни одна группа стран в мире не добилась такой нормы сбережений и такого удачного размещения инвестиций. Именно государственная политика обеспечила странам Восточной Азии одновременное достижение обеих целей».

Афоризм. Азия быстрее становится Европой, чем Евразия.

1. Культура и модернизация Востока

Без глубокого проникновения в сферу континентальных, региональных, страновых, областных и местных политических культур, без их аналитического сравнения и сопоставления наши представления о политических процессах будут неизбежно формализованы и редуцированы. Подобный подход в какой-то мере напоминает первичный осмотр пациента врачом, имеющим только его рентгеновский снимок, но без данных ряда других анализов, в силу чего ему пока недоступна глубокая характеристика процессов и причин, вызывающих развитие организма, возникновение в нем болезней и способов их лечения. Политическая культура описывает политическое состояние любого общества в целом, рассматривая его как взаимосвязанную, взаимозависимую, многоуровневую и вместе с тем динамичную совокупность политических субъектов. Иначе говоря, она предполагает аналитический анализ состояния социума.

Раскрытие диалектики общего и особенного в различных политических культурах позволяет произвести глубинные исследования политической жизни общества, «измерить» ее через человека и в интересах человека. Сравнительный анализ характера политических культур различных обществ на основе цивилизационного подхода дает возможность глубоко раскрыть их содержание, систему ценностей, особенности генезиса.

Д. Белл: «Идеи и культуры не меняют ход истории — по крайней мере, в одночасье. Однако они являются необходимой прелюдией к переменам, поскольку сдвиги в сознании — в системе ценностей и моральном обосновании — толкают людей к изменениям их социальных отношений и институтов».[1]

Цивилизационный подход в последнее время активно разрабатывается многими известными обществоведами Запада, России и Востока.

[1] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — С. 650.

А.С. Панарин: «История, культурология, этнология, религиоведение давно уже пришли к выводу, что восточные цивилизации являются более древними, чем западная, и обладают по меньшей мере равным с ней достоинством, что различные мировые культуры нельзя выстраивать в прямолинейно-иерархический ряд, выделяя низшие и высшие, лучшие и худшие».[1]

В российском обществоведении долгое время преимущественное внимание уделялось изучению отечественной и западной политической культуры. В меньшей степени были исследованы политические культуры стран Востока, и соответственно, сравнительное взаимодействие культуры и политики в качественно различных цивилизационных средах обществ Запада — России — Востока. В условиях современного этапа глобализации человечества, который остро ставит проблему диалога различных цивилизаций и культур, эта задача представляется весьма актуальной.

В основе современного подхода к цивилизационным процессам лежит реальный факт «глобализации» общественного развития, часто описываемый как возрастающая целостность мира. Действие этой тенденции предопределяет возрастающая интенсивность связей и отношений — экономических, социально-политических, культурных, научно-технических, коммуникационных, как бы «стягивающих» общества современного мира. Эти связи, отношения, контакты и причастности придают формирующейся планетарной цивилизации некое системное качество: увеличивается всесторонняя взаимозависимость различных обществ, стран, регионов, все активнее влияющих друг на друга. Интенсивность глобальных взаимосвязей способствует быстрому распространению на большей части планеты тех форм политической, социальной и особенно экономической жизни, тех типов культуры, знаний и ценностей, которые воспринимаются как наиболее эффективные, оптимальные или просто разумные для удовлетворения личных и общественных потребностей. Таким образом, сам процесс формирования образов жизни, социально-политических и культурных ориентации, типов материального и культурного потребления тоже приобретает ту особенность, что он как бы преломляется через глобальные ценности, потребности и вызовы времени.

Вместе с тем указанная тенденция не означает какой-либо унификации или спрямления генезиса макрорегиональных и локальных цивилизаций. Во-первых, каждое общество и социальная группа берут из общечеловеческого опыта только те формы жизни, которые они в состоянии освоить в рамках своих социально-политических, экономических и культурных возможностей. Во-вторых, реакцией на глобализацию является инстинктивное стремление различных человеческих общностей к сохранению собственной идентичности, которое особенно сильно проявляется в сфере культуры, религии, национального сознания. В-третьих, ряд цивилизаций и обществ, находясь на раннеиндустриальном этапе развития, пока слабо вписываются в систему и сети глобальной взаимосвязи.

[1] **Панарин А.С.** Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. — М.: Университет, 1999. — С. 6-7.

В результате формирующаяся глобальная цивилизация приобретает не только целостно-системный, но и внутренне плюралистический характер: усиливающаяся гомогенизация социальных, политических и экономических форм, определенных типов культурного потребления, субкультур причудливым образом сочетается с национально-культурным и политическим многообразием.

Существует точка зрения о том, что формирование планетарной цивилизации должно основываться на «расширении» сферы евроамериканской модели и ее естественном генезисе. Такой подход представляется достаточно односторонним и тупиковым: во-первых, он, по сути, игнорирует потенциал всей остальных цивилизаций (а их большинство), во-вторых, наблюдаются серьезные кризисные явления в развитии западной, индивидуалистично-техногенной цивилизации во многих ее проявлениях —- от сфер политики и культуры до экономики и природопользования.

Цивилизационная модель может сослужить хорошую теоретическую службу в изучении любого общества, но при условии, если сама она будет свободна от идеологизированных интерпретаций, таких, например, как популярная среди некоторых политологов концепция универсальных человеческих ценностей, являющих собой перечень идеальных институтов, норм и прав человека. В действительности же нетрудно обнаружить, что под универсальными понимаются ценности, получившие воплощение в одном регионе, который можно определить как западную цивилизацию.

На наш взгляд, следует исходить как из общецивилизационной модели развития, так и из моделей локальных цивилизаций. При этом некоторые политические ценности западных обществ могут служить примерами и для других сообществ, но попытка отождествить их в целом с общецивилизационными означала бы принижение возможностей иных цивилизаций и постановку перед ними утопических социальных целей.

Желательно обращать внимание и на то, что понятие «цивилизация» (культурно-религиозный комплекс) и соответствующий географический регион могут не вполне совпадать. Обычно понятия «Восток», «восточные цивилизации» употребляются в весьма широком, культурно-религиозном смысле и могут охватывать сходные явления и в соседних географических регионах. А географическое понятие «регион» всегда является конкретным и определенным. Так, понятие «Восток», например, включает не только азиатский географический регион, но и часть африканского (Египет и Судан). Многие географические макрорегионы подразделяются на конкретные зоны. «Азия» с географической точки зрения делится на Северо-Восточную, Юго-Восточную, Южную, Западную и Центральную. Юго-Западная Азия географически подразделяется на Средний и Ближний Восток, но с культурно-исторической точки зрения в нее «подключают», как уже замечалось, Египет и Судан. В свою очередь, понятие «Арабский Восток» включает страны Магриба (часть Северной Африки).

Все большее распространение приобретает расширительное (географическое) понимание Восточной Азии, как включающей все страны и народы Азиатско-Тихоокеанского региона (от российского Дальнего Востока, Монголии, Китая, Японии, Республики Корея, Таиланда, Малайзии и Индонезии до Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, Тихоокеанских островов, Новой Зеландии

и Австралии.[1] В то же время понятно, что Австралия и Новая Зеландия с цивилизационной и религиозной точки зрения, безусловно, ближе к западной модели развития, особенно Австралия, которая, по сути, является перенесенной из Запада «вторичной» цивилизацией, как, например, и Канада.

В Австралии в силу этих причин весьма популярно сравнительное обсуждение канадских и австралийских проблем (формальной главой этих государств является королева Великобритании, и на монетах этих государств вычеканен ее профиль). Другой стороной «австралийской географии» является то, что все ее соседи на расстоянии не менее 10-14 ч полета современного лайнера являются представителями восточных цивилизаций и культур, чье воздействие становится все более ощутимым. Среди относительно небольшого населения Австралии растет удельный вес собственно восточных этносов, землячеств, кланов и т.д., усиливается проникновение японского и китайского капитала в мелкий и средний бизнес, большинство обменных пунктов валюты контролируются выходцами из азиатских государств. Активизируется соответствующее культурное влияние, в т.ч. через ряд «восточноязычных» телевизионных каналов. В Сиднее уже можно увидеть объявления типа: «территория данного парка является даром китайской общины городу» или «в центральном краеведческом музее экспонируется выставка китайских динозавров — самых древних динозавров в Азии» (следовательно, и в Австралии») и т.п.

В западной политической литературе существует точка зрения о том, что нынешняя евроамериканская цивилизация достигла предела своего совершенствования, и речь может идти лишь о преобразовании по ее образу и подобию остальных частей мира. Особенно ярко эта мысль была выражена в публикации известного американского политолога Ф. Фукуямы. Он отмечал, что «столетие, которое началось с полной уверенности в конечной победе западной либеральной демократии, на исходе как будто возвращается на круги своя:… к безусловной победе экономического и политического либерализма. Триумф Запада, западной идеи очевиден, в первую очередь, из-за полного крушения всех альтернатив западному либерализму».[2]

Это исследование — еще один пример техногенно-индивидуалистического детерминизма. Правильно указывая на сильные и рациональные стороны и свойства евроамериканской цивилизации, профессор Ф. Фукуяма, по сути, ограничивает возможности ее совершенствования, выводя их из потребительского типа человека. Кроме того, заданная им картина цивилизационного развития не предполагает равноправного участия в мировых делах остальной части человечества.

Необходимо учитывать, что существует мощный пласт материальных и духовных завоеваний всего человечества, который составляет исходную базу всей

[1] Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. — М.: МГИМО, РОССПЭН, 2002. — С. 12.

[2] Fukuyama F. The End of History // The National Interest. — Summer, 1989. — P. 17-18.

современной цивилизации, в какой бы форме она не выступала. Путь к формированию планетарной цивилизации лежит через умножение этого пласта общечеловеческих ценностей, повышение его роли в каждой макрорегиональной, локальной цивилизации, в мировом сообществе в целом. Весьма важен перенос центра тяжести в представлениях о современном мире с его противоречивости и расколотости на позитивный потенциал развития различных цивилизаций, на целостность и взаимозависимость мирового сообщества, в котором мир признается высшей ценностью бытия, а степень (качество) развития человека и общества — мерилом социального прогресса.

Для анализа восточных цивилизаций весьма актуален анализ «азиатского способа производства», данный К. Марксом. Используя это понятие, известный российский политик и экономист Е.Т. Гайдар отмечал, что с генетической точки зрения «отсутствие полноценной частной собственности, нераздельность собственности и административной власти при несомненном доминировании последней, властные отношения как всеобщий эквивалент, как мера любых социальных отношений, экономическое и политическое господство (часто деспотическое) бюрократии — вот определяющие черты восточных обществ».[1]

Есть основания полагать, что на поверхностном уровне многое из западной культуры в той или иной степени воспринимается остальным миром. Но на глубинном уровне западные идеи и представления значительно отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям.

> *С. Хантингтон:* «В исламской, конфуцианской, японской, индуистской и православных культурах почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства. Усилия Запада, направленные на пропаганду этих идей, зачастую вызывают враждебную реакцию против «империализма прав человека» и способствуют укреплению исконных ценностей и собственной культуре. Как показали исследования значимости ста ценностных установок в различных обществах, «ценности, имеющие первостепенное значение на Западе, гораздо менее важны в остальном мире».

Необходимо учитывать особенности постиндустриальной модернизации Востока. Она происходит на свой лад, заимствуя и используя научно-технические достижения Запада, обогащая их собственным вкладом, фактически создавая общее поле соразвития, сотрудничества в достижении одних и тех же цивилизационных целей, идя к ним индивидуальной дорогой, на основе самобытно-модернистских программ развития, мобилизуя для этого собственные внутренние силы и способности. В сущности, на наших глазах рушатся восходящие еще к истории философии Гегеля «представления о пассивности, летаргичности и неспособности восточного менталитета к социальному, технологическому и иным формам прогресса».[2]

[1] **Гайдар Е.Т.** Государство и эволюция. — М.: Евразия, 1995. — С. 12.

[2] Мировое политическое развитие: век XX / под ред. Н.В. Загладина и др. — М.: Аспект-Пресс, 1995. — С. 296.

Опыт последних десятилетий показывает, что путь в индустриализм и постиндустриализм может пролегать на основе различных социокультурных и цивилизационных ценностей. Развитие Японии, Республики Корея, Китая, Гонконга и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона свидетельствует о том, что «формы западной социальной и политической организации не являются неизбежным следствием замены феодализма, традиционализма и аграрной системы хозяйства новыми промышленными технологиями. Напротив, западный индивидуализм, введение светского образования, признание особой роли средних классов и принадлежность к ним, рост либерализма и плюрализма групповых интересов, множество других особенностей, которые неотделимы от религиозной, семейной, социальной и политической систем и порядка стран Северо-Западной Европы и Соединенных Штатов Америки, следует рассматривать как одну из возможных альтернатив перехода к урбанистическо-индустриальному общественному устройству, а необязательно как более совершенную или более нравственную».[1]

Следует внести определенную поправку в устоявшееся представление о восточных культурах как исключительно социально-коллективистских, а о западных — как исключительно индивидуалистских. Оба эти начала присущи любой значимой культуре и политике, но выражаются и проявляются с различной интенсивностью. Равным образом следует осторожнее относиться к безоговорочному отождествлению присущих постиндустриальному развитию и модернизации социально ориентированной рыночной экономики и рыночных отношений с плюралистической политической демократией и индивидуализмом. Если на Западе социально ориентированная экономика и сложившаяся демократия зиждилась на ценностях индивидуализма и рациональности, то на Востоке эти же процессы основывались преимущественно на коллективистских принципах и ценностях.

Хорошо известно, что Япония, Республика Корея, о. Тайвань и другие модернизирующиеся государства Востока успешно вышли на «пик» технического прогресса, могут рассматриваться как образцы восточных техногенных цивилизаций. Вместе с тем по взаимоотношениям личность — общество, во взаимоотношениях между людьми, в системе ценностей и приоритетах, в стремлении сохранить самих себя, свой образ жизни эти страны сохранили приверженность к традиционным цивилизационным и культурным ценностям.

Опыт современной успешной модернизации ряда стран Востока свидетельствует, что перемены в них начинались не с либерализации государства, как это было, во всяком случае согласно теории, на Западе, а иначе — когда государство действовало в качестве инициирующей силы, организатора акций и мероприятий, сделавших необратимыми процессы утверждения рыночных ценностей, норм и отношений в экономике. Важно также заметить, что при этом всем модернизирующимся государствам Востока в основном удалось сохранить базовые культурные ценности, устоявшиеся доминанты властных отношений.

[1] **Василенко И.А.** Политические процессы на рубеже культур. — М.: Эдиториал УРСС, 1998.— С. 4.

Достижения постиндустриальной модернизации ряда государств Востока во многом обусловлены сохранением традиционных политико-культурных ценностных ориентации, единства нации, скоординированными действиями правящей элиты (элит), активным функционированием авторитарных или авторитарно-либеральных режимов, содействующих развитию современных рыночных отношений в русле национально-цивилизационных приоритетов. В этих государствах удалось выдвинуть национальную идею, объединившую подавляющее большинство народа на базе уважения традиционных культурно-политических ценностей и активного включения в мировые рыночные и информационные отношения. Именно сохранение традиционных ценностей и ориентировок позволило странам Востока освоить многие достижения западной техногенной цивилизации, не вестернизируясь в буквальном смысле этого слова, модернизироваться экономически, сохранив основополагающие черты своей традиционной культуры, сохранив, и развив, и приумножив свою идентичность. Нельзя не согласиться с академиком Н.Н. Моисеевым в том, что японское и южнокорейские общества и сейчас мало похожи на общества европейского типа. И в то же время именно традиционные свойства Тихоокеанских цивилизаций оказались тем необходимым условием, которое позволило ряду стран этого региона подняться на острие техногенной цивилизации, не превратившись в техногенные в общепринятом смысле этого слова. В рассмотренном смысле «гораздо эффективнее симбиоз традиционного и техногенного или, точнее, симбиоз свойств, присущих той или иной цивилизации, с требованиями современности. С одной стороны, адаптация этих свойств к таким требованиям, а с другой — опора на эти свойства».[1]

Общность культуры явно способствует стремительному росту экономических связей между Китайской Народной Республикой, с одной стороны, и Гонконгом, о. Тайвань, Сингапуром и заморскими китайскими общинами в других странах Азии — с другой. С окончанием «холодной войны» общность культуры быстро вытесняет идеологические различия. «Хотя в регионе доминирует Япония, но на базе Китая стремительно возникает новый центр промышленности, торговли и финансового капитала в Азии. Это стратегическое пространство располагает мощным технологическим и производственным потенциалом (о. Тайвань), кадрами с выдающимися навыками в области организации, маркетинга и сферы услуг (Гонконг), плотной сетью коммуникаций (Сингапур), мощным финансовым капиталом (все три страны), а также необъятными земельными, природными и трудовыми ресурсами (материковый Китай)... Это влиятельное сообщество, во многом строящееся на развитии традиционной клановой основы, простирается от Гуанчжоу до Сингапура и от Куала-Лумпура до Манилы. Это — костяк экономики Восточной Азии».[2]

Интересно, что Соединенным Штатам Америки понадобилось 47 лет, чтобы удвоить свой ВВП на душу населения, Японии — 33 года, Индонезии — 17 лет, Республике Корея — 10. Прогнозы показывают, что к 2020 г. Азия будет производить более 40% мирового ВВП. Многие исследователи полагают, что «этот

[1] **Моисеев Н.Н.** Быть или не быть... человечеству? — М., 1999. — С. 223-224.

[2] **Weidenbaum M.** Greater China: The Next Economic Superpower? — Washington University Center for the Study of American Business. Contemporary Issues. — Series 57. — Feb. 1993. — P. 2-3.

экономический успех во многом объясняется азиатской культурой, которая превосходит культуру Запада, где имеет место культурный и социальный упадок».

Развитие стран Юго-Восточной Азии (Дальнего Востока) дает ряд важных уроков для этого и других регионов. Среди них: а) вывод о том, что путь к прогрессу пролегает не через копирование западного пути развития, а через выработку «собственных решений»; б) тезис о необходимости роста понимания того, что у народов Азии есть свое богатое социальное, культурное и философское наследие, способное содействовать модернизации и прогрессу этих сообществ[1]; в) осуществление политики сокращения неравенства, способствующей интеграции общества, созданию благоприятного климата для инвестиций и роста; г) на государство возлагается задача формирования рынков и управления ими.[2]

Как показывают неоднократные исследования значимости ведущих ценностных установок в различных обществах, ценности индивидуализма, имеющие особое значение для западных обществ, сравнительно менее важны в традиционных сообществах. Современное развитие новых индустриальных стран Востока свидетельствует о том, что некоторые формы западной культуры не являются неизбежным следствием перехода к высокоразвитому обществу. Далеко не всегда их необходимо рассматривать как самые совершенные и нравственные.

Человечество может и должно использовать наряду с западным своеобразный и богатый культурный опыт развития восточных и иных цивилизаций. Известный арабский исследователь А. Муниф писал, что «нация, у которой есть свои собственные уходящие корнями в далекое прошлое история, цивилизация и культура, отличается от корабля, пассажиры которого, собравшись вместе по воле случая и приключений, воображают, что при помощи денег и высокомерия они способны создать свою собственную историю».[3]

Интересно мнение известного тайваньского политического деятеля, президента о. Тайвань Чэнь Шуйбяня о проблеме сохранности и преемственности культурных ценностей. Он писал, что «в условиях новой эры, в которой духовное потребление будет играть главную, а материальное потребление — вторичную роль, нужно будет провести радикальные реформы в сфере культурной и образовательной политики; высшим приоритетом должно стать обеспечение сохранности культурного достояния и передача следующим поколениям наследия цивилизации. Тайвань принадлежит к культуре Востока, его долг — определить духовный эталон для Восточной цивилизации. В пику аналитическому западному мышлению Тайвань должен разработать модель синтетического мышления, включив в нее и западную культуру, чтобы в духовной сфере воплотить сплав межкультурного видения».[4]

[1] **Manbubani Kishore.** Can Asians Think? — Singapure, Kuala Lumpur, 1998. — P. 22-25.

[2] Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции / пер. с англ. — М.: Мысль, 2003. — С. 119.

[3] **Муниф** А. Право «третьего мира» не соглашаться // Хрестоматия по сравнительной политологии: Запад — Восток — Россия / под ред. А.М. Ушкова. — М.: НИП, 2000. — С. 332.

[4] Чэнь Шуйбянь. Сын Тайваня. — М., 2001. — С. 252-253.

Вступление человечества в современный миллениум воспринимается Западом как его третье тысячелетие (если считать по принятой системе летоисчисления от рождения Иисуса Христа). Но для Востока оно одновременно является уже как минимум шестым (!), циклично запечатленным в исторической памяти и традиции восточных обществ. В этом смысле как исторический, так и современный потенциал восточных культур бесценен. «Далеко еще не оценена в полной мере та роль, которую уже сыграл и сыграет в будущем культурный и этический опыт индийской и других восточных цивилизаций в поиске выхода из духовного кризиса западного "общества потребления", в становлении новой системы "постматериальных ценностей". Таким образом, очевидно, что не только западное влияние распространяется на Восток и Юг, но и западная цивилизация формирует в самых разных своих аспектах ряд новых качеств, структур и тенденций благодаря процессу взаимообмена с другими обществами.

Особенно важную роль в развитии восточных цивилизаций играют интегрирующие их общества системы ценностей, например конфуцианство. Творец сингапурского экономического подъема Ли Куан говорил о важности конфуцианства следующее: «Мы на этом держимся, если мы позаимствуем западные моральные ценности, силы сцепления, которые поддерживают наше общество, рухнут».[1]

По мнению ряда исследователей, в процессе развития стран Восточно-Азиатского региона за последние десятилетия в них происходил параллельный процесс преобразования стандартов западной цивилизации под культурную матрицу «азиатских ценностей».

Опыт России 90-х гг. XX в. и ряда других стран показали, что недооценка базовых национальных ценностей культуры, отказ от государственного и общественного контроля при осуществлении реформ либерального характера, переоценка роли либеральных принципов в транзитных обществах привели не к развитию, а к стагнации социума, к падению промышленного производства, снижению нравственного и культурного потенциала соответствующих обществ. Профессор В.М. Соколов в этой связи писал: «В корне неверно утверждение наших либералов о том, что их теории единственно верные и неизбежны для всех. Они отчасти разделяются только западно-европейской и североамериканской цивилизациями, составляющими явное меньшинство среди человечества... Почему не пытаются разрушить свой менталитет японцы? Они успешно строят свое постиндустриальное общество, основанное на приоритете государства над личностью, не изменяя корпоративного характера своего мышления. Почему в той же Франции и государство, и общество так настойчиво борются против попыток размыть национальное, против того, чтобы чуждая культура не проникла к ним?».[2]

Если проанализировать особенности экономического развития данного региона через призму общих «азиатских ценностей», таких как модернизация, гармоничность, самоконтроль, сдержанность, многообразие, то можно проследить ряд определенных особенностей развития Восточно-Азиатских государств.

[1] **Song B.** The Rise of the Korean Economy. — Oxford, 1990. — P. 46.

[2] **Соколов В.М.** Патриотизм — суть русского менталитета // Поиск. Актуальные проблемы духовности, культуры, искусства. Вып. 4. — М., 2003. — № 4. — С. 47.

Во-первых, большинство стран Восточной Азии сделало упор на развитие современной промышленности, структуризацию современного города и формирование современного образа жизни на базе традиционных ценностей или их совмещения с западными культурными формами. Стремление преодолеть исторически сложившуюся изоляцию от остального мира, отставание от достижений технологического прогресса трансформировались в устойчивую культурную мотивацию к модернизации. В экономике это вылилось в развитие современных отраслей промышленности, в развитие высокотехнологичных сфер производства, в активную поддержку научных исследований. Усиленное внедрение информационных технологий в жизнь общества, появление телевизоров, видеомагнитофонов, компьютеров сопровождалось популяризацией западной культуры, ценности которой поначалу воспринимались без каких-либо критических оценок. Эти тенденции вскоре получили название «деазиация», т.к. размывали некоторые основополагающие ценностные принципы азиатской культуры.

Во-вторых, стремление к модернизации жизни, обновлению общества не разрушило базовые традиции и устои этих обществ. Принятие элементов плюрализма прошло также без особого сопротивления, т.к. эта идея нашла естественные корни в многочисленных религиях Восточной Азии. Огромное многообразие языков, религий, традиций, существовавших в регионе, требовало взаимного терпения и уважения друг друга. Основные влиятельные религии этого региона — индуизм, буддизм, ислам и конфуцианство (как морально-этическое учение) — исходят именно из плюралистического элемента. Эти традиционные представления о непременном уважении иных культурных обычаев очень облегчают проникновение западных ценностей и их взаимодействие с «азиатскими ценностями». В то же время западные и иные идеи очень часто находят своеобразное преломление в глубинных восточных культурах, приспосабливаются к ним.

В-третьих, одним из основных культурных принципов, характерных для большинства стран Восточно-Азиатского региона, является сдержанность и самоконтроль. Буддизм, ислам и конфуцианство базируются на таких идеалах, как усердие, бережливость и аскетизм и исповедуют самоконтроль. Усердная работа в сочетании с ограничением желаний, осуждение бессмысленной траты денег и времени являются обычными культурными приоритетами. Поэтому возможность мобилизации рабочего ресурса в системе ускоренного экономического развития может быть выше, чем в западных странах. Так, например, японская мораль постоянно требует от человека самопожертвования во имя выполнения долга или своего обещания («гири»).[1] К тому же японцев с детства приучают не причинять неудобство другому. Именно эта черта национального характера создала их имидж — организованные, пунктуальные, обязательные и умеющие быть хозяином своего слова.

В-четвертых, признание необходимости учета взаимосвязанности и взаимообусловленности окружающего мира является важной предпосылкой устойчи-

[1] «Гири» — это некая моральная необходимость, заставляющая японца делать что-то порой против собственного желания или вопреки собственной выгоде, но в интересах общества, семьи, фирмы (См.: Овчинников В.В. Ветка сакуры. — М., 1990. — С. 71).

вого экономического развития, а также активного взаимодействия различных культур. Эта идея основана как на христианской, так и на еще более ранней, восточной максиме о том, что доброжелательность людей должна возмещаться доброжелательностью. Такое понимание мира выстраивает не только вертикальные, но и горизонтальные отношения между людьми и распространяется как на корпоративные, так и на общественные отношения. Современные восточные производственные сети во многом основаны на взаимоотношениях, которые характерны для социальных сетей восточного же общества.

Приведенные соображения о взаимодействии западной и восточных культур во многом объясняют характерные черты и специфику генезиса и социодинамики государств Восточной Азии в конце XX— начале XXI вв. Особенности экономического развития рассматриваемых стран, как известно, получили название «азиатского чуда». Однако ключом к их разгадке являются не только факторы собственно экономического порядка, но и то, что они сопровождались и сопровождаются постоянными процессами трансформации и взаимного восприятия западной и азиатской культур.

В результате всего этого синтезировалась новейшая культура Восточно-Азиатского региона, которую С. Хантингтон и другие исследователи определяют как комплекс современных «азиатских ценностей».[1] Они представляют собой сочетание традиционных культурных представлений (корни которых уходят к основным религиозным течениям Востока) с современными, в т.ч. западными формами рыночных и иных отношений на базе тех или иных национальных идей и принципов. Возможность совмещения различных культурных традиций, творческого использования их в современных условиях породила в результате значительный экономический рост и подъем Восточно-Азиатского региона, что, соответственно, повлекло за собой качественное улучшение условий жизни и труда, вывело эти страны на иной экономический и политический уровень, повысило роль и авторитет в мировом сообществе. Указанное культурное взаимодействие отражает способность соответствующих государств, наций или этносов уловить ведущий вектор мирового развития, который определяет глобализационные тенденции, охватившие многие сферы деятельности человеческого общества.

Понятно, что в каждой стране Восточно-Азиатского региона есть свои значительные цивилизационно-культурные и политические особенности развития. Их следует учитывать при изучении генезиса рассматриваемых обществ. Так, например, в политической культуре Китая важную роль играет конфуцианская традиция авторитарного и ответственного правления, преломляемая современными ценностями «рыночного социализма». В небольшом Сингапуре была с успехом использована стратегия эффективного (честного и прозрачного) управления, сделавшего акцент на развитии экспортных вариантов производства качественных и относительно дешевых радиоэлектронных товаров. В Японии широко используются последствия феномена многовековой закрытости этого общества и умения населения страны приспосабливать к ее интересам достижения мировой цивилизации и т.д.

[1] **Huntington S.** The «Asian Miracle» and the «Asian Values» // htpp://www.csic.org/

Выдающийся деятель японской культуры Акутагава Рюноскэ в своих произведениях, на наш взгляд, очень точно и образно показал, что искусство творчески применять и приспосабливать зарубежный опыт именно к своим, национальным ценностям, является ключом к пониманию успехов в развитии японского общества. «Издалека в нашу страну (Японию) пришли идеи Конфуция, Мэн-Цзы, Чжуан-Цзы и других выдающихся китайских мыслителей, — писал он. — Мудрецы Китая, кроме учения дао, принесли шелка, яшму и нечто более благородное и чудесное, чем яшма, — иероглифы. И ведь не иероглифы подчинили нас, а мы подчинили себе иероглифы. Не то наш язык мог бы стать китайским. Но мы одержали победу не только над иероглифами. Наше дыхание, как морской ветер, смягчило даже учение Конфуция и учение Лао-Цзы. Будду постигла такая же судьба. Наша сила не в том, чтобы разрушать. Она в том, чтобы переделывать».

Первые шаги по пути формирования планетарной цивилизации показывают, что этот процесс менее всего похож на механическое слияние различных локальных цивилизаций, их развитие по западным образцам. Это необычайно сложное и противоречивое явление, зримые вехи которого теряются в третьем тысячелетии. Сегодня наиболее очевидное его проявление — «мягкое» усвоение или применение обществами «Востока» и «Юга» технологии, политических, экономических и культурных форм, выработанных в лоне Западной цивилизации, но без механического переноса чужеродных ценностей или принципов в солидаристские восточные культуры. С другой стороны, все более заметным становится возрастающее значение для Запада и других регионов продуктов культурного и социально-экономического развития восточных обществ. На Востоке некоторые традиционные цивилизации (Япония, Китай, новые индустриальные страны Дальнего Востока и др.) вступили или вступают в новый период развития, доминантой которого выступает «традиционалистско-техноэкспортная» направленность бытия. Тем самым можно сформулировать закономерный вывод о том, что у разных цивилизаций могут быть общие или сходные технологические основы, но различные системы ценностей.

Так, для США одной из важнейших национальных проблем является сегодня «восточный вызов», суть которого — явное превосходство вторгающихся в экономику иных способов хозяйственной деятельности, выросших из соединения западной технологии с социокультурными традициями Японии и других стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Усилился потенциал арабо-исламской цивилизации и центростремительные тенденции ее развития, обострились геополитические противоречия между США и арабским миром.

Следует обратить особое внимание на возрастающую роль Азии в мире в целом и для Запада в частности.

> *М. Тэтчер:* «Азия — самый большой континент, на который приходится треть всей суши и более половины населения Земли. Роль ее постоянно растет и, я уверена, будет расти и в будущем».[1]

[1] **Тэтчер М.** Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / пер. с англ. — М.: Альпина паблишер, 2003. — С. 137.

Население Азии продолжает бурно расти, в то время как население Запада в целом не увеличивается. На долю стран Азии уже приходится более половины численности населения планеты (3,7 млрд человек). К 2050 г., по некоторым прогнозам, число жителей азиатского макрорегиона должно вырасти до 5,2 млрд человек, тогда как население всего Земного шара не превысит 9 млрд человек. В условиях постоянного экономического и технологического роста, мобильных капиталов растущее население будет означать колоссальные трудовые ресурсы и огромный, динамичный рынок. Характерно, что в Азии (и даже в Африке) по примеру европейских стран, перешедших на единую валюту (евро), также обсуждается вопрос о возможности в некоторой перспективе создать азиатскую общерегиональную денежную единицу. В качестве первого шага в этом направлении предполагается, что правительства азиатских государств начнут выпускать облигации в местных валютах (или в специальных единицах, созданных на основе корзины местных валют). Осуществление облигационной инициативы сможет перенаправить долгосрочные инвестиции в этот регион. Азиатские облигации могут стать реальной альтернативой европейским и, главное, американским облигациям. Выпуск паназиатских ценных бумаг будет происходить не в долларах, а в новых, пока виртуальных деньгах — «единице корзины азиатских валют». В дальнейшем, как это случилось в Европе, она может стать основой единой валюты региона.

Далее, в Азии расположены четыре ключевых государства, от перспектив развития которых будет зависеть как этот макрорегион, так и судьбы ближайших цивилизаций. Прежде всего речь идет о Китае—крупнейшем и мощнейшем государстве региона, становящемся активным участником глобальной, межцивилизационной игры. О многом заставляет подумать выход Китая в начале XXI в. на второе место в мире по производству промышленной продукции, на третье — по масштабу рынка торговли через Интернет в странах СВА, освоение им космического пространства. Традиционно сильные технологические позиции занимает Япония, вышедшая на третье место в мире по объему экономического производства. Индия — сопоставимая с Китаем страна, население которой превысило 1 млрд человек, также стала ядерной державой и все активнее развивает свою электронную и военно-космическую промышленность. Наконец, Индонезия, чье население превысило 200 млн человек, является крупнейшей в мире мусульманской страной с большими потенциальными возможностями влияния на Востоке.

Заметно, что «азиатские ценности» приобретают возрастающее значение, они играют важную, стабилизирующую роль, собственно, не только на Востоке. Многие представители восточных стран утверждают, что определенные ценностные принципы этого макрорегиона имеют глобальное значение. Среди них: важная роль семейных уз, чувство ответственности, установки на бережливость, осторожность в действиях, ориентация на собственные культурные образцы и др. Например, известный политический деятель Малайзии Махатир Мохамад заявлял, что «азиатские ценности являются действительно универсальными, представители Запада неоднократно пользовались ими».[1]

[1] New Straits Times. — 1997. — 4 Sept.

В странах Востока, где преобладают мощные духовно-религиозные системы и течения: буддизм, индуизм, ислам, конфуцианство, синтоизм и др., были свои особенности в развитии потребностей и способностей человека, его знаний и навыков, мотивационного механизма. Здесь индивидуальные склонности, способности и интересы, личные свободы играли подчиненную, второстепенную роль, на первый план выдвигались интересы государства, коллектива, рода, крепче был институт семьи. Последние десятилетия на Востоке формируется и гражданское общество в современном его понимании, но здесь оно приобретает своеобразные традиционистские черты.

Целесообразно обратить внимание на значительную эмиграцию азиатского населения в страны Запада, создающего обширные районы новых этносов, религий и ценностей. С одной стороны, это ведет к взаимопроникновению различных культур, с другой — создает весьма серьезные этнические проблемы на Западе по мере увеличения в них представителей восточных цивилизаций. Применительно к Западу может возникнуть эффект его «обратной этнической колонизации» со стороны Востока.

Высокую оценку ценностного ареала восточных культур для успешного экономического развития неоднократно давала бывший премьер-министр Великобритании, баронесса М. Тэтчер. Она убедительно показала в своей книге, что анализ развития стран Дальнего Востока совершенно очевидно раскрывает «значение культуры как компонента экономического успеха и фактора, влияющего на социальные и политические институты».[1] Вместе с тем понятно, что «азиатские ценности» и специфика азиатских авторитарных режимов не должны использоваться в качестве своеобразного оправдания нарушений прав человека, на что неоднократно обращали внимание многие представители Запада.

Сингапурский ученый М. Кишор в своей популярной во многих странах Юго-Восточной Азии книге предложил ряд правил культурного мышления и поведения для жителей развивающихся стран на рубеже XXI в. И хотя некоторые из этих принципов спорны, в целом их анализ будет полезен для многих интересующихся данной проблематикой. М. Кишор предлагает следующие принципы: 1) стоит винить за провал своей страны только самих себя; 2) необходимо признать, что коррупция — основополагающая причина провалов в развитии большинства стран; 3) перестать залезать в долги развитым странам; 4) не изобретать заново колесо и не быть заложником изживших себя идеологий; 5) обратить особое внимание на идеи Адама Смита о производительном труде, богатстве и накоплении; 6) отказаться от проведения форумов Север — Юг и от всех теорий развития; 7) верить в то, что развивающийся мир может приблизиться к социально-экономическим достижениям Европы и др.[2]

Страны Востока все большее внимание уделяют освоению достижений научно-технической и технологической революции для ускоренной модернизации своих обществ в рамках сложившейся системы ценностей, а также в целях усиле-

[1] **Тэтчер М.** Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / пер. с англ. — М.: Альпина паблишер, 2003. — С. 140.

[2] **Manbubani Kishore.** Can Asians Think?.....Singapure, Kuala Lumpur, 1998. — P. 159-160.

ния их конкурентоспособности в глобальном мире (например, о. Тайвань стал пятой страной в мире по производству микропроцессоров). В Республике Корея, Японии, о. Тайвань и Сингапуре на научные исследования и прикладные технологические разработки расходуется не менее 3% валового национального продукта. Президент о. Тайвань Чэнь Шуйбянь высказал следующую мысль: «Используя энергию движения человечества в сторону духовного потребления и задействовав находящуюся в нашем распоряжении технологию аппаратного и программного обеспечения, применяющуюся в информационной индустрии, мы должны сотрудничать с технологически развитыми странами, для того чтобы ускорить развитие исследований в области виртуальной реальности и продвинуть на рынок соответствующие продукты потребления. Таким образом, мы сможем продвинуть всю тайваньскую экономику к информационному и интеллектуальному типу экономики, основанному на духовном и виртуальном потреблении».[1]

С другой стороны, следует учитывать зависимость ряда стран Дальнего Востока от конъюнктуры мирового рынка, массированных зарубежных инъекций, технологических прорывов и научных достижений стран Запада. Особую опасность для этого «открытого, рыночного» макрорегиона (впрочем, как и для некоторых иных) имели и имеют последствия всемирной либерализации рынков капитала. В таких условиях создаются благоприятные условия для сверхбыстрого «ухода» миллиардных потоков «горячих денег» из экономики соответствующих стран. Если этот процесс не регулируется в должной степени государством, то он может привести (и приводит) к девальвации национальной валюты, падению инвестиций и потребления, разорению многих производителей, глубокому экономическому и социальному кризису. Именно так и произошло в конце 1990-х гг. с рядом государств Дальнего Востока (Таиландом, Республикой Корея и др.), максимально либерализовавших свои финансовые рынки и рынки капиталов. Те же государства, которые в меньшей степени были восприимчивы к «капризам» всемирного либерализованного рынка капиталов (Китай), соответственно, смогли защитить свои национальные финансово-экономические ресурсы.

В целом пока речь идет лишь об успешном «догоняющем развитии» Запада рядом государств Азии. «Сможет ли Восток перехватить лидирующую роль в мире к середине XXI в.?» — вопрос весьма проблематичный. Борьба в информационную эпоху, кроме всего прочего, перемещается в область преодоления разрыва в знаниях и технологиях.

Страны АСЕАН представляют собой в целом своеобразный архипелаг стабильности и относительного процветания. Если эта магия распространится и на другие, соседние государства, то они только выиграют.

Интересен пример Сингапура для решения проблем перенаселенной планеты. В условиях этой крошечной и самой перенаселенной страны в мире (4 тыс. 630 человек на 1 км^2) удалось достичь высокого уровня жизни. Если жизненные (культурные) стандарты сингапурцев «перенести» на другие страны, то все человечество, в принципе, по некоторым подсчетам, может обойтись территорией Южной Африки. Опыт сингапурцев следует рассматривать прежде всего с эко-

[1] Чэнь Шуйбянь. Сын Тайваня. — С. 252.

логической точки зрения, требующей введения разумных жизненных стандартов и достижения экологического равновесия между социумом и окружающей его природой. «Чудо» Сингапура во многом стало возможным «благодаря трудолюбию и самоотречению местных жителей, а также суровости законодательной машины».[1]

Рассмотренная совокупность факторов свидетельствует в пользу прогнозов о том, что центром формирующейся планетарной цивилизации при сохраняющихся тенденциях развития может стать колоссальный бассейн Тихого океана. В его акватории ныне проживает более половины человечества, объединяемой в мощных государственных и межгосударственных образованиях, великих цивилизациях и культурах.

2. Дихотомии «Восток — Запад»

Без «погружения» человека в соответствующую культурно-цивилизационную среду и ее анализа представления о политико-культурных ценностях и ориентациях данного индивидуума будут поверхностными; мы не сможем понять природу социокультурных мотивов политического поведения и деятельности личности. В целом исследование типологических (в т.ч. цивилизационных) основ политической культуры позволяет добиваться более глубокого понимания сущности политических процессов, определения вероятной направленности и перспектив политического развития общества.

Одну из первых попыток сведения воедино тех качественных (ценностных) характеристик Востока и Запада, которые выделялись в разные периоды и разными авторами, предпринял известный российский востоковед, профессор Б.С. Ерасов.[2]

Идеальная дихотомия «Запад — Восток»

Социально-экономические характеристики. Запад — развитый, урбанизированный, индустриальный; Восток — отсталый, сельский, аграрный. На Западе — производство как базис (капитал); на Востоке — распределение как базис («реципроксное» общество).

Тип и структура социальности. В работах многих ученых часто используются базовые дихотомные критерии в рассмотрении социокультурных типов, большей частью совпадающих и с дихотомным делением на Запад и Восток как общецивилизационных типов. В этой связи представляет интерес Их социальная типология (на основе классификационных подходов индийского ученого Р. Пандея и др.).[3]

[1] Pulse. — 2003. — № 13. — С. 14.

[2] Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / под ред. Б.С. Ерасова. — М: Аспект-Пресс, 1999.

[3] **Pandey R.** Sociology of Development. — Delhi, 1985. — P. 293-294.

Классификация дихотомических подходов

Автор	Ранняя стадия	Поздняя стадия
О. Конт	Теологическое общество	Позитивистское общество
Г. Спенсер	Теологическо-милитаристское общество	Индустриально-мирное общество
Г.С. Мэйн	Статусное общество	Контрактное общество
Г. Парк	Священное общество	Секулярное
К. Маркс	Феодальное общество	Буржуазное индустриальное
Э. Дюркгейм	Механическая солидарность	Органическая солидарность
Т. Парсонс	Аскриптивная солидарность	Функциональная солидарность
Р. Редфилд	Народное общество	Городское общество
Ч. Кули	Первичные группы	Вторичные группы
Г. Сьеберг	Доиндустриальное общество	Индустриальное общество
Р. Дьюи	Деревенское общество	Городское общество
Г. Фуггит	Деревня	Город
Ф. Риггс	Аграрное общество, священное	Индустриальное, секулярное
Г. Беккер, П. Мейер	Племена	Горожане
Д. Лернер, М. Леви, Б. Хозелиц и др.	Традиции	Современность
Э. Гидденс, Д. Ритцер	Сельскохозяйственное общество	Индустриальное, постиндустриальное, (информационное) общество
Э. Тоффлер и др.	Первая волна	Вторая и третья волны

Политические характеристики

Запад — гражданский, демократический; Восток — патриархальный, авторитарный. Запад — рыночные и правовые отношения, выделение личности, пользующейся правами и свободами. Восток—межличностные (коммунальные, коммунитарные, общинные, аскриптивные) отношения, нормативный контроль через религию, традиции, авторитарное государство. На Востоке популярна идея гармонии человека и мира. Восточному человеку свойственно пассивное, созерцательное отношение к миру, но одновременно и активность духа, сознания. Для классического Запада была характерна классовая дифференциация. Личность отличается активной жизненной позицией, причем мужское начало явно превалирует в общественных отношениях. Характерная особенность мира—направленность системы вовне, ее «центробежный» характер. Здесь ценность представляют идеалы свободы, демократии, гражданского общества, всегда

поддерживается стремление выделиться, превзойти других, царит дух соревнования, соперничества, расцветает индивидуализм. Для Востока более характерны родоплеменные, сословные, клановые, этнические отношения. Если на Западе распространен ярко выраженный антропологизм, человек признается не столько мерой, сколько «хозяином» всех вещей, то на Востоке приоритет больше отдается коллективу и коллективному существованию человека, его гармонии с природой. На Западе была принята идеология насилия над природой, которая меняется с большим трудом. Особенностью восточных обществ является направленность системы вовнутрь, ее «центростремительный» характер, общинно-кланово-групповая ориентация.

Культурные характеристики, ментальность обществ Запада и Востока

Запад	Восток
Материализм	Духовность
Секуляризованный	Религиозный
Реализм / Прагматизм	Идеализм
Объективизм	Субъективизм
Плюрализм	Монизм
Рациональность	Интуитивность
Разум (Логос)	Путь (Дао)
Динамизм / Развитие /Движение	Инертность / Стабильность
Прогресс	Застой / Косность
Искусственность	Естественность
Покорение природы	Адаптация к природе
Право	Мораль
Научность	Сакральное знание
Свобода	Порядок
Равенство	Подчинение
Воля	Фатализм
Индивидуализм	Подавление личности
Антропоцентризм	Теоцентризм

Исторические и хронологические характеристики

Запад — историзм, линейное время; Восток — застойность / неисторизм, циклическое время. В соответствии с представленной конструкцией западному обществу свойственны открытость, тенденция к изменению первоначальной структуры, революционный темп развития. Важную роль при этом играет линейный фактор времени, т.е. восприятие его через прошлое, настоящее и будущее. Для европейского мышления характерна историчность восприятия времени. Восток отличается стремлением сохранить микро- и макрокосмос в тра-

диционно данном виде. Для восточного мира более характерен эволюционный путь развития. Для восточного мышления типично представление о том, что мир вечен, цикличен, движется по кругу.

Представленная развернутая схема-характеристика достаточно интересна и в определенной степени полезна как идеальное «разведение» западного и восточного общества. Вместе с тем, как любая идеальная дихотомия, она не может отразить все аспекты, особенности развития и соответствующие последующие изменения в обществах Запада и Востока за длительные исторические периоды времени.

Для восточных или «традиционных» (иногда их еще называют «космическими») цивилизаций характерна высокая степень зависимости от природных условий бытия. Другая их особенность— устойчивая связь индивида со своей социальной группой: сельской или городской общиной, этносом, сословием, а также с семьей. Групповая структура общества и место в ней человека определяют границу его жизненных возможностей. Нормы групповой ориентации оказывают существенное воздействие на мотивы, ориентации и ценности людей. Индивид в условиях этой цивилизации — это «группомерный человек». Устойчивое чувство зависимости человека от сил природы и от различий социально-сословного порядка и структур формирует одну из доминант функционирования этих цивилизаций.

Традиционным культурам, определяющим лицо Востока, присуще гармонизирующее видение человека и космоса, их нерасчлененность, онтологический натурализм. Парадокс: ненасильственное отношение к природе имело негативные последствия для судеб народов Востока, поскольку невыделенность человека из природы проектировалась на общество. Отсюда — отсутствие понятия «индивид», «личность»; человек— «песчинка» в природе и обществе. Отсюда, как следствие, насилие по отношению к человеку со стороны социума и государства.

Весьма интересным в этой связи представляется сравнительный (сопоставительный) анализ основных характеристик восточных цивилизаций и цивилизации Запада, учет содержательного расхождения ряда исходных («матричных») принципов западной и восточной культур в целом и политических в частности.

Ценностные доминанты и характеристики цивилизаций Востока и Запада (сопоставительный анализ идеальных типов)

Цивилизации Востока	Западная цивилизация
Характер связи «человек (личность) — общество» на Западе и Востоке	
Приоритет отдается обществу, коллективу и коллективному существованию человека. Автономия личности слаба. Закрытость общества (общин) от внешнего мира. Государство представляет собой всевластный институт, определяющий функ-	Ярко выраженный антропологизм. Человек формально признается мерой всех вещей. На первый план выдвигается индивидуальность, гражданин. Утверждается автономность личности и открытость общества. Государство хорошо постольку, по-

Цивилизации Востока	Западная цивилизация
ционирование общества и повседневную жизнь человека	скольку обеспечивает существование «атомизированного человека», гражданского общества
Социально-психологические установки	
Преобладает созерцательное отношение к миру. Более всего ценится уравновешенность, осмотрительность, гармония. Новое и старое должны уравновешиваться, распространен фатализм	Активное отношение к сущему, постоянная неудовлетворенность настоящим, склонность к постоянному поиску, уверенность в том, что новое будет лучше старого, распространен оптимизм
Специфика духовности как ценностного содержания сознания	
Консервативность сознания. Сохраняется вера в традиционные (традиционнейшие, тысячелетние!) духовно-нравственные ценности, акцент делается на то, что знания и наука в отрыве от духовно-нравственных качеств человека теряют гуманитарное содержание, доминирует принцип единения человека с природой	Торжествует рациональность, неуемное стремление к познанию и овладению миром, преобладает вера в науку и технику, в возможность и необходимость переустройства мира, отношение к природе выражается в установках на ее покорение и эксплуатацию
Характер развития социокультурной системы	
Эволюционная система развития, сохраняется относительная стабильность, устойчивость духовной основы общества, основные социокультурные системы демонстрируют способность к адаптации нового без разрушения прежних структур и связей, культурные традиции исключительно устойчивы. Особое значение традиционных (прежде всего семейных, клановых) ценностей в сфере труда и менеджмента	Быстрая, скачкообразная смена культур. Новое отрицает старое в самой сущности явлений и процессов культуры, основные компоненты социокультурной системы демонстрируют неспособность к адаптации нового без разрушения прежних структур и связей, культурные традиции могут «пресекаться» в течение одной смены поколений. Важная роль конкурентных, индивидуалистических принципов в сфере труда и менеджмента
Связь с мировым рынком и развитием	
Изначальная закрытость восточного общества. Понимание элитами этих обществ необходимости активного участия Востока во всемирном разделении труда и восприятии мирового опыта в связи с возникновением	Имманентная ориентация западного общества на расширение сфер влияния, начиная с крестовых походов и эпохи колониализма. Устойчивая экспансионистская тенденция в развитии политики, экономики и куль-

Цивилизации Востока	Западная цивилизация
мировой тенденции к постиндустриальному развитию (с 60-70-х гг. XX в.) и развитием глобализации, при сохранении национальных ценностей	туры Запада; географическое, геополитическое и, наконец, глобализационное расширение пределов своего воздействия на мировое развитие

Дихотомические схемы целесообразно дополнять соответствующим анализом. В них обычно не отражаются изменения в содержании культуры в разные периоды: Запад и Восток резко противопоставляются друг другу, по сути, со времен Древней Греции и Рима, хотя в эпоху эллинизма такого противостояния не было, как не было и этих терминов.

При компаративистском анализе культур и цивилизаций Запада и Востока желательно обращать особое внимание на феномен индустриального и даже постиндустриального развития восточных государств, ярко проявившийся в конце XX — начале XXI вв. Это особенно важно, поскольку во многих дихотомических схемах восточные общества как бы «застыли» в истории. Те особенности, которые исследователи обычно находят в культурах Востока, — их устойчивость, неподвижность, традиционализм — относятся в большей степени к доосевому периоду времени (по К. Ясперсу), т.е. 800-2000 гг. до н. э. Затем наблюдались периоды достаточно быстрого их развития (разумеется, уже на базе соответствующей цивилизационнои матрицы, социокультурных традиций и принципов). Ослабление и упадок восточных культур отмечается с 1500 г., когда Европа вступает в период индустриального развития и развернутой колониальной экспансии. Однако после достижения независимости (50-60-е гг. XX в.) и изменения расстановки сил в мировой политике ряд государств Востока, вступив на путь индустриализации (постиндустриализации) и активного освоения достижений научно-технической революции, показали невиданный ранее динамизм развития при сохранении своих базовых культурных доминант и ценностей.

В дихотомических схемах обычно не проглядывается роль внешних влияний и заимствований в культуре Запада, изобретений и открытий всемирного значения, сделанных на Востоке. Не видна также значимость производственной ориентации, внедрения принципов рационализма, научности и новаторства на Востоке.

Весьма существенно учитывать изменение влияния морского окружения на большинство стран Востока. В историческом прошлом это был фактор, способствовавший консервации их замкнутости и самобытности. В Новейшее время — важная и удобная (с экономической точки зрения) предпосылка их вхождения в мировой экономический рынок, активного участия в мировом разделении труда при сохранении ценностных основ национальной культуры.

По мере развития сами восточные культуры оказываются непохожими друг на друга в своем отношении к осевому времени, демонстрируя многообразие типов древних культур, поливариантность мирового политического и культурного развития.

Очевидно, что комплексная компаративистская теория цивилизационного развития должна отразить все многообразие социокультурной действительности и ее динамики.

В целом для социокультурного и политического развития цивилизаций Востока характерны следующие ценности и доминанты.

1. Преимущественно «подданническая» или «партисипаторно-подданническая» политическая культура участия.

2. Общность (семейная, клановая, профессиональная, этническая) — ведущий элемент политики.

3. Устойчивые традиции авторитаризма или (в последние десятилетия), формальной демократии.

4. Индивид, особенно в сельской местности, пока еще широко не приобщился к политике.

5. Древние восточные религии формируют тип скрытого политического участия и (или) фанатичного в экстремальных условиях.

6. Первостепенная роль национально-этнического фактора, традиционалистского сознания.

7. Устойчивость культурных и политических традиций.

8. Традиционно высокая роль харизматических политических лидеров.

9. Активизация деятельности политических партий и общественных движений, созданных на этнических, традиционалистских и коммуналистских принципах.

10. Резкий «разрыв» между элитами и массами, соответствующий политический менталитет.

11. Особая роль государства, его приоритеты над формирующимся гражданским обществом.

12. Преломление или наполнение западных политических институтов в условиях Востока традиционными ценностями и принципами.

13. Умение восточных обществ приспособить свои традиционные управленческие и трудовые ценности к условиям вхождения в постиндустриальный этап развития как составной части глобализирующегося мира.

Опыт стран Востока в последние десятилетия свидетельствует, что социокультурная система Запада сталкивается с «непроницаемостью» восточных культур, лишающей ее в этих странах органичности и устойчивости. Это, разумеется, не исключает тенденций проникновения западной культуры и широкого ее распространения. Но, несомненно, существуют объективные пределы такого распространения, а нередко динамика взаимодействия культур приводит к тому, что инородная культура сталкивается с нарастающим неприятием, ограничением и вытеснением.

?. *Характер восточного политического процесса*

Цивилизационный тип развития и соответствующий ему «совокупный человек» во многом предопределяют характер политического бытия, политического процесса. Ряд исследователей справедливо обращают внимание на это об-

стоятельство, пытаются в той или иной мере учитывать при изучении политических процессов на Востоке.

Политический процесс — это совокупная деятельность социальных общностей, общественных организаций и групп, отдельных лиц, преследующих определенные политические цели; в узком смысле — деятельность социальных субъектов по осуществлению политических решений. Политический процесс выступает в качестве функциональной характеристики политической жизни в целом, определяя исполнение субъектами власти своих специфических ролей и функций. Он выражает вполне определенную совокупность действий, осуществляемых субъектами, носителями и институтами власти по реализации своих прав и прерогатив в политической сфере.

Раскрывая содержание политики через реальные формы исполнения субъектами своих ролей и функций, политический процесс демонстрирует, как осуществление этих ролей воспроизводит или разрушает различные элементы политической системы, показывает поверхностные или глубинные ее изменения, переход от одного состояния к другому. Политический процесс раскрывает характер движения, социодинамики, эволюции политической системы, изменение ее состояний во времени и пространстве. Он представляет собой совокупность действий институализированных и неинституализированных политических субъектов по осуществлению своих основных функций в сфере власти, ведущих к изменению, развитию или распаду данной политической системы общества.

Анализируя содержание политического процесса, можно сказать, что он раскрывает в основном две фундаментальные формы политического волеизъявления граждан. Прежде всего это различные способы выражения и апробации рядовыми участниками политического процесса своих интересов в разнообразных видах (в участии в выборах, референдумах, членстве в политических партиях и т.д.), а также формы принятия и реализации управленческих решений, осуществляемых политическими лидерами и элитами.

В содержательном смысле политический процесс охватывает все реальные действия рядовых граждан и представителей элит, которые могут как поддерживать правящий режим, так и находиться к нему в оппозиции.

Политический процесс развертывается в рамках политической системы общества, в региональных и глобальных масштабах. Внутри общества политический процесс осуществляется на государственном уровне, в административно-территориальных районах, в городе и деревне; внутри различных наций, классов, социально-демографических групп, трудовых коллективов; в тех или иных политических партиях и общественных движениях. В политическом процессе взаимодействуют различные субъекты политики и факторы, в результате чего происходят изменения и преобразования в политической сфере общества.

В целом политический процесс представляет собой ход развития политических явлений, совокупность действий различных политических сил (субъектов политики), течений, добивающихся осуществления определенных политических целей; форму функционирования политической системы общества, эволюционирущей в пространстве и времени; один из общественных процессов, в отличие от правового, экономического и др.; обозначение конкретного с ко-

нечным результатом процесса определенного масштаба (революции, реформирования общества, формирования политической партии, движения, хода забастовки, избирательной кампании).

Американский политолог Л. Пай попытался сформулировать «синдром» политического процесса «незападного» типа, тем самым включив в единое поле исследования взаимодействующую: «цивилизация — человек — политика». Он справедливо обращал внимание на то, что в «незападных» обществах политическая сфера не отделена четко от сферы социальных и личных отношений. Многие важные структуры "незападной" политики носят общинный характер, и политическое поведение сильно окрашено соображениями общинной принадлежности».[1]

Основываясь на трудах ряда исследователей политики и культуры Востока, можно предложить ряд идеальных характеристик «восточного политического процесса». Для него характерно следующее:

1) на Востоке сфера политики не отделена резко от областей общественных и личных отношений;
2) политические партии стран Востока склонны претендовать на выражение мировоззрения и представляют образ жизни;
3) восточный политический процесс отличается важной ролью родовых и семейных кланов, клик, общинных связей и т.д.;
4) авторитарный характер многих политических структур и институтов предполагает, что их руководству принадлежит значительная свобода в определении стратегии и тактики политической деятельности и поведения;
5) оппозиционные партии и стремящиеся к власти элиты часто выступают под «революционными» лозунгами;
6) восточный политический процесс отличается значительными масштабами рекрутирования новых, неподготовленных элементов для исполнения политических ролей;
7) интенсивность и широта политической дискуссии в восточных обществах мало связаны с принятием политических решений;
8) отличительной чертой политического процесса на Востоке является высокая степень совмещения и взаимозависимости ролей: в нем невелика значимость явным образом организованных групп интересов, играющих функционально специализированные роли, в силу чего национальное руководство вынуждено апеллировать к недифференцированной общественности;
9) неструктурированный характер восточного политического процесса вынуждает лидеров придерживаться более определенных взглядов во внешней, а не во внутренней политике;
10) на Востоке эмоциональные и символические аспекты политики нередко оттесняют на второй план поиски решений конкретных вопросов и общих проблем;
11) в восточном политическом процессе особенно велика роль харизматических лидеров.

[1] **Pye Lucian W.** The Non-Western Political Process // Journal of Politics. — 1956. — № 3. — P. 469.

Введение в научный оборот понятия «восточный», или «незападный» политический процесс полезно тем, что оно предполагает сравнительный анализ политического бытия на Западе и Востоке, осмысление особенностей выражения человеческого фактора в политике. Как было показано, специфика политического процесса на Востоке вытекает прежде всего из особой роли общинных институтов и традиций, отличий в социальной структуре, в формирующемся гражданском обществе, в сильных, доминирующих позициях государства, особенностях политической культуры, менталитета людей и др.

4. Особенности управленческой культуры (опыт Японии)

Япония, пожалуй, первая страна Дальнего Востока, которая наиболее ярко показала эффективность творческого использования и умения приспосабливать мировые достижения и технологический опыт к условиям конкретного, весьма специфического общества в его национальных интересах.

При рассмотрении многих проблем развития дальневосточных обществ именно Япония обычно оказывается в центре внимания. Она также часто служит примером для сравнительного анализа культуры, управленческой этики, образа жизни, экономики и политики при сопоставлении стран и государств Запада и Востока.

Несмотря на ее небольшие размеры, Япония вполне может рассматриваться как одна из региональных цивилизаций Дальнего Востока. Эта страна испытала влияние китайско-конфуцианской традиции и выступает как периферийная часть зоны влияния конфуцианской цивилизации.

В своем развитии японская культура и цивилизация прошли определенные, своеобразные эволюционные этапы. Их целесообразно рассмотреть, во-первых, для того чтобы ознакомиться с сущностью этих феноменов и их современным состоянием; во-вторых, чтобы иметь возможность взглянуть на Японию через представление самих японцев об особенностях своего культурно-цивилизационного и политико-управленческого генезиса; в-третьих, для лучшего понимания роли японской ментальное™ и характера их социально-политической и психологической идентификации (идентичности).

Основные периоды в истории Японии'

Дземон — проживание первобытных охотников-собирателей, создание племенных союзов	8000-300 гг. до н. э.
Яеи — начало исторического развития собственно Японии	300 г. до н. э. — 300 г. н. э.
Ямато — клан правителей первого сложившегося государства, распространение буддизма, китайских иероглифов	300-593 гг. н. э.

[1] Япония // Норберт Хормут / пер. с нем. — М.: Аякс-Пресс, 2002. — С. 14-15.

Асука — буддизм становится государственной религией, основываются буддийские монастыри, вводится верховная власть императора, налоговая и школьная системы	593-710 гг.
Нара (первая столица государства — Нара, начало культурного расцвета)	710-794 гг.
Хэйан (столица переносится в Киото, освобождение из-под влияния Китая и Кореи)	794-1192 гг.
Камакура — выделение самураев в особое сословие, власть военно-феодальных правителей-сегунов	1192-1338 гг.
Муромати — распад централизованной власти, гражданские войны	1338-1573 гг.
Адзути-Момояма — создание нового централизованного государства	1573-1600 гг.
Эдо (Токугава) — укрепление централизованного государства, перенос столицы в Эдо (Токио), «закрытие» страны на въезд иностранцев и выезд японцев более чем на сто лет	1600-1868 гг.
Мэйдзи — реставрация Мэйдзи, свержение власти последнего сегуна дома Токугава и восстановление власти императора. Переименование г. Эдо в г. Токио («Восточная столица»)	1868-1912 гг.
Тайсе Сева — Первая мировая война, начало экономического подъема, Вторая мировая война, капитуляция, принятие 3 мая 1947 г. новой Конституции, модернизация страны	с 1912 г.

Территория Японии — 372 тыс. кв. км, численность населения — 127 млн человек, которое с этнической точки зрения представляет своеобразный монолит: 99,4% — японцы, остальные — корейцы, китайцы, американцы, айны (потомки древнего населения). Основные религии: синтоизм («путь богов» — культ умерших предков, природы, при котором природные явления могли стать божествами), буддизм в махаянской форме (акцент на праведную практическую, а не аскетическую жизнь), а также сильная этическая традиция конфуцианства.

Прагматичность, свойственная японцам, своеобразно отражается в их верованиях и духовных принципах. Так, синтоизм подчинен жизни, буддизм — смерти. Младенец входит в мир но синтоистскому обряду, а погребают усопших — по буддийскому. Период же между рождением и кончиной — собственно, ВС5

человеческая жизнь — определяется третьей, рационалистической основой, конфуцианством. Несмотря на формально существующий плюрализм в политике, экономике и идеологии, японское общество сильно сплочено, основывается на единой системе ценностей и национальных общинно-корпоративных традиций и отношений. В Японии, являющейся конституционной монархией, император — традиционный символ государства и единства японского народа. В государственном гимне Японии есть слова: «Правь император тысячу, восемь ли тысяч поколений, пока мох не украсит скалы, выросшие из щебня».

Японская цивилизация сформировалась в результате сложных и разновременных этнических контактов. Жизнь в постоянном ожидании стихийных разрушений, драгоценность малого количества пригодной для обработки земли сыграли свою роль в формировании психологии и эстетических взглядов японцев. Японская культура, в отличие от индийской и китайской культур, на рубеже Средних веков только рождалась, поэтому ей был присущ повышенный динамизм и особенная чуткость к восприятию чужеземных влияний. С XVII в. и до середины XIX в. Япония была практически закрыта для иностранцев (связи сохранялись только с Нидерландами и Китаем). В период этой изоляции сформировалось национальное своеобразие японского общества. И когда по прошествии нескольких веков перед миром, наконец, открылась традиционная богатейшая культура Японии, она оказала позитивное влияние на последующее развитие европейской живописи, театра и литературы.

После поражения во Второй мировой войне и оккупации страны американскими войсками Япония пошла по пути демилитаризации и демократизации. Особенности социокультурного и экономического развития Японии со второй половины XX в. состояли в том, что этой нацией и ее лидерами было осуществлено успешное поэтапное реформирование сообщества, в процессе которого имитировались европейские модернизационные процессы, инициировались соответствующие рыночные институты путем их органичного введения в японскую цивилизационную матрицу. Причем это осуществлялось с помощью «реставрации» традиционных форм организации, обычаев и т.п., которые переделывались при этом т.о., чтобы превратиться во вполне эквивалентные первичным образцам структуры, способные осуществлять вполне современные функции.[1]

В 80-е гг. XX в. в Японии началась структурная перестройка в направлении расширения внутреннего спроса, дальнейшего повышения роли сферы услуг и информатики в экономике, развития собственного научно-технического потенциала. Проводилась целенаправленная политика стимулирования ключевых отраслей промышленности. Особое внимание уделялось культуре управления,

[1] **Ильин М.В.** Политическая глобализация: институциональные изменения // Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития / под ред. М.С. Горбачева. — М.: Горбачев-Фонд, Альпина Паблишер, 2003. — С. 215-216.

макроэкономического регулирования. Были достигнуты: низкий уровень инфляции, высокая норма сбережений населения, созданы благоприятные условия инвестирования и др.[1] Важным элементом приспособления японской экономики к новым условиям стал перевод производственных мощностей обрабатывающей промышленности за границу — в страны с емкими рынками или с более дешевой рабочей силой и более благоприятными валютными курсами. Япония превратилась в крупнейшего в мире кредитора.

Можно спорить о том, произошло ли во второй половине XX в. изменение «ракурса японской цивилизации», о характере ее трансформации и ответах на вызовы «эпохи глобализации». Но выдающиеся успехи, достигнутые Японией в социально-экономическом развитии, не вызывают сомнений. Речь идет как о достижениях в научно-технической сфере, высоком уровне жизни (10-е место в мире по уровню доходов на душу населения — почти 27 тыс. долл. в год, выдающиеся показатели средней продолжительности жизни — 81 год), так и свершениях в сфере управления.[2]

Ныне на долю Японии приходится до 12% мирового промышленного производства, каждый четвертый созданный в мире автомобиль или телевизор, каждое второе торговое судно — японские. Важно заметить, что японцы не только хорошо, но и много работают. В Японии одна из самых высоких в мире продолжительность рабочего времени, составляющая 2088 ч в год (для сравнения в США — 1924 ч, а в ФРГ — только 1655 ч). Отпуск в Японии обычно длится не более, а иногда и менее одной недели. Валютный и экономический кризис конца 1990-х гг. в Азии показал определенную уязвимость японской экономики (да и других т.н. «новых индустриальных стран» Азиатско-Тихоокеанского региона) от уровня зарубежных капиталовложений и соотношения курса валют, снизил темпы ее экономического развития, но общее направление генезиса страны осталось в силе.

Современная Япония поражает своей многогранностью. Устремленность к современным технологиям уживается там с преданностью традициям и обычаям предков. В Японии порой достаточно сделать несколько шагов, чтобы оказаться в прошлом или будущем, на Западе или на Востоке. Так же многолика и японская культурная и политическая жизнь, в которой бережное пестование национальных традиций сочетается с возрастающим с каждым годом интересом к зарубежному искусству.

В мировом японоведении существенное внимание справедливо уделяется роли традиционной японской культуры в развитии общества. В зависимости от целей исследования упор в них может делаться на уникальность японского культурного феномена (гомогенность и корпоративность общества, устойчивость и продуктивность древнейших традиций). Далее обращается внимание на то, как на протяжении всей своей истории японцы усваивали элементы чужеземной культуры, приспосабливая их к устоявшимся традициям (например, буддий-

[1] Целищев И. Японская модель роста: сбережения, кредитование, инвестирование // Мировая экономика и международные отношения. — 2001. — № 6. — С. 87.

[2] Human Development Report. — N.-Y., 2002. — P. 190-193.

скую концепцию перерождения — к синтоистскому мировоззрению, конфуцианскую идею вассальной преданности — к клановому принципу верности предводителю в бусидо). Отмечается схожесть моральных принципов «сингаку» (авторы: Байган Исида (1685-1774 гг.) и Тоан Тэдзиа (1718-1786 гг.)), переведенных в практическую плоскость (бережливость, прилежность, самоценность труда и др.) с западной протестантской этикой. Много пишется о роли традиционных японских ценностей (лояльность, верность обязательствам, принципы чести и др.), закрепленных японским религиозным синкретизмом и выступающих важными культурологическими факторами в управлении обществом и государством. Исследуется также вклад японской культуры в мировую (театр кабуки, поэзия хайку, живопись укиеэ, икебана, бонсай, сухие сады, эстетика жилища и т.д.).

История показывает, что в Японии весьма консервативные по своей сути институты и явления общественной жизни при определенных условиях мягко наполняются новаторским и даже революционным содержанием. Причина этого заключается в том, что японское общество на протяжении веков выработало особый тип развития, основанный на сохранении исторической преемственности. Если на Западе новая ступень развития достигалась на основе отрицания предыдущей, то в Японии качественный скачок достигался на основе обновления традиций, а не их отрицания. Такой подход к собственному историческому наследию, вероятно, следует искать в многовековой практике культурного взаимодействия с цивилизационными центрами, по отношению к которым Япония занимала периферийное положение (Китай, США). Соседство с ними при отсутствии прямой политической зависимости поставило перед японцами проблему сохранения самобытности в условиях массированных культурных и технических заимствований и побудило выработать практику своеобразного соединения внешних по своему происхождению нововведений с местными условиями. Все это определило своеобразный характер взаимоотношений традиций и инноваций в японском генезисе вообще.

Можно указать на три основополагающих принципа функционирования японского общества, которые оказались вполне совместимыми с западной демократией и в то же время отражают особенности японского менталитета. Так, традиционная система отношений стремится обеспечить участие в принятии решений максимального числа членов 1руппы. Далее желательно, чтобы решения принимались на основе консенсуса всех ее членов. Главная цель — согласие. Таким эбразом, функциональность выступает как важная черта японского патернализма.

В этой связи можно упомянуть также японскую концепцию и политику «просвещенных национальных интересов», которые с точки зрения их авторов должны выражать и реализовывать общенациональные японские потребности. Концепция предполагает, что национальные интересы определяются интересами эбщества, а общество на основе достоверной информации участвует различными путями в политическом процессе и знает, куда оно движется. Просвещенные национальные интересы — это интересы, выражающие интересы всего общества, которое одновременно участвует в их формулировании и ставит общественные интересы выше частных или групповых интересов. Внешняя политика Японии также формируется с точки зрения национальных интересов

и строительства добрососедских отношений, в первую очередь с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Концепция «просвещенных национальных интересов» интересна тем, что она как бы аккумулирует базовые ценности японского общества и предлагает неуклонно реализовывать их (в толерантной форме) как во внутренней, так и во внешней политике.[1]

Важными ценностями для японского общества выступают традиция, преемственность, континуитет, корпоратизм. В их основе лежит восходящий к конфуцианству социально-психологический и этический стереотип «ва» («равновесие», «гармония»).

В основе ценностей управленческой культуры Японии лежит командно-коллективистский (или корпоративно-коллективистский) принцип, опосредуемый соответствующими нормами этих обществ. Однако коллективизм на Востоке обычно неотделим от иерархии. В книге, посвященной деловой культуре Японии, говорится о том, что «японская компания может быть сплоченной, но уж никак не демократичной. Приводные ремни, соединяющие руководителей и подчиненных, не разорвать. Информация следует сверху вниз и снизу вверх по вертикали в строгом соответствии с протоколом. Нельзя срезать углы и переходить дорожку. С появлением электронной почты в системе наметились... послабления, однако психология единства, нежелание выделяться и выпячивать себя по-прежнему незыблемы».[2]

Японские социальные системы можно определить как автономно распределенные иерархические связи. Вместе с тем они нередко связаны между собой и в этом смысле выступают как сетевые социальные системы, «которые распространились в японском обществе в виде "политических кругов", "предпринимательских кругов" и "академических кругов" и которым свойственны некоторые общие параметры и механизмы принятия решений».[3] Некоторые политологи и социологи полагают, что Японию можно рассматривать как своеобразную сетевую организацию.

Политическая и управленческая культура Японии не означает того, что нельзя выражать свое мнение. Речь идет о другом — о порядке его выражения, который устанавливается традицией и нормами.

Летом 2002 г. в центре Токио можно было наблюдать демонстрацию водителей грузовиков, медленно следовавших на своих машинах по городу и выступавших с требованиями не только повышения заработной платы, но и с критикой социальной политики императора, что, в принципе, по японским канонам нежелательно. Однако делалось все это в весьма

[1] Japan's Goals in the 21st Century. The Frontier Within: Individual Empowerment and Bettei Governance in the New Millennium. — Tokyo, 2000.

[2] **Кадзи Сахоко, Хама Торико, Райе Джонатан.** Эти странные японцы / пер. с англ. — М.: Эгмонт Россия Лтд., 2000. — С. 58.

[3] **Чугров СВ.** К вопросу о сочетании традиционализма и модернизма в современном японском мышлении // Политические институты на рубеже тысячелетия / отв. ред. К.Г. Холодковский. — Дубна: Феникс, 2001. — С. 368.

организованной форме, без нарушения потоков движения, на протяжении не более одного часа и спокойном отношении к акции как полицейских, так и всех остальных.

Многие исследователи справедливо обращают внимание на особенности японского (восточного) менеджмента, обусловившего многие достижения новых индустриальных стран Дальнего Востока. Один из известных западных менеджеров Д. Мерсер (руководитель британского отделения ИБМ) отмечал, что в Японии и других странах Востока был с успехом использован современный опыт управления, удачно соединенный с традициями и культурой восточных обществ. В его основе — отношения доверия между людьми по вертикали и по горизонтали, забота о подчиненных, хорошее знание психологии управления. Вообще эти принципы базируются на хорошо известной «теории Y» Д. Мак-Грегора и У. Оучи, в которой обосновывается положение о том, что если условия труда благоприятны и работники будут приобщены к управлению, то они будут стремиться к ответственности и творческому решению проблем.[1] Однако указанные принципы дают необходимый, особый эффект только в соответствующей культурной среде. Именно восточная трудовая этика и послужила основой для успешного менеджмента.

Д. Мерсер в своей работе представил два свода передовых принципов менеджмента[2]: 1) принципы, на основе которых построена управленческая деятельность многих японских и других восточных корпораций; 2) принципы, которые рекомендуются на далекую перспективу и прежде всего для западного общества. В «восточных принципах» максимально отражены командно-коллективистские начала и ценности.

Сравнительные характеристики принципов менеджмента: Восток—Запад

Командно-коллективистские принципы	Постмодернистские, индивидуалистские принципы
Глубокие убеждения работников и покупателей фермы в совместных этических ценностях	Сильная вера в индивидуальные качества личности
Политика пожизненного найма	Единый стиль работников, демократизм общения
Обогащение работ (возможность перемены работ)	Приглашение высочайших специалистов

[1] **Браун Дж., Куол У.** Эффективный менеджмент на радио и телевидении : в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. — М.: Мир, 2001. — С. 90-94.

[2] **Mercer D.** IBM: How The World's Most Successful Corporation is Managed. — L., 1987. — P. 18-32.

Командно-коллективистские принципы	Постмодернистские, индивидуалистские принципы
Личные стимулы к труду	Продолжительное обучение, постоянное повышение квалификации
Неспециализированная карьера. Передвижение работника в соответствии с его умением, опытом, желаниями	Делегирование максимальной ответственности на нижние этажи управления и деятельности
Личное участие работника в процессе принятия решений	Поощрение разногласий при принятии решений. Выявление позиций и лишь затем принятие решений
Неявный контроль за работой, в основе которого поиск причин ошибок, а не их фиксация	Опрос общественного мнения (работников) о деятельности управленцев
«Выращивание» устойчивой культуры труда и взаимоотношений, характерных для данной корпорации	Развитие горизонтальных связей, создание конкурирующих групп молодых специалистов
Холистический (семейно-патерналистский) подход к работнику	Один раз в два года пытаться видоизменять систему управления

Разумеется, оптимальный (идеальный) вариант руководства — творческое сочетание предложенных принципов для использования их в соответствующей социально-культурной среде. Но все дело в том, что существующие в обществе культурные ценности как бы задают соответствующие принципы управления.

Вообще в японском стиле управления не принято открыто (или тем более в резкой форме) обвинять человека в том, что он ошибается. Обычно ищется деликатная форма воздействия на сознание нарушителя. Далее он должен сам осознать, что нарушил какое-то правило. Наконец, нарушитель должен сам выбрать путь устранения конфликтной ситуации, сохраняя при этом свои достоинство, честь и уважение в коллективе, семье и т.д.

Большинство авторитетных специалистов соглашаются с тем, что корпорации, как и нации, имеют свою культуру, состоящую из комплекса взаимодействующих факторов, включающих опыт прошлого и настоящего, структурные характеристики и взгляды руководителей. Американский исследователь Б. Танстолл определял культуру как комплекс разделяемых членами компании мнений, эталонов поведения, настроений, символов, отношений и способов ведения бизнеса, обусловливающих индивидуальность компании в большей степени, чем выпускаемая ею продукция. Уникальность культуры заключается в том, что

она обеспечивает достижение желаемого будущего компании, является достоянием системы ее внутренних ценностей.[1]

К системе ценностей относятся основные философские положения и идеи, принятые в компании. Они являются ядром корпоративной культуры. Ценности определяют направление деятельности работающих, обеспечивающее достижение успеха, и устанавливают стандарты достижений внутри организаций. Причем ценности, как правило, передаются не столько путем формальных письменных процедур, сколько с помощью неформальных методов: историй, мифов, легенд, метафор и др. В мире распространено мнение, что японцы — более искусные мастера, чем другие народы, но главное отличие их в том, что они свое мастерство направляют на практические и функциональные цели.

Особенность социально-психологического (культурологического) японского подхода к развитию определяется словами «вакон есай», что можно перевести как «взять новейшие знания, выработанные иностранцами, но не позволить им пошатнуть основы японского образа жизни и мышления». Ведь по сути на сверхсовременных по технологическому оснащению корпорациях воссозданы модифицированные японские общинные порядки. Неслучайно менеджеры несут ответственность именно за сохранение этой общинной жизни. В сказанном — преимущество и особенности японского подхода к социально-экономическим и психологическим проблемам, здесь же и его узкие места: сложности независимого, самостоятельного социально-политического поведения для индивида и группы, проблемы межпрофсоюзных, вообще любых межкорпорационных действий для трудящихся, интернациональных акций и т.д.

Японцам свойственна двойственность мировоззрения: спокойная адаптация к западному образу жизни и в то же самое время защита национальных ценностей и обычаев. В результате зачастую возникает ситуация, когда внешний рисунок поведения, облик, одежда заимствованы, а мотивация жизненных решений традиционна. На работе и в политике внешне японец может вести себя «по-европейски», но в деятельности основывается на системе традиционных ценностей. И только дома или во время путешествий он позволяет себе в полной мере быть самим собой. В противоположность неограниченному активному началу западной культуры в Японии издревле культивируется мудрость созерцания, ведущего к постижению законов внутреннего и внешнего мира человека. Для японца добродетелью является умение человека контролировать свои чувства и не показывать их внешнему миру. Поэтому улыбки по-японски—это улыбки, скрывающие истину.

Если европейская цивилизация отличается необыкновенной динамичностью, то японская — столь же удивительной устойчивостью, своеобразным консерватизмом. Может быть, именно поэтому в Японии спокойно и серьезно обсуждается проблема введения английского языка как второго официального языка в стране. В любом случае многие официальные документы рекомендуется переводить на английский язык для рассылки их через Интернет.[2]

[1] **Жизнин С.З., Крупное В.И.** Как стать бизнесменом: американский опыт. — М., 1990. — С. 47.

[2] **Арин О.А.** Стратегические контуры Восточной Азии в XXI веке. — М.: Альянс, 2001. — С. 70.

Японский пример «культурной модернизации» имеет существенное значение. Не отказ от своей культуры, а выбор стратегии развития, включающей приемлемое соотношение культур, становится условием модернизации. В этом смысле Япония, успешно осуществившая свое индустриальное и постиндустриальное развитие, продемонстрировала миру, что даже проникновение в страну западной массовой культуры необязательно подрывает основы культуры традиционной.[1]

Многие японские, южно-корейские и другие восточные компании отличаются сильной корпоративной культурой с богатой и сложной системой ценностей. Так, принятая в Японии система наемного труда в известной степени гарантирует квалифицированным рабочим крупных компаний и занятость, и постоянную прибавку к зарплате, увязанную с рабочим стажем и трудовым вкладом. Рабочий ощущает определенную заботу администрации о своих нуждах, какими бы эгоистическими мотивами она ни объяснялась. Привлекает его и осмысленный труд, и возможность повышать свою квалификацию, а также доверие администрации, передающей в руки рабочих контроль за качеством продукции и охотно воспринимающей их советы и предложения по совершенствованию производства.[2]

Так, например, в основу «отношений гармонии» между администрацией и рабочими на предприятии компании «Тойота» была положена концепция: «от колыбели до могилы с "Тойотой"». Этому способствует система пожизненного найма и обеспечения жильем — от общежитий для холостых рабочих до квартир молодоженам и продажи семейным сборных домов, производимых этой же компанией, что в условиях Японии имеет особое значение. Кредит для покупки дома также предоставляет компания, она же снабжает рабочих через кооперативы одеждой и продуктами питания «по разумным ценам». Все это наряду с предоставлением льготного медицинского обслуживания, а также заботой о свободном времени (спортивная организация, туризм и т.п.) достаточно крепко привязывает квалифицированных рабочих и служащих к компании. Высшая техническая школа компании подготавливает специалистов для своих заводов из детей рабочих и служащих, а курсы повышения квалификации обеспечивают переподготовку кадров и др.

Правда, в последние годы уже не все японские компании могут позволить себе обеспечить «пожизненный наем» работников. Вместе с тем и «заимствование действующей в американских корпорациях системы трудовых отношений, — как отмечают профессор Токийского университета Т. Мориаки и консультант по вопросам менеджмента К. Есинобу, — для японской почвы неприемлемо».[3] Культура японского метода управления трудовыми ресурсами состоит в воспитании высоких моральных качеств рабочих и служащих, соответствующей преданно-

[1] Япония 2000: тенденции развития. — М., 2000.

[2] В японской фирме «Тойота» на одного ее работника в конце XX в. в среднем приходилось до 35 рационализаторских предложений. Из них до 95% внедрялось в производство и управление (см.: Хьюдж Э., **Андерсон** А. Дух превосходного производства/ пер. с англ. — **М.,** 1988).

[3] **Мориаки Т., Есинобу К.** Формирование японского менеджмента будущего: потребность в новых лидерах для преодоления грозящего кризиса // Япония в конце XX века: экономика, социология, управление / под ред. А.И. Фурсова. — М.: ИНИОН РАН, 2002. — С. 82.

сти их своим фирмам, благодаря чему во многом достигается высокая производительность труда.[1] Эти принципы используются и в японской политике.

Обращает на себя внимание своеобразный японский (восточный) стиль руководства, делающий, в частности, ставку на командную игру. Представление об этом дает сопоставление типичных методов и критериев японского и американского руководства.

Сравнительный анализ методов японской и американской управленческой культуры

Методы и критерии	Япония	США
Определяющее качество руководителя	«Группизм», член команды	Ярко выраженная индивидуальность, «одинокий волк»
Отношения между персоналом	Поощряется взаимозависимость	Поощряется независимое поведение
Участие рабочих в делах компании	Максимальное	Минимальное
Критерии компетентности	Личность, специалист широкого профиля	Способность, талант, узкий специалист
Принятие решений	Снизу вверх, неторопливо, согласованно	Сверху вниз, быстро, индивидуально
Контакты между персоналом	Неформальные	Формальные, устные или письменные
Чувство принадлежности (лояльности)	Сильное	Слабое
Осуществление изменений	Постепенное, через отдельные исправления и улучшение, «методом массажа»	Решительное, полное, «хирургическое»
Критерий к продвижению	По старшинству	Личные заслуги

Один из ведущих японских специалистов по менеджменту Сеити Танабэ показал, что в соответствии с требованиями восточной культуры желательно культивировать следующие качества у работника:

[1] **Мориаки Т., Есинобу К.** Формирование японского менеджмента будущего. — С. 80.

1) воспитывать членов команды, чувство коллективизма. Организация — это соединение по вертикали и горизонтали. Надежность этого соединения зависит от знаний каждого члена коллектива. Но как бы ни были глубоки знания отдельного члена, если эти знания не воплощаются в коллективизме, то они являются мертвым капиталом;
2) использовать любое место для воспитания человека (через учебу, тренировку, заседания, корпоративную культуру и ее символику (гимн, флаг, приветствия и т.д.));
3) воспитывать импульс к познанию человека. Важно помочь людям найти импульс самообразования и любознательности: «Сравнивай, учись и догоняй»;
4) постоянно искать пути рациональной организации труда: «Работайте качественно втроем вместо пяти и получите вдвое больше»;
5) учитесь соединять гуманитарные знания с техническими.'

Рассмотренные принципы управления должны быть связаны с соответствующей социокультурной средой. Они хорошо работают, например, в Японии и ряде других восточных стран, поскольку естественны для их населения. Так, в японской морали существуют невидимые нити «признательности-долга» («он»), которые как бы задают ориентиры, нормы поведения людей.

Базовые японские моральные принципы

(четыре вида признательности — «он»)[2]

1. Признательность, верность долгу перед природой, родной землей.

2. Признательность родителям. «Верность долгу родителям — эквивалент воспитанности человека».

3. Признательность учителю. «Не смей наступать даже на тень учителя» («сенсея»).

4. Признательность фирме. «Благодарность старшим ("сэнпай") за работу».

В ряде работ по Японии обращается внимание на высокую социальную взаимообязательность людей этой страны в отношениях друг к другу и к обществу, их заботливость и особенно ответственность. Так, профессор Бок Зи Коу приводит в своей книге известную максиму: «У японца три обязательства перед государством: первое — защищать Родину, второе — участвовать в выборах, третье — платить налоги».[3] Мы бы добавили к ним и четвертый — выполнять свой долг перед компанией (фирмой).

Многие авторы дают высокую оценку профессионализму японской бюрократии, которая, по сути, правит страной. Политический курс Японии определяется бюрократией, разрабатывающей и предлагающей парламенту проекты законов и следящей после принятия этих законов за их исполнением. По словам ряда американских ученых, «Япония, в отличие от большинства других стран, обладает превосходной, хорошо подготовленной и неподкупной

[1] **Танабэ С.** Как решить проблемы и трудности менеджмента в 80-е годы. —Токио, 1980. — С. 186-189.

[2] **Сакаия Т.** Что такое Япония? / пер. с яп. — М., 1972. — С. 40-42.

[3] **Бок** Зи **Коу.** Экономика Японии. Какая она? — М.: Экономика, 2002. — С. 148.

государственной службой, играющей очень важную, если не сказать, образцовую, роль в обеспечении Японии позиции наиболее преуспевающей капиталистической страны».[1]

К важным принципам социальных отношений в Японии следует отнести понятие «ва», приблизительно переводимое на русский язык как «принцип гармонии». «Ва» ориентирует социальный организм на поддержание бесконфликтных отношений, неприятие оппозиционности, игнорирование и подавление мнения меньшинства. На практике такая установка реализуется через противопоставление общественно предписанных норм поведения и высказываемых взглядов («татэмаэ») и личной позиции индивида («хоннэ»). В жизни японского социального организма «хоннэ» имеет права ценности только для самооценки и самовосприятия личности, но в случае его расхождения с общественно признанным «татэмаэ» данной группы «хоннэ» индивидуума невозможно не только отстаивать, но даже высказывать. В силу этого предпочтение «татэмаэ» перед «хоннэ» ради поддержания общественной гармонии в традиционной японской культуре фактически ставит вне закона появление альтернативной позиции в социальных отношениях. Данный принцип ведет к конформизму, к согласию с устоявшимися взглядами и нормами поведения, с точкой зрения лидеров социальной группы, имеющих возможность формировать желательное для себя общественное мнение. С другой стороны, именно «хоннэ» позволяет оценить реальное положение дел в японском обществе. В последние годы японцы все больше позволяют себе (вне иностранцев) проявлять свое «хоннэ».

В социальных отношениях в Японии выделяется также система отношений «оябун — кобун», описываемая в европейских терминах как отношения «старший — младший». В правилах политической игры она означает, что ответственный политик (экономист и т.д.) обязан принадлежать определенной группе и начинать свою карьеру как ее младший член, подчиненный одному из ее руководителей того или иного звена. Преданное и результативное служение в этих правилах должно вознаграждаться политическим или карьерным ростом, и иные пути «кадровой политики» в частных фирмах рассматриваются как нарушение традиционных принципов.

Внесение новаций в политическую и управленческую культуру Японии происходит через появление и рост модернистских социально-политических объединений, повышение роли городской образованной молодежи в различных властных и общественных структурах. Среди них: городские профсоюзные движения, левоцентристские партии, экологические и антивоенные движения, объединения молодых предпринимателей и т.д.

В японской культуре особое значение придается пунктуальности, точности. Договорившись о встрече, японец непременно в срок, вплоть до минуты, появится на месте. На предельной ответственности во многом основана вся практика делового общения в Японии. Точность при ведении

[1] **Woronoff J.** The Japanese social crisis. — L. etc: Macmillan. — N.-Y.: St. Martin's press, 1997.— P. 83.

переговоров, будь то время их проведения или выполнение обещаний, — одна из важнейших черт японского бизнеса. Иностранец, впервые встретившись с японскими бизнесменами, бывает крайне удивлен медленным темпом деловых переговоров. Они начинаются с обсуждения вопросов, не имеющих никакого отношения к предмету встречи, и лишь через некоторое время японская сторона переходит к официальной теме. Чем серьезнее выдвинутые на повестку дня предложения, тем больше внимания уделяется малозначащим деталям. За этим кроется традиционное стремление создать соответствующую атмосферу переговоров, установить «отношения сотрудничества» для облегчения процесса принятия главного решения, когда все второстепенные вопросы, не вызывающие особых разногласий, будут улажены к взаимному удовлетворению сторон. Терпение в Японии считается одной из основных добродетелей, в т.ч. в политике и в бизнесе. Даже к самому факту встречи с возможными партнерами японцы относятся весьма серьезно, полагая, что он может иметь обязывающий характер. Поэтому они очень тщательно готовятся к переговорам и собирают всю необходимую информацию о другой стороне. В силу этого перед возможной встречей с японскими партнерами крайне желательно представить о себе как можно больше информации в печатном и электронном виде, причем лучше не на английском, а на японском языке.

Процесс принятия решения может затянуться, но зато реализуется оно, как правило, очень быстро. Не следует отчаиваться, что на это уходит много времени, и торопить японских партнеров с принятием решений. Приняв, наконец, решение, японец обязательно четко об этом скажет. Если конкретного ответа нет, значит, решение еще не принято. Если вы плохо поняли ответ, который дают вам японцы, лучше всего уточнить.

Целесообразно учитывать, что в основе развития японского характера лежат «амае» и чувство стыда. «Амае» зарождается как зависимость ребенка от матери. А затем пронизывает все ступени и уровни социальной структуры и культурной системы. Оно позволяет управлять многими формами общественного, экономического, политического и культурного поведения. «Амае» поощряет зависимость и безусловную лояльность по отношению ко всем, кто занимает более высокое положение, невзирая на его способности и характер. Каждый японец в соответствии с этим принципом должен терпеливо ждать того часа, когда его положительно оценят старшие. В силу этого нетерпение или стремление выделиться непринятыми (неодобренными) способами не одобряется.

Другой механизм контроля за социальным и политическим поведением японцев — высокоразвитое чувство стыда (сохранения достоинства, «лица», боязнь их потери). Каждый шаг японца, который может быть негативно оценен окружающими, особенно старшими, является для него потенциальным источником стыда, причем не только для него, но и для соответствующей социальной группы, членом которой он является. Лояльность по отношению к группе сильна так же, как и обязанность постоянно поддерживать престиж.

Японцы в политическом и деловом общении обычно уклоняются от жестких отрицательных ответов. Если они хотят ответить отрицательно, но не имеют веских аргументов, то говорят, что «это трудно», ссылаются на плохое самочувствие, ранее данные обещания и т.п. Сдержанность является нормой их поведения.

В вопросах религии и этики японцы проявляют величайшую терпимость. Почти все они исповедуют синтоизм, но при этом принадлежат к одной из многочисленных буддийских общин, а в деловой жизни во многом руководствуются принципами конфуцианства. В соответствии с рационалистическим пониманием принципов этих учений японцы ведут практичный образ жизни. При этом они не утрачивают надежду на обретение нирваны как следствия достойной жизни,труда и поведения.

Желание избегать открытого столкновения противоположных взглядов проявляется у японских политиков и бизнесменов и в практике принятия решений. Решения эти обычно представляют собой не результат чьей-то личной инициативы, а итог согласования мнений всех заинтересованных лиц — как бы общий знаменатель, найденный на основе взаимных уступок. При этом по нормам японской политической, и особенно деловой, этики главной добродетелью обладает не тот, кто твердо стоит на своем мнении (пусть даже будучи правым), а тот, кто проявляет готовность к компромиссу ради общего согласия. Многие исследователи японского образа жизни и культуры обращают внимание на то, что покорность воле старших и вышестоящих в какой-то мере подавляет в японцах личную инициативу, но рождает привычку мыслить и действовать сообща. Решение любого вопроса в японской конторе начинается с поисков прецедента. Обсудив на этой основе возможный курс действий, его выносят на одобрение вышестоящих и после его получения самоотверженно и «командно» работают над его реализацией.

Во время проведения деловой беседы важно иметь в виду, что в Японии слово «да» далеко не всегда означает действительное согласие. Это вытекает, во-первых, из-за грамматики японского языка: если ваш вопрос уже содержит отрицание («вы не хотите этого?»), т.е. имея в виду «нет, не хочу», ваш японский собеседник ответит «да». Во-вторых, японское «хай», обычно переводимое как «да», в ходе беседы употребляется довольно часто, но в смысле «так-так», «да-да», т.е. скорее для подтверждения того, что вас продолжают слушать. Кроме того, хотя в Японии считается похвальной умеренность и сдержанность в жестах и движениях, но тем не менее частое кивание головой в процессе разговора также скорее означает «я вас внимательно слушаю», чем «я согласен с вами». В-третьих, японцы традиционно стремятся не вступать в открытое противоречие с собеседником и не огорчать его, а потому избегают прямых ответов «нет».

Если японский бизнесмен хочет сказать «нет», он обычно говорит, что «это трудно». Хотя и в такой ситуации можно проявить не только настойчивость, но и изобретательность, зачастую «разговорить» партнера, в результате чего найти обоюдоприемлемый компромисс. В то же время словом «вакарима-сита», обычно переводимым как «я понимаю», ваш собеседник выражает гораздо большее — согласие с вами. Иногда, когда японцы хотят избежать категоричного

«нет», они задают контрвопрос, после чего считается нетактичным настаивать и добиваться своего, или переводят разговор на другую тему.[1]

Известный японский предприниматель Моримаса Огава (в прошлом — руководитель крупной корпорации «Мацусита Дэнки») разработал своеобразный алгоритм культуры лидерства и отношений к лидеру ведомых. По его мнению, отдельные качества лидера или их совокупность, приобретая нравственно-этическую оценку в глазах подчиненных, могут по-разному восприниматься ими. Вот почему так важно, чтобы ведомые были убеждены не только в правильности стратегии лидера, но и в том, что он помнит, заботится о них и помогает всем нижестоящим.

Основные способности лидера и впечатления ведомых

Ведущие способности лидера:

решительность, смелость, способность руководить, знания, способность понимать и принимать решения, способность убеждать и улаживать конфликты, бодрость, оптимизм и др.

Впечатления ведомых о лидере:

справедливый человек	пристрастный, помогает только любимцам
отзывчивый	холодный, злопамятный
с ним легко	своекорыстный и амбициозный
несвоекорыстный	эгоист
широкая душа, он открыт	непонятно, что у него на уме

Чувства, рождающиеся в душе ведомых:

может помочь	он нас только использует
может руководить	он нас угнетает
можно работать спокойно	из-за того, что он мой начальник, мне нет ходу
Доверие	Недоверие

М. Огава обращал особое внимание на необходимость руководства в соответствии с характером подчиненных. Он писал, что «обстоятельства, в которых приходится управлять, ежечасно меняются. И может так случиться, что однажды установленный план уже не будет соответствовать обстоятельствам. Но, с другой стороны, если из-за всяких мелочей сразу же менять план, то так можно потерять доверие подчиненных. Для того чтобы реагировать на это, и приведены противостоящие друг другу первое и второе условия. Которое из них применить — это решает лидер, но важно в любом случае относиться к подчиненным, как к партнерам».[2]

[1] **Сухарев В.А.** Этика и психология делового человека : Японцы. — М.: Фаир, 1997. — С. 172-174.

[2] **Огава М.** Практический менеджмент / пер. с яп. — М., 1990. — С. 178.

Условия лидерства и качества лидеров по отношению к людям
(по М, Огава)

Десять условий лидера для проведения в жизнь

1. Вера в себя и собственную философию.
2. Любить работу и получать удовольствие.
3. Иметь характер и чувство собственного достоинства.
4. Любить людей.
5. Строгость по отношению к работе.
6. Жизнерадостность и чувство юмора.
7. Мечты на будущее.
8. Здравый смысл и дальновидность.
9. Осознание собственного долга и постоянное повышение квалификации.
10. Разумная заботе о собственном здоровье.

Десять качеств лидера в отношении к людям

1. Доверять подчиненным, верить в их доброту.
2. Желать подчиненным успеха.
3. Говорить подчиненным правду.
4. Бывать на рабочих местах.
5. Делать, как советует «честное сердце».
6. Мыслить и с места подчиненного.
7. Искать положительные качества у сотрудников.
8. Побуждать подчиненных добиваться успеха.
9. Уважать достоинство людей.
10. Учиться у людей и быть им благодарным.

На особую роль лидеров в восточных культурах обращал внимание и известный сингапурский исследователь и политик, посол Сингапура в России и на Украине Марк Хонг. Он, обращая внимание в своей работе на необычайные успехи экономического и социального развития Сингапура за последние 35 лет,[1] во многом связывает их с умелым лидерством. По его мнению, на достижения Сингапура непосредственно повлияло то, что им управляла группа талантливых, честных и одаренных лидеров, обладающих проницательностью и верных идее благосостояния народа (премьер-министр Ли Кван Ю и др.). Им удалось создать стабильное правительство, нацеленное на развитие страны, установить партнерские отношения между правительством, деловыми кругами и трудящимися, правильно направлять развитие страны, обучать и развивать людей, быть честными и скромными, активно бороться с коррупцией.[2]

[1] С момента получения независимости в 1965 г. в стране десятилетиями держался рост экономики до 8% в год и ВВП на душу населения вырос с 500 долл. в 1965 г. до 28 тыс. долл. в 2000 г.

[2] **Марк Хонг.** Секреты успеха Сингапура: шесть статей. — М.: МГИМО, 2000. — С. 1-2.

Характерно, что в передовых концепциях менеджмента стратегия руководства всегда увязывается с «национальным человеческим фактором». Так, например, разработка стратегических концепций в «Мацусита Дэнки» предполагает практически на каждом ее этапе наличие необходимого уровня понимания и восприятия ее подчиненными. Далее перечислим этапы разработки и увязки курса лидера с отношением к ведомым: 1) разъяснение заданной цели и выдвижение концепции (стратегии); 2) выработка основного курса по осуществлению данной концепции; 3) последовательное доведение выбранного курса до сведения подчиненных; 4) выдвижение конкретных целей и укрепление единомыслия с подчиненными (создание сплоченной общности); 5) выработка плана, концентрирующего общие идеи (с опорой на подчиненных); 6) волевое, активное осуществление плана (с опорой на подчиненных).

Принципы, заложенные в основу отношений между лидером и ведомыми, действительно во многом предопределяют их качественную сторону. В этом смысле можно говорить о своеобразной философии лидерства и управления. Характерно, что во многих передовых корпорациях как Запада, так и Востока давно установлено положительное влияние на эффективность бизнеса соответствующих моральных и религиозных норм, которые в силу этого нашли существенное отражение в кодексах многих компаний.

«Японские принципы культуры управления» — это в известной мере не что иное, как воплощение в жизнь гуманитарного подхода к организации образования и воспитания молодежи, умелого духовного пробуждения в работниках чувства личного достоинства, фирменного патриотизма, опоры на национальные и нравственные традиции. Его стержнем является признание социальной ответственности, лежащей на управляющих: каждая компания вне зависимости от ее размеров должна иметь цели, отличные от получения прибыли, которые оправдают ее существование. Таковыми выступают гуманитарные цели. Гуманитарная развитость, как полагал Ф.М. Достоевский, отличает успешное освоение профессии. Она способствует благородному восприятию труда, обостряет в работнике моральную ответственность за достойное отношение к нему.

Итак, учет культурных и цивилизационных особенностей любого общества имеет существенное значение для понимания большинства аспектов его развития. Умение учитывать и использовать эти особенности в самых разнообразных сферах общества приобретает существенное практическое значение.

Японский пример «экономической и культурной модернизации» весьма интересен и полезен. Не отказ от своей культуры и цивилизации, а выбор стратегии развития, включающей приемлемое соотношение культур, становится условием модернизации и культурного прогресса. Опыт Японии свидетельствует о том, что позитивных результатов нельзя достичь, лишь копируя западные модели и игнорируя особенности собственной культуры и национальной психологии. Успех достигается в сочетании этих двух начал, а также при учете углубляющихся процессов глобализации, выработке умения защищать национальное социально-экономическое развитие от капризов и интервенций мирового валютного рынка.

Следовательно, проблема заключается не только в величине расходов на науку и новые технологии, но и в самой организации НИОКР, способности специалистов к инновационному творчеству. По существу перед Японией, да и другими народами Азии, стоит задача исторической важности: найти оптимальное соотношение между своими традициями общинное™ и солидарности, которые помогают поддерживать столь необходимую в переходный период стабильность, и индивидуализацией, стремлением человека к самовыражению, без чего затруднена творческая человеческая деятельность и инициатива. Инновационные прорывы обычно предполагают различные изменения в социальных и институциональных связях, «возмущение спокойствия», поиск нового и другие качества, соответствующие эпохе становления общества, основанного на знании.

5. *Этические принципы управления: сравнительный опыт США и Японии*

Особенности управленческой культуры **США**

Ценностям и принципам управленческой культуры придается большое значение как на Востоке, так и на Западе. В целях распространения идей и принципов нравственного бизнеса и управления в США в 70-е гг. XX в. был создан Исполнительный фонд по вопросам руководства, который возглавил Н. Макнаер. Одним из результатов его работы явилось составление и пропаганда своеобразного морального кодекса заповедей для бизнеса. С тех пор этот документ получил широкое признание как среди людей, занимающих руководящие посты в бизнесе, управлении, так и среди их ведомых. Ознакомление с данной философско-этической разработкой принципов отношений людей в процессе производства может быть полезным для всех интересующихся проблемами культуры управления. Широкая ценностная основа этих принципов делает их во многом универсальными и возможными для использования практически в любых социокультурных и цивилизационных средах.

Морально-этические заповеди для бизнеса и **управления**

1. *Относись с уважением к власти,* ибо во всем должен быть порядок. Власть— необходимое условие порядка в обществе. Любой человек должен уважать органы власти. Законы всех стран не могут базироваться на тех же представлениях о свободе и правах человека, которые заложены в Конституции США. Но бизнесмен, имея в этих странах деловые контакты, обязан уважать законы других стран и подчиняться им. Должное уважение к власти — важный элемент в структуре успешного предпринимательства. Проявлять уважение нужно на всех уровнях общества. Относиться с уважением только к своему начальнику или к равным по положению людям недостаточно, то же вправе требовать и подчиненные. Каждому служащему компании следует подчиняться ее моральному кодексу и руководствоваться им в своих действиях.

2. Будь целеустремленным, ибо для достижения поставленной цели надо сосредоточить на этом все свои усилия. Цель должна быть точно определена, по-

скольку «служение двум господам», как известно, не может привести ни к чему хорошему. Чтобы быть целеустремленным, бизнесмен должен уметь рационально использовать время, средства, талант. Честность бизнесмена — это целостность характера и чистота поставленной цели. Личные дела и моральные ценности бизнесмена не должны противоречить целям и ценностям той компании, которой он служит. Такое понимание честности в бизнесе поможет не скомпрометировать ни компанию, ни его самого. Плохая репутация бизнесмена или компании снижает эффективность деятельности и, соответственно, возможную прибыль. Цели, которые ставит перед собой компания, в свою очередь, не должны противоречить личным целям и моральным ценностям ее работников. Эти цели призваны удовлетворять обе стороны. Целям и интересам компании должна быть полностью подчинена ее организационная структура. Для каждого служащего должна быть определена сфера его деятельности и отражены ее предположительные результаты, за которые он несет ответственность. Служащий ответствен за гармоничное сочетание задач, которые ставит перед ним компания (график работы, деловые поездки), с интересами своей семьи. Разные нации имеют различные нравы и обычаи в бизнесе. В одной стране взятка будет рассматриваться как подарок, в другой — считаться взяткой. Но в любой стране обман — это обман. Поэтому не следует допускать двусмысленных ситуаций, ведущих к осложнениям. Каждый имеет право заниматься политикой. Но при одном условии: чтобы такие занятия не шли в ущерб компании. Компания может делать денежные отчисления на политические цели и в социальную сферу, но в рамках закона.

3. *Не разделяй слово и дело,* ибо эффективность делового общения определяется прежде всего тем, чтобы вас правильно поняли, верно истолковали ваши слова и они вызвали адекватную реакцию. Деловой человек считается деловым, если умеет держать слово, т.е. выполнять свои обещания и поручительства. Верность слову включает в себя и выполнение элементарных устных обязательств, и сложные, зафиксированные в контрактах договоренности. При деловом общении нельзя произвольно пользоваться значением слов. На переговорах предпочтительно обходиться словами с четко определенным смыслом, не имеющими разночтений. Речь делового человека не должна быть непонятна и тем более груба. Вульгарный язык вызывает у собеседника негативную реакцию, а также настороженное отношение к говорящему и, следовательно, к компании, которую тот представляет. Маркетинг и реклама должны точно отражать реальную ценность и природу продукции или оказываемых услуг. Переговоры и общение должны приносить пользу обеим договаривающимся сторонам. Цену следует назначать в зависимости от качества продукции или оказываемых услуг. Она должна также отражать реально меру затраченного труда. Продавцы, покупатели, служащие — это члены команды, которые честно оценивают продукцию и встречают в этом взаимопонимание. Ведение дел отражает лицо компании. Записи должны вестись систематически и аккуратно. Если после продажи возникают какие-либо проблемы, служащие должны быть готовы быстро их разрешить.

4. *Уделяй время отдыху и размышлениям о своей жизни,* ибо отдых — необходимое условие для творческой и эффективной работы. Отдых и восстановле-

ние сил защищают мозг от эмоциональной и умственной перегрузки. Прибыль, получаемая компанией, зависит не только от эффективного и творческого труда ее работников, но и от состояния их здоровья. Нормальный отдых и восстановление сил работников гарантируют компании высокий доход. Компания регулярно должна рассматривать потребности своих служащих, объективно оценивая их рабочую нагрузку. Выходные дни, перерывы, отпуска должны быть спланированы с учетом требований личности и эффективности работы компании. Только это обеспечит и продуктивность, и безопасность. Ответственность служащих включает в себя продуманность их действий в процессе работы. Время работы должно включать в себя время на планирование предстоящих дел, на реализацию индивидуальной активности и на размышления.

5. *Оказывай уважение старшим,* ибо будущее и настоящее базируются на прошлом; во всех областях человеческой жизни существует преемственность. Огромную роль в жизни каждого человека играют его родители, учителя и наставники. Их опыт и мудрость помогают нам избегать многих ошибок и лучше ориентироваться в жизни. Уроки прошлого помогают нам в нашем настоящем. Поэтому необходимо прислушиваться к советам опытных людей, относиться с уважением к культуре и традициям своей страны и всех других стран. Люди, обладающие деловым опытом, должны выступать в роли наставников молодых, демонстрируя свои знания и навыки в процессе работы. Возраст не является определяющим, поэтому недопустима дискриминация, основанная на возрасте.

6. *Уважай человеческую жизнь, человеческое достоинство и права человека,* ибо осознание ценности человеческой жизни, человеческой личности играет исключительно важную роль во всех сферах отношений между людьми — в семье, в компании, с сослуживцами, а также для мира в душе. Уважение человека, его личности вызывает у каждого чувство доверия и желание показать свои способности во всем блеске. Ценность человеческой жизни, бережное отношение к человеку — это основные составляющие в достижении высокой прибыли компании. Золотое правило: веди себя по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы вели себя другие по отношению к тебе. Бизнес приносит удовлетворение лишь тогда, когда продукция или оказываемые услуги сделаны на самом высоком уровне. Никогда нельзя игнорировать дефекты или недостатки продукции. Место человека в бизнесе определяется уровнем его мастерства, талантом, характером, компетентностью, опытом и его моральными ценностями. Злоупотребление алкоголем и наркотиками является медленным самоубийством и несовместимо с эффективностью работы.

7. *Будь постоянен в сексуальных отношениях и в браке,* ибо семья является фундаментом любого общества и любой культуры. История показывает, что лучшее время в развитии общества связано с крепкой семьей. В обществе одинаково уважаемыми являются и семейное положение, и одиночество. В семье равным уважением должны пользоваться и муж, и жена. Компания не имеет никакой власти над семьей, а крепкая семья и хорошие отношения в ней влияют на работу, следовательно, хорошая семья — это залог процветания компании. Личность должна стремиться к крепкой семье и должна быть ответственна за свой дом. Сексуальные отношения вне брака, даже если они не запрещены законом, являются неприемлемыми.

8. *Правильно рассчитывай свои средства,* ибо двумя основными отличительными чертами процветающего бизнесмена являются: а) оптимальное использование средств и ресурсов; б) мудрое руководство людьми. Оптимальное использование ресурсов и мудрое руководство людьми гарантируют эффективность работы компании и ее прибыль. Для того чтобы будущие поколения смогли жить достойно, необходимо разумно использовать ресурсы. Существует информация, которая не предназначена для публики, — это секреты технологии, расчеты и т.п., которая должна храниться сослуживцами в тайне. Собственность компании, ее имущество и принадлежащая ей информация не могут быть использованы служащими для достижения личной выгоды. Служащие должны быть компетентными специалистами, т.к. несут ответственность за принимаемые ими деловые решения. В компании не должно быть фаворитизма, все служащие оцениваются лишь по своим деловым качествам. Компания заинтересована в развитии личности, деловых способностей и компетентности каждого служащего. Получение взятки является самым крайним проявлением разделения интересов компании и служащего.

9. *Будь честен и правдив,* ибо хорошая репутация — это не только недопустимость нечестности и лжи, но и помощь другим людям в том, чтобы избежать обмана. Честность и правдивость — это основные блоки в здании эффективного управления, высокой прибыли и гармоничных межличностных отношений. Отклоняй бесчестные предложения. Бережно относись к доброму имени компании и своему собственному. Поступай правильно, и хорошая репутация обеспечена.

10. *Уважай право частной собственности,* ибо система свободного предпринимательства приносит выгоду только тому, кто отдает ей все свои силы. Только дисциплинированный, трудолюбивый, творческий и предусмотрительный человек может получить от работы и удовлетворение, и материальную выгоду. Уважение, престиж, благополучие — это результаты работы. Но это не цель. Цель — это максимальное использование своих сил и способностей. Заработная плата и иные вознаграждения — это компенсация затраченных усилий. Компании выгодно стимулировать новаторство и инициативу.

11. *Ставь свою работу и деятельность выше временной выгоды.* «Алчность к деньгам — вернейшее средство не добиться цели. Но если служишь ради самого служения, ради удовлетворения, которое дается сознанием правоты дела, то деньги сами собой появляются в избытке»... «Пусть работает тот, кто лучше справляется с делом», главное—«работу на общую пользу ставить выше выгоды» (Г. Форд).[1]

Морально-этические заповеди для **бизнеса и управления (опыт Японии)**

Наиболее удачно основные принципы управленческой культуры приведены в книге известного и авторитетного специалиста по менеджменту К. Мацуситы «Философия политики управления». На основе большой практики К. Мацусита пришел к выводу, что базовым принципом управленческой культуры в бизнесе и многих общественных организациях следует считать умение «воспитывать человека и работать с ним». Ниже приводятся некоторые его положения.

[1] **Форд Г.** Мои достижения, моя жизнь / пер. с англ. — М., 1989. — С. 18.

Основные принципы японской культуры управления

1) прежде всего нужно ясно сформулировать деловую идеологию и миссию данной фирмы;
2) необходимо твердо верить: все, что начинается, должно развиваться;
3) во всех случаях жизни необходимо обладать человечностью;
4) хорошо знать призвание каждого подчиненного;
5) не забывая, что человек — частица природы, нужно подчиняться ее законам;
6) не забывать, что доходы фирмы — источники вознаграждения сотрудника;
7) стремление к совместному процветанию — до сердца каждого сотрудника должна доходить мысль о необходимости совместного процветания;
8) верить в справедливость общества;
9) верить, что успех придет обязательно, как бы ни было трудно в работе;
10) чаще советоваться с коллективом;
11) стараться, чтобы быть готовым в любое время перейти к самостоятельной работе;
12) понимать важную роль специализации;
13) умело воспитывать человека;
14) от противостояния — к согласию;
15) бизнес — творчество;
16) соответствовать во всем переменам времени;
17) проявлять интерес к политике;
18) душа должна быть прямой и открытой.

Мысли М. Огавы в дереве управления и его культуре

Известный японский менеджер М. Огава образно сравнивал управление с деревом. Он полагал, что успех управления лежит в листьях. Так, пышная зеленая крона дерева управления говорит о том, что в настоящее время дела идут хорошо. Однако состояние окружающей дерево среды меняется очень быстро. Благоприятное для роста дерева время сменяется бурей, сотрясающей ствол и обламывающей ветви, а бывает, приходит страшная засуха, от которой гибнут и большие деревья. И в это же время лишь у дерева с сильным стволом могут вырасти новые ветви, появиться почки, возвратиться пышная зеленая крона. Если же ломается ствол, то дереву приходит конец. То же самое можно сказать и об управлении. Окружающая обстановка постоянно претерпевает значительные изменения. Период быстрых темпов роста можно сравнить со временем, когда стоит благоприятная для роста дерева погода. От нефтяного кризиса до резкого повышения курса иены — страшная буря. Даже крупные предприятия в судостроении и металлургии, на которые некогда опиралась японская экономика и которые доминировали во всем мире, теряли листья и ветви, столкнувшись с огромным дефицитом вследствие структурного кризиса. Немало было и таких предприятий, у которых ломался ствол и которым пришлось испытать всю трагедию банкротства. И, несмотря на то что

затем наступает период временного облегчения, не за горами новые бури и засухи. Это — безжалостная конкурентная борьба, выходящая за экономические рамки, когда не знаешь, в какой момент и откуда появится грозный враг, непредсказуемая техническая революция, противоречия в мировой торговле, стремительное появление на арене развивающихся стран, резко меняющаяся международная обстановка, сильно колеблющийся обменный курс и т.д. И находящимся сейчас в благоприятных условиях предприятиям в один прекрасный день неизбежно придется повстречаться с такими бурями. Каким бы большим ни было дерево, в бурю падают листья и ломаются ветки. Возрождение зависит от того, насколько силен ствол.

1. Размышляя об управлении, приходим к выводу о том, что в самом основании ствола лежат *идеи управления.* А выше расположено то, что мы называем *«основной политикой»* и *«ясными целями»,* призванными реагировать на внешние бури; они должны быть четко указаны и глубоко осознаны персоналом фирмы, что очень важно.

2. Управление — это творчество. Развитие управления зависит от того, насколько творчески к нему подходят. Именно из соединения идей и политики управления с творчеством рождается способ управления, который становится основой особого характера развития предприятия.

3. Следующим важнейшим звеном является *лидерство.* Если оно не будет прочным, то как бы ни были сильны нижние звенья, оно не сможет удерживать листья и ветви. А если вдруг сломается ствол, будет совсем тяжело. Далее, никто не знает, когда и откуда придет буря. Поэтому необходимой является также «гибкость реагирования на перемены».

4. Наконец, самым важным элементом в управлении является его жизненность. Безжизненное управление обязательно когда-нибудь приведет к краху, какими бы ни были успехи на настоящий момент. Управление воистину должно быть светлым, жизненным. Многие считают, что, для того чтобы управление было жизненным, необходимы средства или учреждения по поднятию благосостояния, но на самом деле в основе его лежит мечта. Без мечты и видения менеджмент не станет жизненным, как бы ни соблюдались остальные условия.

5. Следует сказать, что если в период высоких темпов роста было стремление к некоему идеалу и если не было ошибки в передовых капиталовложениях, то продолжение настоящей политики всегда приводило к осуществлению мечты, но сейчас это не так. Сейчас время резких перемен. И если нет долгосрочного планирования, основывающегося на четком видении и стратегии, то очень велика вероятность того, что мечта, разрастаясь в своих размерах, станет такой, что ее будет невозможно охватить. Поэтому необходимо долгосрочное планирование совершенствования внутренней структуры.

6. Указанные моменты являются частями ствола дерева управления. Все части этого ствола абсолютно необходимы, но именно «идеи управления, лидерство и мечта» должны быть надежно усвоены как чисто свои, своеобразные, а не заимствованные, подражательные элементы. Более того, здесь

нельзя полагаться на чужой ум и принимать советы. Не следует забывать о том, что такие главные элементы, лежащие в основе идей управления, как взгляд на общество и на человека, формируются из личного опыта, учения и старания.

Итак, можно сделать вывод о том, что современная эпоха предъявляет повышенные требования к науке, культуре и искусству менеджмента. Речь идет об изменении стиля и качества управленческого поведения и деятельности менеджеров, которые пытаются адаптироваться к тем изменениям, которые происходят в мире. Демократический, лидерский стиль сегодня наиболее приемлем с точки зрения его эффективности.

Ключевые понятия

индивидуалистично-техногенная цивилизация
«азиатские ценности»
дихотомия «Восток — Запад»
«осевое время» (Ясперс)
«национальный человеческий фактор»
менталитет Востока
традиционные (космические) цивилизации
постиндустриальная модернизация Востока
управленческие принципы культур Дальнего Востока
восточный политический процесс
холистический подход к работнику
японские этические принципы: «ва», «вакон есай», «гири», «оябун-кобун», «татэмаэ», «хоннэ», «он», «амае»

Вопросы для самостоятельной работы

1. Каковы цивилизационные основы политической культуры обществ Востока?
2. В чем состоят особенности цивилизационного развития Востока?
3. Перечислите характерные черты политической культуры восточных обществ.
4. Какова роль религии в политической культуре Востока?
5. Рассмотрите основные ценности политической культуры восточных обществ.
6. В чем различие в отношении к социальному развитию в западной и восточной цивилизациях?
7. Каковы возможности взаимодействия российской и восточных цивилизаций и культур?
8. В чем особенности менталитета Востока?
9. Каково современное содержание понятий «Азия» и «Восток»?
10. С какими из восточных цивилизаций Россия непосредственно соприкасается («граничит»)?
11. Как соотносится численность населения западной и восточной цивилизаций?
12. Какова роль солидаристских ценностей Востока для экономического прогресса этих стран?

13. Какие общества понимаются под «традиционалистски-техногенными» цивилизациями?

14. Каковы различия в идеальных ценностных ориентациях Запада, России и Востока?

15. В чем особенности принципов командно-коллективистского (корпоративно-коллективистского) управления в Японии и других восточных странах?

16. Каковы отличия японского и американского методов управленческой культуры?

17. Что понимается под морально-этическими заповедями управления и бизнеса?

18. Каково соотношение традиционных и инновационных методов в японской управленческой культуре?

Глава 12

Принципы конфуцианской культуры и трансформации Китая

Л. Пай: «Китай — это цивилизация, которая выдает себя за страну».

А.М. Ушков: «Главным идейным источником, на протяжении веков питающих китайско-конфуцианскую цивилизацию, служит учение Конфуция — великого мыслителя, жившего в Китае с 551 по 479 г. до н. э. Все самое важное, Что определяет «лицо» любой цивилизации, — принципы жизни, формы социальной и государственной организации, общепринятые нравственные нормы и ценностные ориентации — сформировались здесь под влиянием конфуцианства».

Дэн Сяопин: «Преобразования можно считать удавшимися, если они способствовали развитию производительных сил, усилению мощи страны, повышению уровня жизни населения. Для меня не имеет значения, какого цвета кошка, белого или черного. Для меня важно, что она ловит мышей».

Лю Кан: «Китай, будучи глубоко интегрированным в глобальную экономическую систему, сохраняет свою идеологическую и политическую самоидентификацию».

Мо-Цзы: «Если благородные и мудрые управляют глупыми и низкими, то царит порядок. Если же глупые и низкие управляют благородными и мудрыми, то будет смута. Благодаря этому знаем, что почитание мудрости есть основа управления страной».

Конфуций: «Секрет доброго правления: правитель да будет правителем, подданный — подданным, отец — отцом, а сын — сыном».

Ханъ Фэй-Цзы: «Эффективное управление требует наличия законов, авторитета власти и искусства управления».

Дж. Стиглиц: «В стремлении достичь экономических успехов и стабильности Китай поставил создание созидательной конкуренции, новых предприятий и новых рабочих мест выше приватизации и реструктуризации. В Китае шла либерализация, но постепенно, высвобождая ресурсы, которые должны были стать эффективными вложениями. Открывая страну для прямых иностранных инвестиций, в Китае понимали также опасность полной либерализации рынка капитала».

Г.Ю. Семигин: «Политика Китая оказалась успешной. Китайская стратегия управления в сочетании со стратегией регионализации имеет достаточно высокие шансы на успех».

16 октября 2003 г., запустив в космос космический корабль «Шеньчжоу-5» с первым космонавтом («юханъюань») Поднебесной Ян Ливеем, Китай стал третьей в мире космической державой.

1. Цивилизационная матрица политической культуры Китая

Дальневосточная цивилизация — одна из древнейших в мире, охватывает страны наиболее динамично развивающегося, колоссального по своему природному и человеческому потенциалу мирового региона, включающего Китайскую Народную Республику, о. Тайвань, Японию, Корейскую Народно-Демократическую Республику, Республику Корею, Демократическую Республику Вьетнам, Сингапур, Филиппины и др. Характерной особенностью этой цивилизации является ее конфуцианская политическая и культурная матрица.

Особую роль в этом макрорегионе и во всем мировом сообществе, особенно в последние десятилетия, играет Китай, что объясняется его природным, человеческим, индустриально-технологическим, научным, культурным и военным потенциалом.

Китайская Народная Республика была образована 1 октября 1949 г., ее территория составляет 9,6 кв. км (четвертое место в мире), население — 1,3 млрд человек (первое место на планете), из них: 93% — китайцы (хань), а также 55 других национальностей и народностей (чжуаны, уйгуры, монголы, тибетцы, хуэй, корейцы и др.). Административное деление Китая включает 23 провинции, 5 автономных районов и 3 города центрального подчинения (Пекин — 13 млн человек, Шанхай, Тяньцзинь), официальный язык — китайский. В Китайской Народной Республике церковь отделена от государства. Право граждан на свободу вероисповедания охраняется законодательством. Большинство населения Китая — атеисты. Религия верующих китайцев, особенно в сельской местности, — даосизм и буддизм. Своеобразную религиозно-просвещенческую роль выполняет очень широко распространенное в Китае, одно из древнейших и авторитетных мировых этических учений — конфуцианство. В повседневной жизни конфуцианство, даосизм и буддизм могут быть смешаны. Правящая политическая организация (с 1949 г.) — Коммунистическая партия Китая (возникла в 1921 г.). Существует также ряд других партий и общественно-политических организаций, признающих ее руководящую роль.

Китайская держава обладает очень большим населением, которое может составить к середине XXI в. 1,6 млрд человек. Дополнительным человеческим фактором успешного экономического развития Китайской Народной Республики является также поддержка ее курса со стороны хуацяо — многих десятков миллионов выходцев из Китая, этнических китайцев за рубежом. Они проживают прежде всего в соседних государствах дальневосточного ареала, часто крупными общинами (в Малайзии 25% жителей — этнические китайцы, в Таиланде —

12%), а также расширяют свое присутствие и в других регионах (Северной Америке, Западной Европе и в России, особенно в ее приграничных с Китаем территориях).[1] Хуацяо играют важную роль в аккумуляции финансов и реализации соответствующих бизнес-планов, этнических и геополитических целей. «Для пекинского правительства люди китайского происхождения, даже с другим гражданством, являются членами сообщества и посему в некоторой степени подвластны китайскому правительству. Китайцы — люди одной "расы, крови и культуры"».[2]

Китайская Народная Республика демонстрирует устойчивые и высокие темпы экономического роста, значительные достижения в сфере промышленности, ракетно-космического производства, электроники и др. В 2003 г. в КНР был успешно осуществлен запуск первого китайского космонавта, и Китай стал третьей в мире космической державой. В 2005 г. планируется вывод на окололунную орбиту китайской автоматической станции, в 2008 г. — орбитальной станции, в 2011 г. — отправить на Луну китайский луноход, в 2016 г. — высадить на Луне китайских космонавтов, а в 2030 г. — открыть постоянную лунную обитаемую китайскую базу.

Уже сегодня Китай ставит целью создание необходимых научно-технических, информационных и иных предпосылок для перехода в постиндустриальную стадию развития. Средняя продолжительность жизни китайских граждан весьма высока и составляет 79 лет (как в Канаде, Швеции, и даже чуть выше, чем в США, Великобритании или ФРГ (77 лет)).[3]

Китайский опыт является интересным и в том смысле, что представляет собой первый успешный пример перехода от фактически аграрного общества к относительно среднеразвитой стране в рамках моделей «рыночного социализма» и «догоняющего развития».

Судя по уровню покупательной способности, Китай обладает весьма значительным по величине экономическим потенциалом и в этом смысле опережает Японию. По размеру ВНП КНР на рубеже XXI в. вышла на седьмое место в мире (после США, Японии, ФРГ, Франции, Великобритании и Италии) и продолжает быстро развиваться. Ежегодный доход китайских городских жителей в соответствии с официальной статистикой вырос в период с 1997 по 2000 г. с 620 до 969 долл.; сельских жителей — с 250 до 290 долл. в год.[4] Это, разумеется, существенный прогресс, но на два-три порядка ниже, чем на Западе. Если взять внутренний валовой продукт на душу китайцев, то КНР из-за своего огромного населения занимает лишь 140—145-е место в мире и оказывается где-то рядом с Индонезией.[5]

[1] **Иванов А., Волин Е.** Успеть до 2015 г. // Коммерсантъ-Власть. — 2000. — 11 апреля. — С. 33.

[2] **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций / пер. с англ. — М., 2003. — С. 261.

[3] **Жуков** В.И. Индекс развития человеческого потенциала // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. / гл. ред. В.Н. Иванов. — М: Мысль, 2003. — С. 361.

[4] ПРАЙМ-ТАСС. — 2003. — 3 марта.

[5] Если взносы США и Японии в ООН составляли в 2001 г., соответственно, 22% и 19,6% ее бюджета, то Китая — всего 1,5%. А кто платит, тот, как известно, и определяет политику.

Интересно, что при сопоставлении среднего уровня доходов китайских горожан (без жителей деревни, которых абсолютное большинство) со средними доходами россиян нетрудно заметить, что на рубеже XXI в. они стали находиться примерно на одном уровне (до 100 долл. в месяц). В официальной прессе неоднократно озвучивалась цель руководства Российской Федерации о желательности такого курса социально-экономического развития, который позволил бы в ближайшие 10-15 лет догнать Португалию по показателю ее ВНП на душу населения (составляет, как известно, около 600 долл. в месяц и представляет нижний европейский уровень). Сходные задачи решает и Китай (по отношению к горожанам).

Отличительной чертой развития Китая, как и ряда других стран дальневосточного географического и цивилизационного ареала, является, с одной стороны, широкое использование ими достижений мировой научно-технической революции и всемирного рынка; с другой — эти процессы осуществляются при важной (определяющей) роли традиционных социально-политических и иных институтов, структур и отношений, менталитета населения. Важную роль играют регулирующая роль государства, всемерная поддержка им китайской экспансии экспортных операций, дешевая рабочая сила, высокая норма внутренних накоплений. Следует выделить и то, что большая часть значительных зарубежных инвестиций в Китай представлена прямыми капиталовложениями в сферу материального производства.[1] Кроме того, многие инвестиции имеют ярко выраженный этнический характер — представляют вклады этнических китайцев со всего мира. Подобная техногенно-экспортно-традиционалистско-этническая стратегия нацелена как на сохранение устойчивости и управляемости китайского общества в условиях XXI в., так и на постоянное повышение его конкурентоспособных качеств в производстве соответствующих видов товаров и услуг, общем усилении геополитического и (или) этнокультурного влияния.

Страны, которые исторически оказались в сфере влияния китайско-конфуцианской цивилизации, вот уже более трети века демонстрируют значительные успехи в социально-экономическом развитии независимо от политической ориентации: достигнутые результаты процесса модернизации в рыночном социалистическом Китае впечатляют не меньше, чем научно-техническое «чудо» постиндустриальной Японии. Общей социокультурной основой их развития является «замешанная» на конфуцианстве система общественных отношений, социальных и политических институтов и ценностей. Эта сложносоставная система образует как бы некоторое структурное ядро, которое и определяет социокультурный характер модернизационных сдвигов, задает тон в жизни общества и государства. В результате веками отлаженный и мощный конфуцианский социальный генотип срабатывает во многом как бы автоматически. Патриотизм, дух патернализма, жесткая привязанность младших к старшим, высокая культура труда, его дисциплина и организация, развитое чувство долга, ответственности — все эти и другие элементы конфуцианской морали и трудовой этики в значительной степени способствовали прогрессу внача-

[1] **Chai J.C.H.** China: Transition To a Market Economy. — Oxford, 1997. — P. 159-161.

леЯпонии,затем — т.н. «малым драконам»: Гонконгу — ныне часть Китая, о. Тайвань, Республике Корее, Сингапуру, Малайзии и др.

Конфуцианская традиция как бы «окультуривает» и синтезирует современную капиталистическую структуру Востока, сглаживает некоторые свойственные западному капитализму эпохи индустриализма противоречия, проявляющиеся в отчуждении, упадке моральных стандартов, меркантилизме, пренебрежении к духовным началам в пользу материальных и т. д. Более того, ряд ученых полагают, что «восходящий к китайско-конфуцианской традиции японский эталон развития по многим параметрам становится ныне оптимальным, превосходящим европейский и американский. Сохраняющиеся элементы патернализма укрепляют экономические связи и препятствуют углублению социальных противоречий; отсутствие давних традиций гражданских свобод затрудняет осознание этих противоречий на уровне массового сознания и также способствует упрочению гражданского мира в обществе. В целом возникает эффект гармоничного синтеза традиции и современности, а экономические успехи при социально-политической стабильности и ориентации на социальную гармонию по-конфуциански придают данному эффекту дополнительную силу».'

Известно, что пока процессы глобализации не ведут к выравниьанию уровней экономического развития различных государств. Образуются новые богатые и новые бедные страны. Но выявилась ярко выраженная современная закономерность социального и экономического развития, отражающаяся в политической культуре соответствующих обществ: ни одна страна не способна добиться серьезного экономического роста и роста благосостояния населения без растущего вовлечения в мировую экономику на основе уважения собственной системы ценностей и менталитета. В солидном аналитическом исследовании Совета по внешней и оборонной политике Российской Федерации говорится, что «сначала Япония, потом Тайвань, Южная Корея, Сингапур и другие сходные страны проходили путь от массовой нищеты к достатку через производство на экспорт вначале дешевой одежды и обуви, а затем — передовой бытовой электроники и автомобилестроения. Китай идет по этому пути».[2]

Обращают на себя внимание усилия Китайской Народной Республики и ряда других стран Дальневосточной цивилизации по прорыву в постиндустриальное общество посредством активного развития Интернета, быстрого (в геометрической пропорции!) роста его участников и владельцев радиотелефонов. Так, с 1996 г. число пользователей сети Интернет в Китае увеличилось в 43 раза (!) и превысило в 2002 г. 27 млн. По прогнозам Агентства маркетинговых коммуникаций Global Research, к 2005 г. китайский сектор Интернета по числу пользователей увеличится еще в 10 раз и выйдет на второе место в мире — 22%, или 250 млн.[3] В Китае

[1] Китайско-конфуцианская традиция // Хрестоматия по сравнительной политологии: Запад — Восток — Россия / под ред. А.М. Ушкова. — М.: НИП, 2000. — С. 256.

[2] Стратегия для России: повестка дня для Прсзидента-2000 / отв. ред. С.А. Караганов. — М.: Экономика, 2000. — С. 65.

[3] **Титаренко М.** Китай — прорыв в постиндустриальное общество: шансы и вызовы // Год планеты: Политика. Экономика. Бизнес. Банки. Образование / под ред. О.Н. Быкова. — М.: ИМЭМО РАН, Изд-во «Экономика», 2002. — С. 391.

понимают, что если не будет возможности дать высшее образование 80% китайской молодежи, то он не сможет догнать или превзойти других в технологических инновациях.

Программа превращения Китая в современную постиндустриальную державу и перехода в постиндустриальное общество охватывает продолжительный период с 80-х гг. XX в. и большую часть XXI в. Однако ключевой вехой на этом пути является «трехшаговая» стратегия развития (1980-2050 гг.). В период до 2010 г. намечено создать «целостную систему социалистической рыночной экономики» и поднять жизненный уровень всего населения «до уровня малого благосостояния» («сяокан»). Следующий этап (2011-2030 гг.) — этап развернутой научно-технической революции и создания основ информационного общества. Третий этап (2031-2050 гг.) должен поднять Китай до уровня развитых стран и к середине XXI в., выражаясь словами китайских стратегов, «засыпать падь», отделяющую Китай от высокоразвитых стран в области экономики и техники.[1]

По подсчетам ряда исследователей, экономический потенциал Китайской Народной Республики во многом «подтянулся» к российскому, однако у Российской Федерации сохраняются существенно более развитая, чем в Китае, социально-культурная база для роста на основе новейших достижений науки и техники; приоритеты в области фундаментальных научных разработок, высокотехнологичного производства и др. Будущее Китая (как и любой другой страны) в значительной степени зависит от умения его руководства выработать долгосрочную стратегию конкурентоспособного, эффективного развития общества и способности китайцев реализовать ее в противоречивых условиях глобализирующегося мира.

2. Влияние конфуцианства на культуру и политику Китая

Китайская цивилизация основывается на конфуцианском учении (если точнее — на даосизме, конфуцианстве, китаизированном буддизме), а также своеобразном стиле мышления и менталитете китайцев. Взгляды Конфуция по сегодняшний день являются характерной чертой общей и политической культуры Китая, составной частью культурной матрицы дальневосточной, конфуцианской цивилизации. Это единственная цивилизация на Земле, названная именем конкретного человека.[2]

Конфуцианство — одно из древнейших, распространенных и авторитетных социально-политических и этических учений Дальнего Востока. Оно носит имя своего создателя — всемирно известного китайского социального мыслителя Конфуция.

[1] **Титаренко М.** Китай — прорыв в постиндустриальное общество: шансы и вызовы. — М.: Год планеты. — М, 2002. — С. 389.

[2] **Ирхин Ю.В.** Конфуцианство // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / рук. научн. проекта Г.Ю. Семигин. — М.: Мысль, 2003.

Конфуций родился в 551 до н. э. в царстве Лу (г. Цюйфу китайской провинции Шаньдун), умер там же в 479 до н. э. В соответствии со смыслом и словами древнего песнопения о Конфуции на Востоке его уважительно называют «наставник десяти тысяч поколений!» На усыпальнице великого учителя Китая в его родовой усадьбе в г. Цюйфу древней вязью выведены сохранившиеся слова: «Могила явившего Великое Свершение Высочайшего мудреца, Властителя Просвещения». Суть конфуцианства в целом сводится к пяти основным постулатам: гуманности, справедливости, учтивости, мудрости, искренности.

Конфуцианство оформилось в VI—V вв. до н. э. Истоки учения нисходят к китайским религиозно-мифологическим и художественно-этическим канонам конца II — начала I тыс. до н. э., отраженные в сборниках «Шу цзин» и «Ши цзин», а также к школе ученых-интеллектуалов, сохранявших древние предания (кит. жу цзя: жу — учение, название школы китайских ученых интеллектуалов, чьи идеи обобщил и развил Конфуций). Учение Конфуция (латинизированная форма кит. Кун-Цю или Кун Фу-Цзы означает «учитель Кун») было не только (спустя несколько веков после его смерти) возведено в ранг официальной идеологии, но и по сегодняшний день является сущностной характеристикой культуры Китая: до 1912 г. — китайская официальная идеология, до 1949 г. — духовная доминанта, в современных условиях — основа китайской национальной идеи.

Конфуций стал первым в истории Китая выдающимся профессиональным преподавателем и организатором сообщества интеллектуалов (имел несколько тысяч учеников и, по преданию, подготовил три тысячи ученых). Известно, что Конфуций первым в Китае выступал за всеобщее образование, а также за признание работы учителя особой специальностью, если не особым образом жизни.

Есть основания полагать, что Конфуций встречался с Лао-Цзы и был знаком с его учением. Лао-Цзы — легендарный основоположник даосизма, вероятный автор «Книги о дао-пути и благой силе». Книга высоко оценивает простоту и безыскусственность древности, противопоставляя ее конфуцианской этике иерархии и ритуала. «Дао» Лао-Цзы означало отказ от достижений цивилизации и требование возвращения к естественности, бесхитростной простоте жизни предков. Среди позитивных аспектов учения — протест против войн и насилия, идея самосовершенствования, обеспечения хорошей жизни народу и др.

Просветительско-педагогическая доктрина Конфуция основывалась на демократическом принципе равных возможностей: минимальной платы за обучение со стороны неимущих (связка сушеного мяса). Хорошо знал работу государственных органов — одно время являлся первым советником в царстве Лу (провинция Шаньдун), много путешествовал со своими учениками по Китаю. С самого начала конфуцианство отличалось социально-этической направленностью и стремлением сближения с государственной службой. Будучи челове-

ком, близким к политике, он стремился создать учение прежде всего для людей, имевших отношение к политике, к государственной службе.

Поскольку основные философские школы складывались в Древнем Китае в период ожесточенной борьбы «воюющих царств», то первостепенными в них оказались преимущественно социально-политические вопросы. Не проблема «человек — мир» и тем более «человек — космос» были в центре внимания древних мыслителей, а проблема «человек — общество». Таким образом, религия превращалась в этику, а Небо олицетворяло собой всеобщий порядок — космический и нравственный. Такой подход позволил создать своеобразную картину мира, согласно которой последний изначально совершенен, гармоничен и его не надс переделывать, преобразовывать. Творчество принадлежит Небу, оно делает возможным произрастание всего сущего и жизнь всех вещей. Поэтому необходимо самоустраниться, уподобиться природе и не мешать осуществлению гармонии.

Существенное место в конфуцианстве отводится вопросу о взаимоотношениях правителя и народа. Одна из максим конфуцианской теории управления состоит в требовании «ценить народ». Важны положения о том, что народом надо управлять «великодушно», а кормить — «милостиво», что народ сначала нужно обогатить и только потом учить. Все это выражается понятием «человеколюбие».

Основой социально-политического и этического учения Конфуция, изложенного в сборнике «Лунь юй» («Беседы и беседы», составленного учениками после смерти Конфуция), является принцип добродетели — «дэ».[1] Этот принцип распространяется на всех людей, причастных к управлению. По Конфуцию, управляющие верхи должны быть совершенными («цзюнь-цзы» — благородные) и подчинены строгим нормам ритуала — «ли», чувству долга, справедливости, стремлению к знаниям, верности, уважению к старшим, гуманному отношению к подчиненным. Мудрый, благородный руководитель всегда идет путем («дао» — путь, служение) выполР1ения долга и готов к отставке. «Если выдвигать справедливых, устранять несправедливых, народ будет повиноваться».[2]

Конфуций выделил идеал государства, в котором при наличии сакрального руководителя важную роль играют интеллектуалы, просвещенные чиновники. Конфуцианцы были твердо уверены в том, что политика определяется не качеством применяемых законов и средств управления, а качеством действующих в ней людей. Понятие «жэнь» («гуманность» и «человечность»), которое в доконфуцианский период распространялось в основном на сферу этического, межличностных отношений, в трудах Конфуция приобретает политический характер. Понятие «жэнь» стало включать и различные аспекты политического управления, направленного на поддержание общественной гармонии ненасильственными методами.[3] Именно Конфуций сформулировал известную этическую максиму:

[1] Конфуций. Суждения и беседы / пер. с кит. Р.В. Грищенкова / под ред. П.С. Попова. — СПб., 200'.

- Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». — С. 14-41.

[3] Викулин С Ю. Представления Конфуция о сущности человека// Гуманитарий. История и общественные науки. Вып. 4. — М., 2002. — С. 408-247.

«Владеть собою настолько, чтоб уважать других, как самого себя, и поступать с ними так, как мы желали бы, чтобы с нами поступали, — вот что можно назвать человеколюбием. Выше этого нет ничего». Эта идея значительно позже была озвучена в трудах многих известных мыслителей, включая И. Канта.

В конфуцианстве смысловой центр переносится с Божественного осмысления бытия «Пути неба» на «Путь человека». Признавая Божественную и естественную стороны происхождения власти, учитель Кун свой главный интерес видел в том, как обустроить жизнь людей, обеспечить мудрый и справедливый порядок в государстве. Этот порядок предполагает пять разнородных отношений: властителя и подчиненных, мужа и жены, отца и сына, старшего брата и младшего, друзей. В первых четырех из них должно быть повеление, с одной стороны, и полное подчинение — с другой. Властвовать следует справедливо и с благоволением, подчиняться же правдиво и искренне. В дружбе же руководящим принципом должна быть обоюдная добродетель. Опираясь на традиционные воззрения, Конфуций развивал патриархально-патерналистскую концепцию государства. Он уподоблял государство гигантской семье: царь («сын неба») — отец, старшие братья — чиновники, младшие — его работники. «Сяо жэнь» — маленький человек или человек с маленькой буквы, «Жэнь» — средний человек, потенциально могущий стать по положению и своим качествам как «маленьким человеком», так и выше — «цзянь-цзи».

Цель государства и царской власти — общее благо семьи, общества. Изображаемая Конфуцием социально-политическая структура строится на принципе неравенства людей: «простолюдины», «низкие», «младшие» должны подчиняться «лучшим», «старшим». Тем самым обосновывалась аристократическая концепция правления восточного образца. Наряду с нравственностью Конфуций отмечает большое значение четкой организации и формализации естественной деятельности, с тем чтобы каждый соблюдал свои обязанности и находился на отведенном ему месте, должности, посту. Он обращал внимание на важность использования принципа «исправления имен»: приведения обозначения различных статусных групп общества в соответствие с их реальностью. Особое значение Конфуций придавал концепции «следование среднему пути» («чжун юн»), или «учению о середине», предостерегал от увлечения крайностями.

Изображаемая Конфуцием социально-политическая структура строится на принципе неравенства людей: «простолюдины», «низкие», «младшие» должны подчиняться «лучшим», «старшим». Тем самым обосновывалась аристократическая концепция правления восточного образца. Вместе с тем не следует забывать, что в основу своего социально-этического учения Конфуций заложил принцип постоянного совершенствования всех его участников по мере взросления, в силу обучения, воспитания и др. Одно поколение (20 лет) следует за другим, три поколения составляют 60-летний цикл, который входит в еще более крупную циклическую составляющую (300 лет). Процессы самосовершенствования, осмысления и достижения порядка (ритуала) становятся, по сути, бесконечными. Во времена Конфуция и позже считалось, что к 30 годам у человека формируется частный интерес, к 40 годам исчезают сомнения (разум дает знание образца, ритуала), к 50 он узнает волю Неба (стандарт наказаний и вознаграждений),

к 60 способен чувствовать естественный ход вещей и к 70 его желания и желания Неба совпадают в личной воле.

Наряду с нравственностью Конфуций отмечал большое значение четкой организации и формализации естественной деятельности, с тем чтобы каждый соблюдал свои обязанности и находился на отведенном ему месте, должности, посту. Конфуций пытался восстановить весь комплекс сложившихся веками обычаев, определявших каждый шаг китайцев, — «ли», пример же в их исполнении должны были показывать высшие и средние чиновники. Характерно, что он достаточно скептически относился к попыткам управления посредством создания новых жестоких законов. Таким путем можно вызвать страх, но не достигнуть нравственного обновления. Следование ритуалу, обычаю позволяло, по его мнению, избежать насилия и острых социальных конфликтов. Конфуцианцы (и даосцы) не были против законов и уголовных наказаний, но не считали их основным средством управления. Они придавали особое значение ритуалу и его правильному применению.

За добродетели и усердие, по конфуцианским нормам, полагалась долгая жизнь, здоровье и богатство в этом мире и добрая память после смерти. Особое значение придавалось добродетели бережливости, которая закреплялась в статусе «благородного человека».

Некоторые базовые категории конфуцианства:

«Жэнь» — человек, гуманность, высший вид, моральный идеал, цель воспитания, благо;

«Ли» — ритуал, обряды, социальные нормы — путь к «жэнь»;

«Тянь » — концепция неба; «Тянь чжи» — воля неба; «Чжи» — разумность, знание;

«Вэнь» — просвещенность, чувство гармонии, древняя культура;

«Шэн» — совершенная мудрость, гуманность высшего порядка;

«Дао» — путь (служение, деяние, способ управления государством);

«И» — долг, справедливость;

«Дэ» — добродетель, благая сила;

«Чжун» — преданность: к вышестоящим, стране;

«Ди» — братская любовь; «Сяо» — почтительность сына; «Кэ цзи» — уважение старшим, преодоление себя;

«Цзюнь-цзы» — благородный муж;

«Вэнь» — образец;

«Чжэн мин» — исправление имен;

«У вэй» — неактивное, непреднамеренное действие, «вэй» — творить добро;

«Жан» — уступчивость (не только по правилам ритуала), но и в политике;

«У лунь» — пять семейных добродетелей.

«Инь» (темное, податливое, мягкое, женское) и «Ян» (светлое, твердое, мужское). Это парная категория понятий: они не только сменяют, но и взаимозависят друг от друга и, соответственно, трансформируются. (Например, мягкая вода при давлении образует гидравлический столб. Временная уступчивость в политике не всегда означает слабость и т.д.).

Идеи, понятия и категории Конфуция развивались в трудах его последователей: Мэн-Цзы (371-289 гг. до н. э.), Сунь-Цзы (ок. 300-215 гг. до н. э.) и др.

Учение об управлении на основе справедливости рассматривается в его одноименном трактате («Мэн-Цзы»), в котором описывается образ грамотного чиновника, умеющего служить государству и народу, имеющего право и обязанность (разумеется, в рамках ритуала) критиковать правителя за неверные поступки. Мэн-Цзы вслед за Конфуцием использовал идеал «датун» — великого единения.' Он писал о необходимости предоставления народу постоянного недвижимого имущества, участков земли для совместной обработки. Его идея «колодезных полей» предполагала деление большого участка земли (со стороной не менее мили) на девять квадратов, из которых восемь предоставлялись семьям для частного владения при условии того, что девятый (центральный) квадрат является общественной землей и плоды его обработки принадлежат правителю и идут на государственные нужды.[2] Он полагал, что это явится важнейшим условием того, что в урожайные годы крестьяне будут сыты, а в неурожайные — смогут избежать смерти. Кроме того, тогда будет возможно «уделять внимание обучению в школах, внушать долг сыновней почтительности к родителям и уважение к старшим», а «правитель может побуждать народ стремиться к добру».

Сунь-цзы также обосновывал мысль «об обогащении народа» и «достатке для народа». В то же время он считал, что человек склонен к эгоизму, его следует научить контролировать свои чувства. Сюнь-Цзы предлагал правителю, чтобы он посредством не только ритуала, но и закона контролировал чиновников, выполнение ими своих функций и др. По мнению китайского мыслителя, именно четкие должностные инструкции помогут устранить как беспорядок в обществе, так и коррупцию. Он выступал за четкое определение социальных ролей (концепция «исправления имен)», за правильное распределение наград и обязанностей, рассматривал ритуал как социальный регулятор, образец («вэнь»). Сюнь-Цзы был первым конфуцианцем, попытавшимся совмещать ритуал с нормами права.

Другой важнейшей матрицей общественного сознания и политической культуры Китая наряду с конфуцианством выступает легизм — политико-правовая мысль. Одним из предшественников легизма был Мо-Цзы (479-400 гг. до н. э.), вышедший из школы Конфуция, но делавший акцент не только на строгом исполнении законов, но и наказании за их неисполнение.

Сборник его изречений, названный именем самого просветителя — «Мо-Цзы», составлен в VI в. до н. э.[3] В этом труде отмечается важность договорной теории создания государства (добровольного выбора первого правителя), строгой дисциплины и централизации государственной власти, идей социального равенства. Мо-Цзы осуждал аристократизм и ра-

' Когда коммунистам Китая понадобилось донести до масс смысл понятия «социализм» (коммунизм), они воспользовались конфуцианской категорией «датун» (см.: **Ушков А.М.** Конфуцианство // Политическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. — М., 2000. — С. 573).

[2] Джозеф С. Ву. Мэн-Цзы // Великие мыслители Востока / пер. с англ.; под ред. Яна П. Мак-Грила. — М.: Крон-пресс, 1999. — С. 41.

[3] **Мо-Цзы.** Древнекитайская философия // Памятники философской мысли: в 2 т. Т. 2. — М, 1994. —- С. 175-201.

товал за реформы в интересах народа. Он внес в китайскую политическую мысль идею эгалитаризма, связанную с отказом от роскоши. Мо-Цзы полагал, что осуществление преобразований предполагает не только использование обычаев, но и установление новых правил в форме законов, что не всегда одобрял Конфуций. Со времен Мо-Цзы теория управления в Китае начинает все шире ассоциироваться не только с ритуалом («ли»), но и с наказанием («син») и законом («фа»).

Основателем легизма считается Шан Ян (390-338 гг. до н. э., правитель области Шан, автор исследования «Книга правителя области Шан»). Шан Ян констатирует, что народ распустился, стремится к удовольствиям, забывает свое основное занятие — земледелие, доходы казны падают. Общие призывы уже не помогают, речи в стиле Конфуция — тоже. Вот почему следует установить единообразие в мыслях и действиях: укрепить чиновничий и карательный аппарат, ввести жесткие нормы, определяющие все сферы жизни, обязательные для всех и обеспеченные наказанием «фа», а не ритуалом «ли», и навести порядок. (Латинизированное название школы («фа» — порядок) — «легизм»). В трудах «легистов» государство рассматривалось как самодовлеющий институт, смысл и цель существования общества, восточная деспотия.[1]

К видным представителям школы легистов относят и Хань Фэй-Цзы (280-233 гг. до н. э.).

Сборник, названный его именем («Хань Фэй-Цзы»), состоит из 55 глав (разделов) об искусстве управления государством. Основные идеи: «Люди по природе эгоистичны и реагируют только на наказания или награды»; «Политическая власть должна принадлежать только правителю и не может быть разделена с аристократией и министрами»; «Правитель управляет при помощи сложной, но четко продуманной бюрократической системы, находящейся под его полным контролем»; «Порядок в обществе достижим только в том случае, когда "имена" соответствуют реальности»; «Подобно тому как природа без видимых усилий порождает тьму вещей, правитель должен управлять всем, не принимая видимого активного участия в управлении».

Если попытаться сжато сформулировать идеи Хань Фэй-Цзы, то можно сказать, что он предлагал управлять при помощи законов, утверждающих абсолютную власть правителя. Он выделял главные факторы, влияющие на эффективность управления: закон «фа», власть, или сила «ши», и политическое искусство «шу». Благодаря ему в политическую мысль и науку вошел тезис о том, что «закон, власть и политическое искусство — три главные составляющие эффективного управления государством».[2] Со времен синтеза легизма и конфурианства знание и уважение законов

[1] Шан Ян. Книга правителя области Шан / пер. с кит., вступит, статья и комментарий Л.С. Переломова // Памятники письменности Востока. — М., 1968. — С. 141-173.

[2] Хань Фэй-Цзы // Великие мыслители Востока / под ред. Яна П. Мак-Грила. — С. 60.

и правил политического менеджмента считается обязательным для политолога и политического деятеля так же, как и норм ритуала и культурных ценностей каждого народа.

Легизм был главной силой, противостоявшей конфуцианству именно в сфере политики. Теоретические положения легизма были во многом противоположны конфуцианскому учению. Если Конфуций и его последователи исходили из идеальной теоретической модели управления государством, то легисты исходили из реальных требований времени. У легистов не было единого учителя, среди сторонников этой школы в основном были практики: политики, министры, реформаторы. Они явились инициаторами введения круговой поруки, цензората, рангов знатности и др. Представители легистской школы впервые разработали концепцию регулирующей роли государства в стабилизации рыночных цен и др.

После II в. до н. э. официальная идеология Китая стала совмещать в себе как принципы легизма, так и конфуцианства. В результате сложного и длительного исторического процесса в Китае возникло неоконфуцианство, учитывавшее и правовую сторону развития общества, однако отдавая приоритет этическим нормам. Долгое время конфуцианство определяло легитимность власти моральными категориями. Сложносоставное сочетание легистских методов и конфуцианских идеалов на протяжении многих веков во многих случаях обеспечивали китайским политикам и управленцам как необходимую эффективность их деятельности, так и стабильность сообщества.

Многие исследователи обращают внимание на то, что конфуцианство было единственно сложившейся и апробированной системой идей и институтов, посредством которых можно было наладить управление огромной страной и обеспечить необходимые и желаемые прочность и стабильность. Ни даосизм, ни буддизм с их приматом религиозного, эмоционального начала, смутными идеалами социальной справедливости и нередко лишь плохо скрываемым пренебрежением к проблемам социальной политики и администрации для этой цели не годились. В многовековой истории Китая конфуцианство всегда играло роль утверждающего начала, тогда как даосизм — отрицающего. Можно сказать, что каждый китаец — конфуцианец, когда он процветает и трудится, и даос, когда на него сваливаются несчастья и он начинает вести себя стихийно и эмоционально. Конфуцианство всегда выходило на первый план в период мира и созидания, а даосизм пытался занять его место в период смутных времен и неурядиц.[1]

Исторически в Китае состоялся успешный синтез трех основных религиозно-идеологических систем. Он проявляется в том, что конфуцианство стало абсолютно преобладать в сфере этики, семейных и социальных отношений. Его догматы, культы, принципы довлели над каждым китайцем от колыбели до успокоения. Однако одно только конфуцианство было чересчур рационалистичным. В сфере верований, суеверий, сонме богов и божеств, при отправлении магических обрядов на первое место выступал даосизм. Наконец, проблемы спасения души, погребального ритуала, развития всей монастырской культуры брал на себя буддизм.[2]

[1] **Васильев** Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. — М, 1970. — С. 362-364.

[2] Подобный синкретизм наблюдается и в Японии, где наряду с конфуцианством органично сосуществуют синтоизм (вместо даосизма) и буддизм.

Особенность древних китайских политологических и культурологических текстов состоит в том, что в этих источниках собственно политические государственно-правовые элементы знания не всегда четко выделены. Древний Китай — крупнейший очаг цивилизации и культуры мирового значения — в течение веков сохранял относительную замкнутость, нерасчлененность своих социально-экономических структур, политических институтов, а также патриархальный характер общественных отношений, семьи и быта, особый менталитет. Все это нашло отражение в текстах, поражающих нас своей самобытностью, глубиной содержания, образностью, метафоричностью, далеко не всегда понятной европейскому читателю. Они отличаются мудрой таинственностью суждений, импровизаций, аналогий, мистичностью обращений к небу, стихиям, богам; восточной созерцательностью, терпеливостью и покорностью власти; уважительностью к старшим, почти религиозным почитанием учителя; преклонением перед природой; призывают к необыкновенному упорству в труде; философскому отношению к смерти. Эти тексты имеют системное, мировоззренческое значение.

В дискурсе политической культуры Китая представляет особый интерес учение «цзин цзи», означающее упорядочение-гармонизацию мира с целью воспомоществования народу.

Оно было разработано в трудах Лю Шао (III в. н. э.) — трактат «О человеческом существе», Ли Гоу (XI в. н. э.) — сочинение «План обогащения государства, план усиления армии, план успокоения народа» и др. В основе учения — идеалы Конфуция: приносить пользу потреблению народа, приводить в гармонию благодать в человеке, улучшать жизнь народу. Значительное место в учении отводилось проблемам экономики: обсуждению проблем обогащения государства. В духе принципа «золотой середины» говорилось о необходимости разумной экономии (экономики и управления), недопустимости чрезмерных налогов, рационального перераспределения средств в государстве и т.п.

Максимы учения «цзин цзи» по «успокоению народа»[1]

Цели	Способы
Наставление народа	Улучшение нравов, выбор и обретение достойных наставников, наставления в соблюдении меры потребления. Средство исправления нравов народа, ритуал и конфуцианское образование
Повелевание народом	Строгое соблюдение законов и применение метода наград и наказаний
Управление народом	С помощью верных сановников и достойных чиновников
Обеспечение народа	Создание запасов, поощрение земледелия и «взимание с народа не более установленной нормы»

[1] Искусство властвовать // Ли Гоу. План обогащения государства. План усиления армии. План успокоения народа (XI в.) / пер. с кит. Лапиной З.Г.; Лю шао. О человеческом существе (III в.) / пер. с кит. Г.В. Зиновьева Серия «Каноны». — М., 2001. — С. 26-27.

В современном китайском языке понятие «цзин цзи» имеет значение «экономика». В отличие от английского «economy», который неотделим от осмысления собственно экономической жизни, «цзин цзи» включает не только экономический аспект, но и духовно-этический. Думается, что генезис учения «цзин цзи» как комплекса единого целостного знания (включавшего и экономический аспект в качестве его составляющей) о поддержании жизни, дарованной Космосом (Небом), на основе рационально-этических принципов имеет существенное воздействие на генезис культуры Китая. Само бытование термина «цзин цзи» в политической культуре Поднебесной дает всем нам важное основание поразмышлять о причинах успехов и достижений современного Китая. Можно с уверенностью сказать, что, осуществляя реформы и обсуждая проблемы социально-экономического развития уже в современном значении этого термина, китайское руководство и элита решают собственно «экономические» проблемы по традиции в более широком жизненном контексте общества. Генетическая память, заложенная далекими предками в традиционную культуру Китая, ограждает потомков от различных крайностей и непродуманных решений. Характерно, что «цзин цзи» имеет значение бережливости, экономности в самом высоком смысле как соблюдение меры в потреблении природных ресурсов, продуктов труда и жизненной энергии самого социума и составляющих его людей как единого целого.

По сути, этико-политические идеи и нормы конфуцианства представляют теорию управления с помощью добродетели на основе «человеческих отношений», отдельные принципы которой последние десятилетия активно внедряются и в передовых корпорациях Запада. Развитие производства, экономное, бережное расходование средств, устранение злоупотреблений и забота о работниках — вот его культурно-экономическое кредо. Причем труд в конфуцианстве считается необходимым для обустройства как реального, так и в какой то степени потустороннего мира, поскольку они связаны рациональными, этическими принципами.

Конфуцианство явилось особой разновидностью рационализма. Если в основе протестантского рационализма лежали личностные, патримониальные отношения, то в конфуцианстве — «обряд» справедливости. И конфуцианец, и пуританин — люди «здравого смысла». Однако между ними есть различия. Если деятельность пуританина обусловливалась во многом энтузиазмом отдельной личности, то жизнь конфуцианца сковывалась ритуалом традиции и клановых отношений. Устойчивость социальных отношений в конфуцианстве в качестве их обратной стороны могла выступать тормозом при решении производственных задач, если они не инициировались передовой элитой.

Среди ученых и политиков активно обсуждается вопрос о совместимости идей демократического развития общества с конфуцианством. Многие исследователи, в т.ч. и С. Хантингтон, полагают, что традиционное конфуцианство следует считать скорее авторитарной концепцией, чем демократической, несмотря на его гуманистические принципы. Другие, например Ф. Фукуяма (в работе «Конфуцианство и демократия»), пытаются рассмотреть те сферы китайского общества, где конфуцианство не противоречит демократии. Среди них: традиционная конфуцианская система государственных экзаменов для от-

бора претендентов на должности в госаппарате; внимание к образованию (высокий образовательный уровень является важной основой демократического развития); роль большой семьи как своеобразного института предгражданского общества; значение базовых ценностей семьи и их распространение на все сообщество и управление; определенная толерантность конфуцианства и его открытость к новациям и др.

Конфуцианские принципы сыграли также важную роль в формировании китайской экономической стратегии. Среди них: опора на собственные силы и поддержка национальных производителей, развитие разных форм собственности. Можно особо отметить принцип «срединности», включающий, например, сочетание идей модернизации с интересами развития китайского общества, вхождение Китая в мировой рынок при защите национальных интересов и культуры, наличие в стране единого центра управления хозяйства и его гибкие отношения соподчинения с региональными субъектами и др. Все сказанное во многом свидетельствует о богатых возможностях конфуцианства в целом как диалектической системы традиционных принципов развития китайской культуры и цивилизации, которые всегда открыты для многообразных модификаций и трансформаций в соответствии с очередными вызовами эпохи и времени, но всегда на национальной почве.

Следы конфуцианской политической культуры (экзаменационная и контрольная служба наряду с наличием западного разделения власти на три ее «ветви»: законодательную, исполнительную и судебную) отчетливо прослеживаются в Конституции Республики Тайвань. В Конституции в ст. 84 говорится, что на Тайване «Отбор государственных служащих проводится на основании открытых конкурсов». В ст. 85 декларируется, что «никто не может быть назначен на государственную должность без прохождения экзаменов».[1] Палата контроля на Тайване является, как говорится в ст. 90, «высшим государственным контрольным органом, осуществляющим полномочия по представленным на ее рассмотрение делам по импичменту, порицанию и аудиту».[2]

В современных условиях конфуцианство является не только общепризнанной дальневосточной социально-этической доктриной, но и может рассматриваться как этическая основа для обоснования развития принципов толерантности в межцивилизационных отношениях глобализирующегося мира.

Конфуцианское учение в определенной степени затронуто ностальгией по идеальному представлению о древних временах, когда государь-правитель, почитавшийся народом как самый добродетельный и мудрейший человек, имел обыкновение избирать себе в преемники самого добродетельного и мудрого из своих подчиненных. Все, о чем писал и чему учил Конфуций, опиралось на мудрость древних китайских обычаев и их соответствующую трансформацию. «Передаю, а не создаю, — говорил он. — Верю в древность и люблю ее».

[1] Конституция Китайской Республики. Гл. 8. Экзаменационная система. — Правительственное информационное бюро Китайской Республики. — М: МК-Сервис, 1998. — С. 25 или в Интернете: htpp://www.gio.gow.tw. (Правительство КНР, как известно, считает о. Тайвань частью единой китайской территории и нации).

[2] Конституция Китайской Республики. Гл. 9. Экзаменационная система. — С. 27.

Конфуций и его последователи интерпретировали нормы древности творчески, весьма продуманно, с учетом реальности, в которой они жили.[1] Этой традиции следуют миллионы сторонников его учения. Многие конфуцианские афоризмы и максимы распространены вне дальневосточного ареала, широко известны и пользуются популярностью на протяжении многих сотен лет.[2]

Распространенные афоризмы и максимы конфуцианства

«Человек расширяет Путь, а не Путь расширяет человека».

«Правящий человек с помощью добродетели подобен полярной звезде, которая занимает свое место в окружении созвездий».

«Не беспокойся о том, что не занимаешь высокий пост. Беспокойся о том, хорошо ли служишь на том месте, где находишься».

«Не беспокойся о том, что тебя не знают. Беспокойся о том, достоин ли ты того, чтобы тебя знали».

«Благородный муж помогает людям увидеть то, что в них есть доброго, и не учит людей видеть то, что есть в них дурного. А низкий человек поступает наоборот».

«Если наставлять приказами и насаждать порядок наказаниями, то люди будут стараться обойти запреты и потеряют чувство стыда».

«Если наставлять добродетелью и поддерживать порядок посредством ритуала, люди будут знать, что такое стыд, и будут вести себя пристойно».

«Секрет доброго правления: правитель да будет правителем, подданный — подданным, отец — отцом, а сын — сыном».

«Когда верхи чтят ритуал, никто из простолюдинов не посмеет быть непочтительным; когда верхи чтят долг, никто из простолюдинов не посмеет быть непокорным».

«Когда верхи любят доверие, никто из простолюдинов не посмеет быть нечестным».

«Когда богатства распределяются равномерно, то не будет бедности».

«Когда в стране царит гармония, то народ не будет малочислен».

«Когда царит мир в отношениях между верхами и низами, не будет опасности свержения правителя».

«Если музыка и ритуал процветают, наказания не применяются надлежащим образом».

«Если наказания не применяются надлежащим образом, народ не знает, как себя вести».

«В кругу семьи почитай родителей. Вне семьи почитай старших. Будь честен и милостив с людьми, возлюби добро. Если, соблюдая эти правила, ты еще будешь иметь досуг, используй его для учения».

Ряд исследователей правильно обращают внимание на то, что особый тип цивилизации, характерный для Дальнего Востока и сложившийся во многом под

[1] **Hall D.L.,** Ames **R.T.** Thinking through Confucius. — N.-Y, 1987. — P. 24-26.
[2] Афоризмы старого Китая / пер. с кит. — М., 1991. — С. 15-25.

влиянием конфуцианства, сыграл далеко не последнюю роль в том, что наше время стало свидетелем подлинного прорыва в экономическом развитии этого региона. «И если даосизму китайцы обязаны прежде всего художественно-эстетической практикой, то конфуцианству жизненной рассудительностью, здравым смыслом».[1]

3. Черты китайского менталитета

Важнейшее качество китайского менталитета состоит в том, что китаец везде и всегда остается китайцем («хань»). Китайцы — это величайший этнический монолит на Земле, где «хань» составляют до 95% населения страны. У современных китайцев доминирует одна (2-я) группа крови, и генетически от большинства кровосмешений других этносов с китайским получается, как правило, китаец. Этнические и характерные культурные черты китайцев (достаточно обратить внимание на их сложнейший язык и иероглифическое письмо)[2] своеобразны и очень устойчивы. Вне Родины китайцы также традиционно живут большой семьей, общиной, кланом или сохраняют теснейшие связи. Китаец может достичь значительных успехов и за рубежом, но он обычно не теряет связи с Родиной и всегда готов для нее сделать все возможное и мечтает вернуться к родным очагам. У многих китайцев подспудно выражено некое чувство природного преимущества по отношению к иностранцам или снисхождения к ним в целом. Китайцы осознают, что они являются одним из древнейших этносов (народ, нация, цивилизация) на планете. Им принадлежит честь многих выдающихся открытий. У них соответствующие исторические представления о роли Китая в мире. Каждый китаец ощущает, что за ним «стоит» еще миллиард этнических братьев.

Само название Китая («Чжун го») означает «срединное государство». Это смысловое понятие отражает традицию представлений китайцев о самих себе именно как о «срединном царстве», т.е. о центре цивилизованного мира.[3] Даже сама картинка иероглифа «чжун» означает центр, середину и сразу «подтягивает» мысль именно к этому смыслу.

Соответственно, другие государства в китайской традиции находятся как бы по краям от Китая, над которым светит солнце, находящее в зените. Отсюда «Страна крайнего Юга» — Вьетнам; «Страна восходящего

[1] Лапицкий М.И. Роль нравственных ценностей и трудовой этики в развитии цивилизаций и межцивилизационных отношений // Проблемы сравнительной политологии. Вып. 1 / под ред. Г.Ю. Семигина. — М: Институт сравнительной политологии РАН, 2002. — С. 12.

[2] Общее число иероглифов — носителей кода — более 50 тыс. Понятно, что их возможности в этом смысле шире, чем знаковые коды других языков.

[3] Интересно, что попытка британской дипломатической миссии показать на глобусе точное место Китая в конце XVIII в. привела к дипломатическому скандалу: китайцы оскорбились, увидев меньшие, чем они ожидали, размеры тогдашнего Китая (Peyrefitte A. The Collision of Two Civilizations: The British Expedition to China in 1792-94. — L., 1993. — P. 147-148).

солнца» — Япония; «Страна заходящей предрассветной Луны» — Монголия
и др. Еще дальше от «Чжун го» находятся страны Европы и Америки: «Государство логики закона» — Франция; «Прекрасное государство» (для эмигрантов) — США, «Государство неожиданностей» (затягивания и мгновенных перемен) — Россия и др.

Со времен Конфуция китайская империя носила название Поднебесной; днем она находилась прямо под солнцем, в другое время — ориентировалась на яркую Полярную звезду — точку схода мирового круговорота и небесный знак державной власти. Многие города и здания в Китае сориентированы по линии именно с юга на север. И прежде всего родовая усадьба-мемориал Конфуция — «Учителя Поднебесного мира», в котором основные постройки располагаются одна за другой вдоль центральной оси храмового комплекса в направлении с юга на север. И чем дальше на север, тем величественнее здания и выше местность, хотя здания имеют одинаковую высоту, ведь небо повсюду одинаково удалено от Земли.[1] Точно так же спроектирован и Императорский ансамбль — Дворец Гугун в Пекине (около 10 тыс. помещений), в котором на протяжении 500 лет жили и царствовали китайские императоры.[2] Императорский дворец считался абсолютным поднебесным центром. Рассматриваемая традиция не могла не запечатлеться в памяти поколений.

У китайцев есть и другие психологические и культурные особенности восприятия картины мира. Хорошо известно, что китайцы живут по 60-летнему цикличному восточному календарю (двенадцать лет по пять циклов и (или) срок жизни трех поколений (по 20 лет)). Они также используют на базе изобретенной ими же десятичной системы исчисления тринитарную логику («исключенного третьего»). Отсюда некоторые особенности «китайского мышления» состоят в нахождении и привлечении «третьей силы» при явном противоборстве двух сторон. Отсюда же то, что не было сказано, может оказаться основным смыслом в китайском ответе, которого как бы нет. Древняя китайская максима гласит: «Кто знает — молчит, а кто не знает — говорит». Важным у китайцев следует считать то, что не высказано.

Существенная особенность психологии китайцев, как и многих других представителей восточных культур, — это понимание важности осознания «лица», или, иначе — острого чувства собственного достоинства, как и достоинства других. «Лицо» — это глубоко личное, душевное восприятие своего достоинства, положения и статуса, которое отражается, преломляется и постоянно оценивается в отношениях с другими людьми. Соответственно, в любой ситуации и любых взаимоотношениях с иными членами общества необходимо «сохранять лицо», а его «потеря» является недопустимой в глазах китайцев. «Лицо» китайца держится на добродетелях сердца: гуманности, справедливости, долженствовании, ответственности, мудрости и верности.

[1] Малявин В.В. Конфуций. — М., 1992. — С. 8.
[2] О Китае. Императорский Дворец Гугун. — Пекин, Синьсин, 1999. — С. 3.

Суть добродетели для китайцев так же, как и для японцев, состоит в том, чтобы делать скорее то, что правильно, а не то, что логично. В этом же состоит и приверженность китайцев к традиции. Ритуал уважения для китайцев в известном смысле предпочтительнее рационального поиска истины. С максимой «сохранения лица» связана и такая особенность китайцев, как склонность к безличному характеру дискуссий, переговоров, «отведению глаз», непроницаемость и т.п. Поскольку у китайцев главной ценностью и образцом правильного поведения считается большая семья (вся совокупность родственников), постольку обходительность и стремление к достижению консенсуса выступают их ведущей социальной ценностью.

Характерная особенность психологии и этики Китая — это чувство и принцип иерархии, которые упорядочивают положение китайца (его «лица») по отношению к другим членам конфуцианского общества, образуют семейные и клановые связи («гуанси»). Эти связи также подчиняются возрастным отношениям — особым уважением к старшим лицам. Данная система связей весьма прочна и устойчива, она отличает Китай, как и некоторые другие восточные общества. Причем в этой системе ее члены ответственны друг перед другом не столько юридически, сколько морально (прежде всего по родственной линии), что делает указанные связи еще более прочными. По сути, речь идет о клановой ответственности как внутри, так и вне клана. Чувство иерархии очень развито у китайцев с незапамятных времен. Осознание социального и иного неравенства положения тех или иных лиц является важным фактором, исторически обеспечивающим стабильность общества. В силу этого в китайское общество с определенными сложностями входят западные понятия «равенства прав и обязанностей человека» и т.п. У китайца всегда на ведущее место выдвигается ритуал.[1]

Принципы конфуцианского поведения (ритуала), даосизма

Объект	Качества ритуала
Родители	Сыновья почтительность
Школьные друзья	Помощь при необходимости
Рабочая ячейка	Прилежание, самопожертвование
Община	Солидарность
Я сам	Умеренность и смирение
Иностранцы	Правильное поведение, гостеприимство, сдержанность
Посторонние люди	Вежливость, гостеприимство
Китай	Преданность, патриотизм
Младшие друзья	Помощь советом
Старшие друзья	Уважение
Учитель	Уважение, послушание

[1] **Льюис** Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / пер. с англ. — М.: Дело, 1999.

Объект	Качества ритуала
Старший брат	Подчинение, послушание
Младший брат	Руководство, защита
Дети	Руководство, защита
Жена	Руководство, доброта

Одной из особенностей культуры и психологии китайцев выступает чувство смирения перед вечностью, ходом времени, судьбой, а также терпение, выработавшиеся за тысячелетия конфуцианской цивилизации. Конфуцианский символ смирения — китаец, плывущий вниз по течению реки жизни, но сидящий в лодке как бы лицом к пройденному пути и, соответственно, спиной к неизвестному «завтра». Зримое, уходящее вдаль, и скрывающееся за поворотом прошлое для китайца влиятельно постольку, поскольку у него можно учиться, с ним можно «советоваться», извлекать некую пользу и уроки для сегодняшнего дня, готовиться к неопределенному будущему. Китайцы чувствуют время циклично, как бы бегущим по виткам спирали, на которых вновь и вновь возникают сходные, повторяющиеся в главных чертах ситуации прошлого.

Учет китайцами «течения реки жизни» проявляется, в частности, в том, что они в жизни, деловых встречах и политике достаточно редко проявляют инициативу, как правило, не торопятся раскрывать свои планы, обычно сначала выслушивают другую сторону и выясняют ее позицию, чтобы затем откликнуться на нее и предложить свою собственную. Китайцы привыкли обстоятельно обдумывать свои предложения, «растягивают» процесс принятия решений, при этом ими ценится «работа мысли», неторопливое многозначительное размышление, немногословие. Ответы на поставленные проблемы китайцами могут даваться не сразу, а через прошествие некоторого промежутка времени.

В китайском менталитете заложена традиция беспрекословного подчинения начальству, что освящается, как минимум, двумя принципами. Во-первых, необходимостью уважения к решению старших; во-вторых, тем, что достижение управленческих постов в Китае традиционно требует длительной подготовки, сдачи серьезных экзаменов и в силу этого управленец как бы принадлежит к более высокому сословию. Оборотной стороной китайского смирения могут выступать всплески жестокости во время неординарных ситуаций (бунтов, революций).

К особенностям китайского менталитета можно отнести и прагматический стиль поведения. Во время деловых встреч китайские участники переговоров очень внимательны к двум вещам: к информации об обсуждаемом предмете и партнерам по переговорам; формированию «духа дружбы», причем этот «дух» на переговорах для них имеет очень большое значение, что в значительной степени обусловлено китайскими культурными традициями и ценностями. Они, по сути, отождествляют его с хорошими личными отношениями партнеров. При обязательном обмене рукопожатиями с китайцами сначала жмут руку наиболее высокопоставленного лица. В китайской делегации, как правило, много экспертов, и ее численность оказывается значительной. Китайцы ведут переговоры, довольно четко разграничивая отдельные этапы: первоначальное уточнение

позиций, их обсуждение и заключительный этап переговоров. На начальном этапе большое внимание уделяется внешнему виду партнеров, манере их поведения, отношениям внутри делегации. На этой основе китайцы пытаются определить статус каждого из участников переговоров. В дальнейшем они ориентируются на людей с более высоким статусом. В команде партнера выделяются люди, которые выражают симпатии китайской стороне. Именно через них китайцы впоследствии пытаются оказывать свое влияние на позицию контрагентов по переговорам.

На переговорах с китайской стороной следует ожидать, что китайцы будут ждать, пока другая переговаривающаяся сторона первой выскажет свою точку зрения и сделает предложения. Если переговоры проводятся на китайской территории (кстати, они любят проводить переговоры у себя дома), то хозяева могут сослаться на то, что согласно их традициям «гость говорит первым». Попытки же получить вначале информацию от китайской стороны часто оказываются безрезультатными или сводятся к общим положениям. Китайские бизнесмены и политики делают уступки обычно в конце переговоров, после того как оценят возможности противоположной стороны. Причем в момент, когда кажется, что переговоры зашли в тупик, китайцами вдруг вносятся новые предложения, предполагающие уступки. В результате переговоры возобновляются. Однако ошибки, допущенные партнером в ходе переговоров, умело используются ими. При этом не исключено, что по возможности они постараются улучшить для себя достигнутые договоренности, внести поправки и оговорки.

Китайцы используют широкий спектр психологических приемов для достижения успеха. Среди них: особая обходительность, гостеприимство, щедрость, подарки, пышные обеды и т.п. В Китае придают важное место налаживанию неформальных отношений с зарубежными партнерами. Вас могут спросить о возрасте, семейном положении, детях и другом, пригласить в гости или в ресторан, где предложат большое количество блюд, и т.д.

Характерной особенностью мышления китайцев является, в частности, широкое использование ими стратагемных принципов. Основоположником стратагемного мышления считается Сюнь-Цзы (313—238 гг. до н. э., автор книги «Трактат о военном искусстве» и др.). Логическое искусство стратагем — умение облекать предварительные стратегические расчеты и планы в форму ловушек, в скрытые от противника хитроумные политические западни.[1]

Стратагемность в какой-то степени является чертой национального характера, китайской психологии. Китайцы любят «стратагемно» мыслить, широко используют стратагемные ловушки для достижения успеха. Стратагемность являет собой школу психологического и политического противоборства, которой присущи свои законы и требования. «Если ты и можешь что-нибудь, — писал Сунь-Цзы, — показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься

[1] Сюнь-Цзы // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль / рук. научн. проекта Г.Ю. Семигин. — М.: Мысль, 1997. — С. 140.

чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; заманивай его выгодой, приведи его в расстройство и бери его; если он силен, уклоняйся от него».[1]

Образцы китайских стратагем

«Объединиться с дальним врагом, чтобы побить ближнего».

«На Востоке поднимать шум, на Западе нападать».

«Объявить, что только собираешься пройти сквозь государство X, и захватить его».

«В покое ждать утомленного врага».

«Скрывать за улыбкой кинжал».

«Чтобы обезвредить разбойничью шайку, надо сначала поймать главаря».

«Тайно подкладывать хворост в котел другого».

«Заманить на крышу и убрать лестницу».

«Украсть балки и заменить их гнилыми подпорками».

«Бегство (при полной безнадежности) — лучшая стратагема» и др.[2]

Можно попытаться сравнить ментальные и общекультурные особенности целеполагания и поведения китайской, западной и российской цивилизаций. С опорой на координаты китайской традиции западную цивилизацию некоторые исследователи подводят под символ образа «тигра» (энергия), китайскую — под символ образа «дракона» (сила), а российскую—под символ образа «змеи» (воля). На основании этих разработок можно представить следующую классификацию.

Схема сравнительного сопоставления западной, конфуцианской и российской цивилизаций по идеальным векторам культуры («души», «ума» и «сердца»)[3]

Вектор	Запад	Китай	Россия
>	центробежный	центр	центростремительный
>	активный	безразличный	пассивный
>	ускорение	устойчивость	торможение
>	натиск	равновесие	сопротивление
>	положительный	нулевой	отрицательный
>	выталкивание	индифферентность	поглощение
>	деятельный	безучастный	созерцательный
>	секс	голод	холод, здоровье
>	бодрость	благополучие	действие
>	движение	покои	заряд

[1] **Конрад Н.И.** Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. — М., 1950. — С. 34.

[2] **Зенгер Х. фон.** Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия / пер. с нем. — М., 1995. — С. 348.

[3] **Девятое А.** Красный Дракон. Китай и Россия в двадцать первом веке. — М.: Алгоритм, 2002. — С. 96-97.

Вектор	Запад	Китай	Россия
>	энергия	потенциал	страх
>	соблазн	сила	воля
>	мышление	память (опыт)	предчувствие
>	бесчувствие	чувства	цельный
>	дробный	симметричный	консервативный
>	либеральный	нетенденциозный	идеалы
>	потребности	интересы	слава
>	деньги	власть	великодушие
>	малодушие	равнодушие	целесообразность
>	закон	ритуал	удовольствие
>	капитал	роскошь	эмоции
>	мысли	образы	иррационально (и по
>	рационально	интуитивно	совести)
>	методично	традиционно	оригинально
>	примитивный	изощренный	простой
>	четкость	намек, умолчание	пространность
>	точно	скрупулезно	приблизительно
>	наука	ремесло	культура
>	личность	семья	община
>	одиночно	толпа	очередь
>	демократия	бюрократия	аристократия
>	конкуренция	клановость	солидарность
>	свобода	братство	равенство
>	моноактивный	реактивный	полиактивный
>	намеренно	рок (судьба)	ненароком
>	делание	бесстрастие	покаяние
>	оптимизм	смирение	пессимизм
>	в темпе	не спеша	рывками
>	быстрый	неподвижный	медленный
>	земной	человеческий	небесный
>	протестантизм	конфуцианство	православие
>	богатство	добродетель	гармония

Понятно, что любая идеальная типология имеет определенные «узкие места». Так, и в приведенной схеме ряд понятий можно отнести к двум, а иногда и к трем цивилизациям. Однако в целом она дает некоторое представление о специфических особенностях рассматриваемых культур и менталитете их характерных представителей.

4. Особенности политической культуры Китая

В основе современной политической культуры Китая лежат ценности китаизированного «рыночного социализма», «китайской национальной идеи», син-

теза конфуцианской и легистской традиций. Этот ценностный ряд опосредует интересы и соответствующие политические ориентации китайских граждан.

Первые десятилетия после образования Китайской Народной Республики ее политическая культура в целом формировалась и развивалась под влиянием господствующих в государстве и обществе маоистских идей и идеологии, носила тоталитарно-авторитарный характер. Это особенно ярко проявилось в годы «культурной революции», когда все несогласные с официальным партийно-государственным курсом в лучшем случае увольнялись с работы, подвергались моральному и физическому насилию, отправлялись на «перевоспитание» в деревни.

Важные изменения в политической культуре китайского общества начали происходить с 80-х гг. XX в. Это было связано в первую очередь с распространением и утверждением в Китае «рыночно-социалистической» идеологии и ценностей вследствие реформ, начатых под руководством видного деятеля КПК и китайского государства Дэн Сяопина (1902-1997 гг.). Эти идеи и ценности постепенно формировались в процессе перехода от маоистской (или радикальной) модели «партийно-государственного социализма» к современной стратегии «китайского рыночного социализма».[1]

Официальная биография Дэн Сяопина широко распространена в Китае и включает 20 тыс. иероглифов (самая объемная в стране). В Уставе Коммунистической партии Китая (насчитывающей более 66 млн членов и являющейся ведущей политической силой этой страны с 1949 г.) говорится, что КПК руководствуется марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Под руководством Дэн Сяопина была разработана реалистическая, долговременная концепция построения «рыночного китайского социализма», соединяющего модернизм, традиционализм и национализм.

Дэн Сяопин родился 22 августа 1904 г. в далекой от Пекина самой большой и населенной провинции Сычуань, в зажиточной крестьянской семье. Его отец (Дэн Веньмин) являлся членом тайного общества «Добрая воля» и разбирался в политике. Материальное состояние семьи позволило Дэну пройти курс школьного обучения, включавшего изучение иероглифики, конфуцианских учений, философии государственного управления, исторических хроник, древних книг, искусства и др. Школьное образование по тем временам было доступно немногим — 90% населения было неграмотным. В Китае образованность была непременным условием удачной карьеры и давала возможность стать уважаемым чиновником, судьей, офицером. Так, минимальным требованием было знание не менее 5 тысяч иероглифов — в среднем в каждом из знаков 20-25 линий. Дэн Сяопин еще в школьном возрасте увлекся демократическими идеями, в 1920 г. как член революционно-демократической организации «Движение 4 мая» в составе группы ее молодых активистов (88 чел.) был послан на учебу во Францию, обучался в гимназиях «Бретань байе»

[1] Selected Works of Deng Xiaoping, 1975-1982. — Beijing Foreign Languages Press, 1984.

(Марсель) и Шатийон-сюр-Сен» (Дижон), работал в предместьях Парижа. Член Социалистического союза молодежи Китая с момента его основания (1922 г.), с 1924 г. — член французской секции КПК. Занимался изданием партийной печати, в т.ч. журнала «Красный луч» (его редактором был будущий премьер-министр Китая Чжоу Эньлай), представлял интересы Гоминьдана во Франции (коммунисты некоторое время вступали в эту организацию и сотрудничали с ней). В январе 1926 г. выслан из Франции за агитационную деятельность. (Следующий раз посетил Францию спустя 48 лет, будучи заместителем премьера Госсовета Китая, несмотря на все еще имевшее силу постановление о его высылке из страны). В 1926 г. учился в Университете имени Сунь Ятсена в Москве (существовал с 1925 по 1930 г., в нем прошли обучение несколько тысяч китайцев). Вернувшись в Китай, участвовал в Великом походе на северо-запад страны (1934-1935 гг.), командовал вооруженными отрядами, сражавшимися против японских оккупантов (1937-1945 гг.) и Гоминьдана (1945-1949 гг.). В 1945 г. был назначен секретарем Компартии Китая, в 1952 г. — вице-премьером, а в 1954 г. — генеральным секретарем КПК. В конце 1950-х гг. разошелся во мнениях о стратегии социально-экономического развития страны с руководителем Китая Мао Цзэдуном, который полагал, что быстрый экономический рост может быть достигнут за счет мобилизации усилий трудящихся масс при минимальном привлечении современной техники и отказе от частного предпринимательства. Этот курс Мао Цзэдуна (политика «большого скачка») привел к регрессу. Дэн Сяопин был сторонником неприемлемой для Мао «прагматической» линии. Особая позиция Дэна привела к тому, что в ходе «культурной революции» 1966-1969 гг. он и его сторонники стали жертвами репрессий (сослан в глухую деревню с женой «на перевоспитание», старший сын искалечен). В 1973 г. был реабилитирован и назначен заместителем премьер-министра, в 1975 г. — заместитель председателя ЦК КПК и начальником Генерального штаба. После смерти Чжоу Энлая в 1976 г. т.н. «группировка четырех» отстранила Дэна от власти. В сентябре 1976 г. умер Мао Цзэдун, что создало условия для прихода к власти реалистических кругов в КПК. В июле 1977 г. Дэн вернул себе все посты в руководстве. В сельском хозяйстве была упразднена система маоистских «народных коммун». Дэн Сяопин разработал концепцию китайского рыночного социализма (китайский нэп: широкое использование рыночных принципов при условии сохранения контроля государства в ведущих отраслях производства, а КПК — в политической жизни страны), а также основные направления и принципы модернизации общества. В соответствии с ними в сфере промышленности рыночные реформы и образование специальных экономических зон привели к буму в производстве (самые высокие темпы экономического развития в последние десятилетия XX в.) и экспорте потребительских товаров, особенно в приморских провинциях на юге страны; стали активно привлекаться иностранные инвестиции. Китай широко экспортирует радиоэлектронику, запускает искусственные спутники Зем-

ли, полностью обеспечил собственным продовольствием более чем миллиардное население. Интересна оценка перспектив развития Китая Дэн Сяопином. Ему принадлежат слова: «Бедность — не социализм. Мы бедны, поэтому социализма у нас нет. Только в середине будущего столетия (XXI в.), когда мы достигнем уровня среднеразвитых стран, можно будет в полный голос говорить о преимуществах социализма и о том, что он построен у нас». И еще: «Экономическое развитие выше классовой борьбы». Целесообразно сравнить это с известным лозунгом Мао Цзэдуна: «Три года упорного труда — десять тысяч лет счастья». И Мао Цзэдун, и Дэн Сяопин говорили о социализме, но представляли его, соответственно, первый — в форме «военного коммунизма», второй — «новой экономической политики». Дэн Сяопин неоднократно подчеркивал, что только «рыночный, национальный социализм» может спасти Китай и сделать его великой державой. Не менее важно для него было сохранение стабильности в обществе и государстве. В 1990-х гг., несмотря на ухудшение состояния здоровья, Дэн продолжал оказывать значительное влияние на политическую жизнь Китая. Умер Дэн Сяопин в Пекине 19 февраля 1997 г.

Основные положения учения Дэн Сяопина сводятся к своеобразному китайскому нэпу (новой экономической политике), прообраз которого он наблюдал в СССР в начале 1920-х гг., проходя там учебу по линии китайской Компартии. Стратегия Дэн Сяопина была нацелена на широкое использование рыночных принципов и форм хозяйствования при условии сохранения контроля государства в ведущих отраслях производства и руководящей роли КПК в политической жизни страны. При этом, с одной стороны, предусматривается широкий выход китайских товаропроизводителей на всемирный рынок, включая создание свободных экономических зон в самом Китае, с другой — широкое использование традиций и менталитета ханьского общества для сохранения его целостности и стабильного развития страны.[1] Важно также заметить, что в учении Дэн Сяопина нашла отражение древнекитайская традиция акцентирования национальных интересов Китая и дальнейшая разработка стратегии его безопасности. Основные идеи Дэн Сяопина включают разделы: 1. О стратегии национального развития. 2. О международной стратегической ситуации и национальных интересах КНР. 3. О стратегии национальной безопасности.[2] Проблемы войны и мира он рассматривал по линии «Восток — Запад», а развития — «Север — Юг».

Можно сказать, что рассмотренные идеи являются официальным ценностным рядом политической культуры Китая. Они являются обязательными для членов правящей многомиллионной Коммунистической партии и в силу своей эффективности и привлекательности широко поддерживаются значительной частью населения страны.

[1] Wu Jie. On Den Hiaoping Thought. — Beijing Foreign Languages Press, 1996.

[2] Selected Works of Deng Hiaoping. Vol. Ill (1982-1992). — Beijing: Foreign Languages Press, 1994.

Динамика роста численности членов Компартии Китая

Съезды КПК	Время проведения,годы	Численность партии, млн человек
VI	1928	0,4
VII	1945	1,2
VIII	1956	11
IX	1969	22
X	1973	28
XI	1977	33
XII	1982	40
XIII	1987	46
XIV	1992	51
XV	1997	58
XVI	2002	66

Политическая культура современного Китая включает как бы два среза (вида). Первый, основной — официальная культура мышления и поведения в рамках господствующей идеологии. Второй, меньший — культура политического «инакомыслия» и поведения. Принятый в 1979 г. Закон о выборах предусматривает, что количество кандидатов должно в полтора раза превышать количество мандатов, что делает возможным выборы и беспартийных депутатов, число которых растет. Это создает необходимые предпосылки для плюрализма мнений в рамках официальной платформы.[1] Среди организованных групп населения интересы КПК представляют массовые организации трудящихся — многомиллионные Всекитайская федерация профсоюзов и Всекитайская федерация женщин.

Основные ориентиры и доминанты официальной китайской политической линии, идеологии и культуры в последние десятилетия рассматриваются и закрепляются на съездах правящей партии. На XVI съезде КПК (2002 г.) была дана положительная оценка существующей модели роста, хорошо показавшей себя в предшествующий 20-летний период. За это время в силу исюгючительно высоких и стабильных темпов экономического развития (до 8-9% в год) произошло «учетверение» китайского внутреннего валового продукта. Были в основном решены три важнейшие проблемы, в течение веков являвшиеся социальными оковами и тормозами Китая: питания, жилья и работы для подавляющего большинства китайцев. В крупных городах и в прибрежных районах сформировался средний класс, но «сельскому» Китаю еще долго будет суждено оставаться бедным.

В 70-е гг. XX в. Китай решил проблему «трех вещей» для каждого китайца: велосипеда, часов и швейной машины. В 1980-90 гг. она выглядела уже как возможность широкого приобретения телевизоров, холодильников и СВЧ-печей. В начале XXI в. часть китайских горожан уже может позволить себе иметь компьютер, отдельную квартиру и автомобиль.

[1] **Tianjian Shi.** Political Participation in Beijing. — Cambridge, Mass. — USA, 1997.

Из-за огромного населения внутренний валовой продукт на душу населения в Китайской Народной Республике составляет пока не более 5% от японского, а уровень урбанизации далеко отстает от развитых стран.

XVI съезд КПК сформулировал стратегию развития китайского общества на ближайшие полвека: к середине XXI в. закончить в основном модернизацию и превратить Китай в «богатую, могущественную, демократическую и цивилизованную социалистическую державу». На этом пути планируется добиться четырехкратного увеличения национального внутреннего валового продукта, высоких среднегодовых темпов роста экономики (до 7-8%). В Китае поставлена долговременная задача обеспечения перехода от экстенсивной к интенсивной модели роста. Речь идет о том, что экономика будет развиваться не только за счет растущих вложений в производство дешевого труда, материальных и природных ресурсов, загрязнения окружающей среды, а й в силу все более рационального использования высоких технологий, высококвалифицированной рабочей силы, передовой науки, планирования семьи (что важно в условиях перенаселения), повышения производительности аграрного сектора и др.[1]

Условия в перенаселенном Китае таковы, что под гигантским давлением многомиллионной армии безработных, увеличивающейся по мере вхождения в трудоспособный возраст десятков миллионов молодых китайцев, страна должна непрерывно создавать значительное (многомиллионное) количество новых рабочих мест. Вот почему Китайской Народной Республике необходимо выдерживать максимально высокие темпы экономического роста, расширения внутреннего рынка, развития экспортных видов производства, повышения покупательной способности населения и т.д.

КНР в последние годы приступила к экспорту капиталов для создания условий стабильного поступления в страну природных ресурсов и свободно конвертируемой валюты. За пределами страны создано уже более 5000 предприятий. Так, китайская национальная нефтяная корпорация приобрела нефтяные месторождения в ряде стран, договорившись о создании совместных нефте- и газодобывающих предприятий в Перу, Венесуэле, Ираке, Судане, Иране, Италии, Индии, Казахстане, Туркмении и России. Китайская сторона наряду с другими зарубежными участниками начала участвовать в открытых российских конкурсах по приобретению пакетов акций соответствующих сибирских нефте- и газовых компаний Российской Федерации. Китай весьма заинтересован в стабильности поставок сырьевых ресурсов из стран СНГ, а эти государства — в надежном и объемном потребителе своей продукции.

Сможет ли Китай догнать страны «золотого миллиарда» и стать высокоразвитой страной постиндустриального общества на основе «экономики знаний»? При размышлении о китайской стратегии можно обратить внимание на то, что Китай пока следует в целом догоняющей модели развития, сформулированной в рамках концепции строительства социализма с китайской спецификой. В этой связи китайский исследователь Цзин Синь сформулировал необходимость акти-

[1] Сельские земли в Китае находятся в собственности государства, но сдаются в аренду, в различные формы землепользования, включая частную, на длительный срок.

визации национальных исследований в области НТР. Он писал, что «200 лет назад Китай был самым могучим и самым большим экономическим государством, даже впереди Индии, Франции и Англии. США были на 9-м месте. В 1963 г. ВВП Японии был сопоставим с ВВП Китая того времени, но в 1992 г. увеличился по сравнению с Китаем в 8 раз. В 1999 г. производственные мощности экономики США в целом достигли более 500 трлн долл., а китайская экономика делает только первые шаги. В 2000 г. ее ВВП превысил 1 трлн долл. Электроника, телефонная связь, TV, приемники, ЭВМ, витамины, но мы производим их на одном уровне и даже в большем количестве. Но что же изобрели сами китайцы? Как сопоставить эти нынешние приоритеты с внешними открытиями наших предков и их вкладом в мировую цивилизацию? С точки зрения численности Нобелевских премий в XXI в. китайцы не могут находиться за пределами рассмотрения нобелевских наград. Китай не может по-прежнему заниматься лишь повторением чужих шагов и достижений».[1]

Произошли определенные изменения в официальных партийно-политических, идеологических и культурных установках и ценностях. Речь идет о дальнейшей модернизации руководящей идеологии и расширении социальной базы многомиллионной правящей партии. Суть обновленного подхода сформулирована в выдвинутой генеральным секретарем КПК Цзян Цзэминем теории «трех представительств», которая дополняет ценности и установки «рыночного социализма». Вот как он сам их расшифровал: «Наша партия должна постоянно представлять требования развития передовых производительных сил Китая, постоянно представлять прогрессивное направление передовой китайской культуры, постоянно представлять коренные интересы самых широких слоев китайского народа».[2] Речь идет о постепенном превращении КПК в партию, в которой будут широко представлены различные социальные слои, включая предпринимателей. Усиливаются в партии и элементы национализма. В целом она все более приобретает характер политической организации, соответствующей задачам руководства развивающимся корпоративным капитализмом в условиях управляемой демократии, освещаемой рыночно-социалистической, умеренно-националистической и традиционалистской фразеологией. В принятой съездом поправке к уставу КПК говорится, что Коммунистическая партия Китая является авангардом не только рабочего класса Китая, китайского народа, но и китайской нации. При вступлении в партию впервые сняты все ограничения на размер имущества и дохода. Членом партии теперь может быть и зарубежный китайский миллионер, вступивший в ее ряды и регулярно отчисляющий взносы в партийную казну (3% от своих доходов).

На развитие политической культуры Китая оказывает воздействие «гуаньси» — система, построенная на лояльности клановых связей. Она пронизывает всю сферу общественно-экономической и политической жизни китайского общества. В политике она подразумевает систему взаимодействий, клиентелизма,

[1] **Цзин Синь. Доклады о китайской** проблеме. Суровые вычовы **Китая в новом столетии (на кит. яз.). — Пекин, 2001. — С. 3.**

[2] **Независимая газета. — 2002.** — 22 ноября. - С. 10.

клановой преемственности. Ее положительной стороной является корпоратизм, плавная, безболезненная смена руководства. Эта система позволяет также вписывать в «почетные скрижали истории» имена прежних руководителей, обеспечивать последовательность политической линии, сохранять материально-властные позиции того или иного клана и «гарантии неприкосновенности» для конкретных лиц. Именно этим был обусловлен в свое время плавный переход власти от «фракции» Дэн Сяопина к близкой по идеям и составу фракции во главе с Цзян Цзэминем, а от него — к нынешнему, молодому руководству КПК и Китая во главе с Ху Цзиньтао, избранному генеральным секретарем КПК на ее XVI съезде. Это уже четвертая генерация руководителей КНР (Мао Цзэдун — Дэн Сяопин — Цзян Цзэминь — Ху Дзиньтао).

Приход новой генерации руководителей Китая знаменует уход на вторую линию «Люсу пай» — «фракции учившихся в СССР», знавших язык, традицию и культуру России. Чжан Цзэминь, например, хорошо знает русский язык; любит петь русские песни, что неоднократно демонстрировалось им во время встреч с российскими лидерами. Он, кстати, неплохо владеет и английским языком: во время встречи с М. Тэтчер декламировал ей сонеты Шекспира на языке автора.

В традиции политической культуры Китая особая роль отводится сохранению ритуала, сложившихся норм и их постепенной трансформации в духе конфуцианского правила «золотой середины». В докладе Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК это было сформулировано так: «По-прежнему держась курса на приоритет стабильности, правильно разрешать отношения между ней, реформой и развитием. Стабильность — предпосылка реформы и развития. Важно соединять динамику реформы и темпы развития с их посильностью для общества, брать постоянное улучшение жизни народа за важный пункт стыковки в разрешении отношений между реформой и развитием, с одной стороны, и стабильностью — с другой».[1]

Понятно, что в современных условиях Китайской Народной Республики стабильность — это тот идеал, который требует авторитарности с элементами управляемой демократии. Некоторые исследователи, учитывая практику официальных властей, использующих как формальные, так неформальные координационные механизмы, называют китайскую политическую систему разновидностью фрагментированного авторитаризма.[2]

В середине 1990-х гг. XX в. в Китайской Народной Республике, Гонконге и Тайване было проведено весьма репрезентативное обследование общественного мнения о влиянии политических систем на понятия морали и нравственности.[3] Жителей этих государств (Гонконг еще не входил в состав КНР) просили ответить на вопросы о том, в какой мере можно и следует доверять руководителям выработку решений, касающихся жизни общества.

[1] Независимая газета. — 2002. — 22 ноября. — С. 10.

[2] **Kenneth Lieberthal, Michel Oksenberg.** Policy Making in China: Leaders, Structures and Processes. — Princeton, Hew Jersey, 1988.

[3] **Merion M.** Political System of China // Comparative Politics Today. A World View. Seventh Edition. Ed. by Gabriel A Almond, G. Bingham Powell, Jr., Kaare Strom, Russel J. Dalton. — Longman: New-York, 2000. — P. 430-435.

На вопрос «власти имеют право определять, какие мнения могут циркулировать в обществе, а какие — нет?» утвердительно ответили: в Китае — около 60%, на Тайване и Гонконге (до объединения с Китаем) — около 30% респондентов.

На вопрос «мы может предоставить решение всех проблем морально безупречным лидерам?» положительно ответили, соответственно, 70%, 50% и 27% респондентов.

На вопрос «мы должны выполнять все решения высших руководителей по национальным проблемам?» положительно ответили, соответственно, около 80%, 30% и 28% респондентов.

Таким образом, опросы общественного мнения подтверждают, что жители Китайской Народной Республики в большей степени склонны жертвовать гражданскими свободами и передавать право политических решений руководству. Далее, если вопрос формулируется в духе конфуцианского культурного ряда, то жители континентального Китая в большей степени готовы вручать своим лидерам значительный объем властных полномочий, чем жители тех «конфуцианских государств», которые широко открыты международному рынку и свободным информационным потокам. Ясно также, что в целом позитивное принятие авторитарной власти гражданами Китая в определенной степени объясняется как культурной традицией конфуцианства, так и развития Китайской Народной Республики. Причем взгляды китайцев-горожан (КНР) по некоторым вопросам иногда ближе к взглядам граждан о. Тайвань, чем китайцев-крестьян из КНР.

В КНР существует и оппозиционная (официальной) политическая культура. Она обычно ярко проявляется в несанкционированных митингах и демонстрациях. Одна из самых известных таких демонстраций состоялась 4 июня в 1989 г. на пекинской площади Тяньаньмынь. В ней приняли участие десятки тысяч человек под лозунгами демократизации общества, которая должна дополнить официальную государственную программу 4 модернизаций (по сельскохозяйственному, промышленному, оборонному и научно-техническому направлениям). Эта демонстрация, как известно, была разогнана с использованием специальных и регулярных воинских подразделений. Несанкционированные манифестации в КНР осуждаются, запрещаются, для их недопущения иногда используются военизированные подразделения.

Весьма активной в политическом смысле частью китайского общества проявило себя в последние десятилетия студенчество. У него постепенно формируются черты политической субкультуры. Для нее характерна большая отзывчивость на особенности политического процесса в Китае, ослабление влияния ряда элементов традиционной культуры, восприимчивость к новым политическим идеям. В результате проводившегося в середине 1980 г. исследования системы ценностей у студентов пекинских вузов и учащихся педагогического техникума г. Ляочэн (провинция Шаньдун) было показано, что у городской молодежи ослабевают свойственные для человека в традиционном китайском обществе такие качества, как пассивность, бегство от действительности, интравертность, «следование воле Неба» и т.д. С другой стороны, у китайской молодежи возрастает значение таких ценностей, как ориентация на участие в конкурентной борьбе, активность, самостоятельность и др.

Политизации общественного сознания китайских студентов, их повышенной политической активности способствует ряд факторов, связанных как с особенностью бытовых условий, так и с более высоким уровнем образования, большей социальной мобильностью, более активным приобщением к иностранным ценностям. Проживание в общежитиях в отрыве от семьи — оплота традиционалистской культуры — приводит к ослаблению влияния традиционных социокультурных ценностей, формированию специфической студенческой субкультуры, а также облегчает распространение информации, способствует сплочению студенчества вокруг популярных идей, делает возможным совместное выступление за свои права. Кроме того, для Китая вообще характерно активное участие учащейся молодежи в политических выступлениях. В XX в. китайское студенчество также являлось важной составной частью многих политических движений и событий («Движение 4 мая 1919 г.», демонстрации в декабре 1935 г. в Пекине против капитулянтской политики гоминьдана по отношению к японской агрессии, активность студентов в период «культурной революции», выступления в 1980-е гг.).

Результаты опроса (1989 г.) учащихся Хэнаньского университета свидетельствовали, что демократия в их понимании ассоциировалась прежде всего с понятиями «правление на основе закона, но не воли личности», «неподкупное правительство», «демократический централизм», «равенство возможностей». Меньшее значение придавалось «плюрализму», «многопартийной системе». Ряд учащихся путали понятия «служение во имя блага народа» и собственно «демократию» (на китайском языке это близкие понятия: «миньчжучжуи» = «демократии» («народ» + «хозяин») и «миньбэньчжуи» («служение во благо народа»). При этом более половины респондентов считали возможным для правительства преступать закон в условиях «экстренной ситуации».[1]

В последние годы в КНР появился ряд независимых органов печати, бурно развивается Интернет, что создает предпосылки для становления широкого спектра либерально-демократических и иных взглядов и движений. В октябре 1998 г. Китай подписал конвенцию ООН по гражданским и политическим правам, но одновременно дал понять Западу, что не допустит навязывания Китаю западной модели демократии с ее акцентом на «правах человека», проведя серию процессов против диссидентов.

В ходе реформ в Китайской Народной Республике уменьшилось количество государственных предприятий и выросло количество частных, совместных предприятий и фирм, принадлежащих как китайцам, так и иностранцам, развиваются «открытые экономические зоны». Их представители — относительно свободные субъекты экономической деятельности — также начинают втягиваться в политику и предлагать различные варианты реформирования общества.

По мнению многих специалистов, Коммунистическая партия Китая в обозримой перспективе будет занимать ведущую роль в процессах политического управления страной. Вместе с тем, для того чтобы сохранить влияние и ав-

[1] **Остров П.Б., Остроухое О.Л.** Политическая культура КНР // Политическая культура: теория и национальные модели / отв. ред. К.С. Гаджиев. — М., 1994. — С. 307-308.

торитет в условиях рыночных отношений и обеспечения модернизации общества, китайская Компартия, очевидно, будет продолжать процесс и собственной трансформации.

Во внешней политике Китая проявляется его традиционный менталитет долговременная, «пошаговая стратегия» создания благоприятных условий дл> реализации своих национальных интересов. КНР проводит расчетливую политику сотрудничества со всеми мировыми центрами силы. Наряду с традиционными экономическими отношениями с США, Японией, другими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона Китай в последние годы стал уделять больше внимания сотрудничеству с ведущими странами Европейского содружества. Между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, их народами издавна существует широкий круг взаимоотношений по различным направлениям сотрудничества. Россия и Китай регулярно проводят консультации, обмениваются визитами на высшем уровне. Позиции руководства Российской Федерации по ряду узловых проблем мировой политики близки к официальной китайской политике. Китай и Россия проявляют озабоченность по поводу несанкционированных ООН военных действий США. Начал складываться политико-дипломатический «треугольник» Москва — Пекин — Дели. Китай традиционно заинтересован в поставках российских энергоресурсов, военных технологий и техники, в подготовке своих специалистов в ведущих вузах России, а также в приграничном сотрудничестве. Вместе с тем значительный рост численности этнических китайцев в Приморском и Хабаровском краях Российской Федерации создает определенные проблемы. Приграничные с Китаем российские территории не могут не привлекать внимания китайцев, составляющих 23% населения земного шара, которые, по откровенным намекам некоторых китайских политиков, «вынуждены ютиться на 7% мировой суши». Указанные обстоятельства ставят на повестку дня вопросы увеличения количества россиян, проживающих и работающих на Дальнем Востоке Российской Федерации.[1]

Итак, можно сделать ряд выводов о характере и особенностях китайской политической культуры:

во-первых, она представляет собой разновидность преимущественно авторитарной, «подданническо-партисипаторной» политической культуры в условиях существующей более полувека однопартийно-государственной системы, в которой Коммунистическая партия Китая играет ключевую роль;

во-вторых, ее основной ценностный и ориентационный «ряд» представляет своеобразный симбиоз идей, лежащих в основе деятельности КПК (марксизма, маоизма, дэнсяопинизма и др.), а также традиционных конфуцианских и националистических положений;

[1] Численность жителей Дальневосточного федерального округа с 1989 по 2002 г. уменьшилась в результате миграции и других причин на 16% (см.: Госкомстат подвел предварительные итоги всероссийской переписи // Независимая газета. — 2003. — 25 апреля. — С. 3.

в-третьих, политическая культура Китая выступает в двух основных формах: официальной (официально-массовой) и оппозиционной (реформистской и либеральной);

в-четвертых, важную роль в китайской политической культуре играют ценности и установки различных кланов;

в-пятых, особо стоит отметить традиции авторитарного восприятия власти, конфуцианского менталитета «семья — государство» и соответствующего поведения в политике; принципиальную роль тысячелетних традиций в развитии политической культуры;

в-шестых, в современном Китае наблюдается возрастающая роль национально-этнических ценностей и их своеобразное преломление в политическом курсе;

в-седьмых, можно выделить различия в политической культуре горожан и селян, в первой большее место занимают ценности шиорализма, формальной демократии и т.д.;

в-восьмых, наблюдаются преобладание групповой справедливости над принципами индивидуальной свободы и нравственный характер требования к государству;

в-девятых, существует достаточный уровень согласия в обществе о его основных политических и иных ценностях;

в-десятых, для большинства субъектов политического участия в Китае характерна традиционная ориентация на «партию власти», широкое и эффективное использование «властного ресурса» в процессе избирательных кампаний;

в-одиннадцатых, во внешней политике Китая проявляются принципы традиционного ханьского политико-культурного менталитета. Их смысл состоит, с одной стороны, в избегании Китаем прямых столкновений и конфронтации на международной арене; а с другой — в упорном и последовательном обеспечении для китайского общества и государства выгодных внешнеполитических условий развития при опоре на зарубежные этнические китайские общины.

Политическая культура Китая имманентно воздействует на развитие китайского общества и по мере его трансформации видоизменяется сама, приобретая некоторые новые ценности плюралистического и демократического ряда.

Ключевые понятия

конфуцианство (и его основные понятия)
неоконфуцианство
дао, даосизм
легизм
«гуанси»
ритуал («ли»)
«жэнь»
маоизм
«китайский рыночный социализм»
китайская национальная идея
китайский менталитет
стратагема
учение «цзин цзи»
идеи Дэн Сяопина (дэнсяопинизм)
«хуацяо»

«инь» и «ян»	теория «трех представительств»
закон («фа»)	китайское летоисчисление, чувство времени
«хань»	
поколение «люсу пай»	четвертая генерация руководителей Китая

Вопросы для самостоятельной работы

1. Каковы характерные черты и особенности конфуцианской цивилизации?
2. В чем суть учения Конфуция, его жизненного пути?
3. Охарактеризуйте понятийный аппарат конфуцианства.
4. В чем современное значение конфуцианства?
5. Каково традиционное понимание экономики («цзин цзи») в Китае?
6. В чем суть легизма и его эволюции во взаимоотношениях с конфуцианством?
7. Каково содержание основных политических ценностей китайской политической культуры?
8. Охарактеризуйте китайский менталитет.
9. В чем особенности современной политической культуры Китая?
10. В чем особенности электоральной культуры Китая?
11. Охарактеризуйте особенности отношения граждан Китая и Тайваня к властям.
12. Приведите основные афоризмы и максимы Конфуция.
13. В чем состоит сущность концепции «китайского рыночного социализма»?
14. Что означает китайская теория «трех представительств»?
15. Какую роль сыграл Дэн Сяопин в разработке идей модернизации Китая?
16. Что означает «трехшаговая» стратегия развития Китая?
17. Что понимается под стратагемностью китайского мышления и менталитета?
18. Каковы два основных вида (среза) китайской политической культуры?
19. Охарактеризуйте динамику роста численности КПК и ее трансформации.
20. Сравните китайскую, советскую и современную российскую политические культуры.
21. Каковы пути и направления диалога и сотрудничества между российской и китайской цивилизациями (государствами)?
22. В чем состоят достижения и проблемы взаимоотношений между конфуцианской и северо-американской цивилизациями (по С. Хантингтону)?
23. Был ли в космосе гражданин Китая?
24. Какую роль сыграла китайская культура (в т.ч. политическая) в достижении китайским обществом высоких и устойчивых темпов экономического развития за последние четверть века?
25. Что содействует стабильности китайского общества?
26. Какую роль в китайском обществе играют политические традиции, система «гуанси»?

27. Чем объясняются сверхбыстрые темпы роста пользователей Интернета в странах Дальневосточной цивилизации (Китае)?

28. В чем выражается синтез трех основных в условиях Китая религиозно-идеологических систем (конфуцианства, даосизма и буддизма)?

29. Почему конфуцианство являлось и продолжает являться духовно-этической матрицей культуры Китая независимо от исторически меняющихся политических режимов и систем китайского общества?

30. В силу каких причин «социалистические идеи» вот уже более полувека остаются одной из политико-культурных доминант Китая?

31. Как вы думаете, было ли возможным использование китайского опыта социально-экономической и политической модернизации в 1980-е гг. в СССР и насколько целесообразно обращение к его принципам в современных российских условиях?

Глава 13
Своеобразие культурного и цивилизационного развития Индии

М. Тэтчер: «Индия — это цивилизация, религия и исторический опыт».

У. Черчилль: «Индия — это нечто большее, чем просто нация. Это — географический термин. Называть ее нацией — все равно что называть нацией экватор».

Махатма Ганди: «Цивилизация — это такое поведение, которое указывает человеку путь долга. Исполнение долга и соблюдение морали — взаимозаменяемые понятия. Соблюдать правила морали — значит господствовать над своими мыслями и страстями. Поступая так, мы познаем самих себя. По-гуджаратски слово «цивилизация» означает «хорошее поведение». Индийская цивилизация стремится возвысить нравственное существование. Понимая это и веря в это, каждый, кто любит Индию, должен прильнуть к древней индийской цивилизации, как дитя к материнской груди».

Н. Чоудхури: «Главная отличительная черта индуизма — слияние религии и мирской жизни. Суть индуистской религиозности не в мистическом самопогружении, а в практическом, утилитарном характере отношений между людьми и богами».

С. Радхакришнан: «Веды вечны, так как вечны составляющие их слова».

Т. Мертон: «Веды, и особенно Бхагавад-гита, по праву могут быть названы литературным фундаментом культурной цивилизации Индии».

Бхагавад-гита как она есть с комментариями А. Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады. Звенья парампары (цепи духовных учителей) не должны прерываться. Господь хотел, чтобы знание, которое он некогда открыл людям в Ведах, снова стало передаваться по ученической преемственности.

Индира Ганди: «Когда мы говорим об ускоренной индустриализации в развивающихся странах, мы не намереваемся имитировать западные образцы. Развитие и внедрение технологии должно быть созвучно экономическим традициям общества. Наша политика должна формулироваться с учетом нашей истории, культуры и собственного видения будущего».

А.Б. Ваджпаи: «В Индии существует национальный консенсус относительно необходимости поддержания крепких и стабильных отношений с Российской Федерацией».

/. *Параметры индийского сообщества*

Индия как страна, государство и одна из древнейших азиатских цивилизаций всегда вызывала особый интерес у исследователей. Первые датированные остатки бронзовой культуры, найденные в долине р. Инд, относятся к началу III тысячелетия до н. э. Древнейшее классовое общество существовало в долине Инда уже во второй половине III тысячелетия до н. э. (Хараппская цивилизация). Во второй половине II тысячелетия до н. э. с Северо-запада началось проникновение в Индию т.н. ариев, принадлежавших к индоевропейской языковой общности, поселившихся сначала в Пенджабе, а затем и в долине Ганга.

Индийцы первыми научились выращивать рис, хлопчатник, сахарный тростник, стали разводить домашнюю птицу. Они подарили миру шахматы и десятичную систему исчисления. Достижения древней и средневековой Индии в области науки, литературы и искусства, зародившиеся в этой стране, различные религиозно-философские системы оказали воздействие на развитие многих цивилизаций Востока и Запада, стали неотъемлемой частью мировой культуры.

За пять тысяч лет своего существования Индия неоднократно подвергалась иноземным нашествиям, прошла периоды подъема и упадка, однако сумела сохранить свою великую культуру и самобытную цивилизацию; на ее территории сложилось великое многозтническое и полиязыковое сообщество. Население страны в начале XXI в. достигло 1 млрд человек. Осуществляется государственная политика ограничения рождаемости и планирования семьи.[1]

Индия (на языке хинди — Бхарат) представляет собой мега-государство на Юге Азии. Территория — 3,28 млн кв. км. Административно-территориальное деление: 28 штатов и 7 союзных территорий, управляемых центром. Штаты делятся на дистрикты (округа), последние — на талуки (тахсилы). Крупнейшие города: столица — Дели (9 млн), Калькутта (11 млн), Мумбай (13 млн), Ченнаи (6 млн), Бангалор (4,2 млн), Хайдарабад (4,4 млн), Ахмедабад (3 млн) и др.

Индия — одна из самых многонациональных стран мира, гетерогенное общество. В ней проживают несколько сотен наций, народностей и племенных групп (в общей сложности до пятисот!), говорящих на 1652 различных языках и диалектах и находящихся на разных ступенях социально-экономического развития и стадиях формирования этнических общностей. Государственный язык Индии — хинди; временно вторым государственным языком считается английский.

Северную и центральную части страны населяют народы, говорящие на языках индоарийской группы индоевропейской языковой семьи (72% всего населения): хиндустанцы (многочисленные родственные локальные группы), маратхи, бенгальцы, бихарцы, гуджаратцы, ория, раджастханцы, панджабцы, ассамцы, пахари, бхилы и др. К дар декой языковой группе относятся кашмирцы.

[1] **Kumar R.** The Emergence of Modern India — India, Shimla, Indian Institute of Advancened Study, 1990.— P. 10.

Южную Индию населяют в основном народы дравидийской языковой семьи (25% всего населения): телугу, или андхра, тамилы, каннара, малаяли, гонды. ораоны, куй и др. В горных районах Центральной Индии живут народы языковой семьи мунда: санталы, мундари и др. На Севере и Северо-Востоке Индии пс границам с Непалом, Китаем и Бирмой живут горные народности и племена, говорящие на тибето-бирманских языках: гаро, бодо, трипура, микиры, нага, канаури и др. Кхаси (в штате Ассам) и никобарцы (на одноименных островах) относятся к монкхмерской языковой семье. На изолированных языках говорят андаманцы и буришки.

Конституцией Индии в качестве официальных признаны 15 языков, но лингвисты различают как минимум 24 языка, на каждом из которых говорят не менее 1 млн человек, и множество диалектов.

Базовые принципы официальной культурной политики в Индии в языковой сфере нацелены на развитие всей системы национальных языков. Оптимальный вариант для граждан Индии: билингвизм или трилингвизм, которые предполагают владение официальным языком штата (родным языком), хинди (языком большинства индийцев) и английским языками.

Федеративный, многонациональный и поликультурный характер Республики Индия как бы закрепляется (идеологически, политически и духовно) в гимне страны, где перечисляются ее основные географические и цивилизационные составляющие. Гимн Индии был утвержден 24 января 1950 г. Учредительным собранием на основе песни Рабиндраната Тагора «Джана-гана-мана», первоначально написанной на языке бенгали. В переводе на язык хинди гимн был впервые исполнен 27 декабря 1911 г. на калькуттской сессии Индийского национального конгресса, затем был переведен Р. Тагором на английский язык.

Текст гимна:

«Слава тебе — властителю дум всех народов, Вершителю судьбы Индии, Вдохновляющему сердца Пенджаба, Синда, Гуджарата и Махараштры, Страны дравидов, Ориссы и Бенгалии, Твое имя эхом гремит в горах Виндья и в Гималаях, Сливается оно с музыкой Ямуны и Ганга, Подхватывают его волны Индийского океана, Прося твоего благословения и славя тебя, Слава тебе, направляющему к счастью все народы, Вершителю судьбы Индии! Слава, слава, слава!»

Религия подавляющего большинства населения Индии (свыше 83%) — индуизм; ислам (главным образом суннитского толка) исповедует свыше 12,2% всего населения, христианство — 2,3%, сикхизм — около 1,9%, буддизм — свыше 0,8%, джайнизм - около 0,4%. Есть небольшое число зороастрийцев и иудаистов. У некоторых горных народов сохраняются древние верования (культы предков, сил природы и др.).[1]

За годы независимого развития (с 1947 г.) Индия проделала путь от отсталой аграрной страны до современной аграрно-индустриальной с развитыми про-

[1] Страны мира. Справочник.....М., 1998.....С. 173- 174

мышленностью, торговлей и товарно-денежными отношениями. В сельском хозяйстве (используются как современные, так и примитивные формы организации труда) занято около 60% самодеятельного населения, в промышленности — менее 20%. До сих пор две трети населения проживает в сельской местности (в 500 тыс. деревень).

Разумное сочетание государственного регулирования с политикой либерализации обеспечили быстрое развитие экономики Индии (прирост ВНП в среднем за последние 40 лет составлял более 5% в год). Страна стала обеспечивать себя продовольствием. По уровню валового внутреннего продукта Индия вошла в шестерку крупнейших экономических держав мира. Ее экономику отличают избыток и дешевизна рабочей силы, высокая культура труда во многих сферах производства — как современных, так и традиционных. Индия стала космической и ядерной державой (в 1974 г. произведен взрыв первого индийского ядерного устройства, в 1980 г. созданный в стране ракетоноситель вывел на орбиту искусственный спутник Земли; всего Индия запустила в космос более двухсот спутников). По числу специалистов с высшим образованием Индия занимает одно из первых мест в мире. Страна ежегодно экспортирует компьютерные программы на сумму до 4 млрд долл. Индия планирует в перспективе достичь ежегодного экспорта информационных технологий на сумму до 20 млрд долл., что составит 25% всей мировой продукции в этой сфере и обеспечит рабочими местами более 2 млн человек. Индийские ученые разработали уникальный сверхкомпьютер ПАРАМ-10 000 (аналогами располагают лишь Япония и США).'

По мнению экспертов, именно производство и экспорт программного компьютерного обеспечения, требующие применения самых современных технологий и использования высококвалифицированных научно-технических специалистов, помогут Индии улучшить ее позиции на мировом рынке (в т.ч. и европейском) и создадут возможности для расширения импорта необходимых ей товаров и технологий.[2]

Начиная с рубежа 1990-х гг. Индия последовательно идет по пути реформ, творчески сочетая либерализацию рыночных отношений с их рациональным государственным регулированием, с тем «чтобы стать конкурентоспособной на международном рынке и превратиться в важного глобального игрока».[3]

В то же время из-за большого количества населения и его ежегодного прироста до 10-15 млн человек национальный доход (в расчете на каждого индийца) составляет не более 250 долл. США в год. Усиливаются контрасты неравномерного развития в условиях смешанной экономики. Примерно 240-250 млн индийцев живут ниже официальной черты бедности. Безработица составляет более 40 млн человек. Часть взрослого населения неграмотна. Современный средний уровень жизни существует лишь у представителей соответствующих профес-

[1] Дипкурьер. Приложение к Независимой газете. — 2000. — 3 февраля. — № 2. — С. 2.

[2] India and The European Union. Into the 21st Century. Ed. By H.S. Chopra — Indian Council of World Affairs. — New Delhi, 2000. — P. 6-7.

[3] **Ситхараман С.** Первый бюджет нового тысячелетия // Индия. Перспективы. — М., 2000.— С. 24.

сий городского населения. Социальные противоречия нередко реализуются в русле религиозно-общинных, этнических или кастовых столкновений.

> *М. Тэтчер:* «На деле существуют две Индии, сближения которых пока не наблюдается. Одна их них — необразованная, нередко неграмотная, чрезмерно подверженная разным болезням, хотя больше и не страдает от голода, все еще лишена в значительной мере того, что представители Запада считают минимально необходимыми удобствами. Эта Индия, потрясающая и приводящая в ужас, тем не менее реальна. Но есть и другая Индия, которая не менее реальна, — Индия будущего, страна, достигшая высот в науке и технике и имеющая первоклассные университеты, лидер в сфере информационных технологий и наукоемких отраслей. Эта вторая Индия быстро формирует жизненно важную социальную основу экономического прогресса — ориентированный на бизнес средний класс. Несмотря на то что существует еще очень много факторов, сдерживающих развитие второй Индии, — засилие бюрократии, недостаток электроэнергии, нехватка квалифицированных рабочих, индийская экономика поистине изумляет тех, кто одно время рассуждал о несовместимости предпринимательского духа и индийской культуры. Темп экономического развития Индии стабильно держится на уровне 5% в год. Если рыночные реформы будут продолжаться, то Индия сможет реализовать свой потенциал и превратиться в одну из крупнейших в мире экономических держав».'

Индия является членом Организации Объединенных Наций с момента ее создания, одним из основателей и лидеров Движения неприсоединения. Ей принадлежит ряд крупных инициатив, направленных на стабилизацию обстановки в мире, решение проблем разоружения. Индия принимает активное участие в международных усилиях по разблокированию региональных конфликтов. Существенное значение индийское руководство придает Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК). Предпринимаются шаги с целью снижения напряженности в индийско-пакистанских отношениях, урегулирования проблем сепаратизма в пограничных штатах Пенджаб, Джамму и Кашмир.

Выход Индии в первую десятку мира по объему промышленного производства, развитие в ней сверхсовременных технологий, наличие значительного числа высококлассных научно-технических специалистов, потенциал которых используется во многих странах мира, наконец, вступление страны в «ядерный клуб» — все это свидетельствует о фактическом превращении Индии в великую державу независимо от того, входит ли она формально в список постоянных членов Совета Безопасности ООН или нет.

Имея в виду значительную численность индийского населения, плюралистические принципы политической организации индийского общества, наличие многопартийного парламента, регулярность выборов и традиции массового

' Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / пер. с англ. — М., 2003. — С. 228-229.

политического участия, ее нередко называют «самой большой демократией в мире». Индийская политика обычно взвешена. Политическая мысль Индии эсновывается на древнейшей философской традиции. Индийская политическая наука является достаточно развитой. Организационно ее представляет Индий-:кая ассоциация политической науки и многочисленные департаменты политических наук в индийских университетах.'

Что касается российско-индийских отношений, то они, как отмечал премьер-министр Индии А.Б. Ваджпаи в интервью газете «Известия», «опираются на традиции наших цивилизаций, прошли проверку временем и продолжают крепнуть».[2]

2. Духовные и цивилизационные основы индийского общества

Индо-буддийская цивилизация всегда занимала существенное место в мировом сообществе, имела и имеет значительный потенциал для своего развития. Ее ареал — это прежде всего обширный Южно-азиатский регион.[3] На территории Южной Азии, кроме Республики Индия, расположены Бангладеш, Бутан, Мальдивы, Непал, Пакистан и Шри-Ланка. М. Тэтчер, неоднократно бывавшая в Индии и специально изучавшая особенности ее социокультурного и политического развития, писала о том, что было бы не совсем правильно смотреть на Индию лишь с точки зрения ее размеров и географии — только как на обширную часть Азии и огромную страну. «Индия, по ее в целом обоснованному, на наш взгляд, мнению, это цивилизация, религия и исторический опыт. Они отличаются от иных, в т.ч. и восточно-азиатских цивилизаций».[4]

Соглашаясь с данным подходом, мы бы несколько расширили и поставили в ином «генетическом» порядке указанный ряд, а именно: культура, религия, цивилизация, исторический опыт индо-буддийской цивилизации.

Ценности индуизма, а также буддизма во многом определяют доминанты культуры и политики в обществах Южной Азии. Их изучение является ключом к постижению закономерностей и специфики развития обществ этого региона, индуистской цивилизации. Индуистская (индо-буддийская) культура и религия выступают ценностным вектором индийской цивилизации. Индо-буддийская культура имеет синтетический, подчеркнуто мировоззренческий характер. Для

[1] Индийская ассоциация политической науки возникла в 1938 г., вторая в Азии после китайской (1932 г.). Она явилась одной из четырех ведущих национальных политологических ассоциаций (наряду с американской, канадской и французской), которые основали Международную ассоциацию политической науки в 1948 г. в г. Париже (Joan Coakley and John Trent J. History of the International Political Science Association. International Science Association. — Dublin, Ireland, 2000. — P. 12).

[1] Известия. — 2000. — 26 января.

[3] Южная Азия — природная и культурная область в Азии, охватывающая полуостров Индостан с близлежащими островами, Индо-Гангскую равнину и ее горное обрамление.

[4] Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира /пер. с англ. — М., 2003. — С. 223.

нее характерно слияние религии и философии. Различные направления в индуизме во многом перекликаются с основными древнеиндийскими религиозно-философскими школами.

Выделяют шесть классических школ древнеиндийской философии: Миманса — о возникновении мира из атомов — атеистическое направление; Веданта — о возникновении мира из Брахмы и роли индивидуальной души в его познании; Санкхья — об избавлении от страданий путем подавления телесного и стадий самопознания; Йога — о принципах и методах достижения особого духовного состояния, аскетизме; Ньяя и Вайшешика — о правилах логики, полезных для построения суждений, ведущих к освобождению души.

«Индусская культура весьма развита и величественна», — писал выдающийся немецкий философ Г.В.Ф. Гегель. Он обращал особое внимание на то, что индийская философия «тождественна с религией» индийцев (индусов), так что «философия интересуется теми же самыми вопросами, которые мы находим в религии, равно как и священные книги Веды являются общей основой также и философии».[1]

Духовной, мифологической, религиозной и культурной матрицей Индии с древнейших времен являются «Веды» (ведать, ведение, знание — санскрит), относящиеся к временному периоду от середины II до середины I тысячелетия до н. э. Веды представляют собой сборники религиозных и ритуальных текстов, религиозно-философские трактаты древних ариев, посвященные богам, космосу, человеку, власти и порядку. Согласно традиции, Веды называются «шрути» (услышанное), т.е. то, что услышано человеком из откровения Божества. Древнейшие Веды — Самхиты (гимны) — состоят из ряда сборников. К самым древним собраниям гимнов и священных формул относится «Ригведа» («Веда гимнов»), рассматривающая космогонические проблемы, происхождение мира из сущего и несущего, созидательное начало мироздания, его составные части и др.). По времени к ней примыкает «Артхарваведа» («Веда заговоров»), в которой представлены мысли о макро- и микрокосмических силах, роли времени как движущем начале сущего и др. Несколько позднее сформировались собрания «Самаведы» («Веды напевов») и «Яджурведы» («Веды формул жертвоприношения»). С «Ригведой» соотносятся «Брахманы» — сборники ритуальных текстов, лежащих в основе религии и традиции брахманизма до возникновения буддизма. В них, в частности, идентифицируется ядро микрокосма с мировым первоначалом — Атмана-Брахмана. Далее следуют «Араньяки» — «лесные книги», правила поведения для отшельников и философские тексты об Атмане в связи с иерархией живых существ. Затем выделяются «Упанишады» (буквально — «сидеть около», т.е. у ног учителя, получая «сокровенное знание») — около ста философских текстов, по форме представляющие диалог мудреца-учителя с учеником или с человеком, ищущим истину, изначальный корпус ре-

[1] Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 9. — Л., 1932. — С. 116.

лигиозных гимнов). Неслучайно на государственном гербе Индии запечатлены слова из Упанишад: «Только истина победит».

В «Упанишадах» формулируется закон «кармы», устанавливающий причинные отношения между поведением и знанием человека в настоящем и его реинкарнацией в будущем, а также учение о «сансаре» — круге перевоплощений индивида в результате действия «закона кармы». В текстах «Упанишад» также рассматриваются Атман, Брахман и Пуруша как жизненнообразующие начала мира и индивида, жизненные дыхания — праны, состояния сознания, бодрствования, сна и глубокого сна, способности чувств и действий, ума («манас») и распознавания.[1]

Ведийский культурный комплекс занимает особое место в развитии философии и всей мыслительной культуры индийского общества, имеет значение и для других индоевропейских народов.

Изучение индийской мифологической политической мысли полезно и интересно также для сопоставления с соответствующим периодом российской и индоевропейской мифологии в целом, т.к. многие корни индоевропейских слов (и русских в т.ч.), названия древних, дохристианских богов, мифы и ряд географических названий на территории Урала и Севера России имеют санскритские основы. На эту тему исследователь древнеиндийского эпоса Тилок еще в 1903 г. опубликовал в г. Бомбее свою книгу «Арктическая родина в Ведах». По мнению Тилока, Веды, созданные тысячи лет назад, рассказывают о жизни далеких предков индоевропейцев в указанных регионах. В Ведах, в частности, есть описания снега и льда, Полярной звезды, северного сияния и др. Множество рек, озер и ручейков в Архангельской и других северных областях и сегодня называются «по-санскритски»: Ганг, Шива, Индига, Индоманка и т.д. Зная санскрит, можно легко переводить названия этих рек на русский язык: «Сухона» — легко преодолимая, «Падма» — лотос, кувшинка, «Кубена» — извилистая, «Суда» — ручей и др.[2] В силу этого представляется целесообразной популяризация древнеиндийских мифов и санскритских ценностей в России, странах СНГ и др.

Важное место в Ведах, последующих трактатах, эпических поэмах («Махабхарате», ее части «Бхагавад-Гите» и др.) занимают положения о пракрити, или прадхане (материи, природе) как источнике всего наличного бытия (в т.ч. психики и сознания) и независимом от нее и не затрагиваемом ее модификациями чистом духе — Пуруше (именуемом также Атманом, Брахманом). Речь идет

[1] Ригведа. Избранные гимны / пер., комм, и вступит, ст. Т.Я. Елизаренковой. — М., 1972; Упанишады / пер., предисл. и комм. А.Я. Сыркина. — М., 1967; **Эрман В.Г.** Очерк истории ведийской литературы. — М., 1980.

[2] **Гусева Н.Р.** Индия: общество и традиция. — М., 1990; **Филиппов Ф.** Куда исчезли древляне и кривичи, или Почему вологодский говор в переводе на санскрит не нуждается // Известия. — 1996. — 18 марта.

о тождестве духовной сущности субъекта (человека) и объекта (природы), что нашло свое отражение в знаменитом изречении: «То еси ты» («Ты есть то», или «Ты — одно с тем»). Мир в Ведах представляется как недифференцированное бытие, а его развитие — последовательное прохождение этим бытием определенных состояний: огонь, вода, земля (или же газообразное, жидкое, твердое). Именно этим и объясняется необычайное многообразие элементов, субстанций, присущих миру, в т.ч. и человеческому сообществу. Отсюда же и огромное количество богов, их многоликость, возможность бесчисленного количества реинкарнаций («перевоплощений») человеческих душ. Познание и приобретенное знание в индийской традиции подразделяются на два уровня: низшее и высшее. На низшем уровне можно познать только окружающую действительность. Высшее — познание истины, т.е. духовного абсолюта, это восприятие бытия в его целостности, приобрести его можно прежде всего благодаря познанию смысла Вед, самосовершенствованию, используя интуицию, йогические упражнения и др. В рамках индуизма существует множество различных, в т.ч. противоречивых, направлений.

Индуизм — широкое религиозно-культурное течение. Оно распадается на ряд относительно независимых направлений. Так, выделяются: «большая» традиция Индии (корпус санскритских текстов и соответствующая практика), санскритская культура деревни, культура племен и др. Индуизм обладает чертами «инклузивизма» (П. Хакер), т.е. легко включает в собственную ценностную систему чужие традиции в качестве подчиненных или соответственно переосмысливает их. Можно сказать, что индуистская культура имманентно плюралистична и неоднородна; с религиозной точки зрения — веротерпима; с социальной — гуманна. «Не делай другому того, что было бы неприятно тебе самому», — говорится в «Махабхарате».

Основополагающим ценностным рядом индуизма и культуры Индии являются санскритские, ведические понятия «риты», «дхармы», «кармы», «мокши», «артхи», «камы» и др. В индийской культуре со времен «Ригведы» берет начало концепция Божественного закона «риты», который представляет собой космический порядок, установленный изначально на небесах и на земле Высшей Силой и требующий от человека определенного поведения. За его нарушение человека ждет Божественная кара. «Рита» воплощается на земле в виде «дхармы», которая включает весь круг обязанностей (в т.ч. и морально-правовых) и ответственности человека.

1. «Дхарма» — прежде всего обязанность и в известном смысле напоминает китайское «дао», но дифференцирована условиями кастовой системы и, возможно, менее ориентирована на официальные структуры; она направляет на творение добра, достойное поведение, ненасилие и др. «Дхармы» представляют собой комплексы моральных и правовых норм, определяющих добродетель человека. Они выражаются в знании Вед, морали, ритуале, правилах гигиены, очищения и приема пищи, образа жизни в зависимости от возраста и сословия, а также праве, законе, распоряжении. В «Дхармах» есть правила, обязательные для всех, а есть правила, связанные с происхождением, родом

занятий, возрастом и т.п. Отсюда наука об обязанностях — «дхармашастра».

2. «Артха» (богатство, благо, польза, эффективность) — следование нормам добродетельной жизни; «артхашастра» — наука о пользе государственного правления, эффективной политике («шастры» означают книги, в которых содержатся нормы поведения людей).

3. «Карма» в широком смысле — общая сумма совершенных всяким живым существом поступков и их последствий, определяющих характер его нового рождения или перевоплощения; в узком смысле — деяние, действие, влияние совершенных действий на характер настоящего и последующего существования.

4. «Мокша», или «мукти», — «освобождение», «спасение» от полного страданий и боли окружающего земного мира («сансары»), «высшая жизненная цель».

5. В концепции индуистской культуры существует также проблема удовольствия — («кама»), рассматриваемая в тантрических учениях, «камашастре».[1]

«Дхарма», «карма», «мокша», «артха», «кама» и другие одновременно представляют собой и важные этические нормы-принципы поведения и деятельности.

В индо-буддийской культурной традиции лежит требование исполнения и гармонического сочетания в своем поведении ее четырех основных этических норм: «дхармы», «артхи», «кармы» и «мокши». Известный индийский просветитель Свами Вивекананда обращал внимание на то, что «Веданта» (совокупность «Вед» и их толкований) охватывает всю индийскую духовную, религиозную, культурную и политическую жизнь. «Только ведийская религия рассматривает различные пути и методы и устанавливает правила для достижения человеком четырех целей — "артхи", "дхармы", "кармы" и "мокши"».[2]

Ценностный ряд индуизма и индийской культуры невозможно понять без анализа его опосредования кастовой системой. В «Ведах», «Махабхарате», «Законах Ману» заложены принципы кастовой дифференциации санскритского общества на четыре «варны» (сословия), которые якобы созданы богами из Пуруши (мирового тела, воды и духа). В них проповедуется изначальное, наследственное общественное неравенство: высшая каста — «брахманов» (жрецов), якобы создана Богом из его уст; каста «кшатриев» (воинов) создана Богом из своих рук; каста «вайшиев» (торговцев) — из его бедра; низшая каста — шудры (крестьяне, рабы) — из его ног. Еще ниже на сословной лестнице, точнее, полностью вне ее, находились «неприкасаемые» (или «хариджане» — «Божьи дети, как их позже назвал М. Ганди). На основе варн в индуистской цивилизации сложилась разветвленная система каст. («Каста» — португальское слово; оно пришло на замену индийского «джати», означающего «рожденный», что гово-

[1] Муромцев А.С. Источники индусского права // Вестник РУДН. Серия «Правоведение». — 1997. — № 1. — С . 38-39.

[2] Свами Вивекананда. Практическая веданта. Избранные работы / пер. с англ.; под ред. В.С. Костючснко. — М.: Ладомир, 1993. — С. 372-373.

рит о «рожденности по профессии»). Характерно, что «дхармы» Вед дифференцировались как по кастовым, так и личностным предписаниям.

> *С. Вивекананда:* «Правильные и истинные методы содержатся в Ведах — это джатидхарма, или дхарма, предписываемая для четырех каст, свадхарма или индивидуальная дхарма, предписываемая человеку в соответствии с его возможностями и занимаемым положением. Они представляют собой основу ведийской религии и ведийского общественного устройства».'

Так, например, «дхарма царя» предполагает ряд обязанностей. С точки зрения морального облика и воспитания ему следует быть энергичным, щедрым, благодарным, почитающим старших, сдержанным, мужественным, родовитым, правдивым, честным. С точки зрения искусства правления ему повсюду следует назначить опытных надзирателей, искусных, честных и прилежных в делах, связанных с приходом и расходом. Царь должен рассматривать судебные дела вместе со знающими брахманами в соответствии с дхармашастрой, свободный от гнева и алчности. При наличии свидетелей с обеих сторон вначале следует выслушать свидетелей сделавшего заявление первым. Юридически значимые действия, совершенные с применением силы или обмана, царь должен объявить недействительными».[2]

В зависимости от социально-культурной среды в индуизме выделялись его четыре модификации: брахманов, аристократии, народа и аскетов. Отсюда, в частности, проистекает веротерпимость индуизма и разнообразие обрядов в связи с социальным разделением общества. Хорошо известна характеристика индуизма, данная М. Вебером, который определял его как «магическую» религию.[3] Такой подход делает акцент на своеобразии индуизма, его мистических чертах или направлениях, но он недостаточен для понимания практического, утилитарного значения индуизма для культуры, политики и экономики.

Индийская (индуистская) модель культуры традиционно ориентирована на общество в целом и людей как частиц общего мироздания, подчиненных его законам. Идеалом признается такая организация общества, которая является оптимальной для достижения его целей (и лишь затем индивида) в соответствии с требованиями и нормами Вед. Главным понятием здесь является иерархия, где каждая социальная группа (каста) имеет свое место и обязанности. Иерархия структурирует общество в соответствии с его высшими целями. «Политическое» и «экономическое» выделяются из религиозного, допускается их значительная автономия, но, разумеется, они опосредуются индуистскими ценностями и принципами. В силу этого индуизм в определенных социальных средах и условиях исторически содействовал добросовестному, производительному труду, выполнению служебного, нрофессиональ-

[1] Свами Вивекананда. Практическая веданта / пер. с англ. — М.: Ладомир, 1993. — С. 372.

[2] Самозванцев А.М. Книга мудреца Яджнавалкьи. — М.: Наука, 1994. — С. 25-29; а также Законы Ману. — М.: Наука, 1960.

' Вебер М. Избранные произведения. — С. 14, 90.

ного и семейного долга, служению обществу, клану, группе и др. И сегодня индуизм может выступать в качестве фактора, способствующего интеграции общества и активизации усилий его членов в достижении позитивных целей. Если протестантская этика труда делала акцент на производительном труде индивидов в социально-стратифицированном обществе и соответствующих стимулах, то индуистская этика — прежде всего на взаимодействии членов соответствующих варн (каст), их совместном труде в интересах всего сообщества. Таким образом, с одной стороны, существует огромное разнообразие норм и ценностей в системе индуизма. Вместе с тем, с другой стороны — как верно заметил Б.С. Ерасов — «упорядочение этого разнообразия в системе жизненных целей (кама — артха — дхарма — мокша) и стадий (ашрамов), соединенное с кастовой иерархией, превращает индуизм в последовательную и четкую систему».[1] Причем мы назвали бы ее не только индуистской системой мировоззрения и мировосприятия, но и этического действия.

Некоторые социологи и политологи называют индийцев своеобразными «Homo hierarchicus». Однако эта «иерархичность» не мешает свободе религиозной и мировоззренческой воли индийца, для которого на первом месте стоит задача решения проблем группы и общества (или общества, через группу), а лишь затем личности в духе принятых правил и норм социального поведения. Среди них особое значение имеют ритуалы, семейные ценности, достойное поведение, почитание мифических богов, принципы ненасилия, трепетное отношение к окружающему их и представляемому как вечно живому миру природы (флоры и фауны). До сих пор никто из индийцев не посмеет грубо согнать с улицы даже самого крупного индийского города случайно попавшего на него животного, особенно если речь идет о таком «священном» млекопитающем, как корова.

Кастовая система была официально отменена в Индии в 50-е гг. XX в. Однако и в наше время, в частности по тем фамилиям, в которых отражается историческая профессионально-сословная принадлежность человека, можно установить бывшую кастовую линию и соответствующие особенности целого ряда индийских семей.[2] Многие индусы до сих пор придерживаются некоторых основных предписаний касты: наследования профессии, заключения брака в пределах кастового ареала, а также соблюдения кастовых традиций.

В VI в. до н. э. начал формироваться буддизм. Его основоположником явился Будда («просветленный»), живший в период с VI по V в. до н. э. Он выступал против кастовой системы (бедные и униженные, богатые и знатные—все равны), за служение людям, нравственность, ненасилие, срединный путь (между крайностями наслаждений (роскоши) и добровольных страданий). Акцент делался на личном опыте прозрения истины. Буддизм обычно включал Будду (учителя), «дхарму» (учение) и «сангху» (общину). В центре буддизма учение о четырех благородных истинах:

[1] Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. — М.: Наука, 1990. — С. 21.

[2] В брачных объявлениях в индийских газетах желательная каста для замужества (женитьбы) в силу понятных юридических причин не указывается. Однако объявление составляется таким образом, что из него становится ясным социальный, профессиональный, религиозный, имущественный и т.д. статус жениха или невесты.

существует страдание, его причина, состояние освобождения («нирвана») и путь к нему. Буддизм проповедует умеренную жизнь, воздержание, верность в любви.

> В Бенаресской проповеди Будды, которая, по преданию, относится к V в. до н. э. и в известном смысле на пять веков предшествует Нагорной речи-проповеди Иисуса Христа, предполагается путь самоуглубления и духовного самосовершенствования отдельного человека, а также возможность определенных действий в интересах людей: предотвращение зла, его пресечение, поддержка добра. В этой проповеди Будда определил восемь этапов на пути совершенствования человека: праведная вера, праведное решение, праведное слово, праведное деяние, праведная жизнь, праведное стремление, праведное воспоминание и праведное самоуглубление.[1]

Со временем буддизм распался на ряд направлений, поскольку путей спасения (освобождения) может быть несколько: познание, мистическое созерцание, аскетизм (в то же время не исключаются и практические деяния), вера в Будду, в его спасительную силу. В ходе развития буддизма в нем постепенно сложился культ Будды и «бодхисатв» (наставников и образцов в праведной жизни для других людей, ведущих их по пути нравственного совершенствования), появились «сангхи» (монашеские общины).

Некоторые течения буддизма (например, брахманизм) носят созерцательный (или аскетический) характер, делают акцент на устранении желаний, несвязанности с внешним миром и т.п. Пассивное направление в буддизме хорошо символизирует распространенный на Востоке образ трех сидящих вместе обезьянок, закрывших по очереди глаза, уши и рот, что, соответственно означает: «ничего не вижу», «ничего не слышу» и «ничего не говорю о зле». Другое течение в буддизме представляет дзэн-буддизм, требующий активной практики медитации, религиозно-мистического растворения индивидуального сознания в безличностном Абсолюте.[2] Существуют и более реалистические направления буддизма. Эти идеи были развиты в важном буддийском тексте «Сутра (правилах) лотоса благого закона», написанном в I—II в. н. э. в Индии, где признается самоценность реальной жизни человека, необходимость преодоления трудностей, твердости воли и проявления уважения к людям. В интерпретации ряда буддистов «дхарма» («дхамма») выступает как управляющая миром природная закономерность, естественный закон. Соответственно, для разумного поведения людей необходимы познание и применение законов развития природы и общества.[3]

Во время правления Ашоки (268-232 гг. до н. э.), объединившего Индию, буддизм признавался государственной религией, его влияние постепенно рас-

[1] Буддийский взгляд на мир / под ред. Е.П. Островской и В.И. Рудого. — М.; СПб., 1994.
[2] Буддизм. Словарь. — М, 1992.
[3] Представления о естественном характере законов, управляющих как мирозданием в целом, так и общественными отношениями, были развиты школой локаяты (чарвака), сторонники которой уже в VI в. до н. э. с реалистических позиций критиковали основные положения брахманизма, выступали с позиций светской концепции естественного права.

пространилось и на многие другие страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Однако привычная кастовая индуистская религия оказалась более востребованной к жизни. В конечном счете буддизм (в махаянской — широкой версии обожествления Будды) стал открытым для народных масс, сблизился с традиционной религией индийского народа (поклонение Вишну) и как бы дополнил индуизм, сохраняя некоторые свои черты.[1] Основной символ буддизма— чакра (от санскр. «колесо») запечатлен на государственном флаге Индии и гербе («дхарма-чакра» или «колесо закона»).

В традиционной индийской культуре выделяется прежде всего система ведических ценностей, в их числе базовые положения о необходимости гармонического сочетания четырех этических норм поведения и многое другое. В то же время в этой культуре распространены буддийские принципы праведной (умеренной) жизни, воздержания, исполнения долга, верности в любви, самопознания, самосовершенствования и др. Исследователи обращают внимание на то, что индуизм обычно глубоко национален; его последователи часто выступают с соответствующих культурных позиций. Буддизм в данном отношении более индифферентен.

Какие бы глубокие изменения ни происходили в индийском обществе, большинство носителей этих изменений считают себя сторонниками индуизма. Это возможно благодаря некоторым общим чертам индуизма, облегчающим его адаптацию.

Первой из этих черт является то, что индуизм допускает множество путей спасения и предписывает различные обязанности разным людям согласно уровню их развития и положению в жизни. Эта установка представляет последователю индуизма выбор между исполнением ритуалов, реализацией этических норм поведения, преданностью Богу (богам) или аскетизмом.

Смысл второй черты индуизма — представление о том, что религиозные и философские истины имеют не только теоретическое значение, но и применяются на практике. Вера в нереальность мира и индивида и конечное уничтожение первого не мешают сторонникам индуизма принимать активное участие в «мирских» делах. Видимое противоречие объясняется тем, что религиозные доктрины верны на другом, высшем, Божественном космическом уровне.

Третья черта индуизма, облегчающая адаптацию к новому, — это религиозно-стратификационная модель социальной организации, описанная в священных текстах (теория варн). Она выполняет важную связующую и объясняющую функцию по отношению к местным особенностям. Она связывает высшие ведические установки с экономической и политической мобильностью представителей различных каст и слоев, которые приобретают (или теряют) власть, богатство и современное образование.

Таким образом, санскритизация в известном смысле представляет собой сложный и противоречивый процесс вовлечения различных социальных и религиозных групп в общую систему действия, а также обеспечения необходимой мобильности тех групп, которые уже включены в ее «душу и плоть». Известный российский индолог, профессор Н.Р. Гусева в этой связи справедливо замечала,

[1] Неру Дж. Открытие Индии: в 3 кн. Кн. 1. / пер. с англ. — М., 1989. — С. 275.

что «индуизм нельзя считать только религией — это развитая, охватывающая все стороны быта и деловой жизни социально-правовая система, которая к тому же непрерывно меняет свои установления, гибко приспосабливаясь ко всему новому в общественной жизни. Я бы назвала индуизм процессом, непрерывно длящимся на протяжении уже 4 тысяч лет. Он проходил разные этапы развития и не прекращает изменяться и в наши дни». [1]

Существенное значение для понимания индуизма имеет его общегуманистическая направленность. Выдающийся российский исследователь, философ и художник, живший с 20-х гг. XX в. в Индии, Н.К. Рерих неоднократно подчеркивал, что исходя из базовых положений индийской (индуистской) культуры «нужно жить ради того, чтобы увеличивать сумму добра».

Индийская цивилизация имеет ряд характерных черт и особенностей в своем развитии, которые оказывают непосредственное воздействие на формирование политической культуры.

Изначальный приоритет государства над обществом — характерная черта индийской цивилизации. Здесь следует выделить восточный феномен власти-собственности; традиционное право руководителей и причастных к властным структурам существовать за счет избыточного продукта коллектива.

Особенностью индийской политической мысли и культуры являлось то, что в ней «сосуществовали» два варианта происхождения власти: основной — «передача» власти правителям от богов; эпизодический — соглашение между правителями и подданными. Но в любом случае важнейшим условием властвования являлось элитное (кастовое) происхождение правителя, установки его «дхармы»: долга и права управлять подданными.

Ценности и принципы классической культуры политического управления в Индии отражены в Ведах, законах Ману и особенно «Артхашастре, или Науке политики». «Артхашастра» представляет собой солидный сборник правил, поучений и рекомендаций, собранных брахманом Каутилья — советником царя Чандрагупты I (IV—III вв. до н. э.), дополнявшийся затем еще на протяжении нескольких веков.[2] Точный перевод книги с санскрита на русский язык означает: «Наука о государственном устройстве, управлении и его пользе». В «Артхашастре» явное предпочтение отдается практической пользе «артхе» и обусловленным ею политическим мероприятиям и административно-властным установлениям. Именно полезность выступает в этом исследовании в качестве определяющей основы и ведущего принципа политических действий, соответствующих задачам сильной, карающей власти и целям сохранения существующей социальной системы.[3]

В «Артхашастре» просматриваются реалистические аспекты политического управления в условиях царской власти и кастовой системы общества. Ярко выражена мысль о том, что власть и богатство следует приобретать, отстаивать и увеличивать всеми средствами — как хорошими, так и дурными, когда последние оказываются более надежными или единственно возможными. Через полто-

[1] **Гусева Н.Р.** Индия: общество и традиция. — М., 1990. — С. 16.

[2] Артхашастра, или Наука политики. [Текст] / под ред. В.И. Кальянова. — М.: Наука, 1993.— С. 3-12.

[3] Артхашастра // Политическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. — М., 2000. — С. 75-76.

ра тысячелетия этот принцип рассмотрит и разовьет в новых исторических условиях выдающийся флорентийский мыслитель Н. Макиавелли (1469-1527 гг.) в своей знаменитой работе «Государь». В целом выделение полезности в качестве самостоятельного начала означало заметный шаг в формировании индийской светской доктрины политико-управленческой культуры.

Индийскую цивилизацию нельзя понять без анализа той принципиальной роли, которую в ней играли община и общинные отношения. Причем в Индии в этой системе традиционно важную роль играла каста, кастовое самоуправление, социально гетерогенная многокастовая и многоклассовая община. Индиец существовал в замкнутом мире социально-религиозной общности, верил в перерождение душ, был «интровертом». По сравнению с Западом, гражданское общество на Востоке начало формироваться значительно позже, этот процесс продолжается и ныне, его воздействие на государство сравнительно слабее, а роль традиционной политической культуры в нем достаточно высока.

Общинное и местное самоуправление (панчаяты) всегда выполняло в Индии функции регуляции общинных отношений, взаимопомощи и т.д. В то же время кастовая индийская община обычно не культивировала политическую активность или широкую социальную солидарность. «Отсюда,—как писал известный российский востоковед Л .С. Васильев, — невиданный в других обществах политический вакуум, с легкостью заполнявшийся то одними, то другими, чаще всего внешними политическими силами. Отсюда же и отсутствие фадиции организованного социального протеста либо энергичного социально-политического сопротивления внешним силам».'

В силу этого индийское общество во многом оказалось социально и идеологически безоружным перед лицом сначала мусульманского вторжения, а затем более двухсотлетнего английского колониализма. В период монгольского господства в Индии многие касты (особенно низшие) перешли в мусульманство. В последующем это обернулось напряженными отношениями внутри этнически родственного народа, между индусами (большинство) и мусульманами.

Известный индийский политолог А.С. Наранг обращал внимание на то, что в традиционной Индии в организации общественных связей большую роль играла культура (религия), чем политика. Он имел в виду то, что отношения внутри семьи, рода, касты, общины регулировались обычаем и традицией (т.е. культурно-религиозными факторами), а сфера собственно политики охватывала, с одной стороны, взаимоотношения общин и деревень, а с другой—центральную или региональную власть. А.С. Наранг выделял два уровня локальной солидарности. Первый уровень определялся им внутри малых групп (собственной семьи и рода (родов)), второй— по отношению к большим группам (классу, общине (деревне), касте). Именно эти факторы лежали в основе инстшуционализации политической системы Индии, придавая ей стабильность *нелокальном* и хрупкость *яз.региональном и субрегиональном уровнях*[1]

[1] **Васильев** Л.С. История Востока: в 2 т. Т. 2. — М.: Наука, 1993. — С. 72.

[2] **Narang A. S.** Indian Government and Politics. — Gitanjali Publishing House, New Delhi, 1998. — P . 7.

Понятие прав личности в индийской политической мысли, как и в других восточных государствах, долгое время недостаточно разрабатывалось и учитывалось. Этот феномен объясняется длительным существованием деспотических государств на Востоке, отсутствием частной собственности на землю (феномен власти—собственности), историческими традициями. Имел значение и закон «кармы», гласивший, что судьба человека определяегся степенью его соблюдения «дхармы» и, соответственно, отражается в лучшую или худшую сторону в его будущих перерождениях.' Вместе с тем в судебных делах в Индии издавна использовался институт свидетелей, «достойных доверия, из всех варн, знающих всю "дхарму", чуждых жадности».[2]

В течение почти 200 лет Индия была колонией Великобритании. Противоречивыми для индийской цивилизации являются последствия английского колониального господства. Тяжелый колониальный гнет затормозил естественное политическое и экономическое развитие индийского сообщества, его культуры и языков, помешал развитию традиционных социальных отношений, вел к падению уровня жизни, сопровождался жестоким подавлением национально-освободительных восстаний и движений, приводил ко многим ненужным жертвам среди населения страны и т.д. В эти годы из Индии на безвозмездной основе в Великобританию были вывезены значительные ценности, составляющие часть ее национального богатства. К. Маркс, который много занимался изучением Индии, неоднократно обращал внимание на результаты колониального ограбления индийского народа и его тяжелые последствия — потрясающую нищету жителей, периодически повторяющийся голод, непрерывное выкачивание колонизаторами из страны огромных богатств.[3] В письме к Даниэльсону он назвал колонизаторскую политику в Индии «настоящим кровопусканием, вопиющим делом!».[4]

Об упадке индийской индустрии и сельского хозяйства в годы колониального правления писали, разумеется, и многие индийские исследователи, в их числе и премьер-министр Индии Дж. Неру. Соответствующий раздел его всемирно-известной книги «Открытие Индии», в котором анализируются последствия британского колониализма, называется «Деструкция индийской промышленности и упадок ее сельского хозяйства».[5]

Борьба индийского народа за независимость прошла в своем развитии ряд этапов, была ознаменована яркими примерами самоотверженных действий индийцев как насильственного, так и ненасильственного характера. Крупнейшими ее событиями явились: восстание индийских сипаев в 1857—1859 гг., движение несотрудничества с колониальными властями и гражданского неповиновения (в 1918-22 гг., в 1928-33 гг. и 1942 г.) во главе с М. Ганди и Дж. Неру, а также восстание военных индийских моряков в 1946 г. и др. В августе 1947 г. Индия добилась политической независимости, получив статус доминиона, а в январе 1950 г. была провозглашена республикой.

[1] Ригведа / под ред. Е.Я. Елизаренковой. — М., 1989. — С. 14-16.
[2] Законы Ману. — М.: Наука, 1960. — С. 23-25.
[3] Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии. — М., 1947. — С. 90-92.
[4] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 35. — С. 129.
[5] Jawaharlal Nehry. The Discovery of India — New Delhi, Sixth edition, 1988. — P. 298-302.

Предоставляя независимость Индии, Великобритания, по сути, разделила эту великую и единую в прошлом страну на два государства: индийское и преимущественно мусульманское — пакистанское, спровоцировав многочисленные столкновения между индусами и мусульманами. Пытаясь примирить враждующие стороны, погиб «отец индийской нации» М.К. Ганди.

В условиях колониального господства в Индии в первой половине XX в. были заложены начала ее индустриального развития, сформировались основные капиталистические классы, политические партии, их идеологии и культуры.[1]

Создание и развитие массовых общенациональных политических партий Индии (прежде всего Индийского национального конгресса и др.), профсоюзных и крестьянских организаций и движений сыграло важнейшую роль в подъеме национального и классового самосознания широких масс трудящихся. Это значительно способствовало активизации антиколониальной борьбы индийцев в первой половине XX в. Потенциально возникшая в своей основе еще в условиях британского колониального владычества, индийская многопартийная система (при ведущей роли Индийского национального конгресса) заложила базовые принципы будущей плюралистической демократии в этой стране.

Английское колониальное господство оказало значительное воздействие на вектор цивилизационного развития Индии, изменив его в сторону политической демократии, опосредуемой традиционными культурными ценностями, религиозными, социальными и этническими отношениями индийского общества.

Одним из следствий английского владычества, развития индийских социальных институтов и политической культуры страны явилась формально демократическая политическая система Индии. В результате были сформированы собственно как институты парламентского правления, так и понимание того, какие социальные установки заставляют их работать, а это нечто такое, что достаточно сложно воспитать у элиты и народных масс. Под руководством английской администрации и при активном участии индийских политических лидеров была разработана ныне действующая Конституция Республики Индия. В результате этого, несмотря на различные кризисы, охватывавшие индийское общество во второй половине XX в., демократические конституционные принципы поддерживаются обществом; положения конституции повсеместно уважаются, выборы ни разу не срывались, их результаты не аннулировались, армия страны находится под конституционным и гражданским контролем.

К моменту получения независимости Индия имела более или менее упорядоченное, хотя и весьма запутанное, законодательство. На его основе функционировала вся общественная жизнь страны. Это законодательство, в частности, устранило некоторые негуманные пережитки старого индийского общества (самосожжение вдовы на погребальном костре — обычай сати) и др. Индия унаследовала западную традицию формирования и деятельности правительства в специфических условиях колониальной страны. На индийскую гражданскую службу, еще до получения независимости, стали допускать пред-

[1] Narang A S. Indian Government and Politics. — Gitanjali Publishing House, New Delhi, 1998.— P. 9.

ставителей различных рас, поэтому накануне обретения независимости около половины ее персонала составляли индийцы. Значительно более крупная структура — провинциальная гражданская служба — вообще полностью была индийской. Как следствие, к моменту ухода англичан в 1947 г. страна имела целый штат опытных работников, которые могли взять на себя задачи управления новым независимым мега-государством. Индийская бюрократия играет важную роль в обеспечении стабильности государственных институтов и их функционировании.

Следствием колониального господства стал общий для Индии официальный язык. Это хотя и обострило проблемы национальных отношений и языков, но явилось весьма важным интегрирующим фактором для такой огромной страны. В современных условиях хинди, на котором говорит значительная часть жителей, имеет статус официального языка, а английский — второго языка, используемого как для различных официальных целей, так и в международных отношениях. Знание индийской элитой английского языка и культуры дает ей потенциальные преимущества перед многими азиатскими и иными конкурентами при участии в мировой торговле, бизнесе и т.д.

В период борьбы индийского народа за независимость выработалась и сложилась политическая культура гандизма — соответствующей системы ценностей, основанных на идеях известного индийского просветителя, ее выдающегося политического деятеля Мохандаса Карамчанда Ганди (1869-1948 гг.) — погиб от руки религиозного фанатика, когда пытался прекратить массовые религиозно-общинные столкновения, спровоцированные разделением страны на Республику Индия и Исламскую Республику Пакистан.

Основными принципами гандизма были: достижение Индией политической независимости («хинд сварадж») мирными средствами, вовлечение в освободительную борьбу широких народных масс при соблюдении ими ненасилия, объединение в борьбе за независимость всего индийского населения без классовых, кастовых и религиозных различий под руководством массовой национальной партии — Индийского национального конгресса (М. Ганди был один из ее лидеров). Стержнем гандизма выступает ненасилие, которое выражается в двух ключевых понятиях — «ахимса» (санскр., хинди — букв, «ненасилие») и «сатьяграха» (букв. — «упорство в истине»»: сат — «истина», аграха — «твердость»). «Ахимса» — традиционный термин индуизма, буддизма и джайнизма. В рамках «ахимсы» Ганди выделял негативное и позитивное содержание ненасилия.[1] В негативном плане «ахимса» означает неприменение силы. При этом под насилием, по Ганди, понимается не только лишение жизни или физическое принуждение, но и различные формы эксплуатации, а также грубость, оскорбление, недоброжелательство, подавление слабых и лишение их чувства собственного достоинства. Позитивная сторона «ахимсы» — любовь к человеку и животным, служение им, самопожертвование.

[1] **Ганди М.К.** Моя вера в ненасилие // Вопросы философии. — 1992. — № 3. — С. 66-68.

Термин «сатьяграха» был введен в оборот М.К. Ганди и означал активное сопротивление. «Сатьяграха» предполагала открытое высказывание требований и действенную поддержку их ненасильственным путем. Согласно учению Ганди, участники «сатьяграхи» сознательно идут на лишения и страдания во имя справедливости. Одновременно «сатьяграха» является процессом нравственного роста и очищения самих участников движения ненасильственного протеста. Частью стратегии ненасилия является гражданское неповиновение. Цель гражданского неповиновения, по мысли М.К. Ганди и сторонников гандизма, состояла в том, чтобы парализовать британские власти и научить народ обходиться без них. Одной из форм гражданского неповиновения объявлялась политика несотрудничества с британскими властями, которая включала в себя отказ от почетных титулов и правительственных наград, от всех оплачиваемых постов; неучастие в выборах в законодательные советы, неуплату налогов; бойкот государственных товаров (свадеши — букв, «отечественный», его участники носили национальную одежду домашнего изготовления) и т.д.[1] Средствами проведения политики гражданского неповиновения М.К. Ганди провозглашал забастовки, акции массового протеста, организации голодовок в знак протеста и т.д. В области государственного устройства Ганди считал наибольшим злом централизацию, которая пагубно влияет на инициативу, нравственность отдельных лиц, на возможность самоуправления и сопротивление несправедливости.

Политическим идеалом для Индии, по М.К. Ганди, является «сарводайя» — федерация самоуправляющихся общин, утопическое ненасильственное государство. Демократия согласно идеологии гандизма определяется тем, насколько широко и свободно проявляется народная инициатива, насколько народ может обойтись без государственного вмешательства.

Философия сарводайи включает как рационалистические, так и утопические аспекты. Первые: вера в возможность совершенствования человека, принцип служения людям, равенство религий, приоритет консенсусных форм решения проблем, всеобщность труда, ненасилие, распространение принципа нестяжательства на функционирование всех социальных институтов и др. Вторые: беспартийная демократия, ликвидация частной собственности и др.

После достижения Индией в 1947 г. политической независимости правящая партия «Индийский национальный конгресс» использовала политическую программу гандизма, а также его положения о социальном компромиссе и достижении классового мира. В результате родилась специфическая политическая культура, которая, с одной стороны, включала некоторые формальные элементы западной политической модели, а с другой — ориентировалась на сохранение социального консенсуса. Однако в процессе независимого развития Индии лидеры и идеологи Индийского национального конгресса отошли от многих идей классического гандизма, в частности от критики М.К. Ганди западной цивилизации, непринятия им крупной индустрии, а также от некоторых принципов идеологии ненасилия.[2]

[1] **Gandhi M.K.** Jndian Home Rule or Hind Swaraj. — Delhi, 1947. — P. 8-24.

[2] **Manfred B. Steger.** Gandhis Dilemma Nonviolent Principles and Nationalist Power. St. Martins Press. — L., 2000.

За последние десятилетия многие сторонники гандизма давали ему самые различные интерпретации. Современный гандизм отличается неоднородностью, включает в себя различные идейно-политические течения: от чисто религиозных до социалистических. В качестве общих черт (ценностей) гандизма как составного элемента политической культуры индийского общества можно выделить следующие: приоритеты обращения или возвращения к национальным традициям (в т.ч. к традиционным индийским религиозным ценностям), идеи «естественной жизни» и «органической общины», «антииндустриализма», социального мира и ненасилия, прямой демократии, бесклассового и некастового общества, ограничение государственной централизации.

Вековые традиции индо-буддийской культуры наполняются новым содержанием, адекватным достижениям народов Южной Азии в сфере научно-технического прогресса и социально-политического устройства. Лучшие достижения индо-буддийской культуры — отказ от насилия, нравственная чистота, благоговение перед жизнью, преклонение перед природой, осознанный плюрализм, уважение иной точки зрения и смысла жизни — обогащают мировую культуру и ее политическую составляющую.

3. Особенности политической культуры Индии

Сущность и характер политической системы Индии, а также и многие важные принципы (нормы) ее политико-правовой культуры сформулированы в Конституции. Основной политико-правовой документ Индии — ее Конституция — быша принята Учредительным собранием 26 ноября 1949 г. и вступила в силу 26 января 1950 г. В соответствии с ней Индия — федеративная республика с парламентской системой правления, базирующейся на Конституции. Конституция Индии, обеспечивающая парламентскую форму правления, отражает федеральное устройство страны с признаками унитарного государства. Согласно Конституции Президент Индии является главой исполнительной власти союза. Согласно ст. 74 (1) конституции совет министров во главе с премьер-министром должны оказывать помощь и консультировать президента, который действует в соответствии с данными рекомендациями. Таким образом, в действительности исполнительная власть возлагается на совет министров и премьер-министра, которые отвечают перед палатой представителей парламента, или народной палатой (Лок Сабха). То же самое относится и к штатам. Губернатор является главой исполнительной власти, однако в действительности исполнительная власть закреплена именно за советом министров во главе с главным министром штата. Согласно Конституции законодательная власть распределяется между парламентом и законодательными органами штатов. За парламентом страны закрепляется право вносить поправки в Конституцию. Конституция обеспечивает независимость судей, глав аудиторской комиссии и комиссий общественных служб, а также председателя избирательной комиссии.

Главой государства является Президент, он же — главнокомандующий вооруженными силами. Исполнительная власть практически сосредоточена

у премьер-министра, возглавляющего совет министров. Премьер-министр назначается президентом из депутата (обычно лидера партии, выигравшей выборы), имеющего поддержку большинства народной палаты (Лок Сабха). Законодательная власть принадлежит двухпалатному парламенту, состоящему из народной палаты (нижней — Лок Сабха) и совета штатов (верхней палаты — Раджья Сабха).' Выборы президента (непрямые) и народной палаты (не более 545 депутатов — из них 530 избираются напрямую от 28 штатов и 13 — от союзных территорий) проводятся по закону раз в 5 лет.

С точки зрения национально-территориального устройства Индия представляет собой огромную по своим размерам и количеству населения федерацию с унитарными тенденциями. Интересы индийских регионов (штатов) выражает специальный общенациональный представительный орган власти — совет штатов (Раджья Сабха). Из 250 членов совета штатов 12 назначаются Президентом, а все остальные избираются выборными членами законодательных органов штатов сроком на 6 лет. Вице-президент Индии (избирается сроком на 5 лет) является одновременно председателем Совета штатов.

Свое законодательное собрание и правительство имеет каждый индийский штат, во главе которого стоит губернатор, назначаемый Президентом Индии. Союзные территории управляются центральным правительством. Конституция провозглашает равенство всех граждан перед законом, право на собственность, свободу вероисповедания, слова, собраний, общественных движений и объединений. Согласно Конституции государство обязано обеспечивать гражданам средства к существованию, защищать культурные и экономические интересы малоимущих социальных слоев, особенно зарегистрированных каст (бывшие неприкасаемые) и племен.

Федеративное построение государства соответствует плюралистическим традициям культуры и истории индийского народа, позволяет выразить интересы всех основных наций страны. Соответственно, одним из базовых принципов политической культуры Индии является федерализм. Время от времени в некоторых индийских штатах в силу обычных для такой многонациональной страны, как Индия, причин (обычно языковых или религиозно-культурных) возникают и проявляются различные движения сепаратистского или коммуналистского толка. В отдельных штатах иногда наблюдаются столкновения людей на религиозно-политической почве. Однако у центрального правительства, властных органов соответствующих штатов, демократических сил страны в конечном счете обычно хватает умения и энергии адекватно разрешать назревающие острые проблемы национально-культурного характера. Так, в последние годы из крупного северо-восточного штата Ассам были выделены три более мелких, созданных по этническо-племенному принципу штата (Нагаленд, Мегхалайя, Мизорам). Существует тяготение к созданию отдельных национально-государственных образований и в некоторых других штатах Индии. Открыто сепаратистские движения, но относительно немногочисленные, существуют в Трипуре, Ассаме и др.

Joshi G.N. The Constitution of India, 7-th ed. — Delhi, Macmillan, 1983.

Особое место занимает северный штат Джамму и Кашмир, в котором этнические проблемы постоянно обостряются, в т.ч. и из-за территориальных претензий Пакистана и его открытой, в т.ч. вооруженной, поддержки ряда местных организаций. В границах штата активно действуют вооруженные террористические группы. Территориальные разногласия между Индией и Пакистаном в регионе Джамму и Кашмир неоднократно приводили к масштабным военным действиям между этими странами.

В целом же можно сказать, что федеративная система построения индийского государства, несмотря на постоянно возникающие проблемы, выдержала испытание временем. На международной конференции, посвященной 50-летию Республики Индия, проходившей в Институте востоковедения Российской академии наук, обращалось внимание на то, что одним из самых значительных достижений независимой Индии является сохранение ее суверенитета и целостности своей территории, построение «таких федеральных отношений, которые помогают ей в осуществлении главной национальной идеи — единства в многообразии».[1]

Государственное устройство Республики Индия представляет собой парламентскую демократию, основанную на всеобщем избирательном праве граждан, достигших совершеннолетия (18 лет). За годы независимого развития к началу XXI в. граждане Индии принимали участие в 13 (тринадцати!) всеобщих выборах в нижнюю палату индийского парламента — один раз в пять лет, а также и в других важных политических событиях. В результате этого многими из них был накоплен достаточно большой опыт участия в электоральных кампаниях и иных акциях политического характера.[2]

Если в первых всеобщих выборах в Индии в 1952 г. приняло участие 45,7% всего электората, то в последующих всеиндийских избирательных кампаниях в среднем участвовало уже от 50 до 65% зарегистрированных избирателей.[3] Выборы в Индии всегда представляют собой своеобразное общенациональное массовое демократическое действо. Они уже давно воплощают в себе демократическую традицию индийской политической культуры.

> Численность индийского электората является одной из самых больших в мире. За последние десять лет он увеличился с зарегистрированных 514 млн до 620 млн избирателей. В общенациональных электоральных кампаниях 90-х гг. XX в. в Индии в среднем участвовало около 60% потенциальных избирателей.[4]

[1] **Плешева М.А.** Концепция индийского федерализма // 50 лет Республике Индия: достижения, проблемы // Восток. -— 2000. -— № 6. — С. 117.

[2] Krishna Sankaran. Constitutionalism, Democracy and Political Culture in India // Political Culture and Constitutionalism. Л Comparative Approach. Ed. by Daniel P. Franklin, Michael J. Baun. — M.E. Sharpe. Armonk, New-York, London, England, 1995. — P. 165.

[3] **Bhambri C.P.** Politics in India..... Jawaharlal Nehry University. —NewDelhi, 1992. — P. 14.

[4] Индия // Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник/ сост. А.А. Танин-Львов. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 800-804.

На парламентских выборах в Индии конца 1990-х гг. (1998 г.) среди зарегистрированных избирателей количество мужчин и женщин не расходилось более чем на 5-8 % (мужчин было несколько больше — 317 млн, а женщин — 289 млн человек). Женщины в Индии в среднем проявляют примерно равную с мужчинами электоральную активность (до 62% от зарегистрированных избирателей), что является достаточно высоким показателем уровня политической культуры индийских женщин-избирательниц.[1] Избирательный «пассив», составляющий 40-45% индийского электората как среди мужчин, так и женщин, примерно равен западно-европейским и (или) российским «стандартам».

Основу индийской политики составляют интересы многочисленных и многообразных социальных и этнических групп как традиционного, так современного толка, различных общественно-политических организаций. Однако официальное участие в выборах в Индии разрешено принимать именно зарегистрированным политическим партиям, которые интегрируют интересы соответствующих групп и объединений.

В зависимости от итогов предыдущих выборов партия при регистрации получает статус национальной или региональной (штата). Национальные партии должны набрать на парламентских выборах более 6% голосов и иметь в Лок Сабхе представителей не менее чем из 4 штатов. Понятно, что это в индийских условиях обычно ведет к блокированию партий и образованию партийных альянсов. Все остальные политические организации, набравшие на выборах меньше 6% голосов, считаются региональными партиями (штатов). Так, в парламентских выборах 1999 г. в Индии приняли участие шесть партий общенационального уровня, а также 54 партии, имеющие статус штатовских. Существуют также местные партии; их социальную базу составляют общины, касты, религиозные и иные группы. Эти партии ориентируются на выборы в местные органы власти, а иногда — на масштаб штатов.

На высшем уровне индийской политики действуют *национальные* партии. К ним относятся прежде всего такие массовые политические организации, как Индийский национальный конгресс (И), Бхаратия джаната парти, Джаната Дал и др.

Индийский национальный конгресс — старейшая и известнейшая партия страны, имеет либеральный характер.[2] Эта партия находилась у власти с момента достижения Индией независимости (с перерывом в 1977-1979 гг. и 1989-1991 гг.) до середины 1990-х гг. Она в разные периоды независимого развития страны получала от 35 до 48% голосов избирателей. Приставку «И» к своему названию ИНК(И) партия получила после раскола в 1978 г., отразив в своей аббревиатуре имя возглавившей ее Индиры Ганди.[3] Другие фракции Конгресса получили приставки «О» «С» и другие в соответствии с фамилиями их лидеров.

[1] Election Commission of India — General Election, 1998 (12-th LOK SABHA).

[2] **Glen Johnson M.** Republic of India (Bharat) // World Encyclopedia of Political Systems. Vol. I—II. Vol. I. Ed. by George E. Delury. — Longman, N.-Y. & L., 1983. — P. 453.

[3] Индира Ганди — дочь первого премьер-министра Индии, лидера ИНК Дж. Неру (1947-1964 гг.), являлась премьер-министром республики Индия в 1965-1976 гг. и 1980-1984 гг., убита в 1984 г. Сын Индиры Ганди Раджив Ганди также являлся премьер-министром Республики Индия (1984—1989 гг.). После его убийства лидером ИНК (И) стал известный деятель ИНК П.В. Нарасимха Рао.

Отличительной чертой единого Индийского национального конгресса и затем ИНК(И) является рациональная внутренняя политика — акцент на смешанную экономику при сильном государственном секторе и определенные социальные про1раммы, а также традиционно миролюбивая внешняя политика — курс на неприсоединение. ИНК(И) пользуется поддержкой миллионов сторонников и сочувствующих. Ее партийный актив включает до 300 тыс. членов партии. На выборах ИНК(И) обычно блокируется с рядом других близких к ней политических организаций. На рубеже XXI в. электоральная база ИНК(И) и его парламентское представительство несколько снизились.

ИНК(И) как старейшая и известнейшая политическая партия страны в силу этих и других причин имеет значительный «исторический» авторитет. В разные годы ее руководителями были такие выдающиеся индийские лидеры, как Б. Тилак, Г. Гохал, М. Ганди, Дж. Неру, С. Патель, И. Ганди и др. По сравнению с другими центристскими и тем более правоцентристскими партиями, ей в штатах Центра страны в большей степени симпатизируют бедные и очень бедные слои граждан, «списочные касты» и «племена», представители некоторых средних классов, часть высшего класса, а также мусульмане. ИНК(И) занимает более светские, секуляристские позиции в религиозных вопросах, по сравнению с партиями, делающими акцент на ценности индуизма, национализма и т.п.

До второй половины 1970-х гг. индийская иолития представляла собой многопартийную систему с одной доминирующей партией — Индийским национальным конгрессом. После раскола ИНК и создания, по сути, второй общенациональной партии—Джаната парти—ряд политологов заговорили о тенденции к формированию в Индии двухпартийной системы. Однако, как показала последующая политическая практика, Индийскому национальному конгрессу могут противостоять только широкие коалиции, включающие многие партии. Причем эти партийно-политические коалиции весьма подвижны, неустойчивы и подчас недолговечны. Для современной Индии характерна многопартийно-коалиционная система власти, в которой время от времени одна широкая правящая партийная коалиция сменяется другой. При этом их широкий характер предполагает наличие сходных и преемственных моментов в государственной политике. В Индии наступила «эра многопартийной коалиционной системы»,[1] в которой очень часто на первое место выходят не идеологии, а позиции и амбиции лидеров, аскриптивные факторы, политический расчет и т.п.

В 1977 г. в Индии возникла общенациональная, коалиционная Джаната парти (Народная партия; лидеры — М. Десаи и Ч. Шекхар). Джаната парти объединила ряд индуистских, националистических и социалистических организаций, а также ряд фракций ИНК, не поддержавших линию И. Ганди. В Джаната парти вошли: Джан сангх. Социалистическая партия, Бхаратия лок дал парти, Организация конгресс, Конгресс за демократию и др. В 1977-1979 гг. Джаната парти находилась у власти. Однако вскоре в Джаната парти начались расколы. В 1980 г. ИНК(И) снова выиграл выборы (45% избирателей и 351 место в Лок Сабхе).

[1] **Narang AS.** Indian Government and Politics. — Gitandjali Publishing House. — New Delhi, 1998. — P. 378.

К числу национальных партий относится также коалиционная Джаната Дал. На рубеже 1990-х гг. она дважды на небольшой срок формировала правительство. Эта партия придерживается рыночных принципов «демократического социализма». Она вышла из коалиционной Джаната парти. Джаната Дал объединяла Джан Сангх, Социалистическую партию, леволиберальную Лок Дал и другие организации левого и либерального спектра. Выступала как партия, выражавшая интересы доминирующих крестьянских каст, центристских и ряда региональных организаций. Джаната Дал вместе с союзниками выиграла парламентские выборы 1989 г., но ее лидеры занимали премьерские посты лишь до 1991 г. (тогда досрочные выборы выиграла ИНК(И). На рубеже 1980-1990-х гг. коалиция Джаната Дал распалась и партия стала играть менее заметную роль в индийской политике. В середине 1990-х гг. Джаната Дал создала Объединенный фронт,[1] который набрал на выборах 1996 г. 177 мест в Лок Сабхе, и его представитель два года возглавлял правительство Индии.

В начале 1990-х гг. часть Джаната дал вместе с Джаната парти создала новую партию-коалицию Самаджвади джаната парти, однако она не имела большой популярности у избирателей. В условиях Индии не исключено создание и других партийно-коалиционных конфигураций.

Одной из ведущих национальных партий и оппонентом Индийского национального конгресса (И) с середины 1990-х гг. стала Бхаратия джаната парти (БДП). Была образована в 1980 г. результате раскола в коалиционной Джаната парти, испытывала влияние религиозно-общинной партии Бхаратия джан сангх, индусской шовинистической организации Раштрия севак сангх. Затем стала выступать с общенациональных позиций, делая акцент на индийский (индусский) патриотизм, культурно-религиозный национализм. Это дало ей возможность значительно расширить свою социальную базу, получить поддержку ряда каст и некоторых религиозных меньшинств. Коалиционная Бхаратия джаната парти пользуется влиянием в штатах хиндиязычного пояса, преимущественно высших и средних каст. Между ИНК(И) и БДП существуют, разумеется, определенные различия, но нередко они как бы уравновешиваются широким коалиционным характером этих организаций и общностью проблем, стоящих перед страной. Бхаратия джаната парти широко использует различные аспекты индуистской религии в политике. За нее голосует значительное число представителей различных социальных групп и каст, ориентирующихся на религиозные ценности индуизма и видящие в ней выразителя своих интересов.

На 13-х всеобщих выборах в Лок Сабху (октябрь 1999 г.) большинство избирателей отдали свои голоса Бхаратия Джаната парти и ее 23 союзникам. Этот альянс получил около 300 мест в парламенте (из 543). Индийский национальный конгресс (И) и его союзники «завоевали» 134 мандата. Все остальные партии получили лишь оставшиеся 106 парламентских мандатов.[2] Таким образом, Бха-

[1] В Объединенный фронт, возглавляемый Джаната Дал, входили: социалистическая партия, две коммунистические партии (КПИ и КПИ (М), Дравидская прогрессивная федерация. Тамильский конгресс и другие, всего 13 партий).

[2] Индия: традиционный и будущий партнер России. — Посольство Республики Индия в Российской Федерации. — М., 2000. — С. 4.

ратия Джаната парти и возглавляемая ей коалиция получили достаточно прочное большинство в нижней палате парламента. ИНК(И) получил значительно меньшее количество мест в Лок Сабхе.

Партийная принадлежность премьер-министров Индии[1]

Премьер-министры	Политические партии	Годы
Д. Неру	Индийский национальный конгресс	1947-1964
Л.Б. Шастри	Индийский национальный конгресс	1964-1966
И. Ганди	Индийский национальный конгресс	1966-1977
М. Десаи	Джаната парти	1977-1979
Ч. Сингх	Джаната парти	1979-1980
И. Ганди	Индийский национальный конгресс (И)	1980-1984
Р. Ганди	Индийский национальный конгресс (И)	1981-1989
В.П. Сингх	Джаната Дал (вышла в 1988 г. из Джаната парти)	1989-1990
Ч. Шекхар	Джаната Дал	1990-1991
П.В.Н. Рао	Индийский национальный конгресс (И)	1991-1996
А.Б. Ваджпаи	Бхаратия Джаната парти	1996-1996
Х.Д. Дэве Голда	Джаната Дал и Объединенный фронт (создан в 1996 г.)	1996-1997
Э.К. Гуджрал	Джаната Дал и Объединенный фронт	1997-1998
А.Б. Ваджпаи	Бхаратия Джаната парти	1998-2003
М. Сингх	Альянс Индийский национальный конгресс	2004

Переход на рубеже 1990-х гг. лидирующих позиций от Индийского национального конгресса (И) сначала к Джаната Дал, а затем в конце 1990-х гг. к Бхаратия Джаната парти, последовавшая смена правительств не оказали существенного негативного влияния на индийское социально-экономического развитие. Этому способствовало отмежевание экономической среды от политического сценария и меняющегося дизайна конфигурации власти. В индийских условиях понятие «правительственный кризис» вряд ли стоит отождествлять с понятием «политический кризис». Иными словами, выработанная и согласованная стратегия экономического развития страны реализуется ее финансово-промышленной элитой и соответствующими группами давления и интересов вне зависимости от тактической партийной принадлежности, что дает бизнесу возможность не опасаться смены курса в связи со сменой правительства, строить стратегические планы и вкладывать капитал в долгосрочные проекты. Уверенность в стабильности создает благоприятные условия и для внешних инвесторов.

Особо следует выделить в индийской политике и политической культуре роль региональных партий, выражающих (отражающих) культурные и иные

[1] Political Handbook of the World 1997. — Washington, 1997. — P. 337-338.

особенности штатов. Это связано с тем, что ряд штатов как по своим размерам, так и культурно-языковым характеристикам, по сути, представляют собой целые национальные государства, являющиеся неотъемлемой частью Индийского союза.[1] Так, численность потенциального электората штата Уттар-Прадеш (основной язык — хинди) составляет 102 млн человек, штата Махараштра (основной язык — маратхи) — 56 млн избирателей, штата Тамилнаду (основной язык — тамили) — 46 млн человек и т.д.[2]

Этнокультурные регионы представлены такими относительно крупными и влиятельными партиями штатов, как Дравида муниетра кажагам, Телугу десам, Акали дал и др. Партии штатов являются важными акторами современной индийской политической сцены. «Эти партии, — писал известный российский индолог А.А. Куценков, — создают союзы и коалиции, выступающие на общеиндийской арене, определяют содержание политической борьбы, участвуют в формировании органов власти в штатах и в центре».[3]

В этой связи можно заметить, что в ходе 13-х всеобщих выборов из 532 избранных депутатов Лок Сабхи по спискам БДП и ИНК(И) прошло не более 55% ее состава. Значительная часть депутатов была избрана в парламент именно от партий штатов. Так, среди депутатов Лок Сабхи от региональных партий были избраны: в Тамилнаду — 84%, в Андхра-Прадеш — 76%, в Керала — 60% депутатов и т.д.[4] В штате Тамилнаду на парламентских выборах 1998 г., например, штатовские «дравидские партии» получили в общей сложности восемнадцать мест в центральном парламенте, а БДП — лишь три, ИНК(И) — одно. В штате Андхра Прадеш штатовская Телугу десам партия выиграла восемь мест в парламент и т.д.[5] На парламентских выборах 1998 г. национальные партии Индии собрали 68% голосов всех избирателей, штатовские партии — 19%, незарегистрированные партии — 11% голосов. Соответствующие штаты и их региональные партии начинают все больше влиять на политику центра.

Наряду с ведущими национальными коалиционными партиями ИНК(И), БДП и другими определенную роль в индийской политике и ее политической культуре играет традиционный организованный левый партийный спектр. Он обычно представлен главным образом двумя партиями — Коммунистической партией Индии (КПИ), созданной в 1925 г., и вышедшей из ее рядов в результате раскола 1964 г. КПИ (марксистской — КПИ(М)). В Народной палате эти левые партии представляют от 25 до 40 депутатов. В регионах их более или менее серьезное влияние традиционно распространяется лишь на несколько штатов: Западную Бенгалию, Кералу, Трипуру, Бихар. В этих регионах они пользуются традиционной поддержкой у относительно бедных слоев населения, христиан (в Керала),

[1] Индия: страна и ее регионы / отв. ред. Е.Ю. Ванина. —- М., 2000. — С. 197-221.

[2] Election Commission of India — General Election, 1998 (12-th LOK SABHA).

[3] Куценков А.А. Индия: традиционный социально-культурный комплекс и политика // Восток (ORIENS). — 2002. — № 1. — С. 75.

[4] Lok Sabha members. Thirteenth Lok Sabha Lok Sabha Secretariat. - — New Delhi. - - Febriary, 2000.

[5] Election Commission of India — General Election, 1998 (12-th LOK SABHA).

отдельных каст, групп интеллигенции. Некоторые исследователи полагают, что рассматриваемые левые партии в реальности являются региональными политическими организациями, охватывая своим влиянием лишь несколько штатов.

В условиях современного противоречивого развития, столкновения различных ценностных ориентации в общественном сознании Индии, как и ряда других восточных стран, усиливается тенденция обращения к фундаментализму, возрожденческим политико-религиозным течениям. Сторонники подобного религиозно-политического обновления настаивают на том, что их мир должен подняться до высоты изначальных принципов, провозглашенных много веков назад. В индуизме — ко времени создания ранних Вед, в буддизме — к периоду существования ранних государств, правления царя Ашоки и др. Фундаменталистские варианты религии, культуры и политики дают массовому сознанию противоречивые духовные ориентации. В этом случае нормы группового солидаризма расширяются до рамок единства всех членов религиозной (конфессиональной) общины, сплоченной вокруг религиозного лидера. Выразителями этих течений являются коммуналистские политические организации типа Шив сена и другие, открыто выступающие за индуизацию страны, ее политики, властных структур, дискриминацию представителей иных религий и использование для достижения этих целей весьма радикальных средств. Шив сена, Вишва хинду паришад и другие религиозно-шовинистические и националистические организации выступают за приоритетные права отдельных наций и религий, отличаются нетерпимостью к иноверцам, провоцируют межобщинные, межрелигиозные столкновения в Индии, жертвами которых ежегодно становятся тысячи человек. От рук религиозно-националистических фанатиков-террористов погибли: премьер-министр Индии Индира Ганди (в 1984 г.), ее сын — премьер-министр Индии Раджив Ганди в 1990 г. и др.

Основные проблемы, которые обычно стоят перед индийским избирателем, если нет резкого обострения политической ситуации, — это проблемы трудоустройства, цен, зарплаты и т.д. Особенностью политической системы Индии является то, что обычный избиратель должен делать выбор из уже предлагаемого ему кандидата политической партии. Однако, несмотря на обычно существующий определенный выбор, избирателю трудно сделать его профессионально. Практически каждый четвертый индиец либо не умеет читать, либо делает это недостаточно уверенно. До 25% граждан лишено регулярного доступа к средствам массовой информации. В этих условиях легко манипулировать определенными массами избирателей. Обычно более или менее определенных политических взглядов и пристрастий придерживаются не более 25-28% избирателей. Остальные избиратели решают в день голосования, и нередко этот выбор носит случайный характер. Этим, в частности, объясняется подчас резкое изменение итогов выборов в близких по времени и сходных по ситуации электоральных процессах.

В условиях Индии для избирателя существенное значение имеет харизма того или иного кандидата, а также умение выделить свой интерес в политике. Избиратель обращает внимание на интересы своей общины, касты и собственную выгоду. На первом месте в Индии, особенно в рамках штата, стоят интересы касты, семьи. Именно каста (кастовая традиция) — самый существенный фактор

для обычного избирателя. Далее следуют интересы регионального сообщества. И, наконец, обращается внимание на общенациональные задачи. В определенных условиях просвещенный индиец, разумеется, может выйти за пределы местных интересов, осознавая себя прежде всего гражданином Индийского союза. В ряде городов Индии создаются предпосылки для формирования элементов гражданского общества и его избирательной политической культуры.

Особенностью индийского местного управления является наличие традиционной системы панчаятов (предусмотренных ст. 40 конституции Индии). Эта древняя историческая система в видоизмененной форме сохраняет традиции общинного самоуправления индийской деревни. В компетенцию избираемых панчаятов входит решение вопросов сельского хозяйства, здравоохранения, санитарного состояния, благоустройства территории. В зависимости от уровня территориального деления различают деревенские панчаяты, далее следуют панчаяты административных районов (талук) — панчаят самити и, наконец, панчаяты административных округов — зила паришад.[1] Деревенский панчаят обычно представлен собранием жителей деревни, исполнительным комитетом панчаята и судебным панчаятом (либо деревенским судьей).

Индия более или менее регулярно избирает 3 млн членов органов местного самоуправления в 500 дистриктах, 51 тыс. талуков, 225 тыс. деревень и 3 тыс. поселений городского типа.[2] Такая активность положительно влияет на формирование основ политической культуры у сельских жителей. Вместе с тем понятно, что во многих случаях руководство панчаятов избирается из представителей либо ведущей касты, либо доминирующей религиозно-этнической группы. За представителей «своей» общины, касты, руководства панчаята в деревнях голосует обычно большая часть избирателей.

При всех очевидных недостатках индийская политическая система обеспечивает необходимый культурно-политический диалог между различными частями индийского сообщества, способствует его интеграции, стабильности, в известной мере предохраняет от глубоких социальных потрясений. Политическая культура Индии, нацеливая индивида на идентификацию с определенной группой, содействует выражению и отстаиванию его интересов, участию в борьбе за необходимые властные ресурсы.

В целом для индийской политической культуры характерен ряд базовых ценностей, традиций и свойств. Среди них можно выделить следующие.

В основе политической культуры Индии лежат ценности плюралистического, формально-демократического характера: плюрализм мнений, идеологий, многопартийность, правовые и исторические традиции согласования важных политических решений и др.

[1] Индия (Республика Индия) // Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. — М.: НОРМА, 2001. — С. 258.

[2] Mainstream. — 1999. — 30 January. — P. 45^-6.

Политическая культура Индии — это сложносоставной феномен политических культур различных регионов, соответствующих социальных, национально-этнических и культурно-религиозных общностей в федеративной стране. Соответственно, такая культура имеет фрагментированный характер.

Характерной чертой городской индийской политической культуры являются ценности политического участия, в силу чего ее можно определить как партисипаторную (или подданническо-партисипаторную в зависимости от характера участия в политике в разных регионах, городах или деревнях).

Ценности индийской политической культуры представляют собой сложный комплекс индо-буддийских принципов толерантности в политике, идей гандизма, современного рационализма и т.д. В зависимости от характера ее носителей на первое место выходят те или иные политико-культурные ценности. Высоко ценятся такие ценности политической культуры, как способность к самопожертвованию (голодовки, отказ от излишеств и т.д.), использование индуистских идей и др.

Целесообразно различать политическую культуру разных этнических и религиозных общностей, культуру индуистского (или исламского) традиционализма, экстремистских группировок, а также горожан и сельских жителей, современной молодежи (студенческой) и пожилых людей. Во время выборов в Индии используются не столько классовые понятия и термины, сколько социально-этнические: касты, племена, индусы, мусульмане, христиане, молодежь, женщины и т.д.

Индийская политическая культура имеет ярко выраженную региональную палитру предпочтений, ценностей, ориентации. Поэтому следует изучать политическую культуру различных индийских штатов (например, в Западной Бенгалии и Керале традиционно имеют вес левые партии).

Десятки миллионов людей в Индии малограмотны (или неграмотны), слабо информированы о политике. В силу этого в ряде штатов участие в политике носит ангажированный характер, направляется властями. В острых ситуациях политическое участие нередко приобретает массово-религиозный характер, в котором существенную роль играют религиозно-политические лидеры.

С точки зрения политических предпочтений и ориентации «просвещенные», «устойчивые» избиратели в Индии (их не более 30%) как бы подразделяются на коалиционные блоки: сторонников Индийского национального конгресса (и его союзников), Бхаратия Джаната Парти (и, соответственно, близких к ней лиц и организаций), Джаната Дал, социалистов, коммунистов, штатовских, региональных и местных партий и др. Значительная часть избирателей не имеет устойчивых политических ориентации и ориентируется либо на случайные факторы, либо на принципы лояльности к семье, касте, общине, региону и стране.

В сельской местности Индии традиционно важную роль играет политическая культура семейных, кастовых, панчаятских отношений и управления.

В политической культуре индо-буддийского ареала женщина, в принципе, может играть в общественной жизни роль не меньшую, чем мужчина. Ярким подтверждением этого являлось избрание премьер-министрами Индии и Шри-Ланки (Цейлона), соответственно, Индиры Ганди и Сиримаво Бандаранаике.

В традициях западной культуры возможно исключительно книжно-универ-:итетское приобщение к мудрости в силу автономности и безличности знания. На Востоке (Индии) учитель (гуру) — носитель скрытого, незафиксированного, до существенного знания. Это объясняет важную ррль в индийской культуре *л* традиционалистских (коммуналистских) движениях носителей религиозного, :акрального знания.

Для многих политических лидеров Индии характерна высокая культура политического управления и деятельности, что объясняется как их прекрасным эбразованием (полученным обычно и в Индии, и в Великобритании), так и уме-шем ориентироваться на национальные ценности и идеалы, гармонически при-:посабливая их к требованиям современной эпохи. Независимо от характера правящей партии и личности лидеров независимая Индия вот уже более 50 лет троводит традиционно дружественную политику по отношению к Российской Федерации.

В целом политическая культура Индии имманентно влияет на дальнейшее развитие политической системы, функционирование парламентской демократии и политическое управление страной, способствуя адаптации институтов шдийского общества к вызовам времени.

4. Принципы стратегического партнерства между Россией и Индией

В результате визита в Индию 3-5 декабря 2002 г. Президента Российской Федерации В.В. Путина был подписан ряд важных, долговременных документов о сотрудничестве между Россией и Индией. Прежде всего это Делийская 1екларация о дальнейшем упрочении стратегического партнерства между Рос-;ийской Федерацией и Республикой Индия, а также Совместная декларация об /креплении и наращивании экономического и научно-технического сотрудникства между Российской Федерацией и Республикой Индия. Подготовка и подшсание этих документов продолжили культурно-политическую традицию пра-50вого закрепления устойчивых дружественных отношений между Россией і Индией, их народами. Важными вехами на этом пути были: советско-индийжая Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и недасильственного мира (1986 г.), Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индия (28 февраля 1993 г.), Декларация) стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой -тндия (5 января 2000 г.) и др.[1]

[1] Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильствеиюго мира. 27 ноября 1986 г. — М., 1986.

В итоге визита была подписана Декларация о дальнейшем укреплении стратегического партнерства между Россией и Индией, что укрепляет правовой фундамент двусторонних отношений. Общая цель России и Индии — сделал мир более справедливым, демократичным, безопасным. В этой связи многоплановое сотрудничество России и Индии — важнейший позитивный фактор мировой политики. Позиции Индии и России совпадают по очень многим вопросам. Это касается прежде всего вопросов обеспечения стратегической стабильности и безопасности, борьбы с международным терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, транснациональной преступностью. Россия положительно оценивает действия Индии и Пакистана, направленные на снижение напряженности в приграничных районах и регионе в целом. В частности, решение Индии и Пакистана о частичном отводе своих войск от государственной границы.

В ходе государственного визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в Индию был подписан ряд соглашений, касающихся расширения как двустороннего, так и многостороннего сотрудничества. Индия — давний партнер России в области мирного использования атомной энергии и космических технологий. Было решено полностью раскрыть потенциал индийско-российских двусторонних отношений путем разнообразия торговых отношений. Россия проявила интерес к телекоммуникационным, электронным и информационным технологиям Индии наряду с традиционными областями сотрудничества в энергетических и металлургических секторах. Постановка на коммерческую основу технологий, которые будут развиты через совместные научно-технические проекты, является еще одной многообещающей областью будущего сотрудничества. Сотрудничество в энергетическом секторе несет в себе долгосрочное стратегическое значение для обеих стран. Стороны согласились развивать сотрудничество и по другим направлениям, включая Каспийское море, а также в сфере энергетического сектора. Индийско-российское оборонное сотрудничество включает в себя совместные разработки, проектирование, развитие и сопроизводство; сотрудничество будет развиваться в дальнейших проектах в интересах национальной безопасности стран.

Российско-индийские отношения полностью отвечают понятию стратегического партнерства. Премьер-министр Индии А.Б. Ваджпаи отмечал, что «существует значительная близость позиций России и Индии по международным проблемам. Мы разделяем международные идеалы и во всех сферах работаем сообща. Наши страны — стратегические партнеры».[1]

Ключевые понятия

индуизм	буддизм (хинаяна и махаяна), сангха
Веды	дзен-буддизм

[1] Государственный визит Президента Владимира Путина в Индию. 3-5 декабря 2002 г. — М.: Посольство Республики Индия в Российской Федерации, ул. Воронцово Поле 9/3,2002. — С. 61.

санскрит
индо-буддийская цивилизация
дхарма (Дхармашастра)
карма
мокша
артха (Артхашастра)
рита
сансара
ашрамы
варна
чакра, дхарма-чакра
каста (списочные касты)
хариджане
гуру
Лок Сабха
нирвана
бодхисатвы
гандизм
ненасилие
неприсоединение
панчаяты
ахимса
сатьяграха
сарводайя
свадеши
сати (обычай)
кама (Камасутра, Камашастра)
тантризм
коммунализм
Раджья Сабха

Вопросы для самостоятельной работы

1. Каковы характерные черты и особенности индо-буддийской цивилизации?
2. Охарактеризуйте культурно-политическую матрицу индо-буддийской цивилизации.
3. Рассмотрите понятийный аппарат индуизма, его этический аспект.
4. В чем историческое и современное культурно-политическое значение индуизма?
5. В чем суть буддизма; каковы его течения и этика?
6. Каково влияние колониализма на развитие Индии и ее политическую культуру?
7. Охарактеризуйте индийский менталитет.
8. Каковы характерные черты и особенности современной политической культуры Индии?
9. В чем особенности электоральной культуры Индии?
10. Сравните индийскую и современную российскую политические культуры. Выделите их гуманистический ценностный ряд и различия.
11. Каковы пути и направления диалога и сотрудничества между российской и индийской цивилизациями (государствами)?
12. Был ли в космосе гражданин Индии?
13. Какую роль сыграла индийская культура (в т.ч. политическая) в достижении индийским обществом высоких и устойчивых темпов экономического развития за последние десятилетия?
14. Какова роль управленческой культуры в обеспечении условий для стабильности индийского общества?
15. Как вы думаете, возможно ли использование некоторых аспектов современного индийского опыта модернизации общества в российских условиях?
16. Согласны ли вы с определением Индии как самой большой демократии в мире? Обоснуйте свою точку зрения.

17. Охарактеризуйте гандизм как социально-политическое и этическое учение; выделите его реалистические и утопические черты.

18. Назовите наиболее известных премьер-министров Индии, представлявших партию «Индийский национальный конгресс». Перечислите премьер-министров Индии, избранных от других национальных политических партий.

19. В чем особенности культуры индийского федерализма?

20. Каковы характерные черты и специфика демократического развития Индии?

21. В чем суть культуры панчаятского управления в Индии?

22. В чем проявляется роль каст в индийской политике?

Глава 14

Политическая культура арабских стран

Из основного доклада на 10-й сессии глав государств — членов всемирной организации «Исламская конференция» 16 октября 2003 г. в г. Путраджайя — столице Малайзии. Мы — мусульмане, нас 1 млрд 300 тыс., у нас огромные запасы нефти, мы не такие неграмотные, как прежде... Слава Аллаху, господину миров!

Разумнова Л.Л.: «Исламский мир имеет свой, отличный от западного, взгляд на развитие, основанный на собственном учении о бытии и понимании текстов ислама».

Бьюкенен П.Дж.: «В науке, технологиях, экономике, промышленном производстве, сельском хозяйстве, разработке и производстве вооружений и демократичности общества Америка, Европа и Япония ушли вперед, но исламский мир сохранил нечто, утраченное Западом, а именно — желание иметь детей и продолжать свою цивилизацию, культуру, семью и веру. Да, Запад узнал много такого, о чем неведомо исламу, однако ислам помнит то, о чем Запад позабыл: «Нет иного мира, кроме мира, сотворенного верой».

Мохаммад Махатхир: «Мы были так заняты вопросом, можно ли мусульманам носить узкие брюки, пользоваться электричеством и печатать на машинке, что отстали от современного мира».

Арапов Д.Ю.: «В наше время Коран как Священное Писание ислама продолжает играть доминирующую роль во всех сферах общественного и духовного бытия мусульманского социума. Его идеи и постулаты попрежнему определяют суть восприятия мира и модели поведения сотен миллионов последователей мусульманского вероучения».

Коран, Сура 2:172. Не в том благочестие, чтобы Вам обращать свои лица в сторону Востока и Запада, но благочестив тот, кто уверовал в Аллаха.., кто раздавал имущество, хоть оно было ему дорого, близким, сиротам, бедным, путникам и просящим подаяние.

Путин В.В.: «Для российских мусульман прошедшее десятилетие стало временем возрождения духовной жизни. Если к 1991 году было 870 мечетей, то сегодня уже 7 тысяч. Россия развивает контакты с большинством государств — членов исламской конференции, продолжая давние взаимовыгодные традиции сотрудничества и глубокого уважения друг к другу».

Столяров А.: «Для исламской цивилизации, возникшей на семьсот лет позже цивилизации христианской, сейчас, если следовать европейской

хронологической шкале, наступает период XVII века. Видимо, в мире ислама сейчас начинается "осевое время". Это период пассионарности, период осознания себя вселенской общностью, период жадного и стремительного освоения мира».

Азиз Тарик: «Тот, кто мечтает покорить Восток, должен понять: Восток может стать на колени только перед Богом, но ни перед кем другим».

Тэтчер М.: «В наши дни причиной беспокойства стала связь между исламом и насилием».

Путин ВВ.: «Терроризм не должен отождествляться с какой-либо религией».

1. Цивилизационные доминанты политической культуры арабского мира

По сравнению с конфуцианско-даосистской, индо-буддийской и христианской цивилизациями, мир ислама, исламской культуры, отсчитывающий свое начало с VII в. н. э., относительно молод. Однако он играет возрастающую роль в мировом сообществе, особенно это стало заметно на рубеже трегьего тысячелетия.

За последние десятилетия исламский фактор активно проявился как в политической, так и в культурной жизни мирового сообщества. Без его учета сегодня весьма сложно разобраться в ряде принципиальных аспектов мировой политики, межцивилизационных отношениях и др. В основе «исламского бума» лежит ряд фундаментальных причин. Во-первых, к 70-м гг. XX в. практически все мусульманские страны стали политически независимыми и исламские государства стали оказывать существенное влияние на мировую политику. Во-вторых, «вестернизация» политических институтов в ряде исламских стран, противоречившая их традициям, стала вызывать отторжение соответствующих социальных сил. В-третьих, в результате политики ряда мусульманских стран и других причин произошла резкая политизация ислама.

Комплексный анализ сущности и особенностей арабской политической культуры имеет важное теоретическое и прикладное значение. Ее значение возрастает в силу того, что она является духовным выражением сущности быстро развивающейся арабской цивилизации. Политическая культура играет активную роль во всех арабских государствах, в процессах и попытках расширения исламского ареала и его мирового влияния, в активизации исламского фундаментализма, деятельности радикальных, террористических исламских организаций типа «Аль Каиды» и др. Особую актуальность вопросы политики и культуры на Арабском Востоке приобрели в связи с развязанными США, Великобританией и некоторыми другими поддержавшими их государствами крупномасштабными военными действиями против Ирака без санкции Совета Безопасности ООН. Эти действия, приведшие к падению иракского режима во главе с С. Хусейном, дестабилизации обстановки

и формированию под эгидой США новой администрации страны, имеют долговременные и весьма противоречивые последствия как для всего комплекса международных отношений в исламском ареале, так и в мире в целом.

Начиная со второй половины XX в. мировое сообщество стало свидетелем процесса, получившего название «исламского бума» или «исламского Ренессанса». Для миллионов людей в различных странах социально-нравственные и политические идеалы окрасились в зеленый, черный и красный цвета — традиционные цвета ислама. Под исламскими знаменами происходят революции и государственные перевороты, войны и террористические акции, формируется современное арабское общество. Суры Корана кладутся в основу новейших философских теорий и политических доктрин, а принципы шариата становятся исходным пунктом для развития права и выработки социальной политики.

В то же время под прикрытием исламских идей некоторые террористические эрганизации совершают действия подрывного характера. Крупный международный террористический акт, совершенный 11 сентября 2001 г. в г. Нью-Йорке и унесший тысячи жизней мирных жителей, связывают с деятельностью радикальных исламских группировок. Эта трагедия и последующие события подтвердили известный прогноз американского исследователя С. Хантингтона о возрастании противоречий в генезисе ряда современных цивилизаций, и прежде всего между Соединенными Штатами Америки и арабским миром. Учитывая всю важность данных событий, многие исследователи стали рассматривать нынешнее мировое сообщество как мир после 11 сентября.[1] Военная акция США и Великоэритании против Ирака весной 2003 г. явилась, по сути, новым этапом проявления шериканской гегемонистской политики, обострившей противоречия между соэтветствующими круг ами США и различными силами арабского сообщества.

На международной арене присутствие исламского фактора довольно ощутимо. Исламские общины функционируют в подавляющем большинстве стран земного шара. Особую роль играет ислам в ареале своего первоначального распространения — на Ближнем и Среднем Востоке, Северной Африке (страны Магриба, северная часть Нигерии).

Под Ближним Востоком понимается Египет, Судан, Турция, арабская часть Палестины, Израиль, Сирия, Ливан, Иордания, Ирак, Кипр, страны Аравийского полуострова; под Средним Востоком — Иран, Афганистан, Пакистан.

По государственному устройству эти страны относятся и к монархии, *i* к теократии, и к президентским республикам (есть даже с элементами и формами «прямой демократии» (Ливийская Джамахирия[2]) и т.д. Однако в подавляю-

[1] **Higley J., Pakulski J.** Force to the Fore: Political Elites in the Post-9/11 World // Research Committee on Political Sociology // XV World Congress of Sociology. — Brisbane, Australia, July 7-13, 2002. — P. 1-2.

[2] Ливийская Арабская Джамахирия. Великая зеленая декларация прав человека в эпоху ласе. — Published by Alard Publishers. — Limassol, Cyprus, 1988; The Green Book. Part Cne. The Solition of the Problem of Democracy. The Authority of the People. Part Two. The Solution of he Economic Problem. — Libya, 1995.

тем большинстве из них— в двадцати восьми (28!) — ислам признан государственной (или официальной религией). В ареале распространения ислама активнс функционируют мусульманские партии и религиозно-политические движения.'

Весьма значительны людские ресурсы исламского мира — на планете, пс разным данным, насчитывается до 1,3 млрд мусульман. Ряд мусульманских страг владеют мощным нефтегазовым и, соответственно, валютным потенциалом.

Десять государств мира с самым большим мусульманским населением

Страна мира	Число мусульман
Индонезия	200 000 000
Пакистан	140 000 000
Индия	123 000 000
Бангладеш	108 000 000
Турция	66 000 000
Иран	65 400 000
Египет	65 000 000
Нигерия	63 000 000
Китай	32 000 000
Алжир	31 000 000

Важную роль в обеспечении информационных интересов арабских стран иг рает пользующаяся широкой популярностью телерадиостанция «Аль Джазира> (в пер. с араб, как «мнение и еще (одно) мнение»). Она дает более полную, достоверную и оперативную информацию об арабском мире, чем известные западным средства СМИ. Другая арабская вещательная станция «Аль Арабийя» в 2003 г была закрыта под давлением США. Саудовская Аравия занимаег седьмое месте в мире и второе в Азии (после Японии) по использованию спутников связи.

Исламские страны представлены мощным межгосударственным формированием — организацией «Исламская конференция», объединяющей более пяти десяти государств и имеющей множество вспомогательных учреждений. Орга низация «Исламская конференция» была создана в 1971 г. Ее членом может быть любое государство, заявляющее о своей принадлежности к исламском) миру и имеющее в своем составе значительное число мусульман (не во все? государствах — членах организации «Исламская конференция» ислам имеет конституционный статус государственной религии, удельный вес мусульмаь в общей численности населения колеблется от подавляющего большинства в Саудовской Аравии до меньшинства в ряде африканских стран).

Основными целями организации «Исламская конференция» являются: укреп ление исламской солидарности, развитие разносторонних связей между исламскими государствами, содействие ликвидации расовой дискриминации и коло-

[1] Исламская просветительская агитация // Королевство Саудовская Аравия. Министерстве информации. — Эр-Рияд, 1413 год по Хиджре, 1993. — С. 162.

ниализма, поддержание мира и международной безопасности, оказание поддержки народу Палестины в его борьбе за свои права, включая освобождение оккупированных территорий, поддержка борьбы всех исламских народов за независимость и национальные права, создание условий для сотрудничества между государствами — членами ОИК и другими государствами.[1] В 2003 г. российская делегация под руководством Президента России В.В. Путина (включала также М. Рахимова, А. Кадырова, В. Кокова) впервые за всю историю организации «Исламская конференция» участвовала в ее саммите. Президент России В.В. Путин был единственным представителем страны, не являющейся членом ОИК, выступившим на ее пленарном заседании. Характеризуя сложную ситуацию в мире, он отметил, что «одни занимаются терроризмом, другие используют эту ситуацию в своих корыстных целях как инструмент политического давления для достижения своих собственных целей, которые ничего не имеют общего ни с интересами ислама, ни с защитой прав человека, ни с международным правом в целом».[2] Широкий международный резонанс вызвали его слова о том, что «Россия в известном смысле является частью исламского мира».

Численность населения в исламских государствах в результате высокой рождаемости неуклонно растет. Увеличивается число мусульман-иммигрантов в развитых странах, прежде всего в Западной Европе, где живут миллионы мусульман, прибывших из Турции, Албании, Северной Африки, Сирии, Ливана, Пакистана, Индии, Индонезии, Малайзии, Филиппин. В ряде случаев постепенно создаются контуры их компактного проживания. Мусульмане представлены в парламентах более 20 европейских государств. Мусульмане есть среди членов традиционных партий: социал-демократических, социалистических, «зеленых» и даже христианско-демократических. В Германии проживают более 3 млн мусульман, во Франции — почти 5 млн, в Британии насчитывается 600 тыс. активных мусульман, регулярно посещающих мечети. Два британских лорда являются мусульманами. Неслучайно появился термин «мусульманская Европа». Большая часть исламской общины в Европе конструктивно сотрудничает с властями, но более 10% ее участников, по имеющимся оценкам, разделяют лозунги крайних исламистов.

На территории России ислам начал распространяться с VII в. В настоящее время, по различным оценкам, в составе народов мусульманской культуры, живущих в Российской Федерации, насчитывается более 20 млн человек. Ислам активно включен в российскую общественно-политическую жизнь с начала 90-х гг. XX в., играет важную роль в основном российском ареале его существования — Кавказе. В России есть ряд светских мусульманских общественно-политических организаций и движений: «Союз мусульман России», «Нур» («Свет»), «Мусульмане России», «Партия исламской справедливости», «Мусульмане Татарстана», Исламская партия Дагестана и др.

[1] Ислам и политика. Взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии / отв. ред. В.Я. Белокриницкий, А.З. Егорин. — М.: Институт Востоковедения РАН, 2001. — С. 20.

[2] Независимая газета. — 2003. — 17 октября. — С. 6.

В Соединенных Штатах Америки более 6 млн приверженцев ислама представляют, пожалуй, наиболее быстро распространяющуюся там религию. Причем за последние десять лет их численность выросла на порядок. Социологи прогнозируют, что к 2010 г. ислам обгонит иудаизм и станет второй по численности конфессией Америки. В современных условиях в США функционирует более 2 тыс. мечетей и множество исламских школ. Быстро растет численность мусульман (в связи с общим ростом населения) и на африканском континенте. На каждого одного нового христианина в Западной Африке приходится сейчас 9 (девять!) человек, принявших ислам.

По прогнозам социологов, к 2025 г. численность мусульман, которые в начале XIX в. составляли всего 12,5% мирового населения, составит около 30% населения планеты. Исламская культура (цивилизация) станет, т.о., по количеству ее носителей второй после конфуцианской в мире. Теоретически (да и практически) возможно появление новых исламских государств.

По некоторым вопросам исламский мир выступает в качестве консолидированного субъекта международной политики. Наряду с влиятельной организацией «Исламской конференции» существуют Исламская комиссия Международного общества Красного Полумесяца, Исламский банк развития, Исламская конференция по образованию, науке и культуре, Исламская федерация спортивной солидарности и др. Существует Исламская декларация прав человека. Идеологической основой деятельности рассмотренных организаций являются идеи исламской солидарности, т.е. принадлежность к одной религии (исламу).

Интересна точка зрения о том, что ведущие региональные исламские организации, включающие десятки стран мира, выступают в качестве своеобразной системы, дублирующей международные институты глобального масштаба.

Можно привести прогноз всемирно-известного прорицателя М. Нострадамуса (1503-1566) — автора десятитомного труда, включающего кросскультурные предсказания на период с 1555 по 3797 г., в отношении перспектив развития исламской цивилизации. Он предсказал (в 39-м катрене четвертой центурии), что в XX-XXI вв. у нее появятся новые перспективы и возможности: «забытая из-за пренебрежения своих наследников, арабская империя наберет силу».[1]

В конституциях многих арабских государств, в их политической практике, в политических и религиозных лозунгах декларируется принадлежность этих стран к «арабской нации», ислам провозглашается государственной религией. Например, в Конституции Ливии говорится о том, что граждане этой страны «являются частью арабской нации», целью государства является «обеспечение арабского единства», «государственной религией является ислам».[2]

[1] Косоруков Ю.С. Нострадамус. — М., 1998. — С. 172.

[2] Declaration of the Constitution of the Libyan Arab Republic. Shawwal 2, 1389 11. — December 11.— 1969//The Road to People's Authority. — 1391 D.P. — 1982. — P. 25-26.

В ряде арабских странах, где есть и другие верования (христианство), ислам обычно выступает в роли государственной религии. Так, например, в Судане, где значительную часть населения составляют мусульмане (суннитского толка), а на юге страны широко распространены христианство и традиционные африканские религии, с середины 80-х гг. XX в. в основу всей судебной системы был положен шариат — свод исламских законов. Ислам является государственной религией Судана, большое значение в политической и религиозной жизни страны играют тарикаты — мусульманские духовные ордена, суфийские братства.'

В то же время следует обратить внимание и на неоднородность исламского мира, наличие в нем противоречий, военных конфликтов, альтернативных организаций (например, Организации Исламской конференции, объединяющей глав правительств мусульманских стран, и Народной Исламской конференции, включающей ряд оппозиционных правительствам в соответствующих странах сепаратистских, автономистских и других организаций и групп). Большинство международных исламских организаций выступают против расширения влияния Запада на исламский мир, за освобождение Иерусалима и оккупированных Израилем территорий, поддерживают исламские движения и национальные меньшинства в других странах мира.

Значительна дифференциация арабских стран по уровню социально-экономического развития, характеру политических режимов и другим особенностям их развития.

Изучение политической культуры и политического участия в арабских странах целесообразно основывать на анализе характерных особенностей исламской цивилизации, ее культуры и политики, их воздействия на политические явления и процессы.

Ислам так же, как и другие религии: буддизм, иудаизм, христианство — был порожден в соответствующих условиях социума. Он представляет собой сравнительно молодую религию. Хорошо известно, что Ветхий Завет—Священное Писание и для иудеев, и для христиан различных направлений. Коран же как значительно более поздний источник взял некоторые важные идеи из этих писаний, не отрицает других, более ранних, чем Мухаммед, посланников Бога, но считает «более поздние откровения Бога самыми правильными. В первых переводах Корана на различные языки понятие "Аллах" переводилось как "Бог" (единый для различных вер и верующих. Но затем слово «Аллах» оставили без перевода, что создает впечатление, будто у мусульман свой "Бог")».

Коран (араб. «аль-Курьан» происходит от глагола «караа», что означает «декламировать», «читать вслух речитативом») — главная священная книга мусульман, представляет собой крупный литературный памятник, уникальное собрание проповедей, изречений, притч, молитв и заклинаний, а также установлений, носящих ритуальный, обрядовый характер. Включает 114 сур (глав, буквально «ряд», «шеренга»). Суры, в свою очередь, состоят из более чем 1200 аятов (буквально «чудо», «знамение») — стихов. Коран содержит более 500 страниц текста на арабском языке. Почти таков же объем перевода Корана

' Судан. Справочник. — М.: Восточная литература, 2000. — С. 27.

на восточные и западные языки. Главной среди сур Корана считается первая — «аль-Фатиха» («Открывающая книгу»), которая часто употребляется как молитва:

> «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! 1. Хвала — Аллаху, Господину миров 2. Милостивому, милосердному, 3. Царю в день суда! 4. Тебе мы поклоняемся и просим помочь! 5. Веди нас по дороге прямой, 6. По дороге тех, которых Ты облагодетельствовал, 7. Не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших».

Коран был канонизирован в 1923 г. в Каире с выходом его официального издания. Оригинал Корана согласно преданию начертан на листах (сухуф), которые якобы хранятся на небесах. «Буквы, звуки и написанные знаки Корана изначальны, предвечны», — писал известный мусульманский богослов и историк исламской культуры М. Аш-Шахрастани.[1]

Корану тридцать веков. Около миллиарда человек на земном шаре относятся к нему с благоговением. Для мусульманина Коран — воплощение Божественного откровения, для людей иных взглядов — выдающийся памятник культуры. Нормами и правилами Корана руководствуются многие исламские государства и сотни миллионов мусульман. Без Корана практически невозможно понять духовную жизнь, культуру, обычаи мусульман, историю и специфику исламской цивилизации. Его идеи пронизывают всю жизнь мусульманского Востока, ориентируя людей как в религиозном плане, так и в социально-политических, правовых, нравственных и весьма подробно в семейно-бытовых аспектах жизни. Основные идеи ислама являются объектом острого противоборства различных мусульманских течений и политических сил в арабских и сопредельных с ними государствах.

В последние десятилетия стали популярными попытки объявить Коран «исламской конституцией», призывы «идти назад к Корану», стремление использовать Коран как своего рода знамя фундаменталистских течений и антиглобалистских выступлений. Все это показывает, что самые различные, часто диаметрально противоположные по своим социальным, политическим и религиозным интересам силы и движения едины в общем понимании и признании высочайшего авторитета Корана как главного стержня ислама, духовной основы этой великой мировой религии.

Ислам возник в VII в. в Мекке, где, как и во всей Аравии, в тот период господствовало язычество, но в сочетании с верой в Верховного Бога, Аллаха.

> Решающую роль в распространении ислама сыграл его Пророк — Мухаммед (570-632 гг.), призванный на пророческое служение в возрасте сорока лет. Священное Писание мусульман — Коран, по преданию, было ниспослано ему через архангела Джабраила (Гавриила). Боговдохновеными являются также собственные изречения Пророка и его деяния, зафиксированные в преданиях — хадисах. Нормативная часть хадисов (т.е. те из

[1] Мухаммед ибн Абд ал-Карим аш-Шахрастани. Книга о религиях и сектах. Ч. 1. Ислам / пер. с араб., введение и комментарий СМ. Прозорова. — М., 1984.

них, чему надлежит следовать и подражать) известна как сунна, пророческая традиция. Согласно исламскому учению пророчество универсально, и не было народа, кому Господь не даровал хотя бы одного пророка. Их общее число определяется преданием в 124 тысячи. В Коране упоминаются около 30 посланников Бога, известных по Библии: от Адама, Еноха, Авраама, Моисея, Ноя, Давида, Соломона до Иоанна Крестителя, Иисуса и Мухаммеда, который был последним и в силу этого для мусульман является наиболее авторитетным. Оригиналы Писаний (Торы, Евангелия, Корана) якобы хранятся на небесной скрижали.

Мекканские многобожники встречали проповеди Мухаммеда преследованиями и гонениями, вследствие чего в 622 г. вместе с немногочисленными приверженцами он переселился в Медину, где в последующие 10 лет ему удалось сплотить вокруг себя арабское население города, а затем — обратить население Мекки и приобщить к исламу большинство племен Аравийского полуострова. Дело Пророка продолжили четыре праведных халифа («преемники» — Абу-Бакр, Омар, Осман и Али — правили в 622-661 гг.), при которых ислам распространился на территории Сирии, Палестины, Северной Африки, Ирака, Ирана и Средней Азии. Дальнейшее распространение ислама продолжалось и при династиях Омейядов (661-750 гг.) и Аббасидов (750-1258 гг.).[1]

Основы исламской цивилизации были заложены в VI1-IX вв. н. э. Она во многом явилась результатом стремительных арабо-мусульманских завоеваний огромных территорий от Пиренейского полуострова до Индонезии и Филиппин, отличавшихся крайне разнородным в этническом, культурном и конфессиональном отношениях населением. Распространение ислама было достаточно быстрым. Победоносная экспансия аравийских арабов произошла главным образом после смерти пророка Мухаммеда (632 г.). При халифе Омаре (634-364 гг.) были завоеваны Месопотамия, Египет, Палестина, Сирия, Закавказье, территория Ирана, Киренаика. К VIII в. ислам достиг окраины Китая, долины Инда, берегов Атлантики. Многие воинственные тюркские племена нашли в исламе адекватную своим настроениям идеологию и культуру. Используя ислам, сначала сельджуки, а затем османы вели захватнические войны в Византии и Восточной Европе. В XVI в. на завоеванной территории Индии Бабур основал исламскую империю Великих Моголов. В Индонезии ислам получил распространение в XIV-XVI вв. главным образом через арабских и индийских купцов и почти совсем вытеснил индуизм и буддизм (кроме острова Бали). В XIV в. ислам проник также к кипчакам в Золотую Орду, к булгарам и другим народам Причерноморья и далее—на Северный Кавказ и Западную Сибирь.

Исламская цивилизация сложилась не сразу. Рассматривая общие духовные принципы ислама, его известный исследователь Г.Э. фон Грюнебаум писал, что «в ходе развития исламской цивилизации инородные культурные традиции были впитаны, модифицированы и вновь устранены. Некоторые из этих традиций были использованы при формировании Запада. В целом подъем и упадок исламской цивилизации между VII и XII вв. в почти драматической форме освещает

[1] **Peters F.E.** Muhammad and the Origins of Islam. —Albany, 1994. — P. 5-12.

процесс культурного взаимодействия и культурной трансформации, а также и принципы культурного влияния».[1]

Необходимо обратить внимание на то, что древнегреческие наука и философия дошли до европейцев через мусульманских посредников в переводе с арабского языка. Не будь этих ученых и философов ближневосточного Средневековья, Европа, возможно, так никогда и не познакомилась бы с культурным наследием своей собственной древности.

> В этой связи следует выделить значение трудов Аль-Фараби — одного из основоположников аристотелизма на Ближнем и Среднем Востоке. Его называли Вторым учителем (Первый — Аристотель). Аль-Фараби (870-950 гг.) жил в городах: Фараб (на Сыр-Дарье), Багдаде, Дамаске, автор около 100 работ, посвященных проблемам науки, философии, социальным вопросам. Можно заметить, что философия европейского иудаизма, начиная со Средних веков и вплоть до Спинозы, развивалась под непосредственным воздействием трудов Мусы ибн-Маймуна (Маймонида), лейб-медика каирского султана Салах-ад-дина (Саладдина). Символика и поэтические образы Данте, как известно, частично заимствованы у знаменитого мусульманского философа-эзотериста Мухиддина ибн-Араби. Многие писатели-гуманисты европейского Возрождения широко пользовались художественными средствами, разработанными в арабской и иранской классической поэзии. Кроме того, сам термин «гуманизм» («человечность») был известен и на фарси, художественно осмыслялся Саади еще до европейского Ренессанса. Humanitas соответствует арабскому «инсаниййа», которое обозначает человеческую природу, качество, свойственное человеку как таковому, выступает синонимом разумности, обладания мудрости.[2]

В отличие от христианства, ислам никогда не был религией угнетенных масс. Изначально он формировался как идеология религиозно-политической организации арабских племен, вынужденных отстаивать свои экономические, торговые интересы. Поэтому в исламе сразу же сформировалось жесткое представление о власти и политической организации общины (уммы). Можно сказать, что ислам оказался идеальной религиозно-политической основой для централизованного государства и ведения военных действий против неверных. И далеко не случайно, что под зеленым знаменем Аллаха воинственные арабские племена дошли до границ Франции и Индии. Ранний ислам был идеологией формировавшейся этнополитической общности, решавшей многие свои проблемы и силой оружия.

К людям, «имеющим Писание», т.е. иудеям и христианам, составители Корана выказывают уважение: это и понятно, ведь на идейной почве именно этих религий, на путях их упрощения выросла идеология ислама. Величие ис-

[1] **Grunebaum G.E. von.** Modern Islam: The Search for Cultural Identity. — Berkeley & Los-Angeles, 1962. — P. 3-4.

[2] Сагадеев А.В. Гуманистические идеалы мусульманского средневековья // Человек как философская проблема Восток — Запад. — М.: Изд-во РУДН, 1991. — С. 59.

ламской культуры, в частности, основывается и на тех культурных достижениях, которые ей предшествовали.

Однако в Коране есть предписание воевать с теми, «которым ниспослано Писание», — с иудеями и христианами, — если они не веруют в Аллаха и не подчиняются религии истины.[1] Однако на практике в исламе всякое разделение между сторонниками иных религий стерлось: все они рассматривались как неверные (джяур), подлежащие покорению. Под знаменем джихада (газавата) экстремистские мусульманские лидеры не раз, вплоть до наших дней, побуждали верующих к истребительной войне против всех иноверцев.

С другой стороны, неверны представления и о повальном обращении в ислам всего покоренного населения. Так, период принятия ислама большинством населения Египта занял более трех веков, а значительное число христиан-коптов проживает в этой стране и поныне. В Ливане существует влиятельная христианская (маронитская) община, играющая важную роль в политике.

Идеи ислама, характер социально-политической организации на его принципах, по-видимому, во многом устраивали различные народы, оказавшиеся в его пространственном и духовном ареале, а также неарабскую элиту, которая со временем получила доступ к власти. Некоторые покоренные народы вначале принимали ислам, для того чтобы платить меньше налогов, перейти к более сносным условиям социальной и духовной (религиозной) жизни, а затем интегрировались в них.

Особенность ислама состоит в том, что он представляет собой целостную совокупность права, этики, мировоззрения как целостной социально-политической системы и семейно-бытовых комплексов, в которой религия выступает унифицирующим и объединяющим фактором. Ислам как бы развернут в прошлое, он имманентно ориентирован на постоянную связь с идеальной, первоначальной моделью. В исламе источник власти — Божественный Закон, который реализуется в конфессиональной общине, где важную роль играют улемы (исламские авторитеты, носители и хранители классической писаной традиции, проповедники, законники и судьи) и суфии («святые» учителя, проповедники, члены суфийских орденов, в которых требовалось полное подчинение руководству не только в религиозных, но и в светских вопросах).[2]

Ислам представляет собой *номократию,* т.е. особую религиозно-политическую систему, в которой «теологически-рационалистический монизм с его приматом коллективной субстанции видит источник власти только в Божественном Законе».[3] Соответственно, в нем нет принципиального различия между «священным» и «светским».

На формирование учения ислама существенное влияние оказало то обстоятельство, что пророк Мухаммед был одновременно руководителем религиозной общи-

[1] Коран / пер. с араб. И.Ю. Крачковского. — М.: АНТ-Принт, 1990.

[2] Суфизм // Словарь народов современной России / отв. ред. М.П. Мчедлов. — М: Республика, 1999. — С. 503-505.

[3] Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. — М.: Аспект-Пресс, 1999.— С. 349.

ны, главой государства, третейским судьей и главнокомандующим. Ему приходилось проявлять заботу и о незыблемости основ новой веры, и об увеличении рядов ее приверженцев, и о расширении территории государства, и о прочности политического режима. Отсюда столь подробное изложение в исламских первоисточниках социально-нравственных и правовых проблем. Многие видные мусульманские религиозно-политические деятели обращали внимание на то, что в Коране содержится в 100 раз больше стихов по социальным вопросам, чем по вопросам культа.

Политическая культура арабских стран неразрывно связана с исламом, в основе которого лежит культ Аллаха, переходящий в идею предопределенности человеческих поступков. «Именем Бога, всемилостивого и всемилосердного» — такой формулой открывается Коран, равно как и каждая из его глав-сур. «Возлюби людей порядочных и искренних, помогай благородным в меру присущего им права, утешай слабых, крепи родственные связи; при том все это делай ради Аллаха и возвышения его дела», — говорится в известном исламском трактате.'

В Коране даются многочисленные описания-эпитеты Бога, из которых мусульманская традиция составляет список главных, «прекрасных имен» числом 99.[2] Они представляют собой такие характеристики, как Всемилостивый, Всемилосердный, Творец, Истина, Свет и т.д. Сотым обычно считается Аллах. В соотнесении с «прекрасными именами» образуются имена людей, согласно распространенной у мусульман модели имени: «раб Бога», например Абд-ар-Рахман («раб Всемилостивого»), Абд-ал-Хакк («раб Истины») и т.д.

В соответствии с Кораном Аллах все знает и направляет правоверных в их жизни.

> *Сура 6:* у Аллаха «ключи тайного; знает их только Он. Знает Он, что на суше и на море; лист падает только с Его ведома, и нет зерна во мраке земли, нет свежего и сухого, чего не было бы в книге ясной. И Он — тот, который успокаивает вас ночью и знает, что вы добываете днем. Потом — к нему ваше возвращение, потом Он сообщит вам, что вы делали. Он — властвующий над своими рабами и посылает над вами хранителей. А когда приходит к кому-нибудь из вас смерть, наши посланцы... возвращены будут к Аллаху. У Него власть, и Он — самый быстрый из производящих расчет! Слово Его — истина».
> *Сура 76:* «Но не пожелаете Вы, если не пожелает Аллах».[3]

Мировоззренческая сердцевина исламской культуры содержит ряд принципиальных положений о человеке. «Знайте, — предупреждает Коран, — что жизнь

[1] Послание Тахира Ибн-аль-Хусайна к сыну своему Абдаллаху Ибн-Тахиру // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1. Античность. Восточные цивилизации / отв. ред. Р.Л. Сюкияйнен. — М.: Мысль, 1999. — С. 718.

[2] Мусульманину рекомендуется как можно чаще поминать Бога, произносить Его имена; с этой целью используются четки с 99 или 33 бусинами. Трансцендентность Творца обусловила запрет на его изображения, а опасение идолопоклонства — запрещение изображения людей и животных.

[3] Коран. 76 : 30.

в здешнем мире есть обманчивая утеха, обольщение, суетный наряд, тщеславие между вами, желание отличиться множеством имущества и детей: она подобна тем произрастаниям при дожде, которые собой пленяют земледельца, потом увядают, после того видишь их пожелтевшими, напоследок делаются сухими стеблями». Коран весьма строг к человеку: «Здешняя жизнь—только игра и забава; будущее жилье лучше для тех, которые богобоязненны». Традиции исламской культуры весьма определенны и включают, как известно, и строгий пост, и категорический запрет на употребление алкогольных напитков, и суровые меры наказания к нарушившим его каноны.

Культ ислама опирается на пять основных обязанностей («столпов веры») мусульман.

1. **Исповедание веры.** Шахада («свидетельство»), или исповедание веры, состоит в произнесении формулы «Нет никакого божества, кроме Аллаха, а Мухаммед — посланник Аллаха». Шахада произносится громким голосом, с пониманием смысла и от чистого сердца. Как только ребенок появляется на свет, ему в ухо произносят ее вместе с другими благочестивыми формулами. При уходе из мира мусульманину следует произнести шахаду, а если умирающий не в силах это сделать сам, за него ее произносят другие.

2. **Молитва** (салят — перс, намаз — татарск.). Ежедневная пятикратная ритуальная молитва совершается пять раз в день: на рассвете, в полдень, в позднее время дня, после заката и перед сном. Перед молитвой совершается ритуальное омовение. Салят следует творить, обратясь лицом в сторону Мекки.

3. **Милостыня** (закят), которая платится с любого имущества или плодов земледелия, не предназначенных для личных нужд или ведения хозяйства. Закят платят с урожая (10%), с добычи драгоценных камней, минералов, жемчуга (20% их стоимости) и др. Если салят — обязательство верующего перед Богом, то закят — перед людьми. Раньше закят собирался государством, теперь — это добровольный долг. Закят исторически, с одной стороны, символизировал единство религиозной общины, заботу богатых о бедных; с другой — использовался в качестве оправдания претензий политической и религиозной власти (в случае необходимости) на имущество любого состоятельного мусульманина. В принципе, Коран защищает право частной собственности. Торговая прибыль объявляется вполне законной, ростовщичество же осуждается: «Аллах разрешил торговлю и запретил рост».

4. **Пост** (саум — араб., ураза — татарск.), предписанный верующим в течение всего месяца рамадан (9-го месяца мусульманского календаря), в который, по преданию, Мухаммеду были ниспосланы фрагменты Корана.

5. **Паломничество** в Мекку (хадж), рекомендуемое совершить хотя бы один раз в жизни. Желательно также посещение могилы Пророка в Медине.[1]

[1] За последнее десятилетие хадж совершили более ста тысяч россиян, большая часть из них — дагестанцы. Это приемлемая для верующих цифра. Однако, учитывая, что совершение паломничества стоит достаточно дорого и его участники иногда по пути занимаются не только «праведными делами», но и коммерцией, некоторые арабские страны приняли решение о совершении хаджа лишь по достижении 60 лет.

Существуют и другие религиозные обряды и ритуалы, система исламских праздников (курбан-байрам, ураза-байрам, мирадж, мавлид и др.). Исламская культура постулирует равенство всех мусульман перед Аллахом. Каждый правоверный может рассчитывать на справедливый суд и спасение. Но в исламе нет места для личности, для личности как ценности. Ради спасения людей Аллах не приносил в жертву своего сына. Вследствие этого в мусульманской культуре невозможна идея Богочеловечества, равенства общества и личности.

Аллах рассматривается в исламской литературе как абсолютная ценность, и в жизни человека он не воплощается. Феномен Аллаха состоит в том, что он постоянно остается чем-то вечным для людей, лежащим за пределами их личного опыта. К людям обращается лишь посланник Аллаха—мессия (махди). Такие махди появляются, чтобы исправить положение на Земле, восстановить справедливость. Но положение от одной эпохи к другой становится все хуже. Идея мессианства в мусульманской культуре дополняется эсхатологией — учением о конце света. Следует заметить, что и по сей день для многих мусульман авторитетное «слово Аллаха» значительнее научных истин.

На Земле сила Аллаха воплощается в мусульманской общине — умме. Умма символизирует собой по существу общность всех правоверных. Жизнь каждого мусульманина, его образ мыслей, быт и система ценностей строго контролировались уммой, вне которой индивид становился изгоем и не мог рассчитывать на благочестие и религиозное спасение. Отношения мусульман внутри уммы регламентируются Кораном, сунной и шариатом. Шариат исходит из принципа равенства мусульман и выступает в качестве мусульманского права. Мусульманское же равенство предполагает, что все не более, чем песчинка, по сравнению со всемогущим Аллахом, и каждый покорный воле Аллаха и судьбе является воином ислама (федаином).

Причастность к исламу, к общине (умме) в мусульманской культуре расценивается выше, чем деление на расы, народы, племена и языковые группы. Мусульманская культура практически не признает социальную замкнутость сословий, наследственное социальное неравенство. «Напротив, религиозно освящен и практически всегда реализовывался принцип социальной мобильности: сила, способности, случай открывают двери наверх перед каждым, достойным того. Теоретически раб мог стать эмиром и султаном, бедняк-крестьянин — уважаемым знатоком ислама, высокопоставленным улемом, солдат — военачальником».[1]

Вся система исламской культуры воспитывала в правоверном чувство превосходства над неверными. Так, исламское государство облагало неверных более высоким налогом, чем поклонников Аллаха. Неверный всегда рассматривался в мусульманском государстве как неравный правоверному. И это старались подчеркнуть судьи-кади на всех процессах с участием мусульманина и немусульманина. В отношении к неверным культивировались хитрость и жестокость. В Суре 76 говорится: «Терпи же до решения Господа твоего и не повинуйся грешнику или неверному!»

[1] Васильев Л.С. История Востока. Т. 2. — М., 1993. — С. 184.

Ни один мусульманин по догмам ислама не обладает правом уклониться от богоугодного дела помочь бедным, подготовить священную войну против неверных— джихад, содействовать умме своим имуществом. Зато мусульманин, ощущая себя полноправным членом общины, всегда был готов постоять за Аллаха. Политические и религиозные власти мусульманского мира всегда могли положиться на ревностных последователей Аллаха.

Исламские экстремисты, обуреваемые стремлением подчинить своим целям мусульманский мир и столкнуть его с другими цивилизациями, прибегают к догматическому толкованию Корана, «выхватывая» из него лишь лозунги радикального толка. В действительности же в Коране, как, впрочем, и во многих других религиозных писаниях, сосуществуют противоречивые по смыслу тезисы.

В этой связи желательно обратить внимание на большое количество положений Корана о необходимости сдержанности и согласия.

> *Сура 2:* «Сражайтесь во имя Аллаха с теми, кто сражается против вас, но не нападайте первыми. Воистину, не любит Господь нападающих первыми».' Далее в Коране отрицается право мусульман на самоубийство. Наконец, в постановлении мухаммеданского права относительно войны с неверными» категорически запрещается причинять вред мирному населению.[2] Эти положения имеют принципиальное значение при попытках отождествить террористов, прикрывающихся псевдоисламскими лозунгами, с исполнителями воли Пророка.

Один из мусульманских классиков, чтобы объяснить другим свою веру, написал о пророке Мухаммеде так: «Его (пророка) уважение к знаниям, терпимость к другим, щедрость духа, сострадание к слабым, почтение к родителям и стремление к лучшему, более чистому миру составляют главные элементы мусульманского идеала. Для мусульман жизнь пророка является примером победы надежды над отчаянием, света над тьмой».[3]

В силу своей специфики ислам буквально с момента своего возникновения оказался втянутым в постоянные политические распри, оформились религиозные, политико-иделогические течения: суннизм и шиизм. Представители одного из этих течений? шииты, полагают, что власть в исламском государстве должна принадлежать родственникам, потомкам Мохаммеда — концепция имамата. Сунниты придерживаются договорной теории правления — халифата. Суннизм, охватывая 85-90% мусульман, выражает теорию и практику большинства общины, в отличие от периферийных групп. Это прежде всего ориентация на правильную доктрину, являющуюся серединой между крайностями, которые, по определению, могут быть ошибочными.

[1] Коран. 2: 190.

[2] Агрономов А.И. Джихад: «священная война» Мухаммедан. — М., 2002. — С. 96-98.

[3] Akbar S. Ahmed. Discovering Islam: Making Sense of Muslim History and Society. — L., Routledge, 1988. — P. 34.

Халифат — концепция исламской государственности, разработанная суннитами. Средневековые правоведы (факихи) истолковали Коран т.о., что государственная власть должна принадлежать уважаемому мусульманину в силу особого договора (мубайи). Такой договор заключается между уммой (вернее, ее признанными представителями) и претендентами на халифат. Условия, которым должен удовлетворять будущий халиф, сформулировал средневековый правовед аль-Маварди, и они сводятся к следующему: халиф должен быть муджтахидом,[1] происходить из племени курейшитов, быть справедливым, мудрым, смелым, физически здоровым и заботиться о благе подданных.

В соответствии с концепцией и политико-культурной традицией халифата халиф не обладает полномочиями монарха и не может передать власть по наследству или своей волей назначить преемника. Умма смотрит на него как на своего представителя. Халиф обязан выполнять предписание Корана и может быть привлечен к ответственности за нарушение сунны и шариата. Исламская культура высоко оценивает институт халифата, полагая, что его отличает духовно-нравственная направленность, ставящая его выше западной демократии.

В суннизме в VIII—IX вв. возникло мутазилитское течение. Мутазилиты старались истолковать мусульманское вероучение в рациональном духе, доказывали «справедливость» Бога, наличие свободной воли у человека, признавали Коран книгой, написанной людьми, а не созданной Богом. Мутазилитов поддерживали некоторые халифы, искавшие в этой секте опору для своей власти. Но в конце IX в. фанатическое духовенство взяло верх в халифате, мутазилитов стали преследовать. Укрепилось учение о вечности, «несотворенности» Корана. Однако идеи мутазилитов оставили позитивный след в развитии мусульманской традиции.

Другое ведущее направление в исламе — шиизм (от араб, ши' а — «партия», «приверженцы»). Ими являются сторонники власти Али ибн Аби Талиба (четвертого «праведного» халифа), считавшие, что его родство с Пророком дает ему и его потомкам, алидам, особое право на власть, быть имамами, духовными руководителями общины, а, значит, и политическими вождями. Имам — лицо исключительно духовное, и власть его носит теократический характер.

Четвертый халиф Али был кровным родственником пророка — его двоюродным братом и зятем; приверженцы Али не признавали законности предыдущих халифов, т.к. они были не из рода пророка, а «избрались» религиозной общиной, т.е. узурпировали власть. Борьба за власть приняла форму спора о преемственности власти в халифате. Сторонники Али потерпели поражение, он был убит, но его последователи укрепились в Иране и Ираке, и там шиизм широко распространился как выражение протеста против власти Арабского халифата. По шиитскому преданию, Али и его сыновья

[1] Муджтахид — представитель высшей категории мусульманских богословов-законоведов. Среди них: аятолла (знамение аллаха), аятолла аль-узма (величайший аятолла), ходжат оль ислам (доказательство ислама).

Хасан и Хусейн пали мучениками за веру. В память этого шииты ежегодно справляют траурный праздник шахсей-вахсей, при котором фанатично настроенные верующие наносят себе раны холодным оружием, выражая свою религиозную преданность памяти мучеников.

Сторонники имамата полагают, что государственная власть имеет Божественную природу и должна принадлежать лишь родственникам пророка: потомкам Али, Фатимы, т.е. святым имамам, а также их родственникам по боковой линии (алиды, фатимиды, сеиды, шерифы). Главная черта шиизма — вера в то, что законными преемниками пророка Мухаммеда—имамами—могут быть только его сородичи-потомки, а «избранные» общиной халифы незаконны. В связи с этим шииты отвергают сунну, составленную при первых халифах из преданий о пророке. Но шиизм не остался единым, внутри него возникли различные течения. Господствующим стало течение, признающее одиннадцать законных имамов — потомков Али; двенадцатый имам будто бы еще в IX в. таинственно скрылся и где-то пребывает невидимо, однако должен в конце времен объявиться как спаситель — махди. Это наиболее распространенное в шиизме течение особенно укрепилось в Иране и с начала XVI в. стало там официальной государственной религией. В современных условиях шиизм распространен в Иране, Йемене, на севере Иравса и др.

Шииты на протяжении всей истории ислама с переменным успехом вели борьбу за возращение верховной власти. Практически везде, где шиизм получил распространение, его последователи оказывались в религиозной и политической оппозиции, что часто сближало их с массовыми народными движениями.

В VIII в. шиитское движение распалось на два основных течения: «умеренных» (зайдиты, имамиты) и «крайних» (исмаилиты). Течение исмаилитов (по имени Исмаила, ее основателя в VII в.) распространено ныне в горных районах Афганистана, Бадахшана и др. Исмаилиты верят в то, что в их имамах последовательно воплощается «мировая душа». Имамы образуют наследственную династию Агаханов, ведущих роскошную! светскую жизнь и собирающих дань с членов секты. В учение исмаилитов влилось много идей из домусульманских религиозно-философских систем Азии и из местных народных верований. От исмаилитов отделилась в IX в. группа карматов — демократическая секта, члены которой, преимущественно крестьяне и бедуины Аравии, устанавливали общность имущества. Секта карматов просуществовала до XI в. От исмаилизма отпочковалась и секта ассасинов, соединявшая мистицизм с фанатической борьбой против немусульман. В годы Крестовых походов ассасины были самыми ярыми врагами крестоносцев (кстати, от названия секты происходит французское слово assassin — «убийца»). Наконец, в XI в. от того же корня отделилась группа последователей халифа Хакима. По имени видного предводителя секты Исмаила ад Дарази последователи секты до сих пор известны как друзы (в Ливане).

В VIII-X вв. в исламе возникло мистическое, полумонашеское течение суфизма (от слова суфи — «грубая шерстяная ткань»). Оно зародилось в недрах

шиизма, но проникло и в среду суннитов. В суфийском вероучении сказалось влияние идей маздеизма, буддизма и даже неоплатонизма. Суфии не придавали большого значения внешней обрядности, а искали истинного богопознания, мистического слияния с божеством. Некоторые суфии доходили до пантеистического мировоззрения (Бог — во всем мире, весь мир — проявление или эмансипация Бога) и тем самым удалялись от грубо антропоморфного представления об Аллахе, какое дано в Коране. Суфии отмечают особое значение имен Божьих, встречающихся в Коране. Мистико-иантеистическое течение суфизма сначала подверглось гонениям со стороны мусульманских фанатиков-ортодоксов, но постепенно обе стороны пошли на уступки. Последователи суфийского учения стали образовывать ордена странствующих монахов — дервишей — во главе с шейхами, или ишанами. Эти ордены были признаны законными и у суннитов, и у шиитов. Дервиши, хотя они и давали монашеский обет бедности, не всегда ему следовали, Их руководители, ишаны, также значительное внимание уделяли финансовым проблемам. Некоторые дервишские ордена применяют в своих молебствиях т.н. зикры — экстатические пляски, мистические возгласы («ху») и другие шаманские способы общения с божеством.

С суфизмом исторически связано движение тариката. Это понятие первоначально означало «благочестивый путь жизни для общения с Богом» (слово «тарикат» по-арабски означает «путь»). Но впоследствии тарикатом стали называть учение фанатиков, проповедовавших «священную войну» против христиан и других неверных. Под знаменем тариката вели, например, войну имамы на Кавказе (Кази-Мулла, Шамиль). Боевую силу тариката составляли мюриды — послушники, слепо повинующиеся своему мюршиду — духовному наставнику (отсюда движение Шамиля иногда называли мюридизмом).

Разное понимание особенностей мусульманской культуры и политики обусловливает острую полемику вокруг этой проблемы, столкновение различных социально-политических сил — от прогрессивных деятелей культуры до представителей панисламизма и мусульманского национализма.

Нераздельность политики и религии в исламе сказалась на национально-освободительном движении народов колоний и зависимых стран. Исламские знамена и лозунги сыграли огромную мобилизующую роль в борьбе народных масс против колонизаторов в Алжире, Ливии, Марокко, Судане и ряде других стран.

Тезис о единой мусульманской культуре нередко используется реакционными силами для разжигания национализма, противопоставления мусульманских народов немусульманским, при этом игнорируется специфика национальных культур и политического генезиса отдельных народов, исповедующих ислам.

Ислам высоко оценивает значение государства как непременной предпосылки существования мусульманской общины. Вне государственной формы община, с точки зрения исламской доктрины, существовать не может. Можно сказать, что ислам почти никогда не подменял государство. Он обычно стремился превратить государственный механизм в религиозный институт, а гражданское общество — в общину верующих.

П.А. Грязневич: «Деятельность главы общины верующих, каковым в Коране выступает Мухаммед, состояла в заботах о точном исполнении верующими воли-завета Бога».[1]

Характерная особенность мусульманской религии состоит в том, что она энергично вмешивается во все стороны жизни людей. И личная, и семейная жизнь верующих мусульман, и вся общественная жизнь, политика, правовые отношения, суд, культурный уклад — все это должно быть подчинено целиком религиозным законам. В прежние времена в мусульманских странах имело место полное сращивание государственной и церковной власти: глава государства (халиф, падишах) считался преемником пророка, высшее духовенство составляло штат его советников, суд находился целиком в руках духовных лиц. И уголовное, и гражданское право было построено всецело на религиозном законе — шариате, который включает религиозную догматику, исламскую этику и т.н. практические нормы. Следили за выполнением норм шариата и толковали их мусульманские богословы. Поэтому мусульманское духовенство выполняло и выполняет как светские, так и чисто религиозные функции. Мулла, состоящий при мечети, — это собственно учитель в церковной школе. Кади — это судья, знаток шариата. Муфтий — более высокий духовный чин — главный авторитет в вопросах шариата. Улем — ученый богослов, преподаватель в высшей религиозной школе; совет улемов давал свои заключения по вопросам религии и права. Во главе мусульманского духовенства в отдельных странах стоял шейх-уль-ислам — видный богослов, он же советник государя. Даваемые шейх-уль-исламом разъяснения по тем или иным спорным вопросам догматики или политики права считались непререкаемым законом.

Обучение молодежи в мусульманских странах прежде было тоже чисто религиозным. Низшие школы — мектебы — состояли при мечетях. Высшие школы — медресе — представляли собой своего рода духовные академии. В них студенты изучали Коран и прочую религиозную литературу, богословские вопросы. Язык преподавания, язык церковной литературы был арабский. Арабская система письма была принята и в тюркских, и в иранских языках, хотя она для них и малоприспособлена.

Мусульманская церковь в странах ислама была обычно и крупной экономической силой. Согласно шариату церковь может владеть имуществом, и это имущество считается неотчуждаемым (вакф, множественное число — вакуф). Вакуфные земли состояли из пожалований от халифов (в эпоху завоеваний), из пожертвований и пр. Они были очень велики: например, в странах Средней Азии до половины всех обрабатываемых земель принадлежало церкви, и они приносили огромные доходы; за счет вакуфных имуществ и кормилось многочисленное духовенство.

Хотя правоверный ислам не идет на компромиссы с другими религиями (в отличие, например, от буддизма), но в народных массах мусульманские веро-

[1] **Грязневич П.А.** Ислам и государство // Ислам. Религия. Общество. Государство. — М., 1984.— С. 193.

вания иногда переплетаются с древними домусульманскими. В слаборазвитых странах распространен культ местных святых. Мусульманские святые подчас оказываются древними местными божествами-покровителями, которым даны мусульманские имена. Во многих местах, особенно в Средней Азии, культ святых связан с культом мазаров — якобы гробниц этих святых, а на самом деле древних местных святилищ. Более того, в последнее время в исламе обнаружен (особенно у народов Средней Азии) целый пласт влившихся в него, но глубоко архаичных верований и обрядов, относящихся к культу земледельческих божеств, к родовому культу предков, к шаманизму. В среде мусульман распространена также вера в магию, ношение амулетов (часто с текстом из Корана). Многие .муллы выполняют функции заклинателей, знахарей.

Дальнейшее развитие культурного диалога между Востоком и Западом часто связывается с необходимостью определенной секуляризации восточных обществ и их включением в постиндустриальный этап развития. Четкое разделение религиозной и светской сфер, как известно, явилось историческим путем развития западной цивилизации.

Что касается стран мусульманского Востока, то перед ними действительно стоит актуальная проблема соотношения ислама, национализма и модернизации. Однако модернизация никогда напря»мую не связывалась с отделением «церкви» от государства, а религиозная вера принципиально не может рассматриваться как частное дело человека. Ведь в целом ислам представляет собой нерасторжимое единство религии, культуры и социально-политического устройства, тотальную систему, объемлющую в их единстве все стороны, все уровни жизни и деятельности человека. Ислам не дифференцирует духовную и мирскую сферы, ему чуждо характерное для христианства различие понятий «Божьего» и «кесарева», что являлось аксиомой как у средневековых авторитетов религиозного знания (улемов и факихов), так и у современных идеологов ислама. Например, известный исламский реформатор Рашид Рида считал, что «ислам есть в равной степени духовное начало и социально-политический идеал», а девиз современных братьев-мусульман гласит, что «ислам есть религия и государство».

Теоретически любое исламское государство должно руководствоваться шариатом (Божественным законом). Шариат означает в переводе (араб, «аш-шариа») «путь следования» и составляет то, что называется мусульманским правом. Рациональное осмысление шариата получило название «иджтихад» (буквально «усердие», «настойчивость», «прилежание»). Источниками мусульманско-правовой доктрины являются Коран, Сунна, «иджма» (единодушное мнение крупнейших муджтахидов) и «кийас» (аналогия, сравнение). Для обозначения как всей этой доктрины, так и формулируемых ею норм мусульманско-правовая мысль использует термин «фикх» (буквально «глубокое знание»). Любые указы, законы с точки зрения ислама считаются подлинными лишь тогда, когда они приобретают сакральный характер, подтверждаются заключением религиозных институтов (или их представителей). Особое значение имеет решение высшего религиозного авторитета (муфтия) по важным вопросам религиозно-политического характера — фетва.

Характерной чертой исламского права является не только то, что оно определяет обязанности по отношению к Богу, но и содержит комплекс конкретных

предписаний и правила поведения в различных областях жизни: обязательные, рекомендуемые, позволяемые, неодобряемые и запрещенные. Соответствующие санкции налагаются мусульманским судьей. Для мусульман шариат воплощает то, что для американского общества представляет Конституция США и многое сверх этого. Можно сказать: «там, где перестали применять мусульманское право, ислам больше не существует».[1] Именно шариат остается ведущей конститутивной основой религиозно-культурного единства мусульманского мира, выражает формальную (нормативную) унификацию ислама, ставит религиозные ценности выше политических или толкует последние с точки зрения религии и в рамках исламского права и традиции. При толковании современных конституций ряда арабских стран, провозглашающих шариат основным источником законодательства, подчеркивается, что таким источником выступают общие принципы, разработанные доктриной мусульманского права.[2]

Ислам и мусульманское право подчас ассоциируются с необходимостью жесткого следования уходящим своими корнями в прошлое решениям. Между тем мусульманско-правовая наука вообще не могла бы существовать без иджтихада— творческого рационального начала, предполагающего возможность выбора, самостоятельного решения, допускающего разнообразие подходов. Ислам традиционно поощряет знание. В этой связи особую значимость приобретает та сторона ислама, которая наполнена нравственными ценностями, началами умеренности, взвешенности и терпимости. В теории исламское право считается стоящим вне политики, обосновывает ее правовые рамки. Речь идет о выборе между различными подходами к шариа-іу, об умении использовать его достижения во благо человека и общества. Причем мусульманское право в современном мире позитивно взаимодействует с европейской правовой культурой, исходит из уважения общепризнанных норм и принципов международного права, соблюдения прав и интересов как мусульман, так и немусульман. Без учета этих моментов цивилизованное толкование и использование шариата представляется ненаучным.

В общности как в коллективном носителе святости норма предполагает полное тождество прав и обязанностей человека и как верующего, и как гражданина государства. В идеале такая общность представляется строго определенной системой отношений людей, равных перед Богом во всем. Все экономические предписания ислама — закят, риба, право наследования и т.д. — исходят из корпоративистского эгалитаризма и направлены на его воспроизводство. Эгалитарно-корпоративистский идеал общественного и государственного устройства, отождествляемый с мединским государством и ранним халифатом, на протяжении веков служил ориентиром исламских социальных теорий, моделью, с которой сопоставлялись реальные политические преобразования. Признание этой модели является отличительным признаком исламской общественной мысли.

[1] **Давид Р., Жоффре-Спинози К.** Основные правовые системы современности. Мусульманское право / пер. с фр. — М.: Международные отношения, 1996. — С. 308.

[2] Общие принципы мусульманского права // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1. Античный мир и Восточные цивилизации / отв. ред. Л.Р. Сюкияйнен. — М.: Мысль, 1999. — С. 683-688.

Политическое и социальное восприятие мира в исламе происходит через Коран, причем важнейшую роль здесь играет мусульманская община как непреходящая ценность, вокруг которой, в принципе, мир может изменяться, а она, по сути, вечна. Религиозные идеологи выдвигают и обосновывают ту мысль, что исламская история якобы не имеет политической истории как таковой и что существует только история конфессиональной общины, по отношению к которой возвышение или упадок политических организаций есть явление в известном смысле случайное и преходящее.

Ясно, что идеал ислама после эпохи «праведных халифов» никогда не мог быть осуществлен практически. Содержательно он определялся через соотношение с реальными государствами: их признание или оппозицию к ним. В исламе не было института церкви, носителя и персонификатора идеала, института, решения которого силой авторитета сообщали бы идеалу юридическую нормативность, социальную определенность и каноническую однозначность.

В исторической практике развития мусульманского мира только государство реально выступало арбитром «истинности» интерпретации идеала. Исламский идеал постоянно соотносится с государством как норма, стандарт, он никогда не сливается с ним, подобно тому как в католицизме он однозначно связывается с церковью, духовным сословием, папской теократией.

Было бы неверно думать, что с исламом неразрывно связан определенный политический строй. В истории существования мусульманских государств были и монархии, и аристократии, и республики, но ориентация общественного идеала мусульман на Мединское государство позволяет выявить ту «метаисторическую конкретность», которая должна быть при любом политическом режиме. Это традиционное связывается то с религиозной природой государства, то с религиозными функциями правителей, а в конечном итоге — с требованием соблюдать нормы шариата.

В исламе при каждом новом социальном или политическом изменении новые деятели религии подвергали критике своих предшественников за искажение сути ислама и призывали вернуться к «чистоте первоначального ислама праведных халифов». В каждом новом политическом течении можно найти идеи о возвращении к первоначальному исламу времен Пророка и первых «праведных халифов», который рассматривается как данный «от Аллаха». В силу этого целью исламской реформации не может быть создание нового общества, это может быть только восстановление идеала. Соответственно, государство не вправе издавать законы, ущемляющие религиозные принципы, осуществление государства вообще не мыслится вне связи с религией, оно всегда рассматривалось как проводник и защитник веры.

Еще одной особенностью политико-культурной доминанты ислама является то, что он представляег собой «мужскую» религиозную и политическую доктрину. Во всех исламских текстах, начиная с Корана, обращается внимание на вторичную роль женщины как в политике, так и семье, быту и др. В соответствии с догматами ислама женщина также обладает гораздо меньшими правами, чем мужчина.

Даже в наиболее европеизированных арабских странах (Ливан, соответствующая часть палестинцев, проживающая на его территории, и др.) женщины, сле-

дуя традиции, редко принимают участие в общественно-политической жизни, за исключением чрезвычайных или важных обстоятельств: войны, конфликты, участия в выборах.

В отличие от христианства, исповедующего принцип: «Богу — богово, кесарю — кесарево», трактуемого как требование раздельного существования государственности и конфессиональности, в исламе действует принцип слитности религии и политики. Выдвинут он был практикой пророка Мухаммеда, который был руководителем мусульманской общины и мусульманского государства.

Эта реальность получила закрепление в Коране и сборниках хадисов (изречений и описаний поступков пророка Мухаммеда), являющихся руководством для мусульман при решении всех жизненных проблем. Требования Корана стали законами мусульманского государства. В Коране содержится во много раз больше высказываний по социальным вопросам, чем по вопросам отправления обрядов.

На основе установок ислама на протяжении столетий в мусульманских странах строилась и продолжает строиться деятельность социальных и политических институтов, налоговой, судебной и образовательной систем, благотворительных организаций, решались и решаются проблемы семейно-брачных и имущественных отношений, вопросы войны и мира. Во многом именно такой остается ситуация и в наши дни в большинстве мусульманских стран, хотя и не исключаются определенные модификации, продиктованные жизнью.

Многие исламские ученые полагают, что особенности развития арабских стран, связанные с существованием развитой исламской общины (уммы), которая направлялась «улемами», обладавшими монопольным правом на шариат, и имела определенную степень автономности, может рассматриваться как своеобразное исламское гражданское общество. Так, М. Камали полагает, что в мусульманских странах сложились даже два различных типа гражданских обществ: квазитрадиционное и квазисовременное.[1] На наш взгляд, что касается существования «квазитрадиционного» исламского гражданского общества, то здесь речь идет о возможной подмене понятий (общины на гражданское общество в его классическом понимании, т.е. с наличием многообразных профессиональных и общественных организаций в условиях демократического государства). Современное же гражданское общество в некоторых арабских странах, особенно либерализирующихся, действительно постепенно складывается, неся на себе ряд социокультурных особенностей исламского сообщества.

2. Особенности политической культуры исламского мира

Исламский мир не является единым не только в смысле различий в уровне социально-экономического развития, политической ориентации и т.п., но и в том отношении, что в настоящее время его судьбы и характер отношений с внешним миром определяет внутренняя борьба его основных течений. В силу этого

[1] Kamali M. Civil Society and Islam: a Sociological Perspective // Arch. Europ. de sociologie. — P., 2001. — Vol. 42. — № 3. — P. 481-482.

целесообразно учитывать особенности политико-культурных направлений в исламе. Можно, например, выделять традиционалистский, либеральный (или модернизаторский), а также джихадистский (или фундаменталистский) проекты развития арабского мира.[1]

Традиционалистский (традиционный) и фундаменталистский ислам

Традиционалистский ислам является оправданием сложившегося на нынешний день статус-кво в религии и не предполагает никаких резких трансформаций. Он выступает («освящает») религиозное воспитание, соблюдение религиозных традиций в быту, бережное и аутентичное толкование исламских священных писаний и др. Другие исламские течения апеллируют к фундаментальным исламским ценностям для религиозно-идеологического обоснования соответствующего курса. Е.М. Примаков в этой связи выделял в исламе фундаментализм (с возможной трансформацией его части в исламскую демократию) и экстремизм, ставящий своей целью насильственное утверждение и распространение исламских ценностей как в соответствующих странах, так и вне их пределов.[2]

Особо следует выделить возрастающее значение исламского фундаментализма, представители которого предлагают очистить его от всевозможных нововведений и восстановить в первозданном виде. Эта «воинствующая» позиция отличается от мусульманского традиционализма, который полагает, что ни в области религии, ни в общественной жизни ничего не следует менять.[3] С точки зрения фундаменталистов, идеальное исламское общество—это общество торжества социальной справедливости, подлинного братства его обитателей, неустанной заботы государства о благосостоянии каждого мусульманина и его семьи. Образцом такого общества является исламская община времен пророка Мухаммеда и четырех праведных халифов.

К возрождению порядков той эпохи и зовут идеологи фундаментализма своих сторонников. В этих целях правительствам ряда мусульманских стран предлагается проводить политику исламизации, т.е. создавать условия для введения предписаний Корана и Сунны в качестве норм современной общественно-политической жизни. Исламизации предполагается подвергнуть образование, культуру, науку, экономику, политику. Важное значение придается также широкому распространению исламского учения в немусульманских странах. По мнению сторонников фундаментализма, учение Корана и Сунны самодостаточно. На его основе могут быть решены все сегодняшние и будущие проблемы человеческого общества, мусульмане не нуждаются ни в каких заимствованиях. Фундаментализм решительно выступает против попыток согласовать ислам с какими-либо другими учениями («любыми измами»).

[1] **Игнатенко А.А.** Самоопределение исламского мира // Ислам и политика / отв. ред. Г.Г. Миронова. — М.: Институт Востоковедения РАН, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. — С. 18.

[2] **Примаков Е.М.** Мир после 11 сентября. — М., 2002. — С. 47-49.

[3] **Жданов Н.В., Игнатенко А.А.** Ислам на пороге XXI века. — М., 1998.

Классические фундаменталистские организации выступают за «очищение» ислама как такового, обвиняют в продажности и сервилизме (прислужничестве) официальных мусульманских служителей культа. На словах фундаменталисты призывают к созданию идеального мусульманского общества. Что является социальной базой фундаментализма? В первую очередь обездоленные группы населения, лица с низким уровнем образования, а также маргиналы—особый общественный слой людей, которые в ходе модернизации традиционных мусульманских обществ оказались выбитыми из социально-культурных ниш, оторвались от традиционной культуры. Вторжение новейшей технологии в традиционный уклад ряда арабских стран вызывает недовольство и даже страх в связи с разрушением привычных устоев. Однако фундаментализм порождается также и среди интеллигенции, которая обращается к первоосновам мусульманской религии, чтобы найти ответы на острые вопросы современности, «защититься» от проникновения в арабские страны чуждой идеологии и массовой западной культуры.

Фундаментализм как идеология активизирует иррациональные силы истории. Он представляет собой революционистское отрицание «испорченной» традиции во имя идеала древней простоты. Фундаментализм не наивен. Его почва— нарушение пропорций культуры, превращение разума из слуги целостного человеческого духа в господина, разрушение смыслообразующего начала (связанного с интуицией целого), затерянность в частностях, деградация жизни в «скучную историю». Фундаментализм выступает в качестве своеобразного проекта «введения реального развития в лоно мифа».

Фундаментализм в области идеологии, религии и политики, как отмечают многие исследователи, сформировался во многом как альтернатива прежде всего западной модели развития, но также и либеральной исламской модели развития. Для него характерна опора на жесткое толкование предписаний ислама, экспансия политическая (стремление к установлению истинно исламской власти в странах распространения ислама) и территориальная (продвижение на новые для этой формы ислама территории). Нередко эта экспансия трактуется как возвращение ислама на те территории, которые в прошлом были исламскими. В этом случае речь идет о восстановлении т.н. «исторической справедливости».

Активизацию фундаментализма в начале XXI в. можно объяснить рядом причин. Среди них: ускоренная модернизация ряда мусульманских стран, которая ведет к обострению социально-экономических и политических противоречий, укреплению и усилению исламских государств; рост национального, религиозного самосознания: шокирующее влияние западной массовой культуры на исламский образ жизни и др.

Опыт развития многих арабских стран показывает, что ряд аспектов культуры западного общества (индивидуализм, «безбожный образ жизни» и т.п.) отторгается миром ислама. Интересно, что для мусульман слово «Запад» означает «гарб» (от араб, гуруб — буквально «закат»), т.е. мир тьмы, край мрака и смерти. А слова, по учению древних суфийских школ, матрицы Божественных или древнейших понятий.

Радикальные, экстремистские сторонники исламского фундаментализма вмешиваются во внутренние дела других государств, нередко используют незаконные методы и средства политической деятельности, насилие как средство внедрения исламского образа жизни и шариатских норм.

Подобная политика в своей основе нередко имеет далеко идущие геополитические цели. В этой связи следует обратить внимание на известные факты прихода к власти в Афганистане в середине 90-х гг. XX в. радикального фундаменталистского исламского движения «талибов», провозглашение ими Афганистана «исламским государством», создание «Аль-Каидой» и другими радикальными военизированными исламскими организациями на его территории баз международного терроризма. Для ликвидации этих баз и вооруженных формирований террористов на территории Афганистана понадобилось осуществление специальной широкомасштабной военной операции, осуществленной вооруженными силами США и их союзниками, поддержанной мировым сообществом.

Ваххабизм как фундаменталистское течение в исламе

Примером фундаментализма может служить ваххабизм, «идеями» которого некоторые экстремисты в странах СНГ южного ареала и в некоторых южных российских регионах нередко пытаются оправдать свою противоправную, подрывную деятельность. Под ваххабизмом понимается религиозно-политическое движение в суннитском исламе, возникшее в Аравии в середине XVI11 в. Его основателем явился аравийский богослов Абд аль-Ваххаб (1703-1792 гг.), пытавшийся восстановить первоначальное правоверие, основываться только на Коране и Сунне. Он призвал племена, населявшие Аравию, отказаться от своих прежних полуязыческих-полумусульманских верований, с тем чтобы привести их к истинному исламу. Именно тогда ваххабизм стал идеологией объединительного движения, которое возглавил род Саудитов, впоследствии основавший новое государство — Королевство Саудовская Аравия.

Ваххабизм выступает с позиций защиты первоначального ислама эпохи Мухаммеда как единственно правильного (известный российский востоковед А.М. Васильев называл их «пуританами ислама»). Ваххабиты выступали не только против шиитов, но и культа Пророка, экспроприировали богатых мусульман, преследовали тех, кто употреблял спиртное, курил, слушал музыку, играл в любые игры и т.п. В современных условиях ваххабизм потерял свои пуританские черты, стал официальной религией в Саудовской Аравии, чьи руководители баснословно разбогатели, используя нефтяной потенциал этой страны. Сегодня граждане королевства называют себя не «ваххабитами», а «салафийун» (салаф — «предки»), т.е. последователями веры праведных предков.

Ваххабистские организации экстремистского толка, выступая в различных странах под лозунгами «чистоты ислама», нередко эсплуатируют религиозные чувства мусульман и используют их в своих политических целях, пропагандируя антизаконные, насильственные методы участия в политике. Эти организации обычно осуществляют соответствующую организационную деятельность, включающую финансовую и военную поддержку противоправных акций.

Важнейшей особенностью ваххабитской доктрины является специфическое представление о джихаде как непримиримой борьбе не только против язычников, но и против мусульман, не разделяющих ваххабитские воззрения. Ваххабитская логика религиозного и политического преобразования действительности противоречит духу общепринятой мусульманской традиции. Ваххабитское движение часто носит сектантский характер.

Носителями ваххабитских идей в странах СНГ выступают получившие религиозное образование в арабских государствах и вернувшиеся в свои страны в качестве проповедников их граждане. Ваххабиты нередко пользовались религиозно-финансовой поддержкой Саудовской Аравии.

Как религиозное течение ваххабизм вступает в противоречие с суфийским исламом (орденами), давно существовавшим в странах СНГ, но не имевшим тесных связей с Саудовской Аравией, демонстрирует конфликт подходов и столкновение религиозных интересов поколений (ваххабизм в СНГ обычно включает людей молодого и среднего возраста). В то же время ряд ваххабитских движений поощряет участие его сторонников в вооруженной борьбе «за чистоту веры» в соответствующих ареалах: Дагестане, Чечне, Косово и др. В 1999 г. в Дагестане на территории нескольких сел было фактически создано ваххабитское мини-государство, в котором действовали различные вооруженные группировки экстремистского толка, тесно связанные с чеченскими боевиками. Для ликвидации этого очага понадобилось проведение антитеррористической операции вначале на территории Дагестана, а затем Чечни.

Вместе с тем было бы неверно отождествлять весь современный ваххабизм с мусульманским экстремизмом. Деятельность некоторых ваххабитов не выходит за рамки собственно религиозной сферы; они желают самосовершенствования и восстановления первичных исламских нравственных принципов.

С другой стороны, многие организации (группы) или движения ваххабитского толка вместе со своими сторонниками активно проповедуют и используют незаконные вооруженные методы борьбы в обществе, ставя на первое место не религию, а политику, политические цели. Они, как правило, имеют международные или международно-региональные связи. В этом случае и отношение к ним должно определяться как к незаконной военно-политической силе, использующей религиозные лозунги.

В.В. Путин во время «Прямой линии Президента России» совершенно определенно указал на то, что различными экстремистскими силами под прикрытием религиозных лозунгов была поставлена задача отторжения от России всех территорий компактного проживания мусульманского населения. Причем банды наемников, действующие на территории Дагестана и Чечни, в последнее время почти наполовину состоят из наемников из других стран.[1]

Исламский экстремизм

Это течение представляет крайнее направление в исламе, использующее идеи фундаментализма, иногда ваххабизма, но всегда делающее основную ставку на

[1] Prezident. Kremlin.ru // 18 декабря 2003 или Российская газета. — 2003. —19 декабря.

силу оружия. Речь идет о многочисленных исламских экстремистских боевых организациях типа «братьев-мусульман» и др. «Общество братьев-мусульман» возникло в 20-е гг. XX в. и неоднократно принимало участие в подготовке радикальных акций. В прошлом его лидер и идеолог Хасан аль-Банна и его соратники выступали за «исламскую нравственность» против «тлетворного влияния колонизаторов». Идеологи исламского экстремизма Айман аль-Захавари (лидер египетской экстремистской «Аль Джихад»), Сайид Кутб и другие своей задачей считают подготовку всемирного джихада посредством всеобщей мусульманской революции против «неверных», «унижающих веру мусульман» и «грабящих их нефть». В соответствии с их взглядами мир должен быть основан на идеях Корана как «единственно возможной конституции для мусульманина». Мировое сообщество как бы подразделяется на две части: Ислам и Джахилийя («неведение» — так называют период до принятия ислама жителями Аравии, «время невежества и дикости»). Джахилийя сегодня — это Запад и те мусульманские страны, власти которых не следуют законам шариата.

Эти идеи широко использует разветвленная исламская террористическая организация «Аль-Каида» (в пер. с араб, «основа», «база»).

Ее корни прослеживаются в Египте 1950-1970-х гг., а основные структуры были организованы в Афганистане и в Пакистане в 1980-е гг. и др.). Со временем пополнилась боевиками-исламистами, создала мощные, хорошо законспирированные международные структуры, включающие различные исламские организации боевиков. Усама бен Ладен — бывший подданный Саудовской Аравии — был лишен подданства за выступления против проамериканского курса страны, находился в Афганистане, командовал боевыми операциями против Северного альянса, являлся фактическим начальником генштаба «Талибана». Резко выступает против западных государств как крестоносцев, а также сионистов, иудеев, коммунистов и т.п.

«Аль-Каида» — это прежде всего схема сбора и распределения средств «на дело исламской революции», наличие необходимой базы данных о боевых организациях. Различные исламские террористические группировки планируют свои акции самостоятельно, обращаясь лишь за финансовой или иной помощью (найти инструкторов, надежных исполнителей и т.п.). «Аль-Каида» — это также духовный центр движения.

ЕМ. Примаков: «Подняв знамя воинствующего ислама, лидер "Аль-Каиды" бен Ладен провозгласил в качестве цели создание истинно исламского государства, объединяющего на основе шариата мусульман всего мира».[1]

К наиболее известным исламским организациям, имеющим группы боевиков и использующим террористические акты в своей деятельности, относится Исламский международный фронт, объединяющий радикальные организации в ряде

[1] **Примаков Е.М.** Мир после 11 сентября. — М., 2002. — С. 23-24.

стран Ближнего Востока (о его создании объявлено Усамой бен Ладеном в феврале 1998 г. в Пакистане). Объединяет ряд самостоятельных радикальных организаций.

Среди них: египетские «Аль-Джихад» («Священная война»), один из лидеров — Айман аз-Завахри и «Аль-Джамаа аль-ислямийя» («Исламская группа»); пакистанские «Джамиат-уль-Улема-е Пакистан» («Ассоциация пакистанских улемов») и «Харкат-уль-ансар» («Движение ансаров»); бангладешская «Джихад», а также «Армия Освобождения Исламских Святынь», ответственная за взрывы американских посольств в Дар-эс-Саламе (Танзания) и Найроби (Кения) 7 августа 1998 г., в результате чего погибло 257 человек.

Существуют и другие исламские организации, использующие вооруженные методы борьбы.

Среди них «Талибан» — радикальное исламское движение, состоявшее в основном из студентов и слушателей пакистанских духовных училищ. Базируется в восточных районах Пакистана и ведет вооруженную борьбу с индийской армией в штате Джамму и Кашмир; «Хезбаллах» («Партия Аллаха») или «Исламский джихад» — радикальная шиитская, проиранская левацкая организация, базируется в Ливане. Тесно связана с Ираном, насчитывает несколько тысяч членов, имеет ячейки по всему миру, поддерживается структурами Ирана и Сирии; «Хамас» («Исламское движение сопротивления») — основано в 1987 г. как палестинское ответвление «Братьев-мусульман». Имеет десятки тысяч сторонников, поддержку палестинской диаспоры, Ирана, отдельных спонсоров из Саудовской Аравии и других стран. Организовала многие террористические акты в Израиле; «Аль-Гамаа Аль Исламия» («Исламские ассоциации») — возникла в Египте, действует во многих арабских странах мира. Взяла на себя ответственность за покушение на Президента Египта Х. Мубарака в 1995 г., «Харкат Уль-Ансар» («Движение сподвижников» пророка), действует в Афганистане и других странах.

В силу того что исламские (как и некоторые другие) террористические организации действуют в ряде стран мира, имеют разветвленную структуру, борьба с ними требует практически всемирной координации антитеррористической деятельности по многим направлениям. В этом направлении Россией с рядом других государств, как известно, уже были предприняты определенные шаги. Речь идет о формирующемся межгосударственном антитеррористическом сообществе.

Либеральный (модернизаторский, вестернизированный и т.п.) проект ислама

Он предполагает перенос на почву арабских стран т.н. общечеловеческих, по сути, западных по своему происхождению форм социальной жизни: парламентаризм, многопартийность, акцент на права и свободы индивида, идеологи-

ческий плюрализм, соответствующая трансформация ислама как идеологии, мобилизующей граждан или подданных на реализацию формально-демократических институтов. Этот проект характерен в первую очередь для правящих режимов в странах распространения ислама (Ливана, Сирии, Египта и др.). Он является своеобразной реакцией на либеральную модернизацию исламского общества.

Современное поколение мусульман, многие из которых получили плюралистическое образование, владеют Интернетом, достаточно активно выступает за демократизацию, свободу мнения и т.д. Исследователь Вашингтонского института внешней политики Р. Тэйки замечал, что «в конечном счете интеграция исламской демократии в глобальное демократическое общество зависит от желания Запада принять исламский вариант либеральной демократии. Исламистские умеренные, хотя и признают, что фактически существуют некоторые определенные «универсальные ценности», считают, что различные цивилизации должны иметь возможность выражать эти ценности в контексте, который является приемлемым и уместным в их конкретном районе».[1]

Таким образом, в зависимости от характера политических и религиозных сил, их подходов к оценке ислама и его роли в политике возможны различные исламистские социально-политические движения с соответствующей идеологией, развитие и функционирование которых определяет судьбы многих народов и стран. Исход борьбы между различными исламскими проектами важен для судеб отдельных исламских государств и исламского мира в целом. Самоопределение исламского мира как относительно консолидированного субъекта международных отношений происходит в немалой степени через конфронтацию. Причем не столько с реальными противниками того или иного исламского государства, сколько с государствами, территории которых расположены недалеко от исламских стран.[2]

В целом «исламское Возрождение» происходит в откровенно политизированной форме. «Политическое сознание и действие все в большей степени соотносятся с вероучением, опираются на него: правящие режимы стремятся подкрепить свою внутреннюю и внешнюю политику религиозными догмами, изыскивают развернутые вероучительные обоснования своих политических лозунгов; политические организации, находящиеся в оппозиции, также выступают с собственными программами переустройства общества на принципах ислама».[3]

Комплексное изучение политической культуры в исламских странах

Комплексный подход к анализу политической культуры в арабских странах позволяет преодолеть формально-институциональное представление о полити-

[1] Foreign Policy. — 2001. — November-December. — P. 70.

[2] Достаточно отметить участие добровольцев-муджахедов, состоящих на службе ряда исламских государств, в борьбе против югославских войск в Косово, в Чеченской Республике и др.

[3] Арабо-исламская традиция // Хрестоматия по сравнительной политологии: Запад — Восток — Россия. — С. 293.

ке и выйти за рамки нормативного описания политических явлений. Вследствие этого можно определить, какую роль в функционировании арабских политических институтов играют культурные ценности и особенно религия.

В целом для арабской политической культуры характерен ряд базовых ценностей, традиций и свойств. Среди них можно выделить следующие.

В основе развития исламо-арабской цивилизации лежит номократическая культура ислама. Ее духовное и обрядовое содержание представляет собой, по образному выражению О. Шпенглера, «магическую душу» арабской культуры.

Основополагающая ценность арабской политической культуры — доминирующая и смыслоформирующая роль ислама. Культура ислама (его двух основных направлений: суннизма и шиизма) является господствующей в арабских странах. В отдельных государствах арабского ареала дополняется другими религиями, верованиями (Ливан, Судан).

В зависимости от отношения к исламу со стороны соответствующих социальных сил в арабской политической культуре можно выделять системы ценностей по линиям: традиционализм, фундаментализм, модернизм и др. Учитывая слитность многих религиозных и политических аспектов в исламе, целесообразно «разводить» традиционные, фундаментальные ценности и исламский насильственный экстремизм, учитывать характер стоящих за ними политических сил.

Арабская политическая культура выступает преимущественно как авторитарная, подданническо-партисипаторная или провинциалистско-подданническая культура, в которой существенную роль играет религиозная община (умма). Преимущественное значение в арабских странах имеет культура авторитарного типа. Это связано с особенностями их развития, слабостью демократических начал политической культуры. Для арабского менталитета характерно стремление к авторитарности власти. В арабской культуре правитель является стержнем политического режима. С точки зрения арабского менталитета, здесь семейные ценности, где мужчина — отец и глава семьи, как бы переносятся на государственный уровень. Руководитель принимает решения и несет главную ответственность. Традиционно все успехи приписываются ему, он редко обвиняется, не может допускать просчетов. Государство, по мнению многих арабов, выполняет роль отца, опекающего граждан с момента рождения до смерти. Часто они видят недостатки, но не проявляют соответствующей инициативы, не занимают активной позиции, а занимают выжидающую позицию. Люди часто хотят замены некомпетентного правителя, однако не столько для того, чтобы его полномочия были переданы действенным органам, сколько для его замещения другим, сильным и справедливым правителем. Это демонстрирует склонность арабов механически связывать прогресс или отсталость общества, соответственно, с добродетельностью или порочностью правителя. Естественной и традиционной является тенденция к желанию видеть главу государства, ожидать от него блага (своеобразный «фараонизм»). Несмотря на существование во многих арабских странах партий, выражающих различные интересы, правитель обычно не доверяет им и в распределении высоких постов опирается на крайне ограниченный круг людей прежде всего из числа членов семьи, конфессии или тех, кого связывают личные отношения.

Значительная часть населения арабских стран полагает, что любое решение, любая инициатива должны исходить сверху, что за все отвечает правительство. Такие взгляды препятствует созданию плюралистических политических структур и акцентируют внимание лишь на личных отношениях между правителем и его помощниками. Соответственно, актуальны позитивные инициативы граждан для пробуждения общества с целью развития новых форм участия в политике. Демократия в любой стране мира нуждается в признании гражданами того, что политическая власть должна распределяться между разными органами, а не концентрироваться только в руках одного правителя, который может ошибаться; требует соответствующего представительства, контроля и отчетности.

Женщина в арабской политической культуре традиционно играет «зависимую» по отношению к мужчине как главы семьи роль, обусловленную нормами шариата. Ислам выступает как «мужская культура». В отдельных странах и регионах исламского влияния в силу их большей открытости и влияния других религий (Ливан, Палестина и др.) женщины начинают играть более заметную роль в некоторых формах политики (участие в голосовании, местных комитетах, отдельные назначения на высокие должности). Можно привести и пример избрания премьер-министром Пакистана женщины — Зульфикар А. Бхутто. Однако при этом следует учитывать, что эта страна, хотя и является исламской, но имеет сильные индуистские культурные корни и традиции, предполагающие активную роль женщины в обществе.

Население арабских стран малограмотно (за исключением элиты), слабо информировано о политике. В странах с авторитарно-демократическими формами правления участие в политике носит ангажированный характер, направляется властями. В острых ситуациях политическое участие приобретает массово-религиозный характер, в котором важную роль играют харизматические (религиозные) лидеры.

Если посмотреть на арабское политическое сообщество в целом как на существующую данность и попытаться выделить в нем группы в зависимости от их участия, заинтересованности и сотрудничества, можно говорить о четырех группах.

Первая группа включает участвующих, т.е. граждан, использующих свои политические права и характеризующихся интересом к происходящим вокруг них событиям и фактам. Они уверены в себе и способны оказать влияние на политический процесс. Для них характерно сотрудничество. Они являются активными членами политических организаций и обществ по интересам. Таких граждан в арабских странах явное меньшинство. В городской арабской политической культуре среди элиты могут иметь определенное распространение европейские политические ценности (прав и свобод, выборов), а также «баасистские» («арабский социализм») установки или ориентации.

Вторая группа охватывает заинтересованных или наблюдающих. Это люди, которые нерегулярно участвуют в выборах, редко обсуждают важные политические события, если они их прямо не затрагивают.

Трсть> группа формируется из пассивных, не интересующихся происходящими вокруг них политическими событиями граждан. Они поглощены каждо-

дневными бытовыми проблемами, их жизнь сосредоточена на неполитических событиях и фактах. Обычно таких граждан называют аполитичными. Сюда же относят и эмигрантов. Увеличение числа индифферентных людей объясняется распространением неграмотности, бедности, склонностью рядового гражданина арабских государств остерегаться и сторониться власти, отсутствием необходимых средств для обеспечения политического участия.

Четвертая группа состоит из политических экстремистов различных направлений. Увеличение числа экстремистов объясняется углублением социально-экономической дифференциации, неграмотностью и глубокой религиозностью населения, деятельностью специализированных, хорошо финансируемых организаций экстремистского толка. Значительную часть экстремистов составляет бедная в имущественном отношении молодежь, которой легко внушить различные крайние религиозно-политические идеи.

Политическое участие в ряде арабских стран является формальным. В некоторых государствах являются призрачными свобода мнения, право на создание политических организаций, получение информации из различных источников и др. Часто на выборах выдвигается только один кандидат. В том случае, если выборы считаются официально открытыми, с выдвижением многих кандидатов и альтернативных решений, оппозиция представляет собой обычно слабое меньшинство, т.к. материальные, информационные и другие важнейшие средства, необходимые для ведения избирательной кампании, как правило, используются правящей партией и позволяют ей применять различные средства давления на избирателей. Ряд авторитарных арабских политических режимов используют мобилизационные выборы, на которых демонстрируется «массовая поддержка» официальному кандидату. Политическое участие во многих арабских странах является сезонным, т.к. оно ограничивается голосованием во время очередных выборов.

Для арабской политической культуры, за исключением чрезвычайных политических ситуаций, характерна слабость регулярного политического участия. Для повышения эффективности политического процесса необходимо, чтобы большинство членов общества чувствовали способность воздействовать на политику посредством высказывания своего мнения по различным проблемам, будучи уверенными, что это мнение представляет собой ценность, что за конструктивную критику любого ответственного лица, допускающего ошибки, не последуют соответствующие карательные меры. Одной из особенностей арабской политической культуры является то, что каждый считает свое мнение правильным, а слова воспринимаются как неотъемлемая часть личности. Многие враждебно относятся к критике и полемике. Мысли и мнения подчас приклеиваются к людям, как ярлыки. Слабо развита атмосфера обсуждения, где они могли бы конкурировать вне связи со своими выразителями.

Во многих арабских странах существует традиционная статусная, в т.ч. религиозная, иерархия в отношениях между различными группами и социальными слоями. Важную роль в арабской культуре и политике играют традиционные социальные общности и группы. В то же время роль политических партий пока невысока. Гораздо большее значение имеют различные религиозные (религиоз-

но-политические) движения. В культуре и политике арабских стран возрастает значение исламского фундаментализма.

Для арабской политической культуры характерны как традиции согласия, так и национализма, экстремистских движений. Можно говорить о конфронтационном характере ряда политических процессов в арабском мире, вытекающем из его религиозно-цивилизационных особенностей развития. Весьма опасна экстремистская идея создания т.н. «всемирного халифата» с использованием насильственных средств.

Во время «Прямой линии с Президентом Российской Федерации» был задан вопрос: «Возможно ли создание исламского государства на территории России?» Президент России В.В. Путин ответил следующее: «Вы знаете, эта идея — бредовая совершенно идея. Она ничем не отличается от идеи мирового господства, с которой в свое время совершали свои преступления фашисты. Чем она отличается? Фашисты это делали по расовому принципу, по этническому, а здесь упор делается на религиозный. Причем не просто на исламский фактор, как сейчас модно говорить, а именно на радикальный исламский фактор. Врагами этих людей являются не только христиане, но и мусульмане, которые не разделяют их точку зрения. У них идея создания халифата не только на территории Российской Федерации, у них идея создания всемирного халифата. Повторяю, это мало чем отличается от идеи всемирного господства, которую продвигали в свое время Гитлер и его окружение. Это преступные элементы, с которыми нужно разговаривать жестко и последовательно. И почему они обратили внимание на Россию? Ну, во-первых, здесь значительное количество компактно проживающего мусульманского населения, и они просто считают, что это население можно одурачить. И, во-вторых, считалось до недавнего времени, во всяком случае, в начале и середине 1990 гг., что Россия — легкая добыча: государство ослабло, здесь можно сделать первый шаг к реализации этой цели. У них ничего не выйдет».'

Исламская идея находится в постоянном переосмыслении. Видимо, возможны такие интерпретации ислама, которые бы реально ответили на вызовы XXI в. с учетом всей исторической практики становления и развития мусульманских государств.

Российская Федерация проводит по отношению к арабским странам взвешенную, конструктивную, взаимовыгодную политику. С подавляющим большинством этих государств у нее хорошие отношения. В арабском мире помнят и высоко оценивают помощь России (СССР) арабскому национально-освободительному движению в середине XX в., ее многолетнюю экономическую, научно-техническую и гуманитарную помощь и поддержку, оказывавшуюся часто бескорыстно освободившимся странам этого региона. Особо следует отметить подготовку в лучших вузах России десятков тысяч специалистов высшей квалификации для арабских стран.

Россия традиционно поддерживает права народа Палестины на создание самостоятельного государства, играет позитивную роль признанного в араб-

[1] Владимир Путин: разговор с Россией. Стенограмма «Прямой линии с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным». — М: Олма-Политиздат, 2003. — С. 43-44.

ском мире арбитра в решении некоторых его спорных проблем. В последнее время в связи с прямыми угрозами применения военной силы США против некоторых исламских государств (прежде всего Ирака) роль конструктивной российской дипломатии может повыситься. Следует также обратить внимание на значительный отток «арабских капиталов» из США и создание условий для их привлечения в Российскую Федерацию.

> *А.М. Васильев:* «Пространство России — это зона сожительства народов с христианскими и мусульманскими корнями, неизвестного Западной Европе по масштабам и разнообразию форм. Поэтому Россия, может быть, сыграет роль моста между миром ислама и миром христианства, если они не потеряют способность к диалогу и взаимопониманию. В обновленной России могут выработаться элементы синтеза различной части всемирной цивилизации. Россия будет нужна мусульманскому миру, как мусульманский мир будет нужен России».[1]

В целом в русской культуре существует определенный потенциал комплиментарное™ по отношению к исламу и мусульманской культуре и понимание известной близости исходных установок и внутренних интенций обеих цивилизационных систем. Возможная реализация этого потенциала зависит от многих социальных, политических и духовных факторов, среди которых роль научного исламоведения занимает далеко не последнее место.

3. Специфика арабского менталитета

В менталитете арабских стран существенное место занимает исламская традиция, дополняемая теми или иными страновыми и временными особенностями. В мусульманском мире иностранец не может обращаться с вопросами или просьбами к женщине, это считается неприличным; все контакты, обсуждения ведутся с мужчинами. Исключения пока могут быть лишь в наиболее «европеизированных» арабских странах или регионах — Ливане, Сирии, Палестине и др.

Если европейское приветствие короткое и сухое, то арабское превращается в целую процедуру, оно сопровождается расспросами о здоровье, о делах. На протяжении беседы эти вопросы могут повторяться. Даже если вы спешите, то необходимо выслушать арабского собеседника, его многочисленные пожелания благополучия. Поводы для пожеланий и поздравлений могут быть самыми разнообразными: встреча, приезд, отъезд, покупка. При встрече в арабских странах мужчины обнимаются, слегка прикасаясь друг к другу щекой, похлопывая друг друга по спине и плечам, но такие знаки внимания возможны только между своими и не распространяются на чужестранцев. Речь арабского собеседника обязательно сопровождается частыми обращениями к Аллаху, упованием на его помощь в завершении предстоящих дел.

[1] Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. — М: Наука, 1993. — С. 387-388.

В арабский среде это обычная формула вежливости. «Культурная дистанция» между беседующими арабами обычно короче, чем она принята у европейцев. Беседующие почти касаются друг друга, что свидетельствует о взаимном доверии.

При первом знакомстве, да и в последующих встречах ваш арабский собеседник будет скорее всего выражать вам радушие и любезность. Это не притворство, а дань традиции: среди арабов господствует мнение, что только такое поведение достойно мусульманина. Вместе с тем последующие беседы могут проходить менее гладко. Представители арабских стран как в быту, так и во время деловых контактов стараются создать дружелюбную обстановку, ценят юмор, обращаются к партнерам, используя личные имена. Многие арабы по делу и без дела могут дружелюбно трясти вашу руку.[1]

Арабские собеседники всячески избегают определенности, четких ответов «да» или «нет». Обычно следуют туманные обороты типа «иншалла» («если Аллаху будег угодно»). Арабское понимание этикета запрещает собеседнику прибегать к прямолинейным ответам, быть категоричным, арабы во время беседы избегают также суетливости, поспешности. Они так же, как и другие жители Востока, всегда стремятся «сохранить лицо» и свое, и собеседника. Считается необходимым оставить возможность для последующих контактов. Отказ от сделки сопровождается оговорками, похвалами в пользу обсуждаемого предложения. Арабские политики и предприниматели выражают отказ в максимально смягченном, завуалированном виде.

Исламская мораль, как говорилось, относит торговлю к престижному, почитаемому занятию. Средневековые мыслители рассматривали торговлю как род искусства, успех в торговых начинаниях считался признаком глубокого ума. В силу этого торговая сделка у арабов — всегда некий спектакль. Это сфера, где западноевропейские и арабские понятия существенно расходятся. Приглашая совершить сделку, арабский купец (торговец, участник сделки и т.д.) становится сверхлюбезным. Первая названная цена или условия всегда многократно завышены. Назвав завышенную цену, завысив условия договора, арабская сторона начинает всячески его расхваливать, пропагандировать, рекламировать и др. Соответственно, покупающая или переговаривающаяся контрсторона должна уметь сбить цену, предложить иные условия договора. Торги и переговоры могут прерываться и продолжаться на иных, вновь и неоднократно выдвигаемых условиях.

Неотъемлемой частью деятельности арабского бизнесмена, стремящегося к заключению делового соглашения, является посещение увеселительного заведения. У этих народов исповедуется почти религиозный культ подарков, причем самые весомые из них — авторская картина или оригинальная чеканка. В их одежде считается недопустимым сочетание белого и синего цветов (флага Израиля). Во время беседы арабы имеют обыкновение очень близко склоняться к своему собеседнику, что у представителей других наций считается неэтичным.

[1] К ногам арабы относятся как к нечистой части тела, поэтому в их присутствии нецелесообразно забрасывать ногу на ногу. Правая рука является более чистой, что следует учитывать в этикете.

Во время торгов и переговоров в арабских странах обычно предлагается кофе. Причем если беседа идет в небольшой группе с одним контрпартнером и вам подали небольшую чашечку кофе (он очень крепкий, без сахара, возможно, с кардамоном), то, выпив, вы должны отдать ее хозяину, и он тут же наливает в нее еще кофе. Так может продолжаться до тех пор, пока вы один не опустошите кофейник. Но если вы больше не хотите кофе, покачайте чашечкой из стороны в сторону или переверните ее вверх дном. Если перед кофе предлагают прохладительные напитки, это означает, что время, отведенное для встречи, подходит к концу.

Для арабских народов весьма характерно ярко выраженное чувство национальной гордости, следование историческим традициям своей страны. Они обычно выступают как сторонники сильного правления, Арабы как народы, приобретшие не так давно независимость (60-е гг. XX в.), весьма чувствительны к вопросам, связанным с суверенитетом и национальной независимостью. Все, что каким-то образом может рассматриваться как вмешательство в их внутренние дела, будет отвергаться, во всяком случае, на словах, достаточно решительно.

Арабские граждане, особенно политики и предприниматели, чаще предпочитают «торг» иным типам взаимодействия с партнером. Они придают большое значение проявлениям дружбы, искренности, гостеприимства и хорошего настроения. Для арабов одним из существенных моментов на переговорах является установление доверия между партнерами. Они также предпочитают предварительную проработку деталей обсуждаемых на переговорах вопросов. Если типичный американец или европеец пытается предугадать развитие событий при решении любой проблемы, то арабы, скорее, привыкли ориентироваться на прошлое, обращаясь к своим корням и традициям, особенно исламским, пытаясь как бы соединить исторический опыт с современными условиями. В Коране говорится, что «повеленное Богом наступит — не просите, чтобы оно ускорилось».

В целом, поскольку арабский мир далеко не однороден, существуют значительные различия в стилях делового и культурного общения у представителей различных арабских государств.

Исламская цивилизация — одна из самых молодых на планете — уже показала и, очевидно, будет демонстрировать и в будущем свой растущий потенциал. Эта цивилизация и культура имеет соответствующую только ее матричным основам своеобразную систему ценностей. Она значительно отличается от многих основополагающих идей, например, западной цивилизации. В силу этого плодотворный диалог между различными цивилизациями и культурами может происходить только при взаимном уважении исконных ценностей родных культур и возможном достижении взаимопонимания в условиях развития стратегий уважительного и равноправного межцивилизационного взаимодействия.

Ключевые понятия

ислам, исламская цивилизация
исламский Ренессанс
Коран (суры, аяты)
Сунна
тарикаты
суфии, суфизм
улем
номократия

Хадисы
халифат
имамат, имам
умма
суннизм
шиизм
джихад
фетва
традиционализм исламский
сунниты (хараиджиты, мутазилиты)
шииты (зайдиты, исмаилиты)
«иншалла»
мулла
хиджра
вакф, вакуф
«арабский социализм»
«столпы веры»
шахада, закят, саум, намаз, хадж
махди
паломничество
муджтахид
муджахед (моджахед)
иджтихад, мубайя иджма, кийяс, фикх
факих
фундаментализм исламский
ваххабизм
«всемирный халифат»
ассасин
аятолла
муфтий
дервиш
Партия БААС, баасизм, баасисты

Вопросы для самостоятельной работы

1. Каковы характерные черты и особенности исламской цивилизации?
2. В чем состоят особенности цивилизационного развития исламского мира?
3. Какова роль религии в политической культуре арабских стран?
4. Перечислите характерные черты политической культуры исламских обществ.
5. Рассмотрите основные ценности политической культуры исламских обществ.
6. В чем сущность традиционализма, фундаментализма и модернизма в арабских странах?
7. Охарактеризуйте политико-культурный и религиозный феномен ваххабизма.
8. Каковы возможности взаимодействия российской и исламской цивилизаций и культур?
9. В чем особенности менталитета исламского мира?
10. Каковы достижения и проблемы во взаимодействии субъектов западной и исламской культуры?
11. В чем состоят политико-культурные и религиозные проблемы во взаимоотношениях между исламскими странами?
12. Какова роль ваххабизма в странах СНГ и России?
13. Охарактеризуйте основные международные исламские организации, какую политическую и культурную роль они играют?
14. Какую роль играет исламское право в арабских странах, по каким вопросам оно близко к международному праву?
15. В каких разделах Корана сосредоточены высказывания по проблемам политической культуры? Выпишите некоторые из них.
16. Каковы причины «исламского Ренессанса» в различных сферах общественной и международной жизни?
17. В чем специфика арабской идентичности?
18. В чем различие между халифатом и имаматом?

19. Каковы причины и последствия военного вмешательства США и Великобритании в Ирак в 2003 г.?

20. Чем объясняются традиционно хорошие отношения между Россией и арабскими государствами, их народами и культурами?

21. Какие ценности арабской (исламской) культуры близки к традиционным православным ценностям россиян и какие нет?

22. Каково отношение к христианству в исламе? Почему в целом оно является положительным?

23. Каковы перспективы политико-культурного диалога и взаимодействия между странами Арабского Востока и Россией?

24. Какова роль ООН в урегулировании положения в Ираке?

25. Каковы ведущие региональные арабские СМИ и какова их роль в информационной деятельности по обеспечению интересов арабского сообщества?

26. Как вы относитесь к понятию «исламский терроризм»? Правомерно ли его использование? Может ли быть терроризм «религиозным»? Обоснуйте свою точку зрения.

27. Согласны ли вы с выводом Нострадамуса о значительных перспективах развития исламской цивилизации в XXI в.?

28. Как вы относитесь к выводам С. Хантингтона о вероятности конфликта между Западом и исламским миром? Можно ли его избежать?

Глава 15

Ценности и смысл политической культуры африканского сообщества

Дж.Н. Мойо: «В будущем веке среди главных источников богатств государств станет социальное, культурное и расовое разнообразие. В этом отношении Африка является уникальным местом, где представлены и сосуществуют самые различные культуры, расы, народы, социальные группы, религии мира».

П. Шредер: «Все великие идеологии и модели общественного развития XX в. — капитализм, марксизм, социализм и исламский фундаментализм — нашли в Африке своих сторонников, повлияли на ее развитие».

П.Дж. Шредер: «Новое поколение африканских лидеров (символом которого является Н. Мандела) привержено идее создания многорасовых и полиэтнических обществ, основанных на этнической терпимости, защите всеобщих прав человека и власти закона. Африканские политики, технократы и частные предприниматели преисполнены решимости реструктурировать умирающие африканские экономики, чтобы дать простор африканскому предпринимательскому духу».

П. Бота: «В общественном сознании Африки доминирует культурологическая концепция африканского Ренессанса. Ее сторонники воспринимают африканский Ренессанс как возвращение к "истокам", как возрождение африканской культуры, африканской идентичности и традиционных институтов. Они также считают, что африканцы должны отказаться от некоторых неэффективных и культурно чуждых институтов, заимствованных у Запада».

А. Мбембе: «Необходимо преодолеть глубокое сомнение африканца в себе, усиленное недоверием внешнего мира к черному, к его «управляемости», к его способности при помощи лишь своих сил, своих моральных и этических ресурсов создать свою историю, отличающуюся не только бедствиями и потрясениями. Энергия и жизнеспособность дебатов в прессе и интеллектуальных кругах так же, как и индивидуальное и коллективное мужество некоторых африканских политиков и интеллектуалов, позволяют надеяться на медленное созревание "этики ответственности", которая должна победить "этику инфантилизма", превалирующую до настоящего времени».

Л. Синджу: «Африканская ассоциация политической науки (ААПН), сформировавшаяся в ходе борьбы против авторитаризма, апартеида и остатков колониализма, последовательно выступает в защиту демократии на африканском континенте. Члены ААСП в силу этих причин всегда были активистами, а не "позитивистами". Мы всегда считали, что демократия — это не только режим цивилизованной политики, но также окружающая среда и культура, приводящие к расцвету политической науки».

1. Общество и культура в Африке

Развитие политической культуры неразрывно связано с общекультурным, цивилизациониым и политическим генезисом общества. Многие исследователи этого феномена справедливо полагают, что традиции общества, дух эго публичных институтов, стиль и действующие кодексы лидеров, устойчивые ориентации граждан — не просто случайные продукты исторического опыта, а взаимосвязи единого целого, образующие осязаемую цепь отношений.

Политическая культура, выражая определенное качество общественной жизни, дает отдельному человеку руководящие принципы политического поведения, а коллективу — систематическую культуру ценностей и рациональных доводов, обеспечивающих единство и взаимосвязанность функционирования политических институтов и организаций. Политическая культура воздействует на политическую жизнь, подобно тому как культура в целом придает целостность и интегрированность общественной жизни. По своей сути политическая культура — это прежде всего система ориентации на политическое действие конкретных людей внуфи данного общества, политические ориентации определенного человека, представляющего соответствующую социальную ipynny, слой, этнос, цивилизацию.

> *П. Шаран:* «Политическая культура измеряется с точки зрения ориентации на политическое действие, которая связана с познаниями индивидуума в сфере политических задач, событий, действий и проблем, а также с тем, придает ли он этим вопросам эмоциональную окраску, каким образом он оценивает их, и достаточно ли он обеспокоен ими, чтобы действовать».[1]

Анализ политической культуры африканского общества представляет собой несомненный интерес, что в немалой степени связано с быстрым ростом населения этого континента (около 1 млрд человек), его возрастающей ролью в геополитическом развитии мира и мировой политике в целом, своеобразием африканцев, спецификой социально-экономического, политического и духовного развития многочисленных народов и государств этого континента.

> Африканская цивилизация является одной из древнейших макрорегиональных цивилизаций планеты. Ее судьбы всегда были связаны с судьбами всего мира. По мнению ряда исследователей, именно этот континент был колыбелью человечества. В глубокой древности именно в Африке возникла египетская цивилизация, оказавшая значительное воздействие на развитие как европейских государств, так и стран Востока. Однако многовековая колониальная система порабощения африканских народов, установленная западно-европейскими державами, ограничила традиционные исторические связи Африки, затормозила развитие ее производительных сил и культуры, привела к упадку африканской экономики, содействовала забвению многих ярких страниц богатейшей истории

[1] **Шаран П.** Сравнительная политология / пер. с англ. В 2 ч. Ч. 2. — М, 1992. — С. 153-154.

и достижений этой цивилизации. Массовая торговля африканскими рабами и их бесчеловечная эксплуатация — одна из самых позорных страниц западно-европейской и американской (США) государственности.

Африканская цивилизация прошла в своем генезисе ряд эпох:

1) «доевропейская» — с III тысячелетия до н. э. и вплоть до іюследней трети XV в. н. э., которая определялась взаимодействием различных народов внутри африканской цивилизации и ее отношениями со странами и культурами Средиземноморья, Ближнего Востока, а затем арабской цивилизацией;
2) «африканско-европейская: пред- и раннеколониальная» — с последней трети XV в. до второй половины XIX в., которая характеризовалась широкими контактами с европейской цивилизацией и началом ее экспансии в Африке;
3) «колониальная» — со второй половины XIX в. до 1960 г., когда африканский континент, по сути, был поделен между рядом западно-европейских стран и представлял огромную колонию (за исключением Египта и Либерии);
4) «постколониальная», начавшаяся с 1960 г. — «года Африки» (в начале 1960-х гг. независимость получили более 20 африканских государств, бывших колоний Великобритании и Франции. Португальская колониальная система распалась в 1974-1975 гг. — независимость получили Ангола, Мозамбик и др.). Официальная инициатива принятия ООН исторического документа о предоставлении независимости колониальным странам принадлежит СССР.[1]

В современных условиях африканская цивилизация представляет собой уникальное этническое, культурное, политическое, социально-экономическое и географическое разнообразие, которое представлено 53 независимыми странами с разнообразными режимами, формами властного устройства общества, культурно-духовными доминантами. В целом Африка, особенно южнее Сахары, в силу тяжелого наследия колониального прошлого, а также трудностей современного развития, ошибок в выборе рациональной национальной стратегии роста и некритического использования от «государственно-директивных» до неолибертаристских концепций представляет собой отстающее в своем социально-экономическом развитии сообщество по сравнению с другими макрорегионами.[2]

Весьма неблагоприятен для Африки ряд последствий процессов глобализации. На XIX Всемирном конгрессе политологов (г. Дурбан, Южно-Африканская республика, июнь 2003 г.) отмечалось, что тенденции к научной, технической и информационной интеграции человечества противостоит политика использования ее мировой финансово-спекулятивной олигархией для установления своей глобальной гегемонии. Главная опасность в том, что она сопровождается нивелировкой многоцветного мира «земли людей» с подгонкой его под единые стандарты современной западной культуры и социально-экономической организации. Параллельно расширяется разрыв в благосостоянии между населением стран «золотого

[1] Декларация Генеральной Ассамблеи ООН «О предоставлении независимости колониальным странам и народам» (14 декабря 1960 г.) // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 5. Политические документы. — М.: Мысль, 1997. — С. 487-489.

[2] **Васильев А.М.** Африка — падчерица глобализации. — М: Институт Африки Российской академии наук, 1999. — С. 13,

миллиарда» и остальным населением Земли. В то же время, оказывая нивелирующее воздействие на другие цивилизации, Запад втягивает их в свой цивилизационный кризис. Разделение мира на «золотой миллиард» и бедствующие три четверти остального человечества создает взрывоопасную ситуацию столкновения цивилизаций. Около 400 млн человек (из них большинство в Африке) имеют доход не более 1 долл. в день.[1] Формируется почва для экстремистских террористических движений. С другой стороны, тесное переплетение финансового кризиса с цивилизационным выражается в стремлении части стран Запада (прежде всего США) решить свои социально-экономические и финансовые проблемы на пути военных авантюр. Ресурсная проблема вновь начинает решаться вооруженной силой.

В результате низких темпов роста экономики во многих африканских странах, несправедливых цен на традиционные продукты их экспорта, отсутствия свободных средств на социальные программы в них постоянно растет число бедных граждан, которое составляет 30% всех бедняков развивающегося мира, а страдающих от недоедания—более 200 млн человек. Почти половина населения Африки имеет доход менее 1 долл. в день. Средняя продолжительность жизни африканцев является одной из самых низких в мире и составляет во многих из этих стран от 40 до 50 лет.[2] Доход надушу населения в странах Африки южнее Сахары составляет менее 900 долл. на человека в год. Очень высок уровень безработицы в крупных африканских городах. По оценкам МОТ, численность безработных в них достигает 28 млн человек, или 31% активного населения.[3]

Во многих африканских странах вследствие конфликтов в соседних государствах, экологических катастроф и других причин находятся сотни тысяч беженцев.[4] Доступ к здравоохранению в Африке драматически ухудшился но ряду причин и из-за передачи медицинских услуг в частные руки, что сделало их недоступными для значительных социальных, групп. Это произошло в условиях, когда континент охвачен панэпидемией СПИДа (из 23 млн человек, пораженных СПИДом, около двух третей живут в Африке южнее Сахары). В этих сложных условиях африканская общественность, ее интеллигенция заинтересованно обсуждают проблемы перспектив развития континента, путей его рационализации, оптимизации и гуманизации. Современная интеллигенция Африки связывает ее будущее и выход из кризиса «с принятием африканским обществом более здравой оценки собственной культуры, ее специфики, а главное — окружающего мира. Преодоление синдрома культурной исключительности они считают непременным условием вхождения Африки в современность, прагматичного отношения к достижениям других цивилизаций».[5]

Человек как неотъемлемая часть социума является носителем и творцом политической культуры, которая, в свою очередь, задает ему соответствующие ориентиры, вклю-

[1] Maloka E. Le Raux E. Africa in the New Millennium. — Pretoria, 2001. — P. 76-77.

[2] Индекс развития человеческого потенциала // Социологическая энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / под ред. В.Н. Иванова. — М.: Мысль, 2003. — С. 361.

[3] L'economie informelle en Afrique francophone: structure, dynamiques et politiques / Makionado C, Gaufiyau B. — Geneve: Bureau international du travail, 2001. — P. 7-8, 19, 22.

[4] Globalisation and The Post-Colonial African State. Ed. by Dam W. Nabudene. — Harare, Zimbabve, African Association of Political Science, 2000. — P. 110— 111.

[5] Высоцкая Н.И., Гомаа Ф.Э., Ирхин Ю.В., Караченцев В.А. и др. Общественная мысль в независимой Африке — М.: Институт Африки РАН, 2000. — С. 16.

чая в политическую жизнь. На конференции «Африка и новое мышление» в этой связи отмечалось, что ряду исследователей пока «не хватает стремления понять африканцев как людей, осмыслить их цивилизацию и ее возможности. Любое человеческое общество, в т.ч. и африканское, представляет собой противоречивое единство формационных процессов в сочетании с цивилизационными. Эти последние определяются духовными традициями, реалиями культуры, которые достаточно стабильны».[1]

Именно поэтому социокультурные, цивилизационные характеристики и особенности данного общества и индивида неизбежно опосредуют политическую культуру, выступают в качестве ее своеобразного «генетического кода», воплощаются в человеческом капитале политики. Свои отличительные особенности имеет и политическая культура в Африке. Она определяется разнообразными объективными факторами. Среди них:

1) общая социально-экономическая отсталость африканского общества и низкий уровень жизни большинства населения; неграмотность многих граждан; сложная и противоречивая этническая палитра континента, неурегулированность межнациональных и межэтнических конфликтов и противоречий;
2) прерванность естественно-исторического и политического генезиса вследствие колонизации и недостаточный опыт самостоятельного развития в условиях независимости;
3) особое отношение индивидуального и корпоративного в цивилизационном развитии африканских обществ; наличие устойчивых систем ритуального регулирования равновесия и порядка в африканском обществе; определенная автономия и достоинство личности при ее тесной связи, слитности с коллективом, причем человек воспринимается как главный носитель жизненного начала во вселенной;
4) господство в массовом сознании формировавшейся веками модели мироздания, в которой все взаимосвязано и иерархично: человек и Вселенная, космические силы и человеческое общество; нелинейность традиционного африканского времени (прошлые поколения не считаются потерянными для настоящего);
5) в мировоззренческой сфере — приверженность к традиционным ценностям проявилась в оформлении различных идеологических концепций африканской самобытности и исключительности;
6) слабое воздействие передовой политической мысли на общественные процессы; противоречивость идейно-политических ценностей африканской интеллигенции (от прозападных и надобщественных интересов африканской колониальной администрации («эволюэ») до современной элиты, ориентирующейся как на западные, так и на национальные, этнические и другие приоритеты развития);
7) краткосрочность и очаговосгь существования подлинно демократических институтов в Новейшее время; появление во многих африканских странах в 1990-е гг. тенденций к демократизации общественной жизни;
8) вхождение в самый начальный этап формирования гражданского общества (за исключением ЮАР, где оно уже находится на определенной стадии развития);
9) массовая субкультура африканцев характеризуется преобладанием традиционных ценностей, таких как коммунализм, этноцентризм, клиентелизм, эга-

[1] **Громыко Ан.А.** О новых подходах к изучению Африки // Африка и новое мышление. Конференция африканистов. — М., 1989. — С. 15.

литаризм, культ правителя. В то же время современное развитие африканского общества ведет как к определенной эрозии и ослаблению традиционных культурных ценностей и общественной морали, ослаблению традиционных приоритетов, так и активизации «черного национализма», посттрадиционализма, исламского фундаментализма (на севере континента) и т.д.[1]

Исторически доминанта коллективистских ориентации, общинно-патриархальных представлений и ценностных установок в Африке отвечала уровню социально-экономического развития общества, незащищенности индивида перед лицом природных и социальных политических сил, необходимости коллективных усилий для выживания. Консервируя традиции, она сплачивала общества. Индивидуалистическая ориентация явилась «выходом» в новую социально-экономическую и политическую реальность с иными ценностями: рыночные отношения, развитие демократических начал и принципов общественного устройства, необходимость правовой защиты деятельности индивида и др.

В чистом виде эти две основные жизненные ориентации встречаются редко: или в отсталых и отдаленных от центров местностях, или у незначительной элитной городской прозападной прослойки.

А.Н. Мосейко: «Ориентация на корпорацию, ценности традиционного коллектива характерна для африканских обществ, что отнюдь не исключает наличия в этих обществах личностного начала, более того, существует веками отработанная, тонкая и сложная социализация личности, кодированная в понятиях культуры. Именно эта система социализации является цивилизационной основой специфики личности в Африке и свидетельствует о существовании личности автономной».[2]

Положение человека в африканском обществе является более сложным, чем это можно определить на основе категорий «культурный гибрид», «маргинальный человек» и т.п., хотя типы людей, подходящих под эти категории, несомненно, существуют.

Известный российский африканист профессор И.В. Следзевский справедливо обращал внимание на то, что «в африканских обществах мы наблюдаем то, что можно, пожалуй, назвать антропоценозом, — в целостную органическую систему объединяются совершенно различные, противоположные даже типы социальных систем, объединенные общностью среды, необходимостью приспособления к ней: элементы традиционных африканских социальных организмов, элементы традиционных общностей, выходящих за рамки отдельных социальных организмов (широкие этноконфессиональные общности), элементы мировой капиталистической системы, которые подрывают обособленное существование социумов и т.д. Возникают специфические социальные образо-

[1] Новое и старое в африканском мире. Противоречия социально-политической модернизации / под ред. Ю.В. Потемкина. — М: Институт Африки РАН, 2000.

[2] **Мосейко А.Н.** Особенности личности в обществах Тропической Африки / Человек в африканском обществе. — М., 1994. — С. 56.

вания, «культурно-экологические системы». Наблюдается взаимодействие «родовой общины и современного капиталистического уклада».[1]

Африканцам присущ ряд особенностей и в восприятии окружающего их мира как по сравнению с иными цивилизациями (западной, восточной), так и в зависимости от их принадлежности к локальным африканским цивилизациям, крупным этническим общностям. Теоретико-философский и социокультурный анализ сравнительный картины мира, выраженный в мифологии, в знаковых системах ритуалов, верований ряда африканских народов позволил африканским, западным и российским ученым прийти к ряду важных выводов о сущности мировоззренческих, ценностных ориентации африканских культур.

Во-первых, при всем различии африканских культур их объединяет способ мировосприятия, своя логика и познавательные установки.

Во-вторых, образ мира включает как глубинные платы, архегипы, так и формы миропонимания, возникшие под влиянием исторической практики и других культур.

В-третьих, элементы каргины мира актуализируются общественным сознанием и лежат в основе менталитета верований, общественных ценностей и установок.

В-четвертых, в образе мира обнаруживаются как универсальные черты, так и специфические особенности, позволяющие говорить о ряде различий в основных парадигмах африканской (южной) мировоззренческой традиции, по сравнению с западной и восточной мировоззренческими традициями.

В-пятых, особенности африканской (южной) мировоззренческой традиции проявляются в понимании мира как гармоничной, недуальной целостности, где космос доминирует над хаосом, где все связано со всем по принципу партииации, существует всеобщая иерархия; все в мире наделено жизненной энергией, что ставит его в центр мироздания. Идея непрерывности, жизненной энергии, взаимосвязи людей — живых и умерших (предков) — с богами формирует понимание времени как обратимого и нелинейного.[2]

Африканские ученые обращали внимание на то, что основные составляющие политической культуры Африки связаны не только с непосредственными факторами политики и культуры, но и включают в себя ориентации, веры и чувства, которые придают значение политическому процессу и обеспечивают правила, управляющие поведением людей в политическом обществе.[3] По мнению нигерийского профессора Е.О. Ава, под политической культурой следует понимать все аспекты культуры, которые имеют какое-нибудь влияние на политические институты и их кооперацию. В узком смысле политическая культура, по его мнению, — это объединения старых и новых образцов и типов политического поведения, веры и чувств людей.[4]

[1] **Следзевский И.В.** Человек в африканском обществе: социальный атом, культурный гибрид или интерпретатор диалога культур? // Человек в африканском обществе. — М., 1994. — С. 45.

[2] **Мосейко А.Н.** Образ мира в африканских культурах. Общее и особенное // XIX Всемирный философский конгресс. Москва, 22-28 августа 1993 г. Кн. 1, 2. — М, 1993. — С. 21 -22.

[3] **Ade Ajayi J.F.** and **Ikasa B.** Evolution of political culture in Nigeria Proceeding of a National Seminar Organized by the Kaduna State Council for Arts and Culture. — Nigeria, 1985. — P. 3.

[4] **Awa** E.O. Igbo Political Culture. The lgbo Socio-Political System papers presented at the 1985 Ahiajoku lecture colloquium. — Ministry of Information. — Owerri, Nigeria — P. 31-35.

Для того чтобы уяснить историческую эволюцию африканской политической культуры, следует обратить внимание на роль семьи и традиционного лидерства. Институт семьи является фундаментальным в любой политической культуре. Изменения в концепции власти являются отражением изменения и в структуре семьи. В каждой африканской семье есть отдельная личность, которую все уважают и слушают. Обычно это глава семьи (самый старший). Это возникло на заре человеческой истории, обусловливая лидирующую роль старших по возрасту как основных хранителей и передатчиков социальной информации, обеспечивающих ее воспроизводство. Старшие по возрасту действовали от лица предков, важной составляющей их авторитета был страх членов социума перед возможными санкциями со стороны предков по отношению к тем, кто нарушил социальную норму. Наряду с семьей, основой политической деятельности, в традиционной политической культуре всегда был коллектив—племя, клан, община. Особую роль в традиционном африканском обществе играл и продолжает играть институт власти лидера, его харизматическая легитимность.

Создание президентских систем в ряде африканских стран явилось в определенной степени своеобразным отражением традиционных аспектов африканской политической культуры, в которой существенную роль, играли авторитеты.

Важно также учитывать влияние колониализма на традиционные африканские институты власти, который исказил характер традиционных властных (потестарных) образований. Были сломаны также традиционные системы ограничения и контроля власти правителя. Колониальные и постколониальные границы не совпадают с традиционными рамками властных ареалов. Традиционные формы нотестарной или политической организации превратились в особую скрытую властную организацию.

В зарубежной и российской этнографической литературе отношения власти и управления в доклассовых обществах принято обозначать как «потестарные». Был введен и широко используется термин «потестарно-политическая культура».

Анализируя политическую культуру постколониального общества Африки, исследователь Л.Е. Куббель отмечала сложность ее образования, поскольку она представляет собой своеобразный продукт взаимодействия потестарно-политической культуры и политической культуры страны-колонизатора. Первое, что определяет характер этого взаимодействия, —разный формационный уровень. Вторая особенность заключается в неравноправных отношениях, где политическая культура колонизатора занимает господствующее и противоположное положение к традиционной потестарно-политической культуре. По мнению Л. Куббель, маловероятно формирование нового типа политической культуры, органически синтезирующей особенности контактирующих культур.

Заведующий Центром политических исследований при Институте Африки РАН, профессор Н.Д. Косухин придерживается несколько иного взгляда на классификацию субкультур в африканской политической культуре. Он обращал внимание на то, что, с точки зрения Л. Куббеля, послеколониальная культура Африки включает две субкультуры — общегосударственную и традиционную. Думается, что в данном случае... «смешиваются два понятия: традиционная политическая культура и государственная идеология, что не одно и то же. Дру-

гое дело, что существуют субкультуры правящей элиты и народных масс. Кроме того, следует учитывать формирование субкультур и по социально-классовому признаку (классовое сознание)».[1]

Такой же подход характерен и для Е. А. Глущенко. В одной из первых работ по политической культуре Нигерии он выдвинул положение о замене одного типа политической культуры другим. В частности, что с приходом к власти военных, по мнению Е.А. Глущенко, возникает «политическая культура авторитарного общества», которая складывается в Нигерии. И далее он прогнозирует, что в будущем по мере становления гражданского общества следует ожидать у жителей Нигерии «новых установок и приоритетов, что повлечет за собой очередную смену типа политической культуры».[2] В рассматриваемом анализе Н.Д. Косухин видит «тот случай, когда выводы не вытекают из изложения материалов статьи, в которой говорится о традиционной политической культуре нигерийских этносов, продолжающей существовать и в постколониальный период. На наш взгляд, здесь смешаны два понятия — политическая культура и господствующая идеология авторитаризма. Вряд ли правильно говорить о смене политической культуры, очевидно, речь может идти о ее эволюции, развитии и т.п.».[3]

Порожденное авторитаризмом социальное неравенство усилило разобщенность в африканском обществе, нашло свое отражение в углублении конфликтности политической культуры, которая зародилась еще в колониальном обществе: несоответствие между элитарной политической культурой и политической культурой масс. Исследователь Э.Е. Лебедева выделяет в современной африканской политической культуре три субкультуры: субкультуру элиты, массовую политическую культуру и субкультуру среднего или «протосреднего» класса.[4]

На наш взгляд, выдвинув положение о субкультуре среднего класса, Э.Е. Лебедева, очевидно, предполагает такие условия, которые в массовом порядке возникнут еще нескоро и сегодня наблюдаются пока в небольшой обеспеченной социальной прослойке африканских городов.

Таким образом, «по вертикали» политическую культуру Африки можно охарактеризовать как сложносоставную (биполикультурную).

Если же африканскую политическую культуру рассматривать «по горизонтали», то она выглядит как полисубкультурная. Российский африканист В.В. Бочаров в этой связи справедливо отмечал, что «под покровом современных гражданских установлений живет реальное африканское общество, состоящее из территориально локализованных этносоциальных организмов разного уровня».[5]

[1] **Косухин Н.Д., Высоцкая Н.И., Садовская Л.М.** и др. Африка: особенности политической культуры.. . . .М.: Институт Африки РАН, 1999. — С. 11.

[2] **Глущенко Е.А.** Особенности политической культуры // Нигерия. Власть и политика. — М., 1988. — С. 231-232.

[3] **Косухин Н.Д.** Особенности политической культуры африканских стран // Африка: особенности политической культуры. — С. 10-11.

[4] **Лебедева** Э.Е. Эволюция политической культуры в Тропической Африке // Авторитаризм и демократия в «третьем мире». — М.. 1991. — С. 51.

[5] Современная Африка. Итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. — М., 1990.— С. 74.

В постколониальный период многие компоненты традиционной потестарно-политической культуры продолжают функционировать, особенно на низших иерархических уровнях управленческой системы. Так, по мнению В.А. Попова, «многопартийность, парламентаризм и другие атрибуты буржуазного общества оказались лишь прикрытием трибализма, а сам трибализм представляет не что иное, как использование элементов традиционной потестарной культуры в борьбе за власть».[1]

Особенности менталитета африканца довольно основательно рассмотрены в работах Л.С. Сенгора. Этот выдающийся африканский ученый и политический деятель писал: «Африканский негр, образно выражаясь, заперт в своей черной коже. Он живет в первозданной ночи и прежде всего не отделяет себя от объекта: от дерева или камня, человека или зверя, явления природы или общества. Он не держит объект на расстоянии, не подвергает его анализу. Получив впечатление, он берет живой объект в ладони, как слепец, вовсе не стремясь его зафиксировать или убить. Он вертит его в чутких пальцах так и этак, ощупывает его, ощущает. Африканский негр — одна из тех тварей, которые были созданы на третий день творения: чистое сенсорное поле. Он познает "другого" на субъективном уровне самыми кончиками усиков, если взять для сравнения насекомое. И в этот миг движение эмоций захватывает его до глубины души и уносит центробежным потоком от субъекта к объекту по волнам, порождаемым "другим"».[2]

Российский исследователь В.Б. Мириманов выдвинул идею о трансформирующем (транслиминальном) сознании в странах Тропической Африки, которое подвергается воздействию противоположных факторов урбанизованной среды, средств массовой информации и местных родоплеменных традиций. В его работе даются некоторые общие характеристики, отличающие транслиминальное сознание от традиционного и научно-индустриально-урбанистического сознаний.[3]

Общие характеристики, отличающие транслиминальное сознание от традиционного и научно-индустриально-урбанистического

Традиционное, родоплеменное (культура)	Транслиминальное	Научно-индустриально-урбанистическое
Синкретичное Перевес иррационального	В процессе дифференциации Примитивный прагматизм	Дифференцированное Перевес рационального

[1] Африка: культура и общество. Традиции и современность. — М., 1994. — С. 219-220.

[2] **Сенгор Л.С.** Негритюд: психология африканского негра // Ступени. — СПб., 1992. — № 3(6). — С. 92.

[3] Африка: культура и общество. Традиции и современность. — М., 1994. — С. 33.

Традиционное, родоплеменное (культура)	Транслиминальное	Научно-индустриально-урбанистическое
Религия	Суеверие	Концепция
Правило	Интуиция	Расчет
Догматичность	Смятенность	Логичность
Стабильное (склонное к стагнации)	Лабильное (колеблющееся)	Динамичное (эволюционирующее)
Тотальное	Фрагментарное	Систематизированное
Клишированное	Постигающее	Дерзающее
Герметичное	Разорванное	Открытое
Мифологизированное	Кал ейдоскопическое	Критическое
Структура	Аморфность	Структурация
Однозначное	Эклектичное	Полиморфное
Жестко ориентированное	Дезориентированное	Динамично ориентированное
Защищенное	Ранимое	Защищающееся
Ритуал	Гадание, колдовство	Анализ, стратегия
Пассивное	Заторможенное (неспособность овладеть ситуацией)	Активное

Особенность политической культуры африканского общества состоит также в том, что в ней значительно сильнее, чем в западных культурах, ощущается роль политического (и иного) символа. В Африке символы в огромной мере влияют не только на форму политического процесса, но прежде всего на его содержание. Воздействие на политическое поведение в Африке определяется связью политического символа с идеологическими или мировоззренческими представлениями, а также соответствующим уровнем развития индивидуального и общественного сознания африканцев.

Новые африканские элиты, приходящие к власти под знаменами формшшной демократии, во многом действуют в традиции авторитарного правления, эксплуатируют идеи плюрализма и преимущества соответствующей нации, народа или трибы, широко используют идеи этнонационализма и неотрадиционализма, что ведет к возникновению конфликтов в обществе.

Система политической коммуникации в Африке во многом является авторитарно-односторонне направленной со слабой обратной связью при расширении плюрализма мнений от центра к регионам и отдаленным местам по вертикали, а также среди общественно-политических движений и организаций по горизонтали при общем слабом воздействии СМИК (средств массовой информации и коммуникации) на большинство жителей села. Существенное значение для африканского общества будут иметь следующие аспекты: демократизация всей системы политической коммуникации и культуры, наполнение ее глубоким содержанием, новым ценностным смыслом, ориентацией на насущные нужды людей, новыше-

ние уровня их общей и политической образованности, сохранение и модификация культурного наследия стран и всего континента, гармоничное сочетание традиционных и современных технических средств коммуникации, творческое использование передового мирового и африканского опыта деятельности СМИ.

Федеральное министерство информации и культуры Нигерии разработало специальный документ, в котором определило основные принципы национальной коммуникационной политики. К ним отнесены:

1) приоритет основных прав человека и гражданина;
2) уважительное отношение к нигерийской культуре, противодействие попыткам СМИ западных государств представлять преимущественно негативную картину развития Нигерии (Африки);
3) демократизация мировых, африканских и в т.ч. нигерийских информационных потоков;
4) плюрализм и диверсификация СМИ в Нигерии, развитие электронных средств коммуникации;
5) сближение городских и сельских общностей людей, расширение их культурных связей и контактов.'

Воплощение этих принципов в сфере общенациональной политической коммуникации может содействовать демократизации всей общественной жизни страны.

Применительно к условиям африканских государств весьма перспективной представляется концепция органического сочетания традиционных и массовых средств общения, ее реализация в коммуникационных процессах. Дело в том, что, как и другие древние институты, традиционные средства коммуникации в африканских странах, претерпевая значительные изменения, сохраняют свою роль, особешю в сельской местности. Так, исследования, проведенные в Западной Африке, свидетельствуют о том, что в сельских районах, где проживает большая часть населения, она в основном полагается на традиционные источники информации.[2] Причем во многих африканских городах определенные традиционные СМИК продолжают существовать, выступая как дополнительный источник сведений.

В результате ряда социологических и журналистских исследований, проведенных в деревнях Западной Африки (нигерийский штат Бендел), было показано, что их жители преимущественно ориентируются именно на традиционные средства массовой информации и коммуникации.

Роль средств массовой информации в сельских районах Африки[3]

Средства восприятия массовой информации и коммуникации	Жители, %
Школа	34-35
Социальные форумы	19-20

[1] Consideration for Formulation and Implementation of Public Policy on Mass Media Hardwares: The Challenge of New Communication Technologies. — Lagos, 1987.

[2] **Ugboajan P.O.** Communication Policies in Nigeria — P., NESCQ 1980. — P. 5-9.

[3] **Moemeka *АЛ.*** Local Radio Community Education for Development Lagos. — 1998. — P. 45^t6.

Средства восприятия массовой информации и коммуникации	Жители, %
Рынок как средство обмена новостями	20-21
Глашатаи, информаторы	13-14
Радиопередачи	7-8
Газеты	3-4
Телевидение	1-2

В соответствии с этими данными обычно большую часть новостей жители африканского села получают на рынках и социальных форумах (собраниях), а молодежь — в школе; далее по мере охвата следуют устные информаторы, глашатаи и лишь потом отмечается роль радиопередач. Газеты в деревнях мало кто читает (кроме узкой прослойки местной интеллигенции), телевидение только начинает распространяться.

Когда мы говорим о синтетическом единстве средств общения применительно к условиям нигерийской деревни, мы в первую очередь имеем в виду интегрирование таких традиционных средств, как устное народное творчество и народные формы исполнительного искусства, в систему радиовещания. Из технических средств следует выделить радио — оно самое распространенное и доступно почти всем. Поскольку для его использования нет необходимости в обладании какими-то специальными знаниями, оно более привычно для восприятия, чем, скажем, пресса, также не нуждается в больших материальных затратах.

Одна из черт традиционной системы коммуникации состоит в том, что она носит межличностный характер. Аудитория обычно не отделена от источника информации (ни в пространстве, ни во времени). В силу этого информация, распространяемая по традиционным каналам, пользуется большим доверием. Современная коммуникация обычно является односторонне направленной, централизованной. Соответственно, она рассматривается частью населения как элитарная. Другим преимуществом традиционных средств коммуникации является их эгалитарность. Они доступны практически для всего населения независимо от социального статуса, возраста, грамотности и т.д. При традиционных средствах коммуникации просто решаются проблемы обратной связи.

На наш взгляд, эффективность деятельности СМИК в Африке во многом будет зависеть оттого, насколько успешно традиционные формы будут интегрированы в современные системы коммуникации. Это ставит проблемы сохранения целостности и самобытности традиционных средств общения. Некоторые из них (но не закрыто-эзотерические) можно адаптировать к программам радиовещания и телевидения, не нарушая их структуры и содержания.

Многие африканские ученые и специалисты в области информации подчеркивают принципиальную важность изучения особенностей традиционного сознания и образа мышления; они отмечают, что продукция средств информации с использованием традиционных форм должна соответствовать потребностям социальной среды, в которую она направляется, причем необ-

ходимо найти способы сохранения аутентичности каждой формы и ее адекватного использования.[1]

Понятно, что магистральная линия развития систем массовой коммуникации в мире состоит во все возрастающем использовании современных СМИ, особенно Интернета, и африканские страны должны активно и эффективно их использовать. В то же время целый ряд причин, прежде всего экономического характера, препятствует их широкому внедрению. Кроме того, технические СМИ при всех их положительных сторонах имеют свои недостатки, Так, например, они провоцируют пассивное восприятие информации, типичное для западного стиля ее распространения. Альтернативой усфанения этих недостатков может послужить использование некоторых моментов, характерных для традиционных СМИК, — определенную меру непосредственного человеческого участия в процессе коммуникации.

В.С. Мирзеханов: «Для понимания африканской реальности необходимо слушать и растолковывать "песнь тени", ее маски, прислушаться к тому, что африканцы говорят о себе и о нас. Африка южнее Сахары в последней трети XX в. переживает момент социальной бифуркации, она находится в поисках новых идей, новых каналов социализации, новых культур».[2]

2. Особенности африканской политической культуры

Оценивая политическую культуру в африканских странах, многие авторы полагают, что в африканских странах сложились по меньшей мере два слоя политической культуры, которые могут симбиотически переплетаться. Первый несет большой отпечаток западной либерально-демократической политической культуры и характерен для правящей элиты, второй — в большей степени основывается на традиционных отношениях и носит патриархальный характер.

В развитии африканской политической культуры целесообразно выделить ряд следующих характерных свойств и черт.

1. Сильная ориентация на корпорацию, ценности традиционного африканского коллектива (семьи, общины, племени, клана) при сохранении личностного начала, определенной автономии индивидуума в конкретном социуме.

2. Особая роль мифологических мировоззренческих представлений у африканцев; восприятие человека в тесной связи с животным и растительным миром как главного носителя жизненного начала во всей Вселенной; антропологизм и антропокосмологизм африканской духовной и мировоззренческой традиции.

3. Гибридность, сочетание самым противоречивым образом элементов различных культурных систем: западной и африканской. Восприятие африканцами себя как маргинальной личности, «культурного гибрида», личности на стыке культур и т.д.

[1] Folk Media and Mass Media in Population Communication. — P., 1982. — P. 22-28.

[2] **Мирзеханов В.С.** Интеллектуалы, власть и общество в Черной Африке. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 2001. — С. 6-7.

4. Формирование и развитие в Африке специфических культурно-экологических систем, особых социетарных образований на базе объединения неоднородных формационных и цивилизационных систем, например родовой общины и современного капиталистического уклада, своеобразно воздействующих на политическую культуру, создающих в условиях африканского развития гибридные социополитические субкультуры.

5. Возрастание роли традиций в жизни африканцев. Если ранее в Африке «современным человеком» считалось лицо, принявшее европейские модели и нормы жизни, то ныне — это тот, кто, используя внешние образцы европейской или американской культуры, следует африканским традициям. Соответственно, в современной африканской политической жизни часто делается упор на «традиции единовластия», демонстративное обращение к традиционности, понимаемой, впрочем, по-разному, что зависит от тех или иных политических целей.

6. В зависимости от конкретных условий африканец может выступать в качестве и социального «атома» в социокультурном «ядре», и «культурного гибрида, и «интерпретатора культур», и «воссоздателя африканской традиции». Среди этих качеств, разумеется, какое-то будет доминировать.

7. В силу бесконечного разнообразия народов и племен, их колониального и постколониального «передела» и «разделений» выделяется особая роль этнического фактора, предпочтений и ориентации в африканской политической культуре.

8. В Африке выделяется формальное доминирование западных политических институтов и норм на государственном уровне и неадекватное «африканское» их содержание.

9. Важную роль в африканской политике играет традиция «местной демократии участия», воплощаемой в обычаях урегулирования споров путем переговоров и являющейся важной основой демократических структур на национальном и региональном уровнях.[1]

Представляется существенным вывод И.В. Следзевского о том, что «характернейшей социокультурной особенностью современных африканских обществ остается "дробность", дискретность, пограничное состояние африканского сознания (понимания мира), вызванные как наличием в нем разнородных пластов культуры (архаического, традиционного, современного), так и частым пребыванием в ситуациях "культурного шока", стимулирующих компенсаторные процессы сохранения культурной идентичности. В этих условиях взаимодействие традиций и современности в Африке вряд ли может быть адекватно выражено в признаках каких-либо стационарных состояний, включая культурный симбиоз или синтез. Его принципиальной чертой являются нелинейные разно- и противоположные движения отдельных культурных форм».[2]

[1] **Высоцкая Н.И.** Политическая культура и политическая практика в современной Африке. — М.: Институт Африки РАН, 1996. — С. 46.

[2] **Следзевский И.В.** Самобытность и модернизация современных африканских обществ; проблема социокультурных инверсий // VII Всероссийская конференция африканистов. Африка в меняющемся мире. Тезисы докладов. 4.2. — М.: Институт Африки Российской академии наук, 1997. — С. 209-210.

В области политической культуры стран, расположенных южнее Сахары, влияние традиций проявляется в особенностях отношений между властью и обществом, а также между властью и индивидом; в сохранении политического влияния вождей (в некоторых странах вожди имеют официальный статус в государственных структурах, зафиксированный в конституциях); в превалировании группового политического сознания над индивидуальным, т.к. согласно традиции интересы отдельной личности подчинены интересам общества (большой семьи, племени, клана); в проявлениях трибализма, остающегося важнейшим фактором политической жизни африканских государств; в распространенности мифологизированного сознания, которое играет немаловажную роль в принятии политических решений.

Рассмотрим характерные особенности западной и африканской политических культур на основе социокультурного и цивилизационного подходов. Политические культуры обществ Запада и Африки можно представить в качестве следующих идеальных моделей.

Идеальные модели политической культуры: Запад -Африка

Западное общество	Африканское общество
Гражданская политическая культура, демократическая, партисипаторная модель участия большинства населения в политике	Политическая культура подданнически-партисипаторного или провинциалистско-подданнического типов
Индивид, включенный в гражданское общество, выступает ведущим субъектом политического процесса	Личность — традиционная (или новая социетарная) общность — первичный элемент политики
Развитое гражданское общество, исторические традиции демократии, важная роль среднего класса, высокий уровень грамотности, наличие ведущей нации (нация-государство)	Начальный этап формирования гражданского общества, традиции авторитаризма, традиции общинной жизни, бедность, малограмотность, полиэтничность населения
Слабый интерес к ценностям африканской жизни, культуре и политике	Активный интерес к западной культуре, часто некритический анализ западного опыта

Очевидно, что без глубокого проникновения в сферу различных политических культур, без их аналитического сравнения и сопоставления наши представления о политических процессах будут неизбежно формализованы и догматичны.

Уровень и состояние политической культуры в значительной мере определяют доминирующие способы политического властвования и формирования политических институтов. В каждой африканской стране (обществе) полити-

ческая культура имеет своеобразные особенности, которые следует учитывать при общем анализе социального развития африканских государств.

На Всероссийской конференции африканистов «Африка в меняющемся мире» отмечалось, что «несмотря на огромные различия между обществами в странах СНГ и африканских стран, перед ними в некоторых областях стоят схожие проблемы. Им одновременно приходится решать задачи создания эффективной рыночной экономики, вхождения в мировое экономическое сообщество, формирования гражданского общества, урегулирования межнациональных конфликтов и противоречий. В этом контексте важную роль играет изучение политической культуры, ее взаимодействие с процессами демократизации».[1]

Представляет значительный научный интерес изучение отношения африканцев к идее демократии, ее роли как ценности политической культуры. Это связано с тем, что в конце XX в. произошла определенная либерализация ряда политических режимов этого континента. В этот период более 30 африканских государств перешли от авторитарных военно-диктаторских и однопартийных режимов к многопартийным политическим системам. В ряде стран стали проводиться общенациональные конференции, референдумы; пересматриваются старые, принимаются новые конституции, законы о партиях и выборах, которые в условиях политического плюрализма способствуют постепенной демократизации общественно-политической структуры.

Разумеется, речь идет лишь о формальной демократизации (скорее, либерализации) ряда режимов. Новые африканские плюралистические системы, идеологические контуры которых пока еще весьма расплывчаты, часто строятся на региональной, племенной, а иногда и на религиозной основе. В то же время идеи и ценности демократического развития все глубже проникают в сознание африканцев. Социологический анализ мнений более десяти тысяч граждан шести африканских стран показывает на их растущий интерес к демократии, восприятие некоторых ее базовых принципов.

Отношение африканского населения к демократии (на примере шести стран в период 1999-2000 гг., %)

Представление о демократии	Ботсвана (1200 человек)	Гана (2004)	Малави (1208)	Намибия (1183)	Нигерия (3603)	Зимбабве (1200)
Поддержка демократии Демократия предпочтительнее любой иной формы правления	82	76	66	57	81	71

[1] VII Всероссийская конференция африканистов. Африка в меняющемся мире. Вып. 1. — М.: Институт Африки Российской академии наук, 1997. — С. 106.

Представление о демократии	Ботсвана (1200 человек)	Гана (2004)	Малави (1208)	Намибия (1183)	Нигерия (3603)	Зимбабве (1200)
Неприятие недемократических альтернатив (военное правление)	85	89	82	59	90	70
Неприятие недемократических альтернатив (однопартийный режим)	78	80	77	63	88	74
Оценка «своего» режима как «демократичного»	46	—	34	30	17	9
Удовлетворение демократичностью преобразований в вашей стране	75	54	57	63	84	18

* *Количество опрошенных людей.*

Проведенные опросы населения шести африканских стран показали, что идея демократии оказалась известной большинству опрошенных (74%).' Среди тех, кто имел определенное представление о демократии, 92% полагали, что демократия — это общественное благо, которое может сделать жизнь лучше. Лишь менее 1% считали, что демократия — это зло и что демократические реформы породили коррумпированность элит, конфликты социальных интересов и «неразбериху» в политической жизни.

Респонденты воспринимали демократию как в процедурных, так и в содержательных категориях. Большинство опрошенных (69%) связывают демократию с политическими процедурами и нормами: гражданскими свободами — 94%; правлением народа — 24%; правом голосовать на выборах — 11%. Менее пятой части опрошенных (17%) воспринимают демократию с точки зрения содержательных аспектов (социально-экономического развития, установления мира и единства, равенства и справедливости).

Представления африканцев о демократии, судя по опросам, являются в целом либеральными. Самая большая группа опрошенных (34%) под демократией понимает прежде всего гражданские свободы и свободу личности. Иначе говоря, африканцы все больше осознают себя гражданами конституционного государства.

Наибольшую поддержку демократии (в указанных шести государствах) респонденты проявили в Нигерии и Ботсване, что объясняется традицией неоднократных, формально плюралистических выборов властных органов. Абсолют-

[1] **Bratton M., Mattes R.** African's Surprising Universalism // Journal of Democracy. — Washington.— 2001. —Vol. 12. —№ 1. — P. 108-110.

ное большинство опрошенных во всех странах выступили против военных режимов. Отвергается также и однопартийное правление, а также возврат к традиционной власти вождей.

В то же время большинство африканских респондентов весьма критически оценивают степень демократичности режимов соответствующих стран. Они проводят в целом четкое различие между демократией как идеальной политической системой и несовершенным демократическим статусом их собственных политических устройств и режимов. Тем самым респонденты как бы показывают, что предстоит очень большая, сложная и продолжительная работа по совершенствованию и демократизации африканского общества, гармонизации отношений его новых и традиционных политических институтов. Африканские политики и исследователи едины в том, что демократизацию невозможно провести принятием концепций, не учитывающих культурных, этнических и политических традиций африканского общества, а также его места и роли в сложных процессах современной глобализации.[1]

На XIX Всемирном конгрессе Международной ассоциации политической науки в г. Дурбане (ЮАР) в 2003 г. было обстоятельно проанализировано развитие африканских стран в условиях глобализации. Особое внимание уделялось анализу последствий Лагосского плана действий Организации африканского единства (1980 г.) и современным реалиям. Его задачами были провозглашены: создание условий для обеспечения продовольственной безопасности континента посредством развития соответствующих видов производства, ограничение и преодоление бедности, усиление внимания к проблемам здравоохранения и образования, достижение эффективной региональной интеграции. Однако последующая практика показала, что решение социально-экономических проблем невозможно без их связи с управленческими аспектами. На это обращали внимание многие политологи и социологи.[2]

Ключевые понятия

африканская политическая культура
потестарная культура
идея африканского Ренессанса
новая социетарная общность
трибализм
транслиминальное сознание
потестарно-политическая культура
линейное традиционное африканское время
клиентелизм
антропоценоз
родовая община, ее культура
традиционная политическая культура
полисубкультурная политическая культура

[1] Margetlangeng S. Continental Political Governance and Regional Integration. From the Lagos Plan of Action to the New Partnership for Africa's Development. African Institute of South Africa — Pretoria, 2003. — P. 6-7.

[2] Ирхин Ю.В. Современный мир глазами международного политологического сообщества // Социально-гуманитарные знания. — 2004. — № 4. — С. 275-291; An Introduction to African Politics. Ed. by AThomson. — Routledge: L., N.-Y., 2003. — P. 216; Lachapelle G. Democracy and Good Governance in Africa // 19th IPSA World Congress Programme: Democracy, Tolerance, Justice: Challenge for Political Chance. — IPSA Durban, 2003. P. 7-8.

панафриканизм
негритюд
биполикультурный состав политической культуры
африканский социализм
«эволюе»

Вопросы для самостоятельной работы

1. Каковы характерные черты и особенности африканской политической культуры?
2. В чем состоят достижения и проблемы цивилизационного развития Африки?
3. Какова роль религии в политической культуре африканских стран?
4. Что понимается под потестарной организацией общества и его культурой?
5. Рассмотрите основные ценности политической культуры Африки.
6. В чем сущность идеи африканского Ренессанса?
7. На какой стадии находится формирование гражданского общества в Африке?
8. Что понимается под трибализмом?
9. В чем особенности менталитета африканского общества?
10. Чем объясняются традиционно хорошие отношения между Россией и африканскими государствами, их народами и культурами?
11. Какие ценности африканской культуры близки к традиционным ценностям россиян и какие нет?
12. Каковы перспективы политико-культурного диалога и взаимодействия между странами Африки и Россией?
13. Можно ли считать Африку цивилизацией? Приведите аргументы.
14. Почему в Африке выделяется макрорегион Африка южнее Сахары?
15. В чем различия в политической культуре североафриканских стран (Магриба) и Африки южнее Сахары?

ЧАСТЬ V

К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР ОБЩЕСТВ ЗАПАДА, РОССИИ И ВОСТОКА

Платформа межцивилизационного диалога. Не сводите общность, единство, целостность к однородности и мировому стандарту. Берегите разнообразие, и вам интересно будет жить и бродить по глобусу.

ЮМ. Павлов: «Безоглядное утверждение ценностей своей цивилизации без учета особенностей других цивилизаций стало в условиях планетарной общественной жизни опасным элементом агрессии и напряженности в мире. Безоглядное внедрение новейших технологий, механическое перенесение ценностей одной цивилизации на почву другой не приносит положительного результата».

Л. Кумор: «Людям Запада часто трудно смириться с существованием других сторон света».

Г.Г. Пирогов: «Тенденции к научной, технической и информационной интеграции человечества противостоит политика использования ее мировой финансовой олигархией для установления своей глобальной гегемонии. Главная опасность в том, что она сопровождается нивелировкой многоцветного мира "земли людей" с подгонкой его под единые стандарты современной западной культуры и социально-экономические организации. Западная цивилизация расчищает для себя "игровое поле", для того чтобы оно было оптимально для игры в "западные игры" игрокам из Западного мира».

Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций: «Глобализация может обрести полностью всеохватывающий и справедливый характер лишь через посредство широкомасштабных и настойчивых усилий по формированию общего будущего, основанного на нашей общей принадлежности к роду человеческому во всем его многообразии».

Дж. Стиглиц: «Глобализация сама по себе не является ни хорошей, ни плохой. В ней заложена огромная сила делать добро, и для стран Восточной Азии, принявших глобализацию на своих собственных условиях и придавших ей свой темп, она принесла огромную пользу, несмотря на откат во время кризиса 1997 г. Но для большей части мира она не принесла сопоставимой пользы, а для многих обернулась катастрофой».

Л. Питер: «Современные средства информации хороши тем, что дают нам возможность ворчать в глобальном масштабе».

И. Валлерстайн: «Это наше время, и настал момент, когда обществоведы должны продемонстрировать, могут ли они создать науку, способную описать ту всемирную социальную трансформацию, которую нам всем придется пережить».

В.В. Путин: «Мы ждем от государства действий, таких действий, чтобы мы чувствовали себя частью мировой цивилизации, сохранили свою национальную и культурную идентичность».

Глава 16
Цивилизационно-культурное содержание и противоречия глобализации

1. Глобализационный вызов

В XXI в. стремительно и непредсказуемо меняющийся мир вызывает противоречивые суждения исследователей. Одни видят в нем торжество либерально-демократической модели, веря в перспективу глобального мирового порядка, другие — знак надвигающейся угрозы этому порядку, предугадывают планетарные экологические, социоэкономические катастрофы и потенциальную вероятность «схватки цивилизаций». Увеличение численности населения и миграционные процессы, проблемы ограниченности ресурсов и охраны окружающей среды, борьба за ресурсы и сферы влияния — эти и другие глобальные проблемы и факторы предопределяют острые коллизии на международной арене. В послании президента Международной социологической ассоциации Альберто Мартинелли участникам XV Всемирного конгресса социологов сказано: «Социальный мир в начале XXI в. все больше становится единым, оставаясь расколотым, конфликтным, иерархичным и неравным».[1]

Современная эпоха часто определяется как эпоха расширяющихся и углубляющихся процессов глобализации в современном постиндустриальном и стремительно информатизирующемся мире. Понятие «глобализация» (от лат. globus — «шар» и фр. global — «всеобщий») означает совокупность мировых процессов, отражающих противоречивое, стихийное и сознательное движение различных человеческих сообществ к общепланетарному взаимодействию и сотрудничеству во всех их аспектах: политическом, технологическом, научном, образовательном, культурном, торгово-экономическом, технологическом, финансовом, информационном, производстве различных услуг и др.

Современная «глобализация» осуществляется в условиях вступления мирового сообщества в иную эпоху, в новую фазу «осевого времени». Идея такого хронопо-

[1] A. Martinelli. Presidential address to the XV Congress of the International Sociological Association. Markets, Government, Communities and Global Governance. — Australia, Brisbane, 2002.— P. 1.

литического подхода принадлежит известному немецкому философу К. Ясперсу. Он отмечал, что первое «осевое время» (с VIII в. до н. э. по II в. до н. э.) охватывает тот период, когда возникли ведущие древние культуры и религии, началось их взаимодействие, были заложены основные принципы мышления человека, политические и философские категории. Второе «осевое время» (1500-1800 гг.) охватывает период, когда произошел взлет европейской мысли, становление капиталистической промышленности, закладка основ величия западной цивилизации.[1]

На наш взгляд, ныне речь идет о третьем уже глобальном «осевом времени», когда начинает формироваться всепланетарная цивилизация на началах противоречивого сочетания единства и целостности мирового сообщества, с одной стороны, разнообразия, диверсификации и плюрализма центров, народов, цивилизаций, культур, религий и т.д. — с другой.

Российское общество быстро становится частью глобального мира. Это закономерное следствие поворота от автаркии советского периода к демократической, открытой модели развития страны. Для нас, однако, далеко не безразлично, каким образом будут протекать процессы глобализации. Поэтому Россия должна быть активным участником процессов глобализации, без чего невозможно обеспечить законные национальные интересы страны.[2]

Современный этап глобализации отличается от предыдущих тем, что в силу уникальных достижений научно-технической революции и общего характера развития человечества в постиндустриальную и информационную эпоху начала третьего тысячелетия он приобрел ряд новых качественных свойств и отличий.

Глобализационные процессы в наше время приобрели:

а) общепланетарный (всемирный) характер;
б) охватывают в тенденции все основные направления развития и сотрудничества различных сообществ;
в) втягивают в свое русло все большее количество участников на всех уровнях международных отношений;
г) усугубляют проблему углубляющегося противоречия между растущей тенденцией к интернационализации («западнизации») мирового сообщества, с одной стороны, и сохранением национально-культурной (этнической) и религиозной идентичности его субъектов — с другой.

Глобализация представляет собой процесс возрастающего влияния факторов международного значения (например, тесных экономических и политических взаимосвязей, культурного и информационного обмена) на социальную и культурную действительность в различных странах. Основные ее проявления сводятся к нескольким группам факторов. Их совокупное взаимодействие и взаимовлияние составляет содержание глобализации.

Прежде всего следует огметить тенденцию к становлению финансово-экономической системы, функционирующей по единым правилам в масштабе всей пла-

[1] **Ясперс К.** Смысл и назначение истории. — М.: Республика, 1991. — С. 32-34.

[2] **Иванов И.С.** Внешняя политика России в эпоху глобализации: Статьи и выступления. — М.: ОЛМА-Пресс, 2002. — С. 5.

неты. Даже наиболее развитые государства не могут игнорировать эти явления. Они вынуждены учитывать их при разработке и реализации своих внешнеполитических и внешнеэкономических, а также внутренних стратегий. Среди них:

1) нарастание финансовых и информационных трансграничных потоков, неподвластных государственному регулированию и контролю;
2) возрастание роли транснациональных корпораций, действующих одновременно во многих странах и использующих новые исторические условия и мощные ресурсы в своих интересах;
3) частичная эрозия национально-государственного суверенитета в результате возрастающей «проницаемости» межгосударственных границ и ослабление некоторых традиционных функций государства;
4) размывание границ между «внутренними» и «внешними» политическими, экономическими, информационными и другими процессами;
5) распространение на весь мир западных (прежде всего американских) стандартов поведения, образа жизни, потребления, досуга;
6) формирование идеологии «глобализма», призванной обосновывать неизбежность происходящих изменений, их позитивный характер, а также обеспечить согласие общественного мнения и активное участие самых широких социальных и политических сил в формировании нового мирового порядка под руководством Запада и при лидирующей роли США.[1]

Основные проявления глобализации можно классифицировать по двум направлениям.

1. Экстенсивное (физическое, территориально связанное с увеличением поля действия), которое направлено на взаимосвязь различных процессов во всем мире. Очевидно, конечно, что не все страны равносильны на арене международных отношений, даже несмотря на существование наднациональных структур, в которых они представлены в равной степени (ООН, ОБСЕ). Тем не менее сформировавшееся единое информационное пространство является гарантом того, что для осуществления торговых сделок, политических соглашений и т.п. уже нет прямой необходимости выезжать за границу своего государства.

2. Интенсивное (логическое) направление, которое усиливает взаимозависимость и взаимодействие всех сфер и составляющих международных отношений (политических, экономических, правовых, религиозных и других институтов). При этом если на предшествующих глобализации стадиях развития международных отношений существовала явная доминанта в сфере экономических и политических отношений, то сейчас такого однозначного вывода сделать нельзя. К примеру, религиозное единение в современных международных отношениях играет далеко не последнюю роль. Так, несмотря на принадлежность к различным государствам, арабское население нашей планеты можно отнести к единому миру ислама, который насчитывает более миллиарда человек. Это означает, что взаимосвязанность и взаимная зависимость этих государств имеют под собой не только экономическую или политическую базу, но и этническую, религиозную и культурную.

[1] **Цыганков П.А.** Теория международных отношений. — М., 2003. — С. 219.

Глобализация развивается в условиях противоречивого взаимодействия и острых противоречий не только между государствами, но и между основными мировыми цивилизациями и культурами: западной (католической и протестантской), православной (славянской), арабо-исламской (мусульманской), индо-буддийской, китайско-конфуцианской, африканской, латиноамериканской и другими, все активнее выступающими субъектами глобальных отношений.

> *А.Ф. Зотов:* «Образующаяся глобальная культура не монолитна — она подобна плазме, в которой возникает, существует, взаимодействует и, конечно, гибнет множество виртуальных (и притом совершенно реальных) культурных образований. Такая динамичная культура поистине свободна... область свободного творчества здесь — область пограничная: с одной стороны, она переходит в зону произвола, предельным случаем которой оказывается распад всяких языковых и социальных связей, с другой стороны — с нею граничит область жестких социокультурных образований».

Мировое сообщество выступает как гетерогенно-противоречивая, но функционально взаимосвязанная целостная система, складывающаяся из множества взаимодействующих подсистем различного уровня и конфигураций (локальные цивилизации, общности, государства-нации, региональные сообщества, международные организации, транснациональные корпорации и др.). Глобализационные процессы не отменяют законы международной конкуренции и соперничества в различных сферах мировой политики, могут вести к обострению межгосударственных и иных отношений в мировом сообществе. Так, наблюдаются попытки подчинения глобализации интересам отдельных государств, создание (или поддержание) неравноправных возможностей развития в различных сферах международного сотрудничества; навязывание гегемонистских или односторонне ориентированных моделей международного развития и др. Характерно в этой связи заявление премьер-министра Великобритании Т. Блэра: «Некоторые хотят т.н. многополярного мира, в котором есть различные центры силы. Но я уверен, что это быстро перерастет в соперничающие центры силы. Другие же уверены, и я поддерживаю эту точку зрения, что нам нужен однополярный мир, который включает в себя партнерство между Европой и Америкой, а также другими странами — Россией, Китаем, в рамках которого мы пытаемся обеспечить выработку общей глобальной повестки».[1]

Одной из ведущих тенденций и направлений современного этапа глобализации мирового сообщества является его развитие в результате совместных усилий многих государств, но происходит это под эгидой мировых финансовых центров, при приоритете стран Запада в их нередко корыстных интересах. Односторонне ориентированные глобализационные процессы несут опасность унификации мира, монополии одной державы (или союза держав), мощных, приоб-

[1] Блэр предложил Путину однополярный мир // Независимая газета. — 2003. — 29 апреля. — С. 5.

ретших всемирный характер корпоративных объединений, давно ставших самостоятельными субъектами мировой политики. Характерна в этой связи точка зрения американского историка Р. Стила, который весьма откровенно заявляет, что «наши (американские) политические установления отправят все прочие системы в мусорную корзину, которая эффективно погребла все прочие формы производства и распределения... Культурное давление посредством Голливуда и Макдональсов ощутимо во всех уголках планеты, и это давление подрывает другие общества. В отличие от традиционных завоевателей, мы не довольствуемся подчинением себе всех — мы настаиваем на том, чтобы они стали нашим подобием... Мы являемся самыми неутомимыми прозелитами мира».[1]

Многие исследователи обращают внимание на то, что тенденции к научной, технической и информационной интеграции человечества противостоит политика использования ее мировой финансово-спекулятивной олигархией для установления своей глобальной гегемонии. Главная опасность состоит в том, что такая политика «сопровождается нивелировкой многоцветного мира «земли людей» с подгонкой его под единые стандарты современной западной культуры и социально-экономической организации. Западная цивилизация расчищает для себя «игровое поле», для того чтобы оно было оптимально для игры в "западные игры" игрокам из Западного мира».[2] Одновременно, оказывая нивелирующее воздействие на другие цивилизации, США как бы втягивает их в свой цивилизационный кризис.

Информационная и культурная экспансия извне обычно осуществляются вместе и одновременно с экспансией политической, экономической, технической. В условиях глобапизации возросла лишь эффективность их деятельности.

Характерными чертами современной культурной экспансии являются:

- перенесение образа жизни и ориентации;
- внедрение и распространение западной культуры как универсальной, исключающей другие виды культур;
- стремление достичь культурного внедрения политических и иных целей;
- односторонний поток информации от «центра» к «периферии»;
- формирование в зависимых странах прозападной культурной элиты, которая должна служить опорой соответствующего влияния.

Современные глобализационные «правила игры» усугубляют тенденцию к увеличению разрыва в благосостоянии между гражданами стран «золотого миллиарда» и остальным населением Земли. «Разведение» мира на «золотой миллиард» и бедствующие три четверти остального человечества создают взрывоопасную ситуацию столкновения цивилизаций, наций, народов, да и культур. Создается также почва для экстремистских террористических движений. С дру-

[1] **Friedman Th.** Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Treee. — N.-Y., 2000. — P. 383-384.

[2] **Пирогов Г.Г.** Глобализация, мировой кризис и Россия // Мировая политика, международная безопасность и транснациональные процессы в XXI веке: уроки, вызовы и выбор России. Научные доклады Третьего всероссийского конгресса политологов / под ред. Г.Ю. Семигина. — М.: Институт сравнительной политологии РАН, 2003. — С. 127.

гой стороны, сложное переплетение финансового кризиса с макроцивилизационными противоречиями выражается в стремлении части стран Запада, например США, решать свои социально-экономические, финансовые и культурные проблемы на пути военных авантюр, примером чего является англо-американская агрессия против Ирака, являющегося членом ООН.

В политическом измерении глобализация означает преобладание сильных форм власти, организованных в рамках западных (уже североамериканских) ценностей. Современные технологии коммуникации делают избыточными формы демократии и гражданского общества, выработанные в эпоху модерна. А.И. Неклесса и ряд других аналитиков с тревогой цитируют циничные предсказания З. Бжезинского о замещении публичной демократии на «все более контролируемое и направляемое общество, в котором будет господствовать элита... Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем».[1]

Во внешней политике глобализация проявляется в установлении глобального военно-стратегического и дипломатического господства Запада, в настойчивой геостратегической экспансии НАТО вглубь Евразии. Принципиально важно отличать объективные процессы общественного развития, одной из макротенденций которых действительно является глобализация (вопреки защите самобытности крупнейших государств мира), от идеологического и «пиаровского» обеспечения экспансии Запада. Крайне характерно, что агрессивная риторика в пользу отмирания национальных государств под предлогом «гуманитарной интервенции» и «прав человека» идет вразрез с усилением государства в США, в особенности его репрессивных и военных функций. Поэтому вызов глобализма должен быть осмыслен в категориях межцивилизационного диалога, а не фатального триумфа западного идеала политического строя.

Характерным и крайне опасным проявлением современной глобализации стал международный терроризм, часто носящий над- или внегосударственный характер. В нем переплелось многое: неудовлетворенные амбиции экстремистских кругов, осуществляемые крайними, антизаконными и антиморальными средствами, деятельность представителей фанатично настроенных религиозных и иных организаций, наличие широкой социальной и религиозной базы для экстремистских движений, межцивилизационные и межрелигиозные противоречия и др.

Борьба с международным терроризмом вряд ли принесет успех, если она будет вестись без учета всего комплекса породивших его причин. Еще хуже, когда под ныне модным лозунгом «борьбы с международным терроризмом» отдельные западные или иные государства будут осуществлять военные операции с целью прямого вмешательства во внутренние дела независимых стран с целью создания для себя в стратегически важных регионах благоприятных условий политического и финансово-экономического порядка.

[1] Неклесса А.И. A la carte // Полис. — 2001. — № 3. — С. 34-46.

С позиций политической экономии исключительно значимо, что глобализация часто идентифицируется с североатлантической, более того, атлантической (североамериканской цивилизацией, что совсем не случайно). Нельзя не учитывать значительный перепад экономических уровней и различие социокультурных факторов, типичных для стран «золотого миллиарда» и «Юга». По данным английского исследователя Дэвида Лэндсса, разница доходов на душу населения между богатейшей промышленной нацией, например между Швейцарией и беднейшей непромышленной страной Мозамбиком, составляет примерно 400 : 1. Двести пятьдесят лет тому назад разрыв между богатейшими и беднейшими был 5:1.' Таким образом, разрыв между богатыми и многими бедными странами не только не стирается, а возрастает.

Процессы глобализации хотя в глубинной своей основе отражают объективные тенденции, тем не менее во многом ориентированы на решение геостратегических задач экономически развитых стран, и прежде всего США. Идея однородного мироздания приходит в противоречие с представлениями о поликультурном и многополюсном мире, развивающемся как по общим, так и различным политико-экономическим и социокультурным векторам.[2]

В Соединенных Штатах Америки в последнее время получила распространение точка зрения о том, что государства, группирующиеся вокруг них после событий 11 сентября 2001 г., должны строго придерживаться идентичных с ними взглядов и представлений. «Причем за США, — как верно замечал академик РАН Е.М. Примаков, — закрепляется по всем вопросам право на Абсолютную Истину, а их партнеры по антитеррористическим действиям, дескать, должны подтягиваться до американского понимания тех или иных жизненно важных проблем».[3]

Указанная точка зрения американской администрации в определенной степени напоминает тактику «фронтира», уже антитеррористического, и требует критического анализа. Плодотворные отношения между культурами и государствами в современных условиях не могут развиваться в условиях господства одной державы. Они должны формироваться на принципах многополярного мира, глубокого уважения самостоятельности и самодеятельности всех культур и народов. Главное здесь — занимать солидарную позицию по вопросам борьбы с терроризмом и кропотливо согласовывать общие принципы антитеррористического взаимодействия. В.В. Путин отмечал, что «Россия дорожит сформировавшимся антитеррористическим сообществом, дорожит им как инструментом координации усилий межгосударственных усилий в борьбе с этим злом».[4]

Не следует ставить знак равенства между терроризмом и определенной религией. Ответственными за террор выступают не народы, страны, культуры или религии, а конкретные лица и организации, против которых и следует предпри-

[1] Современная Европа. — 2000. — № 3. — С. 43-44.

[2] **Рогачев СВ.** Политико-экономическая доминанта российской государственности: вызовы XXI века. — М.: Институт комплексных социальных исследований, 2003. — С. 21.

[3] **Примаков Е.М.** Мир после 11 сентября. — М.: Мысль, 2002. — С. 186.

[4] Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ // Российская газета. — 2003. — 17 мая. (www.rg.ru).

нимать необходимые меры противодействия в соответствии с нормами международного права.

Выступая на Всемирном конгрессе информационных агентств «Информация: вызовы XXI века», В.В. Путин обратил внимание на важность и для средств массовой информации, и для политики выработки единого понятийного аппарата в оценке ключевых мировых проблем: «Невозможность создать полноценный образ мира, говоря на разных языках — не в прямом смысле этого слова, необходимо иметь единый понятийный аппарат. Слово "терроризм" имеет латинские корни, оно во всех словарях имеет одинаковое значение. Террорист — это тот, кто прибегает к актам террора, а террор — это подавление политических противников насильственными методами. В английских, французских и русских словарях дается одинаковая трактовка этого термина. Ну почему же некоторые используют этот термин так, как заблагорассудится применительно к политической ситуации конкретных групп в той или иной стране? Как можно ужасную трагедию в Беслане, расстрел ни в чем не повинных детей называть "осадой", а людей, которые творят такие зверства, называть "повстанцы", как сделали это некоторые средства массовой информации. Это, кстати, ответ на вопрос, как освещаются события в нашей стране. Мы фиксировали разговоры по переговорному устройству террористов между собой, мы знаем, что они между собой говорили и как они обменивались информацией, что они творили: звери так не поступают...

Если человек добивается политических целей вот такими средствами, у всех у нас должно быть одно определение — убийца и террорист. Если мы не научимся говорить на одном языке, то мы не добьемся общих целей и не защитим наших людей — наших, ваших, всех людей на планете — от этой угрозы, от этой чумы XXI века, от терроризма, мы не выработаем единых подходов к формированию эффективной системы международной безопасности в XXI веке. Это касается не только терроризма — мы должны выработать единые подходы и в вопросах нераспространения, в вопросах наркоугрозы, в вопросах торговли людьми, в вопросах создания эффективной и взвешенной, обоснованной, сбалансированной системы экономического развития».[1]

Проблеме анализа социально-культурных корней международного терроризма и экстремизма и его предотвращения была посвящена программная работа «Глобальный союз безопасности», подготовленная совместно директором Германского совета международных отношений К. Кайзером, заместителем директора Института Европы РАН С. Карагановым и директором Белферского центра по делам науки и международных отношений Школы государственного управления им. Дж.Ф. Кеннеди Гарвардского университета Г. Эллисоном и одновременно опубликованная в английской и российской печати. В ней обращается внимание на то, что «коалиция современных государств должна признать, что в борьбе с терроризмом военная мощь играет важную, однако не исключительную роль. Придется вести борьбу за "сердца и умы", где решающая роль будет принадлежать пропаганде ценностей, идеалов, идей. Изолирование террористов путем ли-

[1] **Тэтчер М.** Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. — М., 2003. — С. 248.

шения их возможности свободно "плавать" в знакомых религиозных и социальных средах потребует полной отдачи сил, превосходящей воображение большинства современных политических руководителей. Это — усилия по содействию "падающим" государствам в их стремлении стать современными и благополучными странами; вовлечение миллионов людей в диалог, в рамках которого представители передовых обществ не только учат, но и учатся; реализация целенаправленной информационной стратегии и др.».[1]

Авторы анализируемой работы предлагают создать Глобальный альянс с включением в его состав всех великих держав (включая Россию и Китай) с целью координации усилий по борьбе с терроризмом, бесконтрольным распространением оружия массового уничтожения, международными криминальными группировками и наркосиндикатами, питающими террористические сети. Помимо этого, альянс призван будет устранять причины терроризма в разрушающихся политических режимах и обществах. Он должен тесно сотрудничать с ООН, ЕС и НАТО.

Важным направлением развития глобализационных процессов является повышающаяся роль в них великих азиатских держав. Идеи многополярного мира, возрастающая роль Индии, Японии и Китая в процессе общецивилизационного развития усилили интерес к их культурам и политико-экономическим системам в российском обществе. Перманентно обсуждается создание оси Москва — Дели — Пекин. Анализируя такую возможность, видный исследователь из США С. Коэн писал: «У России есть выбор, и та возможность, которую все более склонен выбирать ее политический класс, внушает глубокую тревогу... Защитники этой возможности хотели бы, чтобы Россия отошла от Запада и, вернувшись к более древним восточным корням своей истории и культуры, заключила бы стратегический альянс с Китаем и Индией, крупнейшими странами мира — не членами НАТО. Это поистине "кошмарный сценарий", как считают некоторые западные специалисты: "Регион, по сути, являющийся центром мира, — а это 2 миллиарда человек в Индии и Китае — приобретет устрашающую техническую мощь России. Это будет катастрофой для Соединенных Штатов"».[2]

Данная точка зрения, разумеется, несколько преувеличена. Россия, как известно, проводит взвешенную политику развития взаимовыгодных отношений со всеми ведущими цивилизациями и державами планеты, стремится к подлинно равноправному взаимодействию в различных областях и сферах сотрудничества. Вместе с тем нельзя не заметить, что повышение роли незападных культур и цивилизаций в глобальном сообществе наций вызывает тревогу определенных западных кругов, видящих в этом угрозу их традиционной монополии на власть, ресурсы и образовательные институты. Возрастает также роль культур тех незападных диаспор, которые стали играть заметную роль в общественной и культурной жизни США и Западной Европы. Возвышение Востока в широком смысле этого слова— оборотная сторона современной глобализации.

[1] **Кайзер К., Караганов С, Эллисон Г.** Глобальный союз безопасности // Известия. — 2001. — 22 ноября, или International Gerald Tribune. — 2001. — 22 Nov.

[2] Независимая газета. — 2002. — 2 февраля.

Ю.С. Оганисьян: «Ясно одно: до тех пор, пока на планете не сложится миропорядок, созданный усилиями всех стран и отражающий баланс основных национальных и региональных интересов, мир будет оставаться хрупким и уязвимым со стороны сил, остающихся за пределами демократических структур. И в первую очередь со стороны международного терроризма, не только организованного, но и стихийного. Всякие попытки утвердить новый миропорядок с помощью силы создают лишь новые угрозы демократии».[1]

2. Правовые и этические принципы взаимодействия культур и цивилизаций

Хорошо известно, что мораль и право, выступающие в качестве регулятивных систем человеческого поведения, характеризуются существенными различиями, которые необходимо учитывать при анализе той роли, которую они играют в регулировании международных отношений.

1. Государства и международные организации опираются на нравственные нормы, рождающиеся из практики международного общения. Основой нравственных норм являются универсальные образцы поведения и взаимодействия социальных общностей и индивидов, вырабатываемые в процессе всей истории человеческой цивилизации. Однако государства в первую очередь ориентируются на принципы международного (или национального) права, а мораль их как бы сопровождает с той или иной степенью значимости.

2. Международная мораль и международное право различаются по сферам своего действия: моральные нормы обычно шире, чем правовые. Например, военная агрессия является нарушением и общепризнанных (международных) правовых норм и моральным преступлением. В зависимости от характера (значимости) соответствующих моральных норм в данном обществе и особенностей его права между их нормами могут быть совпадения (сближения) или расхождения. В принципе, каждая этническая, территориальная или функциональная общность имеет свои специфические образцы поведения и собственные системы ценностей, которые не подвержены влиянию международного права. В то же время любая из этих общностей способна модифицировать некоторые из собственных ценностей под воздействием правил и норм этического поведения, существующих и вновь возникающих в международной жизни. Необходимость их усвоения и применения во взаимодействии с другими международными акторами (что может быть достигнуто только при условии определенной трансформации таких правил и норм с учетом собственных образцов поведения и ценностей) особенно возрастает в современных условиях взаимозависи-

[1] Мировая политика, международная безопасность и транснациональные процессы в XXI веке: уроки, вызовы и выбор России. Научные доклады Третьего всероссийского конгресса политологов / под ред. Г.Ю. Семигина. — М.: Институт сравнительной политологии РАН, 2003. — С . 29.

мости и кризисных явлений в развитии человеческой цивилизации. Но если моральные нормы допускают и даже предполагают такую трансформацию, то правовым нормам это противопоказано. Последние рассчитаны на внешнее поведение актора, носят преимущественно рациональный характер, их пределы четко изучены и существуют для достижения стандартов такого поведения.

3. Правовое регулирование, как известно, предполагает использование средств принуждения (международный суд, военные, экономические и политические санкции, исключение из членов межправительственных организаций, разрыв дипломатических отношений и т.п.). Основной регулятор соблюдения нравственных норм международного поведения — мировое общественное (в рамках макрорегиона — «цивилизационное») мнение, причем его влияние на участника международных отношений может оказаться более эффективным, чем воздействие международного права.

Следовательно, главная проблема состоит в оптимальном сопряжении национальных (цивилизационных) ценностных, морально-этических норм и их воплощении (отражении) в нормах международной морали и международного права. Вместе с тем различия международно-правовых и моральных норм могут служить источником возникновения противоречий между ними. Однако определенные различия и противоречия не отменяют единства и взаимодействия международно-правовых и моральных норм в качестве регуляторов системы международных отношений, но требуют глубокого понимания особенностей, которые присущи каждой из этих регуляционных систем.

В мировой политике происходит сложное переплетение и согласование различных ценностных систем. Общим критерием в идеале должны выступать общечеловеческие ценности, находящие отражение и согласование в принципах международного права, важнейших политических декларациях мирового сообщества. Важнейшей политической ценностью является человек, его права и свободы. Известный английский политический мыслитель Бернтран Рассел обращал особое внимание на значимость универсальных общечеловеческих этических норм (универсального общечеловеческого этического закона). Он заявлял: «Поступай так, чтобы производить гармоничные, а не противоречивые желания. Этот закон применим везде, где простирается человеческое влияние: внутри человека, в его семье, городе, стране, даже в мире как целом, если человек способен на него влиять».[1]

> *Дж. Неру:* «Что же такое сосуществование? Это умственная или духовная позиция, которая синтезирует различия и противоречия, пытается понять и примирить различные религии, идеологии, политические, социальные и экономические системы и отказывается мыслить категориями конфликта или военных решений».

Особенностью всеобщего компендиума духовных ценностей в мировой политике является то, что каждый ее субъект привносит в их потенциал и реализа-

[1] **Russel B.** An Outline of Philosophy. — L., 1927. — P. 234.

цию собственное видение, национальные ценности и интересы, эгоистические устремления. Общечеловеческие духовные ценности выражают те регионально-цивилизационные и национальные ценности, которые воспринимаются большинством мирового сообщества.

«Приоритетные общечеловеческие ценности» — это морально-нравственные положения и нормы, в которых определены объединяющие, жизненно важные принципы совместного развития и взаимодействия современных цивилизаций. Эти ценности должны быть приемлемыми для всех без исключения важных субъектов мировой политики, близкими к установкам, в т.ч. нравственным и политическим, которые общество и его политические лидеры утверждают во внутренней политике. Если в обществе существуют национальные ценности, которые не совпадают с общечеловеческими, то речь должна идти о сближении или взаимодействии ценностных систем, а не об их конфронтации.

В современных условиях среди преимущественных духовных (этико-моральных и правовых) ценностей мировой политики можно выделить:

1) идеи и принципы выживания человечества (в т.ч. каждой цивилизации, каждого этноса, конкретного человека) как приоритетной цели международного сообщества; признания и сохранения множественности разнообразных социальных и национальных идентичностей и культур;
2) выдвижение, теоретическое обоснование и признание глобальных проблем человечества (борьба за мир, ликвидация отсталости, охрана окружающей среды, забота о сохранении культур и др.) как наиболее важных задач мировой политики;
3) общепринятые нравственные принципы в мировой политике и возрастающее значение человеческого фактора в международных делах, связанное с особенностями ядерно-космической эры и обострением глобальных проблем;
4) идеалы нового международного порядка, взаимозависимого, равноправного и демократического развития и мироустройства;
5) идеи гармонического сочетания, взаимодействия и диалога общечеловеческих и различных национальных (цивилизационных) ценностей и интересов; повышение роли принципов толерантности и ненасилия в мировой политике;
6) идеи, принципы и нормы всей системы международного права.

Высокоморальная политика в ядерный век — самая оправданная и эффективная политика.

> *А.А. Вартанян:* «Взаимовыгодные международные отношения, опирающиеся на высокие моральные ценности, не только разделяемые сторонами, но и зафиксированные на уровне договоров и неукоснительно соблюдаемые, за редкими исключениями, дают наиболее весомую гарантию стабильности. Иными словами, подобная политика — не авантюристическая, а потому приносящая долгие годы прочные блага государствам и народам».[1]

[1] **Вартанян А.А.** Политика и мораль. К вопросу о мировом политическом порядке. — М., 1997.— С. 313.

Подлинно духовный и демократический образ мирового сообщества может возникнуть только на высоких нравственных принципах взаимосвязей субъектов политики, структурирующихся диалектическим взаимопроникновением духовных ценностей двоякого рода: основные «национальные (регионально-цивилизационные) ценности» должны дополнять «общечеловеческие ценности» или, в идеале, выступать в качестве их составной части. Соответственно, глобальная демократическая культура мирового сообщества может являться лишь единством бесконечного многообразия цивилизационных, национальных и локальных культур и идентичностей.

Общие и высшие интересы человечества, очевидно, следует рассматривать как морально-правовую основу общецивилизационного процесса; необходимо ориентироваться на них, одновременно стремясь к разумному сочетанию с ними локально-цивилизационных, национальных, социальных, местных, групповых и личных интересов человека. К числу основных факторов, содействующих созданию нового мирового порядка взаимопонимания, мы бы отнесли: осознание невозможности победы в ядерной войне; рост гуманизма и культуры в мире; возрастание роли международного права.

Перестройка международных отношений и диалог культур на базе рассмотренных выше принципов предполагают:

1) перенос центра тяжести в представлениях о современном мире с его противоречивостью и расколотостью на различные цивилизации и общественные системы, на его целостность и взаимозависимость; признание мира высшей ценностью бытия, а степень развития человека—мерилом всякого прогресса;
2) отказ от несанкционированного международным правом применения силы и обеспечение безопасности государств исключительно политическими средствами, исходя из принципа равной, всеобщей и неделимой безопасности для всех на основе создания системы всеобъемлющей международной безопасности;
3) безусловное и полное признание свободы социального и политического выбора, сделанного народом той или иной страны;
4) неуклонное углубление сотрудничества стран и регионов мира в решении задач сохранения нашей цивилизации;
5) отказ от идеологизации межгосударственных отношений и готовность к диалогу и компромиссам;
6) признание равнозначности ценностей различных цивилизаций.

Существующий в мире ценностный конфликт западной и восточных цивилизаций не может быть решен только правовыми средствами. Необходим глубокий, всесторонний диалог различных культур в духе открытости и стремления к взаимопониманию и взаимообогащению.

Возрастающее значение в культуре диалога различных субъектов мировой политики приобретают принципы терпимости. В Декларации принципов терпимости (принята на 28-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г.) дается ее базовое определение:

«Терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявление че-

ловеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений.

Терпимость — это единство в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Терпимость — это то, что делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре .мира.

Терпимость — это не уступка, снисхождение или потворство. Терпимость — это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах терпимость не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности. Терпимость должны проявлять отдельные лица, группы и государства».[1]

Терпимость как максима — это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в т.ч. культурного плюрализма), демократии и торжеству права. Терпимость означает отказ от догматизма, абсолютизации истины и утверждает нормы, установленные в международно-правовых актах в области прав человека.

Понятно, что проявление терпимости, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Оно означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим.

На государственном уровне терпимость требует справедливого и беспристрастного законодательства, соблюдения правопорядка судебно-процессуальных и административных норм. Терпимость также требует предоставления каждому человеку возможностей для экономического и социального развития без какой-либо дискриминации. Отчуждение и маргинализация могут стать причиной пассивности, враждебности и фанатизма. Для того чтобы сделать общество более терпимым, государствам целесообразно ратифицировать существующие международные конвенции о правах человека и, если это необходимо, разработать новое законодательство с целью обеспечения в обществе равноправного подхода и равенства возможностей для всех групп и отдельных людей.

В Декларации обращается внимание на международное значение принципа терпимости. В ней говорится, что «в интересах международного согласия существенно важно, чтобы отдельные люди, общины и нации осознавали и уважали многокультурный характер человеческого сообщества. Мир невозможен без терпимости, развитие и демократия невозможны без мира».

В соответствии с принципами Декларации воспитание в духе терпимости следует рассматривать в качестве неотложной важнейшей задачи; в связи с этим необходимо содействовать разработке методики преподавания терпи-

[1] Декларация принципов терпимости принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО // Встреча цивилизаций: конфликт или диалог? / под ред. А. Грачева и В. Ломейко. — ЮНЕСКО, 1996. — С. 202.

мости на систематической и рациональной основе, вскрывая культурные, социальные, экономические, политические и религиозные источники нетерпимости, выступающие в качестве главных причин насилия и отчуждения. Политика и программы в области образования должны способствовать улучшению взаимопонимания, укреплению солидарности и терпимости в отношениях как между отдельными людьми, так и между этническими, социальными, культурными, религиозными и языковыми группами, а также нациями. Воспитание в духе терпимости должно быть направлено на противодействие влиянию, вызывающему чувство страха и отчуждения по отношению к другим. Оно должно способствовать формированию у молодежи навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях.

Понятно, что одно лишь провозглашение (признание) принципов терпимости недостаточно для оздоровления и оптимизации взаимоотношений между странами и народами, цивилизациями и культурами — они должны реализовываться на прочном фундаменте международного права.

Федерико Майор (генеральный директор ЮНЕСКО): «Для всех нас очень важно придать слову "толерантность" новое звучание, осознать, что наша способность ценить каждого без исключения человека является нравственной основой мира, безопасности и диалога между культурами. Мирное будущее зависит от наших ежедневных усилий и действий. Так давайте учиться толерантности в школах и других сообществах, дома и на работе, а самое главное — постигать ее суть умом и сердцем».

Ряд исследователей довольно скептически относятся к возможностям диалога и сотрудничества между цивилизациями. В этой связи часто приводят известную часть фразы Р. Киплинга о том, что Западу и Востоку «не встретиться». Однако при этом опускается вторая часть мысли Р. Киплинга о том, что такая встреча не исключается и может состояться при определенных условиях:

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и эта пара не встретится,
Пока не предстанет Небо с Землей на страшный Господень суд...
Но нет Востока и Запада нет, нет наций, различья границ,
Если двое сильных мужчин, рожденных в разных концах Земли,
Станут друг к другу лицом».

При полном прочтении Р. Киплинга ясно прослеживается его мысль о возможности и необходимости диалога людей различных цивилизаций. Современное развитие, генезис международных отношений, формирование мировой политической культуры создают необходимые предпосылки не только для встречи, но и для плодотворного межцивилизационного сотрудничества.

В свете проблемы диалога культур и цивилизаций интересно привести мысль известного американского писателя-фантаста Клиффорда Д. Саймака, размышлявшего в своей книге «Пересадочная станция» о возможной диалектике культурного взаимодействия в отдаленной перспективе развития человечества: «Какие-то местные и расовые различия останутся — так и должно

быть — но превыше всего будет терпимость, которая поможет созданию своего рода галактического братства».[1]

Пока, к сожалению, мысли американского писателя-фантаста остаются фантастическими. Особенно это очевидно при анализе внешней политики США по отношению к Ираку. В.В. Путин говорил: «Если мы допустим, чтобы на смену международному праву пришло кулачное право, согласно которому сильный всегда прав, имеет право на все, а при выборе средств для достижения своих целей ничем не ограничен... тогда никто, ни одна страна мира не будет чувствовать себя в безопасности».[2]

Накопленный опыт показывает, что надежными основами межцивилизационного диалога выступают международное право, идеи и концепции многополярного мира, расширяющееся взаимовыгодное международное сотрудничество на всех уровнях субъектов мировой политики, развивающийся кросскультурный диалог многочисленных субъектов международных отношений. Россия должна играть самостоятельную роль в мировой экономике и дипломатии, выстраивая новые распределения «силовых и культурных полей» евразийского и в целом глобального устройства мирового сообщества.

Ключевые понятия

диалог культур
многополюсный, многополярный мир
межцивилизационный диалог
поликультурный характер человеческой цивилизации
этические принципы межцивилизационного сотрудничества
толерантность
однополярный мир
кросскультурный подход и анализ
нравственные принципы межкультурного диалога
международная мораль

Вопросы для самостоятельной работы

1. Что вы понимаете под проблемой «диалога цивилизаций»?
2. На каких условиях возможно равноправное сотрудничество народов в глобальном мире?
3. В чем сущность принципов политической толерантности?
4. На каких общих ценностных принципах возможен диалог культур и цивилизаций?
5. Каковы причины международного терроризма, в чем особенности культуры его субъектов?
6. Какова роль культуры в создании условий для противодействия международному терроризму?
7. Что понимается под общецивилизационными ценностями, и как они сопрягаются с ценностями региональных цивилизаций и культур?

[1] **Саймак К.** Пересадочная станция / пер. с англ. — М: Радуга, 1990. — С. 123.

[2] Заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина // Независимая газета. — 2003. — 21 марта.

8. Охарактеризуйте основные культурно-политические проблемы, возникающие в процессе развития глобализации.

9. Что вы понимаете под проблемой идентичности в современных условиях глобализации?

10. В чем сущность противоречий между западной и восточными цивилизациями (культурами)?

11. Какие параметры и ценности российской политической культуры близки к западным и (или) восточным политическим культурам?

12. Каково влияние глобализации на процесс диалога культур и цивилизаций?

13. Какие принципы вы бы предложили для дальнейшего развития человеческого сообщества как «мира равных цивилизаций»?

14. Что вы понимаете под «человеческой цивилизацией»?

15. Как вы относитесь к известному высказыванию Р. Киплинга о возможностях встречи Запада и Востока?

16. Какова роль принципов толерантности в диалоге цивилизаций?

17. Каково соотношение между международным правом и международной моралью?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О. Конт: «Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы избежать».

Подведем итоги о роли культуры в политическом генезисе различных сообществ.

Во-первых, все культуры с гуманистической точки зрения равноценны так же, как равноценны люди, общества, цивилизации. Многообразие культур, богатство культурного кольца человечества является его величайшим достижением.

А.С. Панарин: «Политическая культура сводит воедино три времени: настоящее, отражаемое в установках и нормах поведения людей, адаптирующихся к современной политической реальности; и будущее, совмещающее вероятное, желаемое и должное».

Во-вторых, в политике существует реальная проблема межкультурных противоречий, использования культуры в узкополитических целях, достижения «культурной гегемонии» (А. Грамши), подчинения одних культур другими. В этих условиях особенно важно стремиться к равноправному диалогу культур и развивать его.

М. Вебер: «Судьба культурной эпохи, "вкусившей" плод от древа познания, состоит в необходимости понимания, что смысл мироздания не раскрывается исследованием, каким бы совершенным оно ни было, что мы сами призваны создать этот смысл, что "мировоззрения" никогда не могут быть продуктом развивающегося опытного знания и, следовательно, высшие идеалы во все времена находят свое выражение в борьбе с другими народами».

В-третьих, не следует «расширять» или отождествлять культуру с экономикой, правом или политикой. Это глубоко взаимосвязанные, но все-таки различающиеся сферы человеческого бытия и научного дискурса. Успех в общественном развитии достигается только на пути понимания тонких связей и взаимодействия этих феноменов.

В-четвертых, в условиях глобализации особенно важно уметь анализировать и сопрягать достижения различных культур, опыта их влияния на общественное развитие. В свое время западная цивилизация достигла известных успехов в индустриальном и постиндустриальном развитии, следуя в русле своих ценностей и развивая на их основе весь цивилизационный комплекс. В современных условиях Дальневосточная цивилизация также нашла оптимальный вариант сопряжения постиндустриализма со своей культурой и сохранения самобытности в условиях глобализации. Свою конкурентоспособную, социально ориентированную, культурно-цившшзационную модель развития ищет и Россия.

В-пятых, весьма остро стоит вопрос о правилах контроля над международными финансовыми потоками и культурой их использования. Все чаще представите-

ли многих стран обращают внимание на то, что неконтролируемые финансовые потоки напоминают сумасшедшего джинна, выпущенного из бутылки, порой и самого не знающего, где он создаст или очередное финансовое чудо, или, что гораздо скорее, полномасштабный финансовый крах. Западные экономисты и политологи полагают, что пора не только контролировать «горячие деньги» (включая офшоры), но и брать соответствующий социальный налог на любые, особенно крупные, операции по международным валютным трансакциям.

В-шестых, следует различать общекультурные ценности и принципы корпоративных, отраслевых культур. Первые — долговременные, стратегические; вторые выступают в роли руководящих принципов, в т.ч. прикладного характера.

В-седьмых, как известно, за рядом культурных установок лежат сформировавшие их политические и экономические институты.

Д. Оуэн (министр Великобритании): «Экономика не работает в тех странах, которые не создали жизнеобеспечивающую правовую структуру и не позволяют "подпольной" экономике присоединиться к системе национального хозяйства».

В-восьмых, часто вызовы времени и научные ответы на их решения, преломленные и оплодотворенные соответствующей культурой, дают существенный «толчок» к развитию соответствующей политики.

В-девятых, понятно, что одной из важнейших задач в транзитивных обществах является необходимость повышения общей и прикладной культуры управления обществом. В частности, весьма желательно обратить внимание на развитие политики и культуры «легальной системы собственности», предполагающей прежде всего точный учет всех видов собственности и владений в стране, их обязательной регистрации и введения в рыночный оборот. Без этого колоссального резерва трудно будет добиться экономического процветания.

Э. де Сото: «В любой культуре легальная собственность (официально признанная и зарегистрированная) дает свои преимущества».[1]

В-десятых, также очевидно, что без справедливых налогов на сверхприбыли от природной ренты, принадлежащей всему обществу, а также хотя бы умеренного прогрессивного налогообложения (общепринятого на Западе) будет сложно добиться изменений в социальной справедливости.

А.С. Глазьев: «В нашей стране сложилась уникальная для мировой практики налоговая система: все платят одинаковый налог на доходы — 13%, вне зависимости от того, какой получают доход — 2 миллиона долларов или 2 тысячи рублей».[2]

[1] **Эрнандо де Сото.** Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / пер. с англ. — М.: Олимп-Бизнес, 2001.

[2] **Глазьев** С Ю. Почему мы самые богатые, а живем так бедно? — М.: ТЕРРА, 2003.

В.В. Путин: «Во всех развитых экономиках государство изымает 80% сверхприбыли нефтяных компаний, а в России государству достается лишь 50%».[1]

В-одиннадцатых, в современных условиях глобализации и информационной революции особенно важным является воспитание и повышение значения культуры, гражданственности, гуманизма, противодействие различным формам антикультуры, формирование во всех странах активистских культур противодействия международному терроризму, неправовому насилию, нарушению основных прав и свобод человека и гражданина.

Сегодня общая культура общества, как никогда раньше, зависит от состояния таких ее составляющих, как культура политики, экономики, права, а в конечном счете от культурной зрелости людей, их руководителей и институтов.

[1] Народ проинтервьюировал Путина // Независимая газета. — 2003. — 19 декабря. — С. 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Декларация принципов толерантности

(Декларация принципов терпимости принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО на ее 28-й сессии 16 ноября 1995 г.)

Статья 1. Понятие терпимости

1.1. Терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявление человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Терпимость — это единство в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Терпимость — это то, что делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира.

1.2. Терпимость—это не уступка, снисхождение или потворство. Терпимость—это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах терпимость не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности. Терпимость должны проявлять отдельные лица, группы и государства.

1.3. Терпимость — это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в т.ч. культурного плюрализма), демократии и торжеству права. Терпимость — это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международно-правовых актах в области прав человека.

1.4. Проявление терпимости, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Оно означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Оно означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим.

Статья 2. Государственный уровень

2.1. На государственном уровне терпимость требует справедливого и беспристрастного законодательства, соблюдения правопорядка и судебно-процессуальных и административных норм. Терпимость также требует предоставления каждому человеку возможностей для экономического и социального развития без какой-либо дискриминации. Отчуждение и маргинализация могут стать причиной пассивности, враждебности и фанатизма.

2.2. Для того чтобы сделать общество более терпимым, государствам следует ратифицировать существующие международные конвенции о правах чело-

века и, если это необходимо, разработать новое законодательство с целью обеспечения в обществе равноправного подхода и равенства возможностей для всех групп и отдельных людей.

2.3. В интересах международного согласия существенно важно, чтобы отдельные люди, общины и нации осознавали и уважали многокультурный характер человеческого сообщества. Мир невозможен без терпимости, развитие и демократия невозможны без мира.

2.4. Нетерпимость может принимать форму маргинализации социально наименее защищенных групп, их исключения из общественной и политической жизни, насилия и дискриминации по отношению к ним.

Как гласит Декларация о расе и расовых предрассудках, «все люди и группы людей имеют право отличаться друг от друга» (ст. 1.2).

Статья 3. Социальные аспекты

3.1. Терпимость особенно важна в современном мире. Мы живем в век глобализации экономики и все большей мобильности, быстрого развития коммуникации, интеграции и взаимозависимости, в век крупномасштабных миграций и перемещений населения, урбанизации и преобразования социальных структур. Каждый регион многолик, и поэтому эскалация нетерпимости и конфликтов потенциально угрожает всем частям мира. От такой угрозы нельзя отгородиться национальными границами, ибо она носит глобальный характер.

3.2. Терпимость необходима в отношениях между отдельными людьми, в семье и общине. В школах и университетах, путем неформального образования, дома и на работе необходимо укреплять дух терпимости и формировать отношения открытости, внимания друг к другу и солидарности. Средства коммуникации способны играть конструктивную роль, содействуя свободному и открытому диалогу и обсуждению, распространяя ценности терпимости и разъясняя опасность безразличия по отношению к поднимающим голову группам и идеологиям, проповедующим нетерпимость.

3.3. В Декларации ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках провозглашается, что особые меры должны приниматься в целях обеспечения равенства в достоинстве и правах отдельных лиц и групп людей везде, где это необходимо. В этой связи особое внимание следует уделять социально наименее защищенным группам, находящимся в неблагоприятных социальных или экономических условиях, с тем чтобы предоставить им правовую и социальную защиту в отношении жилья, занятости и охраны здоровья, обеспечить уважение самобытности их культуры и ценностей и содействовать, в особенности посредством образования, их социальному и профессиональному росту и интеграции.

3.4. В интересах решения этой глобальной задачи необходимо проведение соответствующих научных исследований и создание информационных сетей с целью координации деятельности международного сообщества, включая анализ исходных причин этого явления силами социальных наук, принятие эффективных контрмер, а также осуществление научных исследований и мониторинга, способствующих выработке политических решений и нормативной деятельности государств-членов.

Статья 4. Воспитание

4.1. Воспитание является наиболее эффективным средством предупреждения нетерпимости. Воспитание в духе терпимости начинается с обучения людей тому, в чем заключаются их общие права и свободы, дабы обеспечить осуществление этих прав и укрепить стремление к защите прав других.

4.2. Воспитание в духе терпимости следует рассматривать в качестве неотложной важнейшей задачи; в связи с этим необходимо содействовать разработке методики преподавания терпимости на систематической и рациональной основе, вскрывая культурные, социальные, экономические, политические и религиозные источники нетерпимости, выступающие в качестве главных причин насилия и отчуждения. Политика и программы в области образования должны способствовать улучшению взаимопонимания, укреплению солидарности и терпимости в отношениях как между отдельными людьми, так и между этническими, социальными, культурными, религиозными и языковыми группами, а также нациями.

4.3. Воспитание в духе терпимости должно быть направлено на противодействие влиянию, вызывающему чувство страха и отчуждения по отношению к другим. Оно должно способствовать формированию у молодежи навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях.

4.4. Мы заявляем о своей готовности поддерживать и претворять в жизнь программы научных исследований в области социальных наук и воспитания в духе терпимости, прав человека и ненасилия. Это означает необходимость уделения особого внимания вопросам повышения уровня педагогической подготовки, учебных планов, содержания учебников и занятий, совершенствования других учебных материалов, включая новые образовательные технологии, с целью воспитания чутких и ответственных граждан, открытых навстречу другим культурам, способных ценить свободу, уважать человеческое достоинство и индивидуальность, предупреждать конфликты или разрешать их ненасильственными средствами.

Статья 5. Готовность к действию

Мы обязуемся содействовать распространению терпимости и ненасилия, используя для этого программы и учреждения в областях образования, науки, культуры и коммуникации.

Статья 6. Международный день, посвященный терпимости

В целях мобилизации общественности, привлечения внимания к опасности, кроющейся в нетерпимости, и оказания всяческой поддержки распространению терпимости и воспитанию в ее духе мы торжественно провозглашаем 16 ноября ежегодно отмечаемым Международным днем, посвященным терпимости.

Декларация и программа действий ООН в области культуры мира

(Принята 53-й *сессией Генеральной Ассамблеи ООН 13 сентября 1999 г.)*

Декларация о культуре мира

Генеральная Ассамблея,

ссылаясь на Устав Организации Объединенных Наций, в т.ч. на содержащиеся в нем цели и принципы, *ссылаясь также* на Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, который гласит, что «...мысль о войне возникает в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира», *ссылаясь* далее на Всеобщую декларацию прав человека и другие соответствующие международные документы системы Организации Объединенных Наций,

признавая, что мир — это не просто отсутствие конфликтов, а позитивный, динамичный и основанный на широком участии процесс, в котором поощряется диалог и урегулируются конфликты в духе взаимопонимания и сотрудничества,

признавая также, что с окончанием холодной войны расширились возможности для укрепления культуры мира,

выражая глубокую озабоченность в связи с сохранением и распространением насилия и конфликтов в различных частях мира, *признавая* необходимость ликвидации всех форм дискриминации и нетерпимости, в т.ч. основанных на расе, цвете кожи, языке, религии, политических или иных убеждениях, национальном, этническом или социальном происхождении, имущественном статусе, инвалидности, рождении или ином статусе,

ссылаясь на свою резолюцию 52/15 от 20 ноября 1997 года о провозглашении 2000 года Международным годом культуры мира и свою резолюцию 53/25 от 10 ноября 1998 года о провозглашении периода 2000-2010 годов Международным десятилетием культуры мира и ненасилия в интересах детей планеты, *признавая* ту важную роль, которую Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры продолжает играть в деле распространения культуры мира,

торжественно провозглашает настоящую Декларацию о культуре мира, с тем чтобы правительства, международные организации и гражданское общество могли руководствоваться в своей деятельности ее положениями в целях распространения и укрепления культуры мира в новом тысячелетии.

Статья 1: Культура мира является сочетанием ценностных установок, мировоззренческих взглядов, традиций, типов поведения и образов жизни, основанных на:

а) уважении к жизни, прекращении насилия и поощрении ненасилия и практическом отказе от насилия через посредство образования, диалога и сотрудничества;

б) полном уважении принципов суверенитета, территориальной целостности и политической независимости государств и невмешательства в вопросы,

которые по своей сути относятся к внутренней юрисдикции любого государства, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и международным правом;

в) полном уважении и поощрении всех прав человека и основных свобод;

г) приверженности мирному урегулированию конфликтов;

д) усилиях, направленных на удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений в области развития и окружающей среды;

е) уважении и поощрении права на развитие;

ж) уважении и поощрении равных прав и возможностей женщин и мужчин;

з) уважении и поощрении прав каждого на свободу выражения мнений и убеждений и свободу информации;

и) приверженности принципам свободы, справедливости, демократии, терпимости, солидарности, сотрудничества, плюрализма, культурного разнообразия, диалога и взаимопонимания на всех уровнях общества и между народами;

и поощряемых благоприятной национальной и международной средой, способствующей миру.

Статья 2: Прогресс в области более полного становления культуры мира проявляется в ценностных установках, мировоззренческих взглядах, типах поведения и образах жизни, которые способствуют распространению идеалов мира среди отдельных людей, групп и народов.

Статья 3: Более полное становление культуры мира неразрывно связано с:

а) поощрением мирного урегулирования конфликтов, взаимного уважения и понимания и международного сотрудничества;

б) соблюдением международных обязательств по Уставу и международному праву;

в) поощрением демократии, развития и всеобщего уважения и соблюдения всех прав человека и основных свобод;

г) предоставлением людям на всех уровнях возможности развивать навыки диалога, переговоров, формирования консенсуса и мирного урегулирования разногласий;

д) укреплением демократических институтов и обеспечением полного участия в процессе развития;

е) искоренением нищеты и неграмотности и уменьшением неравенства в странах между ними;

ж) поощрением устойчивого экономического и социального развития;

з) ликвидацией всех форм дискриминации в отношении женщин на основе расширения их прав и возможностей и равной представленности на всех уровнях принятия решений;

и) обеспечением уважения и поощрения и защиты прав детей;

к) обеспечением свободного потока информации на всех уровнях и облегчением доступа к ней;

л) повышением прозрачности и подотчетности в сфере управления;

м) ликвидацией всех форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости;

н) продвижением идеалов взаимопонимания, терпимости и солидарности между всеми цивилизациями, народами и культурами, в т.ч. по отношению к этническим религиозным и языковым меньшинствам;
о) полным осуществлением прав всех народов, в т.ч. народов, находящихся под колониальным или иными формами иностранного господства или иностранной оккупации, на самоопределение, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций и закрепленных в международных пактах человека, а также в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, содержащейся в резолюции 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря I960 года.

Статья 4: Образование на всех уровнях является одним из основных средств созидания культуры мира. В этом контексте особое значение имеет образование в области прав человека.

Статья 5: Правительствам отводится важнейшая роль в деле распространения и укрепления культуры мира.

Статья 6: В дело более полного становления культуры мира необходимо в полной мере вовлечь гражданское общество.

Статья 7: Распространению культуры мира способствует просветительская и информационная роль средств массовой информации.

Статья 8: Ключевая роль в распространении культуры мира принадлежит родителям, педагогам, политическим деятелям, журналистам, религиозным органам и группам, представителям интеллигенции, лицам, занимающимся научной, философской, а также творческой и художественной деятельностью, работникам здравоохранения и гуманитарной сферы, социальным работникам, управляющим различного уровня, а также неправительственным организациям.

Статья 9: Определяющую роль в деле распространения и укрепления культуры мира во всем мире должна продолжать играть Организация Объединенных Наций.

Программа действий в области культуры мира

Генеральная Ассамблея, принимая во внимание Декларацию о культуре мира, принятую 13 сентября 1999 года; ссылаясь на свою резолюцию 52/15 от 20 ноября 1997 года, в которой она провозгласила 2000 год Международным годом культуры мира, а также на свою резолюцию 3/25 от 10 ноября 1998 года, в которой она провозгласила период 2001—2010 годов Международным десятилетием культуры мира и ненасилия в интересах детей планеты, принимает следующую Программу действий в области культуры мира:

А. Цели, стратегии и основные участники

1. Программа действий должна служить основой проведения Международного года культуры мира и Международного десятилетия культуры мира и ненасилия в интересах детей планеты.

2. Государствам-членам предлагается принимать меры по содействию становлению культуры мира на национальном уровне, .а также на региональном и международном уровнях.

3. Следует привлекать гражданское общество к участию на местном, региональном и национальном уровнях, **с** тем чтобы расширить круг мероприятий в области культуры мира.

4. Системе Организации Объединенных Наций следует укреплять предпринимаемые ею усилия по содействию становлению культуры мира.

5. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры должна и впредь играть важную роль и вносить существенный вклад в содействие становлению культуры мира.

6. Следует поощрять и укреплять отношения партнерства между различными участниками, указанными в Декларации, в интересах глобального движения в поддержку культуры мира.

7. Становлению культуры мира мог бы способствовать организованный по инициативе самих участников обмен информацией в этой области.

8. Эффективное осуществление Программы действий требует мобилизации ресурсов, включая финансовые ресурсы, заинтересованными правительствами, организациями и частными лицами.

В. Активизация мероприятий, осуществляемых всеми соответствующими участниками на национальном, региональном и международном уровнях

9. Мероприятия по содействию становлению культуры мира посредством образования:

а) активизировать национальные усилия и международное сотрудничество в области пропаганды целей образования для всех в интересах обеспечения развития человеческого потенциала и социально-экономического развития и содействия становлению культуры мира;

б) обеспечивать просвещение детей, начиная с раннего возраста, в вопросах ценностных установок, мировоззренческих взглядов, типов поведения и образов жизни, с тем чтобы они могли разрешать любые споры мирным путем и в духе уважения человеческого достоинства и терпимости и недискриминации;

в) вовлекать детей в мероприятия, прививающие им ценностные установки и идеалы культуры мира;

г) обеспечивать равный доступ женщин, особенно девочек, к образованию;

д) поощрять пересмотр учебных планов, включая учебники. С учетом положений Декларации и Комплексных рамок действий по воспитанию в духе мира, прав человека и демократии, принятых в 1995 году, причем Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры должна по просьбе соответствующих участников оказывать техническую помощь в этой области;

е) поощрять и поддерживать усилия, предпринимаемые участниками, указанными в Декларации, в частности Организацией Объединенных На-

ций, по вопросам образования, науки и культуры, которые направлены на формирование ценностных установок и навыков, способствующих становлению культуры мира, в т.ч. в областях образования и подготовки кадров в вопросах содействия развитию диалога и формированию консенсуса;

ж) укреплять деятельность, ведущуюся соответствующими органами системы Организации Объединенных Наций, которая направлена на подготовку кадров и образование, в соответствующих случаях, в областях предупреждения конфликтов / регулирования кризисов, мирного урегулирования споров, а также постконфликтного миростроительства;

з) активизировать проведение в жизнь инициатив по содействию становлению культуры мира, предпринимаемых высшими учебными заведениями в различных регионах мира, включая Университет Организации Объединенных Наций, Университет мира и Проект сотрудничества между университетами / Программу создания кафедр Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры.

10. Мероприятия по содействию устойчивому экономическому и социальному развитию:

а) проводить на основе соответствующих стратегий и согласованных целевых показателей всеобъемлющие мероприятия для искоренения нищеты посредством национальных и международных усилий, з т.ч. в рамках международного сотрудничества;

б) укрепление национального потенциала в области осуществления политики и программ, нацеленных на уменьшение экономического и социального неравенства в рамках отдельных стран, посредством, в частности, международного сотрудничества;

в) содействие выработке действенных и справедливых решений стоящих перед развивающимися странами проблем внешней задолженности и обслуживания долга, которые были бы ориентированы на процесс развития и носили долгосрочный характер, посредством, в частности, облегчения бремени задолженности;

г) активизация на всех уровнях мероприятий по осуществлению национальных стратегий обеспечения устойчивой продовольственной безопасности, включая разработку мероприятий по мобилизации и обеспечению оптимального распределения и задействования ресурсов из всех источников, включая международное сотрудничество, как, например, ресурсов, поступающих по линии облегчения бремени задолженности;

д) осуществление дополнительных мероприятий для обеспечения представительного характера процесса развития и полного вовлечения всех участников в осуществление проектов в области развития;

е) учет тендерной проблематики и расширение прав и возможностей женщин и девочек должны быть неотъемлемой частью процесса развития;

ж) стратегии развития должны предусматривать специальные меры, ориентированные на удовлетворение потребностей женщин и детей, а также ipynn с особыми потребностями;

з) оказываемая в постконфликтных ситуациях помощь в целях развития должна предусматривать укрепление процессов восстановления, реинтеграции и примирения, в которые были бы вовлечены все участники конфликта;
и) развитие потенциала в рамках стратегий и проектов в области развития для обеспечения экологической устойчивости, включая сохранение и восстановление базы природных ресурсов;
к) устранение препятствий на пути осуществления права народов на самоопределение, в т.ч. народов, находящихся под колониальным или иными формами чужеземного господства или иностранной оккупации, которые отрицательно сказываются на их социально-экономическом развитии.

11. Мероприятия, направленные на поощрение уважения всех прав человека:
а) полное осуществление положений Венской декларации и Программы действий;
б) содействие разработке национальных планов действий в области поощрения и защиты всех прав человека;
в) укрепление национальных институтов и потенциала в области прав человека, в том числе на основе национальных институтов, занимающихся вопросами прав человека;
г) реализация и осуществление права на развитие, закрепленного в Декларации о праве на развитие и Венской декларации и Программе действий;
д) достижение целей Десятилетия образования в области прав человека Организации Объединенных Наций (1995-2004 годы);
е) распростанение и пропаганда Всеобщей декларации прав человека на всех уровнях;
ж) дальнейшее оказание поддержки деятельности Верховного комиссара Организации Объединенных Наций но правам человека по выполнению его / ее мандата, закрепленного в резолюции 48/141 Генеральной Ассамблеи от 29 декабря 1993 года, а также обязанностей, изложенных в последующих резолюциях и решениях.

12. Мероприятия по обеспечению равенства между женщинами и мужчинами:
а) интеграция тендерной проблематики в осуществление всех соответствующих международных документов;
б) дальнейшее осуществлен ие международных документов, предусматривающих содействие достижению равенства между женщинами и мужчинами;
в) осуществление Пекинской платформы действий, принятой на четвертой Всемирной конференции по положению женщин, на основе изыскания адекватных ресурсов и мобилизации политической воли посредством, в частности, разработки и осуществления национальных планов действий;
г) содействовать достижению равенства между женщинами и мужчинами в экономической и социальной областях и в области принятия политических решений;
д) дальнейшая активизация усилий соответствующих органов системы Организации Объединенных Наций по ликвидации всех форм дискриминации и насилия в отношении женщин;
е) оказание содействия и помощи женщинам, ставшим жертвами любых проявлений насилия, в т.ч. насилия в семье, на рабочем месте и в ходе вооруженных конфликтов.

13. Мероприятия по укреплению демократического участия:

а) укрепление всей совокупности мероприятий, нацеленных на пропаганду демократических принципов и методов;

б) уделеиие особого внимания демократическим принципам и методам на всех уровнях формального, неформального и неофициального образования;

в) создание и укрепление национальных институтов и процессов, способствующих развитию демократических процессов и обеспечивающих их устойчивость, посредством, в частности, профессиональной подготовки и развития потенциала государственных служащих;

г) укрепление демократического участия посредством, в частности, оказания по просьбе заинтересованных государств и на основе соответствующих руководящих принципов Организации Объединенных Наций помощи в проведении выборов;

д) борьба с терроризмом, организованной преступностью, коррупцией, а также с производством, оборотом и потреблением запрещенных наркотических средств и отмыванием денег, которые подрывают демократические процессы и препятствуют более полному становлению культуры мира.

14. Мероприятия по содействию взаимопониманию, терпимости и солидарности:

а) осуществление Декларации принципов терпимости и плана последующей деятельности в связи с Годом Организации Объединенных Наций, посвященным терпимости (1995 год);

б) содействовать проведению мероприятий в рамках Года диалога между цивилизациями под эгидой Организации Объединенных Наций в 2001 году;

в) продолжать изучение практикуемых местным и коренным населением методов и традиционных способов урегулирования споров и поощрения терпимости в целях извлечения из них соответствующих уроков;

г) оказание поддержки мероприятиям, направленным на углубление понимания, повышение терпимости и укрепление солидарности в рамках всего общества, в частности в отношении уязвимых групп;

д) оказание дальнейшей поддержки достижению целей международного десятилетия коренных народов мира;

е) поддерживать мероприятия, направленные на повышение терпимости по отношению к беженцам и перемещенным лицам, и укрепление солидарности с ними с учетом задачи их добровольного возвращения и социальной интеграции;

ж) поддерживать мероприятия, направленные на повышение терпимости по отношению к мигрантам и укрепление солидарности с ними;

з) пропаганда углубления понимания, повышения терпимости и расширения сотрудничества между всеми народами, в частности благодаря надлежащему использованию новых технологий и распространению информации;

и) поддерживать мероприятия, направленные на углубление понимания, повышение терпимости, укрепление солидарности и расширение сотрудничества между народами; а также в странах и между ними.

15. Мероприятия по оказанию поддержки коммуникации и свободному распространению информации и знаний на основе широкого участия:

а) поддерживать важную роль средств массовой информации в содействии становлению культуры мира;
б) обеспечивать свободу прессы и свободу информации и коммуникации;
в) эффективное использование средств массовой информации для пропаганды распространения информации о культуре мира с привлечением при необходимости Организации Объединенных Наций и соответствующих региональных, национальных и местных механизмов;
г) содействие развитию средств массовой коммуникации, которые позволяют общинам заявлять о своих потребностях и участвовать в процессе принятия решений;
д) принятие мер по решению проблемы насилия в средствах массовой информации, включая новые коммуникационные технологии, в частности Интернет;
е) активизация усилий по содействию обмену информацией о новых информационных технологиях, включая Интернет.

16. Мероприятия по содействию укреплению международного мира и безопасности:

а) содействовать всеобщему и полному разоружению под строгим и эффективным международным контролем с учетом приоритетов, установленных Организацией Объединенных Наций в области разоружения;
б) при необходимости извлекать уроки, способствующие становлению культуры мира, из деятельности по «военной конверсии» на примере некоторых стран мира;
в) подчеркнуть недопустимость приобретения территории военными средствами и необходимость стремиться к установлению справедливого и прочного мира во всех регионах мира;
г) содействовать осуществлению мер укрепления доверия и усилий по мирному урегулированию путем переговоров;
д) принимать меры по пресечению незаконного производства и оборота стрелкового оружия и легких вооружений;
е) оказывать на национальном, региональном и международном уровнях поддержку инициативам по решению конкретных проблем, возникающих в постконфликтных ситуациях, таких как проблемы демобилизации, реинтеграции бывших комбатантов в общество, а также беженцев и перемещенных лиц, программ сбора оружия, обмена информацией и укрепления доверия;
ж) не поощрять принятие и воздерживаться от принятия любых не соответствующих международному праву и Уставу Организации Объединенных Наций односторонних мер, которые препятствуют полному достижению населением затронутых стран, в частности женщинами и детьми, социально-экономическою развития, подрывают их благосостояние, порождают препятствия на пути к полной реализации их прав человека, включая право каждого человека на уровень жизни, адекватный его здоровью и благосостоянию, и право на продовольствие, медицинское обслуживание и необходимые социальные услуги. Подтвердив в то же время, что продовольствие и лекарства не должны использоваться в качестве рычага политического давления;

з) воздерживаться от военного, политического, экономического и любых иных форм принуждения в нарушение норм международного права и Устава, которые направлены против политической независимости или территориальной целостности любого государства;

и) рекомендует уделять должное внимание вопросу гуманитарного воздействия санкций, в частности на положение женщин и детей в целях сведения к минимуму гуманитарных последствий санкций;

к) поощрение более активного вовлечения женщин в предотвращение и разрешение конфликтов и, в частности, в деятельность по содействию становлению культуры мира в постконфликтных ситуациях;

л) поощрять осуществление в конфликтных ситуациях инициатив, таких как «дни спокойствия» для проведения кампаний иммунизации и распределения лекарств; «коридоры мира» для обеспечения доставки гуманитарных грузов и «мирные прибежища» в знак признания центральной роли учреждений системы здравоохранения и медицинских заведений, таких как больницы и клиники;

м) поощрять (когда это целесообразно) обучение соответствующих сотрудников Организации Объединенных Наций, надлежащих региональных организаций и государств-членов по их просьбе методам выявления причин, предупреждения и урегулирования конфликтов.

Г.А. Алмонд, С. Верба
Гражданская культура и стабильность демократии

Габриэл А. Алмонд и Сидней Верба. «Гражданская культура. Политические отношения и демократия в пяти нациях». Глава 15. (Gabriel A Almond, Sidney Verba The Civic culture. Political attitudes and democracy in five nations. Princeton (N.-Y.), 1963). Эта классическая работа основана на сравнительном исследовании политических культур США, Великобритании, Германии, Италии и Мексики.

Существует ли демократическая политическая культура,[1] т.е. некий тип политических позиций, который благоприятствует демократической стабильности, или, образно говоря, в определенной степени «подходит» демократической политической системе? Чтобы ответить на данный вопрос, нам следует обратиться к политической культуре двух относительно стабильных и преуспевающих демократий — Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Политическая культура этих наций примерно, но соответствует понятию гражданской культуры. Такой тип политических позиций в некоторых отношениях отличается от «рационально-активистской» модели, той модели политической культуры, которая согласно нормам демократической идеологии должна была бы присутствовать в преуспевающей демократии.

Исследования в области политического поведения поставили, однако, под сомнение адекватность рационально-активистской модели. Они продемонстрировали, что граждане демократических стран редко живут в соответствии с этой моделью. Их нельзя назвать ни хорошо информированными, ни глубоко включенными в политику, ни особо активными; а процесс принятия электоральных решений является чем угодно, только не процессом рационального расчета. Не отражает данная модель и ту гражданскую культуру, которая была выявлена нами в Великобритании и США.

Гражданская культура — это смешанная политическая культура. В ее рамках многие граждане могут быть активными в политике, однако многие другие играют более пассивную роль подданных. Еще более важным является тот факт, что даже у тех, кто активно исполняет гражданскую роль, качества подданных и прихожан не полностью вытеснены. Роль участника просто добавляется к таким двум ролям. Это означает, что активный гражданин сохраняет свои

[1] В книге Алмонда и Вербы (гл. 1) выделяются три основных типа политической культуры: приходская, где нет конкретизации политических ролей и где ориентация обыкновенно не конкретизируется; подданническая культура, где отношение к политической системе в целом является пассивным; третий тип — культура участия, в которой члены общества четко ориентированы на систему в целом. Культура участия рассматривается как разновидность демократической политической культуры. Кроме того, выделяется гражданская политическая культура как тип демократической политической культуры, характерный для Великобритании и США. Как отмечается в книге, гражданин есть производное от «участника», «подданного» и «прихожанина», а гражданская культура — производное от перечисленных трех типов культур.

традиционалистские, неполитические связи, равно как и свою более пассивную роль подданного. Конечно, рационально-активистская модель отнюдь не предполагает, что ориентации участника заменяют собой ориентации подданного и прихожанина, однако, поскольку наличие двух последних типов ориентации четко не оговаривается, получается, что они не имеют отношения к демократической политической культуре.

На самом же деле эти два типа ориентации не только сохраняются, но и составляют важную часть гражданской культуры. Во-первых, ориентации прихожанина и подданного меняют интенсивность политической включенности и активности индивида. Политическая деятельность представляет собой лишь часть интересов гражданина, причем, как правило, не очень важную их часть. Сохранение других ориентации ограничивает степень его включенности в политическую деятельность и удерживает политику в надлежащих рамках. Более того, ориентации прихожанина и подданного не просто сосуществуют с ориентациями участника, они пронизывают и видоизменяют их. Так, например, первичные связи важны в становлении типов гражданского влияния. Кроме того, взаимопроникающие структуры общественных и межличностных связей имеют тенденцию воздействовать и на характер политических ориентации — делают их менее острыми и разделяющими. Будучи пронизаны первичными групповыми, а также общесоциальными и межличностными ориентациями, политические ориентации отнюдь не являются лишь производными от четко выраженных принципов и рационального расчета.

Каковы же причины несоответствия между идеалами рационально-активистской модели и типами политических связей, фактически существующими даже в наиболее стабильных и преуспевающих демократиях? Одно из возможных объяснений, которое наиболее часто встречается в литературе по гражданскому воспитанию, заключается в том, что это несоответствие является свидетельством плохого функционирования демократии. В той мере, в какой люди не живут соответственно идеалу активного гражданина, демократия не состоялась.

Если верить, что реалии политической жизни должны формироваться в соответствии с какими-то политическими теориями, таким объяснением можно удовлетвориться. Но если придерживаться точки зрения, что политические теории должны возникать из реалий политической жизни — в чем-то более простая и, возможно, более полезная задача — тогда такое объяснение причин разрыва между рационально-активистской моделью и демократическими реалиями оказывается менее приемлемым. Приверженцы указанной точки зрения могут объяснить имеющийся разрыв тем, что планка поднята слишком высоко. Если принять во внимание сложность политических вопросов, наличие других проблем, отнимающих время индивида, и труднодоступность информации, необходимой для принятия рациональных политических решений, то станет абсолютно очевидным, почему обычный человек не является идеальным гражданином. В свете неполитических интересов индивида может оказаться, что для него совершенно нерационально вкладывать в политическую деятельность то время и те усилия, которые нужны, чтобы жить в соответствии с рационально-активистской моделью. Возможно, это просто того не стоит — быть настолько уж хорошим фажданином.

Но, хотя полностью активистская политическая культура скорее всего является лишь утопическим идеалом, должны быть и другие, более значимые причины того, почему в наиболее процветающих демократиях существует сложно переплетенная, смешанная гражданская культура. Такая культура, которая иногда включает в себя явно несовместимые политические ориентации, кажется наиболее соответствующей потребностям демократических политических систем, поскольку они также представляют собой переплетение противоречий.

Власть и ответственность

Поддержание должного равновесия между правительственной властью и правительственной ответственностью (responsiveness) — одна из наиболее важных и сложных задач демократии. Если нет какой-то формы контроля за правительственными элитами со стороны неэлит, то политическую систему вряд ли можно назвать демократической. С другой стороны, неэлиты не способны сами управлять. Чтобы политическая система была эффективной, чтобы она была в состоянии разрабатывать и проводить какую-то политику, приспосабливаться к новой ситуации, отвечать на внутренние и внешние вопросы, должен быть механизм, с помощью которого правительственные чиновники наделялись бы полномочиями, позволяющими им принимать властные решения. Напряженность, создаваемая необходимостью решения противоречащих друг другу задач, вытекающих из правительственной власти и правительственной ответственности, становится наиболее острой в периоды кризисов.

Как же должна строиться система управления, чтобы поддерживался необходимый баланс между властью и ответственностью? Э.Э. Шаттшнейдер сформулировал этот вопрос следующим образом: «Проблема заключается не в том, как 180 млн Аристотелей могут управляться с демократией, а в том, как организовать сообщество, состоящее из 180 млн обычных людей, т.о., чтобы оно осталось чувствительным к их нуждам. Это проблема *лидерства, организации, альтернатив и систем ответственности и доверия*». Пытаясь решить данную проблему, политологи обычно говорят на языке структуры электорального конфликта. Электоральная система, сконструированная т.о., чтобы наделять властью определенную элиту на ограниченный промежуток времени, может обеспечить баланс между властью и ответственностью: элиты получают власть, однако эта власть ограничена самой периодичностью выборов — заботой о будущих выборах в промежуток между ними и целым набором других формальных и неформальных систем контроля. Ведь, чтобы система такого рода могла работать, необходимо существование не одной, а большего числа партий (или по крайней мере нескольких конкурирующих элитарных групп, потенциально способных получить власть), в противном случае спор между элитами потеряет всякий смысл; в то же время необходим какой-то механизм, позволяющий элитарной группе эффективно осуществлять власть. Это может быть наделение всей полнотой власти победившей на выборах партии в двухпартийной системе или образование группой партий работоспособной коалиции.

Противоречие между правительственной властью и ответственностью имеет свою параллель в противоречивых требованиях, которые предъявляются гражданам в демократических странах. Чтобы элиты могли быть ответственными перед обычным гражданином, от него требуется ряд вещей: он должен уметь выразить свое мнение так, чтобы элиты поняли, чего он хочет; гражданин должен быть вовлечен в полигику т.о., чтобы знать и беспокоиться о том, ответственны ли элиты перед ним или нет; он должен быть достаточно влиятельным, чтобы навязывать элитам ответственное поведение. Иными словами, ответственность элит предполагает, что обычный гражданин действует в соответствии с рационально-активистской моделью. Однако для достижения другой составляющей демократии — власти элит — необходимо, чтобы обычный гражданин имел совершенно иные позиции и вел себя соответственно им. Чтобы элиты были сильными и принимали властные решения, следует ограничивать участие, активность и влияние обычного гражданина. Он должен передать власть элитам и позволить им управлять. Потребность во власти элит предполагает, что обычный гражданин будет относительно пассивен, выключен из политики и почтителен по отношению к правящим элитам. Таким образом, от гражданина в демократии требуются противоречащие одна другой вещи: он должен быть активным, но в то же время пассивным, включенным в процесс, однако не слишком сильно, влиятельным и при этом почтительным к власти.

Нормы, восприятие и деятельность

Из имеющихся у нас данных следует, что есть два основных направления, по которым гражданская культура поддерживает выполнение ее субъектом как активно-влиятельной, так и более пассивной роли: с одной стороны, в обществе происходит *распределение* индивидов, преследующих одну из двух конфликтующих гражданских целей, с другой — определенная *непоследовательность в позициях индивида* позволяет ему одновременно преследовать эти, казалось бы, несовместимые цели. Давайте сначала рассмотрим вопрос о непоследовательности индивида.

Как показывает наше исследование, существует разрыв между *реальным политическим поведением* опрошенных, с одной стороны, и *их восприятием своей способности и обязанности действовать* — с другой. Респонденты из Великобритании и США продемонстрировали высокую вероятность того, что мы назвали субъективной политической компетентностью. Немалая часть опрошенных считает себя способной влиять на решения местных властей, и весомая, хотя и не столь значительная часть, аналогичным образом оценивает свои возможности по отношению к центральному правительству. Тем не менее эта высокая оценка собственной компетентности *как гражданина,* способного оказывать *влияние,* абсолютно не подкреплена активным политическим поведением.

Существует аналогичный разрыв между чувством обязательности участия в политической жизни и реальным участием. Число опрошенных, заявивших, что обычный человек обязан принимать участие в делах своей местной общи-

ны, значительно превышает число тех, кто на деле в них участвует; и опять-таки эта тенденция наиболее четко проявляется в США и Великобритании. Как сформулировал это один из опрошенных: «Я говорю о том, что человек должен делать, а не о том, как поступаю я сам». И есть доказательства, что такая позиция не столь уж редка. Несомненно и то, что осознание обязательности хоть какого-то участия в делах собственной общины распространено шире, чем ощущение важности такой деятельности. Процент опрошенных, заявивших, что у человека есть такая обязанность, во всех странах значительно превышает процент тех, кто, отвечая на вопрос о своих занятиях в свободное время, указал на участие в делах общины. Так, 51% опрошенных американцев сообщили, что, по их мнению, обычный человек должен принимать то или иное активное участие в жизни своей общины. Но, когда был задан вопрос о том, как они проводят свободное время, лишь около 10% респондентов назвали подобную деятельность. Все это заставляет предположить, что, хотя норма, требующая от человека участия в общественных делах, широко распространена, активное участие в них отнюдь не является наиболее важной формой деятельности для большинства людей. Оно не является ни основным их занятием в свободное время, ни главным источником удовлетворения, радости и волнения.

Эти два разрыва — между высокой оценкой своей потенциальной влиятельности и более низким уровнем реального влияния, между степенью распространения словесного признания обязательности участия и реальной значимостью и объемом участия — помогают понять, каким образом демократическая политическая культура способствует поддержанию баланса между властью правительственной элиты и ее ответственностью (или его дополнения — баланса между активностью и влиятельностью неэлитных групп и их пассивностью и невлиятельностью). Сравнительная редкость политического участия, относительная неважность такого участия для индивида и объективная слабость обычного человека позволяют правительственным элитам действовать. Бездеятельность обычного человека и его неспособность влиять на решения помогают обеспечить правительственные элиты властью, необходимой им для принятия решений. Однако все это гарантирует успешное решение лишь одной из двух противоречащих друг другу задач демократии. Власть элиты должна сдерживаться. Противоположная роль гражданина как активного и влиятельного фактора, обеспечивающего ответственность элит, поддерживается благодаря его глубокой приверженности нормам активного гражданства, равно как и его убежденностью, что он может быть влиятельным гражданином.

Гражданин, существующий в рамках гражданской культуры, располагает, т.о., резервом влиятельности. Он не включен в политику постоянно, не следит активно за поведением лиц, принимающих решения в данной сфере. Этот резерв влиятельности — влиятельности потенциальной, инертной и не проявленной в политической системе — лучше всего иллюстрируется данными, касающимися способности граждан в случае необходимости создавать политические структуры. Гражданин не является постоянным участником политического

процесса. Он редко активен в политических группах. Но он считает, что в случае необходимости может мобилизовать свое обычное социальное окружение в политических целях. Его нельзя назвать активным гражданином. Он потенциально активный гражданин.

Прерывистый и потенциальный характер политической активности и включенности граждан зависит, однако, от более устойчивых, более постоянных типов политического поведения. Живя в гражданской культуре, обычный человек в большей, чем в иной ситуации, степени склонен поддержать на высоком и постоянном уровне политические связи, входить в какую-то организацию и участвовать в неформальных политических дискуссиях. Эти виды деятельности сами по себе не указывают на активное участие в общественном процессе принятия решений, однако они делают такое участие более вероятным. Они готовят индивида к вторжению в политическую среду, в которой включение и участие гражданина становятся более осуществимыми.

То, что политика имеет относительно небольшое значение для граждан, составляет важнейшую часть механизма, с помощью которого система противоречивых политических позиций сдерживает политические элиты, не ограничивая их настолько, чтобы лишить эффективности. Ведь баланс противоречивых ориентации было бы гораздо труднее поддерживать, если бы политические вопросы всегда представлялись гражданам важными. Если встает вопрос, который воспринимается ими как важный, или рождается глубокая неудовлетворенность правительством, у индивида возникает побуждение задуматься над этой темой. Соответственно, усиливается давление, толкающее его к преодолению непоследовательности, т.е. к взаимной гармонизации позиций и поведения в соответствии с нормами и восприятиями, т.е. переход к политической активности. Таким образом, несоответствие между позициями и поведенческими актами выступает как скрытый или потенциальный источник политического влияния и активности.

Тезис о том, что гражданская культура поддерживает баланс между властью и ответственностью, указывает на еще один момент, касающийся демократической политики. Он дает возможность понять, почему важнейшие политические вогросьг, если они остаются нерешенными, в конце концов порождают нестабильность в демократической политической системе. Баланс между активнос гью и пассивностью может поддерживаться лишь в том случае, если политические вопросы стоят не слишком остро. Если политическая жизнь становится напряженной и остается таковой из-за нерешенности какого-то находящегося в центре внимания опроса, несоответствие между позициями и поведением начинает терять устойчивость. Но любое относительно долг «временное разрушение этого несоответствия с высокой долей вероятности влечет за собой неблагоприятные последствия. Если привести поведение в соответствие с ориентациями, то объем контроля, который будут пытаться осуществлять неэлитьг над элитами, породит неэффективность управления и нестабильность. С другой стороны, если позиции изменятся т.о., что начнут сочетаться с поведением, возникшее у граждан чувство бессилия и невключенности может разрушительным образом сказаться на демократичности политической системы.

Это, однако, не означает, что все важные вопросы таят в себе угрозу демократической политической системе. Лишь в том случае, когда они становятся и затем остаются острыми, система может превратиться в нестабильную. Если важные вопросы встают лишь спорадически и если правительство оказывается в состоянии ответить на требования, стимулированные возникновением этих вопросов, равновесие между гражданским и правительственным влиянием может сохраняться. В обычной ситуации граждан относительно мало интересует, что делают те, кто принимает правительственные решения, и последние имеют свободу действовать так, как им представляется нужным. Однако, если какой-то вопрос выходит на поверхность, требования граждан по отношению к должностным лицам возрастают. Если указанные лица могут ответить на подобные требования, политика вновь утрачивает свое значение для граждан, и политическая жизнь возвращается в нормальное русло. Более того, эти циклы, состоящие из включения граждан, ответа элит и отхода граждан от политики, имеют тенденцию усиливать сбалансированность противоположностей, необходимую для демократии. В пределах каждого цикла ощущение гражданином собственной влиятельности усиливается; одновременно система приспосабливается к новым требованиям и таким образом демонстрирует свою эффективность. А лояльность, порожденная участием и эффективной деятельностью, может сделать систему более стабильной в целом.

Эти циклы включенности представляют собой важное средство сохранения сбалансированных противоречий между активностью и пассивностью. Как постоянная включенность и активность, обусловленые находящимися в центре внимания спорными вопросами, сделали бы в конечном итоге сложным сохранение баланса, так к такому результату привело бы и полное отсутствие включенности и активности. Баланс может поддерживаться на протяжении длительного времени лишь в том случае, если разрыв между активностью и пассивностью не слишком широк. Если вера в политические возможности человека время от времени не будет подкрепляться, она скорее всего исчезнет. С другой стороны, если эта вера поддерживается лишь сугубо ритуапьным образом, она не будет представлять собой потенциальный источник влияния и служить средством сдерживания тех, кто принимает решения.

До сих пор мы рассматривали вопрос о путях уравновешивания активности и пассивности, присущих отдельным гражданам. Но такое равновесие поддерживается не только имеющимся у индивидов набором позиций, но и распределением позиций между различными типами участников политического процесса, действующих в системе: одни индивиды верят в свою компетентность, другие — нет; некоторые активны, некоторые пассивны. Такой разброс в представлениях и степени активности индивидов также способствует укреплению баланса между властью и ответственностью. Это можно увидеть, если проанализировать описанный выше механизм становления равновесия: какой-то вопрос приобретает остроту; активность возрастает; благодаря ответу правительства, снижающему остроту вопроса, баланс восстанавливается. Одна из причин, почему усиление важности какого-то вопроса и ответный взлет политической активности не приводят к перенапряжению политической системы, заключает-

ся в том, что значимость того или иного вопроса редко когда возрастает для всех граждан одновременно. Скорее, ситуация выглядит следующим образом: отдельные группы демонстрируют взлет политической активности, в то время как остальные граждане остаются инертными. Поэтому объем гражданской активности в каждом конкретном месте и в каждый конкретный момент оказывается не настолько велик, чтобы повлечь за собой перенапряжение системы.

Все сказанное выше основано на данных о позициях обычных граждан. Однако, чтобы механизм, существование которого мы постулировали, мог работать, позиции неэлит должны дополняться позициями элит. Принимающим решения необходимо верить в демократический миф — в то, что обычные граждане должны участвовать в политике, и в то, что они на деле обладают влиянием. Если принимающий решения придерживается такого взгляда на роль обычного гражданина, его собственные решения способствуют поддержанию баланса между правительственной властью и ответственностью. С другой стороны, принимающий решения волен действовать так, как ему представляется наилучшим, поскольку обычный гражданин не барабанит в его дверь с требованиями каких-то действий. Он огражден инертностью обычного человека. Но, если принимающий решения разделяет веру в потенциальную влиятельность обычного человека, его свобода действий ограничена тем, что он предполагает: если не действовать в соответствии с желаниями граждан, в его дверь начнут барабанить. Более того, если официальное лицо разделяет точку зрения, что обычный человек должен участвовать в принятии решений, его заставляет действовать ответственно и вера в то, что подобное влияние граждан законно и оправданно. И, хотя из наших данных это и не следует, есть основания предположить, что политические элиты разделяют политическую структуру неэлит; что в обществе, где существует гражданская культура, они, как и неэлиты, придерживаются связанных с ней позиций. В конечном счете элиты составляют часть той же самой политической системы и во многом прошли через тот же самый процесс политической социализации, что и неэлиты. И анализ показывает, что политические и общественные лидеры, равно как и имеющие высокий статус граждане, более склонны принимать демократические нормы, чем те, чей статус ниже.

Исследование позиций элит наводит на мысль о существовании еще одного механизма, позволяющего укреплять ответственность в условиях, когда активность и включенность обычного гражданина остается низкой. Влияние гражданина не всегда и даже не в большинстве случаев является именно тем стимулом, за которым следует ответ (гражданин или группа граждан выдвигают требование — правительственная элита предпринимает действия, чтобы удовлетворить его). Здесь скорее действует хорошо известный закон «ожидаемых реакций». Значительная часть гражданского влияния на правительственные элиты осуществляется без активных действий и даже без осознанного стремления граждан. Элиты могут предвидеть возможные требования и действия, в соответствии с этим принимать ответные меры. Элиты действуют ответственно не потому, что граждане активно выдвигают свои требования, а для того, чтобы удержать их от активности.

Таким образом, в рамках гражданской культуры индивид необязательно бывает рациональным, активным гражданином. Тип его активности — более смешанный и смягченный. Это позволяет индивиду совмещать определенную долю компетентности, включенности и активности с пассивностью и невключенностью. Более того, его взаимоотношения с правительством не являются чисто рациональными, поскольку они включают в себя приверженность — как его, так и принимающих решения — тому, что мы назвали демократическим мифом о компетентности гражданина. А существование такого мифа влечет за собой важные последствия. Во-первых, это не чистый миф: вера в потенциальную влиятельность обычного человека имеет под собой известные основания и указывает на реальный поведенческий потенциал. И вне зависимости от того, соответствует ли этот миф действительности или нет, в него верят.

Умение управлять эмоциями

Есть несколько причин, по которым именно баланс прагматических и эмоциональных ориентации, а не максимальное проявление либо прагматизма, либо страсти необходим для эффективного функционирования демократии.

Во-первых, политическая приверженность, чтобы на нее можно было положиться, не должна быть полностью лишенной эмоций. Согласно выводу, сделанному С. Липсетом, лояльность по отношению к политической системе, если в ее основе лежат сугубо прагматические соображения относительно эффективности последней, покоится на весьма шаткой основе, поскольку чересчур сильно зависит от того, как эта система функционирует. Чтобы сохранять стабильность на протяжении длительного периода времени, система нуждается в политической приверженности, основанной на более общей привязанности к ней, на том, что мы могли бы охарактеризовать как «системное чувство». Далее, повторяя соображение, высказанное Г. Экштейном, можно отметить, что сугубо прагматическая, неэмоциональная политическая включенность подразумевает проведение оппортунистической политики, которая нередко приводит к цинизму. С другой стороны, если эмоциональное отношение к политике или к конкретной политической группе становится чересчур сильным, это может иметь пагубные последствия для демократии. Во-первых, сильная эмоциональная включенность в политику ставит под угрозу баланс между активностью и пассивностью, поскольку сохранение этого баланса зависит от невысокой значимости политики.

Во-вторых, политическая включенность такого плана ведет к «росту политических ставок», создавая благоприятную почву для мессианских массовых движений, которые подрывают стабильность демократий. Более того, последствия сильной эмоциональной пристрастности могут быть пагубными и тогда, когда такая пристрастность обращена на систему в целом и на официально освященные элиты, и тогда, когда она касается конкретных общественных подгрупп. Понятно, что слишком сильная приверженность определенным политическим партиям и группам может привести к дестабилизирующему уровню фрагмента-

ризации системы. Но даже если такая приверженность направлена на политическую систему и официально освященные элиты, то последствия скорее всего будут неблагоприятными. Чтобы граждане могли хоть в какой-то степени контролировать политические элиты, их преданность по отношению к системе и этим элитам не должна быть полной и безусловной. Кроме того, гражданская культура наряду с ролью гражданина предполагает сохранение более традиционных ролей прихожанина. Сохранение находящейся вне политики сферы деятельности является весьма важным фактором, если стремиться к сбалансированному воздействию гражданской культуры.

Из всего этого следует, что участие в политике не должно быть ни сугубо инструментальным, ни сугубо эмоциональным. Человек, принимающий участие в политике, должен получать от такого участия как прагматическое, так и эмоциональное вознаграждение. И сбалансированное включение в политику опять-таки оказывается характерным для гражданской культуры наиболее процветающих демократий.

Согласие и разногласия

Значение социального доверия и сотрудничества как компонента гражданской культуры невозможно переоценить. В определенном смысле они являются тем основным резервуаром, из которого демократическое устройство черпает свою способность функционировать. Создатели конституций изобрели формальные структуры политической жизни, призванные укреплять вызывающее доверие поведение, однако без существующих отношений доверия подобные институты, похоже, мало чего стоят. Социальное доверие способствует политическому сотрудничеству граждан этих стран, а без данного сотрудничества демократическая политика невозможна. Такое доверие, вероятно, составляет и часть взаимоотношений между гражданами и политическими элитами. Ранее мы говорили, что для демократии необходимо поддержание власти элит. Теперь мы хотим добавить, что чувство доверия по отношению к политической элите, вера в то, что она представляет собой не враждебную и внешнюю силу, а часть того же самого политического сообщества, заставляет граждан стремиться передать ей власть. Наряду с этим наличие общесоциальных установок снижает опасность того, что эмоциональная приверженность к определенной политической подгруппе приведет к политической фрагментации.

Все вышесказанное подводит нас к пониманию того, что в демократической системе должен поддерживаться еще один баланс — между согласием и разногласием. В обществе, говоря словами Т. Парсонса, должна быть «ограниченная поляризация». Бели нет согласия, мало шансов на мирное разрешение политических споров, которое ассоциируется с демократическим процессом. Если, например, стоящая у власти элита сочтет оппозиционную чересчур опасной, она вряд ли допустит мирную конкуренцию с последней за достижение статуса правящей элиты.

Баланс между согласием и разногласием поддерживается в гражданской культуре при помощи механизма, аналогичного тому, который обеспечива-

ет баланс между активностью и пассивностью, а именно — с помощью несоответствия между нормами и поведением. Это лишь один из путей, с помощью которых гражданская культура укрощает разногласия в обществе. В целом такое укрощение сопровождается подчинением конфликтов на политическом уровне неким более высоким, всеобъемлющим ориентациям на сплоченность, будь то нормы, связанные с «демократическими правилами игры», или вера в то, что в обществе существует солидарность, основанная на не связанных с политическим единомыслием критериях, а стоящая над партийными интересами.

Баланс, о котором идет речь, должен поддерживаться не только на уровне граждан, но и на уровне элит. Так, например, сложные формальные и неформальные правила этикета в законодательных органах США и Великобритании поощряют и даже требуют дружеских отношений (или хотя бы дружелюбных слов) между сторонниками находящихся в оппозиции друг к другу партий. И это смягчает их явную ориентацию только на своих сторонников. Конечно, это не означает, что приверженность «своим» перестает быть важной силой, просто она удерживается в допустимых рамках с помощью более общих норм человеческих отношений.

Суммируя, можно сказать, что наиболее поразительной чертой гражданской культуры, как она описана в этой книге, является ее разнородный характер. Во-первых, она является смешением ориентации прихожанина, подданного и гражданина. Ориентация прихожанина на первичные взаимоотношения, пассивная политическая позиция подданного, активность гражданина — все это слилось в гражданской культуре. Результатом же является набор укрощенных или сбалансированных политических ориентации. Есть здесь и политическая активность, но ее не так много, чтобы получить возможность разрушить правительственную власть; наличествуют вовлеченность и преданность, но они смягчены; имеются и разногласия, но они умеряются. Кроме того, политические ориентации, образующие гражданскую культуру, тесно связаны с общесоциальными и межличностными ориентациями. В рамках гражданской культуры нормы межличностных отношений, общего доверия и доверия по отношению к своему социальному окружению пронизывают политические позиции и смягчают их. Смешение позиций, характерное для гражданской культуры, полностью «подходит» для демократической политической системы. Оно по своим параметрам наиболее соответствует такой смешанной политической системе, какой является демократия.

Источники гражданской культуры

Государственные деятели, стремящиеся создать политическую демократию, часто концентрируют свои усилия на учреждении формального набора демократических правительственных институтов и на составлении конституций. Они также могут сосредоточить внимание на формировании политических партий, с тем чтобы стимулировать участие масс. Но для развития стабильного и эффективного демократического строя требуется

нечто большее, чем определенные политические и управленческие структуры. Это развитие зависит от ориентации, имеющихся у людей в отношении политического процесса, т.е. от политической культуры. Если она не способна поддержать демократическую систему, шансы на успех последней весьма слабы.

Наиболее подходящей для демократической политической системы остается гражданская культура. Это не единственная разновидность демократической культуры, но она представляется именно той ее разновидностью, которая в наибольшей степени соответствует стабильной демократической системе. Поэтому целесообразно посмотреть, как гражданская культура передается от поколения к поколению. Первое, что можно отметить в данной связи, это то, что ей не учат в сколько-нибудь прямом смысле слова в школах. Гражданское обучение в США делает упор на тот тип поведения, который ближе к рационально-активистской модели, чем к гражданской культуре. Указанный тип поведения составляет важный компонент гражданской культуры, но не более, чем компонент. В Великобритании, политическая культура которой также весьма приближена к гражданской культуре, мы почти не наблюдаем выраженных попыток привить детям ни систему норм поведения, ассоциирующихся с гражданской культурой, ни ту, которая выражена в рационально-активистской модели. Там практически нет четко сформулированной теории относительно того, что же такое «хороший британский подданный» и как готовить детей к выполнению роли гражданина. Это не означает, что непосредственное обучение в школе не играет никакой роли в выработке гражданской культуры. Речь идет скорее о том, что его роль второстепенна.

Неудивительно, что гражданская культура не передается исключительно путем прямого обучения ей. Составляющие ее ориентации и поведение соединены сложным, запутанным образом — ведь это культура, характеризующаяся определенной долей непоследовательности и уравновешенных противоположностей. Одну из важнейших частей гражданской культуры составляет набор позиций, касающихся доверия по отношению к другим людям, — многослойный, иногда противоречивый набор, который трудно передать при помощи прямого обучения. Как же тогда гражданская культура передается от поколения к поколению?

Ответ на вопрос содержится в процессе политической социализации. Гражданская культура передается в ходе сложного процесса, который включает в себя обучение во многих социальных институтах, — в семье, группе сверстников, школе, на рабочем месте, равно и в политической системе как таковой. Тип опыта, получаемого в этих институтах, различен. Индивиды приобретают политические ориентации путем направленного обучения — например, на специальных уроках основ гражданственности; но они также обучаются, сталкиваясь с политическим опытом, который вовсе не рассчитан на то, чтобы на нем учились, например ребенок слышит, как его родители обсуждают политические вопросы, или наблюдает за деятельностью субъектов политической системы. Воспитание политических ориентации может быть и не политическим по своему характеру, как это бывает, когда

индивид узнает о власти из своего участия во властных структурах семьи или школы или узнает о том, заслуживают ли люди доверия, из своих ранних контактов со взрослыми.

Столь широкий характер политической социализации дает великолепную возможность постичь те тонкости, на которых основана гражданская культура. Некоторые из уроков не выражены явно, противоречия между ориентациями прошли незамеченными. И, поскольку политическое обучение идет одновременно по многим каналам, человек может воспринять различные аспекты политической культуры из разных источников. Такой характер обучения позволяет уменьшить то напряжение, которое могло бы возникнуть, если бы ориентация на активность и ориентация на пассивность (как один из примеров противоположных политических установок, входящих в гражданскую культуру) происходили бы из единого источника. Так, через свое участие в жизни семьи и школы, равно как и через восприятие норм политического участия, ребенок может научиться рассчитывать на возможность реального участия в принятии решений. В то же самое время неизбежное соприкосновение с иерархическим типом власти в семье и школе умеряет наступление на господство над своим политическим окружением. Аналогичным образом то, что вычитано из книг о необходимости политической активности и идеализма в политике, будет сглажено наблюдениями за фактическим политическим поведением и ориентациями взрослых. И этот разнородный набор ориентации, выработанных в детстве, еще будет модифицироваться под влиянием последующего непосредственного опыта соприкосновения с политикой. Ожидания и нормы, касающиеся участия в ней, будут взаимодействовать с теми фактическими возможностями участия, которые предоставляет политическая система, с тем значением, которое человек сам придает тому или иному вопросу, и с теми требованиями, которые накладывает на него выполнение других ролей.

Политическая социализация во многом сводится к прямому воздействию века гражданской культуры и самого демократического государственного устройства. Воспринимая политические ориентации и поведение предыдущих поколений, каждое новое поколение вбирает в себя гражданскую культуру.

То, что было сказано выше о путях передачи гражданской культуры от поколения к поколению, касается главным образом тех наций, у которых такая культура имеется. Но это не относится к новым государствам. Чтобы в них могла быть гражданская культура, она должна быть создана заново. Как это сделать? Указанный вопрос выходит далеко за рамки нашего исследования. Однако и отличительные черты гражданской культуры, и политическая история тех, чья культура получила развитие, позволяют высказать два соображения. Во-первых, появление гражданской культуры в странах Запада явилось результатом постепенного политического развития — относительно бескризисного, спокойного и естественного. Во-вторых, она создавалась в ходе слияния: новые типы позиций не вытесняли старые, но сливались с ними.

Причины, по которым подобная модель исторического развития способствовала появлению гражданской культуры, очевидны. Ведь 1ражданская культура — это политическая культура умеренности. Она предполагает знакомство с вопросами политики, однако подобные вопросы не являются предметом наибольшего внимания со стороны обычного человека; она подразумевает включенность в политику, однако уровень этой включенности не очень высок. Можно утверждать, что подобные политические позиции могут появиться лишь в условиях относительно спокойного политического развития там, где политические ставки достаточно высоки, чтобы все больше и больше людей втягивалось в политический процесс, но не настолько высоки, чтобы заставлять их включаться в политику как в битву в защиту собственных интересов против опасных противников.

Менее очевидными являются причины развития путем слияния, хотя они коренятся в природе гражданской культуры. Ведь она является смешанной культурой, соединяющей ориентации прихожанина, подданного и участника. Соответственно, культура должна была развиваться так, чтобы новая ориентация — ориентация на политическое участие — соединялась с двумя более старыми типами, но не вытесняла их. Как мы видели, есть два аспекта такого слияния. С одной стороны, ориентации, связанные с рассеянным типом традиционной власти, не заменяются полностью более новым, более дифференцированным типом политических ориентации. С другой — более активная роль участника не подменяет собой более пассивные роли прихожанина и подданного. Результатом является тот тип гражданской культуры, который можно наблюдать в США и Великобритании, где политическая система пропитана расплывчатыми и всеобъемлющими социальными ценностями. Чтобы такое пропитывание продолжалось, развитие современной политики с характерными для нее функциональными, специализированными политическими единицами и структурированным типом политической конкуренции не должно принимать такие формы, которые могли бы ослабить первоначальную общность. Эти более древние ориентации должны быть перенесены в современную систему.

Сходным образом, чтобы могла возникнуть гражданская культура, развитие политической демократии, сопровождающееся расширением возможностей участия обычного человека в политическом процессе принятия решений, не должно полностью разрушать подданнические ориентации. Новый путь принятия политических решений — через участие граждан — не столько подменяет старый способ осуществления процесса управления, сколько дополняет его. Таким образом может быть создана та смесь активности и пассивности, которая характеризует гражданскую культуру.

Будущее гражданской культуры

Такой постепенный рост гражданской культуры путем слияния обычно происходит в условиях, когда решение проблем, стоящих перед политической системой, растянуто во времени. Разнообразные новые группы стремятся добиться полного участия, но не все группы сразу. Важнейшие социальные вопросы

требуют своего решения, но в различное время. Такая постепенность политических измерений характеризует британскую и (в меньшей степени) американскую политическую историю. Проблема, с которой сталкиваются новые страны, заключается в том, что для них такая постепенность невозможна. Настойчивые требования участия в политике раздаются со стороны многих из тех, кто еще недавно довольствовался ролью прихожанина. Все огромные проблемы, обусловленные социальными изменениями, должны решаться одновременно. И, что, наверное, самое сложное, создание национальных границ и формирование национальной идентичности должны протекать в одно и то же время. Медленное политическое развитие благоприятствует гражданской культуре, но именно времени, так необходимого для постепенного развития, как раз и нет у новых стран.

Эти страны стремятся завершить за короткий промежуток времени то, что на Западе создавалось в течение столетий. Возможно ли найти какую-то замену основанному на слиянии, постепенному процессу социальных изменений? Прямого ответа на данный вопрос не существует, и мы можем лишь пофантазировать на такую тему. Если из нашего исследования что-то и следует, так это то, что нет простой формулы развития политической культуры, подходящей для демократии. Тем не менее нами было сделано несколько выводов, которые имеют отношение к рассматриваемой сейчас проблеме.

Наиболее очевидным заменителем времени могло бы быть обучение. Приведенные нами данные показывают, что оно является важным фактором, определяющим политические позиции, причем тем фактором, которым легче всего оперировать. Огромное преимущество обучения заключается в том, что те навыки, для выработки которых изначально могли требоваться годы, начинают распространяться гораздо легче, раз уже есть люди, ими владеющие. Как свидетельствуют наши данные, путем обучения могут быть развиты многие важные компоненты гражданской культуры. Оно может дать индивидам навыки политического участия. Людей можно научить тому, как получать информацию; их можно познакомить со средствами массовой информации; им можно дать знания о формальных политических структурах, равно как и о значении правительственных и политических институтов. Посредством обучения можно передавать и сформулированные нормы демократического участия и ответственности.

Однако наши данные показывают и то, что с помощью обучения можно создать лишь отдельные компоненты гражданской культуры. Школа может дать познавательные навыки, связанные в политике, но в состоянии ли она привить лежащие в их основе социальные ориентации, являющиеся важным компонентом гражданской культуры? Можно ли путем обучения воспитать социальное доверие и уважение? Может ли обучение способствовать пропитыванию политического процесса этими социальными ориентациями? В состоянии ли система обучения распространить удивительную смесь активности и пассивности, включенности и индифферентности, смесь ориентации прихожанина, подданного и участника? Проведенный нами анализ связи между процессами политической социализации и создания гражданской культу-

ры заставляет предположить, что формальное обучение не может быть адекватным заменителем времени в плане создания этих компонентов гражданской культуры.

Одним из путей дополнения процесса формального обучения может стать развитие других каналов политической социализации. Как мы указывали выше, само существование многочисленных каналов способствует внедрению смешанного типа позиций, характерного для гражданской культуры. Оно увеличивает разнообразие передаваемых политических ориентации и, что еще более важно, прохождение через множество органов социализации может научить индивида выполнять одновременно несколько различных ролей. А это позволяет систематизировать и уравновешивать его политические ориентации. Способность же выполнять значительное число ролей представляет собой главный компонент гражданской культуры. Важнейшими органами социализации являются семья, рабочее место, добровольные ассоциации. По мере изменения и развития подобных институтов в новых странах имеющиеся там каналы социализации в направлении гражданской культуры, возможно, будут расширяться. В той же мере, в какой семья станет более активной и открытой по отношению к политическому процессу (а наши данные заставляют предположить, что именно в этом заключается одна из функций модернизации), могут возникнуть новые возможности закрепления гражданских ориентации. Аналогичным образом каналы социализации могут расширить сопутствующие индустриализации профессиональные изменения, равно как и развитие структуры добровольных ассоциаций.

Однако даже появление названных выше новых каналов социализации может оказаться недостаточным для развития гражданской культуры. Такие каналы могут воспитывать позиции, направленные на участие, однако их способность вырабатывать социальное доверие и эмоциональную привязанность к системе более проблематична. Если, например, эти каналы существуют в расколотой на составные части политической системе, то воспитанное с их помощью отношение к ней может оказаться отчуждением, а межличностное доверие нельзя будет перевести на язык доверия, имеющего отношение к политике. Значит, требуется процесс, с помощью которого у индивидов могло бы выработаться чувство общей политической идентичности, которая бы включала общую эмоциональную приверженность системе, равно как и чувство идентичности с другими гражданами. Участия и познавательных навыков недостаточно для создания политического сообщества, где граждане доверяют и могут сотрудничать друг с другом и где их приверженность политической системе глубока и эмоциональна.

Таким образом, проблема заключается в том, чтобы наряду с навыками участия, которые могут быть воспитаны с помощью школы и других органов социализации, развивать эмоциональную приверженность политической системе и чувство политической общности. Как этого добиться, можно показать, если обратиться к моделям политической культуры, существующим в Германии и Мексике (в 60-х гг. XX в.). В Германии уровень политической осведомленности весьма высок. То, что там отсутству-

ет, так это системное чувство и способность граждан сотрудничать друг с другом. В Мексике образовательный и когнитивный компоненты представлены слабее, но зато там присутствуют и системное чувство, и высокоразвитое чувство идентичности граждан как мексиканцев. И это чувство идентичности сочетается с ощущением способности к политическому сотрудничеству или по меньшей мере со стремлением к такому сотрудничеству. В Мексике нет той развитой системы образования, которая создает высокий уровень политической осведомленности в Германии, но в ней есть то, чего нет в Германии и что обеспечивает высокий уровень системного чувства. В истории Мексики есть символическое, объединяющее всех событие — Мексиканская революция. Она явилась решающим моментом в развитии мексиканской политической культуры, поскольку породила чувство национальной идентичности и приверженность политической системе, пропитавшие практически все слои общества.

Чтобы новые государства могли создать гражданскую культуру, им потребуются как объединяющие их граждан символы и системное чувство, которые были даны Мексике ее революцией, так и существующие в Германии когнитивные навыки. Таким странам необходимо символическое событие, или ставший символом харизматический лидер, или какое-то другое средство создания приверженности и единства на символическом уровне. Важное значение, однако, имеет и расширение образовательных возможностей, приобретение опыта индустриальной жизни, соприкосновение со средствами массовой информации, политическими партиями и добровольными ассоциациями. Отправление правительством своих обязанностей также имеет решающее значение для роста гражданской культуры. Как показывает опыт Германии и Мексики, развитие устойчивой политической приверженности может зависеть от способности политической системы, особенно на стадии ее становления, добиваться результатов, которые соответствуют ожиданиям членов системы. Только таким образом может возникнуть и поддерживаться устойчивое и сбалансированное чувство приверженности системе.

Трудности, сопровождающие попытки создать в развивающихся регионах мира эффективный демократический процесс и ориентации, необходимые для его поддержания, могут показаться непреодолимыми. Что, как нам кажется, требуется — это одновременное развитие чувства национальной идентичности, компетентности как в качестве подданного, так и в качестве участника, а также социального доверия в гражданском сотрудничестве. Запас средств, находящихся в распоряжении элит новых стран, весьма незначителен, а способность таких обществ быстро и эффективно использовать эти средства имеет свои пределы. Кроме того, есть и другие задачи, решение которых требует тех же средств. Мы по существу не имеем права судить лидеров, использующих имеющиеся ресурсы для развития социальной сферы, индустриализации и усовершенствования сельского хозяйства, подавляющих подрывные движения или не пестующих демократические тенденции.

Проведенное нами исследование позволяет, однако, утверждать, что *любой* подход к модернизации содержит в себе семена гражданской культуры.

Какому бы аспекту процесса модернизации ни был бы отдан приоритет, в любом случае резко возрастут требования к образованию, а повышение образовательного уровня приведет к созданию некоторых компонентов гражданской культуры. Таким образом, предполагаемое изменение политики в области образования даст дополнительные социальные дивиденды. Высока также вероятность того, что при любом подходе к модернизации возрастет удельный вес той части общества, которая связана с городской промышленностью. А мы знаем, что городская промышленная семья и соответствующий тип деятельности несут в себе гражданские потенции. Резюмируя, можно сказать, что эти процессы — образование и индустриализация, составляющие сердцевину модернизации, — создают возможность демократии. И проблема тогда встает следующим образом: какие дополнительные вложения энергии, средств и воображения требуются для укрепления этих тенденций и возможностей и какова их относительная цена?

СПИСОК
РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Т.А. Современные политические теории. — М.: РОССПЭН, 2002.

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис—1992.—№4.

Артемов Г.П. Политическая социология. — М.: Логос, 2002.

Африка: особенности политической культуры / под ред. П.Д. Косухина. — М.: Институт Африки Российской академии наук, 1999.

Ашин Г.К., Лозанский Э.Д., Кравченко С.А. Социология политики. — М.: Экзамен, 2001.

Башкирова Е.И. Трансформация ценностей российского общества // Полис. — 2000. — № 6.

Бек У. Что такое глобализация? Ошибка глобализма — ответы на глобализацию / пер. с нем. — М.: Прогресс-традиция, 2001.

Бердяев Н.А. Судьба России. — М., 1990.

Большой толковый социологический словарь (Collins): в 2 т. / пер. с англ.; под ред. Д. Джери, Дж. Джери. — М.: Вече-АСТ, 2001.

Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / пер. с англ. — М.: АСТ, 2003.

Валлерстайн Э. Конец знакомого мира. Социология XXI века / пер. с англ. — М: Логос, 2003.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М., 1990.

Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. — СПб., 2001.

Владимир Путин. Разговор с Россией. — М., 2003.

Волков Ю.Г. и др. Социология. — М.: Гардарики, 2000.

Гидденс Э. Социология. Учебник 90-х годов / пер. с англ. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Глазьев С.Ю. Почему мы самые богатые, а живем так бедно? — М.: Терра, 2003.

Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: Социологический анализ. — М., 2000.

Грачев М.Н. Политика, политическая система, политическая коммуникация. — М.: НОУ МЭЛИ, 1999.

Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. — М., 1993.

Даль Р. О демократии / пер. с англ. — М.: Аспект-Пресс, 2000.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. — СПб., 1995.

Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология: в 3 т. Т. 1. Методология и история; Социальная структура и стратификация; Социальные институты и процессы. — М.: ИНФРА-М,2001.

Дугин А.Г. Евразийский путь как Национальная идея. — М.: Арктогея-Центр, 2002.

Декларация принципов терпимости ЮНЕСКО // Встреча цивилизаций: конфликт или диалог? / под ред. А. Грачева и В. Ломейко. — ЮНЕСКО, 1996.

Ерасов Б.С. Социальная культурология. — М.: Аспект-Пресс,] 996.

Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма.—М.: Центрполиграф, 1995.

Иванов И.С. Внешняя политика России в эпоху глобализации: статьи и выступления. — М.: ОЛМА-Пресс, 2002.

Иванов В.Н., Сергеев В.К. Москва: культура — это мы. — М.: РИЦ ИСПИ **РАН,** 2003.

Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. — М.: Стратегия, 2001.

Инглхарт Р. Постмодернизм: меняющиеся ценности и изменяющееся общество // Полис. — 1997. — № 4.

Интернет и российское общество / под ред. И.А. Семенова. — М., 2002.

Ионин Л.**Г.** Социология культуры. — М., 1996; 2000.

Ирхин Ю.В. Лики российской политической культуры // Поиск. Вып. 2. Актуальные проблемы духовности, культуры, искусства. — М.: Институт социально-политических исследований РАН, Единый научно-методический центр Комитета по культуре Москвы, 2002.

Ирхин Ю.В. Культура политическая, культура электоральная, сознание политическое, социализация политическая, участие политическое и др. // Социологическая энциклопедия: в 2 т. / под ред. В.Н. Иванова, Ж.Т. Тощенко. — М.: Мысль, 2003.

Ирхин Ю.В. Политическая мудрость Древнею Востока: взгляд из XXI века на политические идеи Древнего Египта, Вавилона, Индии и Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». — 2000. — № 2.

Ирхин Ю.В. Постмодерн // Глобалистика: энциклопедия / под ред. И.И. Мазура и А.Н. Чумакова. — М.: ЦННП «Диалог», изд-во «Радуга», 2003.

Ирхин Ю.В. Социология Интернета как кросскультурный фактор // Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. Научная конференция. «Ломоносовские чтения» в МГУ / отв. ред. В.И. Добреньков. — М.: МГУ, МАКС-Пресс, 2003.

Ирхин Ю.В. Всемирные социологические конгрессы и международное сотрудничество социологов *II* Социально-гуманитарные знания. — 2005.—№ 2.

К итогам XV Всемирного социологического конгресса // Мартинелли А. Рынки, правительства, сообщества и глобальное управление. Доклад XV Конгресса // **Социс —2002.** —№ 12.; 2003.—№ 1.

К итогам XV Всемирного социологического конгресса // Покровский Н.Е. Дискуссионные проблемы социологического конгресса; Култыгин В.П. Облик социального мира в современной социологической мысли; Кравченко С.А. От Монреаля до Брисбена: новации, приобретения, упущения // Социс. — 2003. — *Кч 2.*

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура/пер. с англ. — М., 2000.

Киселев С.Г. Основной инстинкт цивилизаций. — М.: Известия, 2002.

Кодекс социолога // II Всероссийский социологический конгресс. Москва, МГУ, 30 сентября — 2 октября 2003. — М.: Альфа-М, 2003.

Конституция Российской Федерации. — М., 1993.

Култыгин В.П. Классическая социология. — М., 2001.

Курбатов В.И. Современная западная социология. — Ростов-на-Дону, 2001.

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование / пер. с англ. — М.: Аспект-Пресс, 1997.

Мегатренды мирового развития / под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. — М.: Экономика, 2001.

Миронов В.В. Глобальное коммуникационное пространство, культура и информационная безопасность: размышление // Человек и современный мир / авт. колл.: В.И. Добреньков, А.Ф. Зотов, В.В. Миронов и др. — М.: ИНФРА-М, 2002.

Морозова Е.В. Региональная политическая культура. — Краснодар: Изд-во КГУ, 1998.

Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. — М.: УРСС, 2002.

Ольшанский Д.**В.** Основы политической психологии. — М.: Дело, 2001.

Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке. — М.: Альфа-М, 2003.

От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным / под ред. Н. Геворкян, А. Колесникова, Н. Тимакова. — М.: Вагриус, 2000.

Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. — М.: Университет, 1999.

Панарин И.Н., Панарина Л.Г. Информационная война и мир. — М.: ОЛМА-Пресс, 2003.

Парето В. О применении социологических теорий // Социс. — 1995. — № 10; — 1996. — № 10; № 1,2,7, 10.

Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. — М.: Аспект-Пресс, 1997.

Печенев В.А. Владимир Путин — последний шанс для России? — М.: ИНФРА-М, 2002.

Пирогов Г.Г. Глобализация, мировой кризис и Россия // Мировая политика, международная безопасность и транснациональные процессы в XXI веке: уроки, вызовы и выбор России. Научные доклады Третьего всероссийского конгресса политологов / под ред. Г.Ю. Семигина. — М.: Институт сравнительной политологии РАН, 2003.

Политическая социология / под ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: ЮНИТИ, 2002.

Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ // Независимая газета. — 2003. — 17 мая.

Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. — М.: Мысль, 2002.

Принципы и направления политических исследований / под ред. М.В. Ильина. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2002.

Ритцер Дж. Современные социологические теории / пер. с англ. — 5-е изд. — СПб.: Питер, 2002.

Рогачев СВ. Политико-экономическая доминанта российской государственности: вызовы XXI века. — М.: Институт комплексных социальных исследований, 2003.

Россия: политические вызовы XXI века. Второй всероссийский конгресс политологов / под ред. М.В. Ильина, СВ. Рогачева. — М.: РОССПЭН, 2002.

Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. — М.: Институт социологии РАН, Канон-пресс, 2001.

Россия федеративная: проблемы и перспективы / под ред. В.П. Иванова. — М.:ИСПИ РАН, 2002.

Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. — М., 1998.

Смелзер Н. Социология / пер. с англ. — М.: Феникс, 1994.

Соловьев А.И. Коммуникация и культура: проблемное поле политики // Полис. — 2002. — № 6.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политическая литература, 1992.

Сото де **Э.** Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / пер. с англ. — М.: Олимп-Бизнес, 2001.

Социологическая энциклопедия: в 2 т. / под ред. В.Н. Иванова, Ж.Т. Тощенко. — М.: Мысль, 2003.

Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / под ред. Г.В. Осипова. — М.: Норма, 2000.

СтиглицДж. Глобализация: тревожные тенденции /пер. с англ. — М.: Мысль, 2003.

Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: в 3 т. / под ред. В.А. Садовничева, В.И. Добренькова, Г.В. Осипова. — М.: Альфа-М, 2003.

Тойнби А.Дж. Постижение истории / пер. с англ. — М.: Прогресс, 1991.

Токвиль А. О демократии в Америке/пер. с англ. — М., 1992.

Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / пер. с англ. — М.: АСТ, 2001.

Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. — М.: АСТ, 1999.

Тураев В.А. Глобальные вызовы человечеству. — М.: Логос, 2002.

Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / пер. с англ. — М.: Альпина паблишер, 2003.

McQuail D. Mass Communication and Public Interest: Towards Social Theory for Media Structure and Perfomance // Crowley D., Mitchell D. Communication Theory Today. — Polity Press, Oxford, 1994.

Nash K. Contemporary Political Sociology. — Oxford, 1999.

Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs. — N.J: Prentice-Hall, 1996.

Sasken S. Towards a Sociology of Information Technology // Current Sociology. Journal of the International Sociological Association. Special issue. XV World Congress of Sociology. — 2002. — Vol. 50. — № 3.

Selnow G. Electronic Whistle-Stops: The Impact of the Internet on American Politics. — L., 1998.

Stiglitz J.E. Globalization and Its Discontents. — N.-Y.; L., 2002.

Форум 2003. Социум и власть / под ред. Г.Ю. Семигина. — М.: Институт сравнительной политологии РАН, 2003.

Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. — М, 1992.

Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность / пер. с англ. — М., 1992.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. — М.: АСТ, 2003.

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / пер. с англ. — М.:РОССПЭН,2003.

Хейзинга Й. Homo ludens: В тени завтрашнего дня. — М., 1992.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. — М.: Гардарики, 2003.

Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. — М.:РОССПЭН,2000.

Шлезингер А.М. Циклы американской истории / пер. с англ. — М.: Прогресс, 1992.

Шмиттер Ф. Неокорпоратизм//Полис. — 1997. — № 2.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1,2 /пер. с нем.—М., 1998.

Штомпка П. Социология социальных изменений.—М., 1996.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. — М.: Аспект-Пресс, 1999.

Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. — М.: Институт социологии РАН, 2001.

ЯсперсК. Смысл и назначение истории. — М.: Республика, 1991.

Almond G., Verba S. The Civic Culture. — Princeton. — 1963.

Brzezinski Zb. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. - Basic Books. A Division of Harper Collins Publishers, 1997.

Calise M. Hyperpolitics: Hypertext, Concepts and Theory-making // International Political Science Review. — 2000. — Vol. 21. — № 3.

Giddens A Sociology. — Cambridge, Polity Press, 2002.

Held D., McGrew ***A,*** **Goldblatt D., Perraton J.** Global Transformations. — Stanford, Cal., 1999.

Heunks F., Hikspoors F. Politicul Culture 1960-1990 // Values in Western Societies. R. de Moor (ed.). — Tilburg: Tilburg University Press, 1995.

Hill K. and **Hughes J.** Cyberpolitics. Citizen Activism in the Age of the Internet. — Rowman and Littlefield Publishers Inc. — Boston, 1998.

Huntington S.P. The Clash of Civilizations. Remaking of World Order. — N.-Y.: Touchstone book. Published by Simon and Schuster, 1996.

Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. — Princeton, 1990.

Lyon D. Postmodernity. — U.K.: Open University Press, 1999.

Martinelli A. Presidential address to the XV Congress of the International Sociological Association. Markets, Government, Communities and Global Governance. —Australia, Brisbane, 2002.

Учебник

Ирхин Юрий Васильевич

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Издательство ***«ЭКЗАМЕН»***
ИД №05518 от 01.08.01

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.Д.005320.08.04 от 12.08.2004 г.

Главный редакторДС. *Яновский*
Редактор *Е.Е. Узлова*
Корректоры *ЕЮ. Шушакова, Л.А. Гайдукова*
Дизайн обложки *ИР. Захаркина*
Компьютерная верстка *Ю.В. Гербуз, А.В. Галицкий*

105066, Москва, ул. Александра Лукьянова, д. 4, стр. 1.
www.examen.biz
E-mail: по общим вопросам: info@examen.biz;
по вопросам реализации: sale@examen.biz
тел./факс 263-96-60

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953005 — литература учебная

Издание осуществлено при техническом содействии
ООО «Издательство АСТ»

По вопросам реализации обращаться по тел.: 263-96-60